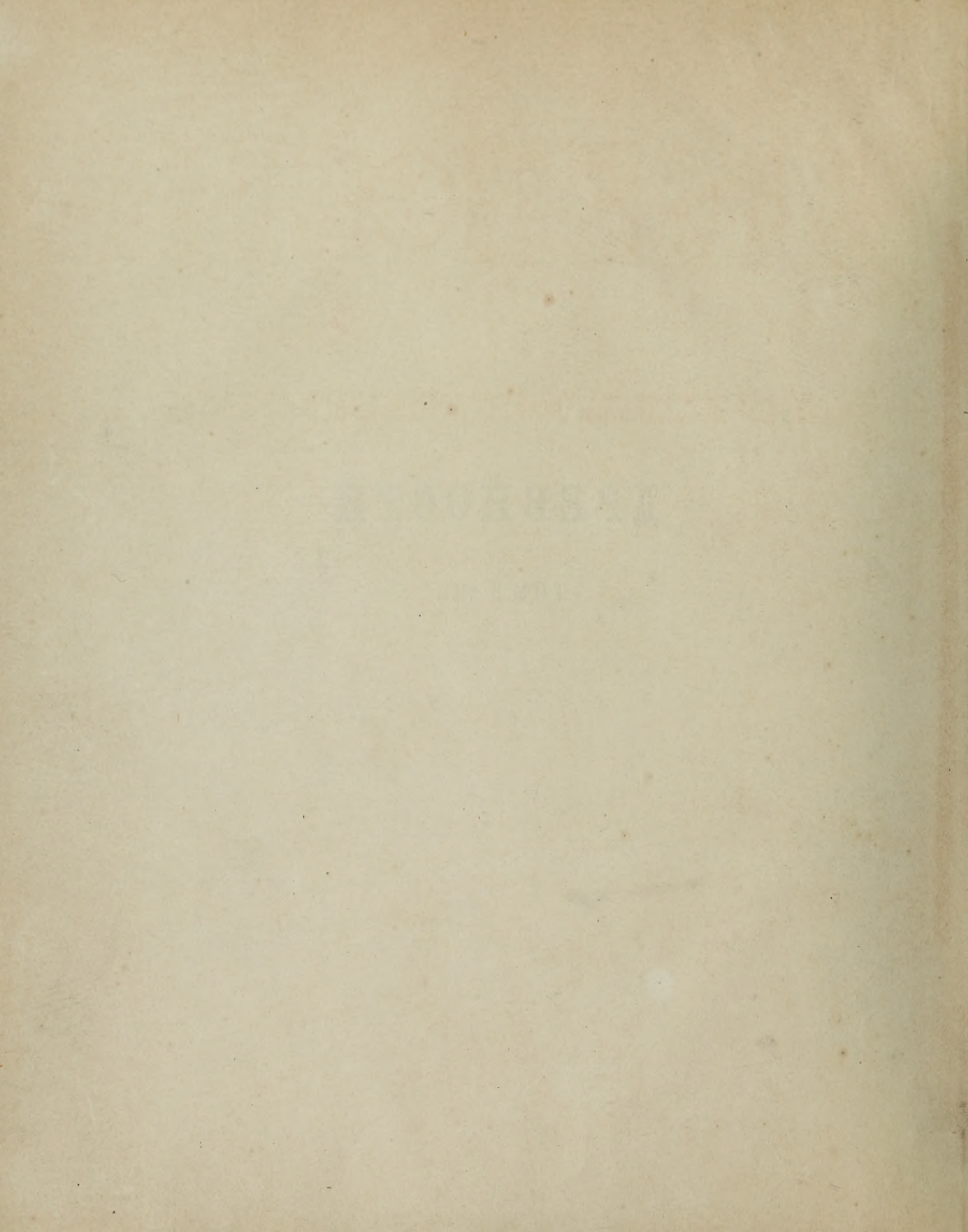
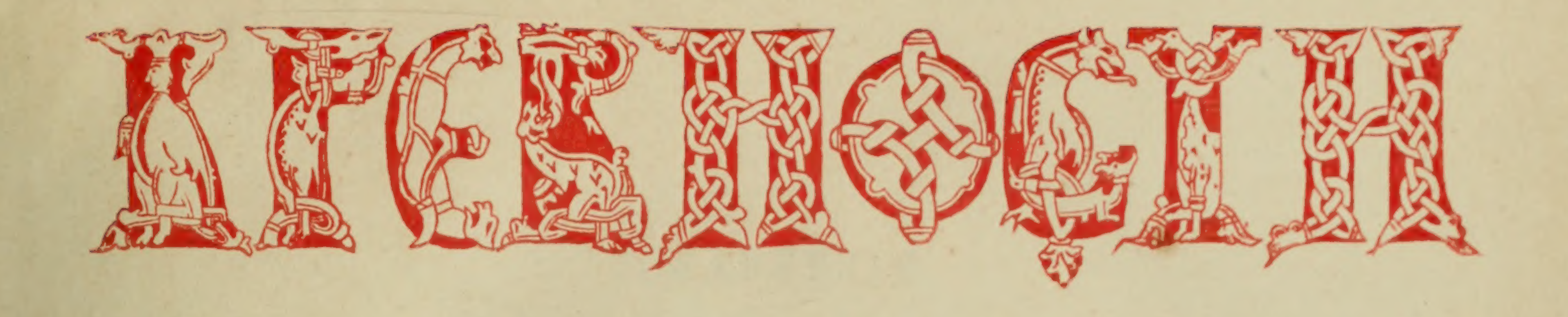
ДРЕВНОСТИ

ТОМЪ VII.





ТРУДЫ МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

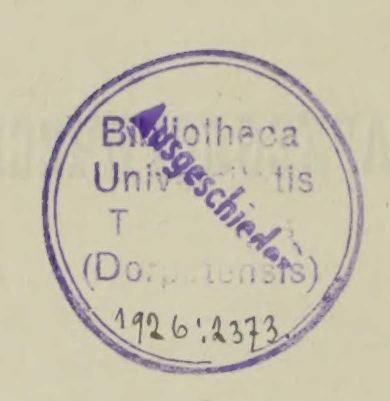
ТОМЪ VII,

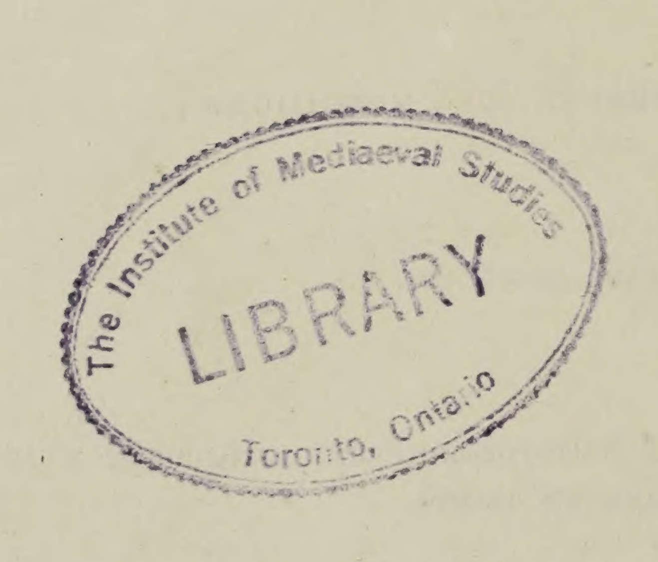
подъ редакціею В. Е. Румянцова,

СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА.

Съ 2-мя хромолитографическими, 14-ю литографическими таблицами и 14-ю политипажами въ текстѣ.

МОСКВА.
Въ Сѵнодальной Типографіи, на Никольской улицѣ.
1878.


Bibliotheca
Univ tis
T
(Dorpatensis)
ausgeschieden
1926:2373


The Institute of Mediaeval Studies
LIBRARY
Toronto, Ontario

ОГЛАВЛЕНІЕ

VII ТОМА.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

О ЛЮТОМЪ ЗВѢРѢ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ.

Д. Чл. В. Ѳ. Миллера.

Русская старина обронила въ лѣтописяхъ, народныхъ стихахъ и преданіяхъ нѣкоторыя свѣдѣнія о животныхъ, занимавшихъ немаловажное мѣсто въ представленіяхъ древне-русскаго человѣка о природѣ. Иногда упоминаютъ эти памятники о животныхъ, дѣйствительно водившихся на Руси въ давнія времена, но теперь уже исчезнувшихъ—и въ этомъ случаѣ зоологъ находитъ обильный матеріалъ для исторіи животныхъ, для древне-русской фауны. Иногда животныя, встрѣчающіяся въ азбуковникахъ, въ народныхъ пѣсняхъ и друг. произведеніяхъ, относятся къ области миѳа и представляютъ интересъ для историка литературы—таковы летающіе змѣи, съ которыми бьются богатыри, миѳическія птицы: Черногаръ, Стратимъ, Истрафиль и т. п.

Понятно, что въ теченіи вѣковъ русская фауна должна была во многомъ измѣниться. Вырубка лѣсовъ, приращеніе населенія, постройка городовъ и селъ, охота, развитіе культуры и промысловъ должны были значительно ограничить область распространенія дикихъ животныхъ. Преслѣдуемыя человѣкомъ, они отступали все дальше и дальше въ глубь первобытныхъ лѣсовъ, искали мѣстъ еще не населенныхъ ихъ исконнымъ врагомъ и мало по малу вымирали. Прошли времена, когда Владиміръ Мономахъ около Чернигова лавливалъ по 10 и 20 дикихъ коней и охотился на дикаго тура и когда на южно-русскихъ рѣкахъ бобры возводили свои замысловатыя построй-

ки. Воспоминаніе объ этихъ животныхъ сохранилось только въ нѣкоторыхъ названіяхъ городовъ, селъ и рѣкъ, въ родѣ рѣки Тура, городовъ Турова, Боброва, Бобруйска, рѣкъ Бобра, Бобрика и т. п.

Туръ, дикій быкъ, отличаемый зоологами отъ зубра, послѣдніе остатки котораго сохраняются въ Бѣловежской пущѣ, вымеръ окончательно; но народные пѣвцы до сихъ поръ поминаютъ его имя по традиціи и это свидѣтельствуетъ о великой живучести народныхъ преданій. Такъ богатырь Волхъ Всеславьевичъ обучается хитрости-мудрости—обертываться гнѣдымъ туромъ—золотые рога. Злая чародѣйка Марина Игнатьевна обернула Добрыню гнѣдымъ туромъ,

Пустила его далече во чисто поле,
А гдѣ-то ходятъ девять туровъ,
А девять туровъ, девять братаниковъ,
Что Добрыня имъ будетъ десятый туръ,
Всѣмъ атаманъ—золотые рога [1]).

Далѣе народная былина разсказываетъ, что

Шли выбѣгали четыре тура златорогіе,
И шли они бѣжали мимо славенъ Кіевъ градъ и т. д. [2])

Но, повторяя древнюю пѣснь, русскій пѣвецъ уже не отдавалъ себѣ отчета, какое животное было туръ. Онъ не видалъ тура, не охотился на него, какъ Владиміръ Мономахъ, ничего не слыхалъ о немъ; и вотъ мало по малу непонятное имя начинаетъ замѣняться именемъ знакомаго животнаго. Въ одномъ пересказѣ [3]) Марина обращаетъ Добрыню уже не въ тура златорогаго, а въ простую лошадь; въ другомъ—въ оленя рыскучаго [4]). Точно также народъ хотѣлъ осмыслить и турицъ златорогихъ, гулявшихъ возлѣ Кіева и изъ неизвѣстныхъ ему животныхъ сдѣлалъ Турокъ. [5]) Это ужъ не турицы-златорогія, а турицы п о г а н ы е и посылаетъ ихъ татаринъ на Святую Русь.—Это наблюденіе надъ постепенной метаморфозой древняго животнаго можетъ быть сдѣлано и надъ другими случаями. Въ духовномъ Стихѣ о Голубиной книгѣ упоминается, какъ извѣстно, какой-то звѣрь Индрикъ, всѣмъ звѣрямъ отецъ или мать. [6]) Слѣдя по отдѣльнымъ пересказамъ за варіантами этого имени, мы находимъ, что въ большинствѣ—онъ называется Индрикомъ. Затѣмъ народное придыханіе сдѣлало изъ него Вындриха [7]) (какъ воспа вм. оспа,

---

[1]) Пѣсни собранныя Кирѣевскимъ, II, 87. Сравн. тамъ же II, 46. Рыбниковъ. II, 12.
[2]) Рыбниковъ. II, стр. 40 и I, 174.
[3]) Кирѣевск. II, 42.
[4]) Рыбниковъ III, л. 69.
[5]) См. Рыбниковъ I, стр. 106.
[6]) Безсоновъ. Калѣки перехожіе I, 273, 277, 304, 322 и 327.
[7]) Тамъ же, I, 284 и 334.

вострый вм. острый); далѣе ему придается эпитетъ **бѣлый** и эпитетъ сливается съ именемъ въ одинъ комплексъ (Бѣлояндрихъ [1]); далѣе народъ старается осмыслить иноземное, непонятное слово и подставляетъ по созвучію русское **инрогъ** или единрогъ [2]); но осмысленіе идетъ еще далѣе: Индрикъ называется царемъ всѣхъ звѣрей и вотъ какой нибудь пѣвецъ, слышавшій о львѣ, царѣ звѣрей, замѣняетъ миѳическаго Индрика заморскимъ львомъ [3]). Въ какихъ-же чертахъ рисуетъ намъ стихъ о Голубиной книгѣ этого звѣря?

Іонъ ходилъ по всему свѣту бѣлому,
Не было добрымъ людямъ воспитанійца,
Воспитанійца, обмыванійца,
Іонъ копалъ **рогомъ** сыру мать-землю,
Выкопалъ ключи все глыбокіи,
Доставалъ воды все кипучіи....

и далѣе:

Живетъ звѣрь за Океаномъ моремъ,
И рогомъ проходитъ звѣрь по подзе́мелью,
Аки ясное солнце по подне́бесью,
Онъ происходитъ всѣ горы бѣлокаменныя,
Прочищаетъ ручьи и проточины,
Пропущаетъ рѣки, кладязи студеные....

далѣе:

Когда этотъ звѣрь рогомъ поворотится,
Словно облацы по подне́бесью.
Вся мать земля подъ нимъ всколыбается.....
Всѣ звѣрья земные къ нему приклонятся,
Никому победы онъ не дѣлаетъ. [4])

Что же это за звѣрь, всѣмъ звѣрямъ отецъ, звѣрь съ огромнымъ рогомъ, живущій въ землѣ и пускающій кладязи? Относится ли онъ цѣликомъ къ области фантазіи, или нѣкоторыя черты имѣютъ реальную подкладку? Основываясь но одномъ варіантѣ, въ которомъ этотъ звѣрь названъ Индра, издатель духовныхъ стиховъ нашелъ въ нашемъ Индрикѣ индусскаго бога Индру. Болѣе осторожный Аѳанасьевъ [5]), приводя это мнѣніе, болѣе склоненъ думать, что въ именахъ бога Индры и Индры-звѣря только случайное созвучіе; но все же Аѳанасьевъ не можетъ отказаться отъ миѳологическаго толкованія: гора, въ которой живетъ Индрикъ, для него—облачная гора, туча—рогъ

[1]) Тамъ же, I, 290.
[2]) Тамъ же, I, 296.
[3]) Тамъ же, I, 313 и 316.
[4]) См. сводный текстъ въ сборникѣ Безсонова I, стр. 371 и слѣд.
[5]) См. Поэтич. воззрѣнія Славянъ на природу. II, стр. 554 и слѣд.

его—молнія: «разрывая своимъ рогомъ, т. е. молніей, облачныя горы и подземелья и заставляя дрожать мать сыру-землю, т. е. потрясая ее громовыми раскатами, чудовищный звѣрь даетъ истокъ дождевымъ ключамъ и рѣкамъ». Такимъ образомъ русская миѳологія обогащается представленіемъ о звѣрѣ, живущемъ въ грозовыхъ тучахъ и источающемъ дождь на землю. Предлагая такое толкованіе, покойный Аѳанасьевъ не отнесся критически къ матеріалу, не принялъ въ разсчетъ, что на духовномъ стихѣ о Голубиной книгѣ замѣтно сильное книжное вліяніе и что поэтому на немъ опасно основывать какіе бы то ни было выводы о русскихъ народныхъ миѳологическихъ представленіяхъ. Уже 25 лѣтъ тому назадъ профессоръ Буслаевъ [1]) указалъ, изъ какихъ источниковъ могли войти въ «Голубиную книгу» свѣдѣнія о разныхъ чудныхъ звѣряхъ. Само названіе Индрикъ указываетъ на иноземное происхожденіе этого животнаго; въ Азбуковникѣ, изданномъ у Сахарова, упоминается тотъ же звѣрь въ такой формѣ: Индрія—звѣрь есть водный. Отсюда легко предположить, что подъ Индріей скрывается греч. Ὕδρα—гидра, водяная змѣя, и это предположеніе вполнѣ объясняетъ, почему и въ нашемъ духовномъ стихѣ Индра пропущаетъ рѣки и кладязи. Такимъ образомъ, если Индрикъ и носитъ миѳическій характеръ, то во всякомъ случаѣ русская миѳологія здѣсь не при чемъ, такъ какъ онъ забрелъ въ наши духовные стихи книжнымъ путемъ, тѣмъ же путемъ, какимъ попала въ нихъ птица истрафиль, въ которой пр. Буслаевъ основательно находитъ греч. στρουθος (птица и страусъ) или по византійскому произношенію иструфосъ (ἡ στρουθος).

Въ Бесѣдѣ Іерусалимской, послужившей основой для стиха о Голубиной книгѣ, звѣрь звѣрямъ мать называется единьрохъ. «Коли на земли была засуха і в тѣ поры дождя на землю не было, тогда в рѣкахъ і в озерахъ воды не было, толко во единомъ езерѣ вода была, і лежалъ великой зміи и не давалъ людемъ воды пить, и никакому потекучему звѣрю, ни птицѣ полетучей; а коли побѣжитъ единорогъ воды пить, и змій люты заслышитъ и побѣжитъ от зъвѣря того за три дни, і в ту пору запасаютца водою люди» (Костомаровъ, Пам. Стар. Р. Литер. II, 308). На основаніи этого мѣста пр. Веселовскій полагаетъ, что миѳическій единорогъ передѣланъ въ звѣря Индриха въ Голуб. книгѣ (Слав. сказ. о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 257); но допускаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что на измѣненіе имени единорога въ Индрика повліялъ разсказъ Физіолога о звѣрѣ энгидрѣ или гидрѣ (hydros, ydrus, ydris etc.) и его враждѣ съ крокодиломъ. Оба пред-

[1]) Въ статьѣ помѣщенной въ I-мъ томѣ Архива Историко-юридическихъ свѣдѣній Калачева, стр. 22.

положенія пр. Веселовскаго весьма вѣроятны, но все-таки не вполнѣ распутываютъ всей путаницы, постигшей миѳическаго звѣря. Эта путаница заключается въ слѣдующемъ. 1) Источникъ Голуб. книги называетъ звѣря Инорогомъ. 2) Въ стихахъ онъ только въ двухъ пересказахъ называется единорогомъ, а въ большинствѣ Индрикомъ. 3) Въ стихѣ о Г. кн. Индрикъ изображается иначе, нежели въ Бесѣдѣ Іерусалимской, именно, нѣтъ главной черты инорога, его вражды съ змѣемъ, заложившимъ источники. 4) Инорогъ, какъ его изображаютъ средневѣковые физіологи, не могъ породить представленіе о Индрикѣ, звѣрѣ живущемъ подъ землею. Физіологъ говоритъ о инорогѣ: «инорогъ мало животно есть подобенъ козляти, кротокъ же зѣло и не можетъ приближитися къ нему ловецъ, зане силенъ есть, единъ же рогъ имать посредѣ главы (см. у Веселовскаго стр. 258).

Для объясненія всей этой путаницы, нужно взглянуть въ физіологъ сербской редакціи XVII в., изданный пр. Ягичемъ (knizevnik, III, 126; ср. Archiv für Slav. Philologie, 1875, I, 89). Въ немъ непосредственно за инорогомъ (μονοκέρως) слѣдуетъ другой звѣрь еньдропъ, относящійся къ морскимъ. Про него говорится: еньдропь есть въ мори воевода рибамь вьсемь, есть взорь его яко и конь и ходить по дну и имать коньску главу и опашь (хвостъ), а по грьбу яко и риба. И есть вь некомь месте мора риба златозарна, всемь рибамь царь, и лежить на едномь месте и ендропь ходить двашти въ године и кланаеть се цару своему. Егда ходить еньдропь, походеть по немь вьсе риби, мале и големе, и не смеють забавити друга друзе, доньдеже поклонетьсе и вьзвратеть се».

Не трудно предположить, что оба звѣря инорогъ и ендропь (или по физилогу Софійской библ., приводимому пр. Веселовскимъ, енѵдръ) слились въ Голубин. книгѣ въ одного звѣря, вслѣдствіе чего его имя и свойства такъ загадочны. Отъ ендропа или енѵдра перешли на Индрика водяныя свойства, имя и поклоненіе Христу (хотя символъ рыбы, довольно ясный въ физіологѣ, не внесенъ въ русскую передѣлку), отъ инорога—земныя свойства и рогъ. Наконецъ, на полученный такимъ образомъ сводный типъ, могли наслоиться и нѣкоторыя иныя черты, которыхъ мы уже не находимъ въ представленіяхъ о инорогѣ и гидрѣ средневѣковыхъ бестіаріевъ.

Индрикъ живетъ подъ землею, надѣленъ огромнымъ рогомъ, копаетъ землю какъ кротъ и такихъ размѣровъ, что земля сотрясается, когда онъ перевертывается. Для объясненія этихъ свойствъ, придаваемыхъ народнымъ воображеніемъ Индрику, можно предположить слѣдующее. Извѣстно, какое огромное количество клыковъ и костей ископаемыхъ слоновъ (мамонтовъ) разсѣяно на пространствѣ Россіи.

Въ средніе вѣка производилась дѣятельная торговля ископаемыми клыками, да и до сихъ поръ ведется въ Сибири. Извѣстенъ только одинъ случай, гдѣ былъ найденъ полный оставъ мамонта, покрытый мясомъ и шерстью, сохранившійся какимъ-то чудомъ отъ дѣйствія времени; но нельзя думать, чтобы и въ древнія времена такихъ случаевъ не бывало. Находя огромныя кости и клыки, принимаемые за рога, народъ легко могъ прійти къ убѣжденію, что громадный звѣрь еще доселѣ живетъ подъ землею, какъ кротъ, и выходя ближе къ поверхности земли умираетъ. По величинѣ своей—онъ долженъ быть больше всѣхъ звѣрей, долженъ быть ихъ отцемъ или матерью; у него огромные рога (клыки), конечно для того, чтобъ рыть землю, а роя землю онъ открываетъ кладези. Достаточно было простому человѣку найти случайно кости мамонта, чтобъ сложить невольно тѣ черты, которыя мы находимъ въ голубиной книгѣ приписанными звѣрю Индрику. Наше предположеніе объ Индрикѣ находитъ подтвержденіе въ современныхъ разсказахъ о мамонтѣ, ходящихъ коегдѣ въ Сибири. Въ юго-западной части Томской губерніи [1]) народъ утверждаетъ, что «Мамонтъ—звѣрь ходитъ подъ землею, какъ рыба въ водѣ; если выйдетъ въ яръ, то умираетъ. Одинъ человѣкъ привязалъ коня къ рогу, думая что пень высунулся изъ земли; когда воротился, конь былъ уже на другомъ мѣстѣ, его увело вмѣстѣ съ рогомъ».

Кажется, нѣтъ основанія искать болѣе простаго объясненія звѣрю Индрику.

Не имѣя цѣлью сдѣлать обзора нашей миѳич. зоологіи, которая безъ сомнѣнія представляетъ много интереса и для естествоиспытателя, и для историка культуры, мы упомянули о турѣ и индрикѣ исключительно съ цѣлію показать, что народная поэзія могла сохранить иногда нѣкоторыя реальныя черты подъ оболочкой миѳа и что сказанія о звѣряхъ нельзя цѣликомъ относить въ область вымысла. Эти данныя послужатъ намъ ниже при обсужденіи вопроса о лютомъ звѣрѣ.

Въ нѣкоторыхъ памятникахъ письменности и народныхъ былинахъ встрѣчается упоминовеніе о какомъ-то звѣрѣ съ постояннымъ эпитетомъ лютаго. Приведемъ нѣкоторыя мѣста:

Въ былинѣ о Данилѣ Ловчанинѣ [2]), Путятинъ Путятовичъ на вопросъ Володимера, гдѣ бы добыть ему невѣсту, совѣтуетъ князю овладѣть невѣстой Данилы Ловчанина и для этой цѣли дать ему такое порученіе:

Наряди его въ службу дальнюю, невзворóтивную,
На Буянъ островъ;

---

[1]) См. Этнографическій сборникъ. VI, 123.
[2]) См. Кирѣевскаго, Выпускъ 3, стр. 28 и слѣд.

Вели тамъ ему убить звѣря лютаго,
Звѣря лютаго, сивопрянаго, лихошерстнаго,
Вели вынуть изъ него сердце съ печенью....

Исполняя волю князя,

Поѣхалъ добрый молодецъ
Далече въ чисто̀ поле;
Подъѣзжаетъ добрый молодецъ
Ко Буянову острову.
Увидалъ онъ звѣря лютаго,
Снимаетъ съ себя тугой лукъ,
Накладываетъ тоё стрѣлу позлачёную
На тетивочку шелко́вую;
Убиваетъ онъ звѣря лютаго,
Вынимаетъ онъ сердце съ печенью.

Въ другомъ пересказѣ той же былины, совѣтъ Путятина звучитъ нѣсколько иначе:

Мы Данилушку пошлёмъ во чисто́ поле,
Во тѣ-ли луга Леванидовы,
Мы ко ключику пошлемъ ко гремячему,
Велимъ пымать птичку бѣлого́рлицу,
Принести ее къ обѣду княженецкому;
Што ишшо убить ему льва лютово,
Принести его къ обѣду княженецкому.

Такимъ образомъ мѣсто лютаго звѣря заступаетъ лютый левъ. Можно указать и другія мѣста, гдѣ лютый звѣрь отождествляется со львомъ.

Въ одной былинѣ объ Ильѣ муромцѣ описывается шуба этого богатыря:

На Ильюшенькѣ шубеночка худехонька:
Лѣва пола въ пять сотъ рублей,
Правая пола во всю тысячу,
Всей то шубеночкѣ, цѣны ей нѣтъ.
Ильюшенька по кораблю похаживаетъ,
Тросточкой по пуговкамъ поваживаетъ,
Его пуговки разбѣлѣлися,
Его петелки разгорѣлися,
На всякой на пуговкѣ по лютому звѣрю,
По заморскому льву. [1])

Въ другой былинѣ объ Ильѣ изображается гнѣвъ князя на богатыря за его дерзкія рѣчи:

Какъ солнышку князю тѣ рѣчи не прилюбились,
Самъ вставалъ да на рѣзвы ноги,

---

[1]) Кирѣевскій—Вып. I, стр. 40.

Какъ самъ стемнѣлъ какъ темна ночь,
Сревѣлъ какъ будто левъ-то звѣрь. [1])

Иногда левъ-звѣрь замѣняется въ пѣсняхъ лютымъ звѣремъ и волкомъ. Въ одномъ пересказѣ былины о Вольгѣ, этотъ богатырь повернулся лёвымъ-звѣремъ,

Поскочилъ по сырой земли, по темну лѣсу,
Заворачивалъ куницъ лисицъ,
И дикихъ звѣрей, черныхъ соболей,
Большихъ поскакучіихъ заюшекъ,
Малыихъ горностаюшекъ. [2])

Въ другомъ варіантѣ Вольга дѣлаетъ то же самое, но обернулся не лёвымъ звѣремъ, а лютымъ звѣремъ (см. въ сборникѣ Гильфердинга, № 15); наконецъ въ третьемъ пересказѣ онъ является сѣрымъ волкомъ [3]).

Въ пѣснѣ о Добрынѣ, записанной въ Онегѣ, левъ изображается очень наглядно:

Выбѣгало, братцы, звѣрей стадо̀;
Въ томъ-ли стади лёвъ-ли звѣрь;
А шерсь у льва дакъ золоцёная,
А усы у льва да какъ шшики (щетина) стоятъ.
Крыцалъ лёвъ-звѣрь по звѣриному,—
Поссыпались тутъ круты-красны бережоцьки,
Смутиласе мать Нѣпра̀-рѣка. [4])

Левъ звѣрь до сихъ поръ поминается и въ народныхъ заговорахъ. Чтобы предохранить стадо отъ медвѣдя, должно съ когтемъ лева-звѣря, за который нерѣдко выдаютъ клювъ гагары, обойти кругомъ стада и притомъ шептать слѣдующее: обхожу я, рабъ Божій, съ когтемъ лева звѣря мое милое стадо, крестьянскій животъ. Какъ мои коровушки до сей поры боялись медвѣдя, такъ теперь да боится моихъ коровушекъ медвѣдь, а къ этому моему слову небо и земля— ключъ и замокъ. Такъ дѣлается въ Арханг. губерніи (См. Майковъ Великор. заклинанія, 123).

Итакъ, въ былинахъ является то лихошерстный лютый звѣрь, то лёвый-звѣрь, то наконецъ просто сѣрый волкъ. Послѣднее животное до сихъ поръ въ народѣ носитъ преимущественно эпитетъ лютаго. Обратимся теперь къ употребленію названія лютый звѣрь въ книжной литературѣ. Въ извѣстной, весьма распространенной, статьѣ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ [5]) упоминается лютый звѣрь въ такой связи:

---

[1]) Рыбниковъ—Часть II, стр. 334.
[2]) Рыбниковъ—Часть I, стр. 2.
[3]) Рыбниковъ I, 8.
[4]) Кирѣевскій—Вып. I', стр. 11.
[5]) Издан. у Калайдовича въ приложеніи къ Іоанну Экзарху Болгарскому, стр. 208 и слѣд.

сіе есть мудрованіе тѣхъ, ими же отводятъ отъ Бога и приводятъ къ бѣсомъ въ пугубу: первая книга Плартолой, рекше Острологъ, к҃ Острономія, т҃ Землемѣрія, х҃ Чаровникъ, въ нихъ же суть вся дванадесять опрометныхъ лицъ звѣриныхъ и птичіихъ, се же есть первое, тѣло свое хранитъ мертво и летаетъ орломъ, и ястребомъ, и ворономъ и дятлемъ, рыщутъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, волкомъ. летаютъ зміемъ, рыщутъ рысію и медвѣдемъ.—Въ этомъ перечисленіи животныхъ мы видимъ, что лютый звѣрь поставленъ во главѣ дикихъ звѣрей, какъ орелъ во главѣ птицъ, и далѣе, что лютый звѣрь отличается отъ волка. Что лютый звѣрь былъ первоначально не волкъ, видно и изъ другихъ памятниковъ.

Въ древне-русской повѣсти о прекрасномъ Девгеніи [1]), въ основѣ которой лежитъ византійское произведеніе о героѣ Дигенисѣ [2]), говорится, что Девгеній уже на 14 году сталъ выѣзжать на всякаго звѣря безъ оружія. Онъ догоняетъ лося и раздираетъ его на двое, дѣлаетъ то же самое съ медвѣдемъ и наконецъ завершаетъ подвиги борьбою съ лютымъ звѣремъ. «По малѣ же времяни видѣвше отецъ его изъ острову бѣгуща, изъ густова лѣсу, лютый звѣрь разъемше челюсти своя и хотяще проглотити юношу; отецъ же его рекоша: «чадо мое милое, Девгеній, пометай мертвая, зри живаго—на тя бѣжитъ и хощетъ тя поглотить; той есть не лось и не медвѣдь, съ великою бо обороною приступися къ нему». И взявъ же юноша, прекрасный Девгеній, лютаго того звѣря, и ухвативъ мечь свой и скочи къ нему встрѣчю, и удари его мечемъ по главѣ и разсѣкъ его на двое». Въ византійской поэмѣ о Дигенисѣ первые два звѣря названы ἔλαφος (лось) и ἄρκος (медвѣдь); а лютому звѣрю соотвѣтствуетъ львица (λέαινα) [3]).

Мы замѣтили выше, что эпитетъ лютаго дается у насъ между звѣрями главнымъ образомъ волку. Въ лѣтопись подъ 1074 г. по Лавр. сп. занесенъ, по поводу смерти кіево-печерскаго игумена Ѳеодосія, разсказъ объ искушеніяхъ инока Исакія. Бѣсы устрашали его, принимая разные образы: «другоици бо страшахуть и въ образѣ медвѣжи, овогда же лютымъ звѣремь, ово въломъ, ово змиѣ полозяху к нему, ово ли жабы, мыши, и всякъ гадъ». Замѣтимъ, что въ Радзивиловскомъ

---

[1]) Изд. у Пыпина въ приложеніи къ Очерку лит. Исторіи стар. повѣстей, стр. 316 слѣд. и въ Памятникахъ стар. русс. лит II 379—387

[2]) См. Les Exploits de Didénis Akritas, épopée bysantine du X siècle, publiée pour la première fois d' après le manuscrit unique de Trébisonde par C. Sathas et E. Legrand. Paris. 1875.

[3]) См. Пѣснь IV стихи 905—962

и академическомъ спискѣ стоитъ просто лютымъ безъ прибавленія слова звѣрь. Что же касается самаго звѣря, то здѣсь лютымъ названъ безъ сомнѣнія волкъ. Волка должно также видѣть въ лютомъ звѣрѣ, упоминаемомъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ. Здѣсь говорится о Всеславѣ Полоцкомъ, что онъ скочи лютымъ звѣремъ въ полночи, а нѣсколько далѣе онъ же скочи волкомъ до Немиги съ Дудутокъ. Число мѣстъ, гдѣ упоминается лютый звѣрь, можно было бы значительно умножить, но и этихъ достаточно, чтобы уже теперь сдѣлать нѣкоторые выводы. Мы видимъ, что лютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ обозначаетъ самаго страшнаго изъ четвероногихъ, въ другихъ—сѣраго волка. Чтобы согласить эти факты, нужно вдаться въ нѣкоторыя подробности объ этимологіи слова лютъ. Въ языкѣ литовскомъ, ближайшемъ родственникѣ славянскихъ нарѣчій, слово liutas обозначаетъ льва, lute или lutene—львицу [1]). Это названіе народное, распространенное гораздо болѣе книжнаго levas, такъ что Куршатъ, придерживающійся въ своемъ словарѣ народнаго языка, послѣдняго слова не приводитъ вовсе [2]). Какъ ни странно находить у Литвиновъ самостоятельное, народное названіе для такого звѣря, котораго уже давно нѣтъ въ Европѣ, однако намъ самимъ удалось записать даже сказку о львѣ отъ природнаго Литвина Сувалкской губерніи, сказку старающуюся объяснить, почему львы не водятся въ Литвѣ. Крестьянинъ, говоритъ сказка, рубилъ однажды дрова въ лѣсу. Вдругъ изъ чащи выходитъ левъ (liutas) и спрашиваетъ: скажи человѣкъ, на кого я похожъ? Мужикъ отвѣчаетъ: на собаку. Левъ сказалъ: возьми топоръ и ударь меня по лбу. Мужикъ это сдѣлалъ. Тогда левъ сказалъ: черезъ три года приходи на это же самое мѣсто. Мужикъ вернулся домой и позабылъ о львѣ, но черезъ три года снова попалъ въ лѣсъ на то же мѣсто. Опять выходитъ левъ и велитъ мужику пощупать себѣ лобъ. Видишь, говоритъ онъ, на лбу нѣтъ никакого знака твоего удара, но что ты обозвалъ меня псомъ—я не забылъ и за это тебя съѣмъ. Мужикъ сказалъ льву: это не я тебя назвалъ псомъ, а хмель. Покажи мнѣ, говоритъ левъ, что это за хмель. Мужикъ пошелъ домой, взялъ ведро водки, смѣшанной съ медомъ, принесъ въ лѣсъ и далъ льву пить. Левъ напился, захмелѣлъ и заснулъ. Тогда мужикъ взялъ ножницы и выстригъ ему шерсть сзади, оставя только гриву да кисть на хвостѣ. Левъ проснулся, увидѣлъ себя въ такомъ видѣ и спросилъ: кто это со мной сдѣлалъ? Мужикъ назвалъ хмель и показалъ льву, гдѣ онъ ростетъ. Тогда левъ лапами ну вы-

---

[1]) См. Словарь Нессельмана s. v. на стр. 376.

[2]) См. Kurschat—Deutsch Littauisches Wörterbuch s. v. Löwe.

рывать хмель съ корнемъ, и затѣмъ убѣжалъ изъ Литвы, и съ тѣхъ поръ у насъ львы не водятся.

Эта сказка юмористическаго характера очень поздняя, и основана на сходствѣ льва съ выстриженнымъ пуделемъ. Къ этому мотиву приплетенъ хмель, который остроуміе народное дѣлаетъ сильнѣе самаго сильнаго изъ звѣрей.—Нечего и говорить, что изъ сказки нельзя сдѣлать никакихъ выводовъ о знакомствѣ Литвиновъ со львомъ. Гораздо интереснѣе самое названіе льва въ литовскомъ и другихъ языкахъ:—греч. λέων и (у Гомера) λίς, лат. leo, древн. верхне-нѣмец. lewo, ц-слав. львъ. Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ мнѣніе лингвистовъ (Поттъ, Бенфей) было таково, что славянское названіе льва было заимствовано у нѣмцевъ, нѣмецкое изъ латинскаго, латинское изъ греческаго, а греческое изъ семитическихъ языковъ (ср. напр. еврейское laish.) Но съ успѣхомъ изученія фонетическихъ законовъ индоевропейскихъ языковъ это мнѣніе начало мало по малу терять почву, и нѣкоторые изслѣдователи справедливо указывали на несостоятельность его съ фонетической стороны. Фёрстеманнъ [1]) усумнился въ иноземномъ происхожденіи нѣмецкаго имени, Лео Мейеръ [2])—греческаго λίς и λέων, Пиктэ [3]), уступая Семитамъ λίς, стоитъ за индоевропейское происхожденіе слова λέων, Курціусъ [4]) доказываетъ самостоятельность всѣхъ европейскихъ названій льва, не выставляя впрочемъ индоевроп. корня, и наконецъ Паули [5]), посвятившій отдѣльную монографію вопросу о названіяхъ льва, совершенно отвергаетъ ихъ семитическое происхожденіе и сводитъ всѣ европейскія слова на первоначальный корень liv или liu—со значеніемъ «желтизны», откуда лат. слова livor, lividus, lutum, luridus etc. Оставляя покуда въ сторонѣ вопросъ о первоначальномъ значеніи европейскихъ названій льва, укажемъ на причины, заставляющія и насъ отказаться отъ семитическаго происхожденія. Если бы это слово было заимствовано напр. Греками у Семитовъ и во всѣ европейскіе языки перешло изъ греческаго, то форма его оставалась бы одна и та же у всѣхъ евр. народовъ и не представляла бы различія въ суффиксахъ. Вмѣсто ожидаемаго однообразія, мы видимъ напротивъ въ каждомъ языкѣ извѣстнаго рода самостоятельность, которая доказываетъ, что названіе льва не переходило чрезъ заимствованіе изъ одного языка въ другой, но искони принадлежало всѣмъ европейскимъ языкамъ, соста-

---

[1]) Zeitschrift für Vergl. Sprachforschung I 495.
[2]) ibid. V 385.
[3]) Origines Indoeurop. I 423.
[4]) Grundzüge der griech. Etymologie, 3 изд. стр. 342.
[5]) Die Benennung des Löwen bei den Indogermanen. München. 1873.

вляло ихъ общее достояніе въ періодѣ ихъ общей жизни. Принимая въ разсчетъ фонетическіе законы каждаго языка, можно для каждаго выставить первоначальную форму его названія льва и эти выведенныя древнія формы отличаются одна отъ другой по суффиксамъ, хотя всѣ сводятся къ одному корню. Такъ греч. языкъ имѣетъ два слова: Λίς (винит. пад. Λῖν) и Λέων (род. Λέοντος) при жен. родѣ—Λέαινα. Первоначальный видъ перваго слова по Курціусу былъ lvis, втораго laivant, третьяго, т. е. женскаго имени—laivanjâ. Дифтонгъ ai, котораго уже нѣтъ въ Λεων, сохраняется еще въ своемъ греч. видѣ ei въ дательномъ пад. множ. числа у Гомера: Λείουσι (напр. Ilias 5, 782). Звукъ v, греч. дигамма F, по законамъ греч. фонетики исчезъ, такъ что Λέων стоитъ вмѣсто ΛεF-ων; ων, суффиксъ причастія настоящаго времени, сводится на первоначальное ant (laivant), а женское образованіе Λέαινα относится къ мужскому Λέων такъ, какъ напримѣръ θεράπαινα (служанка) къ θεράπων—служитель.

Латинское leo и женск. родъ lea у поэтовъ (слово leaena конечно заимствовано съ греч. Λέαινα) сводятся на первонач. laivan и laivâ; e въ этихъ словахъ объясняется такъ-же, какъ въ deus и dea, происходящихъ отъ корня div—быть свѣтлымъ, слѣдовательно, какъ и греч. слова, указываютъ на корень liv.

Нѣмецкія слова, именно др. верхне-нѣмец. lewo, leo, louwo, средне-верхне-нѣмец. lewe, leuwe, leu, löuwe, löwe—по изысканію Паули, предполагаютъ первонач. нѣмецкое lawjo и готское lauja и сводятся на другой видъ того же корня, именно lju, подобно тому какъ корень div имѣетъ также видъ dju (сравн. divus, divinus и Jupiter-djupiter.

Тѣ же два вида корня являются въ славяно-литовскихъ названіяхъ: церк-сл. львъ, чеш. lev, польск. lew, сербск. лав, литов. liutas, levas, liavas, латышск. lauwa. Какъ церк-слав. шьвъ (наше шовъ) происходитъ отъ индоевропейскаго корня siv—шить, такъ и львъ (нар. русс. лёвъ) отъ корня liv. (Переходныя формы словъ шьвъ и львъ таковы: sjavas, sjъvъ, (сjьвъ) шьвъ; ljavas, ljъvъs, львъ.) Какъ наше львъ, лит. liavas, указываютъ на корень liv въ подъятой формѣ ljav, такъ лютъ и литов. liutas на другой видъ того же корня именно—lju, съ суффиксомъ тъ, т. е. tas, образующимъ прошед. причастіе страд. залога, напр. шитъ, лит. siútas, отъ корня siv, sju.—Полную параллель представляетъ первонач. корень ru (санскр. rau-mi, греч. ὠρύω, лат. ru-mor etc.), наше—ревѣть. Этотъ корень произвелъ слова: ревъ (рёвъ), ц-слав. глаг. рюти, наст. вр. ревѫ, существ. рютіе (rugitus) и др.

Итакъ, во 1-хъ, лютъ и львъ сводятся на одинъ и тотъ же корень, который находимъ и въ другихъ европейскихъ языкахъ.

Во 2-хъ: названія льва въ европ. языкахъ не заимствованы ими другъ отъ друга, а составляютъ наслѣдіе отъ древней эпохи совмѣстной жизни.

Поищемъ теперь первоначальнаго значенія корня, лежащаго въ основѣ европейскихъ названій льва. Мнѣніе Паули, который сближаетъ leo, λέων и т. д. съ лат. lividus и предполагаетъ, что левъ получилъ названіе отъ желтаго цвѣта шкуры, на нашъ взглядъ, несостоятельно по многимъ причинамъ. Во первыхъ, трудно предположить, что такой звѣрь, какъ левъ, типъ хищности и лютости по народнымъ преданіямъ, самое сильное изъ хищныхъ животныхъ, страшный бичъ людей, получилъ названіе только по цвѣту шерсти, блѣдный эпитетъ желтаго звѣря, безъ всякаго намека на его общеизвѣстныя свойства, и притомъ эпитетъ такъ мало характеризующій, потому что желтыхъ животныхъ довольно много въ природѣ. Такой эпитетъ противорѣчитъ извѣстной типичности и изобразительности древнѣйшихъ названій.

Во вторыхъ, цвѣтъ, выражаемый словомъ lividus, есть цвѣтъ желѣза, свинца, дыма, болотной воды, слона, синяго винограда, синяка на тѣлѣ и т. д., и имѣетъ мало общаго съ желтымъ цвѣтомъ.

Въ третьихъ, допуская, что въ корнѣ слова λέων, львъ и т. д. выражено понятіе цвѣта, мы не съумѣли бы объяснить, напримѣръ, суффикса ων, первонач. ant, въ греч. словѣ. Этотъ суффиксъ, какъ характеръ причастія настоящаго времени, обозначаетъ дѣйствующее лицо (какъ наше прич. на щій), лицо производящее дѣйствіе, выражаемое глагольнымъ корнемъ. Что же значило бы λέων? И такъ, намъ должно искать другаго корня и на значеніе его намекаетъ всего ярче значеніе нашего слова лютый. Этотъ корень—санскр. lū (наст. время lunāti) рѣзать, откуда lavana—рѣзатель; со значеніемъ «добывать» онъ проглядываетъ въ греч. словахъ ληΐς добыча, λεία изъ λεϝ-ια,-id., которыя Пиктэ сближаетъ съ λέων, съ чѣмъ соглашается и Курціусъ, въ латинскихъ Lav-erna богиня воровъ, lav-erniones—воры, lu-crum—добыча, съ слав. ловити и ловъ. Фикъ [1]) предполагаетъ, что корень lu—добывать, ловить—выводимый изъ этихъ словъ, вѣроятно, тождественъ съ lu—разрѣшать, греч. λύω, λύσις, лат. re-lu-o, so-lv-o (so-lu-tus) гот. lausja и др. И такъ, можно думать, что въ основѣ всѣхъ этихъ словъ и названій льва лежитъ одинъ и тотъ же корень, который значилъ первоначально—рѣзать, рвать, затѣмъ принялъ и болѣе отвлеченныя значенія: ловить, добывать, воровать и т. д. Нечего и

---

[1]) Fick—Die ehemalige Spracheinheit der Indogermanen Europas, 1873 стр. 364. Ср. Курціуса—Grundzüge 3-е изд. стр. 343.

говорить, что нельзя было выбрать болѣе типичнаго обозначенія для льва, какъ терзателя, ловца, лютаго звѣря по преимуществу.

Разбираемое нами слово играетъ нѣкоторую роль въ вопросѣ о первоначальной родинѣ Индоевропейцевъ. Общее мнѣніе лингвистовъ, держащееся уже нѣсколько десятилѣтій, таково, что эту родину должно искать въ Азіи, откуда часть племени арійцевъ перешла въ Европу. Противъ общепринятаго мнѣнія выступилъ извѣстный санскритологъ Бенфей, въ предисловіи къ 1-му изданію сравнительнаго индоевропейскаго словаря Фика. Бенфей убѣжденъ, что колыбель индоевропейцевъ должно искать въ Европѣ, приблизительно, въ нынѣшнихъ Волынской и Подольской губерніяхъ, и подкрѣпилъ это мнѣніе нѣкоторыми доказательствами, которыя были разбиты его противниками. Не останавливаясь здѣсь на этомъ вопросѣ, замѣтимъ только, что Бенфей, считая европейскія названія льва заимствованными изъ семитическаго и поэтому поздними, ссылается въ подтвержденіе европейской колыбели Индоевропейцевъ на тотъ фактъ, якобы въ индоевропейскихъ языкахъ нѣтъ названія для азіатскаго звѣря льва, изъ чего слѣдуетъ, что всѣ эти народы разошлись не изъ Азіи, а изъ Европы. Противъ этого мнѣнія можно сдѣлать два замѣчанія. Во первыхъ, европейскія названія льва, какъ мы выше видѣли, указываютъ на то, что они не заимствованы у Семитовъ, а принадлежали общеевропейскому праязыку и, слѣдовательно, масса людей, говорившихъ этимъ языкомъ, знала льва; во 2-хъ, если теперь левъ есть азіатское и африканское животное, это не значитъ еще, что его прежде не было въ Европѣ. Нельзя думать, чтобы фауна въ отдаленномъ періодѣ, предшествовавшемъ образованію европейскихъ національностей,—грековъ, италійцевъ, кельтовъ, нѣмцевъ, славянъ и литовцевъ,—была тождественна съ современной намъ фауной XIX-го в. по Р. Х. Относительно льва, напримѣръ, есть положительныя свидѣтельства, что онъ жилъ еще въ историческія времена въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Европы. Приведемъ свидѣтельства нѣкоторыхъ греческихъ писателей о львахъ на Балканскомъ полуостровѣ и Греціи.

По поводу похода Ксеркса, Геродотъ говоритъ, что когда Ксерксъ шелъ съ войскомъ по странѣ Пэонійцевъ и Крестонійцевъ въ Македоніи, направляясь къ городу Ѳерма, во время этого перехода на вьючныхъ верблюдовъ напали львы, спустившись ночью съ горъ, въ которыхъ они жили. Они не тронули ни человѣка, ни какое либо иное животное, кромѣ верблюдовъ. «Я удивляюсь, прибавляетъ онъ, что побудило львовъ пощадить все другое и напасть на верблюдовъ, которыхъ они никогда не видали прежде и которыхъ силу не знали. Впрочемъ, въ тѣхъ странахъ водится много львовъ, а также дикихъ

быковъ (туровъ), которыхъ исполинскіе рога продаются въ страну Эллиновъ. Львы находятся только между рѣкою Нестосъ [1]), протекающею чрезъ область Абдеры, и рѣкою Ахелоемъ [2]) въ Акарнаніи» (VII гл. 124, 125, 126).

Это свидѣтельство повторяетъ Аристотель [3]): «Рѣдокъ родъ львовъ и не во многихъ мѣстахъ они водятся, но въ цѣлой Европѣ только на пространствѣ между рѣками Ахелоемъ и Нессомъ».

Павзаній (Attica, кн. I гл. XLI, § 4), описывая древній городъ Мегары, упоминаетъ между прочимъ о храмѣ, построенномъ Алкаѳоемъ (Ἀλκάθους) въ память убіенія имъ Киѳеронскаго льва [4]). Этотъ левъ растерзалъ Эвиппа, сына царя Мегарея (Μεγαρεύς) и другихъ людей. Поэтому Мегарей обѣщалъ тому, кто убьетъ льва, въ награду тронъ и руку своей дочери. Тотъ же Павзаній по дорогѣ изъ Аргоса въ Клеоны видѣлъ у Немеи пещеру, въ которой яко бы жилъ левъ, убитый Геркулесомъ (II, 15). Онъ же упоминаетъ о подвигѣ знаменитаго панкратіаста Полидамаса, который на горѣ Олимпѣ убилъ безъ оружія большаго, сильнаго льва (VI, 5, 3) [5]). Если эти и другія преданія о побѣдѣ греч. героевъ надъ львами нельзя поставить на одну доску съ прямыми свидѣтельствами Геродота и Аристотеля, то все же и нельзя допустить, чтобы сказанія, напр., о немейскомъ львѣ, не имѣли никакой реальной основы. Конечно, они не могли бы сложиться, если бы въ Греціи искони не было львовъ; напротивъ, въ этихъ преданіяхъ, какъ часто, сохранилось воспоминаніе о древнѣйшемъ періодѣ, который застали въ Греціи первые арійскіе поселенцы,— періодѣ, когда львы еще не уступили всюду человѣческой культурѣ, не погибли въ борьбѣ съ человѣкомъ. Быть можетъ, львы жили въ доисторическія времена не только въ Греціи, которая больше другихъ странъ разсказываетъ о своихъ преданіяхъ, но и въ иныхъ мѣстахъ Южной Европы; но свидѣтельствъ прямыхъ на это нѣтъ, и вопросъ этотъ относится, за отсутствіемъ литературныхъ фактовъ, къ области зоологовъ и палеонтологовъ. Какъ бы то ни было, европейскіе народы сохранили названіе льва, котораго давно уже нѣтъ въ Европѣ, и причину этой долгой памяти о звѣрѣ нужно видѣть въ томъ, что первые арійскіе поселенцы застали и въ Европѣ животное, которое они знали въ Азіи. Съ теченіемъ времени, львы исчезли окончательно; въ Греціи, гдѣ они держались позже всѣхъ, объ нихъ сохрани-

[1]) Тепереш. Место, а у Турокъ Карасу.

[2]) Нынѣш. Аспропотамо.

[3]) Περὶ τὰ ζῷα ἱστορίαι VI. 31—§ 178.

[4]) Гора Киѳеронъ между Аттикой и Беотіей.

[5]) См. о львѣ въ извѣстной книгѣ Ленца—Zoologie der alten Griechen und Römer, стр. 126 и слѣд.

лось много преданій; другіе же народы, разселяясь въ болѣе сѣверныхъ странахъ, уже не нашли львовъ и мало по малу забыли о нихъ, удерживая традиціонно только имя этого звѣря. У Славянъ и Литовцевъ, какъ у Грековъ, было два названія: первонач. ljutas и ljavas; въ первомъ изъ нихъ было ярче нарицательное значеніе терзателя, лютаго, и потому оно, какъ прилагательное имя, могло прилагаться къ разнымъ существамъ—и къ лютому змію и къ лютому волку. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, оно употреблялось какъ названіе какого-то самаго страшнаго звѣря, котораго уже не было въ новыхъ мѣстахъ и который, поэтому, съ теченіемъ времени перенесенъ былъ въ область миѳа. Съ нимъ, по преданію, борются богатыри, какъ Геркулесъ боролся съ немейскимъ львомъ; но уже народъ не можетъ его ближе опредѣлить. Это просто—«лютый» звѣрь, самый страшный и сильный изъ всѣхъ, и побѣдить его—величайшій подвигъ, который только себѣ можно представить. Что же касается втораго названія—левъ—то оно сохранялось по традиціи и вошло въ книжную литературу, передавая греческое λέων. Конечно, народъ не видалъ у себя львовъ; но были люди, какъ напримѣръ паломники, ходившіе въ Іерусалимъ, которые видѣли этого звѣря и разсказывали о немъ дома; были книги, въ которыхъ грамотный человѣкъ могъ прочесть много чудеснаго и назидательнаго о царѣ животныхъ. Поэтому немудрено, что въ духовныхъ стихахъ, составившихся подъ книжнымъ вліяніемъ, какъ мы выше видѣли, левъ иногда является вмѣсто звѣря Индрика. Между всѣми звѣрями левъ всего болѣе привлекалъ вниманіе человѣка: средневѣковыя физіологи и бестіаріи наполнены разными суевѣрными свѣдѣніями о немъ, которыя должны были сильно дѣйствовать на фантазію наивныхъ читателей и доставляли необыкновенную популярность царю звѣрей. Вотъ напр. какія свѣдѣнія могъ почерпать древне-русскій грамотей о львѣ: «егда же немощствуетъ левъ и пріидетъ къ смерти, иныя врачбы не имать, токмо аще снѣсть пиѳика (т. е. обезьяну); зане егда немощствуетъ, рыкаетъ, и собираются вся животна во обиталища его: тогда идетъ и пиѳикъ, и той убо инаго животна не хощетъ, токмо пиѳика восхищаетъ и снѣдаетъ. Есть же и сіе чудное во львѣ, яко на пути, идѣже бѣгаетъ, аще мещеши листвіе отъ древа, глаголемаго Илексъ, стоитъ и не можетъ вящши бѣжати..... Львица же есть сильнѣйши льва, и рождаетъ пятижды во весь животъ свой. И въ первомъ убо рожденіи рождаетъ пять, во второмъ же рожденіи рождаетъ четыре, въ третьемъ же три, въ четвертомъ же два и въ пятомъ едино [1]).

[1]) Дамаскина архіерея Студита собраніе отъ древнихъ философовъ о нѣкихъ собствахъ естества животныхъ. См. Буслаева, Ист. Очерки Русс. Н. Слов. и Искусства II, 369.

Левъ занимаетъ немаловажное мѣсто и въ символикѣ. Въ одномъ сборникѣ XVII в., принадлежащемъ проф. Буслаеву, есть интересная статья «О еже что ради Пророку Іезекіилю и Іоанну въ Благовѣстіи во образѣ львовѣ проявлено», «Понеже бо левъ, говорится здѣсь, три таинства Христова преобразуетъ. Ибо левъ егда бѣжитъ отъ ловца, тогда опашію своею (т. е. хвостомъ) заметаетъ слѣдъ свой, да быша ловцы не увидѣли слѣда его. Тако и Господь нашъ Іисусъ Христосъ плотію одѣя Божество, да утаится отъ діявола, да не ощутится путь его.... Второе таинство являетъ, яко егда спитъ левъ, отверсты вѣжди имать и прежде седми стопъ ловца чуетъ и бѣжитъ. Тако и Господь нашъ Іисусъ Христосъ плотію взыде на крестъ, а Божество Его одесную Отца бѣяше, плотію усну, яко мертвъ..... Третіе таинство, яко львица убо егда ражаетъ дѣтищь, мертво его родитъ, и стрежетъ его три дни, дондеже пришедъ отецъ его, дохнетъ нань, и тако воставитъ ѝ. Тако и Господь нашъ Іисусъ Христосъ Богомъ и Отцемъ воскресе отъ мертвыхъ въ третій день» [1]).

Такихъ свѣдѣній о львѣ ходило много въ древне-русской книжной литературѣ, и переходя отъ книжныхъ людей къ людямъ темнымъ, они попадали и въ духовные стихи и въ народный эпосъ.

Приводя изъ книжной литературы нѣкоторыя мѣста о «лютомъ звѣрѣ», мы опустили одно и притомъ общеизвѣстное, по причинамъ, о которыхъ скажемъ ниже. Это—слова Владиміра Мономаха о его ловахъ около Чернигова: «тура мя два метала на розѣхъ и съ конемъ, олень мя одинъ болъ, а два лоси, единъ ногама топталъ, а другой рогома болъ, вепрь ми на бедрѣ мечь отялъ, медвѣдь ми у колѣна подъклада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры и конь со мною поверже: и Богъ невредена мя соблюде».— Спрашивается: какой это «лютый звѣрь?» Если это волкъ, то во всякомъ случаѣ этотъ охотничій казусъ очень рѣдокъ: волкъ—извѣстный трусъ, едва ли бросится одинъ на одинъ на коннаго охотника и едва ли сможетъ опрокинуть и коня и всадника. Проф. Усовъ, къ которому я обратился за рѣшеніемъ недоумѣнія, высказалъ предположеніе, что лютый звѣрь—барсъ, который, какъ извѣстно, и доселѣ водится на Кавказѣ, а въ древности заходилъ, вѣроятно, и выше. Съ нашей стороны, мы не имѣемъ ничего противъ этого предположенія.

Повторимъ, въ заключеніе, результаты нашей замѣтки: 1) Лютъ-звѣрь и левъ звѣрь встрѣчаются на равныхъ правахъ въ народныхъ былинахъ.

2. Оба слова происходятъ отъ одного и того же корня, выражавшаго понятіе терзать, рѣзать.

---

[1]) См. Буслаева, тамъ же, II, 368.

3. Европейскія названія льва въ разныхъ языкахъ различны по суффиксамъ, не заимствованы однимъ народомъ у другаго и не перешли въ индоевроп. языки изъ семитическихъ.

4. Самостоятельность этихъ названій указываетъ на то, что левъ былъ извѣстенъ праотцамъ европейцевъ въ періодѣ, предшествовавшемъ выдѣленію отдѣльныхъ европейскихъ народовъ.

5. Названіе лютаго звѣря было съ теченіемъ времени перенесено на волка, звѣря наиболѣе лютаго русской фауны.

6. Левъ—въ народную словесность вошелъ изъ книжной и сталъ извѣстенъ на Руси, можетъ быть, изъ разсказовъ паломниковъ.

Оріандовская пещера.

Гр. А. С. Уварова.

Весь южный берегъ Крыма отдѣляется отъ остальной части полуострова цѣлою цѣпью горъ нептунической и плутонической формаціи. Нептуническія породы у Оріанды состоятъ изъ ряда отвѣсныхъ скалъ известняка различныхъ цвѣтовъ, плотнѣе настоящаго мрамора и извѣстнаго подъ именемъ крымскаго мрамора. Такая известковая скала, называемая Арбутскою горою, возвышается отвѣсно на сѣверъ отъ Оріанды, у самаго шоссе, на противоположной сторонѣ дома Оріандскаго садовника. Вершину Арбутской горы прозвали Ай-Николъ, а у подошвы этой скалы вѣками накопились обломки, отвалившіеся отъ вывѣтривающейся скалы и покрытые теперь уже толстымъ слоемъ растительной земли, на которой разведены огороды. По этимъ огородамъ мѣстность подымается отлогимъ возвышеніемъ почти до трети вышины всей скалы и такимъ образомъ служитъ довольно удобнымъ подъемомъ до самаго входа въ найденную пещеру. Входъ пещеры расположенъ на западъ, и передъ нимъ отвѣсная скала выдается въ родѣ широкаго выступа, обросшаго древесными можжевельниками (Juniperus Excelsa) и кустами Arbutus Andrachne, которые совершенно скрываютъ входъ въ пещеру со стороны нижней дороги. Эта растительность несомнѣнно существовала и въ древнія времена, даже вѣроятно и гуще, такъ что и тогда входъ въ пещеру оставался скрытымъ отъ проѣзжающихъ по морскому побережью.

Широкій входъ въ пещеру, въ 7 аршинъ ширины, заложенъ былъ съ одной стороны большими камнями безъ известки, но въ какое время— трудно опредѣлить. Далѣе входъ съуживается, но затѣмъ самая пещера расширяется опять на 6 аршинъ и уже постепенно уменьшается съ 5 до 3 аршинъ, заканчиваясь самымъ узкимъ углубленіемъ. Во

всю длину она имѣетъ 15 арш. 5 вершковъ. Высота пещеры измѣняется также постепенно, какъ и ширина ея. У самаго входа она имѣетъ 2 арш. 2 вершка, сохраняетъ эту высоту въ продолженіи 6 аршинъ и тогда только начинаетъ спускаться на 1 арш. 6 вершк. и понижается у самаго конца пещеры до полъаршина. Эта пещера несомнѣнно образовалась отъ природы, потому что нигдѣ на внутреннихъ ея стѣнахъ не видно никакой искусственной отдѣлки. Даже дно пещеры сохранило всѣ неправильности и всѣ неудобныя углубленія, происшедшія тоже отъ природы.

При первомъ обзорѣ пещеры мы нашли на днѣ всей пещеры болѣе или менѣе высокій слой земли. Въ иныхъ мѣстахъ слой доходилъ почти до аршина толщины. На поверхности этого слоя, и въ самомъ слою, находимы были остатки костей человѣческихъ и животныхъ: остатки отъ двухъ или даже, можетъ быть, отъ трехъ человѣческихъ череповъ, изъ которыхъ одни обломки, лежавшіе на самой поверхности земли, отличались бѣлизною цвѣта; много обломковъ костей отъ голеней, рукъ и реберъ; человѣческая нижняя челюсть (maxilla inferior), разбитая по поламъ, другая—вполнѣ сохранившаяся. Кромѣ того, попадалось еще много другихъ костей, но по видимому всѣ онѣ принадлежали только двумъ человѣкамъ. При семъ любопытно замѣтить, что всѣ эти кости были сильно повреждены и лежали въ совершенномъ безпорядкѣ, иныя на поверхности, другія въ самомъ слою.

Тотъ же самый безпорядокъ замѣчался и въ костяхъ животныхъ, за исключеніемъ только того, что бо̀льшая часть изъ нихъ находилась въ самомъ слою земли. Между ними легко узнавать широкія кости быковъ, а изъ остальныхъ предметовъ я выбралъ только самые по формѣ характеристичные, изъ которыхъ, благодаря сочлену нашему Д. И. Анучину, опредѣлены были слѣдующія:

a) Обломокъ верхней челюсти домашней свиньи, съ двумя коренными зубами правой стороны. Форма бугорковъ послѣдняго кореннаго зуба положительно доказываетъ, что свинья принадлежала къ породѣ давно одомашненной.

b) Два позвонка, обломанные, собаки, нѣсколько менѣе средняго роста.

c) Коренной зубъ верхней челюсти (?) овцы.

Такимъ образомъ видно, что ни одна порода животныхъ не принадлежала къ выморочнымъ породамъ, а напротивъ того къ домашнимъ животнымъ, доселѣ еще разводимымъ повсемѣстно въ Крыму.

Вмѣстѣ съ костями животныхъ въ слою земли нашлось также нѣсколько черепковъ отъ разбитыхъ сосудовъ. На одномъ изъ нихъ

замѣтна полоса, проведенная въ глубь. Глина довольно тонкаго зерна, но невозможно опредѣлить время, къ которому относятся эти черепки. Они скорѣе схожи съ сосудами византійской эпохи, чѣмъ древне-греческой.

Сперва я провелъ пробную канаву отъ входа пещеры до самой глубины ея; а когда стали попадаться вещи, то очистили все дно пещеры отъ слоя земли. Въ этомъ-то слою найдены были слѣдующія вещи:

1) Серебряный перстень, съ крестообразною монограммою.

2) Бронзовый перстень, со знакомъ, похожимъ на арабскую цифру: 4, поставленную на оборотъ и съ точкою на каждомъ концѣ. Такія точки на концѣ прямыхъ линій часто попадаются на подписяхъ греческихъ поселеній береговъ Чернаго моря и на монетахъ воспорскихъ царей, начиная съ Миѳридата Евпатора, или даже съ Перисада II (289 л. до Р. Х.), и кончая послѣднимъ извѣстнымъ годомъ царствованія Рескупориса VII (633—637 по Р. Х.). Любопытно сравнить знакъ на перстнѣ съ цифрою четыре на оборотѣ монеты Радамсадеса, 614 года (=323 г. по Р. Х.).

3) Овальная бронзовая пряжка.

4) Три бронзовыя пряжки съ оброннымъ украшеніемъ въ видѣ пальмъ. На оборотѣ два маленькіе ушка, для пришивки этихъ пряжекъ.

5) Такая же бронзовая пряжка, но поменьше и съ другимъ оброннымъ узоромъ.

6) Пряжка бронзовая, одинаковой формы съ № 4, но совершенно гладкая. Верхняя часть отломана.

7) Бронзовая пряжка съ оброннымъ изображеніемъ льва. Видны еще слѣды позолоты. На оборотѣ три ушка, для прикрѣпленія пряжки. Въ ушкахъ оставались кусочки дерева (?), которыми придерживаемы были ушки пряжки.

8) Два желѣзные язычка, вѣроятно отъ утратившихся пряжекъ.

9) Четыре обломка басебной мѣди или бронзы. Судя по дырочкамъ, эти бляхи были приколочены къ какому-нибудь предмету.

10) Два бронзовыя колечка, придерживаемыя шалнеромъ изъ басебной мѣди и обломокъ другаго шалнера. По разстоянію загнутыхъ шалнерь, они прикрѣплялись къ очень толстой матеріи или къ толстому ремню.

11) Бронзовое колечко.

12) Двойная стеклянная буса темно-желтаго цвѣта.

13) Одна буса такого же цвѣта.

14) Продолговатая буса изъ голубаго стекла, получившая радужные оттѣнки отъ вывѣтренія.

15) Буса изъ свѣтло-зеленоватаго стекла съ синими крапинами.

16) Пуговка вырѣзанная изъ раковины.

17) Маленькая раковина, съ отрѣзаннымъ верхомъ, изъ семейства Cyprea moneta.

18) Золотая гладкая серьга, съ привѣскою въ видѣ узла изъ бронзовой проволоки.

19) Другая, гладкая серьга, изъ золотой проволоки, съ загнутыми вмѣстѣ концами и съ украшеніемъ изъ четырехъ золотыхъ шариковъ, припаянныхъ пирамидально.

Изъ всѣхъ этихъ предметовъ въ особенности любопытно серебряное кольцо съ монограммою, потому что, по нѣкоторымъ палеографическимъ признакамъ, мы можемъ догадаться, къ какому столѣтію оно должно быть отнесено.

Во первыхъ, надо замѣтить, что хотя монограмма вырѣзана въ глубь, однако она не предназначалась для печати, потому что снимокъ приходится тогда на оборотъ.

Монограммы расположенныя крестомъ начинаются на византійскихъ монетахъ не прежде царствованія Іустиніана, съ 527 по 565 годъ. Любопытно, что монеты, чеканенныя въ Херсони или въ Корсунѣ, въ особенности отличаются крестообразными монограммами. Упоминаемыя монеты чеканены изъ бронзы. На нихъ:

Грудное изображеніе императора впрямь.

Об. Крестообразная монограмма изъ имени Іустиніана [1]).

Четыреугольное начертаніе буквы эпсилонъ въ монограммахъ и монетахъ начинается также при Іустиніанѣ, а до тѣхъ поръ преобладаетъ полукруглая форма эпсилона. Даже на серебряныхъ монетахъ этого же императора попадается эпсилонъ полукруглой формы (Pl. XII, 19. T. I, p. 179, № 18), но въ особенности какъ знакъ цѣнности (indice), между тѣмъ какъ въ монограммахъ, въ особенности Корсунскаго монетнаго двора, полукруглый эпсилонъ постоянно замѣняется четыреугольнымъ [2]).

Переходя къ палеографическимъ признакамъ буквы, которую я считаю альфою, мы замѣтимъ, что пересѣкающіяся промежуточныя черты впервые встрѣчаются на монетѣ Аталарика, че-

[1]) Sabatier. Descript. génér. des mon. byzantines. Pl. XVII, 4. Tome I, p. 192. № 127.
[2]) Sabatier. pl. XVII, 17. Tome I, p. 192, № 130.

чапенной въ Равеннѣ, при императорѣ Іустинѣ I. Аталарикъ вступилъ на престолъ въ 526 году, а Іустинъ I убитъ былъ въ 527; слѣдовательно такія монеты чеканены въ 526 и 527 годахъ. На лицевой сторонѣ изображеніе Іустина вправо; кругомъ надпись: DN. IVSTINVS. P. F. AC. На оборотѣ—лавровый вѣнокъ съ монограммою Аталарика [1]). Совершенно подобнаго же очертанія альфа встрѣчается на монограммахъ монетъ Іустиніана.

Буква N съ поперечною чертою, доходящею до конца боковой черты. встрѣчается также на монетѣ Іустиніана (Pl. XVII, 18).

Изъ всѣхъ этихъ палеографическихъ признаковъ можно вывести заключеніе, что разсматриваемый перстень не сдѣланъ былъ ранѣе 526 года. Затѣмъ, если прослѣдить далѣе эти палеографическія указанія, мы увидимъ, что полукруглый эпсилонъ снова появляется на монетахъ Тиверія II Константина (578—582), а со вступленія въ 602 на престолъ императора Фоки († 610) совершенно замѣняетъ четыреугольное очертаніе этой буквы. Такимъ образомъ мы получаемъ промежутокъ времени между 526 и 602 годами, къ которому долженъ принадлежать нашъ перстень.

Изъ крестообразныхъ монограммъ позднѣйшаго времени, всего болѣе сходны съ нашею монограммою: одна—императора Тиверія V Апсимара (698—705), а другая—Льва V Изавріянина (716—741) [2]). Обѣ онѣ очень любопытны по расположенію буквъ и по порядку, въ которомъ ихъ слѣдуетъ читать.

Но, примѣняя къ нашей печати тотъ же порядокъ въ чтеніи, мы не получаемъ никакого удовлетворительнаго смысла. Между тѣмъ К. К. Гёрцъ, перевернувъ печать, читаетъ такимъ образомъ: ТVХИ. На это В. Е. Румянцовъ замѣтилъ, что, по его мнѣнію, здѣсь выгравировано не Т, а четыреугольное Е, и предлагаетъ читать: ЕVХИ. И то и другое чтеніе весьма правдоподобны. Въ заключеніе замѣчу, что какъ ни читать надпись перстня, какъ ТVХИ, или какъ ЕVХИ, а все-таки перстень самъ по себѣ былъ навѣрно сдѣланъ между 526 и 602 годами, а слѣдовательно, и всѣ остальные предметы, найденные въ пещерѣ вмѣстѣ съ этимъ перстнемъ, принадлежатъ къ концу VI или къ началу VII столѣтія.

---

[1]) Ibidem. pl. XVIII, 18. Tome I, p. 200, № 9.—Pl. XVII. 5, 19, 19.

[2]) Sabatier. pl. XXXVIII, 5, 6, 7. T. II, p. 31, № 11, pl. XXXIX.

ОПИСАНІЕ
ТВЕРСКАГО МУЗЕЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

Д. Чл. А. К. Жизневскаго,

съ примѣчаніями гр. А. С. Уварова.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Въ городѣ Твери, при Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ, въ зданіи Губернской Гимназіи, съ 1866 года существуетъ Музей, для храненія въ немъ образцовъ произведеній земледѣльческой, фабричной, заводской и ремесленной производительности Тверской губерніи, образцовъ естественныхъ произведеній царствъ—минеральнаго, растительнаго и животнаго, а также предметовъ, относящихся до этнографіи и археологіи Тверской губерніи. 9 августа 1866 года, въ незабвенные дни пребыванія въ Твери Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Александра Александровича и Великаго Князя Владиміра Александровича, Тверской Музей открытъ въ Августѣйшемъ присутствованіи Ихъ Высочествъ, осчастливившихъ его своимъ милостивымъ посѣщеніемъ. Музей этотъ обязанъ своимъ учрежденіемъ бывшему начальнику Тверской губерніи, князю Петру Романовичу Багратіону. Его стараніями, при содѣйствіи бывшаго секретаря Статистическаго Комитета, нынѣ дѣйствительнаго члена онаго, Н. И. Рубцова, благодаря живому сочувствію фабрикантовъ и заводчиковъ, собраны были образцы мѣстной производительности и предметы, относящіеся до этнографіи края. Са-

мимъ княземъ Багратіономъ пожертвованы были въ Музей многіе предметы лично ему принадлежавшіе и не разъ были присылаемы денежныя пособія этому учрежденію. На помощь князю Багратіону явился маститый нашъ поэтъ Өедоръ Николаевичъ Глинка [1], всегда съ живымъ сочувствіемъ отзывающійся ко всѣмъ проявленіямъ высшихъ интересовъ. Имъ сдѣланы денежныя пожертвованія на устройство и поддержаніе Музея, который обязанъ ему многими весьма замѣчательными предметами. Содѣйствовалъ также учрежденію сего Музея своими денежными приношеніями бывшій Тверской градскій голова А. Ө. Головинскій, оставившій по себѣ прекрасную память своими щедрыми пожертвованіями для Твери на пользу общественную.

Тверской Музей основанъ съ цѣлію служить нагляднымъ пособіемъ при изученіи Тверской губерніи въ настоящемъ ея положеніи. Но для основательнаго изученія настоящаго положенія края необходимо знать его минувшую жизнь; съ минувшею же жизнью ознакомиться можно лишь изслѣдованіемъ памятниковъ старины, которые, къ сожалѣнію, такъ быстро и безвозвратно изчезаютъ, иногда отъ руки времени, иногда же отъ невѣжества и равнодушія къ нимъ. Сохранить уцѣлѣвшіе памятники глубокой старины или, по крайней мѣрѣ, ихъ изображенія, собрать ихъ въ одно мѣсто, для того, чтобы учащееся юношество и все общество, интересующееся родной стариною, имѣло подъ руками возможно полную и вѣрную картину древней народной жизни,—вотъ дѣло, исполненіе котораго представилось необходимымъ вскорѣ послѣ того, какъ основанный въ Твери Музей наполнился образцами естественныхъ произведеній и продуктами современнаго хозяйства и промышленности Тверской губерніи. Мѣстность, составляющая нынѣ Тверскую губернію, по участію своему въ событіяхъ исторической жизни всего русскаго народа, должна была бы имѣть очень много памятниковъ своихъ историческихъ судебъ; но, подвергаясь неоднократнымъ нашествіямъ татаръ, литовцевъ и поляковъ, а также княжескимъ усобицамъ удѣльнаго періода, сопровождавшимся почти всегда грабежами и пожарами, она утратила множество такихъ памятниковъ и нынѣ представляетъ уже мало предметовъ, имѣющихъ значеніе для археологіи: тѣмъ дороже, поэтому, уцѣлѣвшіе остатки старины и тѣмъ бо̀льшая обязанность сохранять ихъ лежитъ на лицахъ, имѣющихъ почему либо къ тому возможность. Сохранившіеся въ разныхъ мѣстахъ губерніи курганы и древнія городища, при бу-

---

[1] Портреты князя П. Р. Багратіона и Ө. Н. Глинки, по постановленію Тверскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, съ разрѣшенія г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, помѣщены въ Музеѣ.

дущихъ раскопкахъ ихъ, обѣщаютъ изслѣдователямъ старины немаловажный запасъ археологическихъ предметовъ, могущихъ пролить свѣтъ на историческія судьбы и старинныя условія быта страны. Весьма важнымъ пособіемъ къ такимъ изслѣдованіямъ будетъ служить почтенный трудъ дѣйствительнаго члена Тверскаго Губернскаго Статистическаго Комитета В. А. Плетнева «О курганахъ и городищахъ Тверской губерніи», начатый печатаніемъ 1875 года въ Тверскихъ Губернскихъ вѣдомостяхъ [1]).

Желательно, кромѣ того, чтобы будущіе археологи-изслѣдователи въ предѣлахъ Тверской губерніи имѣли въ виду назначеніе существующаго въ г. Твери Музея, и доставляли бы въ оный, если не всѣ найденные ими предметы тверской старины, то по крайней мѣрѣ дубликаты оныхъ. Всякое обогащеніе подобнымъ образомъ мѣстнаго музея, показывая цѣлесообразность его въ отношеніи изученія прошедшаго страны, неминуемо вызоветъ сочувствіе къ нему общества и отдѣльныхъ лицъ, которыя конечно не откажутся помогать ему своими приношеніями [2]).

Что касается тѣхъ памятниковъ старины, которые находятся въ церквахъ и монастыряхъ Тверской губерніи и не могутъ поступить въ Музей, то они въ нѣкоторой мѣрѣ могутъ быть замѣнены въ Музеѣ фотографическими съ нихъ снимками. Съ этою цѣлью уже предпринято составленіе альбома замѣчательныхъ предметовъ Тверской старины [3]). Музей собираетъ также планы съ древнихъ зданій

---

[1]) Можно надѣяться, что этотъ трудъ во многихъ возбудитъ и живой интересъ къ родной старинѣ, и готовность доставить Тверскому Статистическому Комитету имѣющіяся у нихъ, но не вошедшія въ монографію г. Плетнева свѣдѣнія о курганахъ и городищахъ Тверской губерніи.

[2]) Очень жаль, что ученые Аспелинъ и Европеусъ, производившіе раскопки въ селѣ Бѣжицахъ, Бѣжицкаго уѣзда, не подѣлились съ Тверскимъ музеемъ своими находками.

[3]) Въ настоящее время альбомъ Тверской старины, составляемый А. К. Ж., заключаетъ въ себѣ 48 фотографическихъ снимковъ, съ краткимъ печатнымъ текстомъ на оборотѣ. Гг. фотографы: Франтовъ въ Твери, братья Кольбергъ въ Ржевѣ и Осташковѣ, Позднышевъ въ Торжкѣ и Алексѣевъ въ Кашинѣ, а также Лоренцъ въ Петербургѣ, весьма удовлетворительно исполнили сдѣланные имъ заказы.

Въ этомъ альбомѣ, въ числѣ другихъ предметовъ, изображены въ снимкахъ: а) Двѣ иконы, хранящіяся въ Тверскомъ Соборѣ, съ надписями на оборотѣ оныхъ: одна—Покрова Пресвятыя Богородицы, съ надписью: «Молятца сему образу Тверичи дворяне всѣмъ городомъ вложилъ подъячей Григорей Теплой въ ҂зрѯѳ (1661) году по ихъ дворянскому приказу»; другая—Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, также съ надписью на оборотѣ: «Сей образъ далъ въ соборную церковь Преображения Господня Преосвященный Іоасафъ архиепископъ тферской». б) Икона Спасителя, находящаяся въ Новоторжскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, съ надписью на

и списки съ надгробныхъ памятниковъ [1]). Археологическія коллекціи Тверскаго Музея стали пополняться лишь въ недавнее время: въ первые же годы его существованія преимущественное вниманіе обращено было на пополненіе его предметами, могущими дать представленіе о современномъ положеніи Тверской губерніи. До 1872 года въ Тверскомъ Музеѣ, изъ археологическихъ предметовъ, не было ничего замѣчательнаго, кромѣ: бердыша (протозана), найденнаго въ Тверскомъ уѣздѣ вблизи рѣчекъ Вязьмы и Десны, около селеній Брынева и Калистова; одного мѣднаго нагруднаго креста и желѣзнаго ножа, вырытыхъ изъ земли: монетъ серебряныхъ, денежекъ и мѣдныхъ пуль.

оборотѣ: «Сему ѡбразу молитца Царь Іванъ васильевичъ». По всему вѣроятію, эти слова написаны собственноручно царемъ Грознымъ *). в) Сосуды, найденные въ стѣнѣ древняго Собора, въ томъ-же монастырѣ, а также древняя митра изъ шелковой матеріи съ горностаевою опушкою. Преданіе утверждаетъ, что эти предметы принадлежали преподобному Ефрему, скончавшемуся въ 1053 году. г) Хранящаяся въ томъ же монастырѣ шитая палица, съ изображеніемъ Спасителя, изводящаго святыхъ праотцевъ изъ ада, и съ надписью по краямъ: «Сия полица положена бысть въ церковь Святыхъ великихъ новоявленныхъ мученикъ Бориса и Глѣба благовѣрнымъ христолюбивымъ Княземъ Егорьемъ Васильевичемъ». д) Царскія двери, сѣверныя двери, запрестольный крестъ и паникадило XVI столѣтія, находящіеся въ Троицкой церкви въ Твери, построенной въ 1564 году. Особенно замѣчательны сѣверныя двери, бывшія прежде Царскими дверями въ существовавшей, по всему вѣроятію, прежде на этомъ мѣстѣ церкви; на нихъ, въ раскрытомъ Евангеліи у евангелиста Марка, изображены слова: «Во врем҃ ѡн҃». е) Двѣ иконы пр. Нила, находящіяся въ Ниловой пустыни, Осташковскаго уѣзда, съ первой половины XVII столѣтія, съ изображеніемъ этого монастыря. ж) Эпитрахиль, повидимому передѣланная изъ малаго омофора, съ шестью шитыми изображеніями святыхъ и съ надписями при каждомъ изъ четырехъ слова «агіос». Эпитрахиль украшена финифтяными дробницами, совершенно подобными тѣмъ, какія находятся на облаченіяхъ св. Алексія митрополита въ московскомъ Чудовѣ монастырѣ и Фотія—въ Патріаршей ризницѣ. з) Шитый воздухъ, хранящійся въ церкви погоста на Рогожи, Осташковскаго уѣзда, бывшаго Рогожскаго Преображенскаго монастыря, иначе называвшагося Пелагеиною пустынью. На этомъ воздухѣ, кромѣ Спасителя въ Чашѣ, Деисуса, четырехъ Евангелистовъ, изображенныхъ въ видѣ символовъ, вышиты семейныя иконы царя Михаила Өедоровича, какъ-то: св. Михаилъ Малеинъ, св. муч. Хр҃стовъ Өедоръ, иже въ Пергіи, пр. Ксенія и пр. Іоанъ Списатель; кромѣ того, изображены внизу: св. Пятница, св. Өекла и св. Акилина.

[1]) Весьма много содѣйствовало бы цѣлямъ Музея описаніе старинныхъ кладбищъ.

*) Къ сожалѣнію, не удалось отыскать автографа царя Ивана Васильевича ни въ Румянцовскомъ Музеѣ, ни въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

доставленныхъ изъ кладовъ, найденныхъ въ недавнее время, а также глиняной кубышечки, въ которой хранились вырытыя старинныя деньги. Но съ 1872 года Тверской Музей, не смотря на то, что многіе памятники старины исчезли безвозвратно, уже успѣлъ обогатиться замѣчательными археологическими предметами и пріобрѣсть многія древнія рукописи и столбцы [1]).

Къ такой дѣятельности Тверскаго Музея, въ отношеніи сохраненія памятниковъ тверской старины, сочувственно относился Высокопреосвященный Филоѳей, митрополитъ Кіевскій, во время своего архипастырства въ г. Твери, и благословилъ Музей двумя иконами, Спасителя и двѣнадцати апостоловъ.

Какіе же именно старинные памятники мѣстности, составляющей нынѣ Тверскую губернію, хранятся въ Тверскомъ Музеѣ, видно будетъ изъ слѣдующаго описанія.

---

[1]) Описаніе рукописей будетъ составлено въ непродолжительномъ времени. Изъ числа ихъ особенно замѣчательны: 1) Евангеліе рукописное. Его слѣдуетъ отнести къ XV столѣтію, какъ по бумагѣ, такъ и по правописанію. Оно заключаетъ въ себѣ многія особенности Остромірова Евангелія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ измѣненій. Это драгоцѣнное пожертвованіе сдѣлано о. В. П. Успенскимъ, пріобрѣвшимъ его въ г. Ржевѣ. Вмѣстѣ съ этимъ Евангеліемъ, почтенный пожертвователь приложилъ и описаніе его, а также сличеніе съ Евангеліемъ печатнымъ 1823 года, противъ котораго оно значительно разнится въ словахъ и выраженіяхъ.

2) Старинный сборникъ, повидимому XVII столѣтія, заключающій въ себѣ:

а) Начала славянской грамматики.

б) Молитвы, которымъ подобаетъ учителю научити отрока.

в) О дѣланіи христіанскаго человѣка.

г) Испытаніе этимологіи.

д) Гражданство обычаевъ дѣтскихъ.

е) Анастасія патріарха антіохійскаго и Кирилла александрійскаго изложеніе сокращенное о Православной вѣрѣ.

ж) Основаніе числительнаго искусства.

з) Книгу, именуемую Луцидаріосъ.

Эта замѣчательная рукопись пожертвована П. В. Меншутинымъ.

3) Вышневолоцкій помѣщикъ Н. П. Харламовъ пожертвовалъ собраніе столбцовъ XVII и рукописей XVIII столѣтій. Въ числѣ столбцовъ заключается грамота царя Михаила Ѳедоровича, двѣ купчихъ крѣпости этого же царствованія, наказъ царя Алексѣя Михайловича Каргопольскому воеводѣ, стольнику Кондратію Загряжскому, множество крѣпостей, записей, памятей, челобитныхъ и другихъ дѣловыхъ бумагъ (XVII столѣтія).

Вмѣстѣ съ этимъ собраніемъ рукописей пожертвована книга XVII столѣтія, заключающая въ себѣ списки съ писцовыхъ книгъ Бѣжецкой Пятины.

4) А. Ѳ. Бухаревымъ пожертвована память 1597 года и нѣсколько столбцовъ XVII столѣтія; А. В. Соколовымъ—рядная запись 1632 года.

(Описаніе будетъ помѣщено въ слѣдующихъ выпускахъ).

ОПИСАНІЕ
ЕВАНГЕЛІЯ 1092 ГОДА

(сличеннаго преимущественно съ Остромировымъ Евангеліемъ).

Д. Чл. Архимандрита Амфилохія.

Въ нынѣшнемъ 1877 году торговцемъ-антикваромъ Большаковымъ пріобрѣтено отъ одного архангельскаго крестьянина пергаменное рукописное Евангеліе, съ означеніемъ года 1092-го на 177 листѣ, внизу, на 21-й строкѣ. Это Евангеліе было дано мнѣ на домъ, на десять дней, для моихъ занятій по дополненію къ Юрьевскому Евангелію 1118—28 года. Въ эти десять дней я изъ доставленнаго мнѣ Евангелія, замѣчательнаго по своей редакціи отличной отъ евангелій: Остромирова, Савина, Юрьевскаго, Мстиславова, Евангелія по недѣлямъ XII в. Сунод. типографской библіотеки, Четверо-евангелія XII в. той же библіотеки и Добриловскаго 1164 г., выписалъ всѣ разночтенія и отмѣтилъ ихъ на своемъ Евангеліи XV в., пріобрѣтенномъ отъ того же Большакова; скопировалъ изъ него 2-ю таблицу, половину 4-й и всю 5-ю карандашемъ, а остальное все по моему указанію сдѣлалъ съ обязательностію для меня, также карандашемъ, художникъ Варламовъ. Онъ все это послѣ навелъ литографическою тушью, а литографъ Гавриловъ перевелъ на камень и сдѣлалъ для образца въ двѣ краски снимки, которые здѣсь и прилагаются для разсмотрѣнія. За одолженіе меня этою драгоцѣнною рукописью на 10 дней Большаковымъ, и за скопированіе нѣсколькихъ страницъ всѣхъ почерковъ художникомъ Варламовымъ, приношу имъ искреннюю мою благодарность.

Евангеліе это писано на пергаменѣ плохомъ, со множествомъ урѣзовъ по краямъ и, по мѣстамъ, спивокъ, на 178 листахъ. Писано оно все, кромѣ нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ страницъ, двумя почерками и начинается слѣдующими словами Евангелія въ недѣлю Самаряныни: иосифѫ снѹ своемоу. Отселѣ первымъ писцомъ написано 76 листовъ. Здѣсь въ одной тетради предъ 53-мъ листомъ недостаетъ четырехъ листовъ. Этотъ писецъ постоянно употреблялъ слово: етеръ вм. нѣкыи (τις), какъ оно употреблено и въ О. Ев., только разъ написалъ: нѣкто; часто писалъ: изидоу, придоу, вм. изидоша, придоша; удвоенное оуоу только разъ написалъ, а въ другой—коу; іотированнаго ѩ нигдѣ не употребилъ. Русское нарѣчіе видно въ сихъ словахъ: хочю, мечюще и др. Второй писецъ съ 77 листа писалъ по 175, лучшимъ почеркомъ, чѣмъ первый. У него и заглавныя буквы фигурнѣе, а о заставицѣ онъ самъ высказался, написавъ: а мсба заставице. У этого писца послѣ словъ: о смерти его сни, изъ Евангелія на литургіи въ субботу Лазареву, недостаетъ до сихъ словъ Евангелія въ великій вторникъ на литургіи: видаше ѩко. Предъ 101-мъ листомъ недостаетъ тетради въ 8 листовъ, со словъ 1-го страстнаго Евангелія: сия глахъ вамъ до словъ 2-го страстнаго Евангелія: въ дворъ архиереювъ. Этотъ писецъ употреблялъ удвоенное оуоу, юсовъ мало употреблялъ, нигдѣ не написалъ сокращенно: придоу, вм. придоша, изидоу, вм. изидоша; почти постоянно писалъ: нѣкыи вм. етеръ, и порусски написалъ: мечюще жеребии. Въ Святцахъ, имъ же написанныхъ, не записалъ ни одного русскаго святаго, а изъ славянскихъ записаны: на л. 132 об. Вячеславъ: мцⷭа то (сентября) въ ки стго вѧчеслава; на л. 161 Меѳодій: мцⷭа априлія въ г днь стго еутухиа патриарха. оца нашего меѳодиа архиепⷭпа мараваска. 6 декабря о Святителѣ Николаѣ Чудотворцѣ записано такъ: мцⷭа то. въ ѕ. стго оца нашего николы извавьника. и архиепⷭпа. въ мурѣхъ. Іюня въ 9 день записано освященіе церкви Богородицы на источникѣ, л. 169: мцⷭа. то. въ д. сщение стѣи бцы на ложи. Въ концѣ своего почерка, послѣ Евангелія надъ болящимъ, на оборотѣ 174 листа и на 175-мъ, 2-й писецъ написалъ такъ: иного чловка. . . . . [1]) отѧгъченъ грѣхы бечисльныими. братиѩ моѩ влаѩсѧ въ житии ѩко корабль на поучинѣ моря. . . . . помышлѩѩ. сластолюбие. похотѣние клеветы свары пьяньство (л. 175). просто рекъше вся злаѩ о сѣхъ братие и оци мои. аще въ тѣхъ мысльхъ блоудя а съблазнилъся боу-

[1]) Что означено точками, того по блѣдности буквъ нельзя было разобрать.

доу пиша. не мозѣте братие—[1]) клати. нъ исполните и блте и простите оубогоую мою дшю. мене грѣшьнаго. рекше мичька. Въ послѣдней тетради, состоявшей изъ 8-ми четвертинокъ, осталось только 6; на 1, 2 и въ началѣ 3-го листа, писалъ и закончилъ 2-й писецъ мичька. Послѣ не го писцемъ, не оставившимъ своего имени, исписанъ 3-й листъ и 4-й воскресными утренними евангеліями. Почеркъ сего писца смотри въ 8-й таблицѣ снимковъ, послѣ записи мичьки. Послѣ 4-го, недостаетъ листа. На 5-мъ листѣ дописывалось 10-е воскресное утреннее Евангеліе, гдѣ доканчивавшій эту рукопись какой-то пресвитеръ (имени его, по стертости и блѣдности тонкихъ очертаній въ буквахъ, я не могъ разобрать) написалъ: коньча азъ не толиї въ лѣ ѕх презвутє грѣшї; написалъ: коньча, а не напса, написалъ такими же чернилами, какими писалъ 2-й писецъ мичька, на 21-й—послѣдней строкѣ страницы (такъ написана вся рукопись и 1-мъ и 2-мъ писцемъ, т. е. по 21-й строкѣ на страницѣ; на очень немногихъ есть и менѣе и болѣе одною строкою). На оборотѣ сего 177 листа, написано южнымъ славянскимъ нарѣчіемъ въ XII—XIII вѣкѣ по палимсесту евангеліе, безъ означенія, на какой день читать. Это евангеліе написано чернилами черными, какъ будто теперь только писано. Такихъ чернилъ не встрѣчается во всей рукописи ни на одной страницѣ, кромѣ сей. На послѣднемъ листѣ, по счету въ этой тетради—6-мъ, написано въ XII в. евангеліе въ Михаиловъ день и на оборотѣ его немного строкъ—по палимсесту. Ниже сего видны нѣкоторыя буквы палимсеста, реставрированныя мною химическомъ составомъ, оставленнымъ Измаиломъ Ивановичемъ Срезневскимъ лѣтъ 8 тому назадъ. Эта страница слишкомъ сглажена, во многихъ мѣстахъ насквозь проскоблена; внизу видна заставка, раздѣленная какъ бы на два столбца. Но что здѣсь написано и что также написано на оборотѣ 177 листа, гдѣ не было мною ничего реставрировано, не знаю. Длина пергамена 4 $5/8$ вер., къ верху отъ писаннаго $1/2$ в., къ низу $7/8$ в., ширина 3 $7/8$ в., къ корешку отъ писаннаго $3/8$ в., къ правой сторонѣ $6/8$ в.

Заглавія, заглавныя буквы и заставка писаны киноварью пунцоваго цвѣта. По характеру буквы похожи на буквы Юрьевскаго Евангелія 1118—28 г. Въ правописаніи втораго писца замѣчательна особенность въ знакахъ выбрасыванія гласныхъ: онъ ставитъ надъ второю согласною вверху двѣ точки.

---

[1]) Черта означаетъ, что это слово «братие» зачеркнуто было въ свое время, какъ дважды по ошибкѣ написанное.

На концахъ евангелій оба писца пишутъ четыре точки, какъ и въ Сав. Евангеліи. Колеръ чернилъ темносѣрый, коричневый и, на одной страницѣ, л. 177 об.,—черный. Въ срединѣ заставки завитки писаны такими же чернилами, какими писалъ второй писецъ.

Рукопись была закончена въ 1092 году 10-мъ Воскреснымъ евангеліемъ, а объ 11-мъ замѣчено, что оно писано въ 8 субботу. Такъ было закончено и Евангеліе Савино XI в., юсоваго письма.—Затерянныхъ листовъ воскресныхъ евангелій въ сей рукописи, гдѣ бы можно было предположить въ другомъ мѣстѣ, по исчисленію мною всѣхъ затерянныхъ листовъ, нѣтъ. А безъ Воскресныхъ Евангелій нѣтъ ни одного Евангелія, написаннаго по недѣлямъ.

Евангелія XI вѣка, какъ Остромирово, Савино и сіе, не имѣли чтеній дневныхъ послѣ пятидесятницы; по крайней мѣрѣ, мнѣ неизвѣстно такое евангеліе XI в., которое бы имѣло дневныя евангелія послѣ пятидесятницы. Начиная съ евангелій: Мстиславова, начала XII в., Юрьевскаго 1118—28 г., Синод. тип. библіотеки малаго формата XII в., Добриловскаго 1164 г., Симоновскаго 1270 г., 3-хъ ев. XIV в. Воскресенской Новоіерусалимской библіотеки, съ которыми мною сличено Юрьевское Евангеліе, одного Ев. XV в. той же библіотеки, до 5-ти евангелій XV в. и XVI в. и одного—1535 г. моей библіотеки, евангелія дневныя послѣ пятидесятницы во всѣхъ написаны, и доселѣ въ упомянутыхъ вѣкахъ я не встрѣчалъ ни одного евангелія, гдѣ бы не было дневныхъ евангельскихъ чтеній послѣ пятидесятницы. Въ греческомъ Евангеліи Моск. Синод. библ. № 226, г. Маттеемъ и преосв. Саввою относимомъ къ VII в., а мною къ X, нѣтъ дневныхъ евангелій послѣ пятидесятницы, а въ греческомъ Евангеліи XI в. (№ 225 той же библіотеки) онѣ находятся.

Въ описываемомъ мною Евангеліи 1092 г. на счетъ дневныхъ евангелій послѣ пятидесятницы есть важная замѣтка такая: Сѫботѣ и не҇д стъıмъ еѵа҇. ıакоже чьтеть великаꙗ црк҇ъı ѿ пантикостиꙗ до великаго поста. См. снимокъ сего на 5 таблицѣ.—Здѣсь на поляхъ скобочки, съ черточками по срединѣ, точно такія, какія и у писца 1092 г. на двухъ послѣднихъ строкахъ.

Изъ этой рукописи, скопированы всѣ почерки. Болѣе меня знающіе и палеографію и филологію пусть высказываютъ свои мнѣнія и сужденія о ней и относятъ ее къ гораздо позднѣйшему времени; но я, съ своей стороны, заподозривать запись съ годомъ ҂ѕх не имѣю никакого основанія. Эта запись хотя и блѣдна, но годъ ҂ѕх ясно написанъ, и далѣе никакой

другой цифры нѣтъ; а почеркъ совершенно похожъ на почеркъ дописаннаго 10-го Воскреснаго евангелія, и чернила одинаковы съ тѣми чернилами, какими писалъ второй писецъ. Въ своемъ имени, надъ двумя гласными мйі, онъ написалъ двѣ черточки, а въ самомъ Евангеліи писалъ по одной.

Не такъ важно сіе Евангеліе по почерку письма и украшеніямъ, сколько важно и замѣчательно по своей редакціи, несходной во многихъ мѣстахъ и съ Остромировымъ Евангеліемъ, съ которымъ, впрочемъ, въ иныхъ мѣстахъ оно болѣе сходится, чѣмъ съ другими, даже и по правописанію. Съ евангеліями же XII и XIII вѣковъ оно не имѣетъ сходства. Для сего у меня сличено 1-е евангеліе въ недѣлю Самаряныни съ Остр. Евангеліемъ, Сав. Евангеліемъ и евангеліями XII вѣка. См. ниже мое сличеніе.

Пропущенныя въ Евангеліи Остромировомъ слова и цѣлые стихи здѣсь есть. Іоан. XVII, 1: приде година (ἐλήλυθεν ἡ ὥρα); Мѳ. IX, 29: по вѣрѣ вашеи боуди вама. и ѿ вьрзостасѧ има очи и запрѣти има исъ гла., и другія. См. ниже отличія сего Евангелія отъ Остромирова.

Нѣкоторыя слова лучше переведены, чѣмъ въ Остр. Ев. Напр. любай (ὁ φιλῶν) вм. иже любить. съ дьрзновениемь (παῤῥησία), вм. не обиноуıмсѧ и др. См. тамъ же.

Есть такія дополненія, въ родѣ объясненій, которыхъ нѣтъ ни въ О. Ев., ни въ спискахъ евангелій XII и XIII в. Я нашелъ ихъ только два въ Савиномъ Евангеліи, письма юсоваго, писанномъ у южныхъ Славянъ. Эти дополненія слѣдующія: у Лук. въ XV главѣ послѣ 21 стиха прибавлено: сътвори мѧ ıако единого ѿ наимьникъ твоихъ. Это есть въ Сав. Евангеліи. У лук. IX гл. послѣ 42 стиха прибавлено: гла. дше нечистыи изиди ѿ отрока. Эти прибавленія находятся и въ Сав. Евангеліи. Въ евангеліи въ недѣлю о мытарѣ и фарисеѣ прибавленій нигдѣ не нашелъ. См. сним. 2 табл., а затѣмъ,— въ сличеніи ниже [1].

---

[1]) Находящееся въ евангеліяхъ: Мстиславовомъ. Син. Тип. библіотеки XII в. и Добриловскомъ, прибавленіе рака бо рєчєсѧ сѹрьскꙑ оплькань отыскано мною въ греч. толковомъ Евангеліи X—XI в. № 41 Син. Библ., на л. 9 об. κατὰ τὴν Σύρων γλῶσσαν σημαίνει καταπτύστε.

Другая вносная мысль въ текстѣ есть въ слав. Апостолѣ XIII—XIV в., графа Толстого, находящемся въ Императ. публичной библіотекѣ, на л. 39. I Тим. IV гл., предъ 7-мъ стихомъ: жидовьскыма прєданиемъ глть, повторенная въ Апостоло-Еванг. XIII—XIV в., найденномъ г. Гильфердингомъ въ Карпинѣ. Въ греч. рукописномъ толковомъ Апостолѣ X—XI в. (№ 98 Син. библіотеки) эта мысль такъ выражена: τὰς ἰουδαϊκὰς παρατηρήσεις λέγει.

Есть буквально сходныя мѣста по правописанію съ Остромировымъ Евангеліемъ; напр. л. 71: рече. нѣсть добро отѧти хлѣба.... пьсомъ. жено велика ѥсть вѣра твоꙗ; л. 71 об. нъ за безочьство ѥго. въставъ дасть ѥмоу. ѥлико требоуѥть... благаꙗ даꙗти чѧдомъ вашимъ. кольми паче отьць вашь.. и друг.

Одинъ разъ, у перваго писца, записаны надъ однимъ греческимъ словомъ два значенія, рядомъ написанныя: подъметъ въскрилиꙗ (τὰ κράσπεδα). Въ Остр. Ев., въ одномъ еванг. чтеніи, есть подобныя слова. Такъ противъ слова греч. τινὶ написаны два слова: етероу дроугоуоумоу. Мѳ. XVIII, 12, л. 55 об. Такая ошибочная вноска въ текстъ писцами неопытными съ полей словъ уясняющихъ, а не пропущенныхъ, есть въ спискахъ Пандекта Антіоха XIV в. и позднѣе. Г. Востоковъ, составляя свой многолѣтній знаменитый церковно-славянскій словарь, ошибочно внесъ въ него, вмѣсто слова соха, извѣстнаго мнѣ по списку Пандекта Антіоха Черноризца XI в., мною подробно изслѣдованному,—слово: кольсоха (χάραξ). Въ самомъ текстѣ написано: соха и знакъ сноски подъ этимъ словомъ, а на полѣ написано: коль. Неопытный писецъ, вынесенное на поле слово коль, какъ пропущенное по его понятію, внесъ въ текстъ, и вышло у г. Востокова, пользовавшагося не спискомъ XI в., а списками XIV—XV в., заключающими подобныя внесенія въ текстъ словъ на полѣ написанныхъ, слово кольсоха, а не соха.

Чтобы болѣе судить о достоинствѣ сего Евангелія, предлагается вниманію читателей и любителей нашей дорогой отечественной старины сличеніе 1-го здѣсь написаннаго евангелія въ недѣлю Самаряныни съ евангеліями: Остромировымъ, Юрьевскимъ 1118—28, Мстиславовымъ начала XII в., Евангеліемъ Сүн. типогр. библіотеки XII в., Четверо-Евангеліемъ той же библіотеки XII в. и Евангеліемъ Добриловскимъ 1164 г.; а остальныхъ еванг. чтеній—только съ Остромировымъ и, мѣстами, съ Савинымъ Евангеліемъ XI в., юсоваго письма, Ев. Сүн. типографской библіотеки и нѣкоторыми другими XII в.

Отличія Евангелія 1092 года отъ Остромирова, Мстиславова начала XII вѣка, Юрьевскаго 1118—28 г., Добриловскаго 1164 г., Сүн. Типографской Библіотеки: Евангелія по недѣлямъ XII в. и Четвероевангелія XII в.

Изъ Евангелія въ недѣлю Самаряныни.

Іоан. IV, 6, троужьсѧ, только въ Юрьев. Ев. троудивъсѧ. Іоан. IV, 6, кладѧзь; такъ въ апракосномъ Ев. Тип. библ. XII в. а въ прочихъ:

стѫденьць.—6. на кладязи, только здѣсь.—7. дажь ми водꙑ. Въ Добр. прибавлено пити водꙑ, въ другихъ евангеліяхъ: пити, а водꙑ не прибавлено.—9. водꙑ просиши, въ апрак. Ев. XII в. Син. Тип. Библ. пити водꙑ просиши, въ прочихъ ев. только: пити просиши.—самарѧне иоудеихъ только въ апр. Ев. XII в. Син. Тип. Библ. не прилѣплаютьбося —10. видѣла (sic), въ проч. ев. вѣдала.—дажь ми водꙑ, вм. пити, какъ въ другихъ евангеліяхъ.—11. ни почьрпала, такъ въ Четвероевангеліи XII в. Син. тип. библ. и апр. Ев. XII в., а въ прочихъ: почрьпальника.—стѫденьць, въ Ев. XII. апр. кладязь, а въ прочихъ такъ же, какъ въ Ев. 1092 г.—12. пиетъ, а въ прочихъ Евангеліяхъ: пи.—13. въждадаетсѧ, О. Е., Ев. апр. XII в. и Четв. XII, Мст. Ев. въжаждетьсѧ, Добр. въждадаеть.—14. только въ Добр. Ев. пьи, вм. иже пиетъ.—14. не имать въждадатисѧ въ вѣкꙑ, въ О. Е., Мст. Ев. и Ю. Е. такъ же, О. Е. . . . въ вѣкъ. Добр. Ев. неимать жадати; въ Четв. XII в. и Ев. апр. XII: не вжаждетьсѧ... нъ и водѫ, только въ Ев. 1092 г.—14. источьникъ водꙑ въскаплющимь, О. Е. и М. Е. истѣкающам. апр. Ев. XII кладязь водꙑ текоуща, въ Доб. Ев. ист... чрепающю (sic), Четв. XII в. въслѣплющи,—только въ Ев. 1092 г. водꙑ вѣчьнꙑи вм. въ животъ вѣчьнꙑи.—15. тим водꙑ только здѣсь.—почьрпатъ, такъ и въ другихъ евангеліяхъ.—16. моужа своего. въ Четв. XII в. м... твоего, въ О. Е., Мст. Е., Ю. Е., апр. Е. XII и Д. Е. моужь твои.—18. во нѣтъ.—18. и нѣтъ.—21. въ иер҃лмѣхъ, въ апр. Е., Добр. и Мст. Е. иер҃лмѣ.—22. его же не вѣсте... егоже вѣмъ. О. Е., Мст. Е., апр. Е. XII иже вѣмь, вѣмы.—23. градеть година. О. Е. придеть, М. Е. идеть.—25. гл҃емꙑи, О. Е., М. Е., апр. Е. нарицаемꙑи, Чет. XII. рекомꙑи.—25. только въ Ев. апр. XII в. послоушьствоуеть намъ вьсе, вм. възвѣстить намъ вьсѧ.—26. придоу, только въ Ев. 1092 г., вм. придоша.—27. чюжаахоуса.—27. гл҃еть, только здѣсь.—27. въ Ев. 1092 г., Апр. Ев. XII в., Добр. Чет. XII в. емоу нѣтъ, чего и по гречески нѣтъ, а въ О. Е. и М. Е. есть.—28. только въ Ев. 1092 г. водонось свою.—28. только въ Добр. Ев. 1164. повѣда вм. гл҃а.—30. только въ Ев. 1092 г. и изидоу.. въ О. Е., М. Е. придоша же, въ Чет. XII., апр. Е. XII. изидоша же, Добр. идоша же.—30. градаахоу. такъ въ Е. апр. XII, Четв. XII и Добр. Е., а въ О. Е. и Мст. идѣахѫ, идаахоу.—31. семи, въ друг.

ѥв. снмъ, ...мь, молꙗхоути. О. Е. и Мст. Е. молꙗхѫ и, а въ апр. Е. XII. и Ч. Е. XII в. молꙗахоуть и, Д. Е. молꙗхоути и.—31. равьви ѥждь, въ О. Е. Мст. Е. Ч. Е. XII в. равви ѣждь, а въ апр. Ев. XII в. и Добр. 1164 г. оучителю ѣждь, ...ꙗжь.—32. только въ Ев. 1092 къ нимъ.—32. ѥсти, въ О. Е., Мст. Е., Ч. Е. XII в. и апр. Е. XII ѣсти.—34. только въ Ев. 1092 г. съвьршаꙗ.—35. въ зведѣте. такъ въ О. Е., М. Е., Д. Е., Ч. Е. XII в., а въ апр. Е. XII въздвигнѣте.—36. приѥмлѥть, такъ въ ап. Е. XII в., Ч. Е. XII в.; а въ О. Е., М. Е. и Д. Е. приметь.—39. только въ Е. 1092 въ него, вм. вънь.—39. только въ апр. Е. XII слова дѣлѧ женꙑ послоушьствоующа, въ Д. Е. женꙑ.—40. только въ Ев. 1092 г. придоу, вм. придоша.—40. молꙗхоути и. такъ въ Ч. Е. XII и Д. Е.; въ апр. Е. XII молѧахоуть и, а въ О. Е. и М. Е. молꙗхѫ ѥго.—41. только въ Добр. Е. мнози начаша вѣровати, въ Ев. апр. XII за словеса.—42. ꙗко нѣтъ.—42. только въ апр. Ев. XII в. оуже не твоѥѧ дѣлѧ бесѣдꙑ.—42. только въ Ев. 1092 г. вѣржемъ вм. вѣмъ, а въ Ч. Е. XII видѣхомъ вм. вѣмъ.—42. только въ Ев. 1092 г. мира.

Отличія отъ Остромирова Евангелія, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ Савина Евангелія и согласія съ послѣднимъ:

Въ понедѣльникъ 5-й недѣли по пасхѣ.

Іоан. VIII, 44: чл҃вкоуоубивьца бѣ по земли искони (по земли—по-греч. нѣтъ).—44. гл҃ъ (sic) вм. глѥть.

Во вторникъ 5-й недѣли.

Іоан. VIII, 52: рѣшѧ (вездѣ) вм. рекоша. 54. не вѣмъ (οὐκ οἶδα).—59. въ цр҃кви (sic) (ἐκ τοῦ ἱεροῦ).

Въ среду 5-й недѣли.

Іоан. VI, 6: искоушаꙗ ѣ (πειράζων αὐτόν).—6. чюдо (sic) вм. чьто.—7. пѣнѧзь хлѣбъ не довьлѣѥть.—8. братъ симона петра.—9. ꙗчьнъ.—9. въ селико.—10. чл҃вкомъ възлечи.—13. испълнишѧ—13. ꙗчьнꙑихъ.—13. иже испълнишѧ ѥдъшемъ.

Въ четвертокъ 5-й недѣли.

Іоан. X, 3. дверникъ.—3. зоветь.—4. изгонить.—4. видѧть.—5. по чюжемъ.—5. чюжиихъ.—6 сиѧ притча.—6 соуть.

Въ пятокъ 5-й недѣли.

Іоан. X, 18. ѩ о себѣ.—21. бѣсьноующиниса (sic).—21. слѣпыимъ очи даяти.—22. бѣша же.—24. обидоу же вм. обидоша же.—24. докола (sic).—27. азъ. Прибавлено противъ Остромирова: и не въсхытитъ ихъ никтоже ѿ роукы моея. оць мои иже дасть мънѣ болии вьсѣхъ есть. и никтоже не можеть въсхытити ѿ роукы оца моего. азъ и оць едино есвѣ.

Въ субботу 5 недѣли.

Іоан. X, 31. пакы (πάλιν). Въ О. Е. нѣтъ пакы —32. ихъ (αὐτῶν).—32. метаѥте.—33. не мечемъ.—34. написано.—35. рече.—36. власфимисаеши.—37. не имате.

Въ недѣлю 6-ю по пасцѣ.

Іоан. IX, 1. приходя (παράγων).—5. мирови.—7. идеже (ἀπῆλθεν οὖν).—просилъ бѣ вм. слѣпъ бѣ.—и ови (ἄλλοι δε).—глхоу ꙗко сь есть. и ини глхоу под…—15. вижю.—16. фарисеи етери (ἐκ τῶν φαρισαίων τινες).—16. не хранить.—16. ови (ἄλλοι).—грѣшьнъ сы.—18. его (αὐτοῦ)—въпросиша (ἠρώτησαν)—вѣвѣ.—21. не вѣвѣ.—22. комшетася.—22. сънъмищя.—24. възгласиша же (ἐφώνησαν οὖν).—23. вторицею.—27. пакы (πάλιν).—31. грѣшьникъ.—35. въ сна бжиꙗ.—37. видѣлъ и еси.

Въ понедѣльникъ 6-й недѣли.

Іоан. XI, 48. мнози (πάντες).

Во вторникъ 6-й недѣли.

Іоан. XII, 19. архиереи и старьци.—20. етери (τινες).—21. молѧхоуть и.—26. ктоо.—31. нъіна.—мира сего.—33. клепля (σημαίνων).—34. члвчьскомоу.—35. за мало.

Въ среду 6 недѣли.

Іоан. XII, 36. ишьдъ (ἀπελθών).—37. не вѣроваша.—42. да не ѿлоучени сънъмищя изгнани бѫдоуть.—47. и не съхранить ихъ (καὶ μὴ πιστεύσῃ).

Въ четвертокъ на Вознесеніе Господне.

Лук. XXIV, 36. Послѣ миръ вамъ, прибавлено: азъ есмь не боитеся.—43. и ѣдъ прѣдъ ними и прочее дасть имъ (καὶ λαβὼν, ἐνώπιον αὐτῶν ἔφαγεν).—44. живъ сы.—45. кънигы (γραφάς).—46. подобаѥть.—47. покаꙗние въ ѿпоущение грѣховъ.—51. вънегда блгословествааше а.—53. блгословестяще.

Въ пятокъ 6-й недѣли.

Іоан. XIV, 9. не позна мене.—вѣроу имѣте.

Въ субботу 6-й недѣли.

Іоан. XIV, 11. вѣроу имете.—14. о снѣ.—14. то сътворю.—16. за вы нѣтъ (по греч. нѣтъ).—17. истовьи (τῆς ἀληθείας).—17. вьсь мирь (κόσμος). Стихи 18, 19 и 20 здѣсь есть, а въ Остр. Ев. они пропущены.—21. заповѣдь мою ....ю.

нѣ з вь нюже бываеть память стхихь оць т и ні те. иже вь никеи.

Іоан. XVII, 1. приде година прослави сна своего (ἐλήλυθεν ἡ ὥρα. δόξασόν σου τὸν υἱόν). Въ О. Е. приде година нѣтъ.—2. дасть емоу живота вѣчьнааго.—7. юже вм. елико.—8. ты еси послалъ мѧ.—12. погыбѣли (τῆς ἀπωλείας).

Въ понедѣльникъ 7-й недѣли.

Іоан. XIV, въ концѣ 29 ст. прибавлено: юко разоумѣхъ вамъ. Іоан. XV, 4. юкоже (καθάπερ).

Во вторникъ 7-й недѣли.

Іоан. XVI, 2. приде врѣмѧ.... оубивыи васъ (ὁ ἀποκτείνας ὑμᾶς).—5. къ пославъшемоу.—6 и почти весь 7 стихи пропущены до сего: аще ли же идоу (ἐὰν δὲ πορευθῶ).

Въ среду 7-й недѣли.

Іоан. XVI, 15. ѿ оца моего приде(т)ь (sic) (ἐκ τοῦ ἐμοῦ λήψεται).—21. година.—21. въ вьсь миръ.—22. печаль имѣти имате (λύπην μὲν νῦν ἔχετε) (var. ἕξετε).

Въ четвертокъ 7 недѣли.

Іоан. XVI, 28. вьсь мирь.—20. глють емоу (λέγουσιν αὐτῷ).—29. нынѧ съ дьрзновениемь (νῦν παρρησίᾳ)—ни единою (οὐδεμίαν).—32. въ своюси.

Въ пятокъ 7 недѣли.

Іоан. XVII, 21. соуть ѿсі.

Въ субботу 7 недѣли.

Іоан. XXI, 16. въторицею.—17. третиицею.—17. съжалиже си (ἐλυπήθη).—18. идеже (ὅπου).—19. клепля (σημαίνων).—22. хочю.

Въ день Пятьдесятницы.

Іоан. VII, 40. слово се (λόγον).—41. инии (ἄλλοι).ови же (ἄλλοι δε).—44. едини же (τινές δε).—44. роукы (τὰς χεῖρας).—45. придоу же (ἦλθον δε).—46 такъ гл҃ъ есть (οὕτως ἐλάλησεν).—VIII, 12. ходяи въ слѣдъ мене (ὁ ἀκολουθῶν ἐμοὶ)—имать живота вѣчьнаго.

въ н҃е по пантикостии.

Мѳ. XVIII, 11. възыскати и спастъ заблоужьшаго (ζητῆσαι καὶ σῶσαι τὸ ἀπολωλός).—12. единомоу чл҃вкоу (τινι ἀνθρώπῳ)—13. обрящеть (γένηται εὑρεῖν)—14. н҃бьскыимь (τοῦ ἐν οὐρανοῖς)—15. аще ли съгрѣшить въ тя.... посредѣ тебе и томоу единомоу.—16. пакы (ἔτι).

Въ субботу 1-ю по Пятидесятницѣ.

Мѳ. V, 44. ненавидящиихъ васъ.—46. не мьздоимьци ли (οὐχὶ καὶ οἱ τελῶναι).

н҃е а҃ по пянтико҃. въ нюже бываеть пам҃. вьсѣмъ ст҃ымъ соущиимъ въ вьсемь мирѣ.

Мѳ. X, 38. не възьметь (οὐ λαμβάνει).—XIX, 27. вьсе (πάντα)—28. дъвѣманадесяте (τὰς δώδεκα).

Въ субботу 2-й недѣли.

Мѳ. VII, 6. възвращьшеся (στραφέντες).

Въ недѣлю 2-ю по Пятдесятницѣ.

Мѳ. IV, 19. градѣта по мнѣ.—19. ва [1]) (ὑμᾶς)—23. на сънмищихъ.

Въ субботу 3-ю.

Мѳ. VIII, 1. идоу вм. идоша. его (αὐτοῦ)

Въ недѣлю 3-ю.

Мѳ. VI, 26. н҃бьскыя.—лоучьше (μᾶλλον)—30. въ огнь (εἰς κλίβανον).—31. въ чьто одежемся (τι περιβαλώμεθα).

Въ субботу 4-й недѣли.

Мѳ. VIII, 15. роукоу ея (τῆς χειρὸς αὐτῆς).—16. недоужьныя (τοὺς κακῶς ἔχοντας)—19. къннжникъ (γραμματεύς) [2]).—20. лиси язвьны (ἀλώπεκες φωλεούς) вм. лисица ложа.

---

[1]) Такъ написанное: ва встрѣчается не разъ въ Мстиславовомъ Евангеліи.

[2]) Нигдѣ въ семъ Евангеліи не употреблено: кънигъчи, какъ въ О. Е.

Въ 4-ю недѣлю.

Мө. VIII, 8. да вънидеши въ домъ мои (ἵνα μου ὑπὸ τὴν στέγην εἰσέλθῃς). —11. небесьскыихъ (τῶν οὐρανῶν).

Въ субботу 5 недѣли.

Мө. IX, 10. мытарьѥ.

Въ недѣло 5 по Пятидесятницѣ.

Мө. VIII, 28. ѿ жалии (ἐκ τῶν μνημείων). ꙗко не можаше никтоже минѹти (ὥστε μὴ ἰσχύειν τινα παρελθεῖν).—31. молꙗхѹти и.—32. ѹтопоша (ἀπέθανον).

Въ субботу 6-ю.

Мө. IX, 18. ѥтеръ (τις).—20. пришьдъши (προσελθοῦσα) съзади (ὀπίσθεν).—20. въскрилѣ ризѣ ѥго (τοῦ κρασπέδου τοῦ ἱματίου αὐτοῦ).

Въ недѣлю 6-ю.

Мө. IX, 3. ѥтери (τινες)—власвимисаѭть.—4. вы помышлаѥте зълоѥ (ἵνα τι ὑμεῖς ἐνθυμεῖσθε πονηρά).—ложе твоѥ (σοῦ τὴν κλίνην).

Въ субботу 7-ю.

Мө. X, 37. любѧи (ὁ φιλῶν).—42. вы имѧ.—XI, 1. съкончѧ (ἐτέλεσεν).

Въ недѣлю 7-ю.

Мө. IX, 29. коснѹ сѧ въ очи (ἥψατο ὀφθαλμῶν αὐτῶν). Пропущено въ О. Е. по вѣрѣ ваю бѹди вама и ѿвръзоста сѧ има очи и запрети има иисъ гла[1]) (κατὰ τὴν πίστιν ὑμῶν γενηθήτω ὑμῖν καὶ ἠνεῴχθησαν αὐτῶν οἱ ὀφθαλμοὶ καὶ ἐνεβριμήθη αὐτοῖς ὁ ἰησοῦς).

Въ субботу 8-ю.

Мө. XII, 36. глють (λαλήσωσιν).—37. словесы своими (ἐκ τῶν λόγων σου)

Въ недѣлю 8-ю.

Мө. XIV, 14. ишьдъ (ἐξελθών), въ О. Е. нѣтъ.—16. не трѣбѣ имѹть (οὐ χρείαν ἔχουσιν).—19. прѣломль хлѣбъ (κλάσας).

Въ субботу 9-ю.

Мө. XV, 33. ѿкѹдѹ възьмемъ на пѹстѣ мѣстѣ хлѣбы насытити толико народа (πόθεν ἡμῖν ἐν ἐρημίᾳ ἄρτοι τοσοῦτοι ὥστε χορτάσαι ὄχλον τοσοῦτον). 34. семь.—38. ѣдѹщиихъ же бѣше (οἱ δὲ ἐσθίοντες ἦσαν).—39. магдальскы.

[1]) Въ Мст. Ев. Тип. Ев. и Добр. это есть.

Въ недѣлю 9-ю.

Мѳ. XIV, 24. влаѫмса (βασανιζόμενον).—26. смоутишаса (ἐταράχθησαν) —30. вѣтръı крѣпъкъı (ἄνεμον ἰσχυρὸν)—31. роукоу свою (χεῖρα)—34. прѣхавъше придоу на землю (διαπεράσαντες ἦλθον εἰς τὴν γῆν).

Въ субботу 10-ю.

Мѳ. XVII, 25. земьсции (τῆς γῆς).—25. кинозь.—XVIII, 1. нбсьцѣмь (τῶν οὐρανῶν).—4. нбсьцѣмь.

Въ недѣлю 10-ю.

Мѳ. XVII, 14. етеръ пристоупи (τις προσῆλθεν).—16. привед҄ъı и (προσήνεγκα αὐτὸν).—20. ѿтоудоу сѣмо (ἐντεῦθεν ἐκεῖ).—22. оубиюти и (ἀποκτενοῦσιν αὐτόν).

Въ субботу 11-ю.

Мѳ. XIX, 4. искони (ἀπ' ἀρχῆς) —8 искони же.—12. въмѣщати (χωρεῖν).

Въ недѣлю 11-ю.

Мѳ. XVIII, 28. пѣназь (δηνάρια).—32. призъвавъı (προσκαλεσάμενος αὐτόν).

Въ субботу 12-ю.

Мѳ. XX, 9. идоу (ἠκολούθησαν).—31. народи же запрѣщаахоу има (ὁ δὲ ὄχλος ἐπετίμησεν αὐτοῖς).—31. оумолчати (ἵνα σιωπήσωσιν).

Въ недѣлю 12-ю.

Мѳ. XIX, 16. етеръ.—25. нбсное.

Въ субботу 13-ю.

Мѳ. XXII, 16. посълаша (ἀποστέλλουσιν).—16. не родиши (οὐ μέλει).—18. лоукавьствия ихъ (τὴν πονηρίαν αὐτῶν).—19. покажѣте ми стьглазь[1]). киносьнъıи (ἐπιδείξατε μοι τὸ νόμισμα τοῦ κήνσου).—19. пѣназь.

Въ недѣлю 13-ю.

Мѳ. XXI 33. етеръ.—34. приде (ἤγγισεν).—36. тоже (ὡσαύτως).—38. оубиемъı и (ἀποκτείνωμεν αὐτόν).—39. изведоша (ἐξέβαλον).—40. симъ (ἐκείνοις).

Въ субботу 14-ю.

Мѳ. XXIII, 4. съвирають (δεσμεύουσι).—4. не хотѧще (οὐ θέλουσι).—5. подъметъı въкрилаı ризъ (τὰ κράσπεδα τῶν ἱματίων).—7. оучителе (ῥαββί).

[1]) Въ Сав. Ев. XI в. сълазь киносовъı; въ Четв. Сун. Тип. библ. XII в. ськьлазь киньсьнъıи.

Въ недѣлю 14-ю.

Мѳ. XXII, 2. подобьно ѥсть (ὡμοιώθη).—4. оупитѣнии исколѣни.—5. не радивъше отидоу (ἀμελήσαντες ἀπῆλθον)—разгнѣвався (ὠργίσθη).

Въ субботу 15-ю.

Мѳ. XXIV, 9. на скръбь (εἰς θλίψιν). Въ О. Е. 10 и 11 стиха нѣтъ. Г. Срезневскимъ эти стихи выписаны въ Савиномъ Евангеліи изъ Ватиканскаго [1])—10. дроугъ дроуга прѣдасть и възненавидять дроугъ дроуга и мнози лъжипррци.—12. иссякнеть.

Въ недѣлю 15-ю.

Мѳ. XXII, 35. законооучитель ѥтеръ (νομικός τις).—46. ѥмоу не може (ἐδύνατο αὐτῷ).

Въ субботу 16-ю.

Мѳ. XXIV, 37. боудеть въ дни сна чловѣчьскаго (ἔσται καὶ ἡ παρουσία τοῦ υἱοῦ τοῦ ἀνθρώπου).—39. не очютиша.—39. вода (ὁ κατακλυσμὸς).—40. поимоуть (παραλαμβάνεται).—43. гинъ храминъı.—подъръıти храма.

Въ недѣлю 16-ю.

Мѳ. XXV, 14. подобьно ѥсть.—16. въ нихъ.—19. по мнозѣхъ временьхъ (μετὰ δὲ χρόνον πολύν).—24. не сѣявъ (οὐκ ἔσπειρας). Послѣ словъ 28 стиха: и дадите недостаетъ двухъ листовъ до сихъ словъ субботы 2-й недѣли, отъ Луки: обрѣтъше коудоу (Лук. V, 19) предъ 49-мъ листомъ.

Въ субботу 2-й недѣли по новомъ лѣтѣ.

Лук. V, 19. на храминоу. сквозѣ скѫдельникъ (ἐπὶ τὸ δῶμα, διὰ τῶν κεράμων).—26. дивьна (παράδοξα).

Въ недѣлю 2-ю.

Лук. VI, 34. възаимъ дають.—36. щедри.. щедръ (οἰκτίρμονες.. οἰκτίρμων).

Въ субботу 3-ю.

Лук. V, 27. прѣходя іс҃ъ видѣ чл҃ка мъıтаря.—29. мьздьникъ (τελωνῶν).—30. съ мьздьникъı (μετὰ τελωνῶν).—31. не трѣбѣ имоуть (οὐ χρείαν ἔχουσιν).

Въ недѣлю 3-ю.

Лук. VII, 15. дасти и матери своѥи (ἔδωκεν αὐτὸν τῇ μητρὶ αὐτοῦ).—16. г҃ь (ὁ Θεός).

---

[1]) Разночтеніе изъ Ватик. Евангелія, по Савинову Евангелію.

Въ субботу 4-ю.

Лук. VI, 1. растирающе (ψώχοντες)—2. етери—8. моужеви имоущеемоу (τῷ ἀνθρώπῳ ἔχοντι)—10. и исцѣлѣ ѩко и дроугаѩ (ὑγιὴς ὡς ἄλλη).

Въ недѣлю 4-ю.

Лук. VIII, 5. нбсьскыи.—6. прозѧбноувъ (φυὲν).—прозѧбноувъ—14. павъшии (sic). въ търнии си соуть. Далѣе двухъ листовъ недостаетъ до сихъ словъ въ 5-й недѣли, на л. 53-мъ: къ вамъ не възмогоуть. Лук. XVI 26.

Въ недѣлю 5-ю.

Лук. XVI, согласно съ О. Е., кромѣ правописанія.

Въ субботу 6-ю.

Лук. VIII, 16. крйною... на свѣтильникъ.—18. възметьсѧ.

Въ недѣлю 6-ю.

Лук. VIII, 27. пришьдъшоу.. въ страноу гадарѣньскоу... етеръ.—29. стрѣжахоуть и (φυλασσόμενος).—вънити.—33. иш (sic) члвка того (ἀπὸ τοῦ ἀνθρώπου).—33. истопоша въ водахъ.—35. видѣтъ бывъшаго.

Въ субботу 7-ю.

Лук. IX, 1. призъва (συγκαλεσάμενος).—2. цесарьствие.—3. ниогнива (μήτε πήραν).—5. въ съвѣдѣтельство.

Въ недѣлю 7-ю по новомъ лѣтѣ.

Лук. VIII, 41. етеръ припаде.—42. иночада.—44. оуста источьникъ.—45. оутѣшинаютъ.

Въ субботу 8-ю.

Лук. IX, 38. иночадъ.—42. нечистоуоумоу. 42. прибавлено и въ Сав. Евангеліи: гла дше нечистъи изиди ѿ отрока.—43. о величии бжии.

Въ недѣлю 8-ю.

Лук. X, 25. етеръ.—26. наслѣдоую.—27. искрьнаѧго.—28. право.—29. искрьнии.—30. етеръ.—31. ель жива.—31. етеръ.—33. етеръ.—34. пришьдъ (προσελθών).—35. пѣнѧза.—36. искрьнии.

Въ субботу 9-ю.

Лук. IX, 57. етеръ.—59. иди.

Въ недѣлю 9-ю.

Лук. XII, 16. етероу.—18. и доброе мое (τὰ ἀγαθά μου).—19. многа обра.

Въ субботу 10-ю.

Лук. X, 21. исповѣдаюсѧ тебѣ.

Въ недѣлю 10-ю.

Лук. XIII, 11. ѿ нї те.—15. ослѧте.—16. не достоꙗше ли.

Въ субботу 11-ю.

Лук. XII, 38. боудоуть.

Въ недѣлю 11-ю

Лук. XIV, 16. ѥтеръ.—17. въ годиноу.—21. града (πόλεως).—22. ꙗкоже (ὡς).

Въ субботу 12-ю.

Лук. XIII, 19. цесарьство небесьноѥ.—19. небьсьскꙑꙗ.—23. ѥтеръ.—25. не вѣмь.—26. ѩдохомъ.—27. неправьдьнии.—28. въ цесарьствии божии.—29. запада.

Въ недѣлю 12-ю.

Лук. XVII, 12. ѥтероу.—17. очистисѧ (sic).

Въ субботу 13-ю.

Лук. XIV, 1. бꙑсть вънити Іс҃ви [1]) (ἐγένετο ἐν τῷ ἐλθεῖν).—1 ѥтера.—1 хлѣба ѥсть—10. съ вьсѣми зъванꙑими (ἐνώπιον πάντων τῶν συναναχειμένων).

Въ недѣлю 13-ю.

Лук. XVIII, 18. ѥтеръ.—22. не съконьчалъ ѥси.—22. даждь.—22. грѧди.

Въ субботу 14-ю.

Лук. XVI, 12. въ тоуждемъ.—13. не родити въчьнеть.—14. подражахоути и.—15. мьрзъкъ.

Въ недѣлю 14-ю.

Лук. XVIII, 35. въ ѥрихоу... ѥтеръ.—35. просѧ (προσαιτῶν), въ О. Е. нѣтъ.—37. повѣдаахоу.—39. излиха (μᾶλλον).—39. с҃не.

Въ субботу 15-ю.

Лук. XVII, 4. седмерицею.—6. въврьзисѧ въ море.—8. пью.—9. повелѣнаꙗ.

Въ недѣлю 15-ю.

Лук. XIX, 1. въ ѥрихоу.—4. на ꙗгодичиноу.

---

[1]) Такъ и въ Сав. Евангеліи.

Въ субботу 16-ю.

Лук. XVIII, 2. ѥтеръ.. въ ѥтерѣ.—3. въдова.—7. о нихъ.

Въ недѣлю 16-ю.

Лук. XVIII, 10. въ цр҇квѣ.—10. вѣ же ѥдинъ.—11. фарисеи молашеса въ себѣ гл҇а.... въздаю г҇и съподоби ма нѣсмь бо азъ. 11. въсѣмъ хищьници и обидать. (ἅρπαγες ἄδικοι) и прѣлюбодѣи. не ꙗко сь мытарь.—12. дъваждьды въ недѣли.—12. ѿ своѥго имѣнии.—13. мытарь. 13. несъмыше. 13. ѿпѫсти грѣхы моꙗ мънѣ грѣшьникоу.—14. приде. оправьдавъса.

Въ субботу 17-ю.

Лук. XX, 46. вънимаите.—47. сънѣдають.—47. болѥшее. XXI, 2. ѥтероу —2. цатѣ.—4. си.

Въ недѣлю 17-ю.

Мо. XV, 21. въниде і҇съ въ страны тоурьскы и сидоньскы ἐξῆλθεν ὁ Ἰησοῦς εἰς τὰ μέρη τύρου καὶ σιδῶνος).—22. излѣзъши.—24. г҇и. такъ написано въ Сав. Евангеліи.—23. молахоути и.—24. тъкъмо.—25. поклоньшиса ѥмоу глашѥ.—27. съ трапезы (ἀπὸ τῆς τραπέζης), такъ въ Сав. Ев.—28. въ тъ ча҇ (какъ въ Сав. Ев).

Въ субботу прежде мясопуста.

Заглавіе сходно съ заглавіемъ Сав. Евангелія. Лук. XI, 5. къ немоу, какъ и въ С. Ев.—5. дай ми три хлѣбы.—6. ꙗко дроугъ (ἐπειδὴ φίλος).—6. не имамь чего положю (Въ Сав. Ев. ѥже, ὃ παραθήσω). Слова Остр. Ев., и дѣти моꙗ... сѫть и, пропущены здѣсь, какъ и въ Сав. Ев. —7. въставъ дати (ἀναστὰς δοῦναι), какъ и въ Сав. Ев.—8. не издасть —9. ѿвьрзоуться.—10. приѥмлеть, какъ и въ Сав. Ев.—10. обрашеть.— 11. оу котораго вась оц҇а с҇нъ свои въспросить хлѣба.—12. въспросить.— 12. скорпию.—13. небесьныи, какъ и въ Сав. Ев.—13. доуха благаго [1] (Въ Сав. Ев. д҇ха благъ).

Въ недѣлю предъ мясопустомъ.

Лук. XV, 11. нѣкто (въ 1-й разъ).—12. оуный (ὁ νεώτερος).—съ блоудьницами (ἀσώτως).—15. пришьдъ.—16. насытитиса, какъ въ С. Ев. —17. оу оц҇а, какъ въ Сав. Ев.—17. погыблю.—19. наречиса—20. и еще После 21 ст. прибавлено: сътвори ма ꙗко ѥдиного ѿ наимьникъ твоихъ, какъ и въ Сав. Ев.—23. оупитѣныи.—28. разнѣвавъжеса. 29. работахъ.—29. съ дроугы своими.—30. оупитѣныи.

---

[1] Въ разночтеніяхъ Рейнекція, въ Aeth. есть πνεῦμα τὸ ἀγαθόν.

Въ субботу мясопустную.

Лук. XXI, 25. въ лоунѣ и въ звѣздахъ.—26. градоущиихъ.—26. подвигнѫтьсѧ.—27. градоущь.—33. не мимоидоуть.—34. отѧгъчаѭть... обѣданиемъ и пьяньствьемь.

Въ недѣлю мясопустьную

Мѳ. XXV, 33. поставлѧеть.— 33. ошюю.—37 накръмихомъ.—41. ошоуюю.—44. жадьна.—44. не посѣтихомъ. Въ Сав. Ев. такъ же. 46. въ жизнь вѣчноую. Здѣсь прибавлено, что̀ есть въ субботу мясопустную; стихи 34—36, Лук. XXI гл.

Въ субботу сыропустную.

Мѳ. VI, I. вънимаите.—2. оупокрыти.—въсприимѫть. 3, 4 и 5 стихи пропущены.—10. ака.—11. насоущьнъіи днь даи.—13. слава оца и сна и стго дха.

Въ недѣлю сыропустную.

Мѳ. VI, 14. ѿпоущаите.—16. постащеса.

Изъ 2-го почерка.

Въ субботу 1-ю поста.

Марк. II, 23. хожаше въ соуботоу.—24. видиши ли (ἴδε).—26. вънидоша.—26. не достоıаше, какъ въ О. Е., по правописанію.—III, 1. и роука юго бѣ соуха (ξηρὰν ἔχων τὴν χεῖρα).—4. что достоить въ соуботоу добро ли творити или зъло творити.

Въ 1-ю недѣлю поста.

Іоан. I, 43. иди. 47. идоуща.—47. гла юмоу (λεγει περὶ αὐτοῦ). Въ О. Е. юмоу нѣтъ.—51. надъ сна чловчьскааго.

Въ субботу 2-ю поста.

Марк. I, 35. вънидє.—38. поидѣмъ (ἄγωμεν).—38. проповѣдѣ, какъ въ Сав. Ев.—39. и по вьсеи галилеи.—40. млѧса юмоу.—очистити, какъ въ Сав. Ев.—41. ѡчиститисѧ, какъ въ Сав. Ев., кромѣ 1-й буквы, гдѣ о.—44. блюди... покажи себе... юже въ съвѣдѣтельство.

Во 2-ю недѣлю поста.

Марк. II, 2. не вьмѣститисѧ (μηκέτι χωρεῖν).—3. ослаблена. 4. приступити.. за народъ.—4. бѧше.—6. нѣции (τινες)—6. стоıаще (καθήμενοι).—6. тако (ταῦτα).—12. славлıахоу, въ Сав. Ев. славлѣхѫ.

Въ Субботу 3.

Марк. II, 14. преходѧ, въ Сав. Е. прѣходѧ (παράγων).—15. мытаре.—16. мдоущѫ съ мытарьми.—зьватъ, такъ и въ Сав. Ев. [1]).

Въ недѣлю 3.

Марк. VIII, 34. въ слѣдъ мене ити, и въ Сав. Ев. такъ.—36. аще приобрѧщеть, и въ Сав. Ев. такъ. и отъщетить.—IX, 1. нѣции.—1. видѧть.

Въ субботу 4-ю.

Марк. VII, 32. молѧхоусѧ емоу.—33. приимъ.

Въ недѣлю 4.

Марк. IX, 17. нѣкыи.—дхъ нечстъ.—19. трьплю васъ.—20. точа.—21. изъ дѣтьска.—22. множицею.—24. невѣрованию.—25. не вънидн въ него.—30. ѿтоудѣ ишьдъ.

Въ субботу 5.

Марк. VIII, 31. снви члвчю... въ третии днь.

Въ недѣлю 5.

Марк. X, 32. пакы (πάλιν) въ О. Е. нѣтъ.—32. еже хотѧхоу быти емоу.—34. въ третии.—37. ошюю.—38. крстити сѧ (βαπτισθῆναι), въ О. Е. нѣтъ.—40. ошюю.—43. боуди (ἔσται).—44. всѣмъ, и въ Сав. Ев. также.—45. въдати.

Въ субботу 6-ю

Іоан. XI, 1. града, и въ Сав. Ев. такъ.—6. да ѥко оуслышиа,—6. оубо (μεν), въ О. Е. и Сав. нѣтъ.—8. жидове.—9. часа.—10. въ нощи.—11. оуспоуже оу. Далѣе недостаетъ до сихъ словъ евангелія въ св. Великій вторникъ на литургіи: видѧше (sic) ѥко жну....

Во св. Великій вторникъ на литургіи.

Мѳ. XXV, 29. дастьсѧ.—29. имѣти (ἔχειν).—29. възьметьсѧ.—30. непотребьнаго.—32. пастоухъ.—33. о лѣвоую.—34. наслѣдите.—34. цртво.—37. алчьна.—41. о лѣвоую.—46. и ѿидоуть (καὶ ἀπελεύσονται).—XXVI, 1. и 2, здѣсь нѣтъ.

Въ среду Великія недѣли на утрени.

(Сличено съ симъ же Евангеліемъ Мстиславовымъ).

Іоан. XII, 17. съ нимь (μετ' αὐτοῦ).—17. ѿ гроба.—19. ѿиде.—6. и бѣдеже.—26. слоуга мои вм. слоуга моѩ, какъ въ Мст. Ев.—35.

[1]) Въ Сав. Евангеліи это евангеліе положено читать въ субботу 5-ю поста.

съ вами. (ἐν ὑμῖν).—37. творящю вм. сътворьше—46. не съблюдеть (μὴ φυλάξῃ) вм. не вѣроуетъ, какъ въ Мст. Ев.

Въ Великую среду на литургіи.

Мѳ. XVI, 8. почто (εἰς τί).—9. раздаяти оубогыимъ.—11. оубогыя.—13. проповѣсться... речеться.

Въ Великій четвертокъ на утрени.

(Сличено съ Четвероевангеліемъ XII в. Син тип. библіотеки, за неимѣніемъ его въ О. Е).

Лук. XII, 3. искариота.—4. воеводамъ црквьныимъ—исповѣда.—12. оуготовита.—15. жаданиемъ вьжадахъся.—24. кто ѿ нихъ.—25. цре ꙗзычьници оустоять имъ.—27. кто.—28. пребывающе.—36. пироу.

Въ Великій четвертокъ на литургіи.

Мѳ. XXVI, 2. днью.—2. прѣдасться. 3. въ дворъ.—3. глемаго.—4. свѣтъ сътвориша.—7. драгаго.—9. вдати оубогыимъ.—10. троудъ дѣете женѣ.—11. оубогыя.—12. мънѣ.—13. проповѣсться.—18. къ онсици. Іоан. XIII, 3. все.—4. въземъ.—6. онъ 6. оумываеши.—7. по семь.—9. единѣ.—12 вьзя. възлегъ.—13. оучителя и га.—15. да творите.—16. ни посланыи. Мѳ. XXVI, 21. ꙗдоущемъ.—23. роукою.—24. горе же.. прѣдасться.—26. възьмъ.. блгословестивъ.—29. виньнаго... въ црствѣ.—31. пастоуха... стадьныя.—34. не въспоеть. тришьдоу.—35. ся лоучить съ тобою оумерети.—38. прѣбоудете.—39. преминеть... хочю. Мѳ. XXVI,—40. петрови... не могосте.—41. предьмыслив.—44. миноути.—45. бяхоу очи ихъ отяжьчалѣ.—45. грѣшьникъ.—46. поидемъ се бо.—47. одинъ... посохы въ Сав. Ев. жрьдьми.—51. ѿрѣза.—52 възьмьшеи.. оумирають.—54. съконьчаються книгы.—55. посохы, въ Сав. Ев. жьрьдьми.—съ вами.—57. книжьници (γραμματεῖς) вм. кънази, какъ въ О. Е.—58. въ слѣдъ его идяше.—58. въ дворъ вм. ѫтрь... да видить.—59. да оумора̑ть.—60. не обрѣтоша (οὐχ εὗρον), въ О. Е. нѣтъ, въ Сав. Ев. не обрѣтѫ.—64. нбсьскыихъ.—67. зaоушиша (ἐρράπισαν).—68. оударивыи.—70. не вѣдѣ.—75. не въспоеть тріишьдоу.—XXVII, 1. людьскыи... да оубьють.

Въ 1-мъ страстномъ Евангеліи.

Іоан. XIII, 33. жидомъ.—35. разоумѣють.—37. симонъ петръ.—свою за тебе.—38. не въспоеть.—38. тришьдоу.—XIV, 5. вѣдѣти (εἰδέναι).—7. знаете.—9. видить оца.—10. дѣла (ἔργα).—13. его же аще.—13. о снѣ.—14. просите оу мене.—16. пребоудеть.—23. приидѣвѣ. Съ

25 стиха сей главы здѣсь недостаетъ до конца 1-го страстнаго Евангелія и до сихъ словъ 2-го Евангелія: въ дворъ архиерѣиовъ.

Во 2-мъ страстномъ Евангеліи.

Іоан. XVIII, 16. и въведе петра (καὶ εἰσήγαγε τὸν πέτρον).—20. на сънъмищи.—20. жидове.—21. въпрашаи. слъшавъшихъ.—23. послоушьствоуи.—26. одинъ.—26. въ оградѣ.

Въ 3-мъ страстномъ Евангеліи.

Мѳ. XXVI, 59. вьсе съборище.—59. да оуморять.—68. оударивъіи тя.—70. не вѣдѣ.—71. назаряниномъ.—73. не помногоу же.—74. клятися —75. глъ ісвъ иже рече.... тришьдъі.

Въ 4-мъ страстномъ Евангеліи.

Іоан. XVIII, 28. каше.—31. жидове.—36. ѿсоудѣ.—37. да црь ли тъі еси.—37. да съвѣдѣтельствоую.—38. къ жидомъ.—39. хочете ли.—XIX, 4. до него (ἐν αὐτῷ).—4. трьновъныи.—7. до него (ἐν αὐτῷ).—7. жидове.—7. достоинъ есть (ὀφείλει).—9. не створи.—10. имѣю (ἔχω).—12. ѿтолѣ.—12. жидове.—12. самъ цря себе творить.—13. се слово (въ разночтеніяхъ новаго завѣта Тишендорфа: τοῦτον τὸν λόγον) [1]).—14. пятокъ.—14. часъ.—15. възъпиша... распни.

Въ 5-мъ страстномъ Евангеліи.

Мѳ. XXVII, възвѣсися (ἀπήγξατο).—7. на погребение страньникомь.—9. съкъся.—13. съвѣдѣтельствоують.—17. събравъшемъжеся имъ.—20. наоустиша.—22. ісви нарицаемоу хоу... да пропятъ.—24. мявъ.—27. приимъше... на соудище.—30. плювавъше.

Въ 6-мъ страстномъ Евангеліи.

Марк. XV, 16. съзъваша (συγκαλοῦσιν).—21. иномоу (τινα). (Здѣсь же въ Великій пятокъ на 3-мъ часѣ нѣкоемоу).—22. лъбово (κρανίου).—24. Въ великій пятокъ на 3-мъ часѣ не вьзя.—24. на 3-мъ часѣ метавъше.—24. на 3-мъ часѣ. о нихъ (ἐπ' αὐτά).—27. ошююю.—28. съ безаконьникъі.—31. на 3-мъ часѣ инѣхъ (ἄλλους).

Въ 7-мъ страстномъ Евангеліи.

Мѳ. XXVII, 33. съказаемо лъбово (κρανίου).—35. метавъше.—37. положиша.—38. ошююю.—40. оуа.—42. да сълѣзеть.—43. хочеть.—46. са-

1) Въ древнихъ греческихъ рукописяхъ часто смѣшивались ω и ο: писались ω вмѣсто ο и наоборотъ.

влъхвдани.—47. дроузии (τινες)—48. приимъ.—49. не дѣи.—50. дроугъіи же приимъ.—41. запона.

Въ 8-мъ страстномъ Евангеліи.

Лук. XXIII, 32. ведена бъіста съ іс҃мъ (въ Сав. Ев. ведена бѣста).—33. ового оубо (ὃν μεν)... ошюю.—34. жеребии.—35. сь (οὗτος), въ О. Е. нѣтъ.—36. приносяще (προσφέροντες).—39. жидовьскыи.—39. ѿ обѣшенъіихъ злодѣи.—40. прѣтяаше.—41. да вѣ.—42. въ црс҃тво твое (въ Сав. Ев. въ црс҃твие си).—44. акъі (ὡσεὶ), въ О. Е. нѣтъ.—44. померче слн҃це.—45. запона.—45. съ вышьнꙗго краꙗ до нижьнꙗаго. (Въ Сав. Ев. ѿ горъи до низоу).—49. по немь (αὐτῷ).

Въ 9-мъ страстномъ Евангеліи.

Іоан. XIX, 25. оу кр҃ста (παρὰ τῷ σταυρῷ).—28. видѣ (εἰδὼς)... да събоудетьса писание.—29. напълнивъше.. на тръсть... принесоша. (πλήσαντες... ὑσσώπω.. προσήνεγκαν).—30. възя.—31. жидове.—33. къ іс҃оу.—34. его (αὐτοῦ).—36. да съвьршитса писание.

Въ 10-мъ страстномъ Евангеліи.

Марк. XV, 44. кентоуриона.—45. вьда.—46. сънемь его и оби въ плащаницю (καθελὼν αὐτὸν ἐνείλησε ἐν σινδόνι).—46. на двьри.

Въ 11-мъ страстномъ Евангеліи.

Іоан. XIX, 38. молиса пилатоу иосифъ... за страхъ.—40. възяста.—40. понꙗвалми съ въвонꙗми (sic).—41. оградъ.. въ оградѣ.—42. пꙗтка дѣлꙗ.

Въ 12-мъ страстномъ Евангеліи.

Мѳ. XXVII, 62. на оутрьꙗ еже.

Изъ Евангелій на 1-мъ, 3-мъ и 6-мъ часахъ въ Великую пятницу разночтенія отмѣчены въ 5-мъ, 6-мъ и 8-мъ страстномъ Евангеліи, а на 9-мъ часѣ выбрано разночтеніе изъ Четверо-евангелія XII в. Син. тип. библіотеки, за неимѣніемъ сего въ О. Евангеліи. Іоан. XIX, 23. распяша.. възяша... котъіоу бѣ же котъіа не шьвена. ѿ въінихъ (sic) истьна (sic).—24. метимъ (sic) да събоудетьса писание... и о вьрхънюю ризоу мою. Далѣе разночтенія отмѣчены въ 9-мъ страстномъ Евангеліи.

Въ Великій пятокъ на литургіи.

Мѳ. XXVII, 1. и книжьници.—1. да оубиють его.—6. възьмьше.—6. въ коровонъ.—16. нарицаема.—17. събравъшемъ же.. хочете.—20. наоустиша.—22. сътвороу іс҃оу нарицаемомоу хс҃оу.—24. преда народомъ... ѿ

кроби правьдьника.—27. понмѫше.—28. покланѣющеса.—30. пльвавъше... вьзаша.—32. понести крстъ.—33. еже глетьса лъбово.—35. метавъше.—37. и положиша надъ главою.—38. [1]) ошюю. Лук. XXIII, 40. преташе—41. достоино по дѣломъ наю.—42. въ црство твое. Мѳ. XXVII, 45. часа.—46. или или намма.—50. другыи же (ἄλλος δε).—51. запона... ѿ въшьнаго (ἀπὸ ἄνωθεν).—Іоан. XIX. 31. жидове.—Мѳ. XXVII, 58. и испроси тѣло ісво. пилатъ же повелѣ дати.

Въ Великую субботу вечера.

Мѳ. XXVIII, 1. съвитающе въ пьрвоую соуботоу.—3. млъныя.—6. лежалъ.—9. и егда идаста (Въ Сав. Ев. егда же идѣстѣ).—10. възвѣстита.—14. да аще.—16. идеже (οὗ).

1-го Сентября.

Лук. IV, 16. въ сънъмище.—18. ицѣлити.—22. дивлахоуса народи о словесьнѣи блгодѣти. (У Рейнекція въ разночтеніяхъ есть: οἱ ὄχλοι). Замѣчательно, что слова: народи нѣтъ ни въ Мстисл. Ев., ни въ Добр., ни въ Ев. Тип., ни въ Четверо-евангеліи XII, ни Четверо-евангеліи 1144, ни въ теперешнемъ печатномъ славянскомъ, ни по гречески у Тишендорфа въ изданномъ имъ Евангеліи съ разночтеніями. Въ Евангеліи XV в. мнѣ принадлежащемъ, на которомъ мною отмѣчены всѣ разночтенія изъ Евангелія 1092 г., слово народи есть.

2-го Сентября.

Іоан. X, 10. имѣють.—12. вълка идоуща.—12. бѣжить.—13. яко о овьцахъ не родить.—16. пастоухъ.

4-го Сентября [2]).

Лук. X, 2. жатвы. Стихи 4—9 пропущены.

5-го Сентября [3]).

Мѳ. XXIII, 34. на сънъмищихъ.—36. аминь.—37. избивъшия (ἀποκτείνουσα).—36. побивающия.

---

[1]) Въ сличаемомъ Евангеліи послѣ 38 стиха далѣе написано изъ Лук. XXIII, 39—42, что сличено здѣсь съ Четверо-евангеліемъ XII в. Син. тип. библіотеки. Въ О. Е. это мѣсто написано послѣ 43 XXVII гл. Матѳея.

[2]) Разночтенія сдѣланы по Мстиславову Евангелію начала XII в.

[3]) Разночтенія по Мстиславову Евангелію. Въ О. Е. сіе Евангеліе начинается съ 29 стиха XXIII гл. Матѳея.

8-го Сентября.

Лук. I, 39. въ гороу.—42. оутробъı твоѥꙗ.—43. да приде.—44. въ оутробѣ моѥи.—45. ꙗже вѣроу ꙗтъ.—48. призри на съмѣрениѥ моѥ.—56. м҃цѣ.

На литургіи.

Лук. X, 39. именьмь м҃риа. (Такъ въ Сав. Ев.)—40. не родиши ли.—XI, 27. етера.

Въ субботу предъ Воздвиженіемъ Креста Господня.

Іоан. XIII, 16. мира... с҃на своего иночадаго далъ ѥсть въ миръ. (Въ Сав. Ев. также).

На Воздвиженіе Креста Господня.

Мѳ. XXVII, 1. старьци людьсции.—Іоан. XIX, 9. ѿвѣта имъ (sic) не сътвори.—10. не ѿвѣщаваѥши.—13. слово ѥго.—16. ведоша въ преторъ. (Въ разночтеніяхъ Рейнекція есть: ἀπήγαγον ἐις τὸ πρετώριον. Въ Сав. Ев. есть).—18. распѧша съ нимь дъва разбоиника. одиного одесноую. а дроугаго о лѣвоую.—19. назарѧнинъ.—27. въ своꙗси.—28. да съвоудоуться книгъı. (Въ Сав. Ев. есть, а въ О. Е. нѣтъ).

Въ субботу по Воздвиженіи Креста Господня.

Іоан. VIII, 31. боудете.

16-го Сентября.

Лук. VII, 36. етеръ.—38. мазати.—39. видѣлъ бъı оубо... кака.—42. ѿда.—43. ваще.—45. цѣлованиꙗ.—45. ногоу моѥю. ѿлѣѥмь.—47. ліниѥ.—50. въ миръ.

20-го Сентября.

Лук. XXI, 13. приключитьжеса.—14. наоучитеса ѿвѣщати.—17. ѿ всѣхъ.

3-го Октября.

Мѳ. XIII, 45. коупьцю.—46. все имѣниѥ ѥлико имѣ.

18-го Октября

Лук. X, 21. разоумьнъıихъ.—21. ѿкръı се.

21-го Октября.

Лук. VI, 17. стоꙗше.—21. въı въсмѣѥтеса.

25-го Октября.

Лук. XII, 4. дроугомъ моимъ (μου) въ О. Е. своимъ.—бъı вм. тѣло.—7. оуньше.—10. и иже хоулить на д҃хъ с҃тъıи.—11. на сънмище... власти и чл҃овѣчьствия (sic).. помъıслите.

26-го Октября [1].

Мѳ. VIII, 24. а тъ съпаше.— 26. велика.—27. дивишася... послоушаеть.

27-го Октября.

Іоан. XV, 6. събероуть ю.

1-го Ноября.

Мѳ. X, 5. самарянъ.—8. мьртвъıя въскрѣшаите. (Въ Сав. Ев. есть, и въ греч. Тишендорфа въ разночтеніяхъ есть: νεκρούς ἐγείρετε).

4-го Декабря.

Марк. V, 24. по і҃сѣ идяаше... оугнѣтаахоуть и.—26. все имѣние свое.—30. очютивъ.—32. озираше.—34. і҃с же.

5-го декабря.

Мѳ. XI, 27. велить.—28. троужьшенся.—30. бремя.

Въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ.

Мѳ. I, 20. иосифоу же мъıслящю.— 23. дѣвая.

Въ навечеріи Рождества Христова.

Лук. II, 8. пастъıри.—9. въ нихъ.—15. въ видлеомъ.—17. отрочатѣ.— 18. ѿ пастъıрь.

25-го декабря.

На литургіи.

Мѳ. II, 6. изидеть чл҃вкъ.—8. възвѣстите.

Въ недѣлю по Рождествѣ Христовѣ.

на оутрьıя сънатие с҃тѣи б҃ци (εἰς τὰ ἐπιλόχεια τῆς Θεοτόκου).
Мѳ. II, 20. и изиди... искоущеи.—23. въ градъ нарицаемъıи назаредь.

Въ субботу по Рождествѣ Христовѣ [2].

Мѳ. XII, 17. исаиемъ.—18. езъıкомъ.—20. ризъı въньмъшася.

---

[1]) Разночтенія сдѣланы изъ Добриловскаго Евангелія 1164.
[2]) Разночтенія по Мстиславову Евангелію.

1-го генваря.

Лук. II, 20. пастꙑри.—21. и нарекоша имѧ.—41. пасцѣ.—42. лѣтѣ.—43. не чюста родителꙗ его. (У Тишендорфа: οὐκ ἔγνωσαν οἱ γονεῖς αὐτοῦ).—51. сълагаѭщи здѣсь нѣтъ.—52. расташе (προέκοπτε).

Навечерие стꙑхъ богоꙗвленꙑихъ [1].

Лук. III, 1. понтьскоуоумоу.—3. на покаание—4. въ книгꙑ.—9. посѣкаетьсѧ... въмещють е.—10. глюще оучителю.—18. благовѣствоуꙗ глаше къ людьмъ.

Въ субботу предъ богоꙗвлениемь.

Мѳ. III, 4. проузи.—6. крстахоусѧ.. въ иерданѣ.—10. не творѧщее... посѣкаетьсѧ... въмещетьсѧ.—11. сапогоу отрѣшити възвоузꙑ его.... и ѡгньмь.

Въ недѣлю предъ богоꙗвлениемь.

Марк. I, 4. ιѡнъ крьститель.—6. ѣдꙑ акридꙑ.—7. обоуви.

Въ стхъ богоꙗвленꙑихъ за оу.

Марк. I, 11. благоизволихъ.

На литургіи.

Мѳ. III, 13. къ ιѡноу.—14. а ли тꙑ идеши.—16. идоуща.

7-го генваря, на оутрьꙗ стхъ богоꙗвленꙑ.

Сходно, кромѣ правописанія нѣкоторыхъ словъ, съ Остр. Евангеліемъ.

Въ субботу по просвѣщеніи.

Мѳ. IV, 1. поставиѕсѧ.—5. поꙗтꙑ і,—5. на вратѣ црквьнѣмь.—6. ногꙑ своеꙗ.—11. анꙉли.

Въ недѣлю по богоꙗвлении.

Мѳ. IV, 13. невъдалимлихъ.

2-го февраля.

Лук. II, 22. изведоста.—25. семеонъ.—26. крьста.—28. приꙗтꙑ и.—30. видѣста.—34. въпрекꙑ глемо.—38. чающемъ.

24-го февраля.

Мѳ. XI, 2. два предъ оучнкꙑ своими.—4. възвѣстита.—4. слꙑшасте и видѣсте.—7. что.—12. въсхꙑтають.

---

[1] Заглавіе сіе покрыто желтою краскою, какою покрывались заглавія статей въ греч. рукописяхъ IX, X и XI вѣковъ.

9-го марта.

Мѳ. XX, 1. оутро.—виноградоу своемоу. (εἰς τὸν ἀμπελῶνα αὐτοῦ).—8. ѿ послѣжьнихъ.

25-го марта.

Лук. I, 27. имѧ еи дв҃а мр҃иѩ.—29. слъшавъши.—33. въселитьсѧ.—33. нѣсть.

8-го маія.

Іоан. XIX, 27. въ своѩси.

9-го маія [1]).

Лук. XI, 3. хлѣбъ нашь днєвьнъи дан намъ вьсѧкъ дн҃ь.—4. дължьникомъ нашимъ... въ напасть.—11. сн҃ъ твои.—11. рибъі.—13. оц҃ь вашь нбс҃нъи... дх҃ъ бл҃гъ.

21-го маія.

Іоан. X, 3. дверникъ.—зовѣть.—28. отъ роукоу моѥю.—29. ѿ роукъі моѩ.

22-го маія.

Мѳ. X, 16. сьлю.—17. на сънъмъі и на сънъмищихъ вашихъ.—19. прѣдадѧть.

14-го іюня. [2]).

Лук. IV, 24. Дважды: аминъ.—24. никъиже... приıатьнъ.—25. затворисѧ.—27. сюрьскъи.—28. на сънъмищихъ.—29. създанъ баше.

24-го іюня.

Лук. I, 3. хожьшоу.—3. пьсати.—3. славьнъи.—4. наоученъ словесъі.—5. ѿ епимериѩ авиаиѩ.—8. въ дн҃ь чредъі.—9. лоучисѧ.—10. мл҃твоу творѧ.. тьмьıана.—14. мнозѣ.—15. предъ бг҃мь.—21. иже моуждааше.—63. наѱа.

29-го іюня.

Мѳ. XVI, 17. сн҃еиана (sic).—18. не оудоблають (sic).—19. ключѣ.

6-го августа [3]).

Марк. IX, 3. брата ємоу здѣсь нѣтъ.—3. бѣло обѣлити.—6. гл҃еть.

---

[1]) Разночтенія изъ Мстиславова Евангелія во вторникъ и среду 6-й недѣли отъ Луки и изъ Евангелія 12 декабря.

[2]) Въ О. Е. начинается съ 22 стиха IV гл. Ев. отъ Луки, а здѣсь съ 24 стиха.

[3]) Сличено съ Мстисл. Евангеліемъ 7-го августа л. 204.

На литургіи.

Мѳ. XVII. 4. коуща.—5. осѣнюи ꙗ.

29-го августа.

Марк. VI, 22. дв҃и.—24. ишьдъши.—25. да ми даси оусѣченоую на блюдѣ главоу.—27. воина (σπεκουλάτωρα).—30. вси ап҃ли къ немоу.

Л. 173, об. на ст҃ние цр҃кви. и на бранъ и на бездъждие еуа҃ ѿ марка. Сличено по Добриловскому 1164 г.

Марк. XI, 23. амин҃ъ.—двигнисѧ—бъіваетъ боудетъ юмоу.—24. ѿпоуща-ите.—25. ѿпоуститъ.—26. не ѿпоустите. Въ Евангеліи Добриловскомъ 1164 г. и Евангеліи по недѣлямъ XII в. Сvн. тип. библ. 9 и 10 стиха XI главы нѣтъ, а здѣсь есть.

надъ маслъмъ. егда боудетъ ꙁ҃ поповъ:
на҃ болѧщимъ. еуа҃ ѿ марка.

Марк. VI, 7. нача.. посълати.—8. ни ръібъі (sic) μὴ πήραν.—11. елико аще (ὅσοι ἄν).—11. содомлꙗнмъ.—13. олѣемъ.

1-е Воскресное Евангеліе.

Мѳ. XXVIII, 16. идеже (οὗ).

2 Воскресное Евангеліе, на которое есть ссылка въ 3-мъ Воскресномъ Евангеліи по Пасцѣ, утрачено.

3-е Воскресное Евангеліе.

Марк. XVI, 9. въ пръвоую соубботоу.—9. семь бѣсъ.—13. възвѣстиша.—20. весьдѣ (πανταχοῦ).

4-е Воскресное Евангеліе.

Лук. XXIV, 1. въ единоу соуботꙋ.—1. носѧще (φέρουσαι).—1. дроу-гъіна.—3. въшьдъше.

5-го Воскреснаго Евангелія, на которое есть ссылка во вторникъ Свѣтлыя недѣли, здѣсь нѣтъ.

6-е Воскресное Евангеліе.

Лук. XXIV, 36. азъ есмь не боитесѧ, сихъ словъ въ О. Е. нѣтъ.—43. и ѣдъ прѣдъ ними и прочее дастъ имъ.—45. кънигъі.—47. ѿпоущение.—51. вънегда бл҃гословествлаше ѧ.—53. бл҃гословестлаше.

7-е Воскресное Евангеліе.

Іоан. XX, 1. въ єдиноу соуботъ.—3. дроугыи оучѣнкъ тече скорѣѥ пет-ра.—5. ризы єдины.—6. оуброусъ. Послѣ сего четвертинки нѣтъ.

10-е Воскресное Евангеліе неполное [1]).

Іоан. XX, 7. сралчицею.—8. кораблицемъ.— 9. якоже (ὡς οὖν).—12. въпрашати (ἐξετάσαι). [2])

ОБЪЯСНЕНІЕ СНИМКОВЪ.

1. Первая таблица, съ заглавными буквами внизу, скопирована съ перваго почерка писца, который своего имени не оставилъ.

2. Вторая таблица, съ заглавными буквами внизу и на сторонѣ изъ того же почерка.

3. Третья таблица изъ втораго почерка писца Ничьки. Заставка и заглавныя буквы этого же писца.

4. Четвертая таблица съ заглавными буквами внизу и на полѣ и вверху заставки, заканчивающей мѣсяцъ, изъ 2-го же почерка.

5. Таблица пятая, изъ заглавныхъ буквъ, заглавій, азбуки, изъ перваго почерка; а монограмма на л. 79 об., на полѣ Евангелія, о исцѣленіи разслабленнаго изъ 2-го почерка, равно ниже азбуки—заглавіе, буквы съ перечеркнутыми и искривленными линіями, нижнія заглавныя буквы, нѣкоторыя отдѣльныя буквы: ȣ, ѿ, ȝ отдѣльныя слова: г҃лахоу, инсоусъ, на ѱа, а пахть, сн҃ъ, заимствованы изъ 2-го почерка.

---

[1]) Симъ Евангеліемъ заканчиваетъ дописывающій Евангеліе пресвитеръ въ 1092-мъ году. Изъ Евангелія, написаннаго въ Михайловъ день, послѣ сего писца, противъ Остр. Ев. отмѣчу только два разночтенія: Мѳ. XIII, 28. истьргъмь.—36. плевельнуую.—Ошибки писцовъ и незначительные пропуски и прибавки мною опущены, при сличеніи сего Евангелія съ Остр. Евангеліе 1092 г. пріобрѣтено въ Румянцовскій музей директоромъ В. А. Дашковымъ.

[2]) Другія Евангелія, кромѣ Остромирова, съ которымъ почти однимъ сличено Евангеліе 1092 г., слѣдующія: 1) Савино Евангеліе XI в. юсоваго письма, находится въ Сvнод. типографской библіотекѣ (подъ № 15), прекрасно въ древнемъ вкусѣ возобновленной и устроенной заботами инспектора Сvн. типографіи Вас. Егор. Румянцова, богатѣйшей древнѣйшими рукописями, открытой для занятія всѣмъ любителямъ отечественной старины и удостоенной посѣщенія Государя Императора, въ 1875 г. авг. 22. Оно все напечатано Изм. Ив. Срезневскимъ 1868 года, въ его трудѣ: Древніе Славянскіе памятники юсоваго письма, на 154 страницахъ. 2) Евангеліе по недѣлямъ, XII в., съ миніатюрами евангелистовъ, малаго формата, находится въ Сvнод. же типографской библіотекѣ подъ № 6. 3) Четверо-евангеліе XII в., той же библіотеки, подъ № 1. 4) Мстиславово Евангеліе начала XII в., находится въ Архангельскомъ Соборѣ, въ богато украшенномъ переплетѣ XII же вѣка. 5) Юрьевское, по недѣлямъ, 1118—28 г., въ Сvнод. библіотекѣ, и 6)—Добриловское, 1164 г., въ Румянцовскомъ музеѣ.

6. Шестая таблица, съ азбукою и заглавными буквами, заимствована изъ 2-го почерка.

7. Таблица седьмая, особеннаго почерка, крупнѣе 2-го. Этимъ почеркомъ написана только сія 116 страница. Внизу заглавія изъ 2-го почерка.

8. Таблица осьмая, заканчивается писцемъ Мичькою. Послѣ сего почеркъ особый, которымъ написаны Воскресныя Евангелія, кромѣ 10-го, написаннаго въ 1092 году пресвитеромъ. Ниже—заглавія и заглавныя буквы изъ 2-го почерка.

9. Таблица девятая, почеркъ заканчивающаго Евангеліе въ 1092-мъ году какого-то пресвитера. Имъ только одна сія страница написанная осталась. По краямъ буквы заглавныя изъ 2-го почерка.

10. Таблица 10-я, южнаго Славянскаго письма, писана по палимсесту въ XII—XIII вѣкѣ, черными чернилами, какъ будто теперь писана. Ниже, заглавіе изъ 2-го почерка.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

По поводу возстановленія древнихъ библіотечныхъ палатъ Московскаго Печатнаго двора.

Д. чл. В. Е. Румянцова.

Такъ какъ возстановленіе древнихъ библіотечныхъ палатъ въ зданіи Синодальной типографіи къ настоящее время уже окончено и Типографская библіотека приводится въ порядокъ, то неизлишне сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о минувшихъ ея судьбахъ и настоящемъ ея составѣ.

Первое основаніе типографской библіотеки, безъ сомнѣнія, положено при самомъ учрежденіи Печатнаго двора, въ половинѣ XVI в. Во время Литовскаго разгрома, въ 1612 году, когда типографія была разорена и сожжена Поляками, погибла и ея библіотека. Съ возстановленіемъ книгопечатанія при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, снова начали дѣятельно собирать на Печатный дворъ книги и рукописи, заключавшія въ себѣ матеріалы и пособія для предпринимаемыхъ здѣсь печатныхъ изданій. Такія книги покупали и вымѣнивали въ монастыряхъ, церквахъ и у частныхъ лицъ, пріобрѣтая иногда цѣлыя собранія, остававшіяся по смерти тогдашнихъ любителей просвѣщенія, какъ напр. послѣ Павла, митрополита Крутицкаго, и Епифанія Славенецкаго. Кромѣ того, типографская библіотека обогащалась книжными вкладами царей и патріарховъ, а также и пожертвованіями ученыхъ справщиковъ, которые нерѣдко завѣщавали свои собственныя библіотеки «къ Государеву дѣлу на Печатный дворъ, въ присную память своихъ трудовъ» при этомъ учрежденіи, въ званіи справщиковъ. Послѣ п. Никона, обогатившаго эту библіотеку древними греческими рукописями и разными иностранными изданіями, мы уже видимъ при ней особаго книгохранителя. Въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, типографская библіотека получила капитальное приращеніе. Открывъ на Печатномъ дворѣ училище, изъ котораго должна была возникнуть академія, устроенная по образцу европейскихъ университетовъ, съ классическимъ образованіемъ, царь приказалъ устроить новое благолѣпное зданіе и для библіотеки и дѣятельно заботился о пополненіи ея книгами общеобразовательнаго содержанія, учеными и учебными пособіями. Въ это время Печатный приказъ издерживалъ ежегодно весьма значительныя суммы на пріобрѣтеніе рукописныхъ и печат-

ныхъ книгъ и часто весьма дорогихъ иностранныхъ изданій. Такимъ образомъ, къ концу XVII в. въ типографской библіотекѣ книги уже считались тысячами. Но вскорѣ реформы Петра дали образованію совершенно другое направленіе, другую основу—чисто реальную. Вмѣстѣ съ тѣмъ ученая и издательская дѣятельность на Печатномъ дворѣ прекратились. Мѣсто ученыхъ справщиковъ заступили простые корректоры; библіотека осталась на рукахъ мало-просвѣщеннаго чиновничества, для котораго она была совершенно безполезнымъ и даже тяжелымъ грузомъ; доступъ къ ней становился все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Впрочемъ немного было и охотниковъ для серьезной науки и занятія стариною, отъ которой совершенно отвернулось тогдашнее общество, старавшееся усвоить себѣ только внѣшній лоскъ европейской образованности. Въ 1786 г., по указу Екатерины II, до 600 лучшихъ рукописей славянскихъ и греческихъ передано въ Синодальную библіотеку, а въ недавнее время составлялось предположеніе совершенно раздробить типографскую библіотеку: рукописи всѣ отдать въ другія библіотеки, а прочія книги разослать по духовнымъ семинаріямъ. Типографская библіотека, такимъ образомъ, навсегда погибла бы для науки. Но къ счастью, это предположеніе не исполнилось, благодаря ходатайству Московск. Археолог. Общества и просвѣщенному сочувствію, съ которымъ отнесся къ этому ходатайству г. Синодальный оберъ-прокуроръ, графъ Д. А. Толстой. Сдѣлано даже болѣе: возстановлено въ первоначальномъ благолѣпіи древнее библіотечное зданіе, и приняты дѣятельныя мѣры къ скорѣйшему приведенію въ порядокъ библіотеки и открытію ея для ученыхъ занятій.

Типографская библіотека состоитъ въ настоящее время изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

1. Отдѣлъ рукописей, числомъ до 600. Между ними 187 книгъ харатейныхъ, большею частью церковно-служебныхъ. Изъ нихъ двѣ, именно минеи служебныя за октябрь и ноябрь,—съ годами: первая писана въ 1096 г., вторая въ 1097 году. Сверхъ того, до 12 другихъ книгъ также относятся къ XI вѣку. Затѣмъ большое количество харатейныхъ рукописей принадлежитъ къ XII в., остальныя къ XIII—XV в. Пока еще очень немногія изъ нихъ разсмотрѣны и изслѣдованы съ той или другой стороны учеными. Изъ числа бумажныхъ рукописей обращаютъ на себя вниманіе сборники XVI и XVII в., самаго разнообразнаго содержанія, и въ особенности—древніе переводы или оригиналы, съ которыхъ печатались типографскія изданія, съ многочисленными поправками, приписками и замѣтками тогдашнихъ исправителей.

Къ рукописному отдѣлу относятся также и дѣла Книгопечатнаго приказа XVII вѣка, начиная съ 1620 года. Они дошли до насъ въ нѣсколькихъ переплетенныхъ книгахъ, разбитыхъ и большею частью неполныхъ тетрадяхъ, а нѣкоторыя—только въ отрывкахъ. Всѣ эти книги, тетради и отрывки теперь уже разобраны и приведены въ порядокъ: перенумерованы въ хронологической послѣдовательности по годамъ и перемѣчены внутри по листамъ. О важности подобнаго рода документовъ распространяться излишне.

2 Отдѣлъ книгъ церковной печати. Онъ заключаетъ въ себѣ изданія разныхъ древнеславянскихъ типографій, и преимущественно Московской Въ этомъ отдѣлѣ, кромѣ значительнаго числа экземпляровъ сдѣлавшихся теперь рѣдкими, особенно любопытны книги «ковычныя» или корректурныя XVII столѣтія, правленныя для послѣдующихъ печатныхъ изданій.

3. Отдѣлъ книгъ иностранныхъ: греческихъ, латинскихъ, польскихъ, нѣмецкихъ и др. Между польскими книгами здѣсь встрѣчаются весьма рѣдкія и важныя по содержанію. Въ этотъ отдѣлъ, какъ видно по самымъ надписямъ на книгахъ, вошли, между прочимъ, книги, оставшіяся послѣ Симеона Полоцкаго, справщика іерея Никифора, Сильвестра Медвѣдева и Димитрія Ростовскаго.

4. Къ библіотекѣ присоединенъ теперь и небольшой типографскій музей, заключающій въ себѣ уцѣлѣвшія орудія древнерусскаго книгопечатанія, каковы: образцовый первопечатный станокъ, пунсоны и матрицы XVII в., словолитная форма древней конструкціи, рѣзная словолитная доска для печатанія антиминсовъ, походный книгопечатный станъ Петра I и друг. Всѣ эти вещи даютъ наглядное понятіе о состояніи типографской техники въ допетровское и петровское время.

НАДГРОБНЫЯ НАДПИСИ ВЪ МОСКОВСКОЙ ЦЕРКВИ СВ. НИКОЛАЯ ВЪ БАШМАЧКАХЪ.

Д. чл. В. Е. Румянцова.

Осенью 1875 года, въ церкви Св. Николая, что въ Башмачкахъ, внизу въ подклѣтѣ, при выниманіи земли для фундамента печи, отрытъ былъ каменный гробъ четыреугольной формы, безъ всякихъ украшеній и надписей, покрытый каменною плитою. Внутри его не найдено ничего, кромѣ земли и полуистлѣвшихъ костей; но самый гробъ этотъ уже указываетъ на давнее существованіе здѣсь церкви, что подтверждается и сохранившимися въ ней надгробными надписями, высѣченными на каменныхъ плитахъ. Двѣ изъ нихъ, находящіяся снаружи церкви, слѣдующія: 1) «лѣта ҂зрлз го (1629) апрѣля въ ꙟі днѣ на первомъ часу дни преставися рабъ Божій приказу Большаго Дворца подъячей Алексѣй Максимовъ сынъ Нилин съ первою женою и погребенъ у церкви Похвалы Пресвятыя Богородицы что у Всесвяцкихъ воротъ близъ Бѣлого города противъ колоколни въ дву саженяхъ». Посрединѣ надписи, вверху, высѣченъ четыреугольникъ, раздѣленный внутри на 4 части, въ которыхъ помѣщены слова: іс хс ни ка. 2-я надпись читается такъ: «лѣта ҂зрни (1610)—или, можетъ быть,—҂зрнн (1650) апрѣля въ ві днѣ на память стого оца Василія епкпа Парійскаго преставися рабъ Бжій Сытного двора стольничей Іоаннъ Гавриловъ сынъ Коробовъ».

Въ подклѣтѣ подъ церковью, служившемъ родовою усыпальницею Башмаковыхъ, находятся слѣдующія надписи: 1) «лѣта ҂зрѯа (1653) мая въ ді днѣ

преставись раба бж҃ія Агрипина Дмитріева дочь да внука ея Марія дв҃ца дочь думного дьяка Дементія Минича Башмакова». Надпись эта сдѣлана очевидно послѣ 1653 года, ибо въ этомъ году Д. М. Башмаковъ, какъ увидимъ далѣе, еще не былъ думнымъ дьякомъ. Особенно примѣчательна вторая надпись, высѣченная надъ могилою самого храмоздателя—Д. М. Башмакова, отъ котораго и самая церковь получила свое названіе, сохраняющееся до нынѣ: «Во имени Всетворца Бг҃а Царского Пресвѣтлого Величества думный дворянинъ и печатникъ благоразуменъ гд҃инъ Евсигній званный Дометій Миничъ Башмаковъ поживе бл҃гочестно п҃з лѣтъ и дней м҃ въ гражданскихъ же дѣлахъ и въ судіяхъ усердно и зело тщательно трудися о҃в лѣта имѣніе же свое все села домы и вещы распродавъ въ созиданіе обителей ст҃ыхъ и во украшеніе цр҃квей бж҃іихъ раздаде и въ мл҃тыню нищимъ и убогимъ истощи непрестанно до скончанія жизни своея такожде и сей ст҃ый храмъ созда и украси и всякими цр҃ковными потребами и колоколами удовольства. И лѣта рж҃ства Іи҃са Хр҃ста ҂аѱе сентемврія въ 1 дн҃ь успе бл҃гочестно во всемъ цр҃ковныхъ таинствъ совершенствѣ и положено во гробѣ тѣло его на семъ мѣстѣ. Гробъ же сей кто узритъ помолися Гд҃и Бж҃е упокой дш҃у его съ праведными въ бл҃жествѣ и радости вѣчно аминь». Надпись эта, пополняя новыми любопытными чертами біографію храмоздателя, вмѣстѣ съ тѣмъ, по соображенію съ Строильными книгами, показываетъ, что нынѣшняя Никольская церковь построена не въ 1705 г., какъ значится въ печатныхъ объ ней извѣстіяхъ, а еще до 1657 года; 1705 годъ есть только годъ смерти ея строителя, а между тѣмъ еще въ 1657 году эта церковь, какъ показываютъ Строильныя книги 7161 года, называлась уже «въ Башмаковѣ». Изъ сличенія вышеприведеннаго надгробія съ другими дошедшими до насъ офиціальными извѣстіями видно, что Д. М. Башмаковъ родился въ 1618 году. Въ 1654 г. онъ является подъячимъ, потомъ дьякомъ въ Приказѣ Большаго дворца, а въ 1658 г. въ Приказѣ тайныхъ дѣлъ; за тѣмъ съ 1668 г.—уже думнымъ дьякомъ въ Разрядѣ, съ 1678 г. печатникомъ Печатнаго приказа, въ которомъ прикладывались печати къ грамотамъ и памятямъ, за что взимались съ челобитчиковъ печатныя пошлины. При царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ Башмаковъ уже значится въ спискѣ думныхъ дворянъ. Жизнь его, какъ свидѣтельствуетъ надгробная надпись, ознаменовалась не однимъ только долголѣтіемъ и усердною служебною дѣятельностію, но и дѣлами христіанской благотворительности и милосердія.

Д. чл. Н. П. Розановъ дополняетъ это сообщеніе нѣкоторыми извѣстіями о Никольской церкви, отысканными имъ въ Духовной Консисторіи. Извѣстія эти, подтверждая вышеприведенныя данныя о нынѣшней церкви, вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ, что по окладнымъ книгамъ «оная церковь въ построеніи имѣлась (вѣроятно, деревянная) еще въ 126 году (1618), которой наименованіе было: что въ Чертольѣ, а въ другихъ книгахъ: въ Чертольѣ у Водяныхъ воротъ; нынѣ же оная именуется: въ Башмаковѣ, у Всесвятскихъ воротъ; въ переписныхъ 702 и 722 г. именовалась: «Старыя прощи».

БИБЛІОГРАФІЯ

I.

Объ Антиминсахъ православной русской церкви. Соч. о. Константина Никольскаго. Спб. 1872.

Рефератъ Д. Чл. Е. В. Барсова.

На Пасхѣ я сдѣлалъ археологическую экскурсію во Владиміръ на Клязьмѣ, съ результатами которой и имѣю честь познакомить Археологическое Общество. Благодаря вниманію бывшаго своего начальника тамошняго архіепископа Антонія и его викарія преосвященнаго Іакова, я имѣлъ полную возможность разсмотрѣть древніе антиминсы, хранящіеся тамъ при Архіерейской церкви, для чего главнымъ образомъ и предпринята была мною поѣздка во Владиміръ.

Но, прежде чѣмъ сообщать о томъ, я не могу удержаться, чтобы не заявить Обществу, что достопочтенный сочленъ нашъ Н. А. Артлебенъ приготовляетъ для Общества любопытные рисунки съ древнѣйшихъ, едва уцѣлѣвшихъ, остатковъ одѣяній суздальскихъ князей: я видѣлъ эти остатки, и по нимъ можно вѣрно и наглядно изобразить по крайней мѣрѣ цвѣта и узоры тѣхъ одѣяній, въ которыхъ красовались древніе князья суздальскіе.

Тотъ же почтенный сочленъ показывалъ мнѣ свои ученыя работы надъ соборомъ Владимірскимъ. Можно сказать, что онъ разработалъ его такъ, какъ не разработанъ у насъ ни одинъ изъ древнѣйшихъ нашихъ архитектурныхъ памятниковъ. Познакомившись съ его работами, достаточно войти во Владимірскій каѳедральный соборъ, чтобы

тотчасъ же получить понятіе о соборѣ Андрея Боголюбскаго и о томъ, какъ передѣланъ этотъ соборъ Всеволодомъ III. Нѣтъ сомнѣнія, что г. Артлебенъ самъ ознакомитъ Общество съ этими учеными своими работами.

Не могу также скрыть предъ Обществомъ, что въ изученіи суздальскихъ антиминсовъ я весьма много обязанъ преосвященному Іакову: имя его, безъ сомнѣнія, многимъ уже извѣстно изъ гг. членовъ. Въ бытность свою въ Москвѣ, преосв. Іаковъ основалъ «Общество любителей духовнаго просвѣщенія», былъ первымъ его предсѣдателемъ, упрочилъ его существованіе и создалъ при немъ епархіальную библіотеку. Во Владимірѣ онъ также устроиваетъ публичную библіотеку, и мнѣ пріятно было видѣть, что тамошніе просвѣщенные люди, хотя и разныхъ воззрѣній и направленій, какъ-то: гг. Алябьевъ, Рангъ, вице-губернаторъ Семеновъ, предсѣдатель земства Николаевъ, Ѳ. Н. Павлинскій, А. И. Сервицкій и др., весьма сочувственно относятся къ этой мысли. Г. Рангъ изъявилъ готовность пожертвовать во вновь устрояемую библіотеку весьма рѣдкій хромолитографированный снимокъ съ Реймскаго Евангелія; прочіе готовы подѣлиться разными періодическими изданіями прошлыхъ лѣтъ. Немало также преосвященный Іаковъ озабоченъ устройствомъ суздальскаго архива, и вообще сохранностію древне-церковныхъ памятниковъ.

Имѣя это въ виду, нисколько не удивительно, что преосвященный Іаковъ оказалъ особенное сочувствіе и къ моимъ интересамъ. Съ благословенія владимірскаго архипастыря онъ перенесъ всѣ антиминсы изъ холоднаго помѣщенія, гдѣ они находились и гдѣ не возможно было заниматься, въ свою собственную квартиру, и я разсматривалъ и изучалъ эти памятники, не обинуясь скажу, при его непосредственномъ содѣйствіи. Многія надписи на антиминсахъ до того поблекли и выцвѣли, что я при чтеніи ихъ много былъ облегченъ его участіемъ. Особенно, многія имена святыхъ, въ дни которыхъ освящались антиминсы, были вѣрно подсказаны мнѣ самимъ преосвященнымъ.

Я успѣлъ разсмотрѣть только древніе—писанные, холщевые антиминсы и со многихъ снялъ копіи. Съ остальныхъ изготовитъ копіи и доставитъ или лично мнѣ, или прямо въ Общество, самъ преосвященный Іаковъ.

Но кто бы ни сталъ въ настоящее время заниматься антиминсами, онъ не можетъ обойти книги объ антиминсахъ о. К. Никольскаго. Книга эта, удостоенная Уваровской преміи отъ Акад. наукъ, до сихъ поръ не была однакожъ разсмотрѣна и оцѣнена нашимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ: изученіе этой книги и заставило меня

ѣхать въ Суздаль, чтобы поискать тамъ древнѣйшихъ антиминсовъ; и потому я, пользуясь настоящимъ случаемъ, т. е. дѣлая докладъ собственно о Суздальскихъ антиминсахъ, не могу не войти въ разсужденіе какъ объ антиминсахъ вообще, такъ и о книгѣ о. Никольскаго въ частности. Книга эта содержитъ въ себѣ 10 главъ.

I. Происхожденіе и древность антиминсовъ.

II. Значеніе антиминса, какъ жертвенника.

III. Чинъ освященія антиминса.

IV. Обстоятельства, по которымъ были получаемы отъ архіереевъ освященные антиминсы. Подвижные и неподвижные антиминсы.

V. Храненіе старыхъ антиминсовъ.

VI. Матерія и величина антиминсовъ, нашивные углы и развертываніе антиминса на литургіи.

VII. Рисунки на антиминсахъ.

VIII. Надписи на антиминсахъ.

IX. Лица, приготовлявшія антиминсы къ освященію, хранящія ихъ по освященіи и доставляющія ихъ въ храмы.

X. Подать за антиминсы.

Антиминсомъ называется тканый платъ, освященный архіереемъ и полагаемый на престолѣ для совершенія на немъ таинства Евхаристіи.

Настоящее его значеніе состоитъ именно въ томъ, что онъ съ одной стороны замѣняетъ собою освященіе престола самимъ архіереемъ, а съ другой—въ томъ, что онъ служитъ каноническимъ свидѣтельствомъ епископскаго разрѣшенія на совершеніе Евхаристіи въ томъ или другомъ мѣстѣ.

Исторія антиминса, какъ вмѣстопрестольника, очевидно, связана съ исторіею Христіанскаго престола.

Нѣтъ сомнѣнія, что какъ мѣста, въ которыхъ совершалась Евхаристія, такъ и столъ, на которомъ она совершалась, уже во времена апостольскія отличались отъ обыкновенныхъ столовъ и домовъ.

«Еда бо домовъ не имате, во еже ясти и пити? Или о церкви Божіей нерадите?» Такъ упрекалъ апостолъ Павелъ Коринѳскихъ христіанъ за то, что, собираясь на вечерю и не дождавшись совершенія Евхаристіи, они начинали ѣсть и пить, кто что приносилъ съ собою. Разсказавъ имъ, какъ совершилъ Господь свою послѣднюю вечерю, онъ убѣждалъ ихъ относиться къ ней съ благоговѣніемъ и чистою совѣстію: «аще кто алчетъ, въ дому да ястъ, да не въ грѣхъ сходитеся.»

Точно также онъ указывалъ имъ и на священное значеніе стола, на которомъ совершалась Евхаристія. Запрещая участвовать въ языческихъ жертвоприношеніяхъ, онъ писалъ имъ: «не хощу васъ общ-

никомъ бытп бѣсомъ; не можете чашу Господню пити и чашу бѣсовскую; не можете трапезѣ Господней причащатися и трапезѣ бѣсовской (Кор. X, 18—21). Сопоставляя столъ Евхаристіи съ олтаремъ іудейскимъ, онъ также именовалъ его «олтаремъ», «жертвенникомъ» —(θυσιαστήριον): «имамы олтарь, отъ него же имутъ вкушати служащіи сѣни».

Въ вѣкъ мужей апостольскихъ, по мѣрѣ того, какъ Евхаристія—жертва хваленія (Евр. XIII, 15)—получала въ церкви значеніе искупительной жертвы и богослужебнаго акта, во время котораго совершалось пресуществленіе хлѣба и вина въ Тѣло и Кровь Христову,—вмѣстѣ съ тѣмъ естественно возвышалось и значеніе стола или трапезы Господней. Она также получила богослужебный сакраментальный характеръ и значеніе жертвенника въ собственномъ смыслѣ,—соотвѣтственно высотѣ и величію Христіанской искупительной жертвы. Въ этомъ смыслѣ трапеза Евхаристіи называется жертвенникомъ (θυσιαστήριον) уже у отцевъ и учителей II и III в. (Tertul. de orat., 14. Cypr. Epist. 79. Opt. 6, ad. Parmen). Въ этомъ же смыслѣ, она называется жертвенникомъ (θυσιαστήριον) и въ древнѣйшихъ литургіяхъ. Въ IV в. столъ Евхаристіи имѣлъ уже такое значеніе, что, по словамъ Григорія Нисскаго, къ нему не только не всякій могъ приближаться, но даже священники, и тѣ могли прикасаться къ нему не иначе, какъ съ особымъ благоговѣніемъ.

Въ виду такого значенія престола, въ эпоху гоненій, естественно, должны были появиться и олтари или жертвенники переносные (altaria, gestatovia, viatica, itineraria, portatilia). Само собою разумѣется, что они должны были быть небольшаго размѣра и удобны для переноски. Извѣстно, что Кипріанъ совѣтовалъ священникамъ, призваннымъ въ темницы для приношенія священной жертвы, окружать себя настолько предосторожностями, чтобы язычники не могли замѣтить ихъ (Cypr. epist. IV).

Не безъ основанія изслѣдователи видятъ въ этихъ указаніяхъ намекъ на подвижные престолы. Не великъ долженъ быть престолъ этихъ священниковъ, когда они, по словамъ Беды (писателя VII и начала VIII в.), совершали каждый день обѣдню, *нося съ собой сосуды и, вмѣсто олтаря, освященный столъ* (vascula et altaris vice tabulam dedicatam).

Эти-то переносные престолы и замѣнены въ послѣдствіи антиминсами. Какъ ни были престолы малы, но все же при перенесеніи они не представляли такихъ удобствъ, съ которыми соединено перенесеніе тканыхъ антиминсовъ.

О. Никольскій, разсуждая о происхожденіи антиминсовъ, говоритъ

сначала объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ подвижные престолы, именно: о нападеніяхъ на христіанъ во время богослуженія со стороны невѣрныхъ и еретиковъ, и дѣлаетъ выводъ, что такими подвижными престолами въ западной церкви были переносные олтари, а въ восточной—антиминсы (понимаемые въ ихъ настоящемъ смыслѣ).

Но приводимые имъ свидѣтельства рѣшительно не относятся къ подтвержденію его вывода. Историки Евсевій (Vit. Const. lib. I, c. 56), Сократъ (Hist. lib. I, c. 18) и Созоменъ (Hist. lib. cap. 9) говорятъ только о существованіи походныхъ храмовъ во время Константина Великаго и о томъ, что каждый изъ римскихъ легіоновъ имѣлъ особую скинію, особыхъ священниковъ и дьяконовъ; ни у одного изъ нихъ не встрѣчается даже слова «антиминсъ».

Первыя положительныя, хотя и не совсѣмъ опредѣленныя, свидѣтельства объ антиминсахъ, по собственнымъ словамъ о. Никольскаго, встрѣчаются только въ концѣ VIII и въ началѣ IX вѣка,—именно у Феофана († 818) и Никифора († 815) исповѣдниковъ.

Феофанъ исповѣдникъ, умершій около 818 г., говоритъ объ антиминсѣ въ хронографіи, которую онъ составилъ отъ 285 до 813 года. Въ ней разсказываетъ, что въ 762 г. по Р. Х. римскій императоръ Левъ съ обоими знатнѣйшими цесарями и съ молодымъ Константиномъ пришелъ въ Великую церковь и взошелъ, по обычаю, въ царской одеждѣ на амвонъ, съ своимъ сыномъ и патріархомъ.

Тогда положили граматы ихъ на св. трапезу, въ виду всего народа. Императоръ обратился къ народу съ такою рѣчью: «Братья! я исполняю по вашему желанію,—даю вамъ въ императора своего сына. Вотъ вы его принимаете отъ церкви и отъ руки Христа.» На другой же день, въ который была Пасха Господня, царь вышелъ съ патріархомъ въ ипподромъ (циркъ) и, когда былъ принесенъ антиминсъ (ἐνεχθέντος ἀντιμινσίου), патріархъ, при множествѣ народа, вознесъ молитвы. Тогда царь возложилъ корону на своего сына и оба пошли въ Великую церковь съ двумя цесарями (Theophanis Chronographia, ed. Parisiis 1655, pag. 37). Но и въ этомъ позднѣйшемъ свидѣтельствѣ говорится объ антиминсахъ не въ томъ смыслѣ, какой получили они въ послѣдствіи. Самъ же о. Никольскій замѣчаетъ, что, по мнѣнію Гоара, здѣсь подъ антиминсомъ разумѣется не болѣе, какъ подвижной престолъ.

На такое же значеніе антиминсовъ указываютъ и свидѣтельства о нихъ впервые открытыя академикомъ Срезневскимъ, — въ книгахъ Константина Порфиророднаго «О церемоніяхъ». Изъ нихъ видно, между прочимъ, что антиминсъ помѣщался по правую сторону престола (τοῦ θυσιαστηρίου), что императоръ становился иногда передъ престоломъ

у царскаго антиминса (ἐν τῷ βασιλικῷ ἀντιμινσίῳ), что такой царскій антиминсъ былъ въ храмѣ св. Апостоловъ, на которомъ патріархъ полагалъ св. дары (προτίθησιν τὰ δῶρα ἐν τῷ βασιλικῷ ἀντιμινσίῳ) и, по приходѣ императора, причащалъ его. За тѣмъ въ описаніи обрядовъ вѣнчанія императора (гл. XXXVIII) передается: «на амвонѣ Софійской Великой церкви ставится антиминсъ ἵσταται ἀντιμίνσιον); на немъ кладутся царская хламида и вѣнецъ. Патріархъ совершаетъ молитвы и полагаетъ вѣнецъ на голову великаго императора» и т. д.

Изъ этихъ свидѣтельствъ хотя и не довольно ясно, но однакоже видно, что антиминсъ служилъ при разныхъ церковныхъ церемоніяхъ внутри самаго храма, что дары иногда полагались на немъ уже освященные; что онъ былъ, наконецъ, очевидно не холщевымъ платомъ, а подвижнымъ престоломъ: онъ не полагался, но именно ставился (ἵσταται ἀντιμίνσιον). Такимъ образомъ нѣтъ ни одного свидѣтельства, которое бы подтверждало выводъ о. Никольскаго, что въ греческой церкви престолъ замѣняли антиминсы (въ смыслѣ платовъ), точно такъ какъ въ латинской служили къ тому переносные олтари.

Первое свидѣтельство объ антиминсѣ, въ смыслѣ тканаго плата, встрѣчаемъ въ Правилахъ Никифора исповѣдника, умершаго въ 815 году. Въ одномъ изъ его правилъ говорится, что антиминсы посылаются туда, гдѣ есть въ нихъ надобность (παραπέμπονται), а въ другомъ—что если антиминсъ изотрется, износится (πλυνθῇ), святыня не оставляетъ его. Здѣсь уже высказываются признаки именно холщеваго антиминса. Но во первыхъ, правила у разныхъ писателей читаются различно, а во вторыхъ, извѣстные законовѣды, архим. Іоаннъ (впослѣдствіи еп. Смоленскій) и Неволинъ не безъ причины вовсе обходятъ ихъ молчаніемъ.

Свидѣтельство Вальсамона, писателя XII в., изъ котораго о. Никольскій усиливается вывесть доказательства глубокой древности антиминсовъ, никакъ не служитъ въ его пользу. Правда, Вальсамонъ опредѣленно указываетъ на значеніе антиминсовъ, какое имѣли они въ его время; онъ говоритъ именно, что они служили къ устроенію св. жертвенника и къ свидѣтельству о томъ, что въ храмѣ священнодѣйствіе совершается съ дозволенія епископа, но тутъ же самъ замѣчаетъ: «διὰ τοῦτο γὰρ, ὡς ἔοικεν, ἐπενοήθησαν καὶ τὰ ἀντιμινσία.» Слово ἐπενοήθησαν—измыслили, выдумали—никогда не вышло бы изъ устъ Вальсамона, если бы ему было извѣстно, что антиминсы имѣли древнѣйшее происхожденіе. Напротивъ это выраженіе указываетъ именно на то, что за ними не было древняго преданія. Притомъ, эти слова его находятся въ связи съ его объясненіями правилъ Трульскаго собора,—и потому, намъ кажется, весьма основательно думаютъ

тѣ изслѣдователи, кои подразумѣваютъ здѣсь слово πατέρες — «отцы измыслили»,—какъ встрѣчаются и выше: отцы полагаютъ, и на основаніи этихъ словъ утверждаютъ, что начало антиминсовъ (въ смыслѣ тканыхъ платовъ) не восходитъ далѣе временъ Трульскаго собора.

Разсуждая о чинѣ освященія антиминсовъ, о. Никольскій говоритъ, что при освященіи антиминсовъ совершалось то же самое, что и при освященіи архіереемъ самаго престола,—и самый чинъ излагаетъ онъ на основаніи свидѣтельства Вальсамона, писателя XII в., и Симеона Солунскаго, писателя XV в. Но, къ удивленію, ему осталась неизвѣстною «Бесѣда» Григорія Нисскаго, изъ которой видно, что уже въ IV в. трапезный камень получалъ благословеніе (τὴν εὐλογίαν ἐδέξατο) и самое совершеніе на немъ Евхаристіи освящало его (τῇ τοῦ Θεοῦ θεραπείᾳ). Говоря о купели, что отъ ней происходятъ чудныя дѣйствія и что, поэтому, не должно относиться къ ней небрежно и цѣнить ее за малость, какъ вещь обыкновенную, Григорій Нисскій продолжаетъ: точно такъ и камень, поелику онъ посвященъ на служеніе Богу и получилъ благословеніе, есть трапеза святая и непорочный жертвенникъ. Очень вѣроятно, что и въ первые три вѣка освященіе престола совершалось точно также, т. е. чрезъ благословеніе и самое дѣйствіе Евхаристіи.

Но если мы не имѣемъ о томъ болѣе подробныхъ свидѣтельствъ, за то отъ временъ апостольскихъ съ трапезой Господней связана такая особенность, которая наблюдалась и въ переносныхъ престолахъ, и въ позднѣйшихъ антиминсахъ. «Видѣхъ подъ олтаремъ души избіенныхъ, читаемъ въ Апокалипсисѣ, за слово Божіе и за свидѣтельство, еже имѣяху» (гл. 6, ст. 9). Олтарь христіанскій съ идеею искупительной жертвы соединяетъ въ себѣ идею мученической крови. Служа символомъ Любви Божественной, которая положила животъ свой за грѣхи міра, она вмѣстѣ служитъ свидѣтельствомъ и той любви, которая полагаетъ животъ свой во имя Его и за Его Евангеліе. Престолъ—это образъ новаго завѣта, олтарь союза Искупителя и искупленныхъ, Христа и Его Церкви—въ ея живущихъ и умершихъ членахъ.

И мы видимъ, что, въ силу этой идеи, во времена гоненій Эвхаристія совершается еще на гробницахъ мученическихъ мощей. Въ IV в. престоломъ служили каменныя плиты отъ гробовъ мучениковъ. «И сей самый олтарь, говоритъ Григорій Нисскій, коему мы предстоимъ, по натурѣ камень обыкновенный, ничѣмъ не отличный отъ прочихъ надгробныхъ камней.... Но поелику посвященъ на служеніе Богу и получилъ благословеніе, онъ

есть святая трапеза, непорочный жертвенникъ, коего касается не всякій, но только священники,—и тѣ съ благословеніемъ» *).

Въ это же время, при освященіи храмовъ, стали полагать подъ престоломъ мощи мучениковъ. Св. Амвросій Медіоланскій говоритъ: «когда я хотѣлъ освятить базилику, многіе какъ бы одними устами начали вопіять: освяти базилику такъ, какъ освящена римская. Сдѣлаю это, отвѣчалъ я, если обрѣту мощи мучениковъ». Послѣ, когда обрѣтены были мощи св. мучениковъ (Гервасія и Протасія), онъ положилъ ихъ подъ олтаремъ, какъ самъ объясняетъ: «Сей (Христосъ) на олтарѣ, который за всѣхъ пострадалъ, а тѣ мученики подъ олтаремъ, какъ искупленные кровію Его» (S. Ambr. ad Marcel. epist. 34). «Свидѣтель мнѣ Господь, писалъ Павлинъ епископъ Нолы къ епископу Северу, просившему у него частицы мощей для освященія храма:—что еслибъ я имѣлъ священнаго праха хоть на одинъ скрупулъ больше того, чѣмъ сколько мнѣ нужно для освященія базилики, строеніе которой скоро окончится,—во имя Господне, я послалъ бы твоей святости» (Epist. ad Seu. XI, pag. 46). Вообще, въ IV в. обычай полагать мощи подъ престолъ былъ уже въ такой силѣ, что 94 правиломъ Карѳагенскаго собора (въ 318 году) предписывается мѣстнымъ епископамъ разрушать, по возможности, тѣ олтари, поставленные повсюду на поляхъ и въ вертоградахъ въ память мучениковъ, которые не имѣли мощей. Седьмое же правило 7 Вселенскаго собора гласило: «Аще же отнынѣ обрящется епископъ, освящающій храмъ безъ св. мощей, да будетъ изверженъ, яко преступившій церковныя преданія».

Съ этими канонами Вселенскаго и Помѣстнаго соборовъ связанъ обычай полагать св. мощи и въ антиминсы, замѣнившіе собою надгробныя мученическія плиты. Впрочемъ, встрѣчаются и антиминсы безъ мощей. Даже самый древнѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ,—антиминсъ Новгородскій, XII в.,—освященный еп. Нифонтомъ, не представляетъ и слѣдовъ, чтобы въ немъ были когда нибудь мощи (Срезн. Христ. Древности. Прохорова. 1862, кн. 4, стр. 2). По мнѣнію изслѣдователей Долоцкаго (Христ. Чт. 1844 г. ч. 2, стр. 87) и Никольскаго, антиминсы безъ мощей полагались на тѣхъ престолахъ, которые освящены были самимъ архіереемъ и въ которые непосредственно вложены были св. мощи. Но это правило, какъ видно изъ

---

*) Καὶ τὸ θυσιαστήριον τȣ̃το τὸ ἅγιον, ᾧ παρεςήκαμεν, Λίθος ἐςὶ κατὰ τὴν φύσιν κοινὸς, ȣ̉δὲν διαφέρων τῶν ἄλλων πλακῶν. Ἐπειδὴ δὲ καθιερώθη τῇ τȣ̃ Θεȣ̃ θεραπείᾳ καὶ τὴν εὐλογίαν ἐδέξατο, ἔςι τράπεζα ἁγία, θυσιαςήριον ἄχραντον, ȣ̉κέτι παρὰ πάντων ψηλαφώμενον, ἀλλὰ μόνον τῶν ἱερέων, καὶ τȣ́των εὐλαβȣμένων. (Слово на Крещеніе).

словъ Матвѣя Властаря и Вальсамона, не было общимъ: антиминсы съ мощами оказываются и на такихъ престолахъ, которые освящены были самимъ архіереемъ, и, на оборотъ, безъ мощей—на такихъ, которые архіереемъ освящены не были.

Намъ кажется, что вразсужденіи этого вопроса не мѣшаетъ имѣть въ виду своего рода небрежность въ обращеніи съ ними лицъ, завѣдывавшихъ приготовленіемъ антиминсовъ. Въ Константинопольской церкви, въ періодъ развитія въ ней разныхъ должностей и учрежденій по церковному управленію, къ такимъ лицамъ, между прочимъ, принадлежали начальники церквей (ὁ Ἄρχων τῶν ἐκκλησιῶν) и начальники антиминсовъ (ὁ Ἄρχων τῶν ἀντιμινσίων). Начальникъ церквей главнымъ образомъ наблюдалъ за водруженіемъ крестовъ при основаніи церквей и слѣдилъ за тѣмъ, когда каждая церковь основана и освящена и когда позволено совершать въ ней богослуженіе выдачею антиминса. Начальникъ антиминсовъ, какъ показываетъ самое названіе, завѣдывалъ приготовленіемъ и выдачею въ церкви антиминсовъ. У насъ въ русской церкви не было этихъ чиновъ, и должность эта, какъ видно изъ грамоты Ивана Грознаго новгородскимъ Софійскимъ соборянамъ, лежала на служащихъ при соборной церкви и обязанныхъ слѣдить не столько за исправностію антиминсовъ, сколько за исправнымъ собираніемъ пошлинъ за антиминсы. Въ числѣ лицъ, занимавшихся приготовленіемъ антиминсовъ, бывали не только священники, но и дьяконы. О. Никольскій полагаетъ, что сами архіереи и даже московскіе митрополиты дѣлали надписи на антиминсахъ. Но это едва ли вѣроятно. На нѣкоторыхъ антиминсахъ намъ удалось встрѣтить прямыя подписи лицъ, приготовлявшихъ антиминсы. На одномъ изъ нихъ—XVII в.—прямо сказано: «а писалъ діаконъ Герасимъ. До какой степени простиралась небрежность въ приготовленіи и выдачѣ антиминсовъ, это мы увидимъ далѣе.

Въ одномъ рукописномъ Уставѣ XVI в., намъ принадлежащемъ, мы встрѣтили, между прочимъ, слѣдующія правила о приготовленіи антиминсовъ:

Вѣдомо же буди, яко антиминсы прежде освященія рѣжемы бываютъ и шиваемы и измываемы, а по еже освятитися, ничтоже отъ сихъ въ тѣхъ дается таково, но точію написуются сице: олтарь с҃тго имъ҆ркъ священнодѣйствованъ имъ҆ркъ митрополитомъ кіевскимъ и всея Руси или Еп҃помъ онаго града, м҃ца того именемъ и число дни и лѣтого число же и индиктіона. Аще не изволитъ Еп҃пъ самъ итти и посылаемъ бываетъ отъ него іерей на окладъ церкви подпись антиминсу полагаемому на трапезѣ во освященіи: Освятися великій олтарь Г҃да Б҃га и Сп҃са нашего І҃са Х҃рта въ

храмъ ст҃лищный молитвенный имр҃къ въ имѧ ст҃го, бл҃гословенїемъ еп҃па имрекъ, строенїа здателѧ храма имр҃къ при державѣ бл҃гочестиваго цр҃ѧ Гд҃рѧ великаго кн҃зѧ имр҃къ лѣта число, мц҃а и индикта .

Говоря о развертываніи антиминса на литургіи (гл. VI), о. Никольскій, между прочимъ, входитъ въ полемику съ раскольниками, которые ставятъ въ вину православной церкви между прочимъ и то, что «премѣнено по древне-церковному на срачицѣ антиминса пришитіе и неподвижное его подъ индитіею положеніе, и что въ новопечатанныхъ служебницѣхъ велѣно распростирать вмѣсто литона антиминсъ». Ратуя противъ этого упрека, о. Никольскій ссылается на югозападныя богослужебныя книги XVII в., гдѣ указано, чтобы антиминсъ лежалъ вверху илитона и чтобы развертывали и свертывали на Литургіи не только илитонъ, но и антиминсъ. Такъ онъ ссылается на Литургіаріонъ, си есть служебникъ, напечатанный въ 1639 въ Лаврѣ Кіевопечерской, на Кіевскій служебникъ 1620 г., на Уставъ Божественныя литургіи, изданный въ Евю 1641 г., а также на служебникъ Виленскій (1617 г.), Стрятинскій (1604 г.) и служебники Львовскіе (1637 и 1646 гг.). Но извѣстно, какъ мало раскольники цѣнятъ этѣ книги и какъ малоцѣнны поэтому указанія на подобныя свидѣтельства. Гораздо важнѣе было бы въ данномъ случаѣ прослѣдить свидѣтельства о томъ въ древнихъ славянскихъ и греческихъ рукописяхъ. Рѣшеніе спорнаго вопроса въ такомъ случаѣ было бы вполнѣ научно, утверждалось бы на прочныхъ основаніяхъ и было бы неотразимо для старообрядческаго міра.

Въ VII гл., гдѣ рѣчь идетъ о рисункахъ на антиминсахъ, авторъ справедливо замѣчаетъ, что на всѣхъ антиминсахъ отъ XII по XVII в., если только встрѣчается, встрѣчается изображеніе креста четвероконечнаго, шестиконечнаго и осмиконечнаго. Но о. Никольскій не упоминаетъ о томъ, въ какомъ именно видѣ встрѣчается это изображеніе. Иногда оно было очень небольшое: крестикъ нарисовывался или вверху, на мѣшечкѣ съ мощами, или внизу—въ концѣ надписи; иногда же изображеніе было большое: крестъ рисовался черезъ весь антиминсъ, такъ что надпись шла по его сторонамъ. Иногда крестъ писался тѣми же чернилами, какъ и надпись, иногда же онъ рисовался киноварью. Между обычными надписями на крестѣ, на антиминсахъ встрѣчается еще и тайнопись на крестахъ—т. е. первыя буквы цѣлыхъ изрѣченій, выражающихъ крестную силу.

Едва ли не одинъ изъ важныхъ недостатковъ книги о. Никольскаго составляетъ то, что онъ совершенно опустилъ изъ виду историко-археологическое значеніе антиминсовъ.

Во первыхъ, антиминсы чрезвычайно важны для исторіи приход-

скихъ и монастырскихъ храмовъ. Во многихъ случаяхъ они представляютъ единственную и притомъ самую вѣрную лѣтопись храмовъ. Въ селѣ Выксинѣ, бывшемъ древнѣйшемъ Никольскомъ монастырѣ, куда сослана была Марія Нагихъ, мать св. Дмитрія Царевича, долго хранился древній антиминсъ «о построеніи храма въ честь святителя Николы», при первомъ патріархѣ Іовѣ; но въ наши дни бывшій тамъ священникъ Евгеній Брянцевъ сжегъ этотъ антиминсъ—и тѣмъ уничтожилъ, такъ сказать, послѣдній монастырскій памятникъ о времени построенія и освященія тамъ древнѣйшаго храма.

Во вторыхъ, на антиминсахъ сохраняются имена нѣкоторыхъ древнихъ приходскихъ священниковъ, равно какъ и имена архимандритовъ и игуменовъ. Такъ на одномъ суздальскомъ антиминсѣ 1620 г. сказано, что церковь Великомученика Георгія устроилась тщаніемъ и радѣніемъ попа Андріяна.

Въ третьихъ, на антиминсахъ встрѣчаются имена князей, какъ ктиторовъ церковныхъ. Такъ на одномъ изъ суздальскихъ антиминсовъ 1554 г. сказано: «а создалъ сей храмъ св. Николы Чудотворца князь Митрей Михаиловичъ Выжемскій».

Въ четвертыхъ, антиминсы могутъ служить къ исправленной хронологіи Россійской іерархіи.

Наконецъ и въ пятыхъ, они могутъ служить указаніемъ о предѣлахъ той или другой древнѣйшей епархіи. Правда, число антиминсовъ съ такими данными и ограниченно, но тѣмъ умѣстнѣе и необходимѣе обсужденіе ихъ съ этой стороны въ такомъ серьезномъ и спеціальномъ изслѣдованіи, какъ книга о. Никольскаго.

Теперь сдѣлаю сообщеніе собственно о Суздальскихъ антиминсахъ. Всѣхъ ихъ—около 200; но большая часть изъ нихъ печатные; холщевыхъ и писанныхъ антиминсовъ около 50.

Печатные начинаются со времени Алексѣя Михайловича; они достаточно обслѣдованы о. Никольскимъ. Мы отмѣтимъ только нѣкоторые любопытные факты. Встрѣчаются антиминсы, которые напечатаны были при Петрѣ I, а раздавались по церквамъ еще въ царствованіе Елизаветы Петровны. Есть такіе, въ которыхъ не означено ни числа, ни года, ни мѣста, куда они посылаются—и которые, однакожъ, несомнѣнно были въ употребленіи. Встрѣчаются даже и такіе, въ которыхъ и признаковъ нѣтъ, чтобы въ нихъ были когда нибудь мощи. Словомъ, они и въ настоящее время имѣютъ тотъ самый видъ (безъ всякихъ приписей и подписей), какой имѣли они при выходѣ изъ типографскаго станка: это обстоятельство указываетъ на то, съ какою тщательностію въ старые годы происходила выдача антиминсовъ.

Что же касается писанныхъ суздальскихъ антиминсовъ, то нѣкоторые получаютъ особенное значеніе отъ лицъ, которыми они освящены. Такъ здѣсь встрѣчается 1. антиминсъ, освященный московскимъ митрополитомъ,—въ придѣлѣ Чудотворца Николы, при церкви честнаго Одигитрія Пресвятые Богородицы.

2. Антиминсъ, освященный митрополитомъ Макаріемъ, предсѣдателемъ Стоглаваго собора.

3. Антиминсы, освященные при патріархахъ Іовѣ, Гермогенѣ, Филаретѣ, два при патріархѣ Іосифѣ и немало при патріархѣ Никонѣ.

Любопытно, что на древнѣйшихъ антиминсахъ первоначально ставилось имя епископа, освятившаго антиминсъ, а затѣмъ упоминалось и имя князя или царя, при которомъ освященъ антиминсъ. Въ такомъ видѣ встрѣчается надпись и на нѣкоторыхъ изъ суздальскихъ антиминсовъ XVI в. Такъ на одномъ изъ нихъ значится: «освятися олтарь Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Хріста въ церкви св. Николы, при священномъ Макарьѣ митрополитѣ и при благовѣрномъ царе великомъ князе Иванѣ Васильевичѣ всея Руси». Но въ то же время, при томъ же самомъ Макаріѣ митрополитѣ, начали писать и наоборотъ,—сначала имя князя, а потомъ уже имя священнодѣйствующаго епископа: «освятися олтарь Господа нашего Іисуса Хріста и пророка Ильи при великомъ князѣ и при архіепископѣ Макарье». Изъ тѣхъ же суздальскихъ антиминсовъ мы видимъ, что въ XVI в. стали писать на антиминсахъ не только имя царя, но и имена всей царской семьи: «Лѣта 7070 освятися олтарь Господа нашего Бога нашего въ храмѣ Покрова святыя Владычицы нашея Богородицы при благовѣрномъ и великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ и при царицѣ великой княгинѣ Маріи и при дѣтяхъ его царевичѣхъ Иванѣ и Ѳеодорѣ».

Еще подробнѣе исчисляется царская семья на антиминсахъ времени Бориса Годунова: «Священа бысть церковь во имя св. и славнаго Христова мученика Георгія, при благовѣрной царицѣ инокѣ Александрѣ и при благовѣрномъ царѣ и великомъ князѣ Борисѣ Ѳеодоровичѣ вся Руссіи и при благовѣрной царицѣ Марѳѣ и при чадѣхъ ихъ при царевичѣ Ѳеодорѣ и царевнѣ Ксеніи». Со времени царствованія Іоанна и Петра Алексѣевичей, когда антиминсы уже печатали, къ священнодѣйствію епископа присоединилось: «сіе же бысть (т. е. освященіе антиминса) при державѣ благочестивѣйшихъ великихъ государей царей и великихъ князей» и т. д... При Петрѣ 1-мъ утвердилась еще болѣе государственная форма... «Повелѣніемъ же благочестивѣйшаго государя нашего Петра Великаго, отца отечества, императора и самодержца всероссійскаго... священнодѣйствованъ преосвященнымъ» и т. д.

Эта форма печаталась на антиминсахъ до послѣдняго времени, когда покойный митрополитъ Филаретъ позаботился отмѣнить ее и возстановить по крайней мѣрѣ болѣе древнюю: «При державѣ благочестивѣйшаго Государя» и т. д...

ОПИСАНІЕ ДРЕВНѢЙШИХЪ СУЗДАЛЬСКИХЪ АНТИМИНСОВЪ.

Освятися олтарь великаго Бога и Спаса нашего Іса Хр. въ церкви Пречистыя Владычица нашея Богдца и Приснодѣва Марія честнаго Одигитрія Преосвящ. Филиппомъ Митрой всея Русіи при благовѣрномъ царѣ и велик. кн. Иванѣ Васильевичѣ всея Руси и при его князя сынѣ Ѳеодорѣ предѣлъ чюдотворца Николы а построенъ бысть въ лѣто зое го октября въ а на покров Пречистѣй и на памать св. Апла Ананіи и преподоб. Оца нашего Романа. индикта.

Лѣта зрп го мца октября въ д день освятися храмъ Покрова Святыя Влдца наша Бгца и Приснодѣва Марія на памать св. священномученика Іероѳея при державѣ Государя царя и великаго князя Бориса Ѳеодоровича и при святѣйшемъ патріархѣ Іевѣ Московскомъ и всея Руси.

Освятися олтарь Гда Бога и Спаса нашего Ис. Хр. въ церкви честнаго и славнаго Успенія. Священъ бысть въ св. церковь сію въ лѣто зрх го марта въ ла д на памать Алексія члка Божія индикта фтораа при благов. царѣ и велик. князѣ Алексѣе Михайловичѣ всея Русіи и при патріархѣ Іосифе Московскомъ всея Русіи.

Лѣта зри ноабря въ кs освящена бысть церковь во имя св. и славнаго и великаго Хрва мч. Георгія при благов. царицѣ инокѣ Александрѣ и при благов. царѣ и великомъ князѣ Борисѣ Ѳеодорович всея Русіи и при благовѣрной Марьѣ царице и чадехъ и при царевичѣ Ѳедорѣ и царевнѣ Ксеніи и при патріархѣ нашемъ Іеве Московскомъ и всея Русіи.

Ѡстися олтарь Га Ба и Спса нашe Іс Ха во црькви стго Николы прїсвщнномъ Макарье митрополите и при блговѣ цре великомъ кнзе Иване Василевич всея ру.

Лѣта зр осмаго мсца сетября в л на памят свщномченика Григо-
рия великия армениа освети храм пречестыя влчца наша Бца и присно-
девы Марии при державе цря Гдря велико кнзя Бориса Ѳедоровича
всея Руси при святѣйшем Иеве пат-риархе московьско и всея Руси.

Ѿстися олтарь Хра Гп (храмъ Господень?) стго Нико при благоверно велико кнзе Иване Васильевич пресщно митрополите Геронтіе мсца ию на памать стго мк Ѳеогна з днь (безъ креста и мощей, на свернутомъ лоскутѣ, вторая половина коего въ видѣ подкладки).

Остися олтар Бга и Спса наш Іса Ха в цркви чюдо-
трца Николы свщена бысть црко сия в лѣто ҂зрмі го ин-
дикта (четвертаго) мсца ок-тября въ д на памать стго
апла Иакова Алфеева при благо-вѣрном цре і велико кнзе Ми-
хаиле Ѳеодоровиче всея руси и при патриархе Московском и всея
русіи Иосифе.

Остися олтарь во имя Гд нашего Ісу Ха при свщном Макарье митрополите всея Руси и при велик кнзе Иване васильеви всея Русіи месеца іюня въ семьндсаты днь на памеѣть стыя мученіцы Марины лѣто семь ҂з-не го.

Лѣта ҂зо го ос-тися олтарь Ха Бга нашего воскресеніе храмъ
покрова стыя влдчцы на-шея Бцы и присндвы Мріи при благовѣрномъ
и велик. князе Иван ва- Іс. Хс. сильевич всея Руси и при царіце великой кня-
гин Марие и при де-тѣх его царевич Иване и Ѳедорѣ мсца охтяб-
ря въ первый днь на па-мять стго оца апостола ананіи и преподоб-
наго романа пѣвца кон-дакаріевъ.

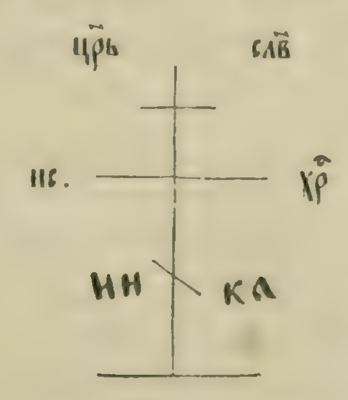
Освятися олтарь Гда нашего Іса Ха и пророка Илыи въ лѣто ҂зі при
великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ и при архіепископѣ Макарьи мсца Мая въ
иі днь на памеѣть стго Апла Андро-ника и Петра и Дионисья въ иі день.

Лѣта ҂зо осмаго остися храмъ покрова стыя влчцы нашея бцы и присно двы Мрія на памать стго великомчнка Дмитрея и воспоминание и великаго страшнаго труса при державѣ цря и гдря велика кнзя Ивана Ва сильевича всея росіи и при свщнномъ Кирилѣ митрополите всея руси.

Освяти престолъ во имя Гда спаса нашего Іс Ха храмъ пречистыя
Бца честнаго и славнаго ея Одигитрія на память стхъ мчникъ На-
зара и Протасія и Гервасія и стыя мчницы калисѣи при благовѣрномъ црѣ
и великомъ кнзе Иване васильевич всея руси при благовѣрномъ царе-
виче Иване Ивановиче при благовѣрномъ црвиче Өеодоре Ивановиче
и преосвященномъ архі- епискѣ Кириле митрополите московскомъ всея
руси лѣта ҂з осмьдесятаго мца октября ді дня.

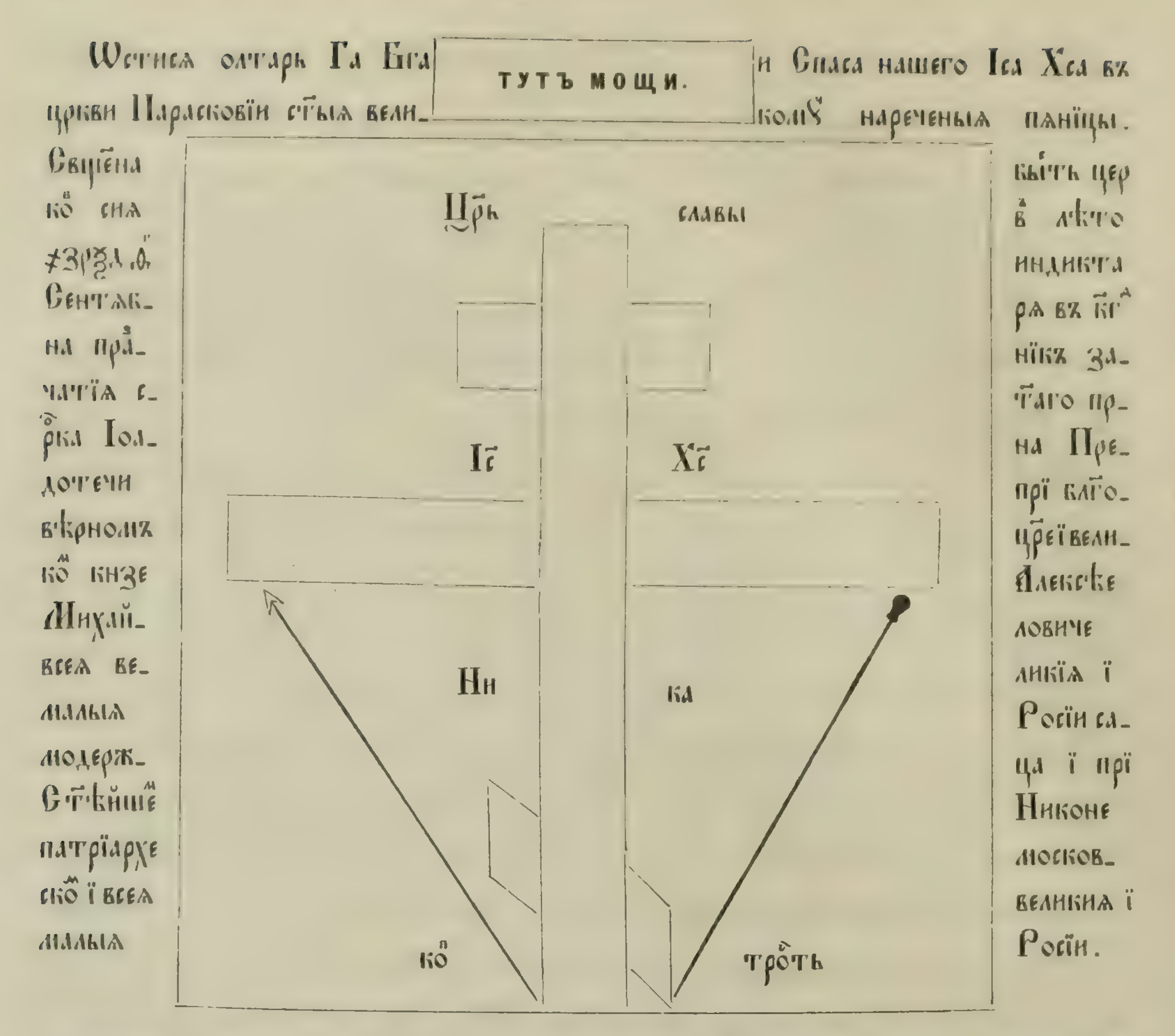
Освяти олтарь великаго Гда Бга и Спса нашего Іс Ха во церкви стрáто-
терпца Егорья при благовѣрномъ ца- рѣ великомъ кнзе Іване васілевиче всея
руси и при его чадѣ царевиче Ива- не и царевиче Өеодоре и при архиепскѣ
нашемъ кириле пречистые одигитрее октября д днь на память стхъ мчнкъ назара
и Гервасія протасія лѣта ҂з въ сьмьдесятого лѣта ҂зрлі Нобря в зі днь на па-
мять иже во стыхъ оца нашего іѡана милостиваго и преподобнаго оца нашего Нила при благо-
вѣрномъ црѣ і великомъ кнзе Михаиле Өеодоровиче всея руси и при
благовѣрной и христолюбивой црце великой княжне Евдокѣе и при патріархѣ
Өиларете Московскомъ всея руси тщаніемъ и раденіемъ Успенскаго попа Андреяна.

Лѣта ҂з шесть втораго освятися храмъ Николы чюдотворца мца Нобря
въ ві днь в честь и во стыхъ оца нашего Нила при благовѣрномъ царе и великомъ
кнзе Иване Васильевиче и всея Руси и при архіепскѣ Аөанасіи и торускомъ
а создалъ храмъ стго Николы Чюдотворца кнзь Митрей Михаиловичь Вы-
жемъскій (мощи были посрединѣ и поугламъ).



рмл апрѣля въ иі освяти храмъ во имя Престыя Троицы на память
преподобнаго Ивана Ученика Григор Декаполита при благовѣрномъ гдрѣ нашемъ
гдрѣ црѣ и великомъ кнзе Михаиле Өеодоровиче всея росіи самодержцѣ и при
стѣйшемъ патріархе Өиларете Никитиче Московскомъ и всея росіи.

Ѡсвятися олтарь Га Бга и Спаса нашего Іса Хса въ
церкви Парасковіи стыя вели- комѹ нареченыя пяніцы.



Свщена
ков сия
≠зрзд.а.г
Сентяб-
на пра-
чатія с-
орка Іол-
дотечи
вѣрномъ
ком кнзе
Михай-
всея ве-
малыя
модерж-
Стѣйшем
патріархе
ском і всея
малыя

быть цер
в лѣто
индикта
ря въ бгд
нікъ за-
таго пр-
на Пре-
прі блго-
црѣі вели-
Алексѣе
ловиче
лікія і
Росіи са-
ца і прі
Никоне
москов-
великия і
Росіи.

Ѡсвятися олтарь Га Бга і Спса нашего Іса Ха вцеркви иже во стыхъ ѿц нашего Николы чѹдотворца. Свщена бысть церков сия влѣто ≠зрзаго индикта s го мца октабря въ гдс на память стаго свяшенномѹченика Деонисия ареопагита при благовѣрномъ црѣ и великомъ кнзе Алексѣе Михайловиче всея Рѹси и при патріархе Никоне Московскомъ всея Рѹси.

II.

Археологическое Общество при Чешскомъ музеѣ и его журналъ.

Д. Чл. Н. А. Попова.

Извѣстно, что въ началѣ текущаго столѣтія, въ эпоху умственнаго и литературнаго возрожденія чешской народности, учреждены были въ Прагѣ: Чешскій народный Музей и Чешская Матица. Извѣстно также, что Чешскій Музей, по духу и буквѣ своего устава, долженъ былъ обнимать все, что относится къ національной литературѣ и народному интересу, и собирать все то, что создано гдѣ бы то ни было въ чешскихъ земляхъ природою или человѣческою дѣятельностію; особенно же его задачею было: собираніе художественныхъ произведеній, естественно-историческихъ предметовъ и вообще памятниковъ, оставшихся какъ отъ прежнихъ, такъ и отъ новѣйшихъ временъ, сохраненіе ихъ для потомства и постоянная выставка въ удобномъ и пространномъ помѣщеніи, дабы чешское населеніе могло пользоваться этими вещами для своего поученія, и чтобы чрезъ то подаваемо было всевозможное пособіе наукамъ, искусствамъ и промысламъ въ чешскихъ земляхъ. Но до 1842 года Музей всего болѣе заботился о собираніи естественно-историческихъ предметовъ и этотъ отдѣлъ мало по малу достигъ значительныхъ размѣровъ, пріобрѣтя себѣ извѣстность даже въ ученомъ мірѣ; напротивъ того отдѣлы историческій, энтографическій и археологическій были несравненно слабѣе, особенно недостаточенъ былъ послѣдній. Между тѣмъ памятники чешскаго искусства, имѣвшаго весьма богатое развитіе, особенно со временъ Карла IV, и занимавшаго почетное мѣсто въ исторіи европейскаго искусства, исчезали ежегодно предъ глазами чешскихъ патріотовъ. Агенты чужеземныхъ торговцевъ художественными вещами усердно слѣдили за всѣми памятниками, имѣвшими либо худо-

жественное, либо археологическое значеніе, пріобрѣтали ихъ за ничтожныя цѣны отъ неопытныхъ или отъ невѣжественныхъ собственниковъ и вывозили въ чужія земли. Иные памятники портились дома людьми, не имѣвшими никакого патріотическаго чувства или не знавшими цѣны имъ. При такихъ обстоятельствахъ 8 декабря 1841 года Музейное управленіе постановило обращать впредь бо́льшее вниманіе на археологическую коллекцію, назначило весьма извѣстнаго въ то время по части живописи художника Іосифа Геллиха хранителемъ этой коллекціи, которая однакожъ только еще предположена была къ составленію; а въ средѣ ученаго Общества, состоящаго при Музеѣ, учрежденъ былъ археологическій отдѣлъ, предсѣдателемъ коего былъ избранъ графъ Францъ Тунъ Гогенштейнъ. Цѣль этаго отдѣла кратко была выражена въ § 1 предложенныхъ для него правилъ такими словами: собирать, сохранять и приводить въ извѣстность замѣчательныя чешскія древности. Эти правила прочитаны были Палацкимъ въ общемъ собраніи Общества Чешскаго Музея, происходившемъ 8-го апрѣля 1843 года. По этимъ правиламъ число членовъ археологическаго отдѣла установлено было лишь въ количествѣ 8, между ними 6 изъ членовъ Музейнаго Общества, а 2 изъ членовъ Общества любителей отечественнаго искусства; впослѣдствіи, именно 19 марта 1845 г., второе общество отказалось отъ участія въ занятіяхъ Отдѣла, ограничивъ свое содѣйствіе ему лишь самыми чрезвычайными случаями. Отдѣлъ долженъ былъ получать на свои ежегодныя потребности опредѣленную сумму изъ музейной кассы; а ближайшею обязанностію его признано привести прежде всего въ извѣстность всѣ сколько нибудь замѣчательныя чешскія древности, при помощи археологическихъ поѣздокъ по чешскимъ землямъ, и приготовить ихъ описаніе, а потомъ уже собирать ихъ, по возможности, для Музея или въ оригиналѣ или въ точныхъ рисункахъ. Первое такое путешествіе, и притомъ весьма продолжительное, для собиранія художественныхъ и археологическихъ памятниковъ, предпринялъ въ томъ же 1843 году помянутый Геллихъ.

Первое засѣданіе археологическаго Отдѣла происходило 30 декабря 1843 года и при этомъ избранъ былъ новый предсѣдатель въ лицѣ Іоанна Норберта фонъ Нейберга, а секретаремъ Янъ Эразмъ Воцель, бывшій тогда редакторомъ «Часописи Чешскаго Музея». Въ этомъ же засѣданіи постановлено было издать книгу «объ основныхъ началахъ для изученія чешскихъ древностей» (Grundzüge der böhm. Alterthumskunde), за составленіе которой взялся Воцель. Второе засѣданіе Отдѣла происходило 1 мая 1844 года. Въ немъ постановлено было: 1.) Просить капитулъ храма Святаго Вита о дозволеніи отлить гипсовые снимки съ нѣкоторыхъ статуй, находящихся во внутренней галлереѣ

храма, на что и было получено согласіе капитула; 2.) Представить совѣту Пражскаго университета, чтобы въ видахъ лучшаго охраненія памятника магистру Матвѣю Колину изъ Хотерины, находившагося на дворѣ Карловской коллегіи (Carolinum), была назначена болѣе удобная мѣстность, или же чтобы онъ передань былъ въ археологическое отдѣленіе Музея, на что не послѣдовало никакого отвѣта отъ университета, и только гораздо позднѣе исполнено было это желаніе. Въ іюлѣ и августѣ 1844 г. Геллихъ и Воцель занялись разстановкою археологическихъ предметовъ Чешскаго Музея въ бывшемъ музейномъ помѣщеніи на Градчанахъ. Музейное управленіе съ своей стороны помогало деньгами при собираніи древностей, а вслѣдъ за тѣмъ стали поступать въ Музей археологическіе памятники отъ частныхъ жертвователей. Графъ Евгеній Чернинъ обязался помогать археологическому отдѣлу выдачею въ теченіе 6 лѣтъ по 100 гульденовъ; а предсѣдатель Нейбергъ содѣйствовалъ изданію вышеупомянутой книги Воцеля, объяснительные рисунки къ которой изготовлены были Геллихомъ. Кромѣ того изданъ былъ простонародный разсказъ о чешскихъ древностяхъ и необходимости сохранять ихъ отъ гибели, составленный Воцелемъ по чешски и по нѣмецки. Нѣсколько тысячъ экземпляровъ этаго разсказа было роздано и разослано даромъ между народомъ. Чешскій текстъ его былъ кромѣ того напечатанъ въ «Часописи Чешскаго Музея» (за 1845 годъ, стр. 649).

1846 годъ былъ особенно счастливъ для Музея и его отдѣленій. Въ этомъ году Музей переселился съ Градчанъ въ нынѣшній свой домъ на Коловратской улицѣ, купленный для него чинами чешской земли. Здѣсь и археологическія коллекціи получили лучшее и пространнѣйшее помѣщеніе. Разстановкою ихъ на этотъ разъ занимался Воцель, развивавшій въ то же время мысль о необходимости издавать «Археологическіе Листы», которые могли бы выходить на чешскомъ и нѣмецкомъ языкахъ въ неопредѣленные сроки, будучи постоянно снабжаемы рисунками замѣчательнѣйшихъ чешскихъ древностей. Эта мысль однакожъ не могла быть тогда приведена въ исполненіе. Въ замѣнъ того священникъ В. Крольмусъ, извѣстный въ свое время какъ знатокъ чешскаго народнаго быта, взялся за раскопку древнихъ языческихъ кладбищъ въ окрестностяхъ Праги, гдѣ строилась тогда новая желѣзная дорога. Розысканія Крольмуса и помогавшаго ему инженера Шнирха обогатили археологическія коллекціи Музея многими памятниками первобытной славянской жизни въ Чехіи. Съ другой стороны Воцель тогда же обратилъ вниманіе чешскаго общества на памятники старинной архитектуры въ Чехіи и въ особенности на памятники византійскаго стиля. Съ тѣхъ поръ и доисторическія древ-

ности, и архитектурные памятники стали обращать на себя большее вниманіе любителей чешской старины. 1848—1850 годы, ознаменованные важными политическими событіями, отвлекли лучшія силы Чеховъ отъ ученыхъ занятій и практическія розысканія чешскихъ древностей велъ въ это время одинъ только Воцель. Въ эти же годы увеличены были археологическія коллекціи Музея покупкою древностей, принадлежавшихъ инженеру Іосифу Пахлю; на эту покупку открыта была, по мысли Палацкаго, народная подписка, которая не только покрыла всю требовавшуюся сумму въ 6,000 гульденовъ, но и дала нѣсколько сотъ на дальнѣйшія пріобрѣтенія. Въ эти же годы дарованъ былъ новый уставъ Чешскому Музею, допускавшій болѣе широкій кругъ для его дѣятельности. При этомъ составлены были новыя правила и для археологическаго отдѣла, прекратившаго было свои занятія; число его членовъ увеличено; предсѣдателемъ выбранъ Захеръ-Масохъ, секретаремъ опять Воцель, который вскорѣ послѣ того назначенъ былъ также экстраординарнымъ профессоромъ археологіи въ Пражскомъ университетѣ, ассистентомъ же къ нему по охраненію археологическихъ коллекцій избранъ Мильтнеръ. На спеціальные расходы по археологическому отдѣлу назначено было отъ Музея по 200 гульденовъ въ годъ. Съ тѣхъ поръ засѣданія археологическаго отдѣла сдѣлались правильными, именно ежемѣсячными, за исключеніемъ лѣтняго времени. Это уже были засѣданія совершенно ученаго характера: въ нихъ читались новыя изслѣдованія по различнымъ вопросамъ изъ области древностей и сообщались свѣдѣнія о новооткрытыхъ памятникахъ. Въ засѣданіи 31 января 1852 года представленъ былъ первый выпускъ «Археологическихъ Листовъ» съ чешскимъ и нѣмецкимъ текстами *). Стало возрастать и число занимавшихся чешскою археологіей. Доклады и сообщенія накоплялись, и въ пяти засѣданіяхъ 1853 года, по предложенію К. Вл. Запа, археологическій отдѣлъ обсуждалъ вопросъ объ изданіи особаго органа для чешской археологіи, который бы выходилъ въ свѣтъ не менѣе четырехъ разъ въ годъ. Собраніе Чешской Матицы изъявило согласіе принять на свой счетъ изданіе новаго журнала, который получилъ названіе «Památky archeologické a místopisné (Археологическіе и топографическіе памятники). Первымъ редакторомъ его былъ Запъ, указавшій на необходимость такого изданія. Но только въ началѣ 1854 года вышелъ первый выпускъ новаго журнала. Въ программѣ, помѣщенной на первой страницѣ онаго, указаны были двѣ главныя цѣли для «Памятниковъ»:

---

*) Содержаніе ихъ: а) старинныя шпильки, б) византійскій храмъ въ селеніи св. Якова, в) пульпитръ для чтенія въ капитульной залѣ Осецкаго монастыря, текстъ съ рисунками.

1) прежде всего они должны были подготовить матеріалы для полной исторической и археологической топографіи чешскихъ земель, затѣмъ быть нравственною и матеріальною поддержкою изслѣдователей, трудившихся на этомъ полѣ, а также сборникомъ всякаго рода изслѣдованій и свѣдѣній, относящихся къ этой области знанія; 2) они имѣли цѣлію поднять въ чешскихъ земляхъ уваженіе къ стариннымъ памятникамъ, объяснять населенію ихъ цѣнность и важность и возбуждать соревнованіе въ ихъ собираніи, отыскиваніи и сохраненіи. Для достиженія этихъ цѣлей „Памятники" должны были давать читателямъ: а) цѣлыя монографіи достопамятныхъ въ чешской исторіи городовъ и меньшихъ поселеній, крѣпостей, замковъ, храмовъ и другихъ общественныхъ и частныхъ построекъ, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на ихъ историческую и археологическую важность; б) описанія отдѣльныхъ памятниковъ, не только давно уже извѣстныхъ, но главнымъ образомъ и вновь открытыхъ или впервые приведенныхъ въ извѣстность; в) объясненія древнихъ надписей и вообще памятниковъ старо-чешской письменности; г) ученыя статьи объ общихъ вопросахъ археологическаго и топографическаго характера; д) извѣстія о засѣданіяхъ и дѣйствіяхъ археологическаго отдѣленія чешскаго музея и иныхъ подобныхъ обществъ, свѣдѣнія объ ученыхъ результатахъ археологическихъ поѣздокъ и розысканій, о домашнихъ открытіяхъ въ этой области и важнѣйшихъ археологическихъ открытіяхъ въ чужихъ земляхъ; е) литературное обозрѣніе, т. е. отзывы и извѣстія о книгахъ, относящихся къ археологіи. Въ качествѣ обязательнаго прибавленія къ «Памятникамъ» признаны были рисунки, изображающіе описываемые предметы.

Такой программѣ «Памятники» оставались всегда вѣрными. Позднѣйшія перемѣны въ этой программѣ почти никогда не были исполняемы; хотя онѣ всегда были направляемы къ расширенію программы на цѣлую область исторіи, но всегда приходилось отказываться отъ такого расширенія и «Памятники» возвращались къ первоначальной своей программѣ. Это замѣчается два раза за все время ихъ существованія. Въ первыя десять лѣтъ, когда Чешская Матица платила за печатаніе «Памятниковъ», они выходили правильно по четыре выпуска въ годъ, при чемъ два года составляли особый томъ, достигавшій до 50 печатныхъ листовъ въ большую четвертку. Каждый годъ продавался въ книжныхъ лавкахъ за 3 гульдена, но члены-основатели Чешской Матицы могли получать ихъ за полцѣны. Подписчиковъ, при началѣ изданія, было до 800. Австро-Итальянская война и усилившаяся вслѣдъ за нею политическая дѣятельность внутри Австріи понизили въ чешской публикѣ любовь къ спеціальнымъ

ученымъ занятіямъ, и въ 1861 году программа «Памятниковъ» была расширена. Они стали выходить подъ новымъ заглавіемъ: «Památky, časopis musea království českého pro dejepis hlavne česky» (Памятники, Журналъ Музея Чешскаго Королевства для исторіи, преимущественно чешской.) Кромѣ того Чешская Матица въ виду того, чтобы главный журналъ Музея (časopis) и «Памятники» не сталкивались въ своемъ содержаніи, постановила исключить исторію изъ Музейника и предоставить ее исключительно «Памятникамъ». Въ этомъ видѣ «Памятники» выходили въ свѣтъ съ 1861 по 1863 годъ; но успѣхъ не оправдалъ реформы: въ 1861 году подписчиковъ было только 600, а въ 1863 едва 500. Кромѣ того члены-основатели Чешской Матицы стали роптать на ея распоряженія. Матица издавала тогда на свои издержки три журнала: литературный—«Музейникъ», историческій—«Памятники» и естественно-историческій—«Живу», вслѣдствіе чего у нея оставалось мало денегъ на изданія другихъ сочиненій, выходившихъ въ предшествовавшіе годы довольно часто. Основатели Матицы должны были приплачивать на «Памятники» и «Живу», если хотѣли имѣть ихъ; получали даромъ только «Часопись Музея», а иныя сочиненія уже гораздо рѣже чѣмъ прежде. При такихъ обстоятельствахъ общее собраніе Чешской Матицы постановило отказаться отъ изданія «Памятниковъ» и «Живы», а издавать только «Музейникъ» съ прежнею программою. «Жива» прекратилась; а для «Памятниковъ» наступила тяжелая жизнь, не рѣдко угрожавшая изсякнуть.

Оставленные Матицею «Памятники» принялъ на себя покойный книгопродавецъ I. Л. Коберъ, оказавшій вообще большія услуги чешской литературѣ, но съ условіемъ, что онъ издаетъ только текстъ, а рисунки къ нему долженъ приготовлять Музей. «Памятники» возвратились тогда къ прежнимъ своимъ программѣ и заглавію, а годичное изданіе ихъ убавилось съ 25 листовъ на 20; а такъ какъ всякая связь ихъ съ Матицей была прервана, то и годовое изданіе ихъ отпускалось каждому подписчику безъ различія за 3 гульдена. Послѣдствіемъ такого возвышенія цѣны для членовъ-основателей Матицы было быстрое и значительное уменьшеніе подписчиковъ на «Памятники». Коберъ и при изданіи одного текста получилъ не малый убытокъ, вслѣдствіе чего, по истеченіи перваго же года (1864), отказался отъ изданія «Памятниковъ». Тогда археологическое отдѣленіе Музея, не желая чтобы органъ его, признанный полезнымъ, прекратился, обратилось съ ходатайствомъ о пособіи къ покойному графу Ганушу Коловрату, который далъ на эту цѣль 500 гульденовъ; съ того же года органъ археологическаго отдѣленія сталъ получать ежегодно по 105 гульденовъ отъ графа Евгенія Чернина изъ Худеницъ

до самой смерти его. На эти то деньги, и при постоянной, хотя и скромной, помощи отъ Музея, археологическое отдѣленіе взялось за изданіе «Памятниковъ» на 1865 годъ. Тогда же редакторъ Запъ принялъ къ себѣ въ качествѣ соредактора Фр. Я. Зоубека, впослѣдствіи директора школъ въ пражскомъ предмѣстьѣ Смиховѣ, который и прежде помогалъ ему въ этомъ дѣлѣ; а съ 1866 до 1874 года Зоубекъ оставался единственнымъ редакторомъ «Памятниковъ». Въ томъ же 1866 году принялъ на себя издержки по изданію «Памятниковъ» Фр. Скрейшовскій и несъ ихъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Потомъ въ 1868 году археологическое отдѣленіе Чешскаго Музея снова приняло свой органъ подъ свое покровительство и издаетъ его съ тѣхъ поръ и до нынѣ, при нѣкоторой матеріальной поддержкѣ отъ Музея и отъ Матицы. Но число подписчиковъ на «Памятники» уже не возвышалось, а скорѣе уменьшалось, такъ что къ концу втораго десятилѣтія число ихъ упало до ста, чему много содѣйствовало и опаздываніе выпусковъ своимъ появленіемъ въ свѣтъ, такъ что въ 1870 году не было издано соотвѣтственныхъ тому году выпусковъ; а лишь оканчивались печатаніемъ недоданные прежде. Въ 1871 году «Памятники» получили новое заглавіе «Památky. Listy pro archaeologii a historii, Organ archaeologického sbora Musea království českého a historického spolku v Praze» (Памятники, изданіе археологическое и историческое, Органъ Археологическаго Отдѣленія при Музеѣ Чешскаго Королевства и Историческаго Общества въ Прагѣ).

Помощь, оказанная изданію Историческимъ Обществомъ, не задолго предъ тѣмъ основаннымъ въ Прагѣ, ограничивалась только нравственною поддержкою. Въ такомъ видѣ вышли три года (1871—1873), которые вмѣстѣ составили IX томъ, между тѣмъ какъ изъ прежнихъ восьми томовъ каждый заключалъ въ себѣ лишь по два года того же изданія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Зоубекъ отказался отъ дальнѣйшей редакціи «Памятниковъ».

Въ прошломъ году археологическое отдѣленіе Чешскаго Музея признало невозможнымъ, при недостаточности своихъ средствъ, издавать «Памятники» въ прежнемъ видѣ, но и не желая прекращать ихъ, остановилось на слѣдующихъ рѣшеніяхъ: «Памятники» будутъ отнынѣ выходить въ меньшемъ объемѣ, чѣмъ прежде, по мѣрѣ накопленія денежныхъ средствъ; политическая исторія устраняется изъ нихъ, остальныя же части программы остаются неизмѣнными. Изданіе ихъ выходитъ теперь не трехмѣсячными выпусками, а однимъ выпускомъ за цѣлый годъ; редакторомъ ихъ избранъ докторъ I Калоусекъ, доцентъ Чешской Исторіи въ Пражскомъ университетѣ. Подъ его редакціей и вышелъ уже первый томъ, состоящій изъ трехъ годовыхъ выпусковъ,—это десятый томъ «Памятниковъ».

Такова внѣшняя исторія археологическаго журнала, издаваемаго Чешскимъ Музеемъ въ Прагѣ. Но прежде чѣмъ перейдемъ къ обозрѣнію его содержанія, докончимъ предложенный въ началѣ нашей статьи очеркъ исторіи ученаго общества, коему это изданіе служило органомъ.

Почти съ самаго того времени, когда стали издаваться «Памятники», предсѣдателемъ Археологическаго Отдѣла былъ до смерти своей профессоръ Я. Е. Воцель (1855—1871). При немъ ученыя сношенія Отдѣла значительно расширились, постоянно пополнялись собранія археологическихъ вещей, принадлежащихъ Музею, и кромѣ того сообщались въ засѣданіяхъ Отдѣла свѣдѣнія о коллекціяхъ, находившихся въ частныхъ рукахъ. Статьи, читавшіяся въ засѣданіяхъ Отдѣла, большею частію печатались потомъ въ «Памятникахъ», и мы встрѣтимся съ ними въ библіографическомъ описаніи самаго журнала. Музейныя коллекціи также были описаны и эти описанія печатались постоянно въ Археологическомъ журналѣ, отдѣльные оттиски изъ коего служили вмѣсто каталоговъ для посѣтителей Музея. Любопытно, что за все время своего предсѣдательства Воцель несъ и обязанности секретаря по Археологическому Отдѣлу, и главныя его заботы обращены были на сохраненіе древностей, о какихъ только поступали свѣдѣнія въ Отдѣлъ. Бо́льшую часть мѣръ, предпринятыхъ съ этою цѣлію, приходилось проводить при содѣйствіи правительственныхъ лицъ и учрежденій, хотя и не всегда съ успѣхомъ. Описанія археологическихъ коллекцій Музея печатались въ томахъ 1—5 «Памятниковъ». Иногда, для того чтобы пріучить чешское общество къ изученію памятниковъ родной старины, Археологическій Отдѣлъ печаталъ въ большомъ числѣ отдѣльныхъ оттисковъ какую-либо статью о наиболѣе извѣстномъ въ народѣ памятникѣ, разсылалъ ее при газетахъ для подписчиковъ оныхъ и раздавалъ базплатно въ самой Прагѣ; такъ было поступлено съ статьею Запа о главномъ пражскомъ храмѣ св. Вита. Иногда посѣщеніе археологическихъ коллекцій Чешскаго Музея какимъ-либо иностраннымъ ученымъ давало поводъ къ любопытнымъ сближеніямъ между чешскими находками и древностями той страны, изъ которой прибылъ этотъ ученый; такъ было въ октябрѣ 1858 года, по поводу посѣщенія Музея професоромъ шведскаго университета въ Лундѣ—Брузеліусомъ. Въ засѣданіи, гдѣ сообщались замѣчанія Брузеліуса, читано было также письмо члена Виленской Археологической Коммиссіи, Матвѣя Гусева, о литовскихъ древностяхъ. Число корреспондентовъ Отдѣла въ самой Чехіи возрастало съ каждымъ годомъ. Принята была между прочимъ слѣдующая мѣра для розысканія древностей въ чешскихъ земляхъ, увѣнчавшаяся успѣхомъ: слушателямъ

Пражской высшей реальной школы предложено было Отдѣломъ заняться во время лѣтнихъ вакацій изготовленіемъ снимковъ со всякаго рода древностей, какія только могутъ встрѣтиться имъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они проведутъ лѣто. Такимъ путемъ въ 1858 году Археологическій Отдѣлъ получилъ 80 рисунковъ старинныхъ храмовъ, капеллъ, замковъ, надгробныхъ и другихъ памятниковъ: такимъ путемъ открыты были неизвѣстные дотолѣ чешскимъ археологамъ три храма романскаго стиля, не говоря уже о мелкихъ предметахъ. Имена учениковъ, доставившихъ лучшіе рисунки были напечатаны въ «Памятникахъ»; между ними встрѣчаемъ имя Іосифа Калоусека, нынѣ доцента Пражскаго университета, извѣстнаго въ нашей литературѣ обзоромъ этнографическихъ сочиненій о Чехіи и Моравіи (напечатанъ въ 3-й книгѣ «Трудовъ» Энтографическаго Отдѣла Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ). Позднѣе такія работы нашли себѣ подражателей въ ученикахъ таборской и другихъ школъ. Въ 1859 году высшій земскій судъ въ Прагѣ разомъ передалъ въ Музей 600 судныхъ книгъ изъ XV, XVI и XVII столѣтій, и описаніе ихъ предложено было въ «Археологическихъ Памятникахъ». Въ засѣданіи 2 іюля 1860 года принималъ участіе русскій ученый, И. И. Срезневскій, предложившій объясненія нѣсколькихъ русскихъ старинныхъ рукописей, представленныхъ имъ въ снимкахъ. Случалось нерѣдко, что и къ самому Археологическому Отдѣлу обращались за объясненіями частныя лица, пріобрѣтавшія для себя какія-либо древнія вещи.

Первая значительная потеря между членами Археологическаго Отдѣла понесена была смертью Вячеслава Ганки, и въ засѣданіи 23 февраля 1861 года, когда сообщено было объ этой утратѣ, Воцель докладывалъ—какимъ способомъ изображены были въ «Памятникахъ» старочешскія монеты, описанныя Ганкою? При объясненіи этого вопроса указано было на 45 матрицъ или штемпелей, которые употреблялись при чеканкѣ древнихъ монетъ, и находились на столѣ, вокругъ коего собрались члены Отдѣла. Оказалось, что въ послѣднихъ числахъ ноября 1860 года одинъ изъ жителей селенія Михли, близъ Праги, разворачивая дернъ подъ пашню на холмѣ Богдальцѣ, нашелъ эти вещи. Онъ не видывалъ до тѣдъ поръ такого страннаго, необычайнаго желѣза и принесъ его домой. Замѣтивъ на немъ рытыя линіи и буквы, онъ показалъ свою находку внуку своему, бывшему тогда ученикомъ высшей реальной школы въ Прагѣ. Этотъ внукъ, въ генварѣ 1861 года, принесъ три матрицы въ школу и показалъ ихъ профессору Запу. Запъ съ удивленіемъ увидалъ, что это были матрицы монетъ князей Яромира и Бретислава изъ XI вѣка, а третья

была матрица частной монеты Екатерины съ Газенбурга; но еще болѣе онъ удивлялся той чистотѣ, съ какою передано было на матрицахъ очертаніе буквъ XI вѣка. Первою мыслію его было, что эти матрицы служили какому нибудь поддѣлывателю старинныхъ чешскихъ монетъ, которыя онъ и продавалъ любителямъ чешской старины; но зачѣмъ же тутъ матрица частной монеты изъ XVI вѣка? Запъ пообѣщалъ ученику небольшую денежную награду, если онъ доставитъ ему и остальныя части находки. Внукъ нашедшаго эти вещи перетаскалъ ихъ къ Запу въ четырнадцать дней. Подозрѣніе Запа исчезло: оказалось, что тутъ было 40 матрицъ монетъ изъ XI, XIV XVI и начала XVII столѣтія, сохранившихся не одинаково: иныя были сильно истерты отъ употребленія, иныя вовсе испорчены, и 5 матрицъ, на которыхъ еще не было ничего вырѣзано. Три матрицы представляли типъ дотолѣ совершенно неизвѣстный; многія изъ остальныхъ служили для чеканки такихъ монетъ, которыя вовсе не составляли рѣдкости и поддѣлка которыхъ не могла представить выгоды. Такъ какъ позднѣйшая изъ монетъ, изображенныхъ на этихъ матрицахъ, принадлежала Альбрехту Вальдштейну, воеводѣ фридландскому, то Археологическое Отдѣленіе склонилось къ мысли, что всѣ эти матрицы взяты были съ королевско-чешскаго монетнаго двора во время тридцатилѣтней войны и зарыты въ землю. Любопытно, что матрицы извѣстныхъ монетъ, находившихся въ коллекціяхъ Чешскаго Музея, отвѣчали имъ со всевозможною техническою точностію.

Сообщать о всѣхъ находкахъ и открытіяхъ, какія заявлены были въ Чешскомъ Археологическомъ Обществѣ за все время его существованія, я не нахожу нужнымъ; замѣчу только, что ихъ было очень много. Засѣданіе 11 мая того же года Воцель открылъ сообщеніемъ, что явился къ сочленамъ прямо съ мѣста, гдѣ былъ свидѣтелемъ послѣдняго разрушенія остатковъ храма св. Павла, что въ Госпиталѣ, за Порицкими воротами, въ нынѣшнемъ пражскомъ предмѣстьѣ Карлинѣ, которые разбираются новымъ владѣльцемъ подъ устройство товарныхъ складовъ подлѣ Велтавской пристани. Члены Археологическаго Отдѣленія отправились изъ засѣданія къ мѣсту разрушенія древнѣйшаго въ Карлинѣ памятника. Они застали уже только половину башни, а стѣны самаго храма, уже лишеннаго кровли, при нихъ были сваливаемы внизъ. Существовавшая уже тогда въ Чехіи центральная коммиссія для сохраненія старинныхъ памятниковъ, не могла остановить этого разрушенія, ибо новый владѣлецъ этого зданія требовалъ за него 10000 гульденовъ, а Пражская Дума и Земская Управа могли предложить ему въ вознагражденіе съ своей стороны только по тысячѣ; закона же объ отчужденіи изъ частной собственности старинныхъ

памятниковъ не было. Съ тѣхъ поръ Археологическое Отдѣленіе стало предупреждать уничтоженіе извѣстныхъ ему древностей, ходатайствуя заранѣе о ихъ сохраненіи предъ центральными и мѣстными властями. Къ числу средствъ распространенія въ чешскомъ обществѣ свѣдѣній и уваженія къ древностямъ съ тѣхъ поръ Музей присоединилъ археологическія выставки; но и послѣ не разъ въ засѣданіяхъ Отдѣленія заслушивались доклады объ уничтоженіи того или другаго памятника. Въ засѣданіи 4 іюля 1863 года Археологическое Отдѣленіе обратило вниманіе на свайныя постройки, выслушало подробный докладъ о нихъ и запаслось нѣсколькими вѣщами изъ швейцарскихъ построекъ. Въ 1865 году оно устроило между прочимъ выставку канціоналовъ. Во многихъ реставраціяхъ старинныхъ построекъ въ чешскихъ земляхъ, Археологическое Отдѣленіе принимало постоянно участіе. Съ 1866 года начинаетъ помогать Археологическому Отдѣленію, до нѣкоторой степени, основанное тогда въ Прагѣ Историческое Общество, занявшееся преимущественно топографической исторіей Чехіи, описаніемъ архивовъ чешскаго королевства, собираніемъ матеріаловъ, для исторіи изобразительныхъ искуствъ въ Чехіи и изученіемъ древнечешскаго права. Въ 1867 году археологическія коллекціи Музея приведены были въ новый порядокъ. Въ 1868 году умеръ постоянный покровитель Археологическаго Отдѣленія при Чешскомъ Музеѣ, графъ Евгеній Чернинъ съ Худеницъ. За нимъ въ томъ же и слѣдующемъ году послѣдовали еще шесть членовъ Археологическаго Отдѣленія, и между ними извѣстный профессоръ и библіотекарь Пражскаго университета, а нашъ сочленъ, Ганушъ. Въ 1870 году умерли: К. Я. Эрбенъ, бывшій членомъ нашего Общества, графъ Фр. Тунъ съ Гогенштейна; въ началѣ 1871 года—основатель «Памятниковъ» К. В. Запъ, также членъ нашего общества, и 16 сентября того же года давній предсѣдатель Археологическаго Отдѣленія при Чешскомъ Музеѣ, а равно и членъ нашего общества, Я. Е. Воцель, а менѣе чѣмъ черезъ годъ—графъ Г. Коловратъ Краковскій. Старое поколѣніе чешскихъ археологовъ сошло въ могилу, и предсѣдателемъ Археологическаго Отдѣленія избранъ былъ добрый чешскій патріотъ, извѣстный однакожъ болѣе своею педагогическою, чѣмъ археологическою дѣятельностію, Іосифъ Венцигъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ судьбахъ изданія, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, произошелъ переворотъ: изъ журнала онъ сдѣлался сборникомъ.

За тѣмъ предлагаемъ библіографическій обзоръ «Памятниковъ».

Первый томъ (1854—1855):

Въ отдѣлѣ изслѣдованій первое мѣсто принадлежитъ статьѣ К. Вл. Запа: «Тынскій храмъ, главная приходская церковь стараго

пражскаго города» (стр. 9—21, 52—68, 101—111). Статья эта можетъ служить указаніемъ на то, какого рода изслѣдованія наполняютъ чешскій археологическій журналъ. Она дѣлится на двѣ части: историческую и археологическую. Въ первой излагается исторія храма, который долго считался самою древнѣйшею изъ пражскихъ церквей. Чешскій историкъ В. В. Томекъ доказалъ, что происхожденіе этой церкви относится къ началу XII столѣтія, но еще ранѣе, именно въ X вѣкѣ, въ Прагѣ, какъ и въ другихъ большихъ торговыхъ городахъ Европы, существовалъ гостинный дворъ, называвшійся Тыномъ (огороженное мѣсто), иначе тынскимъ дворомъ. Здѣсь со всѣхъ привозимыхъ товаровъ брали таможенныя и торговыя пошлины; тутъ находились мѣры и вѣсы; жившіе и останавливавшіеся на этомъ дворѣ подлежали особому суду и завѣдывались особымъ правителемъ. Князь Боривой II-й (1100—1107) даровалъ Пражскому Капитулу часть княжескихъ доходовъ съ таможенныхъ податей, мѣрныхъ и вѣсовыхъ пошлинъ и судныхъ даней, собиравшихся въ тынскомъ дворѣ. Около того же времени въ Тынѣ построена была больница, во имя Пресвятыя Дѣвы Маріи, для пріѣзжихъ купцовъ и при ней церковь въ честь взятія на небо Богоматери. Таково происхожденіе Тынскаго храма. Затѣмъ авторъ излагаетъ исторію храма, дѣля ее на три эпохи, гранями между коими служатъ 1419 годъ, когда восторжествовало ученіе Гуса, и 1627, когда началось въ Чехіи гоненіе на всѣхъ противниковъ католицизма. Въ археологической части описывается внѣшній видъ храма и заключающіяся въ немъ древности въ такомъ порядкѣ: а) пресбитеріумъ или главный алтарь храма, б) капелла Пресвятыя Дѣвы Маріи, въ коей находятся извѣстныя изваянія Св. Кирилла и Меѳодія, подаренныя Прагѣ въ 1846 году Императоромъ Фердинандомъ I, в) капелла Св. Креста, г) остальные алтари (числомъ 18), изъ коихъ древнѣйшій, Св. Луки, относится къ 1493 году, д) иные художественные памятники, преимущественно иконы, е) надгробные памятники (числомъ 41) XVI, XVII и XVIII столѣтій, между ними памятникъ датскому астроному Тихо де Браге († 24 окт. 1601 г.), ж) сакристія и капелла Св. Людмилы, з) колокола, и) дома при храмѣ.

Далѣе слѣдуетъ замѣтить статью Ант. Н. Власака: «Влашимскій округъ» (стр. 85—89, 126—136, 176—186, 214—224, 262—267). Эта статья ничто иное, какъ историко-археологическое описаніе 37 мѣстностей Влашимскаго округа и сохранившихся въ нихъ до нынѣ различныхъ памятниковъ. Подобный же характеръ имѣютъ статьи: а) Алоизія Брыхты: «Бывшее Рихенбургское владѣніе» (стр. 162—175), б) К. Вл. Запа: «Планяны и ихъ окрестности» (стр. 224—

231), в) Ант. Рыбички: «Прогулки въ окрестностяхъ Хрудима» (стр. 267—274, 311—320), г) Маврикія Траппа: «Твердыня Свояновъ и ея окрестности» (стр. 275—282, 321—324, 343—358), въ коей описано 17 мѣстностей, д) А. Н. Власака: «Городъ Бенешовъ и крѣпость Конопище» (стр. 289—298), е) К. Вл. Запа: «Збраславъ (Aula Regia, Königssal)», представляющая довольно подробное описаніе одной изъ замѣчательнѣйшихъ въ историческомъ и археологическомъ отношеніяхъ мѣстности въ Чехіи (стр. 71—84, 117—125), ж) К. Вл. Запа: «Куршимъ» (стр. 149—161), гдѣ описано одно изъ древнѣйшихъ чешскихъ поселеній, миѳическія свѣдѣнія о коемъ относятся къ 653 году, а вполнѣ достовѣрныя—къ 993, з) его же: «Илове» (стр. 200—210), гдѣ описанъ городъ сего имени, извѣстный въ чешской исторіи подъ названіемъ «Златогорнаго мѣста», и) его же: «Лихтенбургъ, крѣпость въ Чаславскомъ округѣ» (стр. 241—252), і) его же: «Мѣсто Колинской битвы» (стр. 298—310), гдѣ описано 9 мѣстностей, к) А. Н. Власака: «Вотицы, городъ въ Таборскомъ округѣ» (стр. 257—262), л) І. О. Мильтнера: «Смечно» (стр. 325—329, 359—368). Всѣ пересчитанныя здѣсь двѣнадцать статей представляютъ собою образчики археологической топографіи, какъ она разработывается въ «Памятникахъ». Есть еще нѣсколько статей подобнаго же содержанія, но касающихся менѣе замѣчательныхъ мѣстностей; таковы статьи: а) А. Н. Власака—о Янковѣ, б) К. Вл. Запа—о Хатоунѣ, мѣстѣ рожденія Св. Прокопія, в) его же—о Обристьвѣ и Либишѣ, г) Яна Завадиля—о Праховскихъ скалахъ подлѣ Ичина, д) Ив. В. Крижка—о Стражовѣ и его окрестностяхъ, е) В. В. Томка—о Сватавинскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Сазавѣ.

Въ изслѣдованіяхъ частныхъ помѣщены болѣе или менѣе подробныя описанія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ памятниковъ; таковы: а) Замѣтка К. Вл. Запа о капеллѣ Св. Франциска Серафинскаго въ императорскомъ замкѣ Закупѣ, б) его же—объ императорскомъ лѣтнемъ замкѣ въ Плосковицахъ, в) его же—о Коллегіальномъ храмѣ Пресвятыя Дѣвы Маріи съ капеллою Св. Екатерины на Карлштейнѣ, г) Ант. Рыбички—о домѣ принадлежавшемъ нѣкогда фамиліи Мыдларей въ Хрудимѣ, д) И. В. Крижка—«Очеркъ исторіи Бенедиктинскаго монастыря, что въ Славянахъ, вообще же называвшагося Эммаусъ въ новомъ пражскомъ городѣ, во времена славянскихъ монаховъ» (стр. 193—199). Изъ описаній отдѣльныхъ археологическихъ вещей особенно любопытны: Свіанскія бронзы; Византійскій круцификсъ, найденный въ Островскомъ монастырѣ; Миніатюры музейной рукописи —«Mater Uerborum»; Чешскій канціоналъ въ Клатовахъ; Вотивный образъ архіепископа Очка изъ Влашима; О Велеславиновой типографіи; О

молитвенной книгѣ короля Владислава Погробка; Объ ораторіумѣ короля Владислава II Ягеллона въ пражскомъ храмѣ Св. Вита, наконецъ—Описаніе чешскихъ монетъ съ древнѣйшихъ временъ до князя Болеслава II, составленное Вячеславомъ Ганкою.

Въ отдѣлѣ поучительныхъ статей помѣщены были двѣ: а) о сохраненіи древнихъ памятниковъ, преимущественно архитектурныхъ, составленная К. Вл. Запомъ по сочиненіямъ Вите и Ферстера, и б) объ особенностяхъ церковной византійской живописи. Въ отдѣленіи извѣстій постоянно помѣщались свѣдѣнія о засѣданіяхъ Археологическаго Отдѣла Чешскаго Музея, извлеченія изъ писемъ и донесеній его членовъ, извѣстія о приращеніяхъ археологическихъ коллекцій и другія мелкія замѣтки. Въ библіографическомъ отдѣлѣ помѣщены свѣдѣнія о двѣнадцати книгахъ. Наконецъ остается замѣтить, что къ первому тому «Памятниковъ» приложено 20 рисунковъ и 4 таблицы съ изображеніями монетъ.

Второй томъ (1856—1857):

Въ отдѣлѣ историко-топографическихъ и археологическихъ изслѣдованій этаго тома напечатаны слѣдующія статьи Герменегильда Иречька: а) Жупы—Литомышльская, Вратиславская и Хрудимская до 1200 г. (стр. 25—31), б) Жупы юго-восточной Чехіи до 1200 г.—Чаславская, Уретовская, Хыновская, Бехыньская, Дудлебская, Витоpазская (стр. 65—72), в) Жупы юго-западной Чехіи до 1200 года—Бозенская, Нетолицкая, Прахеньская, Пилзеньская, Межская (стр. 133—137, 167—174), г) Жупы сѣверо-западной Чехіи до 1200 года—Хебская, Сѣдлецкая, Жатецкая, Бѣлинская (стр. 216—222), д) Жупы сѣверо-восточной Чехіи до 1200 г.—Дѣчанская, Лемузская, Литомѣржицкая, Пшовская, Болеславская, Либицкая, Желѣзницкая, Милетинская, Градецкая, Опоченская, Кладская (стр. 263—273), е) Жупы средней Чехіи до 1200 г.—Куримская, Велтавская, Тетинская, Рокытинская, Древичская, Пражско-Вышеградская (стр. 306—314), ж) Ходъ чешской колонизаціи до 1200 г. (стр. 362—366). Всѣ названныя статьи Иречка составляютъ весьма цѣнный матеріалъ для исторической топографіи чешской земли до конца XII вѣка. Затѣмъ слѣдуютъ статьи: а) Ант. Норб. Власака—Крѣпость Лештно и ея окрестности (стр. 31—38), б) его же—Мѣстечки Сѣдлецъ и Прчице и ихъ окрестности въ Таборскомъ округѣ (стр. 124—133, 157—160), в) его же—Верхотавы, Яновицы и ихъ окрестности въ округѣ Вотицкомъ (стр. 160—165), г) его же—Церкви Романскаго стиля въ Честинкостелѣ, Правонинѣ и Начерацѣ (стр. 314—319), д) Антонина Рыбички—Дальнія прогулки въ Хрудимскомъ округѣ (стр. 39—42, 152—157, 257—263), въ коей описано десять мѣстностей,

е) Виктора Бездеки—Памятники монастыря Желивскаго (стр. 145—152, 240), ж) Гугона Томана—Памятники города Рыхнова (стр. 193—199, 367—368), з) В. В. Томка—Памятники Полицкаго уѣзда или бывшихъ владѣній Брумовскаго и Полицкаго во время, предшествовавшее Гусситскимъ войнамъ (стр. 200—213, 242—249), и) Яна Ройка—Закравье и Рыхмвальдъ (стр. 213—215), і) Яна Париса—Грубый Рогозецъ надъ Изерою (224—227, 249—256), к) Іосифа Крижи—Хоцень, городъ и бывшее владѣніе, его исторія и археологическая топографія (стр. 298—306, 350—355), л) К. Вл. Зана—Королевны—Анна Чешско-Венгерская и Анна Польско-Литовская, послѣднія Ягеллонки (стр. 1—7), м) его же—Старый Болеславъ (стр. 337—350), въ коей подробно описанъ коллегіальный храмъ св. Вячеслава въ этомъ городѣ, н) Франца Власака—Старо-чешская шляхта и ея потомство, послѣ тридцатилѣтней войны (стр. 49—58, 97—117, 192 и 280), представляющая любопытное изслѣдованіе о генеалогіи старо-чешскаго дворянства.

Въ отдѣлѣ, заключающемъ въ себѣ описанія отдѣльныхъ археологическихъ предметовъ, помѣщено 24 статьи. Изъ нихъ стоитъ замѣтить: а) Вячеслава Ганки—Описаніе чешскихъ монетъ отъ 967 года до 1037, б) Маврикія Траппа—Поѣздка въ Тишновъ въ Моравіи, в) его же—Базилика взятія на небо Пресвятой Дѣвы Маріи, въ Требичѣ, въ Моравіи, г) его же—Нѣкоторые древніе памятники города Требича въ Моравіи, д) Я. Е. Воцеля—Церкви Романскаго стиля въ Чехіи, е) К. Вл. Зана—Бронзовая статуя Св. Юрія въ Пражской крѣпости, ж) его же—Монастырь Осекъ, з) Ант. Рыбички—Чешскіе канціоналы въ Королевскомъ Градцѣ, и) Гугона Томана—Археологическая поѣздка по южной Чехіи, гдѣ описаны двадцать одна мѣстность, и т. д.

Въ такъ называемомъ отдѣлѣ поучительныхъ статей помѣщены слѣдующія замѣтки: а) К. Вл. Зана—Изготовленіе снимковъ со старинныхъ пластическихъ надписей, б) Я. Е. Воцеля—Церкви Романскаго стиля въ Чехіи; в) его же—Значеніе древнихъ бронзъ.

Въ отдѣлѣ извѣстій помѣщены свѣдѣнія: о приращеніяхъ въ археологическихъ коллекціяхъ Чешскаго Музея, о 16 засѣданіяхъ Археологическаго Отдѣла Музейнаго Общества, о частныхъ археологическихъ музеяхъ въ Чехіи, выдержки изъ археологическихъ писемъ и донесеній и т. п. Въ литературномъ обозрѣніи помѣщены отзывы о 26 книгахъ; къ то́му приложено 16 рисунковъ, 8 таблицъ съ изображеніями монетъ и одна ландкарта.

Третій томъ (1858—1859):

Въ отдѣлѣ историко-топографическихъ и археологическихъ изслѣдованій помѣщены слѣдующія статьи: а) Герменегильда Иречка—Мо-

равія до 1200 года (стр. 18—22, 63—66, 102—105, 152—155), гдѣ описаны 19 моравскихъ жупъ, б) К. Вл. Запа—Пражскій главный храмъ Св. Вита и его нынѣшнее состояніе (стр. 1—7), в) его же—Старый Болеславъ и его храмъ Пресвятыя Дѣвы Маріи (стр. 8—17), г) его же—Епископскій главный храмъ Св. Духа въ Кралевѣ Градцѣ (стр. 160—186), д) его же—Нимбургъ, королевскій городъ надъ Лабою (стр. 340—360), е) Я. Е. Воцеля—Храмъ Св. Варвары въ Кутной Горѣ (стр. 81—86, 111—124), ж) его же—Каменные памятники языческихъ вѣковъ (297—300), з) В. В. Томка—Постройка храма Св. Вита при Карлѣ IV и Вячеславѣ IV (стр. 310—316), и) его же—Ольдришъ и Либицы (стр. 97—102), і) Ант. Норб. Власака—Крѣпость Высокій Хлумецъ и ея окрестности въ Таборскомъ округѣ (стр. 49—58), к) его же—Крѣпости Тынецъ и Костелецъ надъ Сазавою и ихъ окрестности (стр. 105—108), л) его же—Бывшее владѣніе Емништское въ Таборскомъ округѣ (стр. 145—151), м) его же—Коморный Градецъ надъ Сазавою (стр. 258—268), н) Ант. Рыбички—Селенія Кочи и Влчновъ (стр. 124—127), о) его же—Карлъ Іосифъ, рыцарь Бинеръ съ Биненберга, отецъ чешской археологіи (стр. 204—213), п) Іеронима Соляра—Городъ Роншперкъ въ Пильзенской землѣ (стр. 108—111, 285—287), р) его же—Монастырь Цистерціанокъ въ Чаславской долинѣ Пресвятыя Дѣвы (стр. 193—197), с) его-же—Деканскій храмъ взятія на небо Пресвятой Дѣвы Маріи въ Нѣмецкомъ Бродѣ (стр. 293—297), т) Фр. Петеры Рогозницкаго—Германцы въ Градецкомъ краѣ (стр. 30—38, 95—96, 144), у) его же—Памятники Мезеричскаго округа (стр. 304—310), ѳ) Викт. Бездеки—Памятники на Желивскѣ въ Чаславскомъ округѣ (стр. 128—135, 155—159), х) его же—Памятники города Гумпольца въ Чаславскомъ округѣ (стр. 337—340); ц) Я. Париса—храмъ Пр. Дѣвы Маріи, нѣкогда Кармелитанскій, въ маломъ пражскомъ городѣ (стр. 198—204), ч) Іосифа Смолика—Начало королевскаго города Новаго Быджова (стр. 268—270), ш) К. Вл. Запа—Городъ Милевско (стр. 213—225, 272—277), щ) Г. Иречка—Капеллы и церкви Св. Климента (стр. 229—232), ъ) Я. Е. Воцеля—Чешскія миніатюры XVI столѣтія (стр. 241—257), ы) Іерон. Соляра—Бывшій монастырь босыхъ августинцевъ въ Нѣмецкомъ Бродѣ (стр. 270—272).

Въ отдѣленіи, заключающемъ въ себѣ описанія отдѣльныхъ археологическихъ предметовъ, помѣщено 15 статей. Изъ нихъ замѣтимъ: а) Вячесл. Ганки—Описаніе чешскихъ монетъ съ 1012 по 1100 г., б) Божены Нѣмцовой—Словацкія древности, по запискамъ доктора Густава Рейса, в) К. В. Запа—Три запустѣвшіе памятника на Моравской землѣ, г) Г. Иречка—О нѣкоторыхъ древностяхъ въ Хрудим-

скомъ краѣ, д) Я. Е. Воцеля—Византійскіе кресты, найденные у Опочницы, е) К. Вл. Запа—Бронзовый божокъ, найденный въ Хрудимѣ, ж) его же—Памятникъ королевской присяги отъ 1527 г. на чешскихъ границахъ въ Иглавѣ, и т. п.

Въ отдѣлѣ поучительныхъ статей напечатаны три замѣтки: а) Іос.账Пречка—О гибельныхъ дѣйствіяхъ растительности на старыя постройки, б) Гер. Иречка—Мѣстныя имена въ Чехіи, в) О постройкѣ исполинскихъ могилъ (переводъ съ датскаго). Въ отдѣлѣ извѣстій прежде всего обращаютъ на себя вниманіе: замѣтка Ант. Рыбички о нѣсколькихъ домахъ и зданіяхъ въ Прагѣ, какъ матеріалъ для мѣстной топографіи и генеалогіи, и его же—матеріалы для біографическаго словаря чешскихъ живописцовъ; далѣе слѣдуютъ свѣдѣнія о 14 засѣданіяхъ Археологическаго Отдѣла, о новыхъ археологическихъ открытіяхъ, о приращеніяхъ музейныхъ и частныхъ коллекцій, выдержки изъ корреспонденцій. Въ литературномъ обозрѣніи напечатаны отзывы о 34 книгахъ. Къ этому тому приложены 16 рисунковъ и 8 таблицъ монетъ и нѣсколько изображеній въ текстѣ.

Четвертый томъ (1860—1861), пагинація коего распадается на два отдѣленія, соотвѣтствующія каждое одному изъ помянутыхъ годовъ:

Къ крупнымъ статьямъ этого тома принадлежатъ, въ первомъ отдѣленіи: а) В. В. Томка—Старомѣстская площадь и окрестныя улицы Праги въ XIV и XV столѣтіяхъ (стр. 1—17), б) К. Вл. Запа—Порѣчье надъ Сазовою и ближайшія окрестности (стр. 18—26), в) І. А. Габріеля—Древности Сушицкаго округа (стр. 26—28), г) К. Тифтрунка—Литомѣржицы во время войны за Баварское наслѣдство въ 1778 и 1779 годахъ (стр. 29—31), д) Ант. Рыбички—Матеріалы для біографическаго словаря чешскихъ живописцевъ (31—34), е) М. Траппа—Двѣ древнія чаши въ Моравскихъ церквахъ (стр. 35—37), ж) А. Л. Власака—Невекловъ, Тлосковъ, Герольтицы, Живгошть и Остромечь (стр. 38—43), з) А. Рыбички—Крѣпость Кошумберкъ (стр. 49—57), і) его же—Матеріалы для географіи и генеалогіи пражскихъ мѣстностей (стр. 66—71), и) Іерон. Соляра—Нѣмецкій Бродъ до провозглашенія его Королевскимъ городомъ въ 1636 году (57—65), к) Я. Ф. Шмидта съ Бергенгольду—Исторія Августіанскаго монастыря на островѣ у Св. Бенигны близъ Горовицъ (стр. 72—74), л) А. В. Шемберы—Вѣна, Хлумъ подлѣ Вѣны и крѣпость Острогъ, въ нижней Австріи, въ римскія времена (стр. 75—77), м) А. Н. Власака—Древній городъ Сѣдльчаны и его окрестности въ Таборскомъ округѣ (стр. 78—85), н) Я. Е. Воцеля—Миніатюры пассіонала Аббатиссы Кунгуты 1312 года (стр. 97—108), о) К. Вл. Запа—Бене-

диктинскіе монастыри св. Іоанна Крестителя на Островѣ и въ Скалахъ (стр. 108—117, 154—173), п) І. Б. Нѣмца Быджовскаго—Новый Быджовъ (стр. 117—122), р) К. Тифтрунка—Литомѣржицы, мѣстопребываніе Кметовъ Магдебурскаго права (стр. 122—130), с) В. В. Томка—Малая Страна въ Прагѣ и запустѣніе ея во время Гуситскихъ войнъ (стр. 130—137, 145—154), т) І. А. Дундра—Матеріалы для исторіи гибели князя Дмитрія Сангушка (стр. 139—143), у) К. Вл. Запа—Главный храмъ св. Варѳоломея въ Колинѣ надъ Лабою (стр. 173—184). Къ крупнымъ статьямъ втораго отдѣленія слѣдуетъ отнести: а) В. В. Томка—Защита древнѣйшей чешской исторіи отъ новѣйшихъ нападеній нѣмецкихъ писателей, часть I (стр. 3—15), б) Я. Лепаря—О даняхъ Опавскихъ во второй половинѣ XVI вѣка и проистекавшемъ оттуда отношеніи Опавы къ Силезіи (стр. 15—21), в) К. Шпачка—О доисторическихъ городищахъ и валахъ въ Чехіи (стр. 21—30), г) Фр. Бенеша—Городища подлѣ Грызелей, у Стараго Курима и у Приступина (30—35), д) К. Вл. Запа—Миніатюры въ бревіарѣ крестоносцевъ въ Прагѣ отъ 1351—1356 годовъ (стр. 35—38), е) Антонина Рыбички—Крѣпость Липка въ Хрудимскомъ округѣ (стр. 38—41), ж) В. В. Томка—Исторія постройки храма Св. Вита въ Пражской крѣпости (стр. 42—61, 110—120), з) А. Рыбички—Матеріалы къ топографіи и генеалогіи пражскихъ мѣстностей (стр. 61—66), и) А. Н. Власака—Млада Вожица и ея окрестности въ Таборскомъ округѣ (стр. 66—74), і) Я. Н. Льготы—Ломницкіе канціоналы на Верхлабьѣ (стр. 74—78), к) Исторія греческой пластики въ краткомъ обзорѣ по І. Миллеру (стр. 78—85—97—109, 153—162), л) К. Вл. Запа—Нѣкоторыя древнія церковныя вещи, хранящіяся въ Чешскомъ Музеѣ (стр. 85—88), м) К. Шпачка—Госпитальная церковь—Обращеніе Св. Павла, предъ Поричскими воротами (стр. 120—123), н) Е. В. Иречка—Крѣпость Скала (стр. 124—130), о) А. Н. Власака—Историко-топографическая прогулка между Невекловымъ и Седльчанами (стр. 130—136), п) І. Ербена—Историческій обзоръ чешской картографіи (стр. 136—140), р) І. Иречка—Чешскіе военачальники XV столѣтія (стр. 145—153), К. Вл. Запа—Храмъ Св. Юрія въ Пражской крѣпости (стр. 162—175).

Изъ меньшихъ статей обоихъ отдѣленій четвертаго тома слѣдуетъ замѣтить: а) В. Ганки—Описаніе чешскихъ монетъ съ 1092-1125 г., б) Викт. Бездеки—Дополненіе къ описанію памятниковъ въ Желивскомъ краѣ, в) Извѣстія о 12 засѣданіяхъ Археологическаго Отдѣла. Остальныя статейки имѣли тотъ же характеръ, какъ и въ предшествовавшихъ томахъ. Въ литературномъ обозрѣніи помѣщены отзывы о 39 книгахъ. Къ этому тому приложены: нѣсколько рисунковъ въ

текстѣ, 15 рисунковъ отдѣльно и 4 таблицы съ изображеніями монетъ. Указатели—общіе для всего тома.

Пятый томъ (1862—1863):

Въ отдѣлѣ изслѣдованій помѣщены слѣдующія статьи: а) доктора Габлера—Александръ Великій (стр. 1—16, 49—64, 97—110, 145—155, 210—225), б) А. Н. Власака—Червонная Речица въ Таборскомъ краѣ (стр. 16—19, 336), в) Леон. Свободы—Подробности изъ исторической топографіи и генеалогіи княжествъ Опавскаго и Крновскаго (стр. 19—24, 84—89, 125—131, 182—185), г) К. Вл. Запа—Королевскій городъ Вельвары (стр. 24—26), д) К. Тифтрунка—Матеріалъ для исторіи чешскихъ изгнанниковъ (стр. 26—33), е) Фр. Бенеша—Крѣпостца надъ Пахомъ въ Кутной горѣ (стр. 33—40), ж) Г. Иречка—Еще слово о польскомъ нашествіи на Чехію въ 1110 году (стр. 41—43), з) В. Фрюгауфа—Юридическія отношенія и происхожденіе колоновъ, преимущественно въ юго-славянскихъ земляхъ въ средніе вѣка (стр. 64—69), и) Г. Иречка—Чешскіе военачальники XV вѣка (стр. 70—73, 275—278), і) І. Соляра—Липницы, крѣпость и городъ въ Чаславскомъ краѣ (стр. 73—81), к) Я. Лепаря—Опавскій край въ 1646 году (стр. 110—118), л) А. Рыбички—Кое-что о Геральдикѣ (стр. 118—125), м) А. Гиндели—Начало центральныхъ учрежденій Австрійской Имперіи (стр. 131—133), н) М. Траппа—Старая деревянная монстранція въ Шпичскомъ храмѣ въ Моравіи (стр. 133—135), о) А. Н. Власака—Ледечь надъ Сазавою и его окрестности въ Чаславскомъ краѣ (стр. 135—138, 225—229, 278—281, 334—336, 375—377), п) В. Фрюгауфа—Податная система въ Римской и Византійской имперіяхъ (стр. 155—162), р) Фр. Бенеша—Доксаны, женскій монастырь надъ Огрою (стр. 162—179, 193—203), с) В. В. Томка—Взятіе Осташа и осада Броумова въ 1421 году (стр. 180—182), т) М. Траппа—Храмъ Св. Маркеты на Топановѣ близь Рыбника у Моравскаго Крумлова (стр. 186—188), у) В. В. Томка—Защита древнѣйшей исторіи чешской противу новѣйшихъ нападеній нѣмецкихъ писателей, части 2 и 3 (стр. 203—209, 252—264, 289—296), ф) Я. К. Граша—Могилы и валы въ Ратайской околицѣ близь Бехыня (стр. 230—232), х) Я. Е. Воцеля—храмъ Св. Иліи въ Милевскѣ (стр. 232—235), ц) Вик. Брандля—Велеградъ (стр. 241—251, 296—306), ч) В. Фрюгауфа—Шелководство въ среднихъ вѣкахъ (стр. 264—275), ш) Іер. Соляра—Свѣтла, городъ въ Чаславскомъ округѣ (стр. 282—284), щ) Я. Б. Мильтнера—Старая Крѣпость въ королевскомъ городѣ Пискѣ (стр. 306—323), ъ) Г. Иречка—Древнѣйшія церковныя постройки въ Чехіи и Моравіи (стр. 323—327), ы) І. Руды—Матвѣй Студничка съ Зуклина и его деревянные маленькіе часы (стр.

327—330), ь) Фр. Бенеша—Брозаны въ Литомѣржицкомъ краѣ (стр. 337—346), ѣ) А. Н. Власака—Костелецъ надъ Черными лѣсами (стр. 346—353), ю) А. Рыбички—О шляхетскихъ фамиліяхъ въ Чаславскомъ краѣ (стр. 353—360, я) Л. Свободы—Родъ Борковъ Догальскихъ съ Догалицъ (стр. 360—363), ѳ) К. В. Запа—Деканскій храмъ въ Таборѣ (364—368).

Въ отдѣлѣ извѣстій стоитъ замѣтить слѣдующія статьи: а) Іер. Соляра—Храмъ св. Іоанна Крестителя на Красной горѣ въ Чаславскомъ округѣ; б) Я. Е. Воцеля—Древнее изображеніе въ Рудницкомъ храмѣ, в) Романа Воришка—Матеріалы къ исторіи просвѣщенія въ Чехіи, г) К. Ичинскаго—Извѣстія объ археологической находкѣ въ Горовицахъ Есеницкаго округа въ Чехіи,—и многія другія, въ томъ числѣ извѣстія о 14 засѣданіяхъ Археологическаго Отдѣла. Въ литературномъ обозрѣніи помѣщены отзывы о 45 книгахъ. Къ пятому тому приложено 15 рисунковъ отдѣльно и нѣсколько въ текстѣ.

Шестой томъ (1864—1865):

Въ отдѣлѣ изслѣдованій напечатаны статьи: а) Фр. Я Зоубка—Городъ Чешская Липа (стр. 1—10, 41—51), б) Вик. Брандля—Извѣстіе Викентія Пражскаго о походѣ короля Владислава на Миланъ въ 1158 году (стр. 11—16), в) Ант. Рыбички—Три Старочешскіе Канціонала, находящіеся въ Императорской придворной библіотекѣ въ Вѣнѣ (стр. 17—22, 52—55, 84—87), г) Я. Е. Воцеля—Остатки храма въ бывшемъ монастырѣ Градищѣ надъ Изерою (стр. 23—34), д) Евгенія Чернина съ Худеницъ—Историческая замѣтка о Тугостѣ (стр. 56—58), е) М. Траппа—Братскіе памятники въ Иванчицахъ (стр. 58—63), ж) Я. Е. Воцеля—О чешскомъ искуствѣ во времена послѣднихъ Премысловцевъ (стр. 64—68), з) Л. Б. Шоурека—Льнари, Бѣльчицы, Гвожданы и ихъ ближайшія окрестности въ Писецкомъ краѣ (стр. 68—74), и) Р. В. Воришка—Турецкія войны 1529 и 1532 годовъ и военная помощь Пильзенцевъ (стр. 81—84), і) Я. Коржана—Акты о продажѣ замка Звикова и Милевскаго монастыря отъ 1574 и слѣд. годовъ (стр. 88—94), к) Фр. Я. Зоубка—Утвержденіе подданства въ приписныхъ имѣніяхъ въ XVI столѣтіи (стр. 95—104), л) Я. А. Дундра—Непомуцкій монастырь (стр. 103—105), м) Фр. Бенеша—Градище у нижнихъ Бережанъ (стр. 106—108), н) Г. Томана—Археологическая прогулка по сѣверной Чехіи (стр. 108—114), о) Фр. Бенеша—Храмъ Св. Петра и Павла въ Чаславѣ (стр. 122—137), п) К. Вл. Запа—Деканскій храмъ Св. Николая въ Лоунахъ (стр. 138—143), р) Іос. Умляуфа—Бѣла или новый Бездежъ (стр. 144—151), с) М. Коляра—Ремесла и промыслы, которые были дозволены и не дозволены старымъ Таборомъ (стр. 151—153), т) А. Д. Вышека—Образа

мастера Іетршиха на Карлштейнѣ (стр. 161—163), у) А. П. Власака—Мѣстечки Чехицы и Кривеудовъ съ ихъ окрестностями (стр. 163—168), ф) Фр. Бенеша—Скольско и Судомѣръ (стр. 168—178), х) Фр. Я. Зоубка—Памятники утраквистовъ въ Чехіи (стр. 179—187, 241—250, 287—296), ц) Іер. Соляра—Бенедиктинскій монастырь въ Опатовицахъ (стр. 188—193), ч) К. Тифтрунка—Споръ Литомѣржичанъ съ Адамомъ Младшимъ съ Вальдштейна о провозглашеніи деревни Лобосицъ мѣстечкомъ (стр. 201—207, 246—250), ш) Фр. Бенеша—Архидеканскій храмъ Св. Іакова на горахъ Кутныхъ (стр. 208—212, 263—268, 290—296), щ) М. Коляра—Первая гора Таборъ въ Чехіи (стр. 212—215), ъ) А. Седлачка—Крѣпостца у Часлава (стр. 215—217), ы) Г. Иречка—Нѣкоторыя извѣстія о переводчикахъ Кралицкой Библіи (стр. 218—220), ь) Я. К. Граша—Языческое кладбище надъ Смутною у Ратая (220—224), ѣ) Фр. Смолика Слатинскаго—Кричь и бывшее владѣніе Кричское въ Пильзенскомъ краѣ (стр. 224—231, 269—271, 302—305), э) К. Жданскаго—Остромирскіе съ Рокитника (стр. 251—254), ю) Я. Е. Воцеля—Кельтскія постройки (стр. 254—262), я) А. Рыбички—Два старо-чешскіе канціонала въ Императорской Амбрасской Коллекціи (стр. 281—286), ѳ) Фр. Я. Зоубека—Индрихоградецкія инструкціи 1583—1613 (стр. 297—299), ѵ) Памятникъ Яна Жегровскаго съ Коловрата въ Колинѣ (стр. 299—302).

Мелкихъ статей и замѣтокъ въ этомъ томѣ помѣщено 28. Изъ нихъ стоитъ замѣтить: а) А. Рыбички—О фамиліи Штитныхъ, б) А. В. Шемберы—Старинное изображеніе Яна Жижки, в) Я. Шобра—Жаровище въ Кыёвѣ у Пильзна, г) Я. Орта—Крѣпость Казинъ и могила Казина, д) Аг. Клемта—Живопись на стеклѣ въ храмѣ Кралеворадскомъ, е) Я. Ворла—Братская школа въ Великомъ Межирѣчьѣ на Моравѣ, ж) М. Люснера—Опустѣвшія крѣпости Коштяловъ, Врановъ и Козловъ и т. д. Въ отдѣлѣ извѣстій помѣщены 32 замѣтки, въ томъ числѣ: о художественно-археологической выставкѣ въ Хрудимѣ, объ археологической коллекціи при Таборской Гимназіи, о Раковницкомъ архивѣ, о международныхъ археологическихъ съѣздахъ, объ Императорскомъ Русскомъ Археологическомъ Обществѣ, объ археологической выставкѣ въ Бретиславѣ, о Райградскомъ архивѣ, и наконецъ свѣдѣнія о 16 засѣданіяхъ Археологическаго Отдѣла. Въ литературномъ обозрѣніи помѣщены отзывы о 45 книгахъ. Къ шестому тому приложено 7 отдѣльныхъ рисунковъ и 17 въ текстѣ.

Седьмой томъ (1866—1867), пагинація коего выставлялась на обоихъ столбцахъ каждой страницы:

Въ отдѣлѣ изслѣдованій этого тома помѣщены статьи: а) Фр. Я. Зоубка—Значеніе титуловъ въ XVI столѣтіи (стр. 24—36),—Матеріалы

къ исторіи ремеслъ (стр. 89—116),—Магдалепки въ Чехіи (стр. 285—288),—О правѣ апелляцій чешскихъ городовъ къ верховному праву Стараго Пражскаго мѣста (стр. 363—374),—О городскихъ книгахъ (стр. 513—516), б) Я. Е. Воцеля—Три карлштейнскихъ изображенія (стр. 64—68);—Храмъ бывшаго аббатства орденскихъ канониковъ св. Августина, на Карловѣ въ Прагѣ (стр. 265—176), Орнаменты храма на Карловѣ (стр, 551—554), в) Іос. Емлера—Правила сплавки и рѣчное право въ Подскальѣ (стр. 1—16),—Статистическія данныя XVI вѣка (545—548), г) Фр. Бенеша—Стадицы (стр. 35—42),—Печать Елисаветы Премысловны и Яна Люксенбургскаго (стр. 60—61),— Археологическое описаніе Шарки, пражскаго загороднаго гулянья (стр. 165—184),—Либицы и памятники почитанія св. Войтеха (стр. 249—266),—Памятники свято-вацлавскаго культа (стр. 472—494),—Плѣшивецъ и Острый на Инецкѣ, д) Авг. Седлачка—Топографія города Часлава въ 1490—1522 годахъ (стр. 15—24),—Свободные, крѣпостные и обязанные въ 1550 году (стр. 191—204).—Опустѣвшія поселенія въ Чаславскихъ окрестностяхъ (561—564), е) Фр. Смолика Слатинскаго—Кричь и бывшее владѣніе Кричское въ Пильзенскомъ краѣ—окончаніе, (стр. 43—50, 183—196, 373—384),—Управленіе города Пардубицъ въ 1515 году (стр. 515—528), ж) А. Баума—Прогулки въ окрестностяхъ Праги (стр. 49—58, 137—146, 415—428),—Житія Св. Отцовъ, пребывавшихъ въ пустынѣ, рукопись библіотеки Пражскаго университета (337—348),—Мелочи къ исторіи ксилографіи въ Чехіи (стр. 529—536), з) Март. Коляра—Нѣкоторые памятники утраквистовъ въ Таборѣ (стр. 57—60),—Городище у Смольча (стр. 393—396),—Городище на Рыбникѣ островѣ (стр. 549—552), и) Я. А. Федпша—Кладбище и Жаровище въ Жатецкѣ (стр. 62—64), і) В. Д. Стоянова—Народный бытъ Болгаръ (стр. 115—138), к) Ф. Т. Наглика—Холтицко въ Хрудимскомъ краѣ (стр. 145—166, 336), л) Ант. Рыбички—Кое-что о древнихъ ленахъ чешскихъ и моравскихъ (стр. 203—206),—Археологическія и топографическіи прогулки въ Храстецкомъ краѣ (стр. 347—364, 566—572), м) Фр. Штолбы—Химическія изслѣдованія въ области археологіи (стр. 205—210), н) Фр. Петеры—Храмъ св. Вацлава въ старомъ Трутновѣ (стр. 209—216), о) М. Люснера—Остатки крѣпостей и твердынь въ Голицахъ, Вольнѣ, Редицахъ и Хвоенцѣ (стр. 287—290).—Храмъ Св. Креста въ Хрудимѣ (стр. 495—506),—Археологическія вѣсти изъ Рудницкаго края (стр. 575—580), п) Я. Закорала—Чечелицы близъ Мѣльника (стр. 289—292), р) Фр. Дворскаго—Вѣроисповѣдная реформація въ чешскомъ королевствѣ въ 1651—1654 годахъ (стр. 293—302),—Пріѣздъ Матвѣя II въ Прагу въ 1611 году (стр. 403—406), с) І. К. Граша и

Фр. Ступка—Плавскія могилы въ Будѣевскомъ краѣ (стр. 301—306), т) Ем. Комарка—Афоризмы о Краледворской рукописи (стр. 382—394), у) Фр. Леваго—Свободный домъ въ Раковникѣ (стр. 397—404).—Сеноматы, топографическій очеркъ (стр. 535—546), ф) Іер. Соляра—Вилемовъ; Бенедиктинскій монастырь съ храмомъ Св. Петра и Павла (стр. 407—416), х) К. Фроста—Кладбища въ Кремыжѣ и его окрестностяхъ (стр. 505—512), ц) В. Ст. Шалы—Владѣльцы Кацовскаго имѣнія (стр. 557—560), ч) К. Брандля—Каменные валы на великомъ Бланикѣ (стр. 573—576), ш) І. К. Р.—Брозаны (стр. 69—70),—Матеріалы къ топографіи плебаній (стр. 553—556), щ) Неизвѣстнаго автора—Святовацлавская корона (стр. 195—204), ъ) К. Ичинскаго—Извѣстіе о московской выставкѣ (стр. 579—590).

Въ отдѣлѣ смѣси напечатано до 60 археологическихъ, историческихъ и топографическихъ замѣтокъ. Въ отдѣлѣ извѣстій печатались обычныя свѣдѣнія о засѣданіяхъ Археологическаго Отдѣла и Историческаго Общества въ Прагѣ, объ археологическихъ коллекціяхъ, выставкахъ, находкахъ, музеяхъ, поѣздкахъ и т. п. Въ этомъ отдѣлѣ, между прочимъ, есть статьи: а) Г. Иречка—Объ археологической дѣятельности въ Россіи за 1862—1864, б) Объ археологической дѣятельности въ Тріединомъ королевствѣ (Хорватіи, Славоніи и Далмаціи), в) Объ Ученомъ обществѣ въ Краковѣ, г) О Петербургскомъ Эрмитажѣ, д) О Чешской Библіи въ Москвѣ и т. д. Въ литературномъ обозрѣніи помѣщены отзывы о 53 книгахъ. Къ этому тóму приложено 5 отдѣльныхъ рисунковъ и нѣсколько помѣщено въ текстѣ.

Восьмой томъ (1868—1870), пагинація коего выставлена также на обоихъ столбцахъ каждой страницы:

Въ отдѣлѣ изслѣдованій этаго тома напечатаны статьи: а) К. Вл. Запа—Свято-Вацлавская капелла и коронная камера при главномъ храмѣ Св. Витта въ пражской крѣпости (стр. 1—20, 93—102), б) Фр. Я. Зоубка—О монетномъ дѣлѣ въ древнія времена (стр. 101—108),—Замѣтки по части сфрагистики (стр. 107—118),—Садъ Пресвятыя Дѣвы Маріи въ Прагѣ на Смиховѣ (стр. 229—232),—Франклинъ Якубовъ изъ Праги, изъ временъ Яна Люксенбургсаго (стр. 241—250),—Мѣстечко Тынище надъ Орлицею (стр. 281 290),—Бытъ мелкой шляхты въ XVI столѣтіи (стр. 329—348, 401—418, 495—504),—О плаваніи по Лабѣ въ XIV столѣтіи (стр. 575—580),—Городъ Мшено въ Болеславскомъ краѣ (стр. 511—614), в) Іос. Емлера—Кое-что о чешскихъ податяхъ въ древнюю эпоху (стр. 19—38),—Права Пильзенскаго судьи (стр.61—66),—Подати, собранныя въ 1615 году и количество жителей въ Чехіи предъ тридцатилѣтнею войною (стр. 177—188),—Каменный мостъ пражскій и нѣкогда существовавшее Мостовое Уп-

равленіе (стр. 203—222),—Городъ Домажлицы и племя Ходовъ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка (стр. 263—282),—Пражское Ремесленное Управленіе въ XVI столѣтіи (стр. 515—530, 581—596), г) Фр. Бенеша—Каменныя изображенія въ храмѣ Св. Іакова близь Цирквицы въ Чаславскомъ краѣ (стр. 37—46),—Изъ путешествія по Раковницкому, Житецкому и Локетскому краямъ (стр. 129—140, 187—196, 369—378, 565—576), д) Я. Б. Мильтнера—Фамилія Габрвешловъ съ Габернфельда (стр. 45—56),—Біографическіе матеріалы (стр. 437—442), е) Гер. Иречка—Матеріалы для чешской топографіи (стр. 55—60).—Біографическіе матеріалы (стр. 305—310, 543—546), ж) Авг. Седлачка—Грутовское Городище у Литомышля (стр. 59—62),—з) Март. Коляра—Родъ Дрславичей (стр. 81—94)—Памятники въ Пильзенскомъ краѣ (стр. 417—424),—Мирный договоръ Фридриха IV съ властями Таборскими, Писецкими и Воднянскими отъ 16 августа 1447 года (стр, 465—468),—Родъ Доброгостовъ и его судьбы (стр. 481—494),—Городище у Штитаръ въ Пильзенскомъ краѣ (стр. 561—564), и) А. Баума—Къ исторіи ксилографіи въ чешской землѣ (стр. 117—130),—Городъ Рудницы (стр. 289—306),— Съ Орлицкаго побережья (стр. 449—456, 509—516, 599—612), і) Фр. Дворскаго—О фамиліи Штитныхъ и селеніи Штитномъ (стр. 139—142),—Къ статистикѣ Чехіи въ 1610 году (стр. 381—384),—к) А. Рыбички—Матеріалы для біографическаго словаря чешскихъ живописцевъ (стр. 141—146),—Окружные правители бывшаго Хрудимскаго края (стр. 223—230),—Генеалогическія замѣтки (стр. 613—618), л) Гуг. Томана—Археологичеекія вѣсти съ островов Сняты и Раны (стр. 161—176), м) Іос. Руды—Бенешъ съ Хусника (стр. 197—204), н) Я. Е. Воцеля—О городищахъ и земскихъ воротахъ (стр. 321—330),—О значеніи каменныхъ и бронзовыхъ древностей для древнѣйшей славянской этнографіи (стр, 353—370),—Результаты изслѣдованія каменныхъ и бронзовыхъ древностей (стр. 531—540), о) Ад. Патеры—Списокъ снимковъ съ доисторическихъ древностей, найденныхъ въ Русской Имперіи, которые присланы Чешскому Музею А. М. Раевскою (стр. 359—368), п) В. В. Томка—О церковномъ управленіи въ Скалицѣ надъ Упою, въ началѣ XV столѣтія (стр. 377—379), р) Л. Мульштейна—Страдоницы (стр. 379—381), с) Я. А. Дундра—Новыя Страшецы (стр. 427—432), т) Я. К. Граша—Доисторическія постройки въ Литомѣржицкой жупѣ (стр. 431—437),—Земская дорога Кладско-польская и оборонительныя ворота у Находа (стр. 443—450), у) Фр. Леваго—Раковникъ въ 1566—1588 годахъ (стр. 455—463), ф) Фр. Закрейса—Карлштейнское городище у Сватки (стр. 463—466), х) Добенинскаго—Оборонительныя ворота у Добенины (стр. 541—544), ц) См.—Храмъ

Св. Іоанна Крестителя въ Пардубицахъ (стр. 347—352). —Мишенскія монеты (стр, 619—622), ч) Б—го—Добровицкія древности (стр. 249—264);—Археологическія вѣсти изъ Болеславскаго края (стр. 423—428).

Въ отдѣлѣ смѣси восьмаго тома помѣщено 50 мелкихъ статеекъ о различныхъ археологическихъ предметахъ. Въ отдѣлѣ извѣстій—обычныя свѣдѣнія о дѣятельности чешскихъ археологовъ и о ихъ новыхъ открытіяхъ, также о 17 засѣданіяхъ Археологическаго Отдѣла. Въ литературномъ обозрѣніи напечатаны отзывы о 39 книгахъ, въ томъ числѣ о 1 и 2 выпускахъ «Памятниковъ старины въ западныхъ губерніяхъ Русской Имперіи». Къ этому тому приложено 6 отдѣльныхъ рисунковъ и нѣсколько въ текстѣ.

Девятый томъ (1871—1873), пагинація коего также идетъ въ два столбца на каждой страницѣ:

Въ отдѣлѣ изслѣдованій этого тома помѣщены слѣдующія статьи: а) Фр. Я. Зоубка—Опоясываніе на рыцарское званіе мечемъ св. Вячеслава при коронованіи чешскихъ королей (стр. 1—6).—Либешицкое владѣніе въ половинѣ XVII вѣка (стр. 57—60).—Будечь (стр. 219—224), б) Макс. Дворака—Происхожденіе гербовъ нѣкогда пановъ. а нынѣ князей Лобковицъ (стр. 5—18. 91—100). в) Март. Коляра—Храмъ въ Чечевицахъ близь Горшова Тына (стр. 17—20),—Сторожевая служба внутри Чехіи во время ея дѣленія на жупы (стр. 188—195),—Видъ города Табора и его окрестностей въ 1432—1450 годахъ (стр. 260—280),—Надписи изъ XIV. XV и XVI вѣковъ. собранныя въ Пильзенскомъ, Клатовскомъ и Прахенскомъ краяхъ (стр. 643—654). А. Баума—О коллекціяхъ живописныхъ изображеній. какъ источникахъ историческаго изученія, и какимъ образомъ таковыя коллекціи должны быть устроены (стр. 33—39),—Описаніе каллиграфическихъ и живописныхъ памятниковъ, заключающихся въ чешскихъ библіотекахъ (стр. 141—144, 223—228),—Какъ пишется исторія чешскаго искусства (241—248. 365—382,—статья направленная противъ Б. Грюбера), Храмъ и монастырь св. Николая въ старомъ Пражскомъ мѣстѣ (стр. 315—316). д) Авг. Седлачка—Литомышльскіе матеріалы для исторіи чешской литературы (стр. 39—44), е) Фр. Леваго—Старинное ремесленное устройство въ Раковникѣ (стр. 44—57, 122—130, 203—208),—Раковникъ во время тридцатилѣтней войны (стр. 457—466, 540—548), ж) А. Н. Власака—Бывшее владѣніе Смилковское въ Таборскомъ округѣ (стр. 99—112),—Бенедиктинскій монастырь Св. Прокопа на Сазавѣ (стр. 489—508, 603—610), з) Я. К. Граша—Одинадцать языческихъ кладбищъ въ Ратайской околицѣ Таборскаго округа (стр. 129—140),—Матеріалы для генеалогіи чеш-

ской шляхты (стр. 412—418), и) А. Рыбички—Къ исторіи рыболовства въ Кралевомъ Градцѣ (стр. 199—204),—Окружные начальники въ Кралевоградецкомъ краѣ (стр. 311—314).—Генеалогическое изслѣдованіе о панахъ Добренскихъ съ Добреницъ (стр. 432—444, 531—540), і) Я. Е. Воцеля—Велиславова Библія съ изображеніями XIII столѣтія въ библіотекѣ Князя Юрія Лобковицъ (стр. 161—178,—за смертію автора не кончена, но отдѣльныя изданія описанія названной Библіи на нѣмецкомъ и чешскомъ языкахъ выданы тогда же въ свѣтъ), к) К. Тифтрунка—О спорахъ въ союзѣ Чешскихъ Братьевъ въ 1547 и 1548 годахъ (стр. 177—188), л) А. В. Шемберы—Гдѣ лежитъ и какъ называется та гора, на коей въ 1221 году установилось соглашеніе между королемъ Премысломъ Оттокаромъ I и епископомъ пражскимъ Андреемъ, по вопросу о правахъ пражскаго епископства (стр. 195—200), м) Фр. Петеры—Новая Весь надъ Яворкою въ Ичинскомъ краѣ (стр. 209—220, 279—288), н) К. Адамка—Изъ исторіи ремеслъ въ Глинскѣ и его окрестностяхъ (стр. 248—260, 425—432), о) Я. Орта—Акты изъ городскаго архива Чешской Требовы (стр. 309—311), п) Іос. Смолика—Шляхетскія фамиліи, жившія въ Высокомъ Мытѣ отъ 1430 до 1660 года (стр. 381—398, 509—524), р) Фр. Бенеша—Тынскій Миссалъ (стр. 398—406),—Черная Вѣжа въ Пражской Крѣпости (стр. 569—576),—Старинныя карты 1565, 1606 и 1679 годовъ (стр. 637—642), с) І. В. Юстина Михля—Поличка, городъ Утраквистовъ, въ 1588—1624 годахъ (стр. 406—412), т) К. Чермака—Церковь въ селеніи Окресанцѣ у Гольчева Еникова (стр. 417—422), у) Іос. Штепанека—Храмъ взятія на небо Пресвятой Дѣвы Маріи въ Скутчѣ (стр. 421—424), ф) В. В. Томка—Гдѣ стояло историческое селеніе Житомѣръ? (стр. 503—508), х) Іос. Ширера—Городъ Унгошть (стр. 577—581), ц) Фр. Дворскаго—О родѣ Штитныхъ и о селеніи Штитномъ (стр. 581—594). Кромѣ того въ этомъ же отдѣлѣ помѣщено нѣсколько статей безъ подробнаго обозначенія имени авторовъ; таковы: а) о шляхетскихъ фамиліяхъ, жившихъ въ Пардубицахъ съ 1500 до 1650 года (стр. 21—34, 113—122); нѣсколько статеекъ разныхъ писателей подъ общимъ заглавіемъ: б) Матеріалы для Чешской топографіи (стр. 61—66, 443—452, 593—603), в) Археологическіе матеріалы (стр. 451—456), г) Матеріалы для церковной топографіи (стр. 145—146, 524—531), д) Біографическія матеріалы (стр. 550—558), е) О Іеронимѣ IV Шликѣ, высшемъ Коморіи Браниборскомъ (стр. 81—92), ж) О средневѣковой письменности по сочиненію Ваттенбаха (стр. 287—309, 615—637), з) О топографіи Союза Чешскихъ Братьевъ (стр. 329—365).

Отдѣлы смѣси и текущихъ извѣстій составлены по образцу преж-

нихъ томовъ. Въ литературномъ обозрѣніи напечатаны отзывы болѣе чѣмъ о 50 книгахъ. Къ этому тому приложены 15 рисунковъ изъ Велиславинской Библіи и 1 ксилографія съ рисунковъ по стеклу въ Сливенцахъ. Само собой разумѣется, что всѣ эти рисунки какъ въ настоящемъ, такъ и въ предшествовавшихъ томахъ, отвѣчали содержанію статей, въ нихъ напечатанныхъ.

Таково содержаніе Археологическаго Журнала, который издавался Чешскимъ Музеемъ съ 1854 г., въ теченіи двадцати лѣтъ, составивъ девять томовъ, а въ 1874 году превратился въ Сборникъ.

Десятый томъ «Памятниковъ», издаваемый подъ редакціей Іосифа Калоусека, какъ органъ Археологическаго Отдѣла при Музеѣ Чешскаго королевства и Историческаго Общества въ Прагѣ, вскорѣ будетъ конченъ. Вышло три годовыхъ выпуска (1874—76); четвертый и послѣдній выпускъ ожидается въ октябрѣ 1877 года. Программа, которой слѣдуетъ г. Калоусекъ, та же, которой держались и его предшественники по редакціи «Памятниковъ»; но нельзя не замѣтить, что отдѣлы: текущихъ археологическихъ извѣстій и библіографическій значительно имъ расширены и ведутся еще съ большею полнотой, чѣмъ въ предшествовавшихъ томахъ. Пагинація въ этомъ томѣ идетъ въ два столбца на каждой страницѣ.

Въ отдѣлѣ историко-топографическихъ и археологическихъ изслѣдованій десятаго тома напечатаны окончанія слѣдующихъ статей, начатыхъ еще въ прежнихъ томахъ: а) Фр. Смолика Слатинскаго—Кричъ и бывшее кричское владѣніе въ Пильзенскомъ округѣ (стр. 41—56), б) Ант. Баума—Велиславова библія съ изображеніями, хранящаяся въ библіотекѣ князя Юрія Лобковицъ въ Прагѣ (стр. 93—104). Изъ новыхъ статей замѣчательны: в) А. Баума—Будечъ, съ рисунками въ текстѣ (стр. 5—14), г) Фр. К. Бенеша—Кутнагора и св. Якубъ подлѣ нея (стр. 135—142),—Крѣпость Сіонъ (стр. 207—222),—Деканскій костелъ св. Варѳоломея въ Раковницѣ (стр. 277—286), д) А. Ч. Людикара—Стрѣлогоштицкія древности, съ 5-ю рисунками въ текстѣ (стр. 13—18), е) І. Моттля—Кладенскіе изъ Кладна, генеологическій очеркъ съ родословною таблицею (стр. 17—28),—Слѣды изчезнувшихъ селеній въ округѣ Унгоштскомъ (стр. 329—344, 514—520), ж) А. Рыбички—Шляхетскія фамиліи въ городѣ Хрудимѣ въ XV—XVII столѣтіяхъ (стр. 27—42),—Гербовныя фамиліи въ Пильзенскомъ округѣ (стр. 261—274),—Обзоръ исторіи монастырей въ Чехіи (стр. 530—548), з) І. Пехвиля—Бывшее владѣніе Подграны въ Чаславскомъ округѣ, съ 2 генеологическими таблицами (стр. 55—68),—Археологическія прогулки по бывшему владѣнію Пардубскому (стр. 285—310, 570—588), и) М. Люснера—Погребальныя урны.

найденныя у Гыскова (стр. 91—94), і) Е. Чермака—Историческіе очерки Гостомицкихъ окрестностей въ Бероунскомъ округѣ (стр. 103—116),—Хронологическое обозрѣніе плательщиковъ въ Чаславскомъ краѣ по контрибуціоннымъ реестрамъ за 1622 годъ (стр. 319 330),—Озерныя поселенія (стр. 519—530), к) Велишскаго—Шлимановы находки въ Троѣ, съ рисунками (стр. 115—120), л) І. Пудиля—О древнихъ могилахъ въ Литомѣржицкомъ округѣ (стр. 201—208),—Могилы у Струпчицъ, Былины и Лысковецъ (стр. 431—436) —Бывшая крѣпость Билина и храмъ св. Петра, съ рисунками (стр. 435—4 2),—Романскій порталъ при храмѣ въ Новосѣдляхъ Жатецкаго округа, съ рисунками (стр. 482—486), м) І. К. Ройка—Гейтманы Градецкаго края (стр. 121—126), н) М. Дворшака—Списки высшихъ въ Чешскомъ королевствѣ плательщиковъ даней, наложенныхъ сеймами по случаю войнъ съ Турками въ 1599—1603 годахъ (стр. 125—136), о) М. Колара—Карлсгаусъ, крѣпость и мѣстечко въ Чехіи (стр. 141—154),—Археологическій съѣздъ въ Кіевѣ (стр. 163—168),—Древности въ Пильзенскомъ краѣ (стр. 247—262), п) Фр. Петеры Рогозницкаго—Святоянскій уѣздъ (стр. 153—164),—Велеградекъ въ Чехіи (стр. 547—552),—Извѣстія о древнемъ кладбищѣ у Либны (стр. 587—593), р) В. В. Томка—О родинѣ Арношта изъ Пардубицъ (стр. 167—170), с) І. Иречка—Житеницы въ XVII вѣкѣ (стр. 273—278),—Владѣнія пановъ Рожмберкскихъ (стр. 343—350),—О старочешскихъ музыкальныхъ инструментахъ (стр. 423—432), т) В. Штемберга—О рыцарскихъ и гербовныхъ фамиліяхъ въ Новомъ Быджовѣ за XVI и XVII столѣтія (стр. 309—320), у) Л. Шнайдра—Опытъ объясненія могильныхъ сосудовъ (стр. 349—353), ф) Фр. К. Бенеша и І. О. Мильтнера—Два Гельфенбурга, въ Прахенскомъ и Литомѣржицкомъ округахъ (стр. 221—248), х) А. Резка—Конфискованныя въ 1857 году имѣнія и ихъ распродажа (стр. 451—482), ц) І. Челяковскаго и А. Резка—Изысканія въ архивахъ Чешской земли (стр. 494—514), ч) І. Вавры—О шляхтѣ, жившей въ Колинѣ до 1520 года (стр. 551—570), ш) І. Калоусека—Объясненіе къ исторической картѣ Чехіи, съ самою картою (стр. 409—424,—издана и особымъ оттискомъ),—Археологическая прогулка къ Велелибамъ, Выклекамъ и Гаврану (стр. 486—494).

Въ отдѣлѣ текущихъ извѣстій, кромѣ мелкихъ свѣдѣній объ археологическихъ находкахъ въ Чешскихъ земляхъ, печатались постоянныя извѣстія о всѣхъ новостяхъ по археологіи другихъ европейскихъ земель. Въ библіографическомъ отдѣлѣ представлены отзывы о 51 книгѣ. Къ разсмотрѣннымъ нами тремъ выпускамъ десятаго тома приложено двадцать большихъ рисунковъ.

Уже изъ того библіографическаго обзора содержанія «Памятниковъ», который предложенъ нами здѣсь, можно видѣть, что главною задачею этого изданія было подробное описаніе чешской земли въ археологическомъ отношеніи, держась при этомъ порядка топографическаго: по жупамъ, округамъ, краямъ, уѣздамъ, околицамъ, городамъ, крѣпостямъ, мѣстечкамъ и другимъ урочищамъ; что описаніе это касалось не только памятниковъ изобразительныхъ художествъ, но и памятниковъ юридическаго, сословнаго и общественнаго быта; что число дѣятелей на этомъ полѣ не превышало однакоже 35 человѣкъ, имена коихъ почти постоянно встрѣчаются въ журналѣ изъ года въ годъ. Какъ бы то ни было, Археологическій Журналъ Чешскаго Музея, редакторами коего за первыя двадцать лѣтъ его существованія были Запъ и Зоубекъ, а слѣдующія Іос. Калоусекъ, выполняя, по мѣрѣ возможности, предположенную для него программу, собирая матеріалы для археологической топографіи чешскихъ земель и распространяя между своими читателями свѣдѣнія объ уцѣлѣвшихъ до нынѣ и вновь открывающихся памятникахъ чешской старины, не смотря на скудость въ матеріальныхъ средствахъ, представляетъ не менѣе выдержанности и законченности, чѣмъ изданія подобнаго рода въ болѣе крупныхъ центрахъ европейской ученой дѣятельности. Но, служа повидимому только мѣстнымъ интересамъ, Чешскій Археологическій Журналъ тѣмъ самымъ получилъ особенную цѣнность для всѣхъ любителей славянской старины и ея памятниковъ.

III.

Нѣкоторыя указанія и соображенія относительно движенія археологическихъ занятій и литературы у Словинцевъ, Чеховъ (съ Моравянами), Лужичанъ и Поляковъ.

Д. чл. А. А. Котляревскаго.

Органами археологическихъ занятій у Словинцевъ были въ прежнее время «Mittheilungen des historischen Vereins», выходившія въ Люблянѣ съ 1846 г. Тамъ помѣщено значительное количество работъ, имѣющихъ не одинъ только мѣстный интересъ, а главное—всегда подробные и обстоятельные указатели археологическихъ книгъ и статей, относящихся къ южнымъ Славянамъ. Нынѣ ежегодникъ этотъ прекратился, и самое Общество, кажется, разложилось и перешло въ Общество Словинской Матицы, которая уже издала нѣсколько томовъ «Лѣтописи», заключающей много статей, касающихся словинской древности. Словинскіе ученые еще недостаточно усвоили себѣ точные пріемы антикварной науки: еще нерѣдко между ними встрѣтишь антикваровъ-энтузіастовъ, мечтателей въ родѣ покойнаго Коллара, Данковскаго, Воланскаго и др. Таковы, напр., миѳологическія работы Терстеняка, который главнымъ образомъ наполняетъ «Лѣтопись» своими антикварными произведеніями. Лучшіе и болѣе осторожные изслѣдователи принадлежатъ къ Вѣнскому «Обществу антропологіи», въ Mittheilungen котораго напечатано уже много замѣчательныхъ работъ по югославянскимъ древностямъ.

Еще недавно у Чеховъ (съ Моравянами) интересъ къ археологическимъ занятіямъ былъ сильно возбужденъ, чему свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что книга Воцеля «Pravek zeme Ceské» быстро разошлась и не находится болѣе въ продажѣ. Но въ настоящее время, подъ вліяніемъ лихорадочной погони за политикой, этотъ интересъ ослабѣлъ. Органъ чешской археологической науки «Pamatky archeologicky» не могъ держаться въ прежнемъ объемѣ: онъ сократился, и

вмѣсто двухмѣсячника, сталъ ежегодникомъ. Впрочемъ до сей поры въ немъ можно встрѣтить не мало важныхъ археологическихъ трудовъ, хотя нельзя не видѣть, что ему недостаетъ новаго Воцеля. Соревнуя Чехамъ, и Нѣмцы въ Прагѣ, вотъ уже 14 лѣтъ, имѣютъ свой органъ: «Mittheilungen des Vereins zur Geschichte der Deutschen in Böhmen». Онъ также не чуждъ интересу къ древности и представилъ не мало статей; въ этомъ отношеніи замѣчательны изъ нихъ о древне-чешскихъ могилахъ и военныхъ постройкахъ (городищахъ), которыя принадлежатъ Оредишу, Кинцу и др. Весьма важный археологическій интересъ находится въ изданіи «Сочиненій Моравско-Силезскаго Общества для экономическаго изслѣдованія страны» (Schriften der historisch-statistischen Section des Mährisch-statistischen Gesellschaft). Эти труды издаются съ 1851 года. Къ сожалѣнію, они почти неизвѣстны не только у насъ, но даже и въ самой Чехіи, потому что только рѣдкіе томы ихъ поступаютъ въ продажу. Здѣсь помѣщены археологическія работы Хлулицкаго, Эльверта и др. Въ отношеніи исторіи, культуры и литературы сборники эти неоцѣненны.

У Лужичанъ археологическая дѣятельность по самому положенію и состоянію ихъ, естественно, очень слаба. Болѣе Славянъ здѣсь дѣлаютъ Нѣмцы, именно «Лужицкое Общество въ Гёрлицѣ», издающее неутомимо свой «Новый Магазинъ» (вышло около 50 томовъ). Лужичане-нѣмцы имѣютъ превосходную археологическую библіографію своей старины, составленную Пешекомъ и напечатанную въ работахъ Лужицкаго Общества натуралистовъ. Впрочемъ и собственные Лужичане (т. е. Славяне) начинаютъ мало по малу обнаруживать большой интересъ къ изученію своей древности, чему доказательствомъ служитъ статья о Лужицкихъ могилахъ, недавно напечатанная въ «Часописи» Лужицкой Матицы и представляющая обстоятельный сводъ свѣдѣній по этому предмету. Здѣсь также нужно упомянуть и о новой книгѣ Рих. Андре—Wendische Wanderstudien, содержащей въ себѣ интересную главу о Лужицкихъ городищахъ. Гораздо дѣятельнѣе и важнѣе археологическія разысканія нѣмецкой науки на почвѣ давно угасшихъ Балтійскихъ Славянъ. Они сосредоточиваются въ двухъ мѣстахъ, въ двухъ учебныхъ обществахъ: въ Мекленбургѣ—въ Обществѣ Мекленбургской исторіи и древности, и въ Штеттинѣ—въ Обществѣ Поморской исторіи и древности. Первое Общество издаетъ свои Jahrbücher, второе—Baltische Studien; оба по временамъ заключаютъ въ себѣ цѣлый рядъ работъ высокой важности для славянскаго археолога. Для примѣра укажу только на послѣднія, по инициативѣ прусскаго правительства предпринятыя раскопки на островѣ Руянѣ (Рюгенѣ), помѣщенныя въ послѣднихъ книгахъ Baltische Studien.

У Поляковъ археологическая дѣятельность снова оживаетъ. Причина этого явленія заключается съ одной стороны въ основаніи Краковской Академіи, которая умѣла поощрить археологическія разысканія и даже снаряжаетъ цѣлыя археологическія экспедиціи; съ другой—въ учрежденіи русскихъ археологическихъ съѣздовъ. Въ «Засѣданіяхъ» Краковской Академіи уже помѣщено нѣсколько археологическихъ раскопокъ г. Киркора. Сверхъ того, въ Краковѣ уже 4-й годъ издается г. Крыжановскимъ «Археологическій Ежегодникъ», гдѣ, кромѣ спеціальныхъ ученыхъ трудовъ, находитъ мѣсто и археологическая библіографія (польская, конечно), и всякія другія указанія на археологическіе предметы, чтенія и сообщенія. Во Львовѣ весьма дѣятельно трудится на археологическомъ полѣ г. Кунасевичъ, издавшій уже нѣсколько трудовъ по мѣстнымъ, галицкимъ древностямъ. На страницахъ журнала «Ученый Путеводитель» можно также найдти нѣсколько замѣчательныхъ археологическихъ разысканій. Еще живѣе идетъ изслѣдованіе въ собственномъ царствѣ Польскомъ. Превосходнаго сборника г. Завиши «Археологическія Вѣдомости», содержащаго въ себѣ труды многихъ польскихъ ученыхъ, съ отчетливыми, изящными изображеніями, выходитъ уже 3-й томъ. Профессоръ А. И. Павинскій ежегодно производилъ раскопки и успѣлъ уже положить основаніе для археологическаго Музея Привислянскаго края. Нельзя не обратить вниманія на его послѣдніе труды: «Кладбище въ Добрышицахъ» и рѣчь «О доисторическомъ времени въ царствѣ Польскомъ». Слѣдя за движеніемъ археологической литературы у Поляковъ, приглядываясь къ разнообразнымъ обнаруживаніямъ любви и интереса къ археологическимъ разысканіямъ, прислушиваясь къ сужденіямъ самихъ Поляковъ,—нельзя не признать, что оживленію этихъ научныхъ интересовъ содѣйствовали преимущественно русскіе археологическіе съѣзды.

Москва. 6 ноября 1875 г.

ПРОТОКОЛЫ

ЗАСѢДАНІЙ

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

№ 105. 12 марта 1875 года. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя К. К. Гёрца, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, А. Н. Андреева, В. Б. Антоновича, А. Н. Веселовскаго, А. А. Гатцука, И. Е. Забѣлина, Д. И. Иловайскаго, А. А. Мартынова, А. Н. Попова, Н. А. Попова, А. В. Рачинскаго, Н. П. Розанова, М. М. Фомина и секретаря Общества В. Е. Румянцова.

1. Читаны и подписаны протоколы двухъ предыдущихъ засѣданій—30 января и 17 февраля.

2. Товарищъ предсѣдателя прочелъ отчетъ казначея Общества о приходѣ и расходѣ суммъ Московскаго Археологическаго Общества съ 26 февраля 1874 по 17 февраля 1875 года.

3. Секретарь доложилъ слѣдующія поступившія бумаги:

а) Отъ д. членовъ: М. Ф. Кусцинскаго, Н. И. Суворова и чл. корр. А. В. Рачинскаго—отношенія, съ изъявленіемъ благодарности за избраніе ихъ въ члены Общества.

б) — чл. корр. А. Рамбо, изъ Нанси, письмо на имя графа А. С. Уварова, въ которомъ онъ извѣщаетъ объ имѣющемъ быть въ Нанси международномъ американскомъ съѣздѣ и обращается къ Московскому Археологическому Обществу съ вопросами, не приметъ ли оно участіе въ этомъ съѣздѣ и не можетъ ли указать русскихъ ученыхъ, занимающихся археологіею, языками и этнографіею Америки вообще, или бывшей россійской Америки, которые или сами лично могли бы явиться на вышеозначенный съѣздъ, или прислать свои рефераты и труды.

Опредѣлено: означенное сообщеніе г. Рамбо принять къ свѣдѣнію.

в) Отъ Управленія Музея имени Государя Наслѣдника Цесаревича отношеніе отъ 7 марта за № 80, въ которомъ Управленіе предлагаетъ Обществу, не признаетъ ли оно возможнымъ назначить изъ своей среды одного члена въ Коммиссію, назначаемую для оцѣнки имѣющихъ быть представленными къ первому мая текущаго года проектовъ зданія Музея имени Государя Наслѣдника Цесаревича.

Согласно предложенію нѣкоторыхъ членовъ засѣданія, избранъ для присутствія въ означенной Коммиссіи товарищъ предсѣдателя К. К. Гёрцъ, заявившій впрочемъ, что онъ можетъ принять участіе въ дѣйствіяхъ Коммиссіи только въ теченіе мая мѣсяца, такъ какъ въ іюнѣ онъ предполагаетъ уѣхать за границу.

г) Отъ д. чл., профессора Харьковскаго университета Н. Я. Аристова письмо на имя графа А. С. Уварова, въ которомъ онъ проситъ Общество о назначеніи ему пособія, въ количествѣ 70 рублей, для предположенной имъ раскопки нынѣшнею весною одного большаго кургана съ каменной бабой на верху его, находящагося вблизи г. Харькова.

Принимая особенно во вниманіе то, что г. Аристовъ думаетъ совершить эту раскопку въ присутствіи студентовъ Харьковскаго университета, которымъ въ настоящемъ году онъ читалъ курсъ русскихъ древностей, а также имѣя въ виду дороговизну рабочихъ рукъ въ Харьковѣ, Общество опредѣлило: выдать г. Аристову въ пособіе семьдесятъ пять рублей, съ тѣмъ чтобы, согласно своему предложенію, г. Аристовъ представилъ въ Общество какъ журналъ своей раскопки, такъ и всѣ вещи, которыя могутъ быть найдены въ означенномъ курганѣ.

д) Отъ чл. корр. Т. В. Кибальчича два отношенія: въ первомъ онъ, по дошедшимъ до него слухамъ, извѣщаетъ о нѣкоторыхъ археологическихъ находкахъ около г. Борзны въ 1872 и 1873 годахъ (пропавшихъ впрочемъ большею частію безслѣдно), именно: кромѣ монетъ гор. Пантикапеи и римскихъ, о находкѣ серебряныхъ трехугольныхъ монетъ и серебрянаго блюда, покрытаго клинообразными надписями и изображеніями, будто бы, животныхъ. Во второмъ отношеніи г. Кибальчичъ проситъ Общество выслать ему свидѣтельство на производство археологическихъ раскопокъ на собственный счетъ, въ теченіе 1875 года, въ Черниговской губерніи, недалеко отъ г. Борзны, именно—на предполагаемой имъ, г. Кабальчичемъ, мѣстности древняго города Бѣлыя Вежи.

Опредѣлено: выдать г. Кибальчичу просимое имъ свидѣтельство, съ тѣмъ, чтобы онъ, для ознакомленія Общества съ результатами своихъ изслѣдованій, сообщилъ оному какъ подробный журналъ своихъ раскопокъ, такъ и найденныя при этомъ вещи. При этомъ нѣкоторые изъ членовъ засѣданія замѣтили, что г. Кибальчичъ ошибочно отождествляетъ Бѣлыя Вежи Черниговской губерніи съ городомъ того же имени, упоминаемымъ въ первоначальной нашей лѣтописи подъ 965 годомъ.

4. Товарищъ предсѣдателя доложилъ, что д. чл. графъ Вогюэ, приславъ въ даръ Обществу свое сочиненіе Stèe de Vehawmelek, roi de Gebal, присоединяетъ къ этому въ письмѣ на имя гр. А. С. Уварова обѣщаніе

выслать въ Общество и всѣ другія свои сочиненія, а также благодарить Общество за присланный ему дипломъ на званіе дѣйствительнаго члена.

5. Секретарь доложилъ о разныхъ поступившихъ въ библіотеку Общества пожертвованіяхъ и пріобрѣтеніяхъ:

А) СНИМКАМИ И ГРАВЮРАМИ.

а) Отъ чл. корр. А. В. Рачинскаго: 10 экземпляровъ снимковъ съ славянорусской надписи 1420 года на колоколѣ, найденномъ имъ въ селеніи Неводницѣ.

б) Отъ чл. корр. Н. А. Голышева 28 русскихъ старыхъ гравюръ лицевыхъ святцевъ, изъ коихъ 17—неизвѣстнаго гравера, а 10 гравированы Иваномъ Любецкимъ, въ первой четверти XVIII вѣка.

Б) КНИГАМИ И БРОШЮРАМИ.

а) Въ обмѣнъ на изданія Общества, отъ директора Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ, барона Ѳ. А. Бюлера, получены всѣ изданія Коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ (14 названій, въ 20 томахъ).

б) отъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей—его отчетъ, съ 14 ноября 1873 г. по 14 ноября 1874 г. Одесса, 1875.

в) — Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи—его отчетъ за 1874 годъ.

г) — Министерства Народнаго Просвѣщенія—Журналъ за февраль 1875 г. Спб. 1875.

д) — Императорскаго Харьковскаго Университета—Записки 1874 года, томъ II.

е) — Нижегородскаго Статистическаго Комитета—Нижегородскій Сборникъ, издаваемый Комитетомъ подъ редакціею д. чл. и секретаря Комитета А. С. Гацисскаго, томъ V. Нижній Новгородъ, 1875.

ж) — редакціи журнала при братствѣ Св. Петра митрополита—Братское слово.

з) Архангельскія Вѣдомости 1875 года, №№ 6—8, 12, 17 и 18.

и) отъ д. чл. М. М. Фомина—«Славянскія древности», соч. П. Г. Шафарика, переводъ съ чешскаго О. Бодянскаго, I т. книги 1 и 2; II т. книги 1, 2 и 3. Изданіе второе. Москва, 1848 г.

і) отъ д. чл. А. А. Гатцука—первые десять №№ издаваемой имъ газеты.

к) — чл. корр. А. Хованскаго- Филологическія записки. Выпускъ VI. 1874 г. Воронежъ.

л) — Юго-славянской Академіи: 1. Rad Iugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti. Knjiga XXIX. U Zagrebu. 1874. 2. Knjižnica Gajeva ogled bibliografijskich Studija. Spisao i na sviet izdao Velimir Gaj. Zagreb. 1875.

м) Slavjan. Časnik slovstven i uzajemen za Slavjane književne i prosvětljene. Ureduje i na světlo dava Matija Majar. 1874, god II. U Celovcě.

н) — Мюнхенской Королевской Академіи Наукъ—Abhandlungen der philosophisch - philologischen Classe der Königlich - Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Dreizehntes Bandes zweite Abtheilung. München, 1874.

о) — чл. корр. Ванкеля: Skizzen aus Kiev. Wien, 1875.

п) — Месторфа, изъ Гамбурга - Der internationale archeologische und anthropologische Congress in Stokholm, bis an 7 August. 1874. Siebente Versammlung, von I. Mestorf. Hamburg, 1874.

Определено: изъявить жертвователямъ благодарность Общества.

6. Товарищъ председателя К. К. Гёрцъ изложилъ сущность присланной для напечатанія статьи д. чл. В. Г. Тизенгаузена, въ которой онъ представляетъ критическій разборъ новыхъ соображеній г. Бурачкова о Геродотовой Скиѳіи, высказанныхъ симъ послѣднимъ въ своемъ сочиненіи «О мѣстоположеніи древняго города Каркинитеса».

Опредѣлено: передать статью въ Редакціонный Комитетъ.

7. Товарищъ предсѣдателя К. К. Гёрцъ предложилъ сообщеніе объ одномъ неизданномъ скиѳскомъ памятникѣ.—И. Е. Забѣлинъ, раскапывая въ 1868 году скиѳскіе курганы, изслѣдовалъ курганъ, называемый «Могила Цимбалова», близъ селенія Большой Бѣлозерки, Таврической губ. Мелитопольскаго уѣзда. Къ сожалѣнію, главная земляная гробница оказалась уже расхищенною. Но на западной сторонѣ кургана, въ недальнемъ разстояніи отъ главной гробницы, г. Забѣлинъ нашелъ нетронутую грабителями гробницу коней. Извѣстно, что, по скиѳскому обычаю, съ царями хоронились: одна наложница его, кравчій, поваръ, конюшій и кони. Кромѣ многочисленныхъ украшеній конской сбруи, г. Забѣлинъ нашелъ на головѣ двухъ коней двѣ тонкія золотыя пластинки, которыя шли отъ лба до ноздрей. На одной изъ этихъ пластинокъ или наносниковъ въ рельефѣ изображена фигура, держащая за рога двухъ змѣй; на другой—два грифона, терзающіе оленя. На первую изъ этихъ пластинокъ референтъ обратилъ вниманіе членовъ Общества и представилъ съ нея рисунокъ въ величину оригинала, получивъ согласіе Императорской Археологической Коммиссіи на объясненіе и изданіе этого памятника. Описавъ подробно изображеніе женской фигуры и разныхъ деталей, ее окружающихъ, К. К. Гёрцъ, по художественному стилю, отнесъ памятникъ къ произведеніямъ греческаго искусства III или II вѣка до Р. Х. и, вмѣстѣ съ тѣмъ, указалъ на сильное вліяніе востока, обнаруживающееся въ памятникѣ. Но какая богиня изображена на памятникѣ? Греки, любившіе ассимилировать чужихъ боговъ съ своими, увидавъ чужеземное изображеніе богини, окруженной звѣрями, назвали ее персидскою Артемидою. Эта богиня, у Персовъ называемая Анахитъ, пользовалась большимъ уваженіемъ въ Вавилоніи, Персіи, Арменіи, Малой Азіи и Сиріи. Греческое искусство изъ послѣднихъ двухъ странъ перенесло ея образъ въ Европу, и Анахитъ является часто изображенною какъ на греческихъ и италійскихъ памятникахъ, такъ и на скиѳскихъ. Въ первомъ выпускѣ «Геродотовой Скиѳіи» изданы золотыя пластинки съ несомнѣн-

нымъ изображеніемъ этой богини, весьма схожимъ съ разсматриваемымъ памятникомъ. Но ближайшее его изученіе убѣдило г. Герца, что на немъ изображена не Анахитъ, а другая скиѳская богиня. Именно, богиня держитъ за рога двухъ змѣй, имѣющихъ головы четвероногихъ чудовищъ— геніевъ зла, которыхъ побѣждаетъ царь на персидскихъ памятникахъ. Слѣдовательно, на памятникѣ изображена богиня, торжествующая надъ принципомъ зла. Можно предположить, что это—Афродита-Уранія, о культѣ которой у Скиѳовъ говоритъ Геродотъ. Во всякомъ случаѣ, новооткрытый памятникъ свидѣтельствуетъ, на ряду съ филологическими доказательствами, въ пользу иранскаго происхожденія Скиѳовъ.

№ 106. Въ открытомъ вслѣдъ затѣмъ экстренномъ засѣданіи избраны въ дѣйствительные члены:

Владиміръ Степановичъ Иконниковъ и Филиппъ Алексѣевичъ Терновскій, въ Кіевѣ; Димитрій Александровичъ Корсаковъ, въ Казани: Стоянъ Новаковичъ, въ Бѣлградѣ; баронъ Ѳедоръ Андреевичъ Бюлеръ, въ Москвѣ.

№ 107. Апрѣля 25 дня 1875 года. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: Е. В. Барсова, барона Ѳ. А. Бюлера, К. К. Гёрца, Д. И. Иловайскаго, В. О. Ключевскаго, А. А. Мартынова, П. И. Мельникова, В. Ѳ. Миллера, Е. И. Перетятковича, Н. А. Попова, А. В. Рачинскаго, М. М. Фомина и секретаря Общества В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Секретарь доложилъ о поступленіи слѣдующихъ приношеній книгами:

а) Отъ Императорскаго Казанскаго Университета «Извѣстія и ученыя записки», годъ XLII, 1875 г. № 1 (январь—февраль).

б) — Министерства Народнаго Просвѣщенія «Журналъ» (мартъ и апрѣль), 1875 г.

в) — Императорскаго Харьковскаго Университета: 1. Записки—т. III. Харьковъ, 1874. 2. Извлеченіе изъ отчета и дѣятельности его за 1873 годъ. Харьковъ, 1874. 3. Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII вѣка, Владимірскаго-Буданова. Ярославль, 1874. 4. Изъ записокъ по Русской грамматикѣ, А. Потебни: а) Введеніе. Воронежъ, 1874 года; б) Составные члены предложенія и ихъ замѣны въ русскомъ языкѣ. Харьковъ, 1874.

г) — Московскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи: 1. Генезисъ въ типѣ пальмеллевидныхъ водорослей, опытъ сравнительной морфологіи, И. Горожанкина. Москва, 1875 г. 2. Остеологія двухъ ископаемыхъ видовъ изъ группы копытныхъ, В. О. Ковалевскаго. Москва, 1875 г.

д) — П. Н. Батюшкова: 1. Памятники русской старины въ западныхъ

губерніяхъ Имперіи. издаваемые по Высочайшему повелѣнію. Выпускъ шестой, рисунки. Спб. 1874; 2. Текстъ къ рисункамъ. Спб. 1874.

е) — Вятскаго Статистическаго Комитета: Отчетъ о дѣйствіяхъ и занятіяхъ Комитета за 1873 годъ. Вятка, 1873.

ж) — Псковскаго Статистическаго Комитета: Памятная книжка Псковской губерніи на 1875 г. Псковъ, 1875.

з) — Сербской Матицы: 1) Летопис Матице Српске 1874, уреднил Іован Бошковић, кньига 116. Нови Сад; 2) Дјела Іакова Игнатовића кньига прва. 1874, Нови Сад.

и) — Д. чл. Ф. Б. Дудика: Dějiny Moravy (od roku 906 až do r. 1125). V Praze, 1875.

і) — Словенской Матицы: 1. Zgodovina Avstrijsko-Ogrske monarchije. spisal Janko Krsnik. V Ljubljani, 1874; 2. Letopis Matice Slovenske za 1874. Uredil E. H. Costa. V Ljubljani, 1874.

к) — Професс. Любича: «Opis Jugoslavenskich Novaca». U Zagrebu, 1875.

л) — Русскаго дипломатическаго агентства въ Румыніи: «Епископъ Мельхиседекъ» —2-я часть его исторіи Романской епархіи. Букарестъ, 1875.

м) — Ю. Иверсена: 1. Словарь медальеровъ и другихъ лицъ, имена которыхъ встрѣчаются на русскихъ медаляхъ; 2. Неизданныя и рѣдкія русскія медали. Спб. 1874 г.; 3. двѣ брошюры по нумизматикѣ.

н) — Лифляндскаго Общества Mittheilungen aus der livländischen Gesellschaft, zwölften Bandes, erstes Heft. Riga, 1875.

о) — Эстонскаго общества исторіи и древностей «Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen-Russlands, aus dem Jahre 1874. Riga, 1875.

3. Доложены слѣдующія поступившія бумаги:

а) Отъ д. членовъ: барона Ѳ. А. Бюлера, В. С. Иконникова, Ф. А. Терновскаго, Д. А. Корсакова и чл. корреспондентовъ: Леже и Ванкеля письма, съ выраженіемъ благодарности за избраніе ихъ въ члены общества и обѣщаніемъ содѣйствовать ему своими трудами. При этомъ баронъ Ѳ. А. Бюлеръ представилъ годовой членскій взносъ (10 рубл.), а В. С. Иконниковъ, какъ предсѣдатель Кіевскаго Общества Нестора Лѣтописца, обращается къ Московскому Археологическому Обществу съ просьбою о высылкѣ ему изданій въ образующуюся при Обществѣ Нестора Лѣтописца спеціальную библіотеку, взамѣнъ чего Общество Нестора, по мѣрѣ выхода своихъ изданій, будетъ доставлять ихъ въ Московское Археологическое Общество.

Опредѣлено: членскій взносъ барона Ѳ. А. Бюлера передать въ кассу Общества, въ Кіевское же Общество Нестора Лѣтописца выслать всѣ изданія Общества.

б) — Втораго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ и членовъ-корреспондентовъ: И. А. Голышева и Р. Г. Игнатьева— отношенія, съ изъявленіемъ благодарности за высланные имъ послѣдніе выпуски «Трудовъ Московскаго Археологическаго Общества».

в) — д. чл. Н. Я. Аристова—изъявленіе благодарности за назначенное

Обществомъ денежное пособіе для предположенной имъ археологической раскопки.

г) — Управленія Музея имени Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича — отношеніе отъ 19 текущаго апрѣля, въ которомъ Управленіе проситъ увѣдомить, кто изъ членовъ Общества назначенъ депутатомъ въ конкурсную коммиссію при Управленіи для разсмотрѣнія плановъ и фасадовъ зданія Музея.

Опредѣлено: Такъ какъ избранный въ засѣданіи 12-го марта депутатомъ д. чл. К. К. Гёрцъ въ настоящее время заявилъ, что, по случаю наступающихъ университетскихъ экзаменовъ, онъ не можетъ постоянно присутствовать въ означенной конкурсной коммиссіи, то назначить для этой цѣли кандидатомъ К. К. Гёрцу д. чл. Н. А. Артлебена (во Владимірѣ); извѣстить Н. А. Артлебена объ этомъ назначеніи, съ приглашеніемъ прибыть въ Москву къ 2 мая, и о настоящемъ опредѣленіи Общества увѣдомить Управленіе Музея.

д) — Бѣлозерской Градской Успенской церкви священника І. Барсова — письмо, при которомъ онъ, въ отвѣтъ на просьбу Общества, прислалъ имѣющійся у него списокъ рядной записки о построеніи упомянутой церкви въ 1553 г.

По разсмотрѣніи присланнаго списка рядной записки оказалось, что онъ не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго, что не было бы извѣстно по напечатаннымъ уже памятникамъ этого рода; почему и опредѣлено: возвратить означенную рядную записку о. І. Барсову, съ изъявленіемъ благодарности за присылку ея въ Общество.

4. Секретарь доложилъ о доставленіи въ Общество слѣдующихъ статей:

а) Отъ д. чл. К. Н. Тихонравова — Общій указатель къ доставленному въ Общество «Сборнику надписей на древне-русскихъ памятникахъ Владимірской губерніи, съ XIII по XVIII вѣкъ». Указатель этотъ состоитъ изъ 3 отдѣловъ: 1. именъ личныхъ, 2. названій географическихъ и 3. предметовъ.

б) — д. чл. барона Ѳ. А. Бюлера — объяснительная записка къ представленнымъ имъ на разсмотрѣніе Общества фамильнымъ его кипариснымъ складнямъ XVI в., украшеннымъ финифтью.

в) — чл. корресп. К. Евлентьева — исправленный и дополненный имъ «Указатель памятниковъ древности и старины въ г. Псковѣ и окрестностяхъ его».

Опредѣлено: выразить благодарность авторамъ за доставленныя ими статьи.

5. По поводу статьи Горожанскаго въ Моск. Вѣд. «О сохраненіи памятниковъ», предсѣдатель заявилъ, что на второмъ археологическомъ съѣздѣ былъ составленъ проэктъ объ устройствѣ особой коммиссіи для сохраненія памятниковъ. Этотъ проэктъ былъ представленъ г. Министру Народнаго Просвѣщенія, и въ скоромъ времени графъ А. С. Уваровъ надѣется въ Археологическомъ Обществѣ сообщить подробныя свѣдѣнія объ участи этого проэкта.

6. Предсѣдатель графъ А. С. Уваровъ сообщилъ свѣдѣнія о новыхъ

открытіяхъ, сдѣланныхъ при изслѣдованіи славянскихъ могилъ въ Познани и въ окрестностяхъ Штеттина.

7. Д. чл. В. Е. Румянцовъ довелъ до свѣдѣнія Общества, что работы по возстановленію древнихъ библіотечныхъ палатъ въ зданіи Синодальной типографіи окончены, и при этомъ сообщилъ свѣдѣнія о минувшихъ судьбахъ Типографской библіотеки и о настоящемъ ея составѣ.

8. Предсѣдателемъ графомъ А. С. Уваровымъ, В. Е. Румянцовымъ и Н. А. Поповымъ предложены въ дѣйствительные члены: Л. К. Ивановскій и И. И. Малышевскій; въ чл.-корр.—профессоръ Любичъ въ Загребѣ, И. И. Гавелька и Н. Е. Сѣверный.

№ 108. Ноября 6 дня 1875 года. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, Е. В. Барсова, барона Ѳ. А. Бюлера, А. Н. Веселовскаго. А. А. Гатцука, К. К. Гёрца, Л. В. Даля, Д. И. Иловайскаго, А. А. Котляревскаго, А. А. Мартынова, П. И. Мельникова, В. Ѳ. Миллера, А. Н. Попова, Н. А. Попова, В. А. Рачинскаго, Н. П. Розанова, графа М. В. Толстаго и секретаря Общества В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Предсѣдатель графъ А. С. Уваровъ заявилъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ Л. К. Ивановскій изслѣдовалъ, по порученію Общества, курганы на берегахъ рѣки Сити, въ мѣстности, извѣстной по пораженію Русскихъ татарами. Самъ же предсѣдатель производилъ археологическія раскопки сначала на погребальномъ полѣ Каменнаго вѣка близъ станціи Уткино, въ Ярославской губерніи, а потомъ на южномъ берегу Крыма, гдѣ изслѣдовалъ могилы первобытнаго времени, извѣстныя подъ названіемъ дольменовъ и кромлеховъ. Подробности о результатахъ этихъ раскопокъ будутъ сообщены въ одномъ изъ послѣдующихъ засѣданій.

Затѣмъ г. предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія собранія о послѣдовавшей во время лѣтнихъ вакацій кончинѣ члена-основателя Д. П. Сонцова и дѣйств. члена А. В. Горскаго.

3. Секретарь доложилъ о поступленіи въ Общество слѣдующихъ приношеній:

А) книгами:

а) Отъ Императорскаго Казанскаго Университета: «Извѣстія и ученыя записки», №№ 2—4 (мартъ—августъ), 1875 г.

б) — Императорскаго Харьковскаго Университета: «Записки», томъ I, 1875 г.

в) — Императорскаго Новороссійскаго Университета: «Записки», томъ XVI, 1875 г.

г) — Университета Св. Владиміра: «Университетскія извѣстія», годъ XV, 1875 г.

д) — Член.-корр. А. Рамбо: «L' empire grec au dixieme siècle. Constantin Porphyrogénète. par A. Rambaud». Paris. 1870.

е) — д. чл. В. С. Иконникова: 1) Николай Ивановичъ Новиковъ, издатель журналовъ 1769—85 гг., изслѣдованіе Незеленова (статья Иконникова изъ Универс. извѣст. 1875); 2) Обзоръ литературы Русской Исторіи за 1874 г. (изъ Универс. извѣстій за 1875); 3) Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій. Критико біографическій очеркъ (изъ Сборника «Древняя и Новая Россія», 1875).

ж) — чл. корр. А. А. Хованскаго: Филологическія записки. Выпуски 2—4. Воронежъ. 1875.

з) — Министерства Народнаго Просвѣщенія: Журналъ (май—октябрь) 1875 г.

и) — Казанскаго Губерн. Статистическаго Комитета: Отчетъ о дѣйствіяхъ Комитета за 1874 г. Казань, 1875.

і) — Тульскаго Губернскаго Статистич. Комитета: Общее собраніе Комитета 26 апрѣля 1875 г.

к) — Ярославскаго Губ. Статистическаго Комитета: Труды Комитета. Выпускъ 8. 1875.

л) — Нижегородскаго Губерн. Статистическаго Комитета: Общее собраніе Комитета 8 мая 1875 г.

м) — Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, томъ V, №№ 3 и 4: том. VI. №№ 1—3. Иркутскъ, 1875.

н) — княгини А. М. Хилковой: 1) О первоначальной русской лѣтописи. Кн. М. Оболенскаго. М. 1870 г.: 2) Изслѣдованія и замѣтки князя М. А. Оболенскаго по русскимъ и славянскимъ древностямъ. Спб. 1875 г.

о) — Предсѣдателя графа А. С. Уварова: 1) Dictionnaire raisonné de l' architécture française du XI au XVI siècle par M. Viollet-le-Duc. Paris 1854. 1856. 1857. Tom. 1—3. 2) Catalog der Sammlung von Mittelalter— und modernen Munzen und Medaillen. Frankfurt à M. 1875. 3) Mémoires de la Société royale des antiquaires du Nord. Nouvelle serie (1773—74). 4) Tillaeg til aarboger for nordisk Oldkyndighed og historie. Aargang. 1873. Udgivet af det kongelige nordiske Oldskrift-selskab. Kiobenhavn. 1774. 5) Un viaggio nell' archipelago Toscano, per l' ing. g. Pullé e C. W. Capacci Firenze 1874. 6) Der grafen Ludwig August Mellin bisher unbekannter Originalbericht über das angebliche Griechengrab an der livländischen Meeresküste. Mitgetheilt von Berkholz. Riga, 1875. 7) Skizzen aus Kiew. Von N. Wankel. Wien. 1875. 8) Tavole cronologiche critiche della storia della chiera universale, per Ignattio Nozzoni. 9) Benscheimer in Mannheim und Strassburg. Antiquarischer Catalog. Mannheim, 1875. 10) Ryszard z Krzyżanowic Choraży Krakowski legenda z wieku XI. Napisał Bogusz Zygmunt Steczynski. 11) Археологическія находки въ Кіевѣ и на Паромной Косѣ противъ Канева. А. Роговича.

п) — Кавказской Археографической Коммиссіи: Акты, томъ VI. ч. 2. Тифлисъ. 1875.

р) — Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей: Notice

sur la Société Impériale Odessoise d' Histoire et d' Antiquités et sur ses mémoires. Odessa, 1875.

с) — Румынскаго Академическаго Общества: 1) Dictionarium limbei romane. Tom I; 2) Gramatica romana de Cipariu; 3) Annalile societátei academice Romane. 7 vol.; 4) Cantemiru descriptio Moldaviae.

т) — Чл.-корр. И. А. Голышева: Воспоминаніе объ А. И. Артемьевѣ (изъ Сборника «Древняя и Новая Россія»).

у) — П. Н. Батюшкова: Древности Западнаго края.

ф) — д. чл. Архимандрита Амфилохія—изданія его: 1) Жизнь Преподобнаго Иринарха. М. 1875; 2) О самодревнѣйшемъ октоихѣ XI вѣка, найденномъ А. Ѳ. Гильфердингомъ. М. 1875.

х) — д. чл. Н. П. Розанова: Описаніе московскихъ церквей (изъ Чтеній въ Моск. Общ. Истор. и Древностей). М. 1875.

ц) — д. чл. Ю. Б. Иверсена: Медали въ память графа А. П. Бестужева-Рюмина. Спб. 1875.

ч) — профессора Павинскаго: Доисторическое время въ царствѣ Польскомъ (рѣчь).

б) вещами:

Отъ чл. корр. И. А. Голышева: Старинное женское головное украшеніе, вынизанное сибирскимъ жемчугомъ.

Опредѣлено: изъявить жертвователямъ благодарность Общества

4. Секретарь доложилъ о поступленіи въ Общество слѣдующихъ бумагъ:

а) Отъ Познанскаго Товарищества археологическихъ наукъ отношеніе съ препровожденіемъ 11 фотографій съ древнихъ памятниковъ.

Опредѣлено: благодарить Познанское Ученое Товарищество и выслать ему IV т. Древностей Моск. Арх. Общества.

б) — Конференціи Историко-филологическаго института князя Безбородко отношеніе съ просьбою о безплатномъ доставленіи изданій Моск. Арх. Общ. во вновь устроиваемую Институтскую библіотеку.

Опредѣлено: выслать въ Институтъ безплатно изданія Общества.

в) — Новгородской Губернской Земской Управы отношеніе, въ которомъ она проситъ Общество поручить кому-либо изъ членовъ осмотрѣть историческій отдѣлъ Земскаго музея въ Новгородѣ и опредѣлить достоинство и цѣну каждаго предмета.

Опредѣлено: увѣдомить Управу, что Общество, до наступленія лѣтняго времени, не можетъ исполнить ея просьбы о порученіи кому-либо изъ своихъ членовъ осмотра Новгородскаго Земскаго музея, и вмѣстѣ просить Управу о предварительной высылкѣ въ Общество каталога памятниковъ Музея.

г) — графа Палена письмо съ изъявленіемъ благодарности за избраніе его почетнымъ членомъ Общества.

д) — д. члена Н. Я. Аристова письмо съ возвращеніемъ оставшихся неизрасходованными 75 рублей, высланныхъ ему Обществомъ на раскопку кургана около Чугуевой дороги.

Определено: присланныя деньги внести въ кассу Общества.

е) — д. чл. Барона Ѳ. А. Бюлера письмо съ присылкою въ Общество полученныхъ имъ отъ И. Е. Шевича фотографій съ Коробовскаго дома въ Калугѣ и съ проэкта его реставраціи.

Определено: выразить И. Е. Шевичу благодарность Общества.

ж) — графа Брохль-Платера письмо, въ которомъ онъ, увѣдомляя, что Институтъ Оссолинскаго въ Львовѣ желаетъ войти въ сношенія съ Моск. Археол. Обществомъ и предлагаетъ въ обмѣнъ на свои изданія получать изданія Общества, проситъ о высылкѣ въ Институтъ изданій Общества.

Определено: обратиться прямо къ куратору Института графу Красинскому, съ изъявленіемъ готовности Общества вступить въ непосредственныя сношенія съ Институтомъ Оссолинскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ препроводить къ нему всѣ изданія Общества.

з) — чл. корр. Р. Г. Игнатьева отношеніе съ препровожденіемъ статьи: «Древности Оренбургской губерніи, или текстъ къ составленной г. Черниковымъ-Анучинымъ археологической картѣ этой губерніи», и обѣщаніемъ прислать текстъ къ археологической картѣ Уфимской губерніи.

Определено: автора благодарить, а статью передать въ редакціонный Комитетъ.

5. Председатель сообщилъ о высланныхъ имъ слѣпкахъ съ двухъ каменныхъ изваяній, найденныхъ въ окрестностяхъ Штуттгардта и очень любопытныхъ по сходству съ нашими каменными бабами. Сверхъ того, онъ показалъ модели 3-хъ германскихъ гробницъ, приблизительно Меровингскаго времени, и добавилъ, что полезно было бы для нашей отечественной археологіи имѣть подобныя модели съ разныхъ гробницъ, находящихся въ Россіи.

6. Затѣмъ председатель показалъ два каменныхъ топора: одинъ доломитовый, найденный въ Тверской губ., въ Весьегонскомъ уѣздѣ, въ г. Красномъ Холмѣ, на Соборной горѣ Преображенской, при выемкѣ земли на глубинѣ отъ 1 до $1^1/_2$ саж.; другой діоритовый, найденный въ Кологривскомъ уѣздѣ на полѣ села Онуфріевскаго.

7. Отъ г. Базилевскаго прислана на разсмотрѣніе Общества церковная пелена, шитая золотомъ, вѣроятно въ XVII вѣкѣ; вокругъ нея грузинскія надписи. Общество, находя эту пелену весьма замѣчательною, просило председателя снять съ надписи копію и препроводить для разобранія къ академику Броссе.

8. Д. чл. А. А. Котляревскій представилъ нѣкоторыя указанія и соображенія относительно движенія археологическихъ занятій и летературы у западныхъ Славянъ. Передавая ихъ въ сокращеніи, онъ на этотъ разъ остановился на Словинцахъ, Чехахъ (съ Моравянами), Лужичанахъ и Полякахъ.

Д. чл. В. Е. Румянцовъ сдѣлалъ слѣдующія сообщенія:

а) О древнихъ надгробныхъ надписяхъ въ московской церкви св. Николая, что въ Башмаковѣ, или въ Башмачкахъ.

б) Далѣе В. Е. Румянцовъ сообщилъ, что между рукописями библіотеки Печатнаго двора хранится харатейный Уставъ съ кондакаремъ, относящійся

по всѣмъ палеографическимъ признакамъ къ XI вѣку. На нѣкоторыхъ листахъ этой книги, на поляхъ, сдѣланы перомъ рисунки разнаго содержанія, повидимому съ символическимъ значеніемъ, которое впрочемъ не легко объяснить, такъ какъ рисунки большею частію не представляютъ связи съ самымъ текстомъ, подлѣ котораго они помѣщены. Но здѣсь, по замѣчанію референта, важенъ не символизмъ изображеній: въ высшей степени важны самые рисунки для бытовой археологіи той отдаленной эпохи, отъ которой мы отстоимъ на 8 вѣковъ и наслѣдовали слишкомъ мало вещественныхъ памятниковъ. Въ этихъ рисункахъ, которые референтъ представилъ въ калькахъ, изображены фигуры людей въ одеждахъ простыхъ и воинскихъ того времени, съ разными хозяйственными орудіями и домашними принадлежностями; деревянная церковь съ молящимся передъ нею; благословляющій ангелъ и святой (вѣроятно, прор. Илія, питаемый вранами въ пустынѣ).

в) Наконецъ, по докладу В. Е. Румянцова, въ той же библіотекѣ находится рукописный оригиналъ, съ котораго печатался номоканонъ при требникѣ, изданномъ въ Москвѣ въ 1634 году, заключающій въ себѣ, между прочимъ, постановленіе объ употребленіи 7 просфоръ на проскомидіи. Этимъ номоканономъ глаголемые старобрядцы доказываютъ, какъ извѣстно, древность седмипросфорія. Между тѣмъ, самый оригиналъ номоканона обнаруживаетъ противное. Въ статьѣ о просфорахъ въ немъ первоначально было написано «пять просфоръ да имаши»; но тогдашніе исправители, приготовляя эту рукопись къ печати, слово «пять» зачеркнули и написали сверху «седмь», прибавивъ двѣ особыя просфоры за патріарха и царя.

№ 109. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ экстренномъ засѣданіи избраны: а) въ члены дѣйствительные: А. К. Ивановскій и И. И. Малышевскій; б) въ члены-корресподенты: Любичъ, И. И. Гавелька и Н. Е. Сѣверный.

Предложены въ дѣйствительные члены: В. М. Жемчужниковъ и профессоръ Роговичъ.

№ 110. 1875 года декабря 2 дня. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Мсковскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, Е. В. Барсова, Н. П. Бочарова, барона Ѳ. А. Бюлера, Л. В. Даля, Т. В. Кибальчича, А. А. Мартынова, И. Д. Мансветова, В. Ѳ. Миллера, В. А. Рачинскаго, П. П. Розанова, графа М. В. Толстаго и секретаря Общества В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2. Чл. корресп. Л. В. Даль доложилъ о сдѣланномъ имъ по порученію Общества осмотрѣ Китай-городской башни, просимой Обществомъ Теплыхъ рядовъ въ пользованіе, и представилъ по этому вопросу свое заключеніе.

Опредѣлено: увѣдомить Департаментъ Полиціи Исполнительной, что Московское Археологическое Общество, согласно заключенію Л. В. Даля, признаетъ необходимымъ, для сохраненія башни отъ всякаго поврежденія: а) очистить ее отъ пристроекъ, произвольно возведенныхъ Обществомъ Теплыхъ рядовъ, и уничтожить проведенную сквозь нее водосточную трубу: б) при передачѣ башни въ пользованіе этого Общества опредѣлить подробно, въ чемъ именно должно состоять это пользованіе. Затѣмъ необходимо составить планъ и чертежъ башни и вмѣнить Обществу въ обязанность не дѣлать никакихъ приспособленій, которыя могли бы повредить каменную кладку зданія.

3. Секретарь доложилъ о поступленіи слѣдующихъ приношеній:

А) КНИГАМИ.

а) Отъ Археографичеслой Коммиссіи: 1) XI томъ Дополненій къ Актамъ Историческимъ; 2) VIII томъ Актовъ Южной и Западной Россіи: 3) II томъ Русской Исторической Библіотеки; 4) Указатель къ 10-ти томамъ Дополненій къ Актамъ Историческимъ и 5) Указатель къ 8 томамъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, выпускъ 3-й.

б) — г. Лабарта «Histoire des arts industriels au moyen age et à l' époque de la Rennaissance, par Labarte. 3 тома. Paris, 1872—75.

Б) СЛѢПКАМИ.

Отъ художника Д. М. Струкова—три гипсовыхъ слѣпка съ древнихъ надписей, найденныхъ имъ въ Крыму въ 1871 году: а) въ селеніи Кучукъ-Узень, въ остаткахъ храма; в) въ деревнѣ Ай-Василь, также въ развалинахъ храма, и в) у подошвы горы Ай-Дагъ, въ откопанномъ храмѣ Ап. Петра и Павла.

Опредѣлено: выразить жертвователямъ благодарность Общества.

4. Секретарь доложилъ о присылкѣ писемъ отъ д. чл. И. И. Малышевскаго и чл. корресп. И. И. Гавельки, съ выраженіемъ благодарности за избраніе ихъ въ члены Общества.

5. Чл. корресп. Т. В. Кибальчичъ сдѣлалъ сообщеніе о древней иконѣ Богородицы, находящейся въ Христорождественской церкви въ г. Борзнѣ, замѣчательной по изображенію на ней Предвѣчнаго Младенца, обутаго въ сандаліи; затѣмъ принесъ въ даръ Обществу бронзовый серпъ, найденный въ мѣстечкѣ Котовкѣ, Новомосковскаго уѣзда Екатеринославской губерніи, а также отъ г. Самойлова—діоритовый молотокъ доселѣ еще неизвѣстной формы, найденный въ Княгининскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи. Затѣмъ Т. В. Кибальчичъ представилъ на разсмотрѣніе Общества каменныя орудія, найденныя въ Черниговской и Екатеринославской губерніяхъ.

6. Сверхъ того, принесены въ даръ Обществу:

а) отъ г. Арсеньева—янтарное ожерелье, серебряный браслетъ и другія вещи, выпаханныя на урочищѣ «Гетманскій яръ» въ Кіевской губерніи и

б) отъ д. чл. В. Е. Румянцова—три серебряныя монеты съ лицевыми изображеніями и латинскими надписями, повидимому, Бруно, епископа Вюрцбургскаго. Эти монеты доставлены ему купцомъ Москотильниковымъ и взяты изъ клада, найденнаго недавно въ Ярославскомъ уѣздѣ.

7. Предсѣдатель показалъ фотографіи каменныхъ бабъ, изваянія какого-то звѣря, двухъ изразцовъ съ рисунками, изъ развалинъ города Аблайкита, и трехъ нефритовыхъ орудій. Всѣ эти предметы находятся въ Барнаульскомъ Музеѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Уваровъ представилъ фотографіи сосудовъ, росписанныхъ красками и открытыхъ въ могилахъ около Познани и въ Силезіи, о которыхъ сообщалъ Обществу свѣдѣнія въ послѣднемъ засѣданіи передъ вакаціями.

8. Затѣмъ г. предсѣдатель изложилъ содержаніе статьи, присланной членомъ корресп. Н. П. Кондаковымъ, подъ заглавіемъ «Общія понятія о грузинской церковной архитектурѣ». Въ этомъ изслѣдованіи авторъ разсматриваетъ критически труды писателей, касавшихся грузинской архитектуры; потомъ указываетъ на отличительныя черты этой архитектуры и на возможность опредѣлять по нимъ время постройки грузинскихъ церквей, а въ заключеніе выражаетъ желаніе, чтобы археологія Кавказа взялась наконецъ рѣшительно за столь важные вопросы христіанскаго искусства, каковы вѣтви византійсккго искусства въ Грузіи и Кавказскомъ краю.

9. Д. чл. Е. В. Барсовъ сдѣлалъ сообщеніе о бронзовомъ изображеніи Распятія въ нѣдрѣ Архангела Михаила, принадлежащемъ собранію г Типольта. Значеніе этого изображенія референтъ объясняетъ изъ гностическихъ ученій о воплощеніи и страданіи верховнаго изъ эоновъ, который подъ прямымъ вліяніемъ ереси Валентина изображенъ на этомъ амулетѣ въ видѣ Архангела Михаила. Самое изображеніе принадлежитъ, повидимому, къ XVI—XVII в.

Въ заключеніе Е. В. Барсовъ сообщилъ о своей археологической экскурсіи въ г. Владиміръ на Клязьмѣ, а затѣмъ о древнихъ антиминсахъ, которые онъ осмотрѣлъ подробно во Владимирскихъ и Суздальскихъ ризницахъ; при чемъ сдѣлалъ весьма важныя поправки и дополненія къ изслѣдованію объ антиминсахъ священника Никольскаго, изданному въ 1872 году. Отецъ Никольскій, какъ видно изъ сообщенія Е. В. Барсова, неудовлетворительно рѣшилъ вопросъ о времени возникновенія тканыхъ антиминсовъ, не опредѣлилъ надлежащимъ образомъ церковно-историческое ихъ значеніе и выказалъ слабые пріемы своей полемики съ старообрядцами.

Опредѣлено: авторовъ доложенныхъ статей благодарить, а самыя статьи передать въ Редакціонный Комитетъ, для напечатанія въ «Трудахъ» Общества.

10. Предложены въ Члены дѣйствительные, графомъ А. С. Уваровымъ и В. Е. Румянцовымъ: архимандритъ Леонидъ и Д. П. Анучинъ.

№ 111. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ того же числа экстренномъ засѣданіи избраны въ дѣйствительные члены: профессоръ Афанасій Семеновичъ Роговичъ и Владиміръ Михайловичъ Жемчужниковъ.

ОТЧЕТЪ

О СОСТАВѢ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

съ 15 января 1874 г. по 17 февраля 1875 г.

I.

Личный составъ и должностныя лица Общества.

Московское Археологическое Общество, находящееся съ 18 августа 1865 г. подъ Высокимъ покровительствомъ Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича, ко дню нынѣ совершившагося десятилѣтія со времени его основанія, состоитъ изъ 220 членовъ, въ томъ числѣ: одинъ Почетный членъ—Его Императорское Высочество великій князь Владиміръ Александровичъ; 12 членовъ-основателей; 153 дѣйствительныхъ члена; 54 члена-корреспондента. Вступившихъ по выбору въ число членовъ дѣйствительныхъ и корреспондентовъ, собственно въ теченіе истекшаго года, 26, въ томъ числѣ 8 иностранныхъ ученыхъ; смерть же лишила Общество въ истекшемъ году 8-ми его членовъ. Должностныя лица Общества въ минувшемъ 1874 году:

Предсѣдатель:
Графъ А. С. Уваровъ.
Товарищъ Предсѣдателя:
К. К. Гёрцъ.
Секретарь:
В. Е. Румянцовъ.
Товарищъ Секретаря:
И. Д. Мансветовъ.
Библіотекарь и хранитель музея:
А. Н. Веселовскій.

Казначей:
А. И. Хлудовъ.
Члены редакціоннаго комитета:
К. К. Гёрцъ, Н. А. Поповъ и архимандритъ Амфилохій.
Члены ревизіоннаго комитета по денежной части:
А. Н. Поповъ, А. Н. Андреевъ и Д. И. Иловайскій.

II.

Засѣданія Общества и общій характеръ его дѣятельности.

Въ истекшемъ году Общество имѣло 16 засѣданій: 11 обыкновенныхъ, одно годовое и 4 экстраординарныхъ.

Обыкновенныя засѣданія часто были посѣщаемы и посторонними любителями археологіи. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ профессоръ С.Петербург. университета А. В. Праховъ и В. Ѳ. Миллеръ (нынѣ члены Общества), дѣлились съ Обществомъ археологическими своими сообщеніями и изслѣдованіями: послѣдній—о названіяхъ днѣпровскихъ пороговъ у Константинтина Багрянороднаго, первый же—объ этрусскихъ древностяхъ, найденныхъ въ Италіи, въ г. Корнето, въ 1873. г.

Что касается ученой дѣятельности членовъ Общества (въ засѣданіяхъ), то и изъ нихъ нѣкоторые также знакомили Общество съ результатами западной археологической науки. Таковы доклады и сообщенія г. предсѣдателя: о состояніи археологич. науки въ Моравіи и Венгріи, о памятникахъ древности въ монастыряхъ Фрусской горы, критическій его отзывъ о нѣкоторыхъ снимкахъ съ памятниковъ христіанской древности, исполненныхъ англійскими фотографами гг. Фильротомъ и Джаксономъ, и замѣчанія о принятыхъ Э. Шантромъ условныхъ знакахъ для археологическихъ картъ. Таковы же два сообщенія г. предсѣдателя, предложенныя имъ въ засѣданіи и затѣмъ напечатанныя въ IV томѣ Древностей (хотя имѣющія уже прямое отношеніе и къ русской археологіи): объ открытой имъ въ Пештскомъ Музеѣ картинѣ, изображающей пріемъ польскихъ пословъ Лжедимитріемъ I и изслѣдованіе о блюдѣ вел. кн. Ольги. Таковы же сообщенія товарища предсѣдателя К. К. Гёрца: о мозаикахъ Юстиніанова времени въ церкви Синайскаго монастыря (на основаніи соч. Эберса); объ Іудейско-христіанскихъ саркофагахъ, найденныхъ въ Іерусалимѣ (по извѣстіямъ Клермонъ-Гано); о каменныхъ бабахъ вообще и испанскихъ въ частности (по Генцельману),—сообщеніе, вызвавшее въ свое время оживленныя возраженія со стороны членовъ Общества: И. Е. Забѣлина, Н. А. Попова и гр. А. С. Уварова. Таковы же сообщенія Н. А. Попова объ Археолог. Обществѣ при Чешскомъ Музеѣ и его журналѣ и доставленныя имъ свѣдѣнія о новыхъ открытіяхъ, сдѣланныхъ на предполагаемыхъ развалинахъ Трои, въ Гиссорлыкѣ.

Но главнымъ предметомъ занятій членовъ Общества, какъ лично посѣ-

щавшихъ засѣданія, такъ и присылавшихъ свои сообщенія, доклады, отчеты и изслѣдованія, были отечественныя древности, и прежде всего—курганнаго періода.

По порученію и на счетъ Общества, и по инструкціямъ, даннымъ г. предсѣдателемъ, въ истекшемъ году производились раскопки: г. Андіономъ—въ Даниловскомъ уѣздѣ Яроślав. губ., близь станціи желѣзной дороги Уткино, гдѣ и до того уже случайно найдены были замѣчательные предметы древности каменнаго вѣка; г. Кусцинскимъ—въ Смоленскомъ, Порѣчскомъ и Духовщинскомъ уѣздахъ; г. Лишинымъ—въ сѣверной части Херсонской губ., возлѣ Елисаветграда. (Экспедиція съ такою же цѣлію К. Н. Тихонравова въ Ярославскую губ. не состоялась, по его болѣзни).

Съ разрѣшенія Общества, на собственныя средства, разрывались курганы: Т. В. Кибальчичемъ—въ Черниговской губ. и С. М. Крыжановскимъ въ юго-западной части Уманскаго уѣзда Кіев. губ., въ с. Колодистомъ и Рыжавкѣ.

Нѣкоторыя изъ этихъ раскопокъ, какъ гг. Кусцинскаго и Андіона, особенно важны по найденнымъ въ нихъ предметамъ каменнаго и металлическаго вѣковъ, поступившимъ въ музей Общества.

Кромѣ вышеозначенныхъ (4-хъ) мѣстностей, ученые доклады и сообщенія членовъ Общества останавливались также на курганныхъ древностяхъ Сибири, по поводу памятниковъ, найденныхъ тамъ и описанныхъ г. Дезоромъ (докладъ К. К. Гёрца), и особенно на древностяхъ Тавриды и При-азовскаго края. Такъ Т. В. Кибальчичъ представлялъ на разсмотрѣніе Общества нѣкоторыя, имѣющіяся въ его собраніи, босфорскія монеты, и дѣлалъ сообщенія о бронзовомъ крестѣ, найденномъ въ развалинахъ Херсонеса, и о мраморахъ Θеодосійскаго Музея. А. А. Авдѣевъ дѣлалъ сообщенія о вазѣ и другихъ серебряныхъ вещахъ, найденныхъ близь Севастополя въ курганѣ, въ имѣніи г. Шверина. К. К. Гёрцъ, въ двухъ докладахъ, обратилъ вниманіе членовъ Общества на статью г. Караулова «о Крымскихъ пещерахъ,» и указалъ на несостоятельность нѣкоторыхъ ея выводовъ; обратилъ также вниманіе на важность недавно найденной въ Крыму вазы съ изображеніемъ спора Аθины съ Посейдономъ. Д. И. Иловайскій, въ своей статьѣ «о памятникахъ Тмутраканской Руси», сообщенной сначала въ засѣданіи и затѣмъ напечатанной въ IV т. Древностей, затронулъ съ новой точки зрѣнія, въ числѣ другихъ вопросовъ, между прочимъ, и вопросъ о курганныхъ раскопкахъ этой мѣстности, именно—о предполагаемыхъ имъ здѣсь курганныхъ богатствахъ для изученія болгаро-русской языческой жизни.

Вмѣстѣ съ вещами, въ истекшемъ году, на разсмотрѣніе и обсужденіе Общества поступали ученыя сообщенія, важныя для изученія курганныхъ древностей, и отъ постороннихъ лицъ.—Такъ купецъ Θ. Д. Зворыкинъ (нынѣ членъ Общества) прислалъ каменныя орудія и металлическія вещи, найденныя случайно, при раскопкѣ въ г. Муромѣ. В. А. Самаряновъ изъ Костромы (тоже нынѣ членъ Общества) прислалъ свою статью:

«Слѣды поселеній Мери, Чуди, Черемисы, Еми и другихъ инородческихъ племенъ въ предѣлахъ Костромской губ.», важную не только въ томъ отношеніи, что она подтверждаетъ многое изъ того, что̀ въ видѣ только предположенія высказано въ изслѣдованіи гр. А. С. Урварова: «Меряне и ихъ бытъ», но и потому, что она намѣчаетъ нѣкоторые доселѣ неизвѣстные пункты, на которые должна обратить вниманіе курганная археологія. Г. Черниковъ-Анучинъ сообщилъ Обществу о нѣкоторыхъ результатахъ предпринятыхъ имъ раскопокъ магометанскихъ древностей въ Уфимской губ., но не оконченныхъ по случаю враждебныхъ отношеній къ этимъ работамъ магометанскаго населенія того края. При этомъ г. Анучинъ прислалъ на разсмотрѣніе Общества составленную имъ археологическую карту Оренбургскаго края. Общество постановило напечатать ее, по полученіи отъ г. Анучина или г. Игнатьева обѣщаннаго объяснительнаго текста къ ней.

Секретарь Самарскаго губернскаго статистическаго комитета г. Гончаровъ, въ концѣ апрѣля истекшаго года, сообщилъ о богатствѣ кургановъ Самарской губ. остатками бронзоваго вѣка и предлагалъ свои услуги для раскопки нѣкоторыхъ кургановъ Бузулукскаго уѣзда, если Общество доставитъ ему денежное вспоможеніе для означенной цѣли. Въ такомъ же смыслѣ, и въ тоже самое время, обратился съ заявленіемъ къ Обществу и А. В. Верещагинъ, предлагавшій свои услуги для собиранія археологическихъ коллекцій въ Черноморскомъ краѣ. Къ сожалѣнію, ограниченность средствъ Общества, назначившаго уже передъ тѣмъ 4 вышеозначенныя экспедиціи, не позволила ему принять предложеній гг. Гончарова и Верещагина.

Что касается русскихъ древностей историческаго періода, и во 1-хъ, памятниковъ письма и языка, то здѣсь, въ истекшемъ году, всего чаще приходилось Обществу имѣть дѣло съ древними надписями на памятникахъ вещественныхъ. Помимо сообщенія Я. Ѳ. Головацкаго о славяно-русской надписи XVI в. въ зданіи Виленскаго театра, въ Общество доставлены были, на его разсмотрѣніе и обсужденіе, нѣсколько сообщеній и статей о болѣе древнихъ такого рода памятникахъ. Такъ въ разныхъ засѣданіяхъ доложены были г. предсѣдателемъ и обсуждались: а) двѣ статьи кн. А. М. Дондукова-Корсакова (нынѣ членъ Общества): о Смоленскомъ камнѣ съ надписью 1271 года (напечат. въ IV т. Древностей) и о Рогвольдовомъ камнѣ 1170 года; б) присланные М. Ф. Кусцинскимъ и А. К. Жизневскимъ фотографическіе снимки камней съ надписями, именно, 2-го двинскаго, такъ-называемаго руническаго камня, найденнаго въ 1835 г. Ѳ. Н. Глинкою въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, и надгробнаго памятника въ Твери, съ надписью 1499 года; в) присланный К. Н. Тихонравовымъ, составленный имъ по порученію Общества «Сборникъ надписей на древнихъ памятникахъ Владимірской губерніи, съ XIII по XVI в. включительно», и указатель къ нему: личныхъ именъ, географическій и предметный.

Къ этому же разряду сообщеній должны быть отнесены: прочитанное въ

одномъ изъ засѣданій Е. В. Барсовымъ объясненіе нѣкоторыхъ монограммъ на старинныхъ крестахъ, и имъ же прочитанная, доселѣ остававшаяся неразгаданною, надпись на одномъ амулетѣ.

Изъ докладовъ, сообщеній и изслѣдованій о памятникахъ обыкновеннаго письма и языка вообще слѣдуетъ отмѣтить: а) два сообщенія Д. И. Иловайскаго, изъ коихъ въ первомъ онъ подвергъ критическому обслѣдованію вопросъ о происхожденіи славянскихъ письменъ, высказавъ при этомъ свои соображенія, что происхожденія Кириллицы нужно искать въ Крыму, а во второмъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о путешествіи новгород. архіеп. Антонія; б) филологическое изслѣдованіе В. Ө. Миллера о названіяхъ днѣпровскихъ пороговъ у Константина Багрянороднаго, посвященное главнымъ образомъ объясненію русскихъ названій этихъ пороговъ изъ древне-сѣвернаго нѣмецкаго языка.

По отдѣлу о памятникахъ искусствъ, художествъ и иконографіи, болѣе или менѣе обширныя сообщенія и изслѣдованія предложены были слѣдующія: по общимъ вопросамъ объ искусствѣ, въ связи съ вопросами объ иконографіи, во 1-хъ, Е. В. Барсовымъ, въ двухъ его статьяхъ: «о вліяніи апокрифовъ на церковный обрядъ и иконопись» и «объ изображеніи драконовъ на амулетахъ»; б) И. Д. Мансветовымъ, сообщившимъ нѣсколько иконографическихъ данныхъ, указывающихъ на сохранившіеся въ нашемъ подлинникѣ слѣды формъ и представленій искусства античнаго и первохристіанскаго.

Спеціально по иконографіи сдѣлано было нѣсколько сообщеній архимандр. Амфилохіемъ, Н. П. Розановымъ, А. К. Жизневскимъ, по поводу описанныхъ ими нѣкоторыхъ старинныхъ иконъ, и г. предсѣдателемъ, въ его возраженіяхъ на вышеназванныя статьи Е. В. Барсова объ апокрифахъ и амулетахъ и при представленіи въ засѣданіяхъ разнаго рода иконографическихъ снимковъ, поступавшихъ въ даръ Обществу, между прочимъ,—по поводу древняго символическаго рисунка (Вавилонъ), пожертвованнаго г. Рудневымъ.

По отдѣлу о памятникахъ стариннаго русскаго зодчества, церковнаго и гражданскаго, сдѣланы были сообщенія Е. В. Барсовымъ—о монастырѣ и деревянной церкви XIV вѣка, построенныхъ св. Лазаремъ Мурманскимъ, въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, и рядъ сообщеній В. Е. Румянцова о характерѣ русской архитектуры Московскаго періода и замѣчательнѣйшихъ памятникахъ этой архитектуры XVI и XVII вѣковъ, въ Вологдѣ, Костромѣ и Ярославлѣ; причемъ показаны были и фотографическіе снимки этихъ памятниковъ.—Наконецъ, чл. корр. Никольскимъ представлена въ Общество обширная статья: «О золотыхъ воротахъ во Владимірѣ».—Изъ болѣе краткихъ сообщеній слѣдуетъ отмѣтить: г. Черникова-Анучина, о нѣкоторыхъ магометанскихъ архитектурныхъ памятникахъ въ Уфимской губ.; г. Кибальчича, объ уничтоженномъ пещерномъ храмѣ въ Крыму и г. Жизневскаго, о Старицкомъ соборѣ 1561 г., тоже теперь уже несуществующемъ.

По нумизматикѣ доставлено было въ Общество два ученыхъ со-

общенія: П. И. Лерха—«Исчисленіе вѣса древнихъ гривенъ, найденныхъ въ Черниговской губерніи» и Д. П. Сонцева—«Древнія русскія монеты». Кромѣ того въ истекшемъ году очень много поступило приношеній монетами, такъ что члены Общества не разъ имѣли случай разсматривать и сличать монеты разныхъ временъ и народовъ.

По бытовой археологіи, въ связи съ миѳологіею и независимо отъ нея, слѣдуетъ отмѣтить: статью г. Ефименко, вновь представленную имъ въ Общество въ исправленномъ видѣ: «Объ обычаѣ у русскихъ Славянъ убивать стариковъ», и докладъ Д. В. Разумовскаго о присланныхъ въ Общество народныхъ пѣсняхъ, собранныхъ и положенныхъ на ноты г. Волькенштейномъ. Сюда же отчасти можетъ быть отнесена и вышеназванная статья г. Барсова: «Объ изображеніи драконовъ на амулетахъ.»

По археологической топографіи доставлена была въ общество и прочитана въ засѣданіи статья В. Б. Антоновича: «О мѣстоположеніи древняго Кіевскаго Звенигорода.—Сюда же могутъ быть отнесены: «Отрывки изъ путевыхъ записокъ о Кіевѣ и его древностяхъ» М. П. Погодина, прочитанныя имъ въ одномъ изъ засѣданій, и наконецъ присланная въ Общество статья свящ. Доманицкаго: «О прошломъ села Колодистаго, Уманскаго уѣзда Кіев. губ.»

Отдѣлъ матеріаловъ для археолог. словаря обогатился въ истекшемъ году 192 словами, объясненными членами Общества: Аристовымъ, Забѣлинымъ, Игнатьевымъ, Румянцовымъ, Сонцевымъ, Тихонравовымъ и гр. Уваровымъ. Нѣкоторыя изъ этихъ объясненій, какъ «Аристотель Фіораванти» гр. Уварова и нѣсколько объясненій Аристова и Забѣлина, имѣютъ характеръ статей или изслѣдованій. Большая часть ихъ уже напечатана въ IV томѣ Древностей. Особенно обильный вкладъ въ археологическій словарь въ истекшемъ году внесенъ Н. Я. Аристовымъ и И. Е. Забѣлинымъ.

Кромѣ очередныхъ, такъ сказать, занятій по текущимъ ученымъ дѣламъ Общества, нѣкоторые изъ его членовъ въ минувшемъ году имѣли и особыя занятія по связи Московскаго Археолог. Общества съ другими археологическими обществами и учрежденіями.

Такъ въ началѣ минувшаго года, Москов. Археолог. Общество получило приглашеніе на 7-й Международный съѣздъ доисторической антропологіи и археологіи въ Стокгольмѣ, назначенный на первую половину августа, въ истекшемъ же году. Но такъ какъ одновременно съ этимъ былъ и Кіевскій, 3-й Археологическій съѣздъ, то Московское Археолог. Общество не могло принять участія въ Стокгольмскомъ съѣздѣ. Тѣмъ не менѣе, въ концѣ истекшаго года, отъ одной изъ коммиссій Стокгольмскаго съѣзда получена была въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, для разсмотрѣнія и сообщенія замѣчаній, брошюра Э. Шантра: «Проектъ принятія однообразныхъ условныхъ знаковъ для составленія картъ доисторической археологіи.» Послѣ обсужденія этого проекта въ послѣднемъ засѣданіи истекшаго года рѣшено было, согласно мнѣніямъ гг. предсѣдателя и его товарища К. К. Гёрца, избрать особую ком-

миссію изъ 3-хъ членовъ Общества и пригласить къ участію въ обсужденіи означенной брошюры отдѣленіе антропологіи Московскаго Общества Естествознанія. Послѣднее изъявило готовность къ совмѣстному обсужденію, или точнѣе, къ сообщенію Московскому Археологическому Обществу заключеній особой коммиссіи изъ членовъ антропологическаго отдѣленія, образованной съ тою же цѣлію—обсужденія брошюры Э. Шантра.

Въ концѣ истекшаго года получено было въ Обществѣ, чрезъ посредство Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, другое приглашеніе—отъ Международнаго географическаго конгресса въ Парижѣ, имѣющаго собраться въ апрѣлѣ мѣсяцѣ текущаго года. По полученіи этаго приглашенія также положено было созвать особую коммиссію изъ 3 членовъ Общества, для разсмотрѣнія программы означеннаго конгресса и рѣшенія: можетъ ли Московское Археологическое Общество принять участіе въ этомъ конгрессѣ?—По разсмотрѣніи программы и другихъ документовъ, относящихся къ означенному конгрессу, коммиссія рѣшила вопросъ отрицательно.

Третья коммиссія, въ началѣ истекшаго года, собиралась для обсужденія вопроса объ участіи Московскаго Археологическаго Общества въ третьемъ русскомъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ и въ предположенной при немъ археологической выставкѣ.

Рѣшено было отправить на эту выставку замѣчательнѣйшія коллекціи Музея Общества, а на съѣздъ, въ качествѣ представителей Общества, избраны депутатами три члена: В. Е. Румянцовъ, Д. И. Иловайскій и Е. В. Барсовъ.

На этотъ съѣздъ, кромѣ депутатовъ и предсѣдателя, явились и многіе другіе члены Общества, которые принимали дѣятельное участіе въ трудахъ съѣзда учеными своими сообщеніями и обсужденіемъ предложенныхъ вопросовъ. Такъ гр. А. С. Уваровъ, помимо административныхъ трудовъ по должности предсѣдателя съѣзда, сдѣлалъ ученые доклады: «О программѣ русской археологіи»; «О гробницахъ бронзоваго вѣка въ Ярославлѣ» и многія другія сообщенія. Изъ докладовъ и сообщеній другихъ членовъ Общества особенно выдавались: Н. В. Калачева—сообщеніе о нѣкоторыхъ результатахъ, къ которымъ пришла уже состоящая подъ его предсѣдательствомъ Высочайше утвержденная Коммиссія о преобразованіи архивовъ и о необходимости учрежденія у насъ въ Россіи, для образованія ученыхъ архивистовъ, школы въ родѣ французской Ecole des chartes, къ открытію которой, слѣдуетъ замѣтить, всѣ научныя приготовленія уже и сдѣланы въ Петербургѣ самимъ же Н. В. Калачевымъ; И. Е. Забѣлина доклады: «Объ объемѣ русской археологіи» и «Новыя соображенія касательно топографіи Таманскаго полуострова»; Д. И. Иловайскаго: «О Славянскомъ происхожденіи Дунайскихъ Болгаръ»; Е. В. Барсова: «Новое объясненіе Слова о полку Игоревѣ»; В. Е. Румянцова: «Нѣкоторыя замѣчанія по поводу плащаницы изъ Сочавскаго монастыря въ Буковинѣ».

Наконецъ слѣдуетъ отмѣтить, что въ истекшемъ году нѣкоторые изъ членовъ Московскаго Археологическаго Общества, по иниціативѣ своего

предсѣдателя, принимали весьма дѣятельное участіе въ подготовленіи матеріаловъ для составленія указателя Музея имени Государя Цесаревича. Работы эти между слѣдующими членами Общества были раздѣлены такъ: В. Б. Антоновичъ взялъ на себя памятники юго-западнаго края; Н. Я. Аристовъ—памятники XIII и XIV вѣковъ; К. Н. Бестужевъ-Рюминъ—памятники XVI и XVII в.; В. Е. Румянцовъ—архитектурные памятники Москов. періода; гр. А. С. Уваровъ—памятники каменнаго вѣка и вообще всѣ памятники до 1200 года, вмѣстѣ съ тѣмъ—иконографическіе памятники для всѣхъ періодовъ; а такъ какъ Общество въ истекшемъ году лишилось своего члена В. Н. Виноградскаго, который приготовлялъ указатель памятниковъ древнехристіанскихъ до X в., то графъ Уваровъ взялъ на себя изготовленіе указателя и по этому отдѣлу.

III.

Изданія Общества.

Въ истекшемъ году, подъ редакціей секретаря Общества В. Е. Румянцова, изданъ IV томъ «Древностей, трудовъ Московскаго Археологическаго Общества», состоящій изъ 3-хъ выпусковъ (болѣе 40 печатныхъ листовъ), съ 7-ю литографическими снимками, 14-ю политипажами и большою хромолитографическою картиною, изображающею пріемъ польскихъ пословъ Лжедимитріемъ I, 13 мая 1606 года. Кромѣ того, ко дню совершившагося нынѣ десятилѣтія со времени основанія Общества изготовленъ особый выпускъ, который, съ дальнѣйшими его продолженіями, составитъ V томъ Древностей.

IV.

Библіотека и Музей Общества.

Библіотека Общества обогатилась, въ началѣ нынѣшняго года даромъ Августѣйшаго Покровителя Московскаго Археологическаго Общества, Государя Наслѣдника Цесаревича: во вниманіе къ трудамъ Общества, Августѣйшій нашъ Покровитель соизволилъ пожертвовать для библіотеки Общества «Древности Россійскаго государства».

Затѣмъ, въ обмѣнъ на изданія Общества, въ даръ отъ разныхъ ученыхъ учрежденій и Обществъ, отъ гг. членовъ и частныхъ лицъ, и покупкою на средства Общества, въ истекшемъ году поступило въ библіотеку:

Книгъ и брошюръ, считая одни названія, болѣе 200.

Рукописей и копій съ нихъ, старыхъ и новыхъ—4; въ томъ числѣ

одна на китайскомъ языкѣ. Сюда же должно отнести: 3 старинныхъ листа. 63 указа прошлаго XVIII в. и одну археологическую карту.

Фотографическихъ и литографическихъ снимковъ, рисунковъ, картинъ, чертежей и плановъ—542. Въ томъ числѣ, пріобрѣтенныхъ покупкою на средства Общества: 300 фотографическихъ снимковъ съ главнѣйшихъ предметовъ бывшей при третьемъ археологическомъ Съѣздѣ выставки: 218 картинъ и рисунковъ, относящихся къ описанію Кіева Н. В. Закревскаго, пожертвованныхъ изъ портфелей покойнаго автора его вдовою. Остальныя фотографіи и рисунки суть снимки съ разнаго рода старинныхъ вещей и зданій XII, XV и XVI вѣковъ, или—вещей, добытыхъ въ курганахъ.

Музей Общества, благодаря пожертвованіямъ частныхъ лицъ и нѣкоторыхъ членовъ Общества, а также въ слѣдствіе произведенныхъ въ вышеозначенныхъ мѣстностяхъ раскопокъ, обогатился въ истекшемъ году разнообразными коллекціями памятниковъ древности. Однихъ монетъ, греческихъ, римскихъ, восточныхъ и русскихъ, древнѣйшаго и позднѣйшаго времени, благодаря особенно пожертвованіямъ покойнаго д чл. Общества К. И. Невоструева и А. И. Сапожникова, поступило болѣе 600, и между послѣдними древнѣйшая—временъ Александра Македонскаго.

Изъ вещей, добытыхъ посредствомъ курганныхъ раскопокъ, наиболѣе замѣчательны: доставленныя г. Кусцинскимъ изъ кургановъ Лепельскаго и особенно Смоленскаго, Порѣчскаго и Духовщинскаго уѣздовъ; подаренныя С. И. Мамонтовымъ, изъ кургановъ около станціи Уткино, Даниловскаго уѣзда Ярославской губ., и оттуда же доставленныя г. Андіономъ, продолжавшимъ, по порученію Общества, раскопку уткинскихъ кургановъ; наконецъ,—вещи, принесенныя въ даръ Обществу Ѳ. Д. Зворыкинымъ, найденныя случайно при раскопкахъ въ г. Муромѣ. Всѣ вещи, доставленныя этими лицами, относятся къ каменному періоду и состоятъ изъ разныхъ орудій и принадлежностей утвари и одежды.

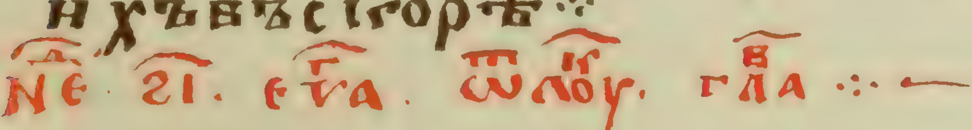
Изъ вещей историческаго времени, кромѣ вышеозначенныхъ монетъ, слѣдуетъ отмѣтить: Смоленскій камень съ надписью 1271 года, доставленный въ даръ обществу кн. А. М. Дондуковымъ-Корсаковымъ и нѣкоторыя принадлежности древне-русскихъ одѣяній и церковныхъ облаченій позднѣйшаго впрочемъ, хотя и допетровскаго времени, пожертвованныя Е. В. Барсовымъ и И. А. Голышевымъ.

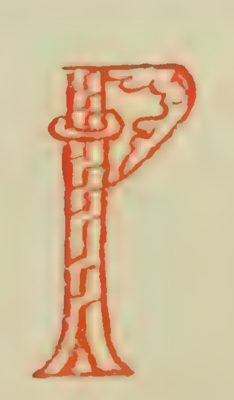
Важность нѣкоторыхъ изъ музейныхъ пріобрѣтеній этаго года оцѣнена и на 3-мъ Археологическомъ съѣздѣ, гдѣ онѣ были выставлены вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими замѣчательнѣйшими коллекціями Музея, пріобрѣтенными въ прежніе годы.

Г. предсѣдатель въ истекшемъ году занимался ученымъ описаніемъ всѣхъ предметовъ, хранящихся въ музеѣ Общества, по мѣсту нахожденія ихъ. Что касается библіотеки Общества, то систематическое ея расположеніе подготовлено уже прежнимъ библіотекаремъ, барономъ Д. О. Шеппингомъ (который, по разнымъ домашнимъ обстоятельствамъ, сложилъ съ себя въ истекшемъ году обязанность библіотекаря). Теперешній библіотекарь А. Н. Веселовскій пополняетъ начатое его предшественникомъ.

Говоря о библіотекѣ и музеѣ Общества, нельзя не вспомнить съ признательностію объ усердіи казначея и Д. чл. общества А. И. Хлудова, украсившаго помѣщенія ихъ такимъ же образомъ, какъ это сдѣлано имъ прежде для остальныхъ помѣщеній Общества и особенно для залы засѣданій. Помѣщенія, занимаемыя библіотекою и музеемъ Общества составляютъ древнѣйшую часть въ ряду всѣхъ другихъ пристроекъ нынѣшняго дома Археологическаго Общества; постройка ихъ восходитъ до XVI вѣка. А. И. Хлудовъ взялъ на себя всѣ издержки по внутренней реставраціи этихъ помѣщеній во вкусѣ XVI в. и въ истекшемъ году окончилъ эту реставрацію, руководясь рукописными образцами того времени.

Рече г҃ь притъчю сию. соу
динбѣ ѥтеръ въ ѥтерѣ гра
дѣ. б҃а не боѩсѧ и чл҃вікъ сра
млѩѩсѧ. въдова же бѣ въ гра
дѣ томь. и прихождаашє къ
нємоу г҃лющи. мьсти мѧ нє ѿ
соупьрѧ моѥго. и нє хотѧаше
надълзѣ же врѣмени. по сихъ
же рєчєаше б҃а не боюсѧ и чл҃вікъ
срамлѩюсѧ. зане творитъ ми
троудъ въдовица си. да мьщюѥ
да да не до коньца приходѧщи
застоитъ мєнє. рєче же г҃ь слышиі
тє чьто соудии неправьдьныи
г҃лєть. а б҃ъ не иматьли сътвори
ти мьсти. избраныихъ свои
хъ въпиющиихъ къ немѹ дн҃ь
и нощь и тьрпитъ о нихъ г҃лю
бо вамъ. ѩко сътворитъ мьсть
ихъ въскорѣ ∴

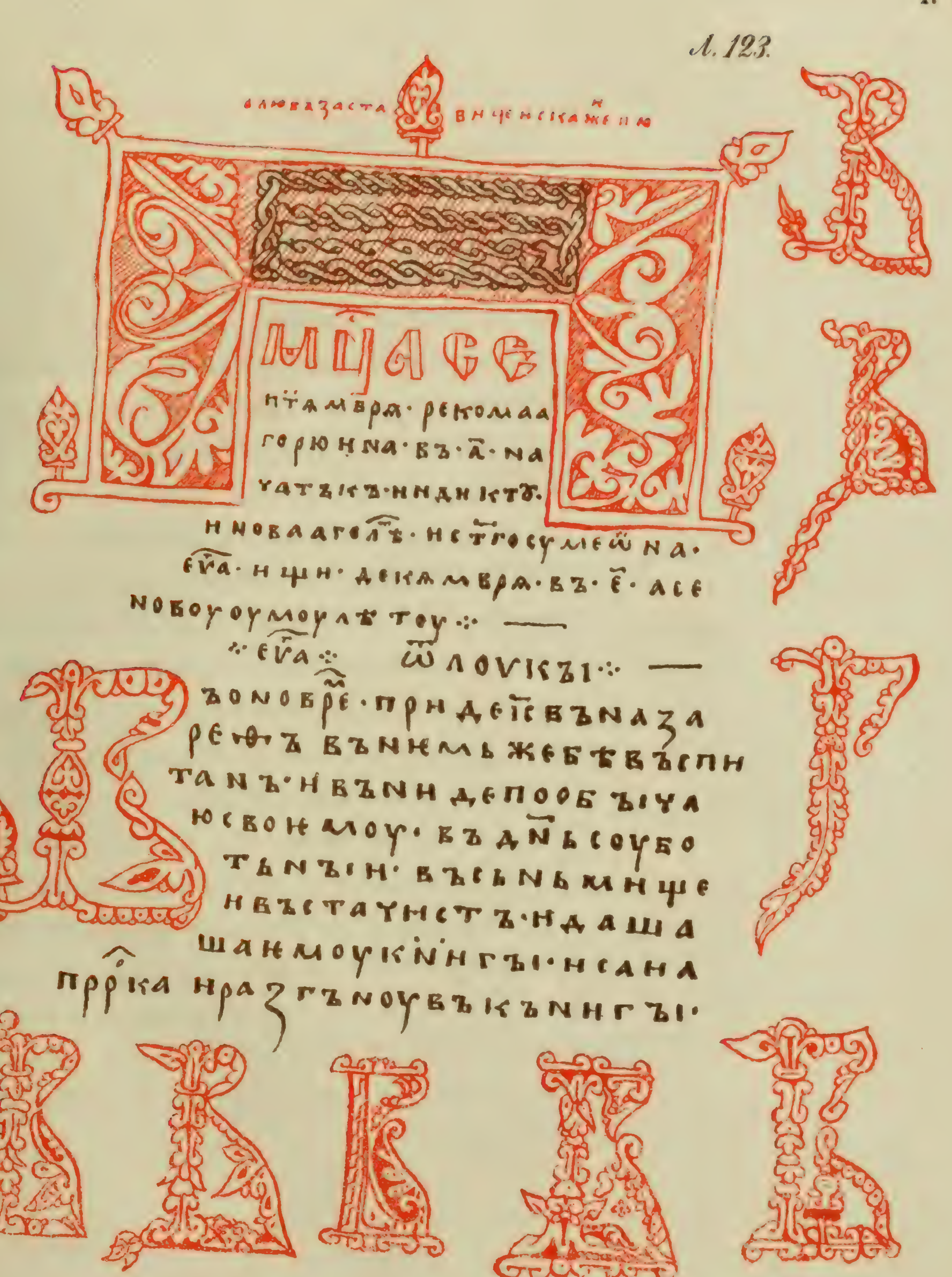




Л. 69. об.

Речегь҃притъчюсию.чл҃вѣкадва
вънидоставъцрк҃вьпомолитъ
сѧ.бѣжеюдинъфарисѣи.адрѹ
гъимытарь.фарисѣижемо
лѧашесѧвъсебѣгл҃ѧ.бж҃ехва
лѹтебевъздаю.гн҃съподоби
мѧ.нѣсмьбоазъꙗкоипрочи
ичл҃вци.възаимъдающеоби
дѧть.иприлюбодѣи.ниꙗкось
мытарь.пощѫсѧдъвашьдъі
въндѣли.десѧтинѹдаюѿ
своюгоимѣниꙗ.амытарьи
здалечестоꙗ.несъмѣашени
очиюнанб҃овъзвести.нъбьꙗше
въперсисвоꙗгл҃ѧ.бж҃еѿпѫсти
грѣхымоꙗмънѣгрѣшьни
кѹ.гл҃южевамъ.ꙗкоприде
въдомъсвоиоправьданъсѧ
пачеоного.вьсакъбовъзно
сѧисѧсъмѣритьсѧ.исъмѣ
рѧисѧвъзнесетьсѧ:·

Л. 123.

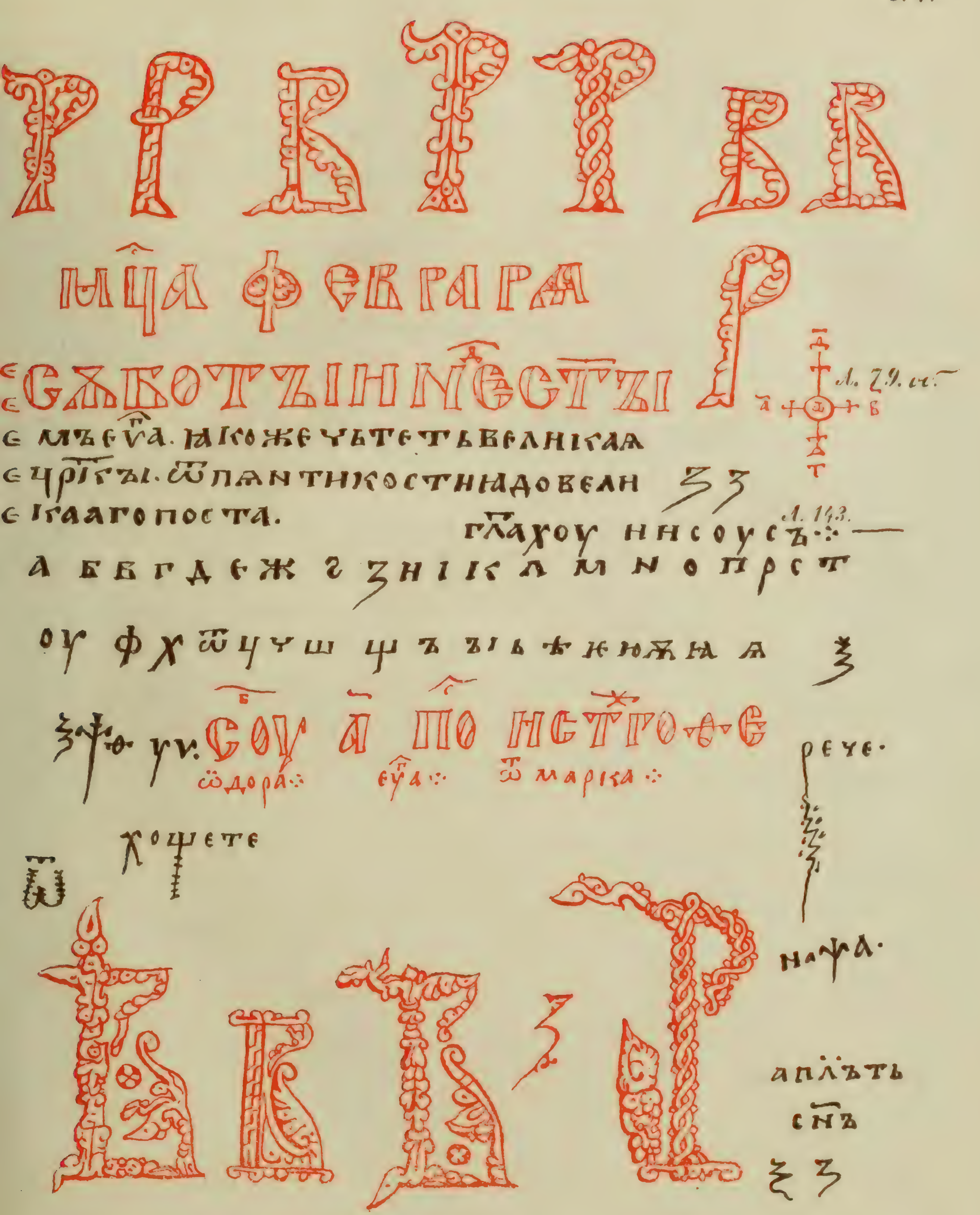


влюбѣзаста вньчѥнскаженню

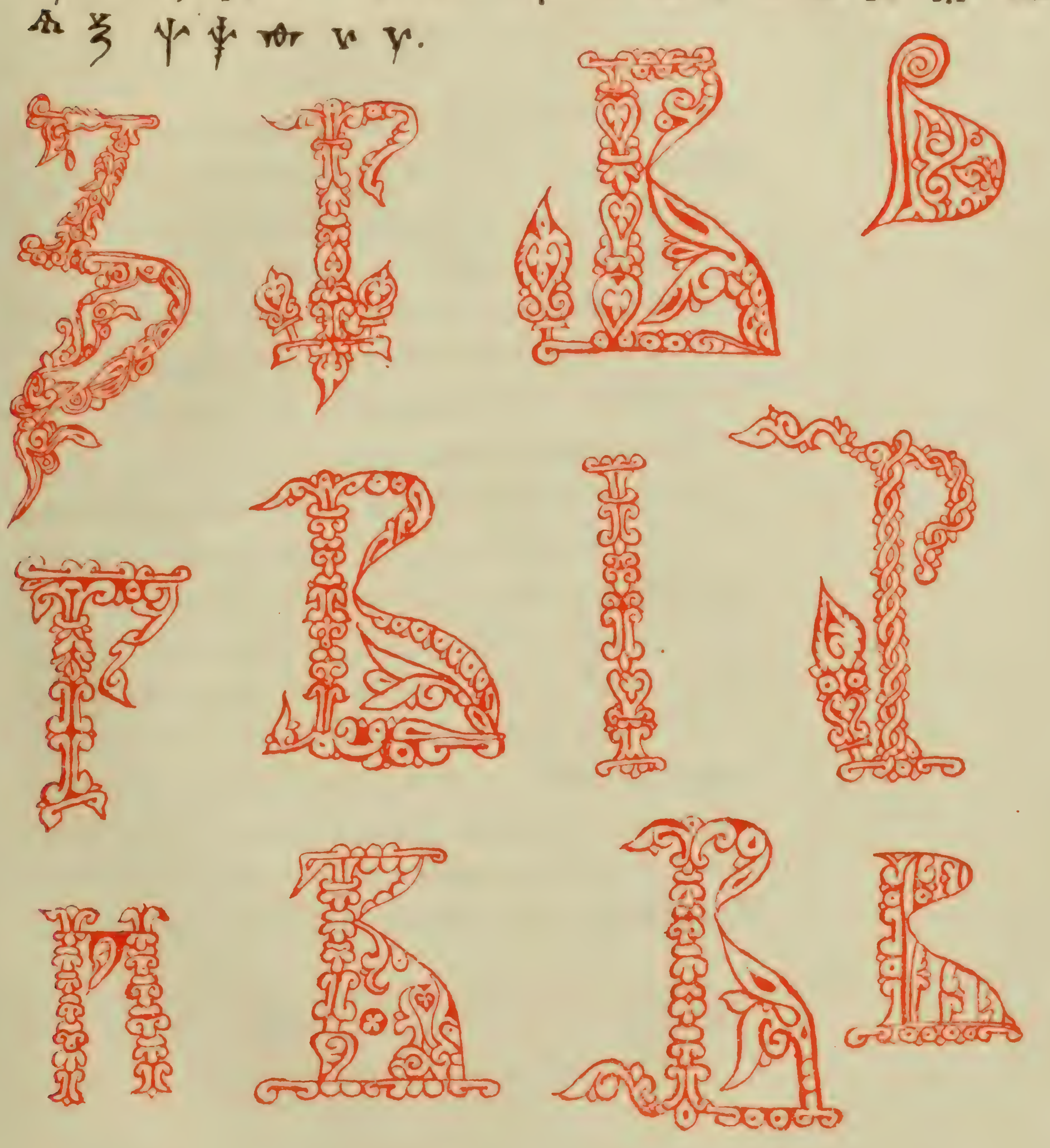
МѢЦА СЕ
птамвра· рекомаа
горюнна· въ· а҃· на
чатъкъ· индиктꙋ.
и новаагелѣ· нетъ госумеѡ на·
ева· и щи· декамвра· въ· е҃· асе
нобоуоумоулѣ тоу ⁘ —
⁘ ева ⁘ ѿ лоукы ⁘ —
Вонобрѣ· прииде іс въ наза
реѳъ въ нѥмь же бѣ въспи
танъ· и вънидепообыча
юсвоиамоу· въ днь соубо
тьнъıи· въсьньмище
ивъстачисть· и даша
шаиемоукнигы· исаиа
прорка иразгъноувъ кънигы·

л. 86.

сътвористеѥдиномоуѿсихъбратъ·
моихъмьньшихъ·мнѣсътвористе·
тогдаречетьисоущимъолѣвоую·
идѣтеѿменепроклятиивъогнь
вѣчьныи·оуготованыидиꙗволоу
иаггл҃мъѥго·възалкахъбосаи
недастеминꙗсти·въждадахъса·
инenапоистемене·страньнъбѣ
хъиневъведостемене·нагъинеодѣ
стемене·больнъбѣхъивътьмьни
ци·инепосѣтистемене·тъгдаѿ
вѣщаютьиитигл҃юще·г҃икъгда
тявидѣхомъалчюща·илижажю
ща·илистраньна·илинагаили
больна·иливътьмьници·инепо
слоужихомътебе·тъгдаѿвѣща
ѥтьимъгл҃ꙗ·аминъгл҃ювамъ·
понеженесътвористеѥдиномоу
ѿсихъмьньшихъ·нимнѣсъ
твористе·иѿидоутьтивъмоукоу
вѣчьноую·аправьдьницивъжи


мца феврара
л. 79. об.
л. 143.

а б в г д є ж ѕ з и і к л м н о п р с т
оу ѵ ф х ѿ ч ч ш щ ъ ꙑ ь ѣ ѥ ю ѫ ꙗ
ѧ ѯ ѱ ѱ ѭ ѵ ѵ.



л. 116.

нѱи. къ вⷭе. чⷮс. вечⷬ. ѿ. еѵⷢа. ісон игоже провод

Въ пⷦа. вели нⷪе. на литургии ∴ —

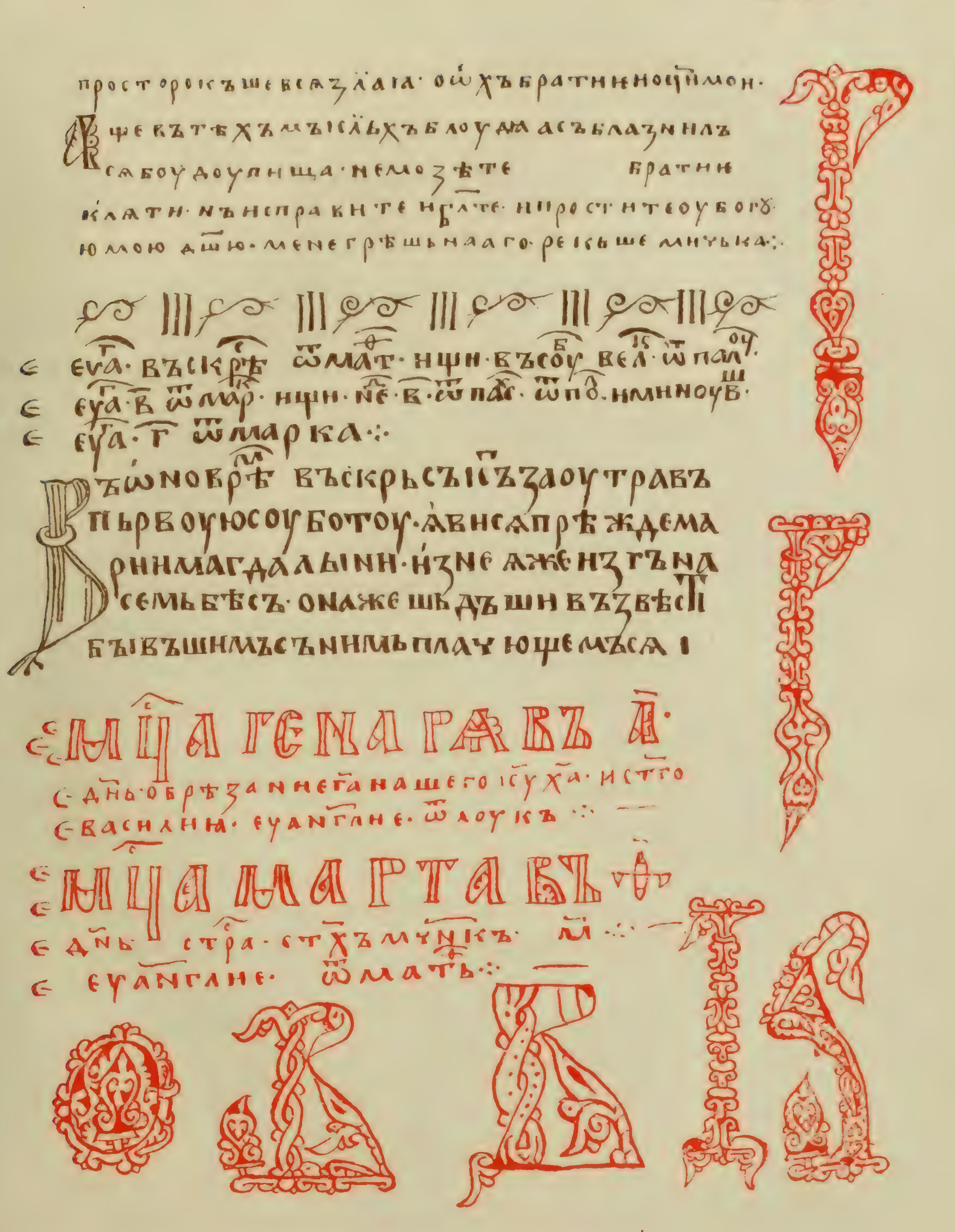
ѿ матьѳеа ∴

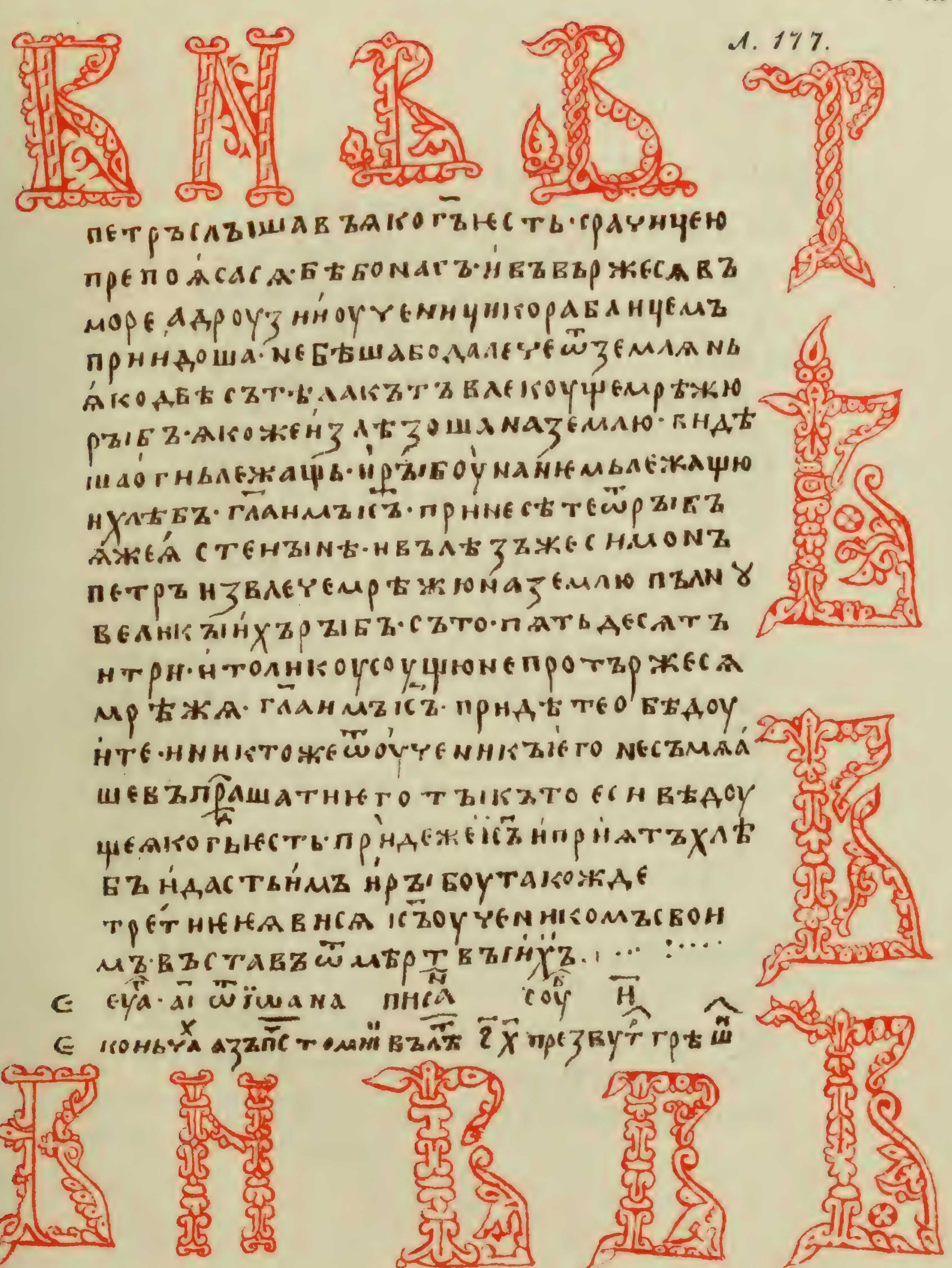
Въ оно время. съвѣтъ сътво
риша. вси архиереи книжь
ници. и старьци людьсции.
на іс҃а. ꙗко да оубити и҆его. (ведоша)
и съвѧзавъше и҆его. и преда
шаи понтьскоумоу пи
латоу. игемоноу. тъгда
видѣ июда. предавꙑи и҆его. ꙗ
ко осоудиша и. раскаꙗвъ сѧ въз
врати. л҃. сребрьникъ. архиересо
мъ. и старьцемъ глаꙗ. съгрѣших
предавъ кръвь неповиньноу. они
же рекоша. что и҆сть намъ. тꙑ оу
зриши. и повьргъ въ цркъви. сре
брьникꙑ. ѿиде и шьдъ оудави
сѧ. архиереи же възьмъше сребро
рекоша не достоино и҆сть въло
жити и҆его въ кровонъ. понеже цѣ

ВЪ ВЕЛИКЪІИ ЧЕТВЬ
ертъкъ. вⷱе. еѵⷢа. ві. ѿ иоана ∴ —

МСЦА ОКТАМБРА ВЪ
а҃. дн҃ь. памѧ. стго аплⷧа. анании ∴ —

Л. 175.





Л. 177.

петръ слꙑшавъ ꙗко гь҃ есть · срачицею
препоꙗсасѧ бѣ бо нагъ · и въвържесѧ въ
море · а дроузии оученици корабльцемъ
приидоша · не бѣша бо далече ѿ землѧ нь
ꙗко двѣ сътѣ лакътъ влекоуще мрѣжю
рꙑбъ · ꙗкоже излѣзоша на землю · видѣ
ша огнь лежащь · и рꙑбоу на немь лежащю
и хлѣбъ · гл҃а имъ ис҃ъ · принесѣте ѿ рꙑбъ
ꙗже ꙗсте нꙑнѣ · вълѣзъ же симонъ
петръ извлече мрѣжю на землю плънꙋ
великꙑихъ рꙑбъ · съто · пѧтьдесѧтъ
и три · и толико соущю не протържесѧ
мрѣжа · гл҃а имъ ис҃ъ · придѣте обѣдоу
ите · и никтоже ѿ оученикъ его не съмѣа
ше въпрашати его тꙑ къто еси вѣдоу
ще ꙗко гь҃ есть · прииде же ис҃ъ и приатъ хлѣ
бъ и дасть имъ и рꙑбоу такожде
третиее ꙗвисѧ ис҃ъ оученикомъ своимъ
въставъ ѿ мртвꙑихъ. ...

є еѵа҃ аі ѿ іѡана писа соу н
є коньча азъ попъ томаи въ л҃ г х презвутеръ грѣш

Ст̃ апслу

л. 177. об.

Ва ѡвнъ изиде Іс̃ъ в гору
помлити сѧ. и бѣ ѡбно
щь въ мл̃твѣ бжи. и егда
же бы днь. и призва оу
ченикы своѧ. и избра ѿ нихъ в
і. тъ. ѧже нарече. апл̃ы на
рече. симона ѧкоже и менова
петра. и андреѭ брата его
іакова. и ивана. филипа
варфоломеѧ. фому ѧко
ва алфеева. симона нари
цаемаго зилота. іюду и
ковлѧ. и юду искариотьска
го. иже бы предатель. и сшедъ
с ними. ста на мѣстѣ
равнѣ. и народъ оученико
его. и много множество лю
дии. ѿ всеѧ жидовьскиѧ. и е
русалима. и поморьѧ. тѵрь
ска и сидоньска. иже прид
оша послушати его. и исцѣлити
ѿ недугъ своихъ. и страждющи
ѿ дхъ нечистыхъ. и исцѣлѣахусѧ. и в
се народъ искаше прикасати
ему. ѧко сила исхождаше из него.
и цѣлѣаше всѧ:

Нд̃ Є. по єѵл. лѵмк̃г:· —

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

ТИПИКЪ

женскаго монастыря Пресвятой Богородицы Благодатной (Κεχαριτωμένης), основаннаго и устроеннаго императрицею Ириною, женою императора Алексѣя Комнѣна, по ея повелѣнію и мысли составленный и изданный *).

Д. Чл. П. С. Казанскаго.

Императрица Ирина, дочь Андроника Дуки, около 1114 года, близъ Софійской или Вуколеонтовой пристани, на шестомъ изъ седмихолмій Цареграда (1), основала женскій монастырь Богородицы κεχαριτωμένης.—названіе, взятое изъ привѣтствія Архангела Дѣвѣ Маріи при благовѣщеніи: χαῖρε κεχαριτωμένη, «радуйся благодатная», или, какъ прежде переводили, «обрадованная»; а потому сей монастырь назывался также монастыремъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, какъ называетъ его Антоній Новгородскій. Іеродіаконъ Зосима зоветъ его «Сехаритоменитъ», Стефанъ Новгородецъ—просто «женскимъ монастыремъ», гдѣ лежитъ Иванъ Дамаскинъ *).

---

*) Помѣщая изложеніе этого замѣчательнаго документа на страницахъ своего изданія, редакція «Трудовъ М. А. Общества» считаетъ необходимымъ присоединить нѣсколько примѣчаній къ нему, составленныхъ д. чл. Н. Д. Маневетовымъ, имѣя въ виду ближайшее объясненіе текста приводимаго памятника и указаніе на тѣ стороны древне-русской церковно-бытовой практики, которыя имѣютъ свое основаніе и объясненіе въ обычаяхъ византійскаго монашескаго быта. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи уставъ императрицы Ирины можетъ служить весьма важнымъ матеріаломъ и для изученія нашего древнѣйшаго быта. **Прим. ред.**

*) Путешествіе Антонія. Спб. 1872, стр. 149. Обозрѣніе Цареградскихъ святынь. А. Леонида Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1870 г. ч. 4. Отд. V, стр. 52.

Для сего монастыря Ирина написала уставъ, который долженъ навсегда оставаться неизмѣннымъ *). Уставъ этотъ замѣчателенъ:

1) тѣмъ, что онъ есть единственный, дошедшій до насъ, уставъ православнаго женскаго монастыря. Не только уставовъ женскихъ монастырей не дошло до насъ, но даже и подробныхъ свѣдѣній о внутреннемъ устройствѣ какого либо изъ женскихъ монастырей. Въ немъ иное, конечно, заимствовано изъ устава бывшихъ тогда монастырей, а иное, учрежденное вновь, послужило руководствомъ при устроеніи другихъ монастырей. Нельзя не предполагать, что многое изъ сего устава взято и при устройствѣ женскихъ монастырей въ Россіи. Такъ и доселѣ тѣ же должностныя лица встрѣчаются въ общежительныхъ женскихъ монастыряхъ, какія упоминаются въ уставѣ Ирины.

2) Уставъ этотъ даетъ понятіе о томъ, до какой степени независимости отъ духовной и свѣтской власти пытались иногда основатели монастырей поставить свои учрежденія.

3) Замѣчательно устройство административной и экономической части по раздѣленію обязанностей между разными лицами, по точному разграниченію круга ихъ дѣятельности, по строгой отчетности въ приходѣ и расходѣ.

4) Уставъ о богослуженіи и пищѣ имѣетъ также свои особенности, могущія объяснить и нѣкоторыя явленія въ нашей церковной жизни. Любопытно напр. то указаніе, что для литургіи приносилось семь просфоръ.

Уставъ этотъ не былъ излагаемъ въ нашей духовной литературѣ, а между тѣмъ знакомство съ нимъ можетъ дать нѣсколько объясненій и для церковной жизни въ Россіи, въ первыя времена Христіанства въ нашемъ отечествѣ.

Посему мы рѣшились познакомить съ симъ уставомъ, излагая въ сокращеніи содержаніе каждой главы (2).

Глава 1-я. При жизни императрицы, монастырь будетъ находиться подъ ея управленіемъ, но по смерти ея онъ долженъ быть ни отъ кого независимъ, и управляться своимъ начальствомъ. Ни императоръ, ни патріархъ, никакое учрежденіе церковное или свѣтское не имѣютъ права ни подъ какимъ предлогомъ вмѣшиваться въ дѣла монастырскія.

Императоръ Алексѣй, пока живъ, можетъ распоряжаться монастыремъ, но по смерти его, единственная начальница его будетъ игуменья, которая будетъ управлять монастыремъ по уставу.

---

*) Уставъ сей изданъ по-гречески въ очень рѣдкомъ изданіи: Analecta Graeca. T. I, 1688. Парижъ.

Если кто въ послѣдствіи захочетъ подчинить монастырь этотъ кому либо, тотъ да будетъ анаѳема (3).

Глава 2-я. Монастырь долженъ быть устроенъ по общежительному уставу:—богатъ ли, бѣденъ ли онъ, много ли, мало ли будетъ въ немъ монахинь, хотя бы оставалось только двѣ, и тогда долженъ соблюдаться общежительный уставъ. Если бы на отступленіе отъ этого устава согласились всѣ монахини и игуменья, то должна отстоять его попечительница; а если и эта согласится, то всякій можетъ требовать возстановленія прежняго устава и изгнанія нарушительницъ устава.

Глава 3-я. По смерти своей, императрица Ирина назначаетъ попечительницею монастыря дочь свою, монахиню Евдокію Порфирородную, въ монастырѣ семъ живущую. Она должна наблюдать, чтобы монастырь не терпѣлъ обидъ и убытковъ, и сохраняемъ былъ уставъ его. При жизни своей, императрица предоставляетъ себѣ право дѣлать въ уставѣ измѣненія и дополненія, которыя и должны имѣть силу равную съ уставомъ. Попечительница не имѣетъ права ни вмѣшиваться во внутреннее управленіе монастыря, ни требовать отчета въ расходахъ. Ея обязанность—защищать монастырь отъ обидъ, примирять несогласія, заботиться о томъ, чтобы не нарушался уставъ. За это ее ежедневно поминаютъ въ монастырѣ и по смерти вносятъ въ диптихи.

Уставъ монастыря долженъ быть ненарушимъ, хотя бы казалось очень выгоднымъ отступленіе отъ него.

Глава 4-я. Если вступитъ въ монастырь которая либо изъ дочерей моей дочери Анны или Маріи, и захочетъ подчиняться во всемъ уставу монастырскому, то дозволяется имъ. Если же не можетъ вдругъ перейти къ суровой иноческой жизни, то пусть живетъ въ особой келліи, подлѣ трапезной (4), съ двумя женщинами, совершая въ келліи свое правило, по усмотрѣнію игуменьи. Мужчинамъ входъ въ монастырь воспрещается. Если необходимость заставляетъ повидаться съ кѣмъ либо, то свиданіе должно быть въ комнатѣ при воротахъ монастырскихъ. Если понадобится выдти изъ монастыря для посѣщенія больнаго или умирающаго родственника, то въ сопровожденіи старшей инокини отправляется въ домъ. Инокиня тотчасъ возвращается въ монастырь, а княжна можетъ остаться на два или на три дня, а въ случаѣ смерти родственника—до погребенія его.

Равно и дѣвамъ знатнаго происхожденія дозволяется жить въ особой келліи съ одною служанкою, но онѣ не могутъ приглашать въ свою келлію инокинь и нарушать уставы обители. И если не послушаютъ внушеній игуменьи, то попечительница можетъ удалить ихъ изъ монастыря.

Глава 5-я. Въ монастырѣ должно быть 24 инокини. Но если увеличатся средства монастыря, то можно увеличить и число сестеръ до 30, и даже 40. Болѣе этого числа нельзя увеличивать. Въ это число не включается игуменья и двѣ дѣвочки, которыя должны воспитываться въ монастырѣ съ тѣмъ, чтобы послѣ принять постриженіе, и шесть прислугъ для сестеръ, которыхъ если мало будетъ, то можно прибавить еще двухъ. Но если умноженіе монахинь будетъ производить несогласіе и неустройство въ монастырѣ, то озаботиться, чтобы монахинь было менѣе. Нужно имѣть прежде всего въ виду строгое соблюденіе устава.

Глава 6-я. Всѣ монахини должны спать въ одной спальнѣ, для этого мною выстроенной; каждая въ виду всѣхъ. Если монахини не помѣстятся въ одной спальнѣ, то отдѣлится еще для этого часть прилежащаго жилища. Но особое помѣщеніе отдѣляется для инокинь, когда подъ надзоромъ настоятельницы занимаются рукодѣліемъ. По назначенію игуменьи, одна изъ сестеръ должна читать въ это время что либо изъ Священнаго Писанія,—это доставляетъ духовное веселіе и облегчаетъ работу.

Спальни, равно и другія келліи, внутри монастыря для инокинь устроенныя, должны быть всегда въ томъ видѣ, въ какомъ первоначально выстроены; измѣнять ихъ расположеніе или внѣшній видъ не дозволяется (5).

Глава 7-я. Отъ вступающихъ въ монастырь не требовать никакого взноса, ни входныхъ денегъ, ни трапезныхъ или столовыхъ, и вообще никакого приношенія *). Но если вступающая сама пожелаетъ пожертвовать что либо монастырю, то принять дозволяется. Но это приношеніе не даетъ никакихъ правъ и преимуществъ, и никогда не должно быть обратно отдаваемо (6).

Глава 8-я. Приношеніе отъ мірянъ, въ движимости или недвижимости, можетъ быть принимаемо. Но на эти приношенія можно только увеличить число сестеръ и дѣлать раздачи бѣднымъ, и издерживать ихъ на праздники и поминовенія, но не на измѣненіе жизни по уставу монахинь.

Глава 9-я. Движимое и недвижимое имущество, жертвуемое въ монастырь, не можетъ быть ни даримо, ни продаваемо, но всегда должно оставаться собственностію обители.

*) Отъ инокинь вступающихъ въ монастырь, какъ видно, были слѣдующія приношенія: 1) ἀποταγή, пожертвованіе при отреченіи отъ міра; 2) συνήθεια,—такъ называлось приношеніе послѣ хиротоніи, а въ иночествѣ, вѣроятно, послѣ постриженія; 3) προσενέξις—взносъ при вступленіи въ монастырь, входное; 4) τραπεζιάτικον—вкладъ за содержаніе столомъ.

Глава 10-я. Если монастырь потерпитъ несчастіе отъ нашествія враговъ, или пожара, или землетрясеній, то для исправленія разрушенныхъ зданій можно продать часть его недвижимости, по совѣщанію старшихъ сестеръ и священниковъ; эта продажа должна быть означена въ книгахъ монастырскихъ.

Глава 11-я. При жизни императрицы Ирины, назначеніе игуменьи зависитъ отъ нея. По смерти ея, сама игуменья, если она близка къ смерти, съ совѣта сестеръ, избираетъ трехъ достойныхъ монахинь. Если же игуменья умретъ, не успѣвъ озаботиться избраніемъ преемницы, то сестры собираются въ присутствіи попечительницы обители и избираютъ трехъ достойныхъ. Въ случаѣ разногласія сестеръ, рѣшаетъ попечительница. Избраніе совершается такъ: духовный отецъ монахинь на трехъ одинаковыхъ хартіяхъ напишетъ: Владыко Господи нашъ Іисусе Христе, сердцевѣдче, заступленіемъ всенепорочной Владычицы нашей Богородицы Благодатной, яви намъ грѣшнымъ, если ты признаешь достойной быть игуменьею нашей сестру нашу такую-то. Всѣ три хартіи съ именами избираемыхъ запечатываетъ своей печатью попечительница монастыря, и священникъ, въ виду ея и сестеръ, полагаетъ ихъ на святую трапезу въ вечеръ субботы, или если случится иной праздникъ Господскій или Богородичный, по совершеніи бдѣнія, и приносятся усердныя молитвы Пресвятой Богородицѣ.

На слѣдующій день послѣ литургіи, когда священникъ еще въ полномъ облаченіи, монахини поютъ Трисвятое, потомъ нѣсколько тропарей съ колѣнопреклоненіями: Помилуй насъ Господи, С л а в а: Господи, призри съ небесе и виждь, и н ы н ѣ: Единородне единосущне. Священникъ говоритъ эктенію; послѣ прочихъ молитвъ прибавитъ прошеніе: еще молимся, да покажетъ намъ Господь Богъ нашъ ту, которая достойна предстоятельства у насъ.—Монахини тридцать разъ поютъ: Господи помилуй, и дѣлаютъ 15 колѣнопреклоненій, воздѣвши руки къ Богу и взывая: Господи сердцевѣдче, покажи намъ достойную предстоятельства у насъ. Послѣ этихъ колѣнопреклоненій священникъ, сдѣлавъ три земныхъ поклона съ тѣми же словами, беретъ одну изъ трехъ хартій и даетъ ее той, которая приложила печать свою. По осмотрѣ цѣлости печати, хартія раскрывается въ виду всѣхъ и та, которой имя написано въ ней, беретъ уставъ и жезлъ, предъ алтаремъ положенные, сдѣлавъ три колѣнопреклоненія. Потомъ она возводится на мѣсто игуменское, и всѣ даютъ ей лобзанія. Послѣ сего приносится благодареніе Богу и священникъ дѣлаетъ отпускъ обычною молитвою.

Если въ монастырѣ не найдется трехъ кандидатокъ для игуменства, то достаточно и двухъ; изъ нихъ долженъ быть сдѣланъ выборъ.

Если же сестры укажутъ на одну, то попечительница монастыря изъ другаго монастыря избираетъ благочестивую монахиню и между ними по установленному порядку дѣлаетъ выборъ (7).

Глава 12-я. Выборы не должны совершаться по пристрастію; ни знатность рода, ни долгое пребываніе въ монастырѣ, ни значительныя пожертвованія не даютъ права на занятіе должностей въ обители, но нужно обращать вниманіе на внутреннее достоинство и способность къ прохожденію должности. Любовь и желаніе спасенія сестрамъ должны быть главными свойствами начальствующихъ.

Глава 13-я. Если игуменья худо управляетъ монастыремъ и ведетъ себя не хорошо, то попечительница монастыря должна ее удалить и сдѣлать новый выборъ. Уволенная игуменья можетъ оставаться въ монастырѣ, если согласится вести себя мирно и тихо, подчиняясь уставу. Если же будетъ производить смущенія, то должна быть совсѣмъ удалена изъ монастыря.

Глава 14-я. Экономъ правитъ подъ надзоромъ игуменьи и получаетъ отъ нея приказанія. Она избираетъ его или изъ священниковъ монастыря, или изъ постороннихъ. По назначеніи, онъ входитъ въ храмъ монастырскій, и, постоявъ нѣсколько, пока сестры прочитаютъ Трисвятое, молится, какъ предъ прочими святыми иконами, такъ и предъ иконою Богоматери Благодатной. Потомъ, принявъ привѣтствіе, выслушаетъ отпускъ священника, выходитъ изъ храма и вступаетъ въ должность эконома.

Обязанность его—наблюдать надъ всѣмъ недвижимымъ имуществомъ, находящимся внѣ города, или въ городѣ, и принадлежащимъ монастырю; рядиться съ наемщиками и сборщиками, смотрѣть за цѣлостію зданій монастыря и исправлять ветхости или поврежденіи. Все это дѣлаетъ онъ по предписанію игуменьи. На немъ лежитъ обязанность своевременной доставки хлѣба, плодовъ, овощей и проч. Онъ доставляетъ все это игуменьѣ и келаршѣ, и все это складывается въ монастырскія хранилища. Онъ представляетъ ежегодные отчеты игуменьѣ о всемъ хозяйствѣ. Въ случаѣ нерадиваго исполненія обязанности, игуменья сообщаетъ о семъ попечительницѣ монастыря, и экономъ удаляется отъ должности. Во всякомъ случаѣ, экономъ есть только исполнитель повелѣній игуменьи. У эконома долженъ быть помощникъ изъ священниковъ; онъ ведетъ запись доставляемыхъ въ монастырь сборовъ деньгами или натурою, и, въ случаѣ отсутствія эконома, исправляетъ его обязанности.

Глава 15-я. Въ монастырѣ должны быть два священника изъ монаховъ-евнуховъ, примѣрной жизни и съ духовнымъ разсужденіемъ. Можетъ быть и не монахъ, но непремѣнно евнухъ. Одинъ изъ свя-

щенниковъ долженъ быть помощникъ эконома. и если изберется въ экономы, то другой долженъ быть назначенъ на его мѣсто.

Глава 16-я. У всѣхъ монахинь долженъ быть одинъ отецъ духовный, опытный въ духовной жизни, и преимущественно изъ евнуховъ.

Глава 17-я. Если мать придетъ повидаться съ монахинею не больною, то, вкусивъ пищу съ монахинями, можетъ пробыть до вечера. Если же дочь ея тяжко больна, то мать можетъ пробыть до вечера другаго дня. Посѣщеніе это можетъ быть одинъ, или два раза въ годъ. Сестра или золовка или племянница могутъ пробыть только одинъ день до вечера. Для мужчинъ входъ въ монастырь не позволяется. Если придетъ отецъ, братъ или мужъ сестры монахини, она, въ сопровожденіи игуменьи, или одной изъ старшихъ сестеръ, можетъ выдти къ воротамъ и, кратко побесѣдовавъ у отворенной двери, тотчасъ возвращается. Если же монахиня больна и не въ силахъ выдти сама, то. въ случаѣ желанія, выносятъ ее къ воротамъ и тамъ бываетъ свиданіе. Сама игуменья не можетъ принимать у себя никого изъ мущинъ. Даже по дѣламъ монастырскимъ, съ разными наемщиками игуменья должна бесѣдовать, сопровождаемая двумя или тремя монахинями, между двумя воротами.

Если ближайшіе родные у какой либо монахини будутъ больны при смерти, то можно ее отпустить съ двумя монахинями, но съ тѣмъ чтобы она воротилась вечеромъ въ монастырь. Благочестивымъ мірскимъ женамъ, или монахинямъ другихъ монастырей, дозволяется посѣтить разъ или два въ годъ монастырь и пробыть въ немъ не болѣе, какъ до вечера другаго дня. Ночевать онѣ должны въ архонтарикіѣ, находящемся подлѣ воротъ монастырскихъ, и ходомъ, который устроенъ тутъ, входить въ монастырь и выходить изъ него (8).

Глава 18-я. Всѣ должностныя лица въ монастырѣ избираются и назначаются игуменьей, по ея усмотрѣнію. Когда нужно совершить такое избраніе, предъ алтаремъ кладутъ ключи и списокъ изъ устава обязанностей избираемой. Монахини прочитаютъ Трисвятое; избираемая, сдѣлавъ три колѣнопреклоненія, беретъ ключи и кланяется игуменьѣ, припадая къ ногамъ ея; когда встанетъ, игуменья говоритъ ей: Всенепорочная и Благодатная Богородица избираетъ тебя къ такой-то должности. Если для должности не требуются ключи, то берется одинъ только списокъ обязанностей.

Глава 19-я. Въ монастырѣ должна быть ризничая (сосудохранительница), которая хранила бы священные сосуды и утварь, принимала бы воскъ и записывала его полученіе и расходъ и представляла бы отчетъ игуменьѣ.

Она должна внутри монастыря чрезъ женщинъ приготовлять свѣчи (τὰ κηρία) для освѣщенія въ храмѣ, положеннаго по уставу на цѣлый годъ, и передавать ихъ екклезіархиссѣ, которая завѣдуетъ освѣщеніемъ церкви, какъ сказано будетъ ниже. Она должна передавать ей все нужное для ежедневной службы и для праздничной, и въ свое время брать назадъ и беречь; а вещи, не требуемыя для употребленія, хранить въ ризницѣ, запечатанныя печатію игуменьи и ея. Все ввѣренное обязана по реэстру сдать, въ случаѣ оставленія должности. Игуменья усердныхъ къ должности должна удерживать на ней, а невнимательныхъ удалять.

Ризничая должна также хранить граматы и книги, наблюдая, чтобы не были повреждены червями; она принимаетъ ихъ по реэстру, и когда понадобится какая хартія, по приказу игуменьи, приноситъ ее, записывая, какая хартія и кѣмъ взята. По прошествіи нѣсколькихъ дней, напоминаетъ игуменьѣ о взятой хартіи, опять ее убираетъ, заботясь, чтобы она не была утрачена.

Если случится, что воску соберется очень много, то для церкви оставить только 500 фунтовъ; остальное продать и употребить на другія нужды монастыря.

Глава 20-я. Екклезіархисса, избранная игуменьей, при самомъ избраніи получаетъ отъ ризничей по запискѣ все нужное для церковной службы, а прочее, по мѣрѣ надобности, въ праздничные дни или иное время. Она заботится о благолѣпіи церковномъ, объ освѣщеніи церкви, сообразно съ предписаніями устава; она беретъ готовыя свѣчи, какъ для ежедневнаго употребленія, такъ и для праздничныхъ дней. На ней лежитъ забота о порядкѣ и чинѣ псалмопѣнія. Ей должна быть помощницею паръекклезіархисса.

Глава 21-я. Въ монастырѣ должна быть трапезенная, которая получала бы и расходовала съѣстные припасы. Она должна записывать, что̀, когда, сколько и откуда получено, и расходовать по приказанію игуменьи, давая отчетъ во всемъ.

Глава 22 и 23-я. Для храненія и расходованія вина и для храненія плодовъ и овощей должны быть назначены особыя монахини.

Глава 24-я. Въ монастырѣ должны быть двѣ казначеи (дохіаріи); одна должна хранить ящикъ съ приходо-расходными деньгами, другая—завѣдывать складомъ одежды.

Казначеи, съ вѣдома и въ присутствіи игуменьи, записываютъ всякій приходъ денегъ въ монастырь, именно сколько, и откуда. Изъ казнохранилища казначея беретъ, по приказу игуменьи, извѣстную сумму денегъ, вписываетъ ихъ въ малую тетрадь, вмѣстѣ съ другою казначеею, расходуетъ ихъ по назначенію игуменьи и записываетъ постепен-

но расходы въ записку. Когда выйдутъ всѣ деньги, представляетъ отчетъ игуменьѣ и расходныя записи влагаетъ въ особую книгу; потомъ опять беретъ деньги, пока не израсходуетъ ихъ. Ящикъ съ приходо-расходными деньгами долженъ быть запечатанъ печатію обѣихъ казначей и игуменьи.

Кромѣ этого ящика, долженъ быть въ ризницѣ другой ящикъ, запечатанный игуменьей, экономомъ, ризничею и казначеями, въ которомъ должны храниться запасныя деньги. Если по прошествіи года окажется излишекъ въ доходахъ, то эти деньги, съ записью о количествѣ ихъ, должны влагаться въ этотъ ящикъ, па случай какихъ либо особыхъ нуждъ монастыря.

Глава 25-я. Должна быть особая трапезенная, которая исполняетъ приказанія келарши и во время обѣда наблюдаетъ, чтобы сестры сохраняли тишину и вкушали пищу, мысленно славя Бога. Она ведетъ списокъ сестеръ и наблюдаетъ всѣ ли ходятъ къ литургіи и за трапезу, и доноситъ игуменьѣ объ отсутствующихъ.

Глава 26-я. Игуменья назначаетъ благочинную (епистимонархиссу), которая наблюдаетъ за порядкомъ жизни монастырской, за скромностію въ общихъ собраніяхъ и во время пѣнія, чтобы сестры не разговаривали между собою, также и во время трапезы чтобы соблюдалась тишина, и во всей жизни—чтобы сестры не празднословили, не лѣнились заниматься работою. Она даетъ наставленія, учитъ иноческой жизни съ кротостію и любовію. Во время рукодѣлій, одна изъ сестеръ должна читать что либо, по назначенію игуменьи, изъ Священнаго Писанія.

Глава 27-я. Двѣ монахини избираются для того, чтобы по запискѣ брать вещи, нужныя для рукодѣлія, раздавать ихъ сестрамъ по распоряженію игуменьи, сдѣланное собирать и по запискѣ сдавать завѣдующимъ одеждою.

Глава 28-я. Казначеи рухлядной принимаютъ по запискѣ все относящееся къ одѣянію монахинь и выдаютъ по приказу игуменьи. У нихъ хранится все прочее, нужное для монахинь: σάγια, πίλοτα (coactilia) ἐφαπλώματα (stragula) и нужное для бани, однимъ словомъ, все до одежды относящееся. Расходу этихъ вещей ведетъ она запись и представляетъ игуменьѣ (9).

Глава 29-я. Привратница назначается игуменьей хранить ключи отъ воротъ, и безъ благословенія игуменьи никого не впускать въ монастырь и никого изъ него не выпускать. Въ привратницы избирается старица жизни честной, всѣми сестрами уважаемая. Каждый вечеръ она относитъ ключи къ настоятельницѣ. Сама она безъ дозволенія игуменьи не можетъ видѣться съ своими родными. Жить она

должна не при воротахъ, но вмѣстѣ съ сестрами, а являться къ воротамъ, когда позвонятъ въ звонокъ.

Глава 30-я. Желающія постригаться въ рясофоръ, т. е. надѣть одежду послушанія и одну мантію, должны шесть мѣсяцевъ провести на испытаніи предварительномъ. Извѣстныя и знакомыя съ уставомъ монастырскимъ могутъ быть постригаемы, по усмотрѣнію игуменьи. Если, имѣя мантію, желаютъ облачиться въ святую схиму благочестивыя мірянки, проводившія въ мірѣ иноческую жизнь, онѣ могутъ не подвергаться трехлѣтнему искусу по заповѣди отцевъ, а чрезъ шесть мѣсяцевъ могутъ удостоиваться полнаго постриженія. Если же приходятъ лица неизвѣстныя, то по прошествіи шести мѣсяцевъ облачаются въ монастырскую одежду, проходятъ назначенное имъ послушаніе и чрезъ три года удостоиваются великаго ангельскаго образа. Только въ случаѣ тяжкой болѣзни срокъ этотъ можетъ быть сокращенъ.

Глава 31-я. Игуменья и экономъ должны заботиться о выборѣ честныхъ и способныхъ людей для управленія имѣніемъ монастыря.

Глава 32-я. О Богослуженіи.

По совершеніи утренняго молитвословія совершается первый часъ, въ концѣ котораго читается молитва: Иже на всякое время. Послѣ сего бываютъ обычныя колѣнопреклоненія; крѣпкія кланяются до земли безъ προσευχαδίου (10), а слабѣйшіе съ помощію ὑποστηρίγματος ταπεινῦ. Колѣнопреклоненіе состоитъ изъ пятнадцати поклоновъ, изъ которыхъ первые три должны быть медленнѣе въ вставаніи и преклоненіи колѣнъ, такъ чтобы каждая сестра, стоя и имѣя простертыя руки, могла сказать три раза: Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшницѣ. Остальные 12 скорѣе, такъ чтобы сестра однажды успѣла произнести эту молитву, стоя на колѣнахъ и однажды вставъ на ноги. Поклоны должны дѣлать всѣ въ одно время, слѣдуя примѣру игуменьи, стоящей предъ олтаремъ. Эти поклоны совершаются, когда вмѣсто: Богъ Господь поется: аллилуіа. Если будетъ праздникъ и литія, и если поется: Богъ Господь, то три первыя колѣнопреклоненія совершаются, какъ выше сказано, но прочія 12 совершаются не въ церкви, а въ келліи. Послѣ трехъ колѣнопреклоненій читается молитва: Боже вѣчный, всея твари содѣтелю (изъ междочасія перваго часа). Послѣ этой молитвы предлагается чтеніе катихизиса (11), а послѣ чтенія читается Трисвятое, установленное за императрицу. При жизни императрицы, читаются тропари: Помилуй насъ Господи, помилуй насъ; Слава: Надежда міра благая; И нынѣ: Никтоже къ тебѣ притекаяй. А послѣ смерти — тропари заупокойные: Помяни Владыко, яко благъ рабу твою; Слава: Упокой, Спасе нашъ; И нынѣ: Никто притекаяй къ тебѣ, прибѣ-

жилище и сила. Послѣ сего, 15 разъ: Господи помилуй. Потомъ прилагается сія молитва: Посылаяй свѣтъ. Всѣ молитвы произносятъ инокини распростерши руки. По окончаніи сей молитвы, когда священникъ произнесетъ обычное молитвословіе, всѣ должны пасть лицемъ на землю. Игуменья произноситъ: «Молите о мнѣ, сестры, Господа, да избавитъ меня отъ страстей и соблазновъ лукаваго». Сестры отвѣчаютъ: «Богъ да спасетъ тебя, честная матерь; молись и ты о насъ святая мать, да избавимся отъ страстей и соблазновъ лукаваго». Игуменья говоритъ: «Богъ, молитвами Святыхъ Отецъ нашихъ, да спасетъ васъ всѣхъ». Вставъ, отправляются въ общее жилище, и тамъ, избѣгая праздности, да занимаются всѣ рукодѣліемъ (12), слушая чтеніе одной инокини, по назначенію игуменьи. Чтеніе предохранитъ отъ пустыхъ разговоровъ и сдѣлаетъ пріятнымъ трудъ.

Глава 33-я. Въ опредѣленное время совершается междочасіе перваго часа, часы третій и шестой съ ихъ междочасіями, въ келліяхъ, или внѣшнемъ притворѣ церкви, по волѣ игуменьи. Пойте и по уставу положенное (τὰ τοπικὰ) въ притворѣ храма. Когда бываетъ бдѣніе, дома не дѣлайте поклоновъ, ради труда бдѣнія, и также въ 12 дней между Рождествомъ и Богоявленіемъ, ни въ Пятидесятницу, ни въ девять дней между Преображеніемъ Господа и Успеніемъ Богоматери, ни во дни двунадесяти Апостоловъ, и въ субботы. Божественная Литургія должна совершаться въ среду, пятокъ, субботу и воскресенье, и въ праздники. Въ четыредесятницу все должно совершаться по Синаксарію.

Съ благоговѣніемъ должно присутствовать при литургіи, а съ разрѣшенія отца духовнаго и съ вѣдома игуменьи приступать къ причащенію. Уклоняться отъ причащенія подъ предлогомъ недостоинства монахиня не можетъ по собственному своему разсужденію. Готовящіяся къ причащенію исполняютъ положенную при семъ службу, и дѣлая другъ другу поклонъ, испрашиваютъ взаимно прощенія.

Глава 34-я. На литургіи должны быть приносимы семь просфоръ (ἑπτὰ ἄρτοι): одна Господня, другая въ честь Богоматери, третья въ честь дневнаго святаго, четвертая объ отпущеніи грѣховъ императора и императрицы, пятая за усопшихъ монахинь, шестая за родителей и сродниковъ императора и императрицы усопшихъ, седьмая за живыхъ родственниковъ императора. Послѣ смерти императора или императрицы, одинъ хлѣбъ приносится за живаго, другой за умершаго изъ нихъ, а когда умрутъ императоръ и императрица, то за упокой обоихъ одинъ хлѣбъ (13).

Въ каждую субботу должны быть приносимы малые кресты за усопшихъ родныхъ нашихъ, за четверыхъ одинъ; они должны быть

записаны въ диптихахъ—быть поминаемы по уставу; равнымъ образомъ и живые, записанные въ диптихи. Каждое воскресенье должны быть приносимы другіе кресты, по числу умершихъ.

Глава 35-я. О девятомъ часѣ, вечернѣ, панихидѣ. Девятый часъ съ междочасіемъ должно совершать въ комнатахъ. Вечернее пѣніе совершается по синаксарю, и вмѣстѣ съ нимъ панихида. Поелику теперь за панихидою поютъ по шести тропарей на каждой пѣсни, то послѣ смерти императрицы четыре тропаря пѣть по синаксарю, а два—заупокойные.

Глава 36-я. Повечеріе совершается послѣ ужина, во внѣшнемъ притворѣ храма; во время его должны быть колѣнопреклоненія, если не постся: Богъ Господь.

Глава 37-я. По окончаніи повечерія, когда священникъ сдѣлаетъ отпускъ, сестры кланяются въ землю игуменьѣ, и она говоритъ: «простите меня о Господѣ, сестры, согрѣшила дѣломъ, словомъ, мыслію. Богъ, молитвами Святыхъ Отецъ, да проститъ всѣхъ насъ» Тогда сестры, отправляясь въ спальню, начинаютъ ночное послѣдованіе и совершаютъ его, по волѣ игуменьи, внѣ спальни или въ самой спальнѣ. Послѣ сего ложатся спать.

Глава 38-я. Въ назначенное время послѣ того, какъ екклезіархисса испроситъ благословеніе игуменьи, начинается полунощница въ притворѣ храма и за тѣмъ утреннее богослуженіе.

Глава 39-я. Послѣ ударенія въ мѣдное било, священникъ возноситъ славословіе Богу, дѣлая кадиломъ знакъ креста предъ святою трапезою. Потомъ, вмѣстѣ съ славословіемъ Богу, сестры читаютъ Трисвятое и поютъ 19 и 20 псаломъ съ обычными тропарями и «Господи помилуй», ровно и внимательно, сколько это возможно. Такъ дѣлается, пока живъ императоръ. По смерти же его, поютъ псалмы: Господь пасетъ мя, и: Тебѣ подобаетъ пѣснь, Боже, въ Сіонѣ. А тропари заупокойные: Помяни Владыко, Упокой Спасе нашъ, Слава и Нынѣ. По окончаніи Трисвятаго, екклезіархисса начинаетъ пѣть шестопсалміе тихо и внимательно, голосомъ низкимъ. По прочтеніи шестопсалмія, совершается утреня, по синаксарію. Бдѣнія въ праздники Господскіе, Богородичные совершаются во всю ночь, также бдѣніе Великаго Канона, страстей Господнихъ, Воздвиженія Животворящаго Креста и Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла. А бдѣнія въ воскресные дни, если съ ними не совпадаетъ Господскій праздникъ, лѣтомъ должны начинаться въ третій часъ, а зимою въ четвертый. Если въ недѣлю случится два бдѣнія, одно праздника Господня, а другое приравниваемое къ воскресеньямъ, то бдѣніе на Господній праздникъ совершается во всю ночь, а меньшаго праздника начинается съ шестаго часа. И на утро слѣ-

дующаго дня послѣ бдѣнія вставать часомъ позже, чтобы не ослабѣть силами.

Глава 40-я. По совершеніи Божественной литургіи, сестры должны оставаться въ притворѣ церковномъ, ожидая призыва къ общей трапезѣ. По удареніи въ било, выходятъ вмѣстѣ съ екклезіархиссою и кланяются игуменьѣ и, получивъ отъ нея благословеніе, начинаютъ пѣть псаломъ обычный: Вознесу тя Боже мой, царю мой, и идутъ къ столу. По окончаніи псалма, садятся по порядку и молча вкушаютъ пищу. Одна игуменья можетъ говорить что нужно, и то тихо. Во время трапезы бываетъ чтеніе (14).

Глава 41-я. Если сестра нарушаетъ тишину трапезы, трапезенная дѣлаетъ ей замѣчаніе, и въ случаѣ непослушанія, игуменья можетъ выслать ее изъ-за стола и лишить трапезы.

Глава 42-я. Если сестра какая-либо добивается занять высшее мѣсто, посадить ее на послѣднее мѣсто. Если и тогда не оставитъ своего любочестія, выслать изъ монастыря.

Глава 43-я. Во время обѣда, одна другой не должна передавать ни пищи, ни питія, но если какой сестрѣ потребность есть, кромѣ своей доли, еще въ пищѣ и питіи, пусть попроситъ у игуменьи.

Глава 44-я. За трапезу должны всѣ непремѣнно приходить; только больныхъ кормятъ въ особой келліи; объ нихъ игуменья должна пещись, какъ о своихъ членахъ.

Глава 45-я. Послѣ обѣда сестеръ, обѣдаютъ служащія ту же пищу. Никому не позволяется изъ трапезы уносить съ собою что либо съѣстное.

Глава 46-я. Въ дни литійные, во вторникъ, четвергъ, субботу, воскресенье, за трапезою должны быть два или три кушанья изъ рыбы и тѵрѡ. Въ понедѣльникъ два или три кушанья изъ овощей, сваренныхъ съ масломъ, и молюсковъ (раковъ), если найдутся. Въ среду, пятницу—два или три блюда изъ овощей, вареныхъ съ масломъ, и плодовъ (15).

Если въ понедѣльникъ, среду и пятницу предложено будетъ отъ кого либо изъ христолюбцевъ утѣшеніе (16), или встрѣтится праздникъ Господскій, или 12 Апостоловъ, или мучениковъ, или святителей, тогда предлагается также рыба.

Питія дается большая кружка (въ шесть унцій). Игуменья можетъ и увеличить мѣру. За ужиномъ предлагается хлѣбъ съ зеленью и нѣсколько фруктовъ. Питія таже мѣра.

Глава 47-я. Въ великій постъ, въ понедѣльникъ первой недѣли, пищи не дается; въ прочіе дни—овощи, смоченые въ водѣ, или плоды какіе либо; питіе—теплая вода съ тминомъ (17). Въ пятницу пред-

лагаются два кушанья вареныя, одно съ масломъ, другое безъ масла, и вина дается большая кружка (18), ради праздника святаго мученика Θеодора. Въ субботу даются молюски, а если христолюбецъ какой предложитъ, то можно ѣсть и рыбу.

Во всѣ субботы и воскресные дни поста предлагаются три кушанья, вареныя съ масломъ; то же—въ среду четвертой недѣли и въ четвергъ пятой, когда поется Великій Канонъ. Во вторники и четверги прочихъ недѣль предлагаются два кушанья вареныхъ съ масломъ, а вина малая кружка. Въ понедѣльники два кушанья: одно вареное съ масломъ, другое безъ масла, а вина малая кружка. Въ среды и пятницы два кушанья вареныхъ, но безъ масла; вина малая кружка. Если въ понедѣльникъ, вторникъ, четвергъ, субботу или воскресенье случится обрѣтеніе главы Іоанна Предтечи, или 40 мучениковъ, или праздникъ Благовѣщенія, за трапезою предлагается рыба и большая кружка вина. Если какой либо изъ сихъ праздниковъ случится на первой недѣлѣ поста, пища предлагается такая, какая положена во вторникъ и четвергъ прочихъ недѣль четыредесятницы, и вина большая кружка. Во всѣ прочіе дни четыредесятницы рыба не подается, развѣ принесена будетъ отъ кого либо въ субботу или воскресенье.

Праздникъ Благовѣщенія празднуется свѣтло, и за трапезою подается рыба. Но если Благовѣщеніе будетъ на Страстной недѣлѣ, то довольствоваться молюсками, или лучше имѣть утѣшеніе только отъ праздника. Въ понедѣльникъ, вторникъ и среду этой недѣли готовить овощь, зелень и плоды съ теплымъ питьемъ изъ тмина. Если праздникъ Благовѣщенія случится въ понедѣльникъ, вторникъ и четвергъ этой недѣли, можно употреблять молюски; въ среду и пятницу—вареные овощи и зелень съ масломъ, и вина большая кружка. Въ великую субботу, не смотря на праздникъ Благовѣщенія, постъ не разрушается.

Въ великій четвертокъ, когда не будетъ въ этотъ день Благовѣщенія, пища такая же, какъ во вторникъ и четвергъ прочихъ недѣль, а вина большая кружка. Въ великій пятокъ варенаго не должно быть, но даются зелень и плоды и кружка вина ради труда бдѣній.

Въ великую субботу одно подкрѣпленіе по уставу дается (διακλυσμός) (19).

Глава 48-я. Въ постъ Святыхъ Апостоловъ и Рождественскій трапеза предлагается въ началѣ седьмаго часа. Въ понедѣльникъ, среду и пятницу предлагаются два кушанья съ масломъ и большая кружка вина. Во вторникъ и четвергъ два или три кушанья; въ субботу и воскресенье дается рыба, и всякій день большая кружка вина. Дается и ужинъ—хлѣбъ, зелень и плоды того времени, и кружка вина. Если

будетъ усердіе христолюбцевъ, то и въ другіе дни дается рыба. Въ оба поста правило пищи одинаковое, съ тѣмъ различіемъ, что въ постъ Рождественскій, въ тѣ дни, когда не поется: Богъ и Господь, дается одинъ обѣдъ, въ девятомъ часу; въ прочіе дни бываетъ и ужинъ, только на немъ дается малая красоуля вина. Въ праздникъ Введенія подается рыба, а въ другіе дни—если поусердствуетъ кто либо.

Глава 49-я. Тайноядение воспрещается.

Глава 50-я. Для сего должна быть сохраняема полная нищета. Не только не должно имѣть у себя денегъ (20), но и ничего съѣстнаго: кто не имѣетъ ничего, тотъ не можетъ впасть въ грѣхъ тайноядения. Игуменья осматриваетъ сестеръ, чтобы у нихъ ничего не было кромѣ даннаго отъ общежитія.

Глава 51-я. Сестры не должны тяготиться уставомъ, но радоваться, что онѣ свободны отъ всякихъ заботъ. Отъ общей трапезы никто да не удаляется подъ предлогомъ подвижничества. Желающая можетъ изъ всего предлагаемаго только пробовать, а не ѣсть, но за трапезой должна быть.

Глава 52-я. Все нужное для инокинь въ одеждѣ, обуви и всѣхъ мелочахъ должно быть отъ монастыря. Всѣ эти вещи должны быть закупаемы во-время, когда дешевле, и храниться для удовлетворенія нуждъ сестръ. Приставленныя сестры наблюдаютъ не только за тѣмъ, чтобы новыя вещи были цѣлы, но и за тѣмъ, чтобы старыя исправлять и починивать. Сестры свободныя отъ заботъ удобнѣе могутъ молиться за себя и строительницу монастыря.

Глава 53-я. Вышедшія изъ другихъ монастырей, или высланныя изъ нихъ, не должны быть принимаемы въ эту обитель, какъ бы ни были знатны и богаты, и какой вкладъ ни обѣщали бы. Здѣсь принимаются безъ вклада, и принятіе вклада подъ какими либо условіями будетъ нарушеніемъ устава.

Глава 54-я. Жены добродѣтельной жизни, постриженныя и не въ семъ монастырѣ, могутъ быть принимаемы, если ихъ влечетъ сюда любовь къ уставу или къ намъ. Но отнюдь не принимать тѣхъ, кого присылаетъ царь, патріархъ или другой знатный человѣкъ. Но если такая потомъ окажется нарушительницею правилъ устава, ее выслать изъ обители.

Глава 55-я. Уставъ общежительный долженъ быть во вѣки ненарушимъ въ обители, хотя бы средства ея дозволяли имѣть только двухъ монахинь. Если захочетъ нарушить игуменья, пусть возстанутъ противъ нея монахини; если и игуменья и монахини согласны будутъ на измѣненіе устава, да заступится за него попечительница, а если и попечительница вознерадѣетъ о немъ, всякій ревностный христіанинъ да явится защитникомъ устава.

Глава 56-я. Пища, питіе, одежда и все должно быть въ монастырѣ одинаково, какъ у игуменьи, такъ и у послѣдней монахини. Только для больныхъ готовится особая, сообразно болѣзни, пища.

Глава 57-я. Для больныхъ инокинь долженъ быть приглашаемъ врачъ—евнухъ или старецъ; игуменья отведетъ особую келлію для больныхъ, закупаетъ нужныя лекарства во-время и хранитъ тамъ. Но монахини не должны быть требовательны во время болѣзни и просить того, чего нѣтъ, а довольствоваться тѣмъ, что есть, или что удобно и не дорого достать (21).

Глава 58-я. Монахини здоровыя каждый мѣсяцъ пользуются банею, а больныя, когда предпишетъ врачъ.

Глава 59-я. Въ праздникъ Успенія Богоматери снимаются обычныя кандила и вѣшаются серебряныя, со многими свѣтильниками, и серебряныя лампады, въ которыя вливаютъ елей съ водою, и всѣ вжигаются. Въ лампады предъ иконостасомъ и на поклонѣ вливается шесть унцій воску съ бомбициновой свѣтильней; предъ праздничной иконой фунтъ воску. Въ алтарѣ, по бокамъ престола, два свѣтильника въ 6 унцій. Приготовить нужно розовую воду, алоевое дерево и другія благовонія (22).

Въ этотъ день раздаются бѣднымъ у воротъ три мѣры хлѣбовъ и нумій на шесть солидовъ; для сестеръ покупается достаточное количество рыбы.

Глава 60, 61, 62, 63, 64-я. Одинаково съ Рождествомъ Богородицы празднуется Воздвиженіе, святаго мученика Димитрія и Введеніе во храмъ. Рождество Христово и Богоявленіе празднуются какъ Успеніе Богоматери. Срѣтеніе празднуется какъ Благовѣщеніе и недѣля Вай. Праздники Вознесенія, Пятидесятницы, Святыхъ Апостоловъ празднуются какъ Рождество Богородицы. Преображеніе—какъ Успеніе Богоматери. Во всѣ праздники подается милостыня бѣднымъ. Но и каждый день раздавать третью часть мѣры хлѣба и остатки отъ трапезы.

Глава 65-я. Каждый мѣсяцъ, въ началѣ его, долженъ быть прочитываемъ вслухъ всѣхъ уставъ сей, чтобы тверже помнили его сестры.

Глава 66-я. Въ храмѣ должны неугасимо днемъ и ночью горѣть лампады, одна въ алтарѣ (ἐν μυάχιω), одна предъ иконою Богоматери Благодатной, одна въ притворѣ и одна во внѣшнемъ притворѣ или паперти. Когда въ какой либо ракѣ положены мощи, то предъ ними лампада.

Глава 67-я. Лампады повѣшенныя среди хора зажигаются одна послѣ другой при началѣ церковной службы.

Глава 68-я. Вощинки денно и нощно горятъ—одна въ алтарѣ, другая предъ иконою Благодатной (23).

Глава 69-я. О поддержаніи водопровода.

Глава 70-я. По тѣснотѣ монастыря, для погребенія инокинь приписанъ монастырь Келарскій, бывшій Патріаршій (24). Въ этомъ монастырѣ должны жить четыре монахини, получая ежегодно отъ монастыря каждая по 80 модій морскихъ пшеницы, 12 морскихъ мѣръ вина, пятьдесятъ фунтовъ сыра, τυρού, одинъ модій овощей. кромѣ того. ежегоднаго жалованья 24 номисмы и на одежду по номисмѣ (25).

Въ семъ монастырѣ долженъ быть мірской священникъ, который бы отправлялъ службу, псалмопѣніе, заботился объ освѣщеніи. Все нужное для богослуженія берется изъ монастыря Благодатной. Въ случаѣ смерти монахини, во внѣшнемъ притворѣ церкви (на паперти) совершается псалмопѣніе и одѣяніе ея; а потомъ умершая относится въ монастырь Келарскій монахинями или служанками, сопровождаемая сестрами, которымъ прикажетъ игуменья, и тамъ погребается въ гробницѣ монахинь, и ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть здѣсь похороненъ никто изъ постороннихъ.—Особыя усыпальницы должны быть для служанокъ обители, для игуменій, для имѣющихъ полное постриженіе и для прочихъ монахинь, и также особое для монахинь монастыря Келларейскаго (26).

Монахини сопровождавшія усопшую возвращаются въ монастырь, и въ третій, девятый и сороковой день поминовеніе творитъ по ней священникъ и монахини того монастыря. За каждой литургіею бываетъ поминовеніе, равно за утренею и вечернею читаются эктеніи о упокоеніи ихъ до сороковаго дня и приносится особая просфора. Екклезіархисса записываетъ день памяти ихъ и ихъ имена вноситъ въ диптихи. Священники за каждою литургіею читаютъ диптихи, и кромѣ того каждую пятницу, послѣ свѣтильничныхъ, бываетъ общее поминовеніе всѣхъ монахинь. Если не будетъ праздника, сестры читаютъ заупокойные каноны, дѣлая парастасимонъ; говорится и эктенія за всѣхъ усопшихъ.

Въ субботу мясопустную, въ субботу сыропустную и въ субботу пятидесятницы умершія поименно воспоминаются. Также въ дни памяти ихъ бываетъ литургія и приносится просфора. Въ субботу сыропустную и въ субботу пятидесятницы пусть берутъ одну просфору въ память своихъ родныхъ. Привратница соберетъ эти просфоры и раздаетъ ихъ у воротъ.

Глава 71-я. Перечисляются лица, о которыхъ творить поминовеніе въ обители. Въ день памяти ихъ бываетъ заупокойная панихида или бдѣніе съ парастасимомъ; церковь освѣщается великолѣпнѣе, на литургію приносится просфора и кутія; на бдѣніяхъ, утрени, литургіи, вечерни говорятся эктеніи о упокоеніи. Сестрамъ за трапезою пред-

лагается также утѣшеніе, какъ и въ большіе праздники. Но если въ среду и пятницу случится память, подаются одни молюски, исключая памяти императора. Если поминовеніе будетъ въ великую четыредесятницу, въ вечеръ пятницы бываетъ панихида, а утѣшеніе монахинямъ дается въ субботу—молюски. Но если кто принесетъ и рыбу, разрѣшается ѣсть.

Глава 72-я. Омовеніе ногъ совершаетъ игуменья въ задней части храма, προνάω

Глава 73-я. Въ зданіяхъ монастырскихъ не должно быть никакого измѣненія. Нужно ли что исправить, или вновь перестроить—все должно быть устроено такъ, какъ теперь выстроено; никакихъ новыхъ воротъ въ монастырь не должно быть дѣлаемо (27).

Глава 74-я. Посторонніе не должны видѣть то, что̀ есть въ монастырѣ. Посему не дозволять, чтобы строились зданія выше монастырской ограды, а у существующихъ зданій должны быть сломаны верхнія части, если возвышаются надъ оградою монастырскою.

Глава 75-я. Въ монастырь не впускать въ праздники и пѣвцовъ. Елеосвященіе совершаемое въ субботу Ваій должно совершаться въ церкви усыпальницы, и оттуда одинъ изъ семи священниковъ приходитъ въ монастырь и помазываетъ сестеръ. Крестные ходы не должны выходить изъ-за стѣнъ монастыря. Въ церкви монастырской, ни во время пѣнія, ни во время чтенія, и вообще никогда не дозволяется заниматься рукодѣліемъ (28).

Глава 77-я. Списки устава должны храниться: въ ризницѣ великой церкви, у попечительницы, въ ризницѣ монастырской и въ рукахъ монахинь (29).

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПРЕДЫДУЩЕЙ СТАТЬѢ

Д. чл. И. Д. Мансветова.

1) Нѣкоторыя подробности относительно топографіи этого монастыря содержатся въ 79 и 80 главѣ устава [1]). Обѣ эти главы составляютъ позднѣйшее прибавленіе и написаны были уже по смерти императора Алексѣя и его дѣтей Андроника и Евдокіи, о которыхъ въ предшествующихъ главахъ этого документа упоминается какъ о живыхъ. Такъ какъ монастырь Благодатной состоялъ подъ покровительствомъ императорскаго дома, и нѣкоторые члены царской семьи имѣли здѣсь постоянное пребываніе въ качествѣ попечительницъ, то императрица Ирина возвела около монастыря, за его оградою, но въ чертѣ монастырскихъ владѣній, нѣсколько обширныхъ зданій (πολυτελεστέρων οἰκημάτων), которыя служили помѣщеніемъ для царицы, ея семьи и прислуги, какъ мужской, такъ и женской (τῶν παίδων καὶ τῶν ὑποχειρίων ἡμῶν ἀνδρῶν τε τῶν γυναικῶν). Отмѣтимъ здѣсь выраженіе ὑποχείριος, которому буквально соотвѣтствуетъ старорусское — подручный. На этой монастырской землѣ или усадьбѣ находились два двора (ἔξω αὐλή); на одномъ изъ нихъ помѣщались жилыя зданія, а другой, въ сторонѣ отъ него, прежде былъ занятъ виноградникомъ, но потомъ этотъ виноградникъ былъ сведенъ и мѣсто разчищено. Здѣсь же была и церковь св. Димитрія, съ двумя банями (σὺν τοῖς δυσὶ λουτροῖς). Монастырь снабжался водою, проведенною изъ источника (с. 69). Владѣтельницѣ этого участка, одной изъ членовъ царскаго дома, предоставляется право возводить на немъ новыя зданія, также поправлять и измѣнять старыя помѣщенія, но лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы сосѣдство этихъ зданій не могло вредить стѣнамъ, которыми отдѣлялся участокъ отъ монастыря Благодатной съ одной стороны, и обители Христа Человѣколюбца, съ другой. Отсюда видно, что дворъ монастырскій лежалъ между двумя монастырями, изъ которыхъ послѣдній былъ мужскимъ и построенъ мужемъ императрицы Ирины, Алексіемъ Комненомъ. Какъ видно, царскіе покои граничили со стѣною сада мужскаго монастыря и отличались высотою и роскошью постройки. По смерти царицы Анны, преемница ея правъ по отношенію къ монастырю, дочь ея княгиня Ирина обязывается снести эти палаты и

---

[1]) Мы цитуемъ мѣста изъ этого устава по изданію его у Кательера: Ioan. Bapt. Cotelerii Eccles dr. monumenta tom IV, 1692 a, p. 128—307.

надстроить пограничную стѣну еще на два локтя въ вышину. Такъ какъ эти внѣмонастырскія строенія назначались, между прочимъ, и для помѣщенія разнаго рода прислужниковъ, то отъ нихъ требуется строгій образъ жизни, дозволяется строиться на отведенныхъ мѣстахъ, но стѣны должны быть такой высоты, чтобы чрезъ нихъ нельзя было видѣть, что̀ дѣлается въ сосѣднихъ монастыряхъ, мужскомъ и женскомъ (ἀνδρῷα μονὴ καὶ γυναικεῖα). Изъ подробнаго описанія окружности монастыря видно, что съ восточной его стороны находилась больница съ пристройкою (παρακέλλιον), къ востоку же монастырь граничилъ съ владѣніями (усадьбою, ρομίς) женскаго монастыря св. Николая. Съ сѣверной стороны находился домъ царскаго вестіарія, или чиновника, завѣдывавшаго царскимъ гардеробомъ; на западѣ—усадьба съ монастырскою мастерскою (ἐργοδόσιον). Монастырская церковь стояла съ сѣверной стороны, и крыло (παράπτερον) ея было обращено къ западу. Изъ пограничныхъ съ монастыремъ зданій упоминается εἰκονοστάσιον императрицы, подъ которымъ Дюканжъ разумѣетъ божницу или молельню, принадлежавшую царицѣ.

2) Это отсутствіе уставовъ монастырей женскихъ и неимѣніе подробныхъ свѣдѣній объ ихъ устройствѣ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что женскіе монастыри, какъ въ Греціи, такъ и у насъ на Руси, управлялись тѣми же уставами, которые приняты были для монастырей мужскихъ. Императрица Ирина, давъ типикъ своему монастырю, не создала какой нибудь новый уставъ, но воспользовалась тѣми правилами, которыя изложены въ уставахъ тогдашнихъ монастырей Царьградскихъ и Аѳонскихъ, кое-что дополнивъ и примѣнивъ къ условіямъ женскаго общежитія. Система управленія, лица управляющія, порядокъ монастырской жизни и службы по этому уставу тѣ же, что и въ Студійскомъ патріарха Алексія, и въ позднѣйшемъ уставѣ Саввы Сербскаго. Что касается до вліянія его на русскую монастырскую практику, то, конечно, оно могло быть; но такъ какъ изъ русскихъ источниковъ ничего неизвѣстно объ этомъ уставѣ, то и остается нерѣшеннымъ: распространялось ли это вліяніе путемъ уставовъ мужскихъ монастырей, или чрезъ подражаніе устройству монастырей женскихъ. У насъ на Руси женскіе монастыри становятся извѣстны одновременно съ мужскими. Въ Патерикѣ печерскомъ упоминается о женскомъ монастырѣ, въ которомъ приняла постриженіе мать пр. Ѳеодосія Печерскаго. Монастырь этотъ, какъ видно, находился въ завѣдываніи какого-то женскаго лица изъ дома княжескаго, и назывался монастыремъ св. Николая,—можетъ быть, по подражанію женской обители того же имени въ Константинополѣ. Антоній, говорится въ Патерикѣ печерскомъ, «возвѣстивъ о ней (матери Ѳеодосія) княгини, впусти ю въ монастырь женскъ именуемъ св. Николы и ту пострижену ей быти» .. (Яковлева, Пам. XII—XIII в., стр. 13). Очень вѣроятно, что русскіе пилигримы, которыхъ въ то время было много на Востокѣ, принесли извѣстіе объ этомъ монастырѣ въ Кіевъ, и по подражанію ему устроился здѣсь одноименный монастырь женскій. Подъ 1037 г. лѣтопись упоминаетъ о церкви св. Ирины, при

которой впослѣдствіи былъ устроенъ монастырь, а подъ 1086 г. занесено болѣе подробное свѣдѣніе о женскомъ Андреевскомъ монастырѣ, основанномъ Всеволодомъ. Лѣтопись говоритъ: «Всеволодъ заложи церковь св. Андрея, створи у церкви тоя монастырь, въ немъ же пострижеся дщи его дѣвою именемъ Янька. Сія же Янька, совокупивши черноризцы (sic) многи, пребываше съ ними по монастырскому чину». Изъ послѣднихъ словъ ясно видно, что монастырь, гдѣ постриглась Янька или Анна, имѣлъ извѣстный чинъ или уставъ и, вѣроятно, былъ мужской и женскій въ одно время, потому что подъ 1127 г. упоминается Григорій игуменъ св. Андрея, а подъ 1231 г. игуменъ Семенъ. Для отправленія службы въ женскихъ монастыряхъ, для завѣдыванія нѣкоторыми предметами хозяйства, нужны были священники и другія лица мужскаго пола. Уставъ Ирины для такихъ должностей назначаетъ іеромонаховъ или мірскихъ священниковъ изъ евнуховъ. Это дѣлало необходимымъ устроивать женскіе монастыри вблизи мужскихъ, и мы дѣйствительно видимъ, что около монастыря Кехаритоменисъ находился мужской—Христа Филантропа, и изъ него-то, быть можетъ, приходили сюда для службы монахи. Такъ и Андреевскій монастырь въ Кіевѣ былъ мужской, но около него помѣщался и женскій. Примѣры подобнаго размѣщенія монастырей нерѣдки въ позднѣйшей исторіи русскаго монашества. Такъ Евфросинія Полоцкая основала два смежные монастыря, мужской и женскій, предоставивъ власть «держати и рядити обама монастыря сестрѣ своей Евдокіи» (Пыпинъ. Пам. стар. рус. литер. т. IV, стр. 177).

3) Самоуправленіе монастырей было обычною привилегіею тѣхъ изъ нихъ, которые устроивались лицами царскаго дома, или высокопоставленными чинами двора. Въ такомъ случаѣ самъ государь, или кто либо изъ членовъ царской семьи, принималъ на себя званіе попечителя монастыря, и это попечительство сохранялось иногда непрерывно въ нисходящемъ потомствѣ царскаго дома (какъ это установила на нѣсколько генерацій царица Ирина). Савва Сербскій, устроивъ монастырь Хиландарскій, предоставляетъ ему такую же самосудность и независимость въ управленіи, подкрѣпляя это преимущество ссылкою на царскія грамоты или хрисовулы, которыми утверждалась за монастыремъ неприкосновенность его внутренняго самоуправленія. «Заповѣдую убо всѣмъ вамъ, говоритъ 13-я глава устава св. Саввы, да будетъ свободенъ святый монастырь сей отъ всѣхъ здѣ владыкъ и отъ прота и отъ иныхъ монастырей, и отъ особныхъ владыкъ. И ни подъ каковыми же будетъ правдами (судами), ни царскими, ни церковными, ни инѣмъ никимъ же» (Гласникъ Серб. Друж. XX, стр. 183). Такъ какъ это право автономіи записывалось и формулировалось въ юридическихъ документахъ того времени извѣстною стереотипною фразою, то понятно, почему и въ уставѣ напр. Хиландарскомъ встрѣчаются на этотъ счетъ выраженія, буквально сходныя съ уставомъ Ирины. Напр., цѣлая тирада противъ нарушителей этого права, съ присоединеніемъ проклятія. Что же касается до назначенія попечительницы (ἀντιλαμβάνουσα) въ мона-

стырь Благодатной, то это было въ обычаѣ не только греческихъ, но и русскихъ монастырей. Уже въ завѣщаніи Аѳанасія Аѳонскаго упоминается о блюстителяхъ лавры, которые существовали независимо отъ игумена и считались ея покровителями и защитниками: «Я думалъ было святаго царя оставить блюстителемъ священной Лавры, но убоялся, нашедши это дерзкимъ, говоритъ Аѳанасій въ своемъ завѣщаніи.... а оставилъ блюстителемъ, покровителемъ и заступникомъ нашего во Христѣ общества и нашей лавры благочестивѣйшаго господина моего Никифора, славнѣйшаго патриція и приставника Каникліи (Зап. Покл. Св. Горы. 176). Въ нашей церковной практикѣ принятіе монастырей въ попечительство царское было явленіемъ обычнымъ; по свидѣтельству Патерика печерскаго, Ѳеодосій передъ смертію поручилъ свой монастырь покровительству князя Святослава (Печ. пат. л. 41 обор.). Но тогда какъ греческіе монастыри оставляли игумена ни отъ кого независимымъ въ управленіи монастыремъ и ограждали его права отъ всякаго контроля со стороны, въ нашей практикѣ попечительство княжеское или царское соединялось съ полными правами на счетъ монастырскаго управленія. Передавая свой монастырь покровительству в. князя Василія Ивановича, Іосифъ Волоцкій говоритъ: «и кого государь пожалуешь, послѣ меня велишь быть игуменомъ, и тотъ бы игуменъ и братія жили по преданію..... а кто не восхощетъ, о семъ тебѣ своему государю челомъ бію и со слезами молюсь, да не попустиши сему быти» (А. И т. I, № 288).

4) Ὄπισθεν τȣ̃ μύακος τῆς τραπέζης τῶν μοναζȣσῶν ἐχομένως τȣ̃ περιβόλȣ (p. 156),—буквально: позади выступа монашеской трапезной, рядомъ со стѣною, потому что трапеза, означая столъ, употребляется и въ смыслѣ самой комнаты гдѣ обѣдали (refectorium), подобно тому какъ и у насъ слова трапеза и трапезная означаютъ одно и то же. Выраженіе «μύαξ τῆς τραπέζης» даетъ понять, что трапезная въ монастыряхъ устроивалась съ полукруглымъ выступомъ и имѣла абсидальную форму, которая въ Византіи была употребительна не только въ храмовыхъ постройкахъ (для алтарнаго полукружія), но и въ зданіяхъ житейскихъ. Такъ напр. извѣстно, что во дворцѣ императорскомъ въ Византіи золотая палата или тронная зала имѣла видъ осьмиугольной ротонды, которой каждая сторона заканчивалась выступомъ. Если трапезная составляла продолженіе церкви, въ такомъ случаѣ планъ послѣдней долженъ былъ быть овальнымъ. Что касается до устройства царской келліи, то она состояла изъ двухъ частей: главнаго жилаго помѣщенія (κελλιον) и пристройки къ нему (παρακέλλιον), съ необходимыми принадлежностями. Въ 80 главѣ устава говорится о пристройкѣ или передней комнатѣ (παρακέλλιον) при больницѣ. Вальсамонъ подъ этимъ именемъ разумѣетъ службы при томъ же помѣщеніи, какъ напр. кухню (см. Du Cange sub h. voce). *) Любопытныя подробности относительно устрой-

---

*) У насъ въ старину паракельниками назывались занимавшіеся чисткою отхожихъ мѣстъ при домахъ **Пр. ред.**

ства старорусскихъ монашескихъ келлій даетъ одинъ разсказъ въ житіи Евфросина псковскаго. Здѣсь разсказывается о монахѣ Евфросиновой обители Захаріи, который, затопивъ печь въ своей келіи, выбросилъ оставшуюся «въ пазухѣ пещной» горящую головню «на внутренемъ дворцѣ близъ прпсѣнія келейнаго и, возвратившись въ келью, заснулъ. Произошелъ пожаръ: занялось преддверіе келейное и огонь перешелъ къ самымъ дверямъ келейнымъ» (Пам. Р. Л. т. IV, 107).

5) Спальня (κοιτωνίσκος), или большая комната, назначенная жилымъ помѣщеніемъ для монахинь, составляла часть большаго зданія, въ которомъ, отведено было и помѣщеніе для рукодѣльной комнаты (р. 161). Κοιτωνίσκος есть уменьшительное отъ κοιτῶν спальня (ἱερὸς κοιτῶν называлась царская спальня во дворцѣ Const. Porph. de cerem. p. 7), и замѣняется иногда словомъ κοιμητήριον (Typ. Iren. 210), означающимъ и спальню и кладбище. Согласно съ терминологіею греческою, и въ нашей старинной церковной письменности слово кладбище не употребляется, но передается выраженіями: покоище (Синод. уставъ № 380. л. 2), успница (κοιμητήριων, ibid. 238 обор.).

6) Эти взносы упоминаются и въ уставахъ мужскихъ монастырей, какъ напр. въ уставѣ Богородичнаго царьградскаго монастыря патріарха Алексѣя. А такъ какъ этотъ уставъ былъ положенъ въ основу монастырской организаціи у насъ на Руси, то съ правилами его о вкладахъ, безъ сомнѣнія, соображались и монастыри русскіе. Въ Алексѣевомъ уставѣ подробно говорится о братскихъ вкладахъ, и одинъ изъ его видовъ называется отрицаніемъ соотвѣтственно греческому ἀποταγή (Оп. р. С. Б. III 267). Объ ἀποταγή упоминается и въ уставѣ Саввы Сербскаго, изъ котораго мы приведемъ небольшую выдержку объ этомъ предметѣ, любопытную какъ образчикъ терминологіи. «Не наслують приходящихъ о нѣкіихъ отрѣкшихъ се уже приношеніяхъ.... Паче же речемъ истину: покладъ ((ἀνάθημα Typ. Iren. p. 163) принесе Богу и пречистой Его матери. Ино бо есть (ἀποταγή) отреченіе и (προσένεξις) принесеніе, а другое даръ и милостыня, подаяніе или покладъ» (Гласн. Др. Сербск. XX, 206).

7) Избраніе игуменьи по жребію составляетъ замѣчательную особенность устава царицы Ирины и не упоминается ни въ одномъ изъ извѣстныхъ уставовъ греческихъ и славянскихъ, точно также какъ объ этомъ обычаѣ малоизвѣстно и изъ практики мѣстныхъ монастырей. Общепринятою формою избранія настоятелей было назначеніе ихъ по выбору братіи и утвержденіе согласіемъ царскимъ, если монастырь находился подъ попечительствомъ. «Егда преставится игуменъ ко Господу, говорится въ уставѣ Саввы Сербскаго, или своимъ хотѣніемъ оставитъ игуменство, то да соберутъ икономъ и экклесіархъ отъ старѣйшихъ братій десять или двanадесять, и вшедши въ церковь соборомъ да изберутъ себѣ игумена» (стр. 185). Къ жребію прибѣгали въ случаѣ разногласія. Въ уставѣ византійскаго вельможи Михаила Атталіата, изданномъ для устроеннаго имъ

монастыря и при немъ богадѣльни, (1077 г.) читается: «если возникнетъ несогласіе о достоинствѣ двухъ лицъ, пусть напишутъ имена ихъ на двухъ кускахъ бумаги, положатъ на престолъ въ алтарѣ и совершатъ службу. Затѣмъ пусть войдетъ невинный и непорочный мальчикъ, возметъ одну изъ хартій и вынесетъ. Чье имя будетъ найдено, тотъ и будетъ признанъ достойнымъ экономства и игуменства» (Σαθας. Μεσαγωνικὴ Βιβλιοθ. 1, σ. 27—28). Въ нашей церковно-административной практикѣ избраніе по жребію также имѣло мѣсто, напр. въ Новгородѣ, при назначеніи владыкъ, и еще позднѣе повторилось въ Москвѣ, при назначеніи патріарха. Такимъ путемъ избранъ былъ патріархъ Іосифъ, бывшій дотолѣ архимандритомъ Симонова монастыря. «По его, государеву, указу, написаны бяху на жеребьяхъ (имена избираемыхъ)... и написавъ тѣ имена, велѣлъ государь передъ собою положить въ чистомъ воску, и умѣривъ всѣ равны и запечатавъ своею царскою печатью, послалъ тѣ шесть жребій предъ св. литургіею въ церковь Успенія Пр. Богородицы... со своимъ Государевымъ бояриномъ, княземъ Алексѣемъ Михаиловичемъ Львовымъ (Др. Рус. Вивл. VI, 230), который, отъ лица государя обратясь къ священному собору, говорилъ слѣдующее: «и выняти жребій вамъ предъ чудотворнымъ образомъ Богородицы Владимірскія, да который жребій вынется, того Богъ изволитъ и Пречистая Богородица изберетъ быти патріархомъ» (ibid. 233). Посредствомъ жребія въ древней Руси рѣшались вообще недоумѣнія по спорнымъ вопросамъ религіознаго свойства. Такъ у Владиміра Мономаха произошелъ споръ съ Давидомъ и Олегомъ Святославичами изъ-за того, что послѣдніе желали помѣстить мощи Бориса и Глѣба на правой сторонѣ устроенной въ честь ихъ церкви, а Мономахъ хотѣлъ поставить ихъ по срединѣ храма. Для рѣшенія спорнаго вопроса, митрополитъ и духовенство предложили обратиться къ жребію. Именно—написали на двухъ хартіяхъ имена князей и положили ихъ на престолѣ. Послѣ литургіи взятъ былъ одинъ изъ свитковъ, и вынулся жребій Святославичей. Новгородская лѣтопись упоминаетъ о такомъ же способѣ рѣшенія вопроса, по случаю несогласія между строителями одной церкви. Во время мора, бывшаго въ Новгородѣ, жители новгородскіе положили въ совѣтѣ построить обыденную церковь, но при этомъ «овіи глаголаху, нѣсть во градѣ церкви св. Ап. Матѳея, а иніи глаголаху: св. Апостола и Евангелиста Марка». Архіепископъ разсудилъ рѣшить этотъ вопросъ жребіемъ, и игуменъ хутынскій Ѳеодосій изъ двухъ положенныхъ на престолъ свитковъ взялъ жребій Ап. Матѳея; а жребій Ев. Марка остался на престолѣ, что и было принято за рѣшеніе въ пользу имени послѣдняго (3. Новг. лѣт. подъ 7041 г.).

8) Ἀρχονταρίκιον,—такъ назывались въ средневѣковомъ официальномъ языкѣ помѣщенія или палаты для знатнѣйшихъ чиновъ византійскаго двора (см. Du Cang. Glossar. graec. sub h. voce). Но въ уставѣ императрицы Ирины дѣло едва ли идетъ о какомъ либо изъ зданій, назначенныхъ для лицъ царской семьи или для ихъ прислуги—«δεσποτικὰ οἰκήματα». Скорѣе это была келья, или небольшое зданіе, служившее гостинницей и находив-

шееся, какъ видно, въ промежуткѣ между двумя воротами, изъ которыхъ однѣ вели внутрь монастыря, а другія внѣ его, на монастырскій дворъ. Что существовало извѣстное разстояніе, отдѣлявшее эти ворота и затруднявшее доступъ въ монастырь, видно изъ того, что въ уставѣ этомъ, нѣсколько выше, игуменьѣ, для переговоровъ съ посторонними лицами, позволяется выдти только за внутреннія ворота (ἔσω πυλῶν) монастыря и, стоя между ними и внѣшними, выслушать пришедшихъ для какой либо надобности (см. Not. ad Typic. Iren. p. 187). Нынѣ архондарикомъ называются на Аѳонѣ монастырскія гостинницы.

9) Σαγίον (sagum)—длинный верхній плащъ въ костюмѣ средневѣковыхъ византійцевъ. Въ монашеской одеждѣ, σαγίον соотвѣтствуетъ мантіи. Πιλωτόν—набитая волосомъ перина или матрацъ: «τὸ ἐξ ἐρίων εἰργασμένον πρὸς τὸ κοιμᾶσθαι ἐπιτήδειον πιλωτὸν ϑάμεν» Du Cang. sub. voce πῖλος, c. De ceremon. p. 487. Ἐφαπλῶμα—простыня, подстилка, коверъ.

10) Προσευχάδιον, προσευχή—у Константина Порфиророднаго употребляется въ значеніи молельни, придѣла, или особеннаго отдѣленія при главной церкви, куда удалялись царь и патріархъ по окончаніи выходовъ, и здѣсь слушали литургію, когда самъ патріархъ не служилъ (De ceremon. aulae byzant. p. 118, 172). Далѣе, Προσευχάδιον, fulcimentum,—называлась подставка или скамейка, на которой клали поклоны, вмѣсто того чтобы становиться колѣнами наземь, или доставать лицемъ до полу. О трудности колѣнопреклоненій и земныхъ поклоновъ, назначенныхъ для монаховъ, можно судить изъ слѣдующихъ мѣстъ въ уставѣ Саввы Сербскаго, гдѣ говорится: «да бываютъ три поклоны велики, досѣжуще главою до земли могущимъ, немощнымъ же по силѣ» (стр. 167). Для облегченія труда класть поклоны и было назначено употребленіе «просевхадія». Въ практикѣ первыхъ русскихъ монастырей было уже извѣстно его употребленіе, подъ именемъ кладки или колбицы. Въ Патерикѣ печерскомъ разсказывается, что, по смерти Николы Святоши, пришелъ въ монастырь его братъ, «прося у игумена на благословеніе (послѣ брата) креста, иже у парамандіи его, и возглавница и кладки, на ней же кланяшеся» (Яковл. 104). Позднѣйшая благочестивая Русь унаслѣдовала этотъ монашескій обычай и употребляла для молитвы поклонныя скамеечки или колодочки, на которыя клались земныя поклоны. О нихъ упоминается въ числѣ другихъ предметовъ, составлявшихъ обстановку царицыныхъ моленныхъ комнатъ, такъ: «134 года, февраля 17 отпущено на царицыну на поклонную колодочку на обивку три аршина безъ чети бархату казылбашскагò червчатаго» (Забѣл. Домашній бытъ р. царицъ. Матеріалы, № 356). Или другая запись такого же рода: «159 г. шатерный мастеръ Иванъ Янышевъ обивалъ сукномъ государыни царицы Марьи Ильиничны поклонную скамейку» (ibid. № 364).

11) Катихизисъ—такъ называются (огласительныя) поученія Ѳеодора Студита.

12) Ἀνθέξεσθε πᾶσαι τῶν ἐργοχείρων ὑμῶν. Рукодѣліе, подъ которымъ разумѣется разные роды ручнаго механическаго труда, было обязательнымъ правиломъ монашеской жизни и составляетъ особую статью въ уставѣ монастырскаго обихода. Не имѣя готоваго матеріальнаго обезпеченія, древніе монастыри поддерживали свое существованіе трудомъ рукъ своихъ и сами приготовляли для себя необходимыя средства къ жизни. Работы дѣлились на два главные класса: на работу келейную—домашнюю, которая была обязательна для всѣхъ, и внѣ-келейныя—полевыя, черныя работы, для которыхъ назначалось извѣстное число работниковъ. Въ уставѣ Аѳанасія Аѳонскаго поименовываются кузнецы, погоньщики, корабельники, плотники, пекари и другіе рабочіе. Въ уваженіе къ труднымъ обязанностямъ ихъ послушанія, имъ назначается болѣе питательный столъ, чѣмъ прочей братіи и сокращается время молитвы (Антон. 210). Согласно съ этою статьею греческаго монастырскаго устава, и въ нашей монастырской практикѣ рукодѣліе составляло непремѣнную обязанность каждаго изъ членовъ монастырской общины. Эти лица, въ Синодальномъ уставѣ № 380, называются ручными хитрецами (л. 254) и въ извѣстные дни имѣютъ порозъ (праздникъ, свободу, σχολή vacatio) отъ ручныхъ дѣлъ (ἐργοχείρων) до половины дня или на весь день (ibid. л. 68, 69); иногда же монахи имѣютъ порозъ часамъ (службѣ), кромѣ ручныхъ дѣлъ. Подобныя же замѣчанія разсѣяны по многимъ мѣстамъ Типографскаго устава № 287 (см. Синакс. подъ 1 ноября и др.).

О первыхъ насельникахъ Кіево-Печерскаго монастыря въ Патерикѣ говорится: «Еще же и рукама своими дѣлахуть и ово ли копытца плетущи, ово клобуки и ина ручная дѣла строяще и тако носяще въ градъ, продаяху и тѣмъ жита купляху и се раздѣляхуть, да каждый въ нощи свою часть измеляше на строеніе хлѣбомъ. Таже потомъ начатокъ пѣнію заутреннему творяху и паки дѣлаху ручное свое дѣло, другоици же во градѣ копахуть зеліинаго ради растенія»... за тѣмъ послѣ литургіи и трапезы «паки дѣлы свои кійждо имяшеть» (Яковл. 19). Въ рукописномъ уставѣ Типографской библіотеки № 45, въ главѣ о одежахъ и о обущахъ и всей тѣлесной потребѣ (гл. 56) говорится, что монахи приготовляли сиряди: «во дневномъ бдѣніи по чтеніи вси иноци сѣдяще дѣлаютъ иже отъ насъ глаголемыя сиряди своими рукама .. ихъ же и пришиваютъ на братніихъ одеждахъ, якоже есть обычай инокомъ». Въ случаѣ удаленія инока изъ монастыря, «тогда убо того (т. е. сирядь) отъ одежи его отшивше у себѣ удерживаютъ». Сирядь, отъ греческаго (σεῖρα—catena) σειράδιον (funiculus), означаетъ работу изъ плетеныхъ нитокъ, или кусокъ вязаной матеріи.

13) Указаніе на то же седмиричное число просфоръ находится и въ Синодальномъ уставѣ № 380, въ главѣ о литургіяхъ заупокойныхъ и заздравныхъ (Опис. рук. III 266). Такъ какъ этотъ уставъ въ подлинникѣ составленъ патріархомъ Алексѣемъ, для основаннаго имъ близь Константинополя монастыря Благодатной (1035 г.), то практика, здѣсь отмѣченная, почти

на столѣтіе предупреждаетъ правило изложенное въ уставѣ Ирины и, очень вѣроятно, служила для послѣдняго основаніемъ. Разность въ назначеніи просфоръ по Синодальному уставу сравнительно съ Ирининымъ легко объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что монастырь Κεχαριτωμένης былъ царскимъ учрежденіемъ, а потому память его основателей и ихъ семейства была поставлена на первомъ планѣ въ службѣ проскомидіи. «И проскуры убо повсегда, якоже рекохомъ, да бываютъ: шесть убо малыхъ, едина же братіи больши, иже и возношеніе наричется за ны живыя же и отъ житія отшедшихъ» (Оп. С. Б. III. 266).

14) Правила о пищѣ по уставу императрицы Ирины имѣютъ нѣкоторое значеніе для нашей старорусской бытовой практики и могутъ служить объясненіемъ нѣкоторыхъ хозяйственныхъ обычаевъ и относящейся сюда терминологіи. Здѣсь различаются два стола: одинъ послѣ литургіи «τὸ ἄριστον» передаваемый въ старинныхъ нашихъ уставахъ словомъ «обѣдъ» «обѣдняя трапеза» (въ Патерикѣ печерскомъ упоминается «объ обѣдѣ великомъ»); другой столъ, послѣ вечерни, называется вечерію (δεῖπνον), вечернею трапезою, ужиномъ, а служба, слѣдовавшая за нею, называлась ἀποδεῖπνον, павечерница. Любопытное замѣчаніе объ ужинѣ находится въ Синодальномъ уставѣ № 380, гдѣ говорится: «вечеря ради (т. е. для вечери, ужина) ничесоже варити подобаетъ, не студена же его ѣдятъ, но тепло: отъ обѣда до вечера соблюдено будетъ образомъ таковымъ: по обѣдѣ угліе горяще въ поварницѣ на огнищѣ оставляется, а на немъ сосудъ скудельный станетъ до вечера» (Опис. 257). Объ ужинѣ (δεῖπνον) упоминается въ 46 гл. устава Ирины и въ типикѣ Саввы Сербскаго подъ именемъ «вечеряти», въ 9 главѣ (стр. 180).

15) Утѣшеніе παράκλησις (Du Cange sub h. voce) Такъ называется въ нашемъ уставѣ болѣе разнообразная и питательная трапеза у монаховъ въ дни большихъ праздниковъ. Иногда она устроивалась изъ пожертвованій, доставляемыхъ въ монастырь съѣстными припасами отъ богомольцевъ или христолюбцевъ. Такъ въ Патерикѣ печерскомъ разсказывается о болярынѣ Іоаннѣ, который, наполнивъ три воза брашна, хлѣбъ и сыры и рыбы, сочиво же и пшено, еще же и медъ, все это послалъ въ монастырь Ѳеодосія. Изъ этихъ припасовъ келарь устроилъ для братіи обѣдъ великъ, на которомъ блаженный радовался веселіемъ духовнымъ (Яковл. 40, 41). Особенный видъ этихъ даровыхъ трапезъ составляли обѣды, извѣстные въ нашей русской практикѣ подъ именемъ кормовъ. Эти кормы иногда доставлялись натурою, а иногда устроивались на денежные взносы вкладчиковъ. Въ обиходникѣ Іосифова Волоколамскаго монастыря помѣщены любопытныя свѣдѣнія для знакомства съ устройствомъ этихъ поминальныхъ столовъ. «Кто похочетъ, говорится здѣсь, учинити вѣчную память себѣ и родителемъ своимъ и всему роду своему, и корму на братію быти на всякъ годъ, доколѣ монастырь Пречистые стоитъ, даетъ 100 рублей или 200, или 300, 400 и 500, или село, или деревень противъ того цѣною»

(Опис. С. Б. III, 397). Кормы или обѣды по количеству блюдъ раздѣлялись на большіе, когда вносилось на нихъ устройство 12 рублей, средніе—при 6 и 7 рублевомъ взносѣ и меньшіе—при 5-рублевомъ. Въ монастырскомъ обиходѣ эти дни строго соблюдались; вклады записывались въ кормовыя книги, а имена поминаемыхъ въ сенаники (или синодики, древніе диптихи, теперешніе помянники). Для большей памяти поминальные дни вмѣстѣ съ обѣдами отмѣчались на поляхъ уставовъ и другихъ служебныхъ книгъ и такимъ образомъ увѣковѣчивались въ монастырской практикѣ (См. такого рода замѣтки на поляхъ Синодальнаго устава № 380).

16) Ὄσπριον, ἑφητόν σὺν ἐλαίῳ. Въ уставѣ Синодальномъ этотъ родъ пищи передается словами: да поставится вариво рекше съ зеліемъ и съ масломъ древянымъ. Ἑξάγιον—мѣра въ шесть унцій (Vid. Clossar Du Cange, sub h. v. Reiskii annott. ad Const. Porphyrog. p. 816).

17) Ἐξ ὀσπρίων διαβρόχων ὕδατι. Въ уставѣ Саввы Сербскаго передается: отъ сочива квашена въ водѣ. Καὶ ὠμῶν τινῶν λαχάνων, ἴσων καὶ ὀπωρῶν, и отъ зелія сурова и овоштія. Πόμα δὲ θερμὸν ὕδωρ κυμίνῳ συνηρθυμένον, питіе же вода варена съ кминемъ. По устав. Синод. № 380—Укропъ, уха.

18) Εἰς πόσιν τὸ συνήθες μέγα κρασοβόλιον. Въ уставѣ Саввы: давати же и вина обычнымъ красовуломъ. Кромѣ обычнаго большаго, былъ еще «красовулъ малый, т. е. полъвеликаго» (Сав.), ἐλάττον ἑξαγιον (229) ἐλάττον κρασοβόλιον (Iren. 234). Но какъ велика была эта мѣра—не знаемъ. Судя по тому, что у Дюканжа переводится красоволь словомъ cyathus, можно назвать его кружкою. Въ Синод. уставѣ кросовулю соотвѣтствуетъ «чаша урочная».

Μαγείρευμα—вариво. Въ Синод. уставѣ: Магеріе рекше вариво (л. 198).

19) Διακλυσμός. Въ уставѣ Саввы Сербскаго это слово оставлено безъ перевода: діаклизмъ да бываетъ предъ церковію по обычаю (стр. 182).

20) Ὀβόλος, въ уставѣ Саввы Сербскаго переводится словомъ «мѣдница» (196).

21) Изъ топографіи монастыря видно, что на восточной его сторонѣ находилась больница (νοσοκόμιον), съ пристройкою (р. 296); въ ней-то и должны были находить себѣ пріютъ престарѣлыя и больныя монахини. Забота о больныхъ составляла одну изъ обязанностей настоятеля, вслѣдствіе чего въ древнѣйшихъ уставахъ положена на этотъ счетъ особенная глава. Такъ въ Синодальномъ (№ 380) читается глава: «О недужныхъ и о старыхъ», въ уставѣ Саввы Сербскаго: «О больницѣ и работающихъ больнымъ» (стр. 209). «Заповѣдаемъ, говорится здѣсь, избрати больнымъ келлію добру на больницу, и одры поставити больнымъ на возлежаніе и покой, и брата имъ давать, да служитъ имъ всѣмъ (а въ случаѣ большаго числа больныхъ и двухъ), и мангаль (μαγάλις) великій мѣдный, ради огня, въ немъ же больнымъ воду грѣти и отъ мѣста на мѣсто преносити». Въ Печерскомъ

монастырѣ врачебная помощь также подавалась больнымъ безотлагательно. Вмѣстѣ съ княземъ Николаемъ Святошею прибылъ сюда лѣчець хитрый вельми, именемъ Петръ, который «приготовлялъ зелія на потребу врачеванія, якъ же недугъ когда бяше ино огненьное жженіе или теплота кручинная» (стр. 102). Между Кіевопечерскими иноками Агапитъ прославился какъ безвозмездный врачъ; онъ обратилъ на путь истины одного невѣрующаго врача-армянина, который затѣмъ поселился навсегда въ обители Θеодосіевой. Въ житіи Пимена упоминаются «мниси на то устроеніи больнымъ служити» (ibid. 183).

22) Рядъ слѣдующихъ главъ, отъ 59 до 68 включительно (за исключеніемъ 65), содержатъ правила объ освѣщеніи церкви въ большіе праздники и ежедневно. Излагаемыя въ этомъ отдѣлѣ подробности «относительно посвѣта (φωταφίας) церковнаго» имѣютъ для насъ особенное значеніе по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя проясняютъ внутреннее устройство греческихъ храмовъ XI—XII вѣка и даютъ понятіе о древнѣйшихъ средствахъ и о способахъ церковнаго освѣщенія, употреблявшагося въ эту пору. Кромѣ того, любопытно сравнить эти главы съ статьею Синодальнаго устава № 380 «о посвѣтѣ церковномъ» и объяснить темныя мѣста древне-славянскаго перевода черезъ сличеніе его съ подобною же статьею въ уставѣ греческомъ. Главнымъ источникомъ свѣта, снабжавшимъ всю церковь, служили такъ называемыя πολυκάνδηλα, въ Синод. уставѣ переводимыя словомъ поникадила, полукандилѣ. Въ средніе вѣка это былъ самый употребительный изъ большихъ освѣтительныхъ приборовъ, и употреблялся какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, не только въ церкви, но и въ большихъ зданіяхъ. Такими канделябрами увѣшана была тронная палата дворца Магнауры при пріемѣ иноземныхъ пословъ при Романѣ и Константинѣ, но паникадила эти взяты были изъ придворной церкви, νέας ἐκκλησίας, и монастыря Сергія и Вакха (Const. Porphyr. de offic. p. 570). Спальня царицы на восьмой день послѣ родовъ, когда ребенку давали имя, также украшалась роскошными занавѣсями и паникандилами (ibid. 618). На западѣ эти люстры назывались коронами. Coronae erant ampli quidam circuli pendentes per catenas e laquearibus ecclesiae, ad quas coronas appendebantur lychni ad illuminandas tenebras in nocturnis vigiliis. Такое огромное паникадило, двадцати локтей въ окружности, снабженное 36 лампадами, висѣло посрединѣ Софійскаго храма на желѣзной цѣпи, прикрѣпленной къ потолку. Рядомъ съ πολυκανδήλα упоминаются еще χυτρικανδήλαι и αργυροι κρατῆρες, которые, какъ наши лампады, наливались масломъ.

Кромѣ лампадъ упоминается еще о восковыхъ свѣчахъ, κηρία, которыя помѣщаются передъ иконостасомъ (ἐν ταῖς λαμνάις τῶν τέμπλων) и на поклонѣ (τῶν προσκυνήσεων) Передъ иконою праздника упоминается о стоячей переносной лампадѣ (μανβάλιον) съ 12 свѣтильниками. Что такое τέμπλον, о которомъ здѣсь упоминается? Дюканжъ, а за нимъ Котельеръ въ примѣчаніяхъ къ уставу Ирины, разумѣютъ подъ τέμπλον киворій или

сѣнь надпрестольную, но изъ приводимыхъ ими выписокъ видно, что словомъ τέμπλον называется снабженная иконами предъалтарная преграда или иконостасъ. Историкъ Малала, разсказывая о разграбленіи Константинополя Литовскими крестоносцами, говоритъ, что они унесли, между прочимъ, и τέμπλον сребропозлащенный, многоцѣнный, рѣзной, съ изображеніями апостоловъ, пророковъ, іерарховъ, мучениковъ, преподобныхъ,—τέμπλον, имѣвшій по срединѣ икону Христа и Богородицы съ Предтечею (Du Cange, sub v. τέμπλον). Дѣло, очевидно, идетъ объ иконостасѣ, и притомъ многоярусномъ, судя потому, что онъ состоялъ изъ изображеній, теперь помѣщаемыхъ въ отдѣльныхъ поясахъ. Въ памятникахъ нашей письменности τέμπλον переводится словомъ тябло *), которое означаетъ или весь иконостасъ, или какой либо изъ его поясовъ. Не указывая на позднѣйшіе источники, приведемъ самое раннее указаніе на употребленіе слова «тябло» въ этомъ значеніи изъ извѣстнаго Синодальнаго устава № 380, гдѣ, въ статьѣ о посвѣтѣ церковномъ, находятся слѣдующія выраженія: «вожьгуться на паникадилѣхъ по пяти кандилъ, а на тяблѣ и въ папѣртѣ по три..... свѣщь же по единой на иконѣ на тяблѣ.... въ начатокъ же канона да въжгутся по три свѣщи на тяблѣ предъ иконами.... а у иконъ иже на тяблѣ по три свѣщи» (л. 278). То, что теперь называется иконостасомъ, въ уставѣ Синодальномъ и Типографскомъ извѣстно подъ именемъ алтарной преграды, но изъ главы о посвѣтѣ видно, что эта преграда была снабжена иконами, но во сколько рядовъ—этого сказать нельзя. Дополнимъ, что одни иконы назывались «въ тяблѣ», другія удольными, т. е. находящимися внизу. Другое выраженіе, самое употребительное въ иконологіи стараго времени: «икона на поклонѣ», также имѣетъ свое происхожденіе въ обычаяхъ грековъ размѣщать иконы въ церкви и оставлять главный образъ на поклонѣ, εἰς προσκύνησιν (Typ. Iren. p. 246). Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ, приведемъ выдержку изъ Патерика печерскаго о средствѣ и способѣ освѣщенія въ обители при Ѳеодосіѣ. Онъ разсказываетъ, что передъ наступленіемъ храмоваго праздника Успенія не оказалось «масла древянаго на вліянія въ кандила». Тогда «помысли строитель церковный изъ сѣмени льну избити масла и то вольявше въ паникадила, вжещи и». Но когда приготовленное масло оказалось негоднымъ къ употребленію, неожиданно для всѣхъ «нѣкто отъ богатыхъ принесе корчагу велику зѣло, полну масла древянаго» (Яковл. 44). Но были въ употребленіи и восковыя свѣчи, и въ житіи Пимена болѣзненнаго упоминается о свѣщѣ, которую дали ему при постриженіи ангелы, сказавши: «до 40 дней и нощій сія свѣща да не угаснетъ» (ibid. 182).

23) Вощинки—въ подлинникѣ: κηρία δὲ ἀπτέσθωσαν (p. 553). Κηρίον (отъ κηρός, cera, воскъ) означаетъ восковую свѣчу: cereus, cierge, и въ этомъ значеніи очень часто употребляется въ обрядовыхъ греческихъ книгахъ, а въ славянскомъ переводѣ передается словомъ: свѣча. Напр., въ Синод.

*) Наше «тябло», кажется, слишкомъ далеко отъ τέμπλον: скорѣе всего оно взято съ τάβλα, tabula, рама для иконъ, иконостасный поясъ. Пр. ред.

уставѣ, № 380: кутьникъ (дастъ братіи) по единой свѣщи въ двѣ унки (ὄγγιον—онгіонъ—унція) (л. 271). «Въ началѣ канона да въжгутся по три свѣщи на тяблѣ.... по кончаніи же утрени, да вземлются ты свѣща и да потъчены (вставлены, утверждены—πηγνύσθωσαν) будутъ ины дѣлы» (ibid 278). Но иногда слово κηρίον употребляется и въ значеніи лампады; напр. «το κηρίον, ἤγουν ἡ λαμπάς» (Const. Porphyr. De ceremon. p. 65. Codin. de offic. p. 96).

24) Практика монастыря Благодатной относительно погребенія объясняется въ уставѣ исключительными условіями, именно тѣснотою монастырскаго помѣщенія; но нѣчто подобное встрѣчается и въ обычаяхъ другихъ монастырей. Такъ, патріархъ Алексѣй строго запретилъ хоронить кого либо изъ иноковъ въ своемъ монастырѣ, а назначилъ для этого монастырь Студійскій, гдѣ онъ получилъ первоначальное аскетическое воспитаніе и отъ котораго не хотѣлъ отдѣляться и по смерти. Плодомъ этого благодарнаго отношенія къ Студійской обители осталась въ Алексѣевомъ уставѣ глава «О томъ, яко не погребати никогоже въ монастыри (своемъ)», будетъ ли то настоятель, или инокъ его монастыря, или кто либо изъ постороннихъ, хотя бы онъ внесъ за это большой денежный вкладъ. Самъ патріархъ Алексѣй приготовилъ себѣ могилу въ своемъ монастырѣ лишь уступая настойчивому желанію братіи, и избралъ мѣстомъ своего погребенія притворъ Пантелеимона, находившійся при главной церкви. Въ Печерскомъ монастырѣ, при расширеніи его помѣщенія въ новыхъ пещерахъ, старыя были назначены для кладбища, и при нихъ состоялъ особенный священникъ для отправленія погребенія и поминовенія умершихъ, имена которыхъ вносились въ сенаникъ, при чемъ обозначалось время смерти каждаго. Въ Хиландарскомъ монастырѣ кладбище братское также находилось въ завѣдываніи особо назначеннаго на то священника, и для отправленія поминовенія «былъ отлученъ въ гробницы и взаконенъ іерей» (Тип. Саввы, 205).

25) На одежду выдавалось по номисмѣ. Ежегодная денежная выдача вмѣсто снабженія готовою одеждою имѣла мѣсто въ Хиландарскомъ монастырѣ и опредѣлялась 27 главою устава Саввы Сербскаго. Изъ этой главы оказывается, что устроитель монастыря въ началѣ положилъ было давать на каждаго брата готовыя «рясы швенны», но когда стали выходить жалобы, будто одному дано лучше, а другому хуже, то онъ установилъ вмѣсто выдачи натурою давать каждому изъ братіи на одежу опредѣленную сумму денегъ—«самымъ себѣ куповати одежды», и только вновь приходящимъ выдавать «рясу и срачицу». Отмѣчаемъ это постановленіе, какъ рѣдкій фактъ въ исторіи монашескаго общежитія (Тип. Сав. Серб. 197—98).

26) Σταταραία. Такъ называются особые склепы или могилы на келарскомъ кладбищѣ, назначенныя для погребенія извѣстнаго класса лицъ, принадлежащихъ къ монашеской общинѣ. По объясненію Котельера (Not. ad

257 p. Typic. Iren.), «haec vox significare videtur tumbam sev sepulcrum, multis corporibus humanis aptum». Встрѣчается это слово и у Константина Порфиророднаго, въ главѣ о гробницахъ царскихъ въ храмѣ Св. Апостоловъ (De ceremon. p. 642). Эта церковь была назначена для погребенія византійскихъ императоровъ и другихъ лицъ царскаго дома, подобно московскому Архангельскому собору. Въ этой главѣ одиночныя гробницы называются обыкновенно λάρναξ, но подъ σταταραία разумѣются саркофаги, вмѣщавшіе нѣсколько тѣлъ,—то, что въ катакомбной терминологіи обозначается выраженіями: loca bisoma, trisoma, quatrisoma, etc. Напр. ςαταραία ἐν ῄ ἀπόκειται ἡ Μακαρία Θεοδώρα ἡ τȣ̃ Θεοφίλȣ γυνὴ καὶ αἱ τρεῖς θυγατέρες αὐτῆς (p. 647). Ἑτέρα ςαταραία ἐν ῄ ἀπόκειται Μαριανὸς ὁ γεγονὼς δομέςικος τῶν σχολῶν καὶ Συμβάτιος ο ἀδελφὸς αὐτȣ̃ p. 648 (см. Annott. Reiski ad h. loc. p. 769). Слово статарея въ памятникахъ нашей письменности не встрѣчается, но обычай общихъ могилъ изъ Византіи перешелъ къ намъ и сдѣлался извѣстнымъ какъ въ монастырской, такъ и въ мірской практикѣ. Лица связанныя между собою отношеніями близкаго родства, тѣсной дружбы и побратимства, не желая и по смерти разлучаться другъ съ другомъ, устроивали себѣ общую могилу, въ которой и находили посмертный покой. Въ Печерскомъ патерикѣ разсказывается о двухъ братьяхъ духовныхъ, соединенныхъ любовію сердечною отъ юности и единоуміе имущихъ и едину волю, которые умолили Марка пещерника «да имъ устроитъ мѣсто общее и ту абіе положена будета, егда Господь повелитъ» (стр. 180). Въ повѣсти о Петрѣ и Февроніи Муромскихъ передается подобный же случай общей могилы. Передъ смертію они сотворили совѣтъ «да будутъ положены во единомъ гробѣ, и повелѣста учредити въ единомъ камени два гроба, едину токмо преграду имуще между собою». Но жители Мурома находили, «яко въ монашестѣмъ образѣ не угодно есть положити ихъ въ единомъ гробѣ, и учредили имъ гробы особые (Пам. стар. р. литер. I, 44—45).

27) Глава LXXIII заключаетъ нѣсколько любопытныхъ дополнительныхъ свѣдѣній о внутреннемъ устройствѣ монастыря и его постройкахъ. Видно, что главный монастырскій храмъ былъ перестроенъ и приведенъ въ лучшій видъ еще при жизни императрицы, которая прибавила къ нему очень красивый νάρθηξ (или притворъ рядомъ съ церковію), а къ нартексу придѣлала деревянную паперть (или внѣшній притворъ, ἐξωνάρθηξ). Спальню монахинь она отдѣлила глухою стѣною, въ которой не позволяется продѣлывать ни дверей (πόρτα), ни дверокъ (παραπόρτιον), ни оконъ (θυρὶς), ни другихъ какихъ отверстій (τοξικὴ, окно въ видѣ маленькой арки, отверстіе въ стѣнѣ, откуда стрѣляли во время осады) (Du Cange, sub. h. voce). Изъ того, что починка крышъ на монастырскихъ зданіяхъ называется «ανακεράμωσις», видно, что зданія были крыты черепицею.

28) Гл. LXXVI. Исключеніе изъ общаго правила о погребеніи, выраженнаго въ LXX гл., составляютъ лица царской крови, родственницы импе-

ратрицы. Тѣ изъ нихъ, которыя при жизни были попечительницами монастыря и владѣтельницами царскихъ палатъ, имѣютъ право, если пожелаютъ, быть погребенными въ самомъ монастырѣ, и для этого имъ отводится мѣсто во внѣшнемъ притворѣ или паперти главной церкви, ἐν τῷ ἐξωνάρθηκι. Здѣсь онѣ могутъ устроивать для себя гробницы, по собственному желанію, и предъ каждою гробницею день и ночь должна горѣть неугасаемая лампада. Всѣ другія лица, какого бы происхожденія ни были, ни подъ какимъ предлогомъ не могутъ хорониться въ монастырѣ. Изъ этого обычая хоронить храмоздателей и другихъ почетныхъ лицъ въ паперти объясняется происхожденіе древняго церковнаго обряда, выходить въ дни поминовенія въ притворъ, или крыло церковное, и тамъ пѣть литію за храмоздателей. Обыкновеніе это, вмѣстѣ съ греческимъ уставомъ, вошло въ нашу церковную практику, и нашло себѣ мѣсто на страницахъ нашего устава. Напр., въ Синодальн. № 380: «исходятъ же въ крыло церковное и поютъ за создавшаго тропарь». Въ другомъ, также Синодальномъ, № 384, положена особенная статья «О томъ когда бываетъ исхожденіе въ притворъ, и когда не бываетъ». Подъ исхожденіями здѣсь разумѣются выходы для панихидъ. Упоминаніе о неугасаемой лампадѣ передъ гробницами показываетъ, что и въ 66 главѣ о нихъ же идетъ рѣчь, когда говорится: ὅταν ἔν τινι τάφῳ φθάσῃ τεθῆναι λείψανον, ὀφείλει ἅπτειν κανδῆλα μία (Typ. Iren. p. 252).

29) Кромѣ четырехъ списковъ устава (τυπικόν), упоминается о столькихъ же экземплярахъ описи монастырскаго имущества (βρέβιον). Обычай вести такія записи идетъ издалека, и что касается до церковнаго имущества, то мы имѣемъ одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ этого рода въ такъ называемомъ обрядникѣ Константина Порфиророднаго. Здѣсь, въ 40 главѣ 2-й части, помѣщенъ отрывокъ изъ инвентаря нѣсколькихъ придворныхъ церквей и дворцоваго гардероба (De ceremon. p. 640). Такія же описи можно найти въ изданіи актовъ Аѳонскаго Пантелеимонова монастыря, и въ упомянутомъ выше уставѣ (διατάξις) Михаила Атталіата. Здѣсь послѣдняя глава, подъ именемъ ἀρχὴ τοῦ βρεβίου τῆς μονῆς τοῦ πανοικτήρμονος, содержитъ перечень монастырскаго имущества подъ рубриками: иконы, сосуды, книги, пелены и недвижимыя владѣнія (Σαθας. I, 45—52). Что касается до матеріала и отдѣлки этихъ записей, то въ уставѣ Ирины три экземпляра βρεβίου и Типика были изготовлены на пергаменѣ (τυπικὰ καὶ βρέβια σωματῶα), а переплетъ былъ обложенъ дорогою шелковою матеріею извѣстною подъ именемъ βλάτιον. Четвертый же экземпляръ, назначенный для постояннаго употребленія въ монастырѣ, былъ написанъ на бомбицинѣ или особенномъ сортѣ бумаги—βάμβαξ, откуда происходитъ и прилагательное βαμβύκινος.

МОСКОВСКІЙ ЗВЕНИГОРОДЪ

И ЕГО УѢЗДЪ

ВЪ ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ.

Д. чл. Архимандрита Леонида.

Московскій Звенигородъ съ волостями и со всѣмъ, «что къ нему изъ старины потягло», упоминается впервые лишь въ духовной грамотѣ великаго князя московскаго Ивана Даниловича Калиты (1328—1341), которую обыкновенно относятъ къ 1328—1331 годамъ. Время же основанія его, какъ посела и города, неизвѣстно. Остается также неизвѣстнымъ, кто изъ московскихъ князей и какимъ путемъ (куплею или насиліемъ) и отъ кого именно присоединилъ городъ Звенигородъ и городъ Рузу къ Московскому княжеству, а чтобы разъ навсегда отдѣлаться отъ докучнаго о семъ вопроса, принято считать Звенигородъ и Рузу куплею, примысломъ князя Ивана Даниловича Калиты, причисляя ихъ, такъ сказать, кстати, къ числу тѣхъ городовъ, которые внукъ Калиты великій князь Дмитрій Ивановичъ Донской въ своей духовной грамотѣ опредѣленно называетъ куплею своего дѣда; города эти: «Серпуховъ, Галичъ, Угличъ и Бѣлоозеро».

При этомъ заключеніи разсуждаютъ такъ: въ лѣтописяхъ означено ясно, что города Можайскъ и Коломна присоединены къ Московскому княжеству княземъ Юріемъ (Георгіемъ) Даниловичемъ: первый въ 1303 году, будучи взятъ изгономъ (захваченъ) у удѣльнаго князя Святослава Глѣбовича (изъ князей смоленскихъ), а второй удержанъ за Москвой въ силу войны и побѣды надъ княземъ Константиномъ Романовичемъ (изъ князей рязанскихъ), въ 1305 году. О Звенигородѣ же и Рузѣ въ княженіе Георгія Даниловича вовсе не упоминается; они

являются впервые лишь въ духовной грамотѣ Ивана Даниловича Калиты: слѣдовательно, заключаютъ отсюда, они пріобрѣтены имъ, а какъ о насильственномъ завладѣніи ими нѣтъ рѣчи у лѣтописцевъ, стало быть эти города пріобрѣтены посредствомъ купли.

Но такое заключеніе, по внимательной провѣркѣ, оказывается невѣрнымъ, и главнымъ образомъ—относительно предполагаемаго времени пріобрѣтенія. Стоитъ только обратить вниманіе на географическое положеніе городовъ: Москвы, Звенигорода, Можайска и Коломны,—лежащихъ по теченію Москвы рѣки (два первые въ срединѣ, Можайскъ въ верховьяхъ, Коломна въ устьѣ), и на разстояніе трехъ послѣднихъ городовъ отъ срединнаго пункта Москвы (Звенигородъ въ 48 верстахъ, Можайскъ въ 97 верстахъ, Коломна въ 94 верстахъ), дабы убѣдиться, что Москва, владѣя Можайскомъ съ 1303 года (въ верховьяхъ Москвы рѣки) и Коломною (на устьѣ р. Москвы) съ 1305 года, не могла не быть въ то же время владѣтельницею Звенигорода и Рузы, изъ коихъ первый въ военномъ отношеніи долженствовалъ быть и тогда, какъ былъ долгое время и въ послѣдствіи, передовымъ постомъ—с т о р о ж е ю и к а р а у л о м ъ (названія, доселѣ сохранившіяся въ наименованіи Саввина монастыря—С т о р о ж е в с к и м ъ и окрестнаго села—К а р а у л о в ы м ъ) Москвы со стороны Литвы и ея союзниковъ.

Словомъ, мы утверждаемъ, что, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ времени и мѣста, Звенигородъ и Руза были такъ или иначе (то есть, путемъ купли или захвата) присоединены къ Москвѣ отнюдь не позже Можайска и Коломны, и что молчаніе о семъ лѣтописцевъ, при описаніи княженія воинственнаго Юрія Даниловича, скорѣе означаетъ лишь то, что эти города присоединены къ Москвѣ ранѣе сего княженія, а именно, въ княженіе перваго московскаго князя Даніила Александровича; лѣтописи же не упоминаютъ о семъ по той же причинѣ, по которой пройдены молчаніемъ и другія событія, касающіяся постепеннаго возрастанія и приращенія территоріи Московской области, до того періода, когда князья московскіе стали вмѣстѣ и великими князьями всея Россіи. Время основанія Звенигорода, какъ посела, неизвѣстно; несомнѣнно, что онъ долженъ былъ существовать ранѣе, чѣмъ упоминается въ письменныхъ актахъ, то есть, ранѣе 1328 года, однако, едва ли ранѣе перваго нашествія на Россію Татаръ въ 1237 году, ибо не упоминается въ числѣ городовъ Владиміро-Суздальской области, разоренныхъ Батыемъ, ни въ междоусобныхъ войнахъ удѣльныхъ князей въ теченіи XIII столѣтія [1]). Существованіе Звенигорода, какъ города, и

---

[1]) Если названіе рѣки И с т р ы, роднящее ее съ И с т р о м ъ (Дунаемъ), напоминаетъ, откуда пришли сюда первые насельники изъ Славянъ, то названія другихъ рѣкъ. напр. М а л о г о щ а, напоминающее кастелянію (зàмокъ съ его округомъ) М о л о г о щ ъ въ Кѣлецкой губ. царства

въ концѣ этого столѣтія болѣе чѣмъ сомнительно, такъ какъ онъ не упоминается даже и въ томъ случаѣ, когда къ этому представлялся прямой поводъ по его географическому положенію, а именно въ нашествіе Татаръ и опустошеніе ими Владиміро-Суздальской области, въ 1293 году, подъ начальствомъ ханскаго брата Дюденя, когда по лѣтописямъ исчисляются пространно всѣ разрушенные въ то время города оной: Владиміръ, Суздаль, Муромъ, Юрьевъ, Переяславль, Дмитровъ, Москва, Коломна, Можайскъ, Волокъ и Угличъ. Звенигородъ, находящійся, по своему географическому положенію, какъ разъ на пути этого нашествія, не упоминается вовсе. А это приводитъ къ одному изъ двухъ заключеній: что въ XIII столѣтіи Звенигородъ не существовалъ вовсе, или существовалъ не какъ городъ, а такой поселъ, который еще не заслуживалъ вниманія. Мы, съ своей стороны, полагаемъ, что молчаніе лѣтописей о Московскомъ Звенигородѣ, о способѣ и времени его присоединенія къ Московскому княжеству, ведетъ къ прямому заключенію, что онъ, существуя до начала XIV столѣтія какъ малозначущій поселъ, учиненъ «городомъ» лишь въ первомъ десятилѣтіи XIV столѣтія, при воинственномъ князѣ московскомъ Юріи Даниловичѣ, съ устроеніемъ въ немъ «сторожеваго укрѣпленія» для наблюденія и защиты Москвы со стороны Литвы и ея союзниковъ— тверскихъ и рязанскихъ князей.

Въ противоположность нашему заключенію, относительно Московскаго Звенигорода, существуетъ и укоренилось мнѣніе, будто бы онъ древнѣйшій изъ уѣздныхъ городовъ нынѣшней Московской губерніи (въ дѣйствительности же древнѣйшій изъ нихъ—Дмитровъ) и что основаніе его относится будто бы къ XI (1086 г.) или, по крайней мѣрѣ, къ XII (1190 г.) вѣку. Мнѣніе это, пущенное въ ходъ съ легкой руки г. Снегирева, въ его статьѣ о Звенигородскомъ Успенскомъ соборѣ (въ Русской Старинѣ, изд. г. Мартынова, ч. I.), основано на тѣхъ мѣстахъ лѣтописи, въ которыхъ, какъ всякій легко можетъ убѣдиться, точно идетъ рѣчь о Звенигородѣ, но не о Московскомъ, а о Галицкомъ. Къ этому прибавляютъ, что будто бы Московскій Звенигородъ еще задолго до своего присоединенія къ Москвѣ, имѣлъ своихъ удѣльныхъ князей изъ рода св. Михаила, князя Черниговскаго († 1246), и въ до-

---

Польскаго (построенный Казиміромъ великимъ въ XIV стол.) и волость Сурожикъ (въ центрѣ ея нынѣ г. Воскресенскъ), имѣющій очевидное сродство съ Сурожикомъ Витебскимъ, равно и такія названія, каково, напримѣръ, Витебекой бродъ (по актамъ XV стол.) на Истрѣ подъ Воскресенскомъ,—указываютъ на второй слой переселенцевъ съ запада—съ Галицкой и Бѣлой Руси, что̀ можетъ относиться къ концу XIII столѣтія и во всякомъ случаѣ роднитъ нашъ Московскій Звенигородъ скорѣе съ Галицкимъ, чѣмъ съ Кіевскимъ Звенигородомъ, заставляя предполагать, что онъ основанъ первоначально выходцами изъ области Галицкаго Звенигорода во второй половинѣ XIII вѣка.

казательство сего указываютъ на родословную «Князей Звенигородскихъ», о которыхъ сочинитель «Русскаго родословнаго сборника» князь Долгорукой говоритъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, что они княжили въ Московскомъ Звенигородѣ.

Это обязываетъ насъ, въ свою очередь, обратить должное вниманіе на родословную «Князей Звенигородскихъ», которая, послѣ критической повѣрки съ историческими данными и освѣщенія ея хронологическими указаніями, является въ слѣдующемъ видѣ:

I.

1) Св. Михаилъ князь Черниговскій (┼ 1246 г. 20 сентября) № отцовскій.

II.

2) Мстиславъ Михайловичъ князь Карачевскій и Козельскій 1.

III.

3) Титъ Мстиславичъ Карачевскій—убитъ въ 1310 году. 2.

4) Андреянъ (а по друг. Андрей) Мстиславичъ князь Звенигородскій, родоначальникъ Звенигородскихъ удѣльныхъ князей, женатъ на дочери Литовскаго князя Гамонта. Убитъ племянникомъ Василіемъ Пантелеичемъ, въ Карачевскомъ княжествѣ, въ 1339 году. . . . . . . 2.

5) Пантелей Мстиславичъ (уп. лишь по лѣтописямъ, въ родословной книгѣ нѣтъ). . . . . 2.

IV.

6) Святославъ Титовичъ Карачевскій, женатъ на дочери в. к. Литовскаго Олгерда (┼ 1377), рожденной отъ Тверской княжны; отъ него пошли князья Мосальскіе. . . . . . 3.

7) Иванъ Титовичъ князь Козельскій, родоначальникъ князей Елецкихъ и Горчаковыхъ; въ 1376 году женился на дочери Олега в. к. Рязанскаго. . . . . 3.

8) Ѳеодоръ Андреяновичъ князь Звенигородскій, упом. по лѣтописямъ подъ 1377 г. какъ великанъ, прославившійся въ битвахъ съ Татарами въ первое ихъ нашествіе при ханѣ Мамаѣ (вѣроятно, въ Рязанской области). 4.

9) Василій Пантелеичъ,—убійца Звенигородскаго князя Андреяна Мстиславовича въ 1339 году . . . . 5.

V.

10) Василій Ивановичъ,—бездѣтенъ. . . . . 7.

11) Θеодоръ Ивановичъ князь Елецкій; въ его время Темиръ-Аксакъ взялъ и разорилъ Елецъ въ 1392 году. . 7.

12) Александръ Θеодоровичъ князь Звенигородскій,—выѣхалъ изъ Литовской Руси на службу велик. князя Московскаго Василія Дмитріевича въ 1408 году, въ числѣ другихъ литовско-русскихъ князей (См. П. С. Р. Л. т. V, 257; VI, 136; VIII, 82) . . . . 8.

Изъ внимательнаго разсмотрѣнія этой родословной оказывается во первыхъ, что родоначальникъ Звенигородскихъ князей Андреянъ или Андрей Мстиславичъ, состоя въ родствѣ съ великими князьями: литовскими, рязанскими и тверскими, то есть, съ князьями, какъ извѣстно, прямо враждебными усиленію и росту Московскаго княженія, едва ли могъ образовать и устроить свой удѣлъ въ Московскомъ Звенигородѣ, въ то время, къ которому должна относиться его дѣятельность по хронологическимъ даннымъ. Предположивъ, что во время убіенія князя Андреяна Мстиславича († 1339 г.) ему было не менѣе 60 лѣтъ, выйдетъ, что онъ родился лишь 1279 году, слѣдовательно въ 1300 году ему было всего 21 годъ (ранѣе же этого возраста онъ не могъ бы и явиться устроителемъ новаго удѣла), а въ это-то самое время и появляется на Московскомъ княженіи воинственный князь Юрій Даниловичъ, который въ 1303 году беретъ изгономъ Можайскъ, а въ 1305 году отнимаетъ у Рязанскаго князя Коломну, самого беретъ въ плѣнъ, отводитъ въ Москву и умерщвляетъ. Спрашиваемъ: могъ ли въ такое время создать себѣ независимый удѣлъ въ Московскомъ Звенигородѣ (всего въ 50 верстахъ отъ Москвы) и утвердиться въ немъ юный князь Звенигородскій, и если бы такъ было, то могло ли бы обойтись это мирно, безъ войны съ Юріемъ Московскимъ? А если бы была война за обладаніе Звенигородомъ, то обстоятельство это не осталось бы безъ упоминанія въ лѣтописяхъ, ибо княженіе Юріево описано въ нихъ съ достаточною подробностію. Очевидно, что ничего подобнаго не было, по той простой причинѣ, что Звенигородскіе князья, родственники и подручники великихъ князей литовскихъ, заимствовали свой титулъ Звенигородскихъ князей въ XIV столѣтіи, не отъ Московскаго, а отъ Кіевскаго Звенигорода, который, вмѣстѣ съ Кіевомъ и всею старою Кіевскою Русью, вплоть до Путивля и Брянска, съ 1320 года уже находился во власти Гедимина великаго князя Литовскаго, и потому его подручникамъ легко было создавать себѣ удѣлы въ древнихъ городахъ Кіевскаго великаго

княжества, возстановляя ихъ изъ развалинъ послѣ татарскаго погрома, чему и не противилась мудрая политика великихъ князей литовскихъ, подъ условіемъ признанія ихъ верховенства [1]). Первымъ же изъ князей Звенигородскихъ добровольно выѣхавшимъ изъ литовскихъ владѣній на службу великому князю Московскому Василію Дмитріевичу въ 1408 году, былъ князь Александръ Ѳедоровичъ, внукъ князя Андреяна, или Андрея,—родоначальника князей Звенигородскихъ, ставшихъ съ тѣхъ поръ боярами московскими, на равныхъ правахъ съ другими выходцами; но никто изъ нихъ ни прежде, ни послѣ сего не былъ удѣльнымъ княземъ Московскаго Звенигорода, хотя нѣкоторые изъ потомковъ князя Александра Ѳедоровича и имѣли въ его области свои вотчины и помѣстья, какъ сіе видно изъ исторіи Савина Звенигородскаго монастыря.

Устранивъ, такимъ образомъ, всѣ ошибочныя и бездоказательныя предположенія о мнимо-глубокой древности Московскаго Звенигорода, самое существованіе котораго, какъ города, можетъ считаться вполнѣ достовѣрнымъ лишь сначала XIV столѣтія, перейдемъ теперь къ опредѣленію времени построенія его соборнаго храма, обращающаго на себя справедливое вниманіе любителей церковной старины въ памятникахъ ея зодчества.

Храмъ этотъ, по всей вѣроятности, построенъ одновременно съ обращеніемъ Звенигорода въ укрѣпленное мѣсто, то есть, согласно съ вышесказаннымъ, въ первой четверти XIV столѣтія, первыми московскими князьями, скорѣе же всего княземъ Юріемъ (Георгіемъ) Даниловичемъ (1303—1326); на эту мысль наводитъ насъ существованіе въ этомъ храмѣ издревле придѣла во имя Св. великомученика Георгія, и притомъ надобно предполагать, что Звенигородскій Успенскій соборъ былъ первымъ изъ числа храмовъ, построенныхъ въ Московскомъ княжествѣ изъ бѣлаго (желтоватаго) тесанаго камня, добываемаго доселѣ въ каменоломняхъ нагорнаго берега Москвы рѣки близъ Звенигорода и Хотяжи, которыя впослѣдствіи доставляли богатый матеріалъ для построенія и первыхъ московскихъ храмовъ, начиная съ перваго Московскаго Успенскаго собора, застроеннаго въ 1326 году и освященнаго въ 1328 году, при великомъ князѣ Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ. Въ этомъ отношеніи Московскій Звенигородъ былъ для Москвы тѣмъ же, чѣмъ Боголюбовъ для г. Влади-

---

[1]) Такъ какъ о возстановленіи стараго Кіевскаго Звенигорода, послѣ его разоренія Батыемъ въ 1237 году, нѣтъ указанія въ лѣтописяхъ, то слѣдуетъ предположить, что князья Звенигородскіе заимствовали свой титулъ скорѣе отъ Звенигорода степнаго, Брацлавскаго (нынѣшній уѣздный городъ Кіевской губ.), время основанія коего неизвѣстно.

міра,—то есть, соборный храмъ его служилъ образцомъ и прототипомъ для храмовъ московскихъ.

Но и допуская предположеніе, что Звенигородскій Успенскій соборъ могъ быть построенъ не задолго до построенія перваго московскаго соборнаго храма, не слѣдуетъ забывать лѣтописное свидѣтельство, что Звенигородъ вмѣстѣ съ Москвою былъ выжженъ и разоренъ въ 1382 году, въ нашествіе Тохтамыша, при чемъ и первоначальный каменный храмъ его едва ли могъ уцѣлѣть отъ разоренія, а потому и построеніе настоящаго соборнаго храма въ Звенигородѣ вѣрнѣе будетъ относиться ко времени удѣльнаго Звенигородскаго князя Юрія (Георгія) Дмитріевича (1389—1434), втораго сына великаго князя Московскаго и всея Россіи Дмитрія Ивановича Донскаго, а именно къ 1390-мъ годамъ; притомъ же извѣстно, что князь этотъ одинъ изъ всѣхъ удѣльныхъ Звенигородскихъ князей проживалъ въ Звенигородѣ и слылъ за набожнаго и искуснаго храмоздателя. Имъ же созданы соборные храмы: Саввина-Сторожевскаго монастыря и Троицкой Сергіевой обители, въ коемъ почиваютъ мощи пр. Сергія. Къ тому же времени (къ концу XIV столѣтія) могутъ быть относимы, безъ всякой натяжки, и остатки фресковъ Звенигородскаго собора на столбахъ олтарной преграды, закрытые мѣстными иконами иконостаса позднѣйшихъ временъ, изъ коихъ одна изображаетъ явленіе преподобному Пахомію Ангела, въ одѣяніи великаго ангельскаго образа (схимы), а другая—бесѣду пустынника Варлаама (въ образѣ купца) съ Индѣйскимъ царевичемъ Іоасафомъ. Характеръ буквъ на хартіяхъ, держимыхъ въ рукахъ Ангела и Варлаама, подтверждаетъ наше предположеніе о написаніи этихъ фресковъ не ранѣе конца XIV столѣтія, то есть, современно обновленію или построенію Звенигородскаго собора.

Звенигородскіе удѣльные князья съ 1328 по 1570 годъ.

1 Иванъ Ивановичъ (второй сынъ великаго князя Ивана Даниловича Калиты) съ 1328 по 1353 г., съ 1353 по 1359 г. в. к. Московскій и всея Россіи.

2) Иванъ Ивановичъ Малый (второй сынъ в. к. Ивана II Ивановича) съ 1359 по 1364 г., скончался 10-ти лѣтъ, въ Москвѣ, 23 октября 1364 г.

3) Юрій (Георгій) Дмитріевичъ (второй сынъ в. к. Дмитрія Ивановича Донскаго) съ 1389 по 1434 годъ. Онъ возстановилъ Звенигородъ и его соборный храмъ (или выстроилъ его вновь), пострадавшій отъ нашествія Тохтамыша въ 1382 году. Онъ имѣлъ постоянное свое пребываніе въ Звенигородѣ (гдѣ устроилъ себѣ бѣлокаменный дво-

рецъ, развалины коего видны и доселѣ), до 1425 года то есть, до начала размолвки съ племянникомъ в. к. Московскимъ Василіемъ III Васильевичемъ, послѣ чего переселился въ Дмитровъ. Двукратно овладѣвалъ вмѣстѣ съ Москвою, великокняжескимъ престоломъ и умеръ внезапно 6-го іюня 1434 года въ Москвѣ; погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ.

4) Василій Юрьевичъ Косой, старшій сынъ князя Юрія Дмитріевича, съ 1434—1436 годъ, родившійся въ Звенигородѣ отъ брака его отца князя Юрія съ Анастасіею Юрьевной, княжной Смоленской. Будучи взятъ въ плѣнъ в. к. Василіемъ Васильевичемъ въ 1436 году, отвезенъ въ Москву и здѣсь ослѣпленъ 21-го мая 1436 г.; умеръ узникомъ въ Москвѣ въ 1448 году.

5) Андрей Васильевичъ Большой, князь Углицкій (третій сынъ в. к. Василія III Васильевича Темнаго); съ 1462—1491; жилъ въ Угличѣ, вслѣдствіе ссоры съ братомъ своимъ в. к. Иваномъ III Васильевичемъ. Кончилъ жизнь «въ велицѣй истомѣ», въ Москвѣ, въ 1493 году 6 ноября.

6) Юрій (Георгій) Ивановичъ князь Дмитровскій (второй сынъ в. к. Ивана III Васильевича); съ 1505—1533 получилъ въ удѣлъ вмѣстѣ съ Дмитровомъ, Звенигородъ и Рузу, но жилъ въ Дмитровѣ. По ссорѣ съ своимъ племянникомъ в. к. Иваномъ IV Васильевичемъ, по приговору бояръ, схваченъ въ 1533 году и осужденъ на темничное заключеніе, въ которомъ и скончался въ 1537 году.

Примѣч. Въ 1552 году Звенигородъ былъ отданъ в. к. Иваномъ Васильевичемъ «въ кормленіе» царю Астраханскому Дербышъ-Алею, который въ 1554 г. устроенъ на царство въ Астрахани.

7) Владиміръ Андреевичъ князь Старицкій, двоюродный братъ царя и великаго князя Ивана IV Васильевича, съ 1566 по 1569 г., получилъ Звенигородъ въ обмѣнъ на Верею. Скончался отъ отравы въ деревнѣ Слотиной, близъ Александровской слободы, 11 декабря 1569 г. Такова печальная судьба послѣдняго изъ удѣльныхъ князей Московскаго Звенигорода!

Примѣч. 1. Въ началѣ XVII столѣтія Звенигородъ разоренъ, въ приходъ королевича Владислава подъ Москву, 1618 г. 17 сентября; въ это нашествіе Звенигородскій Соборный храмъ утратилъ всѣ свои драгоцѣнности и вскорѣ потерпѣлъ еще отъ пожара. Возобновленъ при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ.

Примѣч. 2 Нѣкоторые изъ епископовъ, находившихся при Московскомъ Архангельскомъ соборѣ для поминовенія погребенныхъ въ ономъ особъ царствующаго дома, имѣли титулъ «Архангельскихъ и Звенигородскихъ». Это подало поводъ г. Снегиреву

утверждать, что, будто бы, въ древности Московскій Звенигородъ имѣлъ своихъ собственныхъ епископовъ.

Звенигородскія волости и села.

По духовному завѣщанію Московскаго князя Ивана Даниловича Калиты (1328 или 1331 года), по случаю его отъѣзда въ Орду, второму сыну его назначены въ удѣлъ: Звенигородъ, Кремична, Руза, Фоминьское, Суходолъ, Угожъ, Ростовьци, Тростна, Негуча, и нѣкоторыя слободы и села. Въ духовномъ завѣщаніи великаго князя Димитрія Ивановича Донскаго еще подробнѣе исчисляются тогдашнія Звенигородскія волости и слободы, а именно: Скирманово съ Бѣлями (нынѣ Рузскаго уѣзда), Тростна (въ XVI в. волость Звенигородская же, нынѣ вся въ Рузскомъ уѣздѣ), Негуча (въ Рузскомъ уѣздѣ), Сурожикъ (въ XVII столѣтіи волость Московская, нынѣ вся въ Звенигородскомъ уѣздѣ, съ центральнымъ пунктомъ г. Воскресенскъ), Замошская слобода (въ Рузскомъ уѣздѣ), Юрьева слобода (въ Рузскомъ уѣздѣ), Руза городокъ, Ростовьци (Рузскаго уѣзда), Кремична (Кремичинской погостъ въ Рузскомъ уѣздѣ), Фоминское (с. Нары-Ѳоминское, Верейскаго уѣзда), Угожъ (Звенигородская волость въ XVII столѣтіи, нынѣ почти вся въ Верейскомъ уѣздѣ), Вышегородъ (въ Верейскомъ уѣздѣ), Плеснь (Верейскаго уѣзда), Дмитріева слобода (Верейскаго уѣзда), Суходолъ съ Истею и Истервою (Боровскаго уѣзда).

Въ XVII вѣкѣ Звенигородскій уѣздъ состоялъ всего изъ трехъ становъ: Окологороднаго или Городскаго, Угожскаго (нынѣ въ Верейскомъ уѣздѣ) и Тростенскаго (нынѣ весь въ Рузскомъ уѣздѣ).

Погосты и села Звенигородскаго уѣзда

По Писцовымъ книгамъ XVI и XVII столѣтій, по Переписной книгѣ 1678 года, по Ландратской книгѣ 1715 года и по книгамъ Патріаршаго Казеннаго приказа 1627 и 1715 годовъ.

I.

По писцовой книгѣ 7101 (1593) года, письма и мѣры Меньшаго Волынскаго и подъячего Посника Степанова:

1) Погостъ, а въ немъ церковь Покровъ Святей Богородицы [1]).

[1]) По писц. книгѣ 1624 г. см. № 7. Нынѣ село Покровское-Засѣкино въ 1 станѣ Звенигородск. уѣзда, въ 10 вер. отъ Звенигорода.

2) Сельцо Стаболово Богдана Стрѣльникова сына Стаболова, и въ немъ церковь Никола Чудотворецъ [2]).

3) На царя и великаго князя землѣ на волостной погостъ, а въ немъ церковь Введеніе Пречистые [3]).

4) Савина Сторожевскаго монастыря на рѣкѣ на Москвѣ село Игнатьевское, а въ немъ церковь Никола Чудотворецъ [4]).

5) Никиты Михайлова сына Нечаева село Насоновское, а въ немъ церковь Троица Живоначальная [5]).

6) Князя Василья Семеновича Фуникова полъ-села Никольскаго [6]), а въ полу-селѣ на князь-Васильевѣ землѣ церковь Никола Чудотворецъ, а стежанье и сооруженье церковное—княжь Васильево.... Ѳедора Ѳедорова сына Нагова приданое полъ-села Никольскаго, а въ ней церковь теплая Христова мученица Параскевея Пятница.

7) Княгини Аксиньи княжь-Дмитріевы Семеновича Фуникова, да дѣтей ее князя Григорья, да князя Семена село Покровское на рѣчкѣ на Руденкѣ, а въ немъ церковь Покровъ Пресвятые Богородицы [7]).

8)—Княжь Ивана Ивановича Пронскаго село Васильевское на рѣчкѣ на Сетунѣ, а въ немъ церковь Дмитрей Селунскій [8]).

9) Ивана Петрова сына Голохвастова сельцо Никольское, а въ немъ церковь Никола Чудотворецъ [9]).

10) Ивана да Третьяка Степановыхъ дѣтей Хвощинскаго сельцо Богородцкое, а въ немъ церковь Рожество Пречистой, да Никола Чудотворецъ теплая церковь [10]).

11) Погостъ на Москвѣ рѣкѣ, а въ немъ церковь Никола Чудотворецъ [11]).

---

[2]) По писц. книгѣ 1624 г. см. № 10; мѣсто неизвѣстно, ибо нынѣ нѣтъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ посела сего наименованія.

[3]) По писц. книгѣ 1624 г. см. № 12. Нынѣ село Введенское, Першино тожъ, гдѣ въ началѣ XVI ст. былъ Введенскій особный монастырь, въ 3-хъ вер. отъ Звенигорода, въ 1 станѣ.

[4]) По писц. книгѣ 1624 г. см. № 9. Нынѣ деревня Игнатьева, въ 2-хъ верст. отъ Звенигорода, въ 1 станѣ.

[5]) По писц. книгѣ 1624 г. см. № 11. Нынѣ деревня Насонова, въ 6 верс. отъ Звенигорода, въ 1 станѣ при рѣкѣ Разварнѣ.

[6]) По писц. книгѣ 1624 г. см. № 2. Нынѣ деревня Фуникова, въ 6 верс. отъ Звенигорода, во 2 станѣ.

[7]) По писц. книгѣ 1624 г. см. № 5. Нынѣ деревня Покровская, въ 18 верс. отъ Звенигорода, 2-го стана, при рѣчкѣ Руденкѣ.

[8]) Нынѣ сельцо Пронское, во 2 станѣ. въ 13 верс. отъ Звенигорода, при рѣчкѣ Сетункѣ.

[9]) Погостъ Никольскій, въ Рузскомъ уѣздѣ, на дорогѣ изъ Звенигорода въ Рузу.

[10]) Нынѣ сельцо Богородское-Ивашково, въ 6 верс. отъ Звенигорода при рѣчкѣ Розварнѣ.

[11]) По писцовой книгѣ 1624 г. см. № 13. Нынѣ село Аксиньино, 1 ст. въ 9 вер. отъ

12) Чудовскаго монастыря село Петровское, а въ немъ церковь Петръ и Павелъ [12]).

13) Чудовскаго монастыря село Сурмино, а въ немъ церковь Благовѣщеніе святѣй Богородицы [13]).

14) Савы Сторожевскаго монастыря сельцо Луцино, а въ немъ церковь Никола Чудотворецъ [14]).

15) Савы Сторожевскаго монастыря село Шерапово, а въ немъ церковь Никола Чудотворецъ [15]).

16) Савы Сторожевскаго монастыря село Софьино, а въ немъ церковь Егорій Страстотерпецъ [16]).

17) Савы Сторожевскаго монастыря село Дюдково, а въ немъ церковь Рожество Пречистые [17]).

18) Савы Сторожевскаго монастыря село Покровское, а въ немъ церковь Покровъ Святые Богородицы [18]).

19) Савы Сторожевскаго монастыря село Коринское, на рѣкѣ на Москвѣ, а въ немъ церковь Рожество Христово [19]).

20) Савы Сторожевскаго монастыря село Дубацыно, а въ немъ церковь Илья Пророкъ [20]).

21) .... (Ивана) Морозова село Павловское, а въ немъ церковь Благовѣщеніе Пречистые Богородицы [21]).

22) Владиміра Игнатьевича Салтыкова село Дядинково, а въ немъ церковь Мина Великій [22]).

Звенигорода; близъ этого села на такъ назыв. Никольской горѣ и доселѣ видны слѣды погоста, принадлежавшіе храму во имя св. Николая, сожженному въ Литовское разореніе. Село Аксиньино и въ XVII столѣтіи еще именовалось Никольскимъ на Пескахъ; въ немъ была одна изъ встрѣчъ митрополита Филарета при его возвращеніи изъ плѣна въ 1619 году.

[12]) По писц. книгѣ 1624 г. см. № 22. Нынѣ деревня Петровское, въ 13 верс. отъ Звенигорода во 2 станѣ.

[13]) По писц. книгѣ 1624 г. см. № 22. Нынѣ деревня Сурмино, въ 12 верс. отъ Звениг. 2 стана.

[14]) По писц. книгѣ см. № 16. Нынѣ село Луцыно, въ 6 верс. отъ Звениг. 1 стана.

[15]) Нынѣ деревня 1-го стана, въ 10 вер. отъ Звенигорода.

[16]) Нынѣ деревня Софьино, Верейскаго уѣзда на р. Нарѣ.

[17]) По писц. книгѣ 1624 г. см. № 37. Было въ Рузскомъ уѣздѣ близъ Тростенскаго (Онуфріева) озера; мѣстность этого села указываетъ дер. Сафонова, во 2., ст въ 20 вер. отъ Рузы, бывшая приходская этого села.

[18]) По писц. книгѣ 1624 г. см. № 38. Нынѣ село Покровское (Лакотня), 1 ст., въ 16 вер. отъ Звениг., близъ дороги въ Рузу.

[19]) По писц. книгѣ 1624 г. см. № 15. Нынѣ село Коринское, при р. Москвѣ, 1 ст., въ 10 вер. отъ Звенигорода.

[20]) По писц. книгѣ 1624 г. см. № 16; деревня въ приходѣ села Луцына (выше подъ № 14) въ 6 верс. отъ Звенигорода, нынѣ не существующая.

[21]) По писц. книгѣ 1624 г. см. № 8. Нынѣ село Павловское, на р. Истрѣ, во 2 станѣ, въ 18 верст. отъ Звенигорода.

[22]) По писц. книгѣ 1624 г. см. № 4. Нынѣ деревня 1-го стана, въ 12 верс. отъ Звенигорода.

23) Здвиженскаго монастыря, что въ Звенигородѣ, село Кузмино, а въ немъ церковь Козьма и Дамьянъ [23]).

24) Троицы Сергіева монастыря село Дмитровское-Гузѣево на рѣкѣ Истрѣ, а въ немъ церковь Дмитрей Селунской [24]).

25) Боярина князя Дмитрія Ѳедоровича Палецкаго село Михайловское на Озернѣ, а въ немъ церковь Михаилъ Архангелъ, да придѣлъ Царь Константинъ [25]).

26) Ивана Борисова сына Голохвастова, да Афонасья Игнатьева сына Голохвастова село Будково, а въ немъ церковь Иванъ Предтечи [26]).

27) Лобана Федорова сына Болотникова, да Васюка Андрѣева сына Болотникова сельцо Александровское—Савельево—погостъ, а въ немъ церковь Воскресеніе Христово [27]).

28) Онофрѣевскаго монастыря, что на Тростенскомъ озерѣ, село Воздвиженское-Степановское, а въ немъ церковь Воздвиженіе Честнаго Креста [28])

29) Въ Тростнѣ на Царевѣ и Великаго Князя землѣ погостъ на рѣкѣ Негучѣ, а на погостѣ церковь Рожество Пречистые [29]).

30) Пафнутьева монастыря село Городище, а въ немъ церковь Никола Чудотворецъ [30]).

31) Пафнутьева монастыря село Куриково, а въ немъ церковь Преображеніе Спасово [31]).

32) Погостъ на Царя и Великаго Князя землѣ на Москвѣ рѣкѣ, а въ немъ церковь Успеніе Пречистые [32]).

33) Погостъ на Царя и Великаго Князя землѣ на Торусицѣ, а въ немъ церковь Троица Живоначальная [33]).

---

[23]) По писц. книгѣ 1624 г. см. № 18. Мѣстность бывшаго монастыря нынѣ неизвѣстна.

[24]) Нынѣ село Дмитровское на Истрѣ, 1 стана, въ 20 верст. отъ Звенигорода.

[25]) По писц. книгѣ 1624 г. см. № 33. Нынѣ село Михайловское на р. Озернѣ, въ Рузскомъ уѣздѣ 2 стана, въ 15 вер. отъ Рузы.

[26]) По писцов. книгѣ 1624 г. см. № 35. Нынѣ деревня Будькова, Рузскаго уѣзда 2-го стана, въ 32 верс. отъ Рузы.

[27]) Мѣстность указываетъ деревня Алексѣевка, во 2 станѣ, въ 34 верст. отъ Рузы.

[28]) Было въ нынѣшнемъ Рузскомъ уѣздѣ. Мѣстность указываетъ дер. Сафонова, во 2 станѣ, въ 20 вер. отъ Рузы, бывшая приходскою къ оному селу.

[29]) По писцов. книгѣ 1624 г. см. № 36. На картѣ Московскаго намѣстничества въ Рузскомъ уѣздѣ значится погостъ Рожественскій, въ 4 вер. къ сѣверу отъ нынѣшняго села Порѣчья, что во 2 ст., въ 25 вер. отъ Рузы.

[30]) По писц. книгѣ 1624 г. см. № 30. Нынѣ деревня Городище, Рузскаго уѣзда 2 стана, въ 17 верс. отъ Рузы.

[31]) По писц. книгѣ 624 г. см. № 29. Нынѣ деревня Коряково (Крюково), въ Рузскомъ уѣздѣ 2 стана, въ приходѣ села Порѣчья, въ 15 вер. отъ Рузы.

[32]) По писц. книгѣ 1624 г. см. № 28. Мѣсто опредѣленно неизвѣстно, можно полагать нынѣшній погостъ Успенскій—Носово тожъ, въ 8 вер. отъ Звенигорода, хотя онъ и расположенъ не на самой Москвѣ рѣкѣ, а въ 2 верст. отъ нея.

[33]) По писц. книгѣ 1624 г. см. № 27. Мѣсто опредѣленно неизвѣстно.

34) Погостъ на Государевѣ Царевѣ и Великаго Князя землѣ, а въ немъ церковь Дмитрей Селунской [34]).

35) Новодѣвичья монастыря село Кубенское [35]), а дано по душѣ князя Ивана Ивановича Кубенскаго; церковь Леонтей Чудотворецъ Ростовскій, да придѣлъ Рожество Ивана Предтечи, да три Святителя. Да къ тому же селу погостъ, а въ немъ церковь Архистратигъ Михаилъ.

36) Григорья Леонтьева сына Рукина, да Кирила Бухтеярова, да Кузьмы Малютина Рукина село Марьино, а въ немъ церковь Никола Чудотворецъ [36]).

37) Троицы Сергіева монастыря села Андреевскаго (что было Подклѣтное село) погостъ, а въ погостѣ церковь Бориса и Глѣба древяна клѣцки, а въ ней образы и свѣчи и книги и все церковное строеніе приходскихъ людей [37]).

38) Троицы же Сергіева монастыря вотчина, что пожаловалъ Государь Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всея Руссіи Живоначальные Троицы Сергіева монастыря архимандрита Митрофана съ братьею.... а далъ въ 7094 (1586) году маія въ 16 день, по отцѣ своемъ Царѣ и Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Руссіи, а въ иноцѣхъ Іонѣ, для вѣчнаго поминовенія, изъ дворцовыхъ селъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ село Кляпово на рѣкѣ на Сетунѣ [38]), а въ немъ церковь Никола Чудотворецъ, а въ церкви образы и книги и свѣчи и на колокольнѣ колокола и все церковное строеніе мірское, того же села Кляпова.

II.

По писцовой книгѣ 7132 (1624) и 7133 (1625) годовъ, письма и мѣры князя Ивана Леонтіевича Шаховскаго, да подъячего Ивана Волкова, и по книгѣ Патріаршаго Казеннаго приказа 1627 года.

а) Въ городскомъ стану:

1) За стольники, за Борисомъ, да за Глѣбомъ, да за Иваномъ

---

[34]) По писц. книгѣ 1624 г. см. № 25. Нынѣ погостъ Дмитріевскій при селѣ Андреевскомъ, Звениг. уѣзда 1 ст., въ 18 верс. отъ Звенигорода.

[35]) По писц. книгѣ 1624 г. см. № 32. Нынѣ село же Кубенское въ Верейскомъ уѣздѣ, на границахъ съ Звенигородскимъ.

[36]) По писц. книгѣ 1624 г. см. № 26. Нынѣ деревня Марьино, въ Рузскомъ уѣздѣ 1 стана, въ 13 верс. отъ Рузы.

[37]) По писц. книгѣ 1624 г. см. № 25. Нынѣ село, погоста не существуетъ, былъ въ Звенигор. уѣздѣ, при нынѣшнемъ селѣ Андреевскомъ, въ 18 верстахъ отъ Звенигорода.

[38]) По писц. книгѣ 1624 г. см. № 24. Нынѣ село жъ Кляпово, въ 1 станѣ, въ 15 верстахъ отъ Звенигорода.

Морозовыми, въ помѣстьи по Государевѣ грамотѣ 128 (1620) году село Иславское на рѣкѣ на Москвѣ [39]), а въ немъ церковь во имя Нерукотвореннаго образа Господа и Спаса нашего Іисуса Христа древяна клѣцки, да великаго мученика Георгія; а въ церкви образы и свѣчи и книги и ризы и колокола и всякое церковное строеніе помѣщиковъ. Съ церкви дани 2 деньги, въ кормъ и московскій проѣздъ гривна.

2) За дьякомъ за Венедиктомъ Михайловымъ, да за Тулениномъ за Голахтіономъ Матвѣевымъ сыномъ Маховымъ сельцо Супонево [40]) безъ жеребья, а въ немъ мѣсто церковное Живоначальные Троицы, да Никола Чудотворца.

3) За подьячимъ за Панкратьемъ за Бабакинымъ, въ помѣстьи по Государевѣ грамотѣ и по выписи со отдѣльныхъ книгъ Звенигородскаго осаднаго головы Кураки Неронова 131 (1623) году, жеребій въ сельцѣ Никольскомъ въ Фуниковѣ [41]), а въ селѣ на опчей землѣ церковь Никола Чудотворецъ, стоитъ безъ пѣнья; за Степаномъ Семеновымъ сыномъ Мокринскимъ полъ-села Никольскаго, Фуникова тожъ, что было прежъ сего за Ѳедоромъ Ѳедоровымъ сыномъ Нагово, а въ немъ мѣсто церковное Христовы мученицы Прасковеи нареченные Пятницы.

4) Царицына чину за сыномъ Боярскимъ за Иваномъ Щедринымъ, въ помѣстьи по Государевѣ грамотѣ 130 (1623) году, что было прежъ сего въ вотчинѣ за Володимеромъ Солтыковымъ, а послѣ ево Володиміра было за Звенигородцемъ въ помѣстьи за Ондрѣемъ Андрѣяновымъ деревня, что была село Дядниково [42]), а въ немъ мѣсто церковное Мины Великаго.

5) За Прохоромъ Тимофѣевымъ сыномъ Недюревымъ село Покровское, что была деревня Сватова [43]).

6) За Иваномъ Андрѣевымъ сыномъ Леховымъ въ вотчинѣ за литовскую службу и за московское осадное сидѣнье село Ершово на прудцѣ, а въ селѣ церковь Живоначальныя Троицы древяна клѣцки [44]), а въ церкви образы и ризы и книги и все церковное строеніе мирское приходскихъ людей.

---

[39]) Нынѣ село 1 стана Звенигородскаго уѣзда, въ 11 верстахъ отъ Звенигорода.

[40]) Нынѣ деревня Супонево, 1 стана Звенигородскаго уѣзда, въ 2 верстахъ отъ Звенигорода.

[41]) По писц. книгѣ 1593 г. см. № 6. Нынѣ деревня Фуникова, 2 стана Звенигородскаго уѣзда, въ 6 верстахъ отъ Звенигорода.

[42]) По писц. книгѣ 1593 г. см. № 22. Нынѣ деревня Дядникова, 1 стана Звенигородскаго уѣзда, въ 12-ти верстахъ отъ Звенигорода.

[43]) По писц. книгѣ 1593 г. № 7. Нынѣ деревня Покровское, въ Звенигородск. уѣздѣ 2 стана, въ 12 вер. отъ Звенигорода.

[44]) Нынѣ село Ершово, Звенигород. уѣзда, въ 3 верс. отъ Звенигорода.

7) За Бояриномъ за княземъ Иваномъ Ивановичемъ Шуйскимъ въ вотчинѣ село Раево на рѣкѣ на Изденкѣ [45]) Пустошь, что былъ погостъ Покровскій, на землѣ вотчинной у сельца Симоновскаго, а въ немъ мѣсто церковное Покрова Святой Богородицы [46]).

8) За бояриномъ Борисомъ Ивановичемъ Морозовымъ по Государевѣ жалованной грамотѣ 124 (1616) году за приписью дьяка Микулая Новокщенова, дѣда и отца ево старинная вотчина село Павловское на рѣкѣ на Истрѣ [47]), а въ селѣ церковь Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы, а въ церковь образы и свѣчи и ризы и колокола и все церковное строеніе вотчинниково. Съ церкви дани 5 алтынъ $1^1/_2$ деньги, намѣстничаго алтынъ, за ѣзду 2 деньги, въ кормъ и въ московской проѣздъ гривна.

9) За Микулаемъ Никитинымъ сыномъ Новокщеновымъ купленная вотчина, что купилъ въ прошломъ во 118 (1610) году у Авраама Михайлова сына, да у Кузьмы Мардохаева сына Елизаровыхъ треть, а во 123 (1615) у Ивана Оврасланова сына съ братьею другую треть, да въ прошломъ же во 123 году у Татьяны Кузмины жены Елезарова съ дѣтьми, да у зятя ихъ у Ивана Воробина третью треть, село Игнатьево на рѣкѣ на Москвѣ, и въ селѣ церковь Входъ во Іерусалимъ Господа нашего Іисуса Христа, да придѣлъ великаго Чудотворца Николая, древянъ въ верхъ [48]).

10) За Андрѣемъ, да за Михаиломъ, да за Тихономъ за Ивановыми дѣтьми Чепчюгова въ вотчинѣ по Государевѣ грамотѣ 96 (1588) году пустошь, что было сельцо Таболово, а въ ней мѣсто церковное Великаго Чудотворца Николы [49]).

11. Микитская вотчина Михайлова сына Нечаева сельцо Насоновское, а въ немъ мѣсто церковное Троицы Живоначальные [50]).

12) На Государя Царя и Великаго Князя землѣ на волостной погостъ, а въ немъ мѣсто церковное Введеніе Пречистые Богородицы [51]).

---

[45]) Нынѣ деревня Раево, 1 ст. Звениг. уѣзда, въ 10 верс. отъ Звенигорода.

[46]) По писц. книгѣ 1593 г. № 1. Нынѣ село Покровское-Засѣкино, въ 10 верс. отъ Звенигорода.

[47]) По писц. книгѣ 1593 г. № 21. Нынѣ село Павловское, во 2 ст., въ 8 верс. отъ Звенигорода.

[48]) По писц. книгѣ 1593 г. № 4. Нынѣ деревня Игнатьево въ 1 станѣ, въ 2 верс. отъ Звенигорода.

[49]) По писц. книгѣ 1593 г. № 4. Нынѣ мѣсто неизвѣстно.

[50]) По писц. книгѣ 1593 г. № 5. Нынѣ деревня Насонова, въ 1 станѣ Звенигор. уѣзда, въ 6 верс. отъ Звенигорода.

[51]) По писц. книгѣ 1593 г. № 3. Нынѣ село Введенское, Першино тожъ, въ 1 ст. Звенигор. уѣзда, въ 3 верс. отъ Звенигорода.

13) За великимъ Государемъ за Святѣйшимъ Патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ Московскимъ и всея Русіи въ вотчинѣ погостъ на Москвѣ рѣкѣ, что на Пескахъ. а храмъ былъ Николы Чудотворца, сгорѣлъ отъ литовскаго разоренья [52]).

14) Богоявленскаго монастыря, что на Москвѣ за Торгомъ, вотчина деревня, что было село Рыболовли на р. Москвѣ [53]).

15) Рожества Пречистые Богородицы Савы Сторожевскаго монастыря село Коринское на рѣкѣ Москвѣ [54]), а въ селѣ церковь Рожество Христово древяна клѣтцки, а въ церкви образы и книги и свѣчи и клепало и всякое церковное строеніе монастырское. Съ церкви дани 4 алтына съ деньгою: намѣстничаго алтынъ, за ѣзду 2 деньги, въ кормъ и московской проѣздъ гривна.

16) Того жъ Сторожевскаго монастыря село Луцыно на рѣкѣ на Москвѣ [55]), а въ селѣ церковь во имя Николы Чудотворца, а въ церкви образы и книги и свѣчи и всякое церковное строеніе монастырское...... Деревня, что было село Дубацыно [56]).

17) Пречистые Богородицы Новинскаго монастыря, что на Москвѣ, вотчина сельцо Юрьево на рѣчкѣ Бѣлой, да на рѣчкѣ на Руденкѣ [57]).

18) Здвиженскаго монастыря, что въ Звенигородѣ въ посадѣ, вотчина.... пустошь, что была деревня Козьмино [58]).

19) За Пречистенскимъ протопопомъ что въ Звенигородѣ, внутри города, за Иваномъ Ивановымъ сыномъ вотчина (слѣдуетъ исчисленіе пустошей).

20) Пафнутьева монастыря вотчина пустошь, что было сельцо Слободка татарская [59]).

21) Тогожъ Пафнутьева монастыря вотчина пустошь, что было село Петровское, а въ немъ мѣсто церковное Петра и Павла [60]).

---

[52]) По писц. книгѣ 1593 г. № 11. Нынѣ село Аксиньино, въ 1 ст. Звениг. уѣзда, въ 9 верс. отъ Звенигорода.

[53]) Нынѣ деревня Рыбушкина, 1 ст. Звенигор. уѣзда, въ 8 верс. отъ Звенигорода.

[54]) По писц. книгѣ 1593 г. № 19. Нынѣ село Коринское, 1 ст. Звениг. уѣзда, въ 10 верс. отъ Звенигорода.

[55]) По писц. книгѣ 1593 г. № 14. Нынѣ село Луцыно 1 ст. Звениг. уѣзда, въ 6 верс. отъ Звенигорода.

[56]) По писц. книгѣ 1593 г. № 20. Нынѣ нѣтъ посела сего наименованія въ окрестностяхъ села Луцына.

[57]) Нынѣ деревня Юрьево, 2 ст. Звенигор. уѣзда, въ 15 верс. отъ Звенигорода.

[58]) По писц. книгѣ 1593 г. № 23. Изъ деревень, принадлежавшихъ сему монастырю, нынѣ извѣстна деревня Кузьмина, 2 стана Звенигор. уѣзда, въ 7 верс. отъ Звенигорода.

[59]) Нынѣ деревня Татарка, 1 стана Звенигор. уѣзда, въ 15 верс. отъ Звенигорода.

[60]) По писц. книгѣ 1593 г. № 12. Нынѣ деревня Петровское, 2 стана Звенигор. уѣзда, въ 13 верс. отъ Звенигорода.

22) Того жъ Пафнутьева монастыря вотчина, что было село Сурмино, а въ немъ мѣсто церковное Благовѣщеніе Пресвятой Богородицы [61]).

23) Спаса Новаго монастыря, что въ Москвѣ на Крутицахъ, по Государевой Царевѣ и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Руссіи жалованной вотчинной грамотѣ, за приписью Дьяка Герасима Мартемьянова 134 (1626) году, вотчина: государевыхъ дворцовыхъ селъ жеребій села Васильевскаго на Москвѣ рѣкѣ [62]), что было напредъ сего въ вотчинѣ за атаманомъ за Ѳедоромъ Семеновымъ сыномъ Кочетомъ.

24) Вотчина Живоначальные Троицы Сергіева монастыря, что пожаловалъ блаженные памяти Государь Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичъ всея Руссіи Живоначальные Троицы Сергіева монастыря архимандрита Митрофана съ братьею...., а далъ въ 7090 (1582) году по отцѣ своемъ по Царѣ и Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Русіи село Кляпово на рѣкѣ на Сетунѣ [63]), а въ немъ церковь Никола Чудотворецъ, а въ церкви образы и свѣчи и книги и колокола и всякое церковное строеніе монастырское.

25) Живоначальные Троицы Сергіева монастыря село Андрѣевское погостъ [64]), а въ церкви образы и свѣчи и книги и ризы и колокола и все церковное строеніе и клепало монастырское. Села жъ Андрѣевскаго погостъ, а на погостѣ мѣсто церковное Бориса и Глѣба [65]).

Станъ Угожской.

26) За дьякомъ за Макаркомъ Ивановымъ сыномъ Поздѣевымъ въ помѣстьи по отдѣльной выписи 132 (1624) году, что было прежъ сего въ вотчинѣ за бояриномъ за Степаномъ Васильевичемъ Годуновымъ, а прежъ боярина было за Григорьемъ, да за Гавриломъ, да за Кузмою, да за Иваномъ Рукинымъ, пустошь, что было село Марьино, а въ немъ мѣсто церковное Николы Чудотворца [66]).

27) Въ Угожскомъ же стану пустошь, что былъ погостъ Живоначальные Троицы на рѣкѣ на Торусѣ [67]).

---

[61]) По писц. книгѣ 1593 г. № 13. Нынѣ деревня Сурмино, 2 стана Звенигород. уѣзда, въ 10 верст. отъ Звенигорода.

[62]) Нынѣ село жъ Васильевское, въ Рузскомъ уѣздѣ, на границахъ Звенигородскаго.

[63]) По писц. книгѣ 1593 г. № 38. Нынѣ село жъ Кляпово, 1 стана Звенигородскаго уѣзда, въ 15 верс. отъ Звенигорода.

[64]) По писц. книгѣ 1593 г. № 34. Нынѣ село жъ Андрѣевское Дмитріевское (по погосту), 1 ст. Звенигор. уѣзда, въ 18 верст. отъ Звенигорода.

[65]) По писц. книгѣ 1593 г. № 37. Нынѣ село, погоста нѣтъ.

[66]) По писц. книгѣ 1593 г. № 36. Нынѣ деревня Марьино, въ Рузск. уѣздѣ, въ 13 верс. отъ Рузы.

[67]) По писц. книгѣ 1593 г. № 33. Мѣсто неизвѣстно (въ нынѣшнемъ Рузскомъ уѣздѣ).

28) Пустошь, что былъ погостъ Успеніе Пречистые Богородицы на рѣкѣ на Москвѣ [68]).

29) Пафнутьева монастыря вотчина село Курпково на рѣчкѣ на Торусѣ [69]), да на рѣчкѣ на Мосуровкѣ, а въ селѣ церковь Преображеніе Господа нашего Іисуса Христа древяна клѣтцки, стоитъ пуста.

30) Тогожъ Пафнутьева монастыря вотчина, пустошь, что было село Городище [70]), а въ немъ церковь Николы Чудотворца.

31) Вотчина Андроньева монастыря, что на Москвѣ, по припpавочнымъ книгамъ, что было въ помѣстьи за Гришею за Бпкейковымъ, да за Кириломъ Дичковымъ, и Государь Царь отдалъ то помѣстье по дядѣ своемъ князѣ Юрьѣ Ивановичѣ въ Андроньевъ монастырь архимандриту съ братьею по духовной грамотѣ, деревня Ладыгино, на рѣкѣ на Москвѣ [71]).

32) Вотчина Новодѣвичья монастыря село Починки, а Кубенское тожъ, на рѣчкѣ на Сетунѣ [72]); въ государевой жалованной грамотѣ 7079 (1571) году написано: «далъ то село князь Иванъ Ивановичъ Кубенской», а въ селѣ былъ храмъ Леонтей Чудотворецъ Ростовской, запустѣлъ отъ литовскаго разоренія.

33) За вдовою за княгинею за князь Θедоровскою женою Ивановича Мстиславскаго въ вотчинѣ, что было прежъ сего за бояриномъ за Дмитріемъ Федоровичемъ Палецкимъ—село Михайловское на рѣкѣ на Озернѣ [73]), а въ селѣ церковь Архистратигъ Михаилъ, да придѣлъ Царя Константина, древяна клѣтцки, а въ церкви образы и свѣчи и книги и ризы и колокола и все церковное строеніе вотчинниково.

34) За Богданомъ, да за Иваномъ, да за Посникомъ, дѣтьми Бѣльскаго, въ вотчинѣ дѣда ихъ Богдана Яковлевича Бѣльскаго, а прежъ дѣда было въ вотчинѣ жъ за Олферьемъ, да за Григорьемъ Болотниковыми, да вдовы Марьи Болотниковы жъ, пустоши..... пустошь, что было сельцо Александровское, Савельево тожъ [74]).... (д) Рыжкова (д) Алексѣево.

---

[68]) По писц. книгѣ 1593 г. № 32. Мѣсто неизвѣстно (въ нынѣшнемъ Рузскомъ уѣздѣ).

[69]) По писц. книгѣ 1593 г. № 31. Нынѣ сельцо Кориково (Крюково), въ Рузскомъ уѣздѣ 2 стана, близь села Поречья, въ 25 верст. отъ Рузы.

[70]) По писц. книгѣ 1563 г. № 30. Нынѣ деревня Городище, въ Рузскомъ уѣздѣ 3 стана, въ 17 верст. отъ Рузы.

[71]) Нынѣ деревня, въ Рузскомъ уѣздѣ 2 стана, въ 25 верст. отъ Рузы.

[72]) По писц. книгѣ 1593 г. № 35. Нынѣ село жъ Кубенское, въ Верейскомъ уѣздѣ, близь границы съ Звенигородскимъ.

[73]) По писц. книгѣ 1593 г. № 25. Нынѣ село жъ Михайловское, въ Рузскомъ уѣздѣ 2 стана, въ 15 верс. отъ Рузы.

[74]) По писц. книгѣ 1593 г. № 27. Мѣсто неизвѣстно. Изъ приходскихъ деревень бывшаго села извѣстна деревня Алексѣевка, во 2 станѣ, въ 34 верс. отъ Рузы.

35) За жильцомъ за Офанасьемъ Өедоровымъ сыномъ Болотниковымъ въ вотчинѣ, что было прежъ сего за Иваномъ Борисовымъ сыномъ Голохвастовымъ, да за Аөанасьемъ Игнатьевымъ сыномъ Голохвастовымъ, село Будково [75]), а въ немъ церковь Никола Чудотворецъ, да Мина мученикъ Христовъ.

36) Въ Тростенскомъ стану на Царевѣ и великаго Князя землѣ погостъ на рѣкѣ на Негучѣ [76]), а на погостѣ мѣсто церковное Рожество Пречистые Богородицы.

37) Савы Сторожевскаго монастыря село Дютково [77]), а въ селѣ церковь во имя Рожества Пречистые Богородицы древяна клѣтцки, стоитъ пуста отъ литовскихъ людей.

38) Того же Сторожевскаго монастыря, что было село Покровское [78]), а въ немъ была церковь Покровъ святѣй Богородицы.

III.

По Ландратской книгѣ и по книгѣ Патріаршаго Казеннаго приказа 1715 года, съ указаніемъ въ первой на переписную книгу 1678 года.

Городъ Звенигородъ.

1) Въ Звенигородѣ одна церковь Соборная во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, при ней священникъ протопопъ Іосифъ 45 лѣтъ, дьячекъ Василій, 40 лѣтъ, Андрѣевы.

По Ружной книгѣ Дворцоваго приказа подъ № 96-мъ, 1700 году, видно, что Звенигородскій Успенскій Соборъ получалъ слѣдующую ругу:

На свѣчи, на ладанъ и на вино церковное рубль.

За 3 пуда воску 3 рубли 20 алтынъ.

Протопопу 10 рублевъ; ржи 5 четвертей съ осминою безъ четверика; овса тожъ.

Просвирнѣ 2 рубли; ржи 2 чети безъ полуосмины; овса тожъ.

---

[75]) По писц. книгѣ 1593 г. № 26. Нынѣ деревня Будькова, Рузск. уѣзда, въ 32 верст. отъ Звенигорода.

[76]) По писц. книгѣ 1593 г. № 29. На картѣ Московскаго намѣстничества XVIII ст. въ Рузск. уѣздѣ означенъ погостъ Рожественскій, въ 4 верс. къ сѣверу отъ села Порѣчья, во 2 станѣ, въ 25 верст. отъ Рузы.

[77]) По писц. книгѣ 1593 г. № 17. Село Дютково было близь Тростенскаго (Онуфріевскаго озера); изъ приходскихъ его деревень извѣстна дер. Сафонова, во 2 ст. Рузск. уѣзда, въ 20 верст. отъ Рузы.

[78]) По писц. книгѣ 1593 г. № 18. Нынѣ село Покровское (Лакотня), въ 1 ст. Звениг уѣзда, въ 1 верстѣ отъ Звенигорода, близь дороги въ г. Рузу.

На просвиры ржи четь и полъ и два четверика: овса тожъ.

И того: денегъ 16 рублевъ 20 алтынъ, ржи 8 чети съ полуосминою и полчетверика, овса 7 чети съ четверикомъ, по 15 алтынъ юфть.

И того 3 рубли 16 алтынъ 2 деньги.

Всего денегъ и за хлѣбъ 20 рублевъ 3 алтына.

На посадѣ 2 церкви.

2) Въ Рождественской слободѣ церковь Рождества Христова (Уского конца на посадѣ): при ней попъ Терентей Никитинъ 48 лѣтъ, дьячекъ и пономарь. Дани 1 рубль 4 алтына 5 денегъ: по книгамъ Звенигородскіе десятины поповскаго старосты села Клапова Николаевскаго попа Ивана, тѣ деньги на нынѣшній 1715 годъ взяты, платилъ онъ староста [79]).

3) Въ Вознесенской слободѣ церковь Вознесенія Господня; при ней попъ Макарей 25 лѣтъ, дьяконъ Афанасей 27 лѣтъ, Ѳеоктистовы, дьячекъ и пономарь. Дани 1 рубль 7 алтынъ съ деньгою

Станъ Городской.

1) За барономъ Петромъ Павловымъ сыномъ Шафировымъ, что въ Переписныхъ 186 (1678) году книгахъ написано Кормоваго дворца за подключникомъ Петромъ, да за Герасимомъ Суровцовыми, въ селѣ Дяденковѣ одна церковь, во имя Св. мученика Мины [80]); при ней попъ Никита Петровъ 60 лѣтъ, и дьячекъ. Дани (въ патріаршую казну) 1 рубль 16 алт. 3 деньги.

2) За ближнимъ бояриномъ Алексѣемъ Петровичемъ Салтыковымъ, что въ Переписныхъ 186 года книгахъ написано за бояриномъ Петромъ Михайловичемъ Салтыковымъ, въ селѣ Козинѣ [81]) одна церковь, во имя Введенія Богородицы, да въ предѣлѣ Николая Чудотворца; при ней попъ Иванъ Петровъ 35 лѣтъ; дьячекъ, пономарь и просвирница Саломонида Евтропьева 70 лѣтъ. Дани церковныя 1 рубль 2 алтына 2 деньги.

3) За стольники за Алексѣемъ, да за Иваномъ Петровичи Шереметевыми, что въ Переписныхъ 186 г. книгахъ написано за бояриномъ Петромъ Васильевичемъ Шереметевымъ, въ селѣ Спаскомъ.

---

[79]) По писц. книгѣ 1624 и 1625 г. значится еще въ Звенигородѣ «церковь Николы Чудотворца, что въ посадѣ, въ Ускомъ концѣ».

[80]) По писц. книгѣ 1593 № 22; 1624 г. № 4. Нынѣ деревня Дядинкова, 1 ст. Звенигор. уѣзда, въ 12 верст. отъ Звенигорода.

[81]) По книгѣ Патріаршаго Казеннаго приказа 1627 г. дворцовое село. Нынѣ село жъ Козино, 1 ст. Звениг. уѣзда, въ 6 верст. отъ Звенигорода.

Уборы тожъ [82]), одна церковь Спаса Нерукотореннаго образа; при ней попъ Сергѣй Назаровъ 35 лѣтъ, дьячекъ, у него мать вдова просфирня 80 лѣтъ. Церковной дани 1 рубль 1 алтынъ съ деньгою.

4) За Святѣйшимъ Патріархомъ, что въ Переписныхъ 186 году книгахъ написано за бояриномъ княземъ Юрьемъ Алексѣевичемъ Долгорукова, въ селѣ Дмитровскомъ (на р. Истрѣ) [83]) одна церковь Св. Димитрія Селунскаго; при ней попъ Дмитрей Гавриловъ 60 лѣтъ, дьячекъ и пономарь.

5) За стольникомъ за княземъ Сергіемъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ, что въ Переписныхъ 186 году книгахъ написано за Бояриномъ Княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Воротынскимъ, въ селѣ Ивановскомъ [84]) одна церковь Пресвятые Богородицы Казанскіе; при ней попъ Стефанъ Дементьевъ 38 лѣтъ, дьячекъ и пономарь. Дани церковные 18 алтынъ.

6) Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку за Капитаномъ Васильемъ Ѳедоровичемъ Салтыковымъ, что въ Переписныхъ 186 году книгахъ написано за бояриномъ Петромъ Михайловичемъ Салтыковымъ, въ селѣ Ершовѣ [85]) одна церковь Живоначальные Троицы; при ней попъ Сидоръ Ивановъ 60 лѣтъ; дьяконъ и дьячекъ. Дани церковные: 33 алтына съ деньгою.

7) За окольничимъ княземъ Никитою Михайловичемъ Жировскимъ-Засѣкинымъ, что въ Переписныхъ 186 г. книгахъ написано за окольничимъ Иваномъ Афонасьевичемъ Прончищевымъ, въ селѣ Покровскомъ [86]) одна церковь Покрова Пресвятые Богородицы; при ней попъ Алексѣй Тарасовъ 33 лѣтъ, и дьячекъ. Дани церковные 1 рубль 2 алтына 2 деньги.

8) За стольникомъ княземъ Иваномъ княжь Михайловымъ сыномъ Ягуповымъ-Черкаскимъ, что въ Переписныхъ 186 году книгахъ написано за стольникомъ Львомъ Тологановымъ, въ селѣ Славковѣ [87]) одна церковь Пр. Александра Свирскаго Чудотворца; при ней попъ Марка Терентьевъ 60 лѣтъ, да дьячекъ. Дани церковные 22 алтына 5 денегъ.

---

[82]) Нынѣ село Уборы-Спасское, 1 ст. Звениг. уѣзда, въ 17 верст. отъ Звенигорода.

[83]) По писц. книгѣ 1593 г. № 24. Нынѣ село жъ Дмитріевское на Истрѣ, 1 ст. Звенигор. уѣзда, въ 20 верст. отъ Звенигорода.

[84]) Нынѣ деревня Ивановское (близь с. Павловскаго), 2 ст. Звениг. уѣзда, въ 18 верст. отъ Звенигорода.

[85]) По писц. книгѣ 1624 г. № 6. Нынѣ село жъ Ершово Звенигор. уѣзда, въ 3 верст. отъ Звенигорода.

[86]) Нынѣ село Покровское-Засѣкино, 1 ст. Звениг. уѣзда въ 10 верст. отъ Звенигорода.

[87]) Нынѣ сельцо 2 ст. Звенигор. уѣзда, въ 11 верст. отъ Звенигорода.

9) За князь Алексѣемъ княжь Ивановымъ сыномъ Шаховскимъ, что въ Переписныхъ 186 году книгахъ написано за княземъ Өедуломъ Өедоровымъ сыномъ Волконскимъ, да за путнымъ клюшникомъ Сергѣемъ Бухинымъ, да за Прохоромъ Недюревымъ, въ селѣ Никольскомъ, Фуниково тожъ, [88]) одна церковь Николая Чудотворца; при ней попъ Михаилъ Федоровъ 47 лѣтъ, да дьячекъ. Дани церковные 28 алтынъ, 3 деньги.

10) Въ селѣ Введенскомъ—Першинѣ [89]) одна церковь Входа во храмъ Пресвятые Богородицы, въ вотчинѣ боярина Михаила Петровича Головина; при ней попъ Ефремъ Михайловъ 38 лѣтъ, да дьячекъ. Дани церковные 1 рубль 3 алтына съ деньгою.

11) За Савинымъ монастыремъ Сторожевскаго, что въ Переписныхъ 186 г. книгахъ написано за боярынею княгинею Ульяною Ивановною Голицыною, въ селѣ Покровскомъ [90]) одна церковь Покрова Богородицы; при ней попъ Андрей 37 лѣтъ. Дани церковные 17 алтынъ.

12) За Савинымъ монастыремъ Сторожевскаго въ селѣ Игнатьевѣ [91]) одна церковь Входа во Іерусалимъ Господа нашего Іисуса Христа; при ней попъ Михаило Никитинъ 51 года. Дани церковной 1 рубль 4 алтына 2 деньги.

13) Савина монастыря Сторожевскаго въ селѣ Оксиньинѣ [92]) одна церковь Николая Чудотворца; при ней попъ Іоакимъ 37 лѣтъ, дьяконъ Кирилъ 32 лѣтъ, Никитины; да дьячекъ. Дани церковной 1 рубль 4 алтына съ деньгою.

14) Савинъ монастырь.

Въ немъ: архимандритъ Селивестръ 56 лѣтъ;
судебный старецъ Кириллъ 55 лѣтъ;
іеромонаховъ 5-ть: Георгій (55 л.), Вавило (49 л.), Селивестръ (57 л.), Лаврентій (32 л.), Пафнутій (72 л.);
іеродіаконовъ 6-ть: Гедеонъ (30 л.), Кириллъ (32 л.), Діонисій (46 л.), Яковъ (50 л.), Трифилій (27 л.), Варлаамъ (24 л.);

---

[88]) По писц. книгѣ 1593 г. № 6; 1624 г. № 3. Нынѣ деревня 2 ст. Звенигор. уѣзда, въ 6 верст. отъ Звенигорода.

[89]) По писц. книгѣ 1593 г. № 3; 1624 г. № 12. Нынѣ село Введенское-Першино, въ 3 верст. отъ Звенигорода.

[90]) По писц. книгѣ 1624 г. № 38. Нынѣ село Покровское (Лакотня), 1 ст. Звенигородск. уѣзда.

[91]) По писц. книгѣ 1593 г. № 4; 1624 г. № 9. Нынѣ деревня 1 ст. Звенигородск. уѣзда, въ 2 верст. отъ Звенигорода.

[92]) По писц. книгѣ 1593 г. № 11; 1624 г. № 13. Нынѣ село Аксиньино, 1 стана Звениг. уѣзда въ 9 верст. отъ Звенигорода.

синодальный іеродіаконъ Леонтій (80 л.);
крылошанъ — старцевъ 9 человѣкъ: Митрофанъ (49 л.), Сергій (32 л.), Авель (24 л.), Мелентій (50 л.), Пахомій (70 л.), Мартирій (66 л.), Леонтій (45 л.), Аникій (30 л.), Іосифъ (50 л.);
пономарей 3, старцы: Дорофей (36 л.), Трифилій (35 л.), Парамонъ (25 л.);
житеной старецъ Антоній (40 л.);
хлѣбодарь старецъ Лукьянъ (50 л.);
чашникъ старецъ Иларіонъ (68 л.);
старцевъ разныхъ службъ 11 человѣкъ;
хлѣбенные и поваренные старцы 8 человѣкъ;
больничные: строитель іеромонахъ Нектарій (69 л.), іеромонаховъ 2-е: Клеоникъ (50 л.), Германъ (60 л.), 24 старца;
часовенный старецъ Іосифъ (53 л.).

Примѣч. Подъ именемъ старцевъ здѣсь разумѣются всѣ постриженные въ монашество.

15) Въ подмонастырской слободѣ одна церковь св. Николая Чудотворца [93]), Савина монастыря, въ Стрѣлецкой слободѣ. При ней попъ Василій Степановъ 50 л., да дьячекъ. Дани 1 рубль 13 алтынъ 2 деньги.

16) Савина Сторожевскаго монастыря село Луцино [94]), одна церковь Св. Николая Чудотворца, при ней попъ Василій 32 лѣтъ, да дьячекъ. Дани церковной 1 рубль, 22 алтына 4 деньги.

17) Савина Сторожевскаго монастыря село Каринское [95]), а въ немъ одна церковь во имя Рождества Христова; при ней попъ Василій 32 лѣтъ, да дьячекъ. Дани 1 рубль 15 алтынъ.

18) Живоначальные Троицы за Сергіевымъ монастыремъ въ селѣ Кляповѣ [96]) одна церковь Николая Чудотворца; при ней попъ Иванъ Гавриловъ 44 л., да дьячекъ. Дани 1 рубль, 5 алтынъ 5 денегъ.

19) За дьякомъ Михаиломъ Алексѣевымъ сыномъ Воиновымъ въ

---

[93]) И нынѣ церковь же, во имя св. Николая.

[94]) По писц. книгѣ 1593 г. № 14; 1624 г. № 16. Нынѣ село жъ Луцыно, 1 ст. Звениг. уѣзда, въ 6 верс. отъ Звенигорода.

[95]) По писц. книгѣ 1593 г. № 19; 1624 г. № 15. Нынѣ село жъ Каринское, въ 10 вер. отъ Звенигорода.

[96]) По писц. книгѣ 1593 г. № 38; 1624 г. № 24. Нынѣ село жъ Кляпово, 1 ст. Звениг. уѣзда въ 15 верс. отъ Звенигорода.

селѣ Успенскомъ-Носово тожъ [97]) одна церковь Успеніе Пресвятые Богородицы; при ней попъ Иванъ Никитинъ 48 лѣтъ, дьячекъ и пономарь. Дани 26 алтынъ 5 денегъ.

Станъ Угожской.

20) За стольникомъ князь Иваномъ княжь Ивановымъ сыномъ Долгоруковымъ въ селѣ Покровскомъ, Пронское тожъ [98]), одна церковь; при ней попъ Тарасъ Даниловъ 60 лѣтъ.

21) За бояриномъ князь Иваномъ Алексѣевичемъ Голицынымъ, что въ Переписныхъ 186 году книгахъ написано за бояриномъ княземъ Алексѣемъ Андрѣевичемъ Голицынымъ, въ селѣ Головковѣ [99]), что нынѣ село, одна церковь; при ней попъ Данило Ивановъ 75 лѣтъ, дьяконъ и дьячекъ.

22) За Васильемъ Алексѣевымъ сыномъ Яновымъ, что въ Переписныхъ 186 г. книгахъ написано за бояриномъ и дворецкимъ и оружейничимъ Богданомъ Матвѣевичемъ Хитровымъ, въ селѣ Крымскомъ дворищѣ [100]) одна церковь во имя Преображенія Спасова.

23) За Пафнутьевымъ монастыремъ въ селѣ Корюковѣ [101]) одна церковь; при ней попъ Онисимъ 35 лѣтъ, да дьячекъ.

24) За преосвященнымъ Алексѣемъ архіепископомъ Сарскимъ и Подонскимъ въ селѣ Алексинѣ [102]) одна церковь Покрова Богородицы; при ней попъ Алексѣй Васильевъ 49 лѣтъ, да дьячекъ. Дани 1 рубль 16 алтынъ 5 денегъ.

25) Пречистые Богородицы за Новодѣвичьимъ монастыремъ въ селѣ Починки, Кубенское тожъ [103]), одна церковь Архангела Михаила; при ней попъ Андрей Федоровъ 30 лѣтъ, да дьячекъ. Дани 1 рубль 24 алтына 4 деньги.

26) За Святѣйшимъ Патріархомъ въ селѣ Корытинѣ [104]) одна церковь; при ней попъ Артемонъ Борисовъ 50 лѣтъ, дьячекъ да пономарь.

---

[97]) Нынѣ село Носово-Успенское (погостъ), въ 1 ст. Звениг. уѣзда, въ 8 вер. отъ Звенигорода.

[98]) По писц. книгѣ 1593 г. № 8. Нынѣ село Пронское, 1 ст. Звениг. уѣзда, въ 13 вер. отъ Звенигорода.

[99]) Нынѣ сельцо Головково, Верейскаго уѣзда, на границѣ съ Рузскимъ.

[100]) Нынѣ село Крымское, Верейскаго уѣзда, близь границы съ Рузскимъ.

[101]) По писц. книгѣ 1503 г. № 31; 1624 г. № 29. Нынѣ деревня Корюкова (Крюкова), во 2 ст. Рузскаго уѣзда, въ 25 вер. отъ Рузы.

[102]) Нынѣ село Верейскаго уѣзда, близъ границы съ Рузскимъ.

[103]) По писц. книгѣ 1593 г. № 35; 1624 г. № 32. Нынѣ село Верейскаго уѣзда, близъ границы съ Рузскимъ.

[104]) Нынѣ погостъ Кортинъ, при р. Москвѣ, въ 20 вер. отъ Рузы.

Станъ Тростенскій.

27) За князь Өедоровскою женою Иванова за Троекурова за вдовою княгинею Ириною Петровною, что въ Переписныхъ 186 году книгахъ написано за бояриномъ княземъ Иваномъ Борисовичемъ Троекуровымъ, въ селѣ Никольскомъ [105]) одна церковь Св. Николая Чудотворца; при ней попъ Семенъ Ивановъ 45 лѣтъ. Дани 1 рубль 9 алтынъ 5 денегъ.

28) За Сергіевскою женою Федорова сына Обернибѣсова, за вдовою Анною Михайловою дочерью въ селѣ Есиповѣ, Загорноетожъ, [106]) одна церковь.

29) За брегадиромъ Володиміромъ Петровичемъ Шереметевымъ, что въ Переписныхъ 186 г. книгахъ написано за Сергѣемъ Аврамовичемъ Лопухинымъ, въ селѣ Покровскомъ [107]) одна церковь Покрова Богородицы на рѣчкѣ Озернѣ; при ней попъ Прокофій Еремѣевъ 50 лѣтъ, да дьячекъ. Дани 1 рубль 8 алтынъ 2 деньги.

30) За преосвященнымъ Алексѣемъ архіереемъ Сарскимъ и Подонскимъ въ селѣ Михайловскомъ одна церковь [108]) Михаила Архангела; при ней попъ Герасимъ Федоровъ 46 лѣтъ, и пономарь. Дани 1 рубль 15 алтынъ 2 деньги.

31) За Савинымъ монастыремъ Сторожевскаго приписной Анофріевой пустыни въ подмонастырской слободѣ, что нынѣ село Анофрѣево [109]), а въ немъ одна церковь Успенія Пресвятыя Богородицы; при ней попъ Максимъ Ивановъ 32 лѣтъ, да дьячекъ. Дани 28 алтынъ съ деньгою.

32) Савы Сторожевскаго монастыря въ селѣ Дютковѣ [110]) одна церковь Рождества Пресвятыя Богородицы; при ней попъ Андрей Никитинъ 46 лѣтъ, дьячекъ и пономарь. Дани 1 рубль 9 алтынъ 4 деньги.

33) За графомъ Гавриломъ Ивановичемъ Головинымъ въ селѣ Ми-

---

[105]) Въ XVII в. дворцовое село. Нынѣ село жъ Никольское на р. Озернѣ, кн. Гагарина, въ Рузскомъ уѣздѣ 2 стана, въ 27 верс. отъ Рузы.

[106]) Нынѣ сельцо Загорье, во 2 станѣ Рузскаго уѣзда, въ 22 вер. отъ Рузы.

[107]) Нынѣ село жъ Покровское на р. Озернѣ, въ Рузскомъ уѣздѣ 2 стана, въ 20 верс. отъ Рузы.

[108]) По писц. книгѣ 1593 г. 1624 г. № 33; нынѣ село жъ Михайловское на р. Озернѣ, въ 15 верстахъ отъ Рузы.

[109]) Нынѣ село жъ Анофріево (бывшаго здѣсь Анофріева монастыря), при Анофрѣевомъ (Тростенскомъ) озерѣ, Рузскаго уѣзда 2 ст., въ 27 верстахъ отъ Рузы.

[110]) По писц. книгѣ 1593 г. № 17; 1624 г. № 37. Было въ Рузскомъ уѣздѣ 2 стана, близь Тростенскаго озера. Изъ числа приходскихъ деревень сего села уцѣлѣла дер. Сафонова, въ 20 вер. отъ Рузы.

хайловскомъ [111]) одна церковь Архаагела Михаила; при ней попъ Никифоръ Митрофановъ 48 лѣтъ, да дьячекъ. На погостѣ—Живоначальныя Троицы; при ней попъ Іоакимъ Борисовъ 40 лѣтъ, дьячекъ, пономарь.

34) Въ селѣ Васильевскомъ [112]) одна церковь Воскресенія Христова; при ней попъ Захаръ Ивановъ 50 лѣтъ, пономарь. Дани 1 рубль 16 алтынъ 3 деньги.

Нынѣшній Звенигородскій уѣздъ, его села и погосты.

А) Общее обозрѣніе.

Нынѣшній Звенигородской уѣздъ состоитъ изъ 2-хъ становъ: первый, собственно Звенигородскій, центромъ коего служитъ г. Звенигородъ; второй—Воскресенскій, центромъ коего заштатный городъ Воскресенскъ. Территорія перваго стана состоитъ: 1) изъ Городскаго стана древняго Звенигородскаго уѣзда XVI и XVII стол., 2) изъ становъ Московскаго уѣзда XVII вѣка: Вяземскаго и части Сѣтунскаго и 3) изъ части Вышегородскаго стана Верейскаго уѣзда XVII столѣтія.

Территорія втораго стана составилась изъ двухъ становъ Московскаго уѣзда XVII столѣтія: Сурожскаго и Горетовскаго, Дмитровскихъ становъ XVII столѣтія: Мушкова, Берендѣева и части Радомскаго. Въ 1-мъ станѣ считается нынѣ 39 селъ, во 2-мъ 41 село (съ селомъ Аносинымъ).

За отчисленіемъ (въ прошломъ столѣтіи) отъ древняго Звенигородскаго уѣзда XVI и XVII столѣтій становъ: Тростенскаго въ Рузскій уѣздъ (кромѣ двухъ селъ—Михайловскаго и Троицкаго—оба на Москвѣ рѣкѣ), а Угожскаго стана въ Верейскій уѣздъ (кромѣ бывшаго села (нынѣ сельцо) Покровскаго-Пронскаго), въ окружіи нынѣшняго Звенигородскаго уѣзда осталось всего 18 старыхъ Звенигородскихъ селъ, да 12 селецъ и деревень (бывшихъ селами въ XVI и XVII столѣтіяхъ). По нынѣшнему дѣленію уѣзда на 2 стана, 16 селъ, 2 сельца и 5 деревень (бывшихъ селами) находятся въ 1-мъ станѣ, а 2 села, 2 сельца и 3 деревни (бывш. селами) во 2-мъ станѣ, а именно:

---

[111]) Въ XVII в. было дворцовымъ селомъ. Нынѣ село жъ Михайловское, на Москвѣ рѣкѣ, 2 стана Звенигородск. уѣзда, въ 18 верс. отъ Звенигорода.

[112]) По Писц. книгѣ 1624 г. № 23. Въ XVII ст. дворцовое село. Нынѣ село жъ Васильевское, на Москвѣ рѣкѣ, въ Рузскомъ уѣздѣ, на границѣ съ Звенигородскимъ, во 2 станѣ въ 52 верст. отъ Рузы.

Въ 1 станѣ,

а) села:

1) Аксиньино (именовалось еще въ XIII ст. Никольское на Пескахъ).
2) Андреевское-Дмитріевское.
3) Введенское-Першино.
4) Дмитріевское на Истрѣ.
5) Каринское.
6) Кляпово-Никольское.
7) Козино.
8) Луцыно.
9) Михайловское.
10) Носово-Успенское.
11) Покровское-Засѣкино.
12) Покровское-Лакотня.
13) Троицкое.
14) Уборы-Спаское.
15) Успенское-Вяземецъ.
16) Иславское.

б) сельца и деревни (быв. села):

1) Игнатьево (деревня).
2) Дядинково (сельцо).
3) Насоново (дер.)
4) Покровское-Пронское (сельцо).
5) Покровское (дер.)
6) Супонево (дер.)
7) Шерапово (дер.)

Во 2 станѣ,

а) села:

1) Ершово.
2) Павловское.

б) сельца и деревни (быв. села):

1) Ивановское (дер.)
2) Козьмодемьянское - Бутырево (сельцо).
3) Славково (сельцо).
4) Сурмино (дер.)
5) Фуниково (дер.)

Б) Для опредѣленія времени основанія селъ и поселовъ нынѣшняго Звенигородскаго уѣзда имѣются слѣдующія данныя.

Упоминаются въ древнихъ актахъ (преимущ. въ духовныхъ грамотахъ)

въ 1328 году:

1) село Лучинское (нынѣ деревня), тянувшее къ Московской волости Сурожику тогда и послѣ.
2. село Михайловское, на Москвѣ рѣкѣ.
3) — Андрѣевское (нынѣ Андреевское-Дмитріевское).
4) — Вяземское, на Москвѣ рѣкѣ (нынѣ Успенское-Вяземецъ).

въ 1356 году:

1) село Войславское нынѣ Иславское, близъ Звенигорода.
2) — Андреевское (см. выше).
3) — Каринское, въ 1454 г. пожаловано въ вотчину Савинскому монастырю.
4) село Кляповское.

въ 1389 году:

1) село Пятница-Берендѣево, извѣстно съ этого года подъ именемъ «Берендѣевской слободы».

въ 1434 году:

1) село Андреевское (см. выше).
2) — Михайловское (см. выше).
3) — Никифоровское (нынѣ деревня).

во второй половинѣ XV столѣтія:

1) село Локотинское (нынѣ Локотня), упоминается въ мѣновной грамотѣ удѣльнаго князя Андрея Васильевича (1462—1491 г).

2). село Ершово, упоминается въ мѣновной грамотѣ 1451 г. великаго князя Василія Васильевича съ Боровскимъ княземъ Василіемъ Ярославичемъ.

3) село Богородское (нынѣ Ивановское-Богородское), упоминается въ духовномъ завѣщаніи ближняго боярина в. к. Дмитрія Ивановича Донскаго, Александра Ѳеодоровича Белеутова, коего было родовою вотчиною.

Звенигородскіе поселы, упоминаемые въ межевомъ актѣ 1504 г.

а) Въ окружіи нынѣшняго 1 стана,

села:

1) село Войславское, нынѣ Иславское.
2) — Вяземескъ, нынѣ Успенское-Вяземецъ.
3) — Степановское, нынѣ сельцо Степановское.
4) — Солославль, нынѣ деревня.

сельца и деревни..

1) Дмитріева слободка, что за Татары, нынѣ деревня Татарка.
2) сельцо Дурново, нынѣ село Петровское.
3) — Таганицынское, нынѣ деревня.
4) деревня Олешково, нынѣ дер. Лешково.
5) Лугъ Изборескъ, нынѣ село, на Москвѣ рѣкѣ.

б) Въ окружіи нынѣшняго 2 стана,

села.

1) село Бужарово, нынѣ село.
2) — Веледниковское, нынѣ сельцо Веледниково, на р. Истрѣ.
3) — Прокофьевское, нынѣ дер. Ефимоново, по фамиліи бывшаго вотчинника—дьяка Прокофія Ефимонова.
4) село Ломишино, нынѣ село.
5) — Никольское-Кутузово, нынѣ сельцо, по фамиліи вотчинника.
6) село Лыткино, нынѣ село.
7) — Вогнеnіково, нынѣ село Огниково.
8) — Богородское-Поварово, нынѣ село.
9) — Давыдовское, нынѣ сельцо, на рѣчкѣ на Радомлѣ.
10) — Ростовцево, нынѣ деревня.

сельца.

1) сельцо Ивановское, нынѣ село, на Истрѣ.
2) — Раково, нынѣ деревня.
3) — Трусово-Дедевшино (по фам. владѣльца), нынѣ дер.
4) — Петровское, нынѣ село Соколово.

деревни:

1) Черная Быстрь, нынѣ дер.
2) Калистова, нынѣ дер.
3) Земнева, нынѣ д. Жевнева.
4) Верхуртова, нынѣ дер.
5) Олшиткова, нынѣ дер.
6) Скориково, нынѣ дер.
7) Сафонтьева, нынѣ сельцо.
8) Горки, нынѣ дер.
9) Матфѣйково, нынѣ дер.
10) Турилово, нынѣ дер.
11) Новинки, нынѣ дер.
12) Повадино, нынѣ дер.
13) Сокольниково, нынѣ дер.
14) Бѣлавино, нынѣ село.

Изъ числа 39 селъ 1-го стана нынѣшняго Звенигородскаго уѣзда древнихъ селъ 27, изъ коихъ старыхъ Звенигородскихъ селъ 16, а именно, по времени, съ коего они становятся извѣстными въ историческихъ актахъ,

въ XIV столѣтіи:

1) Андреевское-Дмитріевское. 2) Михайловское на Москвѣ рѣкѣ. 3) Каринское. 4) Кляповское.

съ XV столѣтія:

5) Покровское-Локотня.

съ XVI столѣтія:

6) Введенское-Першино. 7) Дмитріевское на Истрѣ. 8) Иславское. 9) Луцыно. 10) Троицкое на Москвѣ р. 11) Успенское-Вяземецъ.

съ XVII столѣтія:

12) Аксиньино (какъ погостъ извѣстно съ XVI ст.). 13) Козино. 14) Покровское-Засѣкино. 15) Уборы-Спаское. 16) Успенское-Носово.

Въ той части территоріи 1 стана нынѣшняго Звенигородскаго уѣзда, которая вошла въ него изъ древнихъ Московскихъ становъ древнихъ селъ числомъ 11, а именно,

извѣстны съ XVI столѣтія:

1) Архангельское. 2) Денисьево-Знаменское. 3) Назарьево.

съ XVII столѣтія:

4) Вяземы-Никольское. 5) Дарьино-Никольское. 6) Изворино-Васильевское. 7) Петровское. 8) Подушкино. 9) Савина слобода. 10) Сидоровское. 11) Урюпино-Никольское.

Поселы 1 стана (сельца и деревни), бывшіе селами въ XVI и XVII ст.

1) Игнатьево (нынѣ дер.) подъ Звенигородомъ, значится селомъ въ XVII стол.

2. Степановское (нынѣ дер.), значится селомъ въ XVI ст., въ XVII дворцовое село; близъ него были дворцовые желѣзные заводы на рѣкѣ Бѣлой.

3) Дядинково (нынѣ сельцо) село (Никольское) въ XVII и XVIII ст. (упом. въ 1715 г.)

4) Покровское-Пронское (нынѣ сельцо), значится селомъ въ XVII ст.

5) Насоновское (нынѣ дер.), значится селомъ въ 1593 году.
6) Супонево (нынѣ дер.), значится селомъ въ 1624 году.
7) Никифоровское (нынѣ дер.), значится селомъ въ 1434 году.
8) Солославль (нынѣ деревня) } значатся селами
9) Веледниковское (нынѣ сельцо) } въ 1504 году.
10. Шерапово (нынѣ деревня).

Изъ числа 41 села 2 стана нынѣшняго Звенигородскаго уѣзда старыхъ Звенигородскихъ селъ—два: Павловское и Ершово; вообще же древнихъ селъ столько же почти, сколько и въ 1 стану, то есть 28, а именно,

извѣстныхъ съ XV столѣтія:

1) Пятница-Берендѣева. 2) Мушкино (погостъ).

съ XVI столѣтія:

3) Александрово. 4) Бужарово. 5) Дорна. 6) Еремѣево. 7) Ильинское на городищѣ. 8) Казино. 9) Колычево-Покровское. 10) Куритниково. 11) Ламишино. 12) Лужки. 13) Лыткино. 14) Нахабино. 15) Огниково. 16) Павловское. 17) Рожествено на Истрѣ. 18) Соколово. 19) Телепнево.

съ XVII столѣтія:

20) Ершово. 21) Голубово. 22) Дедешино. 23) Ивановское на Истрѣ. 24) Ивановское-Богородское. 25) Микулино. 26) Троицкій погостъ. 27) Холмы. 28) Хованское.

Сельца и деревни 2 стана, бывшія селами въ XVI и XVII столѣтіяхъ:

1) Лучинское (Никольское), упоминается какъ село въ 1328 году и было центромъ волости того же имени, тянувшей изстари къ Сурожику. Въ 1627 году—за стольникомъ Львомъ Афонасьевымъ Плещеевымъ.

2) Фуниково-Никольское, село въ XVI и XVII ст., по Переписн. книгамъ 1678 г., за княземъ Ѳедуломъ Волконскимъ, въ 1715 г. за княземъ Алексѣемъ Шаховскимъ.

3) Куртасово село, въ XVII ст., вотчина Ивана Пушкина.

4) Алексино село, въ XVII ст., вотчина Московскаго Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря.

5) Ермолино, дворцовое село въ XVII ст.

6) Космодемьянское (Бутырево), было селомъ еще въ прошломъ столѣтіи.

7) Ивановское (Высокое) близъ Дорны, въ XVII ст. село въ вотчинѣ Воскресенскаго монастыря.

8) Никольское (Розмыслово), было селомъ въ XVII и XVIII ст., послѣд. церковь освящена въ 1733 г., при вотчинникѣ Мамоновѣ.

9. Ивановское (близъ с. Павловскаго); церковь упразднена въ началѣ текущаго столѣтія. Въ XVIII ст. принадлежало графу Ягужинскому.

10) Славково село, въ XVII и XVIII ст. вотчина князя Егупова-Черкасскаго, который здѣсь и погребенъ, потомъ графа Ягужинскаго; въ 1678 г. было за бояриномъ княземъ Иваномъ Александровичемъ Воротынскимъ.

11) Никольское (Кутузово), значится селомъ въ 1504 г., наз. Кутузовымъ по фамиліи вотчинника.

12) Сурмино, въ 1624 г. село въ вотчинѣ Пафнутьева монастыря.

13) Давыдовское (нынѣ сельцо). | села въ началѣ XVI

14) Ростовцево (нынѣ дер.) | столѣтія.

Б) Звенигородскія села и въ нихъ церкви, съ историческими объ оныхъ замѣтками.

1 станъ.

Въ городѣ Звенигородѣ.

1) Успенскій соборъ на городищѣ, складенъ изъ бѣлаго тесанаго камня, добытаго тутъ же по близости въ берегахъ Москвы рѣки. Архитектурнымъ образцомъ для сего храма послужилъ, какъ справедливо полагаютъ, соборный храмъ въ Переславлѣ-Залѣсскомъ (постр. въ 1170 году). Время построенія Звенигородскаго соборнаго храма хотя въ точности неизвѣстно, но бывшій въ немъ (въ южномъ предъолтаріи) Георгіевскій придѣлъ, при извѣстности, что строители соборныхъ храмовъ имѣли благочестивое обыкновеніе устроивать въ нихъ придѣлы въ честь тезоименныхъ имъ святыхъ, приводитъ насъ къ заключенію, что Звенигородскій соборный храмъ сооруженъ или Московскимъ княземъ Георгіемъ Даниловичемъ (1303—1326), котораго мы, по приведеннымъ выше соображеніямъ, считаемъ и основателемъ Звенигорода, какъ укрѣпленія или города, или удѣльнымъ Звенигородскимъ княземъ Георгіемъ Дмитріевичемъ (сыномъ в. к. Димитрія Донскаго), который, какъ извѣстно, жилъ довольное время въ своемъ удѣльномъ городѣ и построилъ въ немъ себѣ бѣлокаменный же дворецъ,

развалины коего видны доселѣ близъ собора, и притомъ былъ строителемъ соборнаго храма Рождества Пресвятыя Богородицы въ Саввинѣ-Сторожевскомъ монастырѣ, храма, который по стилю имѣетъ очевидное сходство съ Звенигородскимъ соборомъ. Во всякомъ случаѣ, благочестивый князь Георгій Дмитріевичъ можетъ быть безошибочно признанъ возсоздателемъ Звенигородскаго Успенскаго собора, послѣ разоренія онаго въ нашествіе Тохтамыша въ 1382 году. Надписи на фрескахъ, уцѣлѣвшихъ на олтарной преградѣ, позади мѣстныхъ иконъ иконостаса (XVII столѣтія), относящіяся по характеру буквъ къ концу XIV вѣка, подтверждаютъ вполнѣ такое заключеніе. Въ клировыхъ вѣдомостяхъ сего собора годъ построенія онаго означенъ 1190-й. Если въ этомъ показаніи замѣнить цифру сотенъ 1 на 3,—составится 1399 годъ, что и будетъ согласно съ приведенными выше историческими соображеніями, тогда какъ для оправданія показанія клировыхъ вѣдомостей таковыхъ соображеній вовсе не имѣется, кромѣ голословныхъ предположеній г. Снегирева, основанныхъ на смѣшеніи Звенигорода Московскаго съ Галицкимъ.

При соборѣ находится колокольница, одинаковаго стиля съ храмомъ. Изъ внѣшнихъ украшеній храма замѣтимъ: тройной поясъ между верхними и нижними окнами съ сѣверной стороны, изъ бѣлаго камня и высѣчки разныхъ узоровъ; тонкія полуколонки византійскаго стиля съ капителями и облицовка оконъ и дверей, также изъ бѣлаго камня. Внутри—полати или хоры, на кои ведетъ въ сѣверной стѣнѣ лѣстница, какъ и въ Переславскомъ соборѣ. Съ полатей были переходы, ведшіе въ княжескій дворецъ, въ развалинахъ коего видны фрагменты его наружныхъ украшеній, также изъ бѣлаго камня и одного стиля съ храмовыми. Внутренность храма освѣщается узкими окнами въ два свѣта и восемью окнами изъ сквознаго трибуна. Соборъ составляетъ квадратъ съ тремя олтарными полукружіями на востокъ, длиною 27, а шириною 18 аршинъ. Надъ четырехскатною кровлею возвышается на длинной шеѣ или барабанѣ шишакообразная глава, увѣнчанная четвероконечнымъ крестомъ съ короною и съ полумѣсяцемъ въ подножіи; прежде кровля была крыта гонтомъ, а глава черепицею, а нынѣ желѣзомъ. Сторожилы Звенигородскіе помнятъ, что ещё въ первой четверти текущаго столѣтія всѣ стѣны церкви внутри были украшены фресками, а въ куполѣ былъ изображенъ Господь Вседержитель въ увеличенномъ размѣрѣ: нынѣ же все это исчезло подъ слоемъ штукатурки, кромѣ двухъ фресковъ, изображающихъ «Явленіе Ангела во образѣ великой схимы пр. Пахомію» и «Бесѣду пустынника Варлаама (во образѣ купца) съ Индѣйскимъ царевичемъ Іоасафомъ»; въ рукахъ Ангела на первой и Варлаама на второй фрескѣ хартіи съ

надписями, относящимися къ изображаемымъ предметамъ. Фрески эти описаны нами подробно въ статьѣ «Звенигородъ и его Соборный храмъ», помѣщенной въ Сборникѣ Общества Древне-Русскаго искусства.

2) Вознесенская церковь—каменная, построена въ 1792 году.

3) Рождественская церковь—каменная, построена въ 1805 году.

Примѣч. Церкви сихъ же наименованій упоминаются и въ Писц. книгѣ 1627 г.; сверхъ того тамъ упоминается еще церковь Николы Чудотворца, что въ «Ускомъ концѣ», которая нынѣ не существуетъ, и «Здвиженскій монастырь на посадѣ», слѣдовъ котораго также нѣтъ, хотя жители и помнятъ, по преданію, что въ ихъ городѣ, кромѣ Савинскаго монастыря, было еще два другихъ: это—вышеупомянутый «Здвиженскій», а другой «Введенскій», упоминаемый въ межевомъ актѣ 1504 года, бывшій, какъ мы полагаемъ, въ нынѣшнемъ селѣ Введенское-Першино, близъ Звенигорода.

Села и въ нихъ церкви 1-го стана:

1) Аксиньино, при рѣкѣ Москвѣ, въ 8 верстахъ отъ Звенигорода, на Звенигородскомъ трактѣ, съ каменною церковію во имя св, Николая Чудотворца, построенною въ 1876 году. Въ началѣ XVII столѣтія Аксиньино было деревнею, принадлежавшею къ погосту св. Николая Чудотворца, сожженному въ литовское разореніе. Погостъ этотъ, съ принадлежащими къ нему деревнями и пустошами, по Писцовой книгѣ 1624 г. значится въ вотчинѣ святѣйшаго патріарха Московскаго и всея Россіи Филарета Никитича. Село «Никольское, что на Пескахъ» упоминается въ Историческихъ актахъ XVII ст. по случаю встрѣчи, бывшей здѣсь митрополиту Филарету при его возвращеніи изъ польско-литовскаго плѣна въ 1619 году. Старый «Никольскій погостъ» находился въ 1 верстѣ отъ нынѣшняго села, на такъ называемой «Николиной горѣ», гдѣ и доселѣ еще видны слѣды его. Въ 1654 году Аксиньино еще значится деревнею, пожалованною, вмѣстѣ съ деревнею Дмитровскою (см. ниже № 9), въ число патріаршихъ домовыхъ вотчинъ святѣйшему патріарху Никону царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Послѣ этого вскорѣ вѣроятно и была построена въ немъ та деревянная церковь, которая существовала до прошлаго 1876 года, будучи замѣнена въ этомъ году вновь построенною каменною. По Ландратской книгѣ 1715 года, Аксиньино значится за Савинымъ монастыремъ, которому и принадлежало до 1764 года.

2) Акулово, при прудѣ, въ 26 верстахъ отъ Звенигорода, на смоленскомъ трактѣ, съ церковію Покрова Пр. Богородицы—каменною, построенною въ 1807 году. Въ 1786 г. значится сельцомъ и состояло за надворнымъ совѣтникомъ Николаемъ Ивановичемъ Писаревымъ.

3) Архангельское, расположено на высокомъ берегу Москвы рѣки въ 31 вер. отъ Звенигорода, близъ звенигородскаго тракта, съ каменною церковію во имя св. Іоанна Предтечи и св. Архангела Михаила въ придѣлѣ, построенной въ 1667 году. Въ 1589 г. село это было за А. И. Уполоцкимъ, почему и называлось Уполоцы. Со второй половины XVII столѣтія поступило во владѣніе князей Голицыныхъ. Настоящій храмъ въ немъ построенъ княземъ Михаиломъ Андреевичемъ Голицынымъ (†1687). Въ церкви есть Тѵпиконъ (церковный уставъ), печат. въ 1682 г. Въ 1786 г. оно принадлежало дѣйствительному камергеру и кавалеру князю Николаю Алексѣевичу Голицыну, вмѣстѣ съ селами Урюпинымъ, Никольскимъ и Позняковымъ. Въ нынѣшнемъ столѣтіи перешло во владѣніе князей Юсуповыхъ. Архангельское замѣчательно по своему красивому мѣстоположенію и благоустройству: въ домѣ послѣдняго владѣльца его изъ князей Голицыныхъ, свѣтлѣйшаго князя Д. М. Голицына, находилось нѣсколько залъ съ богатыми картинами, статуями и антиками; въ огромной библіотекѣ хранились много рукописей, замѣчательнѣйшія изъ коихъ перешли въ библіотеку графа Ѳ. А. Толстого, а отъ него въ Императорскую Публичную Библіотеку. Съ бельведера дома открываются виды окрестности и столицы. Роскошный садъ наполненъ рѣдкими деревьями и тропическими растеніями. Подъ горою устроены прудъ, водоемы, теплицы, оранжереи и парники.

4) Введенское-Першино, при р. Москвѣ, въ 3 верст. отъ Звенигорода, при звенигородскомъ трактѣ, съ каменною церковію во имя Введенія во храмъ Пр. Богородицы, построенною въ 1812 году. Въ межевомъ актѣ 1504 года упоминается Введенскій монастырь въ Звенигородѣ. Мы относимъ это указаніе къ селу Введенскому-Першину. По Писц. книгамъ 1593 и 1624 гг. значится погостомъ, съ церковію Введенія Пр. Богородицы. По Ландр. книгѣ 1715 г. значится селомъ за бояриномъ Михаиломъ Петровичемъ Головинымъ. Въ 1786 г. село это принадлежало оберъ-гофмаршалу, дѣйствительному каммергеру князю Николаю Михайловичу Голицыну; нынѣ принадлежитъ фабриканту г. Якунчикову. Въ церкви замѣчательна икона Спаса Нерукотвореннаго образа, стариннаго, такъ называемаго греческаго письма; поступила въ церковь отъ гг. Головиныхъ.

5) Вяземы-Никольское, при прудѣ, въ 15 вер. отъ Звенигорода, близъ Смоленскаго тракта, съ каменною двухъярусною церковію, внизу во имя св. Николая, а вверху во имя Преображенія Господня, съ придѣломъ свв. Бориса и Глѣба; нижняя церковь изъ бѣлаго мячковскаго камня, верхняя кирпичная. При церкви особная колокольница въ видѣ башни. Эта церковь есть старѣйшая изъ всѣхъ сель-

скихъ церквей Звенигородскаго уѣзда. Она построена царемъ Борисомъ Ѳедоровичемъ Годуновымъ, еще въ то время, какъ онъ былъ бояриномъ въ 1590 годахъ (по клировымъ вѣдомостямъ, въ 1600 г.) Церковь первоначально была освящена во имя Св. Троицы. Кромѣ сей церкви до 1694 г. была въ Вяземахъ еще приходская деревянная церковь во имя Святителя Николая, почему и самое мѣсто называлось и доселѣ называется «Никольскимъ». Въ 1590 г. село Вяземы уже было вотчиною Годунова; посылая пристава для встрѣчи польскихъ пословъ, онъ велѣлъ имъ сказать: «надобно было вамъ стоять на Вяземѣ, а тутъ (въ Можайскомъ уѣздѣ) деревни въ сторонѣ отъ отъ дороги и дворцы худы; по боярскимъ селамъ у великихъ людей не ставятся, но ко мнѣ указъ пришелъ отъ конюшаго боярина: велитъ намъ съ вами стоять въ своемъ селѣ Вяземѣ; дѣлаетъ онъ это, желая между великими государями братскую любовь видѣть, а вамъ, великимъ посламъ, почесть оказывая». По кончинѣ царя Бориса (†1605), Вяземы остались въ Дворцовомъ вѣдомствѣ; въ 1611 году село это разорено Поляками. Въ 1694 году пожаловано царемъ Петромъ Алексѣевичемъ дядкѣ своему князю Борису Алексѣевичу Голицыну, за услуги его во время перваго стрѣлецкаго бунта, и донынѣ находится въ ихъ родѣ. По свидѣтельству Петрея (приводимому княземъ Хилковымъ въ его исторіи), при этой церкви былъ устроенъ царемъ Борисомъ мужской монастырь, разоренный во время литовскаго нашествія.

Въ путевыхъ запискахъ митрополита Платона говорится о селѣ Вяземахъ слѣдующее: «Вяземи отличаются каменнымъ господскимъ домомъ, съ регулярнымъ садомъ и прекрасными окружающими селеніе рощами. Болѣе всего обратила на себя вниманіе наше сельская церковь, каменная о двухъ ярусахъ, довольно великая, строеніе царя Бориса Годунова. И снаружи и во внутренности ея, по счастію, вся древность соблюдена; даже внутри, хотя росписаніе возобновлено, но ничего не перемѣнено изъ древняго. Примѣчательно въ ней усмотрѣли мы, что въ церкви на стѣнахъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на подмосткѣ вырѣзаны или начертаны были слова польскимъ языкомъ, а литерами латинскими; литеръ мы вполнѣ разобрать не могли, однако видны изображенія цыфръ 1611, 1618, 1620 года и нѣкоторыя имена польскихъ военачальниковъ. Разсуждая по годамъ и именамъ, сіи надписи сдѣланы во время мятежей при самозванцѣ». Въ 1812 году село Вяземы было занято непріятелемъ, при переходѣ его полчищъ въ Москву. При этомъ нижняя Николаевская церковь была обращена въ квартиру. Св. плащаница была проткнута острымъ оружіемъ, о чемъ гласитъ надпись, сдѣланная на ея футлярѣ: «Протор-

жена бысть сія св. плащаница изувѣрами Галлами 1812 г.» Нынѣ плащаница эта помѣщается въ Борисоглѣбскомъ придѣлѣ.

Церковь Вяземская замѣчательна по своей архитектурѣ, въ особенности колокольница: она состоитъ изъ четырехъ, въ рядъ стоящихъ столбовъ, между которыми сдѣланы арки, образующія три яруса. По первой изъ нихъ приложенъ къ столбамъ съ обѣихъ сторонъ довольно высокій и широкій пьедесталъ. Колокольница эта отъ времени приняла довольно наклонное положеніе, угрожающее ей паденіемъ. Верхъ ея зубчатый, кирпичный, ничѣмъ не покрытъ; не смотря на то, онъ не уступаетъ дѣйствію дождей. По оригинальности своей архитектуры, этотъ памятникъ церковнаго зодчества конца XVI столѣтія заслуживаетъ вниманія и сохраненія. Въ церкви находятся:

а) Евангеліе напрестольное въ листъ, изд. П. Тимофѣевымъ въ Вильнѣ, въ типографіи Мамоничей. На первыхъ его листахъ надпись: «Сіе напрестольное Евангеліе села старой Рузы церкви Спаса Преображенія Господня священникъ Михаилъ Іудинъ продалъ цѣною за три рубли». Въ послѣсловіи значится: «свершена бысть книга сія Евангеліе въ лѣто отъ Рождества Господа нашего Іисуса Христа 1575-е, марта въ 30 день». А на предпослѣдней страницѣ: «напечатано въ лѣто 7082 (1574) въ пресловущемъ градѣ Вильнѣ мѣсяца майя въ 14 день на память св. мученика Исидора, при державѣ государя нашего милостиваго Гендрика Божіею милостію короля Польскаго и великаго князя Литовскаго и при Преосвященномъ Архіепископѣ нашемъ Іонѣ Кіевскомъ и Галицкомъ и всея Россіи, оумышленіемъ и промышленіемъ Его милости пана скарбнаго старосты оупицкаго Ивана Семеновича Зарецкаго и брата его пана Зеновіа боурмистра мѣста виленскаго». Евангеліе сіе служитъ старопечатнымъ свидѣтельствомъ о начертаніи имени Іисусъ противъ мнимыхъ старообрядцевъ (см. Бесѣды къ глаголемому старообрядцу, соч. М. Филарета, листъ 87 на об.)

б) Евангеліе напрестольное, обложенное синимъ трипомъ, съ мѣднымъ средникомъ и мѣдными же по угламъ изображеніями евангелистовъ, московской печати 1644 года. На немъ по первымъ листамъ внизу подпись: «Лѣта 7152 апрѣля въ 18 день сию книгу глаголему Евангелистеръ Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всея Руси положилъ во свое государево дворцовое село Вязему въ церковь Пресвятыя Живоначальныя Троицы, для своего царскаго многолѣтняго здравія и благороднаго сына своего благовѣрнаго царевича князя Дмитрія Алексѣевича многолѣтняго здравія, и кто сію книгу отъ тоя церкви кромѣ Его Государскаго изволенія вынесетъ или продастъ, и того судитъ Богъ въ день страшнаго Своего пришествія».

в) Образъ Спаса Нерукотвореннаго образа, древняго письма, пожертвованъ въ церковь княземъ Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ; украшенъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, обложенъ золотою ризою и золотымъ вѣнцомъ, при немъ большой серебряный ковчегъ, вѣсомъ въ 11-ть фунтовъ. Въ войну 1812 г. былъ скрытъ въ землю въ Москвѣ приходскимъ священникомъ Іоанномъ Емельяновымъ Куняевымъ, о чемъ имѣется надпись на самомъ образѣ, на задней сторонѣ онаго.

г) Два креста: одинъ небольшой золотой, обнизанный кругомъ жемчугомъ, съ пятью голубыми камнями. Въ немъ заключаются 31 часть св. мощей разныхъ святыхъ. Другой крестъ напрестольный серебряный, чеканный, съ изображеніями Тайной вечери, Распятія Господня, Снятія со креста, Положенія во гробъ, Воскресенія Христова; внутри креста пять частей св. мощей. Оба означенные креста—древніе и по всей вѣроятности составляютъ вкладъ храмоздателя царя Бориса Годунова.

д) Большая пелена искусной работы, имѣющая на себѣ шитое золотомъ и шелками по малиновому бархату изображеніе восхода Христа Спасителя съ Апостолами на Ѳаворъ, самаго Преображенія Господня и схода съ горы. На ней по борту вышита золотомъ слѣдующая надпись: «Произволилъ своимъ благимъ произволеніемъ Іи Александръ Воевода, Божіею милостію Господарь земли Молдавской, сотвори сіи скутъ, и даде въ мольба себѣ, идѣже есть храмъ Преображенія Господа Бога нашего въ монастырь Слатинскій, въ лѣто 7064 (1556) мѣсяца августа въ 6-ой день.» Пелена эта описана покойнымъ высокопр. митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ въ его бесѣдахъ къ глаголемому старообрядцу (стр. 204 и 241), въ доказательство того, что изображеніе именословнаго сложенія перстовъ благословляющей руки Спасителя употреблялось въ Православной восточной церкви, какъ видно на сей пеленѣ, древнѣе патріарха Никона цѣлымъ столѣтіемъ. По важности такого значенія сей пелены (въ сельской церкви вовсе не употребляемой), ее слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, отдать на храненіе въ Патріаршую ризницу, для показанія ревнителямъ старины, ищущимъ нелицемѣрно истины путемъ нагляднаго убѣжденія въ спорныхъ вопросахъ.

Въ нижней церкви находится могила умершаго въ 1813 году, въ слѣдствіе ранъ полученныхъ въ Бородинской битвѣ, генералъ-лейтенанта князя Бориса Владиміровича Голицина. Надъ могилою поставленъ мраморный памятникъ: вверху его бронзовое изображеніе (барельефъ) почившаго, съ девизомъ изъ Св. Писанія: «Изыде на рать, и укрѣпися рука его». Внизу при семъ памятникѣ находится мрамор-

ное же надгробіе, съ воинскими доспѣхами умершаго, съ надписью о дняхъ его рожденія и смерти и съ бронзовымъ изваяніемъ Ангела въ молитвенномъ положеніи, стоящаго на колѣняхъ и наклонившагося надъ гробовою плитою.

6) Дарьино-Никольское, при рѣчкѣ Вяземкѣ, въ 18 верст. отъ Звенигорода, близъ Смоленскаго тракта, съ деревянною церковію во имя св. Николая Чудотворца, построенною въ XVII столѣтіи, приписною къ селу Назарьеву (см. ниже № 22). По Писц. книгѣ 1627 г. значится деревня Дарьино въ помѣстьи за Федоромъ Петровымъ сыномъ Нефловымъ; въ переписныхъ книгахъ 186 (1678) года написано за Корнилою Семеновымъ сыномъ Нефловымъ; въ 1709 г. село Дарьино было въ помѣстьи за стольникомъ Степаномъ Петровымъ сыномъ Бестужевымъ-Рюминымъ съ братьями; въ 1786 г. принадлежало гвардіи прапорщику Андрею Алексѣеву Бестужеву-Рюмину.

7) Денисьево-Знаменское, при рѣкѣ Москвѣ, въ 22 вер. отъ Звенигорода, близъ звенигородскаго тракта, съ каменною церковію во имя Знаменія Пр. Богородицы, построенною въ 1769 году. Въ 1589 г. было за дьякомъ А. Я. Щелкаловымъ; въ XVII столѣтіи за княземъ Б. И. Прозоровскимъ; въ 1786 г. за дѣйствительнымъ камергеромъ и кавалеромъ княземъ Михаиломъ Васильевичемъ Долгорукимъ; въ 1852 году принадлежало князю Михаилу Ѳедоровичу Голицыну.

8) Дмитріевское-Андреевское, при рѣчкѣ Безъимянкѣ, въ 18 вер. отъ Звенигорода, близъ дороги изъ Звенигорода въ Рузу, съ каменною церковію во имя Преображенія Господня, построенною въ 1839 году. Село это какъ Дворцовое извѣстно съ 1328 года, упоминается въ грамотахъ 1356, 1389 и 1434 годовъ. Въ Кормовой книгѣ Троицы-Сергіева монастыря конца XVI ст. записано, что «село Ондрѣевское съ деревнями пожертвовалъ въ монастырь царь Иванъ IV Васильевичъ по своемъ дядѣ князѣ Юріѣ Ивановичѣ Дмитровскомъ» († 1537). Въ Писцовой книгѣ 1624 г. значится за Троицы-Сергіевымъ монастыремъ и при немъ два погоста: одинъ съ церковію во имя Димитрія Селунскаго, другой съ церковію во имя св. мученикъ Бориса и Глѣба. Въ церкви есть старопечатное Евангеліе XVI вѣка.

9) Дмитровское на Истрѣ, въ 20 верстахъ отъ Звенигорода, близъ звенигородскаго тракта, съ каменною церквію во имя Св. Димитрія Селунскаго, построенною во 2 половинѣ XVII столѣтія. По Писц. книгѣ 1593 г. село «Дмитріевское Гузѣево» значилось за Троицы-Сергіевымъ монастыремъ. Во второй половинѣ XVII ст. деревня Дмитровское (бывшее село) поступила въ число домовыхъ патріаршихъ вотчинъ, памятью чего служитъ нынѣ сохраненное въ церк-

ви патріаршее кресло, времени святѣйшаго патріарха Никона. По Переписнымъ книгамъ 1678 г. село Дмитровское показано за бояриномъ Юріемъ Васильевичемъ Долгорукимъ, а по Ландратской книгѣ 1715 г. опять за святѣйшимъ патріархомъ, т. е. въ числѣ патріаршихъ домовыхъ вотчинъ.

10) Засѣкино-Покровское, при рѣчкѣ Изденкѣ, въ 10 верстахъ отъ Звенигорода, близъ смоленскаго тракта, съ каменною церковію Покрова Пр. Богородицы, построенною въ 1874 году. По Писц. книгѣ 1593 г., погостъ съ церковію Покрова Святой Богородицы. Въ Переписной книгѣ 1678 г. село за окольничимъ Иваномъ Афанасьевичемъ Прончищевымъ, а по Ландратской книгѣ 1715 г., за окольничимъ княз. Никитою Михайловичемъ Жировымъ-Засѣкинымъ; въ 1786 г. за маіоршею Анною Ѳедоровною Языковой, по отцѣ Жирова-Засѣкина, отъ котораго и получило свое придаточное названіе Засѣкино.

11) Изворино-Васильевское, при рѣчкѣ Липовѣ, въ 30 верстахъ отъ Звенигорода, при новокалужскомъ трактѣ, съ деревянною церковію во имя св. пророка Иліи, построенною въ 1770 году. При домѣ нынѣшняго землевладѣльца, купца Лапина, имѣется домовая церковь во имя св. Николая, приписная къ приходской. Церковь эта построена въ 1799 г. княземъ Алексѣемъ Александровичемъ Черкасскимъ. Въ 1821 г. Изворино было въ вотчинѣ генералъ-поручицы Маріи Семеновны Нефедьевой.

12) Измалково, при прудѣ, въ 31 верстѣ отъ Звенигорода, близъ новокалужскаго тракта, съ каменною церковію во имя св. Димитрія Ростовскаго, построенною въ 1757 году. Церковь—приписная къ селу Лукину (№ 19); принадлежитъ Самаринымъ.

13) Ильинское, на Москвѣ рѣкѣ, въ 28 верстахъ отъ Звенигорода, близъ звенигородскаго тракта, съ каменною церковію во имя св. пророка Иліи. Въ 1786 г. принадлежало дѣйствительному тайному совѣтнику вице-канцлеру графу Ивану Андреевичу Остерману. Въ текущемъ столѣтіи принадлежало князю Леониду Михайловичу Голицыну, у коего пріобрѣтено удѣльнымъ вѣдомствомъ для Государыни Императрицы. Къ селу Ильинскому проведена изъ Москвы шоссейная дорога, и по ней устроенъ телеграфъ. Красивое мѣстоположеніе, садъ, оранжереи, образцовая хозяйственная ферма.

14) Иславское, при рѣкѣ Москвѣ, въ 11 верстахъ отъ Звенигорода, при звенигородскомъ трактѣ, съ каменною церковію во имя Спаса Нерукотвореннаго образа, построенною въ 1699 году. Извѣстно по актамъ 1356 г. подъ названіемъ села Войславскаго. По Писц. книгѣ 1624 г. значится за стольникомъ Борисомъ и за Глѣбомъ

Ивановичами Морозовыми; въ 1709 г. за адмираломъ Өедоромъ Матвѣевичемъ, да за братомъ его за стольникомъ за Андреемъ Матвѣевымъ сыномъ, Апраксиными. Въ 1786 году принадлежало бригадиршѣ Аннѣ Яковлевнѣ Архаровой. Въ окрестностяхъ этого села есть древнѣйшее въ 1 станѣ (послѣ Звенигородскаго) городище, которое по своей формѣ слыветъ подъ названіемъ Яслей.

15) Каринское, при рѣкѣ Москвѣ, въ 10 верстахъ отъ Звенигорода, на трактѣ изъ Звенигорода въ Рузу, съ каменною церковію во имя Рождества Христова, построенною въ 1813 году. Извѣстно по историческимъ актамъ съ 1356 г.; въ 1454 г. дано въ вотчину Савинскому Сторожевскому монастырю, за которымъ и оставалось до 1864 г. На церковномъ кладбищѣ этого села погребенъ извѣстный чтитель памяти и дѣяній Петра I и ревностный собиратель матеріаловъ для его исторіи Голиковъ. На могилѣ его скромный памятникъ, поставленный И. В. Коразинымъ, владѣльцемъ ближняго сельца Анашкина.

16) Козино, при р. Москвѣ, въ 6 верст. отъ Звенигорода, на звенигородскомъ трактѣ, съ каменною церквію во имя св. Троицы, построенною въ 1811 году. По книгѣ Патріаршаго Казеннаго приказа 1627 г. значится въ числѣ дворцовыхъ селъ, съ церковью св. Николая Чудотворца (нынѣ придѣльная). По Ландр. книгѣ 1715 г. значится: за ближнимъ бояриномъ Алексѣемъ Петровичемъ, что въ Переписныхъ книгахъ 186 (1678) года написано за бояриномъ Петромъ Михайловичемъ Салтыковымъ, съ церковію во имя Введенія Пр. Богородицы, да въ придѣлѣ Николая Чудотворца. Въ 1756 г. было за тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ Михаиломъ Михайловичемъ Салтыковымъ.

17) Лайково (Богородское), при прудѣ, въ 25 вер. отъ Звенигорода, при смоленскомъ трактѣ, съ каменною церковію во имя Пр. Богородицы Казанскія, столпообразной формы, построенною въ 1754—1767 годахъ, тщаніемъ и иждивеніемъ княгини Маріи Александровны Голицыной, урожденной Милославской († 1767 г.). Церковь эта, послѣ сожженія ее французами въ 1812 г., стоитъ «безъ пѣнія», числится приписною къ селу Подушкину (см. № 27). По Писц. книгѣ 1646 г. село Лайково-Богородское значится за стольникомъ княземъ Өедоромъ княжь Юрьевымъ сыномъ Хворостининымъ.

18) Локотня-Покровское, собственно село Покровское, при р. Уздѣ, въ 16 вер. отъ Звенигорода въ Рузу, а деревня Локотня на самомъ этомъ трактѣ, называется же «Локотня-Покровское», для отличія отъ другихъ селъ называемыхъ Покровскими. Село Покровское-Лакотня— съ церковію во имя Покрова Богородицы, построенною въ 1762 го-

ду. Села Лакотинскія упоминаются по историческимъ актамъ въ 1462—1491 годахъ. Село это Покровское по Писц. книгамъ 1593 г. и 1624 г. значится за Савинымъ-Сторожевскимъ монастыремъ, за коимъ и оставалось до 1764 года.

19) Лукино, при р. Сетунѣ, въ 32 верст. отъ Звенигорода, близъ новокалужскаго тракта, съ каменною церковію во имя Преображенія Господня, построенною въ 1819 году. По Писц. книгѣ 1646 г. значится за ловчимъ Иваномъ Федоровымъ Левонтьевымъ, съ деревянною церковію.

20) Луцыно, при р. Москвѣ, въ 6 вер. отъ Звенигорода, близъ тракта изъ Звенигорода въ Рузу, съ каменною церковію во имя св. Николая Чудотворца, построенною въ 1809 году. По Писц. книгѣ 1593 и 1624 г. значится за Савинымъ-Сторожевскимъ монастыремъ, за коимъ и состояло до 1764 года. Въ церкви есть напрестольное Евангеліе XVII столѣтія, пожертвованное въ оную намѣстникомъ Саввина монастыря іеромонахомъ Боголѣпомъ въ 1689 году.

21 Михайловское при р. Москвѣ, въ 16 вер. отъ Звенигорода, близъ дороги изъ Звенигорода въ Верею, съ деревянною церковію во имя св. Архангела Михаила, построенною въ XVII столѣтіи (древнѣйшая изъ деревянныхъ церквей Звенигородскаго уѣзда). Село это упоминается по историческимъ актамъ въ 1328 и 1434 годахъ. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ значится въ числѣ дворцовыхъ селъ съ городовымъ укрѣпленіемъ. Въ книгѣ Патріаршаго Казеннаго приказа 1627 г. въ немъ показано двѣ церкви: одна въ городѣ, Архангела Михаила, а другая въ селѣ, Живоначальныя Троицы. По Ландратской книгѣ 1715 г. значится за графомъ Гавриломъ Ивановичемъ Головкинымъ; въ 1786 г. принадлежало ему же, и въ ономъ селѣ съ деревнями числилось 528 душъ м. п. Въ церкви находятся двѣ древнія рѣзныя иконы: св. Николая и св. мученицы Параскевы-Пятницы и серебряный ковчегъ съ 20-ю частицами св. мощей, пожертвованный лѣтъ 30 тому назадъ отъ г-жи Моральто-Странгиловой, жены изъ дворянъ нѣжинскаго грека, жившей въ ближнемъ сельцѣ Хаустовѣ.

22) Назарьево, при рѣчкѣ Вяземкѣ, въ 14 вер. отъ Звенигорода, близъ смоленскаго тракта, съ каменною церковію во имя св. Троицы, построенною въ 1824 году. Въ Писц книгахъ 1589 г. значи-тся сельцомъ, вотчиною дьяка С. Ѳ. Сумарокова. Въ 1786 г. было за секундъ-маіоромъ княземъ Сергѣемъ Николаевичемъ Голицынымъ.

23) Никольское-Кляпово, при р. Сѣтункѣ, въ 15 вер. отъ Звенигорода, на дорогѣ изъ Звенигорода въ Верею, съ каменною церковію во имя св. Николая, построенною въ 1806 году. Въ Писц. книгѣ

1595 г. значится, что это село дано изъ дворцовыхъ селъ царемъ Өедоромъ Ивановичемъ, въ 1586 г., въ Троицы-Сергіевъ монастырь, по отцѣ его государеѣ царѣ и великомъ князѣ Иванѣ IV Васильевичѣ всея Русіи, а во иноцѣхъ Іонѣ, для вѣчнаго его поминовенія.

24) Носово-Успенское, погостъ, при прудѣ, въ 9 верст. отъ Звенигорода, близъ тракта изъ Звенигорода въ Верею, съ деревянною церковію во имя Успенія Богородицы, построенною въ XVII столѣтіи. Въ селѣ бываетъ 15 августа ярмарка. По Ландратской книгѣ 1715 г. значится село Успенское-Носово за дьякомъ Михаиломъ Алексѣевымъ сыномъ Воиновымъ.

25) Одинцово, при прудѣ, въ 30 вер. отъ Звенигорода, по смоленскому тракту, съ каменною церковію во имя Гребневскія иконы Божіей Матери, построенною въ 1802 году. Въ 1786 г. принадлежало графинѣ Степанидѣ Никоновнѣ Ефимовской, а въ 1852 г. графу А. И. Зубову.

26) Петровское-Дурново, при р. Москвѣ, въ 20 вер. отъ Звенигорода, близъ звенигородскаго тракта, съ каменною церковію во имя Успенія Божіей Матери, построенною въ 1685 г. тогдашнимъ вотчинникомъ бояриномъ княземъ П. И. Прозоровскимъ. Въ церкви находится мѣстно-чтимая икона Божіей Матери Тихвинской; икона эта, по семейному преданію владѣльцевъ села Петровскаго, получена единственной дочерью и наслѣдницей князя П. И. Прозоровскаго княгиней Настасьею Петровной Голицыной (бывшей въ замужествѣ за княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Голицынымъ) въ даръ отъ царевенъ сестеръ царя Петра Алексѣевича, съ которыми находилась въ тѣсной дружбѣ. Въ межевомъ актѣ 1504 года Петровское еще значится сельцомъ; въ Писц. книгахъ 1589 г. именуется деревней. Нынѣ село Петровское принадлежитъ предводителю дворянства Звенигородскаго уѣзда князю А. М. Голицыну.

27) Подушкино, при р. Самынкѣ, въ 30 вер. отъ Звенигорода, близъ Смоленскаго тракта, съ каменною церковію во имя Рождества Христова, построенною въ XVII столѣтіи. По Писц. книгѣ 1627 г. значится за московскимъ гостемъ за Иваномъ Гавриловымъ Свѣрчковымъ, а прежъ сего было вотчиною Семена Висковатова. Въ селѣ церковь Рождество Христово, да придѣлъ Покровъ Святые Богородицы, древяна клѣтцки, строеніе церковное вотчинниковъ и приходныхъ людей.

28) Перхушково, при рѣчкѣ Медвенкѣ, въ 20 вер. отъ Звенигорода, на смоленскомъ трактѣ, съ деревянною церковію во имя Покрова Богородицы, построенною въ 1763 году. Въ 1786 г. принадлежало генералъ-поручицѣ Марьѣ Петровнѣ Яковлевой.

29) Покровское (Давыдково), при р. Незнани, въ 30 вер. отъ

Звенигорода, съ двумя церквами во имя Покрова Пр. Богородицы, деревянною, построенною въ 1766 году, и каменною, построенною въ 1847 году.

30) Савинская подмонастырная слобода (бывшая стрѣлецкая), близъ г. Звенигорода, съ деревянною церковію, построенною въ 1758 г. По Писц. книгѣ 1624 г. упоминается въ числѣ Звенигородскихъ церквей «церковь Св. Николы Чудотворца, что въ Ускомъ концѣ».

31) Свиноръе, при рѣчкѣ Свинорке, въ 26 вер. отъ Звенигорода, на новокалужскомъ трактѣ, съ деревянною церковію во имя Спаса Нерукотвореннаго Образа, построенною въ 1762 году. Въ 1786 году было за графинею Анною Сергѣевною Салтыковой, а потомъ за поручикомъ Дмитріемъ Александровымъ сыномъ Гурьевымъ.

32) Сидоровское, на рѣчкѣ Безымянкѣ, въ 17 вер. отъ Звенигорода, близъ смоленскаго тракта, съ каменною церковію во имя Боголюбской иконы Божіей Матери, построенною въ 1680 г. Икона сія издревле почитается чудотворной, но особеннаго сказанія о ней не имѣется. Въ селѣ бываетъ ярмарка (Боголюбская). По Писц. книгѣ 1627 г. значится село Сидоровское вверхъ рѣчки Вяземки, а подъ нимъ прудъ, въ вотчинѣ за княжъ Ивановымъ сыномъ Волконскимъ и за его дѣтьми, по купчей, что они купили у князя Данила Долгорукова, да у князя Афонасья Тростенскаго въ 127 (1619) году и у брата его князя Григорья Тростенскаго. Въ 1704 г. село Сидоровское было за княземъ Андреемъ Щербатовымъ.

33) Троицкое, на Москвѣ рѣкѣ, въ 15 вер. отъ Звенигорода, съ каменною церковію во имя св. Троицы, построенною въ 1761 году. Въ 1786 г. принадлежало полковнику Ѳедору Михайловичу Ахлестышеву. Въ XVII вѣкѣ составляло одно цѣлое съ дворцовымъ селомъ Михайловскимъ, лежащимъ насупротивъ, на другомъ берегу рѣки Москвы.

34) Уборы-Спасское, при р. Москвѣ, въ 17 вер. отъ Звенигорода, на звенигородскомъ трактѣ, съ каменною церковію во имя Спаса Нерукотвореннаго Образа, построенною въ XVII столѣтіи. Извѣстно съ 1504 г. подъ названіемъ «Лугъ Изборескъ», вотчина Я. Д. Овцына. Въ Писц. книгѣ Звенигородскаго уѣзда 1624 г. деревня Уборы значится за Иваномъ Петровичемъ Шереметевымъ въ вотчинѣ, что дала ему теща ево вдова Степанида Елизарова Вылузгина въ 118 (1610) году. По Переписнымъ книгамъ 1678 г. значится за бояриномъ Петромъ Васильевичемъ Шереметевымъ, а по Ландратской книгѣ 1715 г. за стольникомъ за Алексѣемъ да за Иваномъ Петровыми Шереметевыми. Въ 1786 г. село Уборы съ сельцомъ Солославлемъ и деревнями принадлежало гвардіи подпоручику Петру, капитанъ-поручику Александру,

коллежскому совѣтнику Василію, надворному совѣтнику Николаю, секундъ-маіору Алексѣю и капитану Борису Владиміровымъ дѣтямъ Шереметевымъ.

35) Урюпино-Никольское, на рѣчкѣ Липенкѣ, въ 25 вер. отъ Звенигорода, близъ волоколамскаго тракта, съ каменною церковію во имя Казанской иконы Божіей Матери, построенною въ 1664—1665 годахъ вотчинникомъ княземъ Никитою Ивановичемъ Одоевскимъ; освящена въ 1667 г. Филаретомъ архіепископомъ Смоленскимъ и Дорогобужскимъ, какъ значится въ надписи о семъ въ притворѣ. Церковь замѣчательна по своей своеобразной архитектурѣ (стиль которой, русско-византійскій, установился у насъ вполнѣ лишь въ XVII ст.) Въ ней находится напрестольное Евангеліе XVII столѣтія, по преданію, пожалованное въ даръ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, при посѣщеніи владѣльца этого села князя Одоевскаго. Въ 1786 г. село Урюпино вмѣстѣ съ селами Архангельскимъ и Позняковымъ принадлежало дѣйствительн. камергеру кн. Николаю Алексѣевичу Голицыну. Нынѣ принадлежитъ князю Николаю Михайловичу Голицыну.

36) Усово-Спасское, при рѣкѣ Москвѣ, въ 25 вер. отъ Звенигорода, на звенигородскомъ трактѣ, съ каменною церковію во имя Спаса Нерукотвореннаго Образа, построенною въ 1765 году тогдашнимъ вотчинникомъ бригадиромъ Михаиломъ Михайловичемъ Матюшкинымъ. По Писц. книгѣ 1627 г. значится княжь Ѳедоровою вотчиною Ситцкаго, съ деревянною церковію во имя Спаса Нерукотвореннаго Образа, да въ придѣлахъ—пр. Михаила Малеина и Ѳеодора Стратилата. Нынѣ принадлежитъ удѣльному вѣдомству и имѣетъ образцовую хозяйственную ферму.

37) Успенское-Вяземское, при р. Москвѣ, въ 15 вер. отъ Звенигорода, близъ звенигородскаго тракта, съ каменною церковію во имя Успенія Божіей Матери, построенною въ 1760 году. Село древнее, упоминается еще въ 1328 году. Въ 1504 году именуется «село Вяземскъ-Успенское». Въ 1704—1709 г. значится за окольничимъ Петромъ Матвѣевичемъ Опраксинымъ, съ деревянною церковію во имя Воздвиженія Честнаго Креста Господня. Въ 1786 г. было за графомъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ Апраксинымъ.

38) Юдино, при прудѣ, въ 23 вер. отъ Звенигорода, близъ смоленскаго тракта, съ каменною церковію во имя Преображенія Господня, построенною въ 1720 году. Въ 1786 г. принадлежало княгинѣ Варварѣ Николаевнѣ Гагариной.

39) Ѳедосьино, при колодцѣ, въ 33 вер. отъ Звенигорода, на новокалужскомъ трактѣ, съ каменною церквію во имя Благовѣщенія Пр. Богородицы, построенною въ 1854 году.

Села и церкви 2-го стана.

Воскресенскъ, заштатный городъ, на рѣкѣ Истрѣ, въ 20 вер. отъ Звенигорода, на шоссейной дорогѣ изъ Москвы въ Волоколамскъ, съ каменною церковію во имя Вознесенія Господня (съ 2-мя придѣлами), построенною въ 1805 году и обновленною въ 1876 году усердіемъ П. Г. Цурикова. Въ XVII столѣтіи село Воскресенское (съ деревнями) принадлежало боярину Роману Өедоровичу Бобарыкину и было куплено у него въ 1656 году святѣйшимъ патріархомъ Никономъ, который въ томъ же году положилъ здѣсь основаніе нынѣшняго Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря. Село Воскресенское, по устроеніи близъ него монастыря, сдѣлалось монастырскою слободою, въ которой жили стрѣльцы, мастеровые и приказные люди. Деревянная церковь во имя Воскресенія Христова была сломана въ 1657 году, такъ какъ бояринъ Р. Ө. Бобарыкинъ обѣщалъ патріарху на мѣстѣ оной построить въ поминовеніе по себѣ и родителяхъ своихъ женскій монастырь; но за послѣдовавшею вскорѣ ссорою съ патріархомъ, сего не исполнилъ, а женскій монастырь былъ построенъ самимъ патріархомъ близъ Воскресенска, но на иномъ мѣстѣ. По челобитью же боярина Бобарыкина святѣйшимъ патріархамъ на Соборѣ 1667 года о сломаніи приходской церкви, повелѣно было монастырскимъ властямъ Воскресенскаго монастыря построить приходскую церковь на прежнемъ мѣстѣ, каковая церковь и была построена и освящена въ 1677 году мая 22-го дня, во имя Вознесенія Господня, съ двумя придѣлами. Она сгорѣла въ началѣ текущаго столѣтія, и на мѣстѣ ея построена въ 1805 году нынѣшняя каменная, по благословенной грамотѣ митрополита Платона 1799 году.

1) С. Александрово, на рѣкѣ Истрицѣ, въ 10 вер. отъ Воскресенска, на дорогѣ изъ Звенигорода въ Рузу, съ каменною церковію во имя Рождества Богородицы, построенною въ 1728 году Въ XVII столѣтіи—сельцо, за иноземцевыми дѣтьми Жихарева.

2) Алексѣевское, при прудахъ, въ 21 вер. отъ Воскресенска, близъ желѣзной дороги, съ деревянною церковію во имя св. Николая, построенною въ 1778 году. По Писц. книгѣ 1624 г. значится «за стряпчимъ Сытного двора Никитою Второвымъ сыномъ Пустобояровымъ, отца ево вотчина. А въ селѣ мѣсто церковное, что была церковь Николы Чудотворца».

3) Андреевское-Спасское, при прудѣ, въ 18 вер. отъ Воскресенска, близъ желѣзной дороги, съ каменною церковію во имя Происхожденія честныхъ древъ Св. Креста, построенною въ началѣ XVIII стол. предками нынѣшняго землевладѣльца г. Неронова.

4) Брыково, на рѣчкѣ Малгушѣ, въ 7 вер. отъ Воскресенска, съ каменною церковію во имя Богоявленія Господня, построенною въ 1772 году. Въ XVIII столѣтіи было вотчиною П. Ѳ. Квашнина Самарина, женатаго на дочери фельдмаршала графа Петра Семеновича Салтыкова, который провелъ здѣсь послѣдніе годы своей жизни въ сельскомъ уединеніи, скончался и погребенъ. Въ домѣ нынѣшняго землевладѣльца с. Брыкова Г. Ѳ. Карпова уцѣлѣли портреты фельдмаршала графа Петра Семеновича Салтыкова, его зятя П. Ѳ. Квашнина-Самарина, князя А. Д. Меньшикова и графа Головкина, да нѣсколько книгъ военнаго содержанія, принадлежавшихъ библіотекѣ фельдмаршала.

5) Бужарово, на р. Истрѣ, въ 6 вер. отъ Воскресенска, близъ дороги изъ Воскресенска въ Осиповъ монастырь, съ каменною церковію во имя Преображенія Господня, построенною въ 1859 году. Въ межевомъ актѣ 1504 г. Бужарово значится селомъ, вотчиною вдовы князя Семена Романовича, умершаго въ 1502 г. (изъ потомковъ св. Ѳеодора князя Ярославскаго). Въ 1562 году Бужарово значится вотчиною Іосифова Волоколамскаго монастыря. Въ Писц. книгѣ Дмитровскаго уѣзда 1627 г. Бужарово описано такъ: «Іосифова монастыря село Бужарово на рѣкѣ Истрѣ, а въ немъ церковь Преображенія Господня древяна клѣтцки, верхъ шатровъ, а въ ней образы и книги и ризы и колокола строенье мірское приходскихъ людей».

6) Бѣлавино (Ивановское), на рѣчкѣ Безъимянкѣ, въ 20 верс. отъ Воскресенска, съ каменною церковію во имя Рождества Іоанна Предтечи Господня, построенною въ 1822 году, приписною къ селу Колычеву-Покровскому (см. № 18). Упоминается въ межевомъ актѣ 1504 г. какъ деревня. Въ Переписной книгѣ 1677 года «село Ивановское, Бѣлавино тожъ, въ немъ церковь Пресвятыя Богородицы Одигитрія». Въ Бѣлавинской церкви есть рукописное напрестольное Евангеліе XVII вѣка.

7) Глѣбово-Соколово, на рѣчкѣ Малгушѣ, въ 12 вер. отъ Воскресенска, съ каменною церковію во имя Казанскія иконы Божіей Матери, построенною въ 1859 г. вотчинникомъ бригадиромъ С. С. Шиловскимъ и состоящею приписною къ селу Филатову (см. № 38); замѣчательна по красивой архитектурѣ, напоминающей С.-Петербургскую церковь конно-гвардейскаго полка.

8) Голубово, на прудѣ, въ 15 вер. отъ Воскресенска, по тракту къ желѣзной дорогѣ, съ каменною церковію во имя Знаменія Пресвятой Богородицы, построенною въ XVII или въ началѣ XVIII столѣтія. Упоминается въ межевомъ актѣ 1504 года, какъ сельцо за Б. П. Ладыгинымъ.

9) Дедешино, на прудѣ, въ 17 вер. отъ Воскресенска, съ каменною церковію во имя Св. Троицы, построенною въ 1771 году, приписною къ селу Голубову (см № 8). Упоминается въ межевомъ актѣ 1504 г. какъ сельцо за Б. Сукинымъ; въ XVII столѣтіи—село жъ, за В. Б. Сукинымъ.

10) Дорна, на рѣчкахъ Песочнѣ и Доренкѣ, въ 4 вер. отъ Воскресенска, на дорогѣ въ Крюково (ст. желѣз. дороги), съ деревянною церковію во имя св. Апостолъ Петра и Павла, построенною въ 1751 году. Въ первой половинѣ XVII столѣтія—село за Ѳ. Пушкинымъ. Со второй половины XVII ст. состояло въ числѣ вотчинъ Воскресенскаго монастыря, именуясь селомъ Воздвиженскимъ, ибо церковь была во имя Воздвиженія Честнаго Креста. Священникъ этого села въ подписи на одномъ изъ монастырскихъ актовъ начала XVIII стол. упоминаетъ о пожалованіи ему царемъ Петромъ Алексѣевичемъ медали за поднесеніе имъ царю найденнаго въ этомъ селѣ клада, состоявшаго изъ цѣнныхъ старинныхъ вещей. Сказаніе это прибавляетъ новую драгоцѣнную для насъ черту къ характеристикѣ великаго государя, во многомъ опередившаго свое время.

11) Еремѣево, на рѣчкѣ Безъимянкѣ, въ 9 вер. отъ Воскресенска, на дорогѣ изъ Воскресенска въ Крюково, съ каменною церковію во имя Вознесенія Господня, построенною въ 1820 году. Въ Писцовыхъ книгахъ 1589 г. упоминается какъ село вотчины Московскаго Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря.

12) Ершово, при прудѣ, въ 10 вер. отъ Воскресенска, на дорогѣ въ Звенигородъ, съ каменною церковію во имя Св. Троицы, построенною въ 1829 году боярынею Д. А. Олсуфьевою. Ершово принадлежитъ къ числу старинныхъ, собственно Звенигородскихъ селъ: оно упоминается въ одной изъ договорныхъ грамотъ 1451 года какъ село великокняжеское (т. е. дворцовое). По писцовой книгѣ Звениг. уѣзда 1624 г. значится: «за Иваномъ Андреевымъ сыномъ Леховымъ, въ вотчинѣ за литовскую службу за московское осадное сидѣнье, село Ершово на прудцѣ, а въ селѣ церковь Живоначальныя Троицы древяна клѣтцки, а въ церкви образы и ризы и книги и все церковное строенье мірскихъ приходныхъ людей и вотчинниковъ». Село Ершово, въ теченіи времени, поступило въ родъ гг. Салтыковыхъ, изъ коихъ бояринъ Сергѣй Васильевичъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія построилъ, вмѣсто обветшавшей деревянной церкви XVII столѣтія, новую деревянную же, простоявшую до 1829 г. Отъ упомянутаго С. В. Салтыкова село Ершово перешло къ сестрѣ его Маріи Васильевнѣ Олсуфьевой, супругѣ д. ст. сов. Адама Васильевича Олсуфьева; нынѣ принадлежитъ одному изъ его внуковъ.

13) Ивановское, на Истрѣ, въ 11 вер. отъ Воскресенска. Близъ села извѣстная суконная фабрика, принадлежащая дѣйствительному статскому совѣтнику Павлу Григорьевичу Цуркову, съ каменною церковію во имя Успенія Божіей Матери, построенною въ 1862 году. Въ XVII столѣтіи было селомъ же, вотчиною Пафнутьева-Боровскаго монастыря. Церковь замѣчательна своимъ благолѣпіемъ, по усердному о ней попеченію ктитора.

14) Ивановское-Богородское, на Радомлѣ, въ 22 вер. отъ Воскресенска, на желѣзной дорогѣ, съ каменною церковію во имя Рождества Богородицы, построенною въ XVIII столѣтіи. Изъ духовнаго завѣщанія боярина Алексѣя Ѳедоровича Белеутова 1472 года видно, что село Богородское было издревле родовою вотчиною бояръ Белеутовыхъ. По Писц. книгѣ Дмитровскаго уѣзда 1627 г. въ Радомльскомъ стану значится: «село Богородское на рѣчкѣ Радомли; а въ селѣ церковь Рождества Пресвятыя Богородицы древяна клѣтцки, верхъ шатровъ, стоитъ безъ пѣнія, за стольникомъ за Глѣбомъ Ивановичемъ Морозовымъ купленная вотчина, что онъ купилъ у князя Андрея Даниловича Сицкаго».

15) Ильинское на городищѣ, погостъ на рѣкѣ Истрѣ, въ 2 вер. отъ Воскресенска, близъ дороги въ Звенигородъ, съ каменною церковію во имя св. Пророка Иліи, построенною въ 1813 году. Въ 1589 году упоминается также какъ «погостъ на городищѣ». Городище это можно считать древнѣйшимъ въ нынѣшнемъ Звенигородскомъ уѣздѣ священнымъ мѣстомъ первоначальныхъ насельниковъ этой мѣстности финскаго племени Мерянъ, а потомъ занявшихъ ихъ мѣста Славянъ, которые, по нѣкоторымъ даннымъ, пришли сюда изъ нынѣшней Витебской губерніи, а именно изъ Витебскаго Сурожика, почему и область эта (территорія одной половины 2 стана Звениг. уѣзда) была извѣстна издревле подъ именемъ Сурожика, Сурожскаго стана. На отношеніе этого названія къ Витебскому Сурожику довольно ясно указываетъ древнее названіе брода на Истрѣ, противъ Воскресенска, «Витебскимъ бродомъ» (въ межевомъ актѣ 1504 г.), и названіе другихъ урочищъ и рѣкъ, общее обѣимъ Сурожикамъ—Витебскому и Звенигородскому.

16) Караулово (Коралово), на рѣкѣ Разварнѣ, въ 16 вер. отъ Воскресенска, съ каменною церковію во имя Толгской иконы Божіей Матери, построенною въ 1863 году. До 1802 г. приходская церковь была въ селѣ Никольскомъ-Фуниковѣ, древней вотчинѣ казначея князя Никиты Фуникова, казненнаго Іоанномъ Грознымъ въ 1570 году. Караулово, находящееся невдалекѣ отъ Фуникова и отъ Звенигорода (въ 6 вер.), получило свое названіе отъ бывшаго здѣсь въ старину кара-

ула или сторожи. Нынѣшній землевладѣлецъ села Караулова А. А. Васильчиковъ устроилъ въ 1876 г. при своемъ сельскомъ домѣ домовую церковь во имя Св. Троицы. Домъ этотъ представляетъ своимъ убранствомъ изъ старинныхъ вещей—мебели, портретовъ, картинъ, оружія и пр.—настоящій музей, любопытный для любителей Русской старины.

17) Козино, на колодцѣ, въ 22 вер. отъ Воскресенска, съ каменною церковію во имя Св. Троицы, построенною въ 1754 г. Упоминается въ 1589 г. какъ село, вотчина Московскаго Новодѣвичьяго монастыря.

18) Колычево-Покровское, на рѣчкѣ Котышѣ, въ 18 вер. отъ Воскресенска, съ каменною церковію во имя Покрова Пр. Богородицы, построенною въ 1772 году. По Писц. книгѣ 1589 г. село же, вотчина Московскаго Чудова монастыря. Въ Переписныхъ книгахъ 1677 года село Колычево значится за бояриномъ за княземъ Юрьемъ Михайловичемъ Одоевскимъ, а въ селѣ церковь Покрова Пр. Богородицы. Названіе Колычева, по преданію, получило отъ того, что въ XV в. было вотчиною бояръ Колычевыхъ (изъ рода коихъ происходилъ св. Филиппъ Митрополитъ Московскій). Въ церкви есть письменное Евангеліе XVII столѣтія.

19) Куритниково, при прудѣ, въ 20 верс. отъ Воскресенска, съ каменною церковію во имя Тихвинскія иконы Божіей Матери, построенною въ 1816 году. Въ 1593 году въ Дмитровской описной книгѣ значится какъ село, вотчина Троицы Сергіева монастыря. Въ Писц. книгѣ Дмитровскаго уѣзда 1627 г. описано такъ: «село Куритниково, на рѣчкѣ Черной, въ селѣ церковь св. страстотерпецъ Бориса и Глѣба древяна клѣтцки.... строенье монастырское».

20) Ламишино (Богородское), на р. Истрѣ, въ 9 вер. отъ Воскресенска, съ деревянною церковію, построенной, какъ можно полагать, во второй половинѣ XVII столѣтія вотчинникомъ стольникомъ Иваномъ Ивановичемъ Стрѣшневымъ. Упоминается какъ село, въ межевомъ актѣ 1504 г., за Борисомъ Курчевымъ. Въ церкви напрестольное Евангеліе м. печ. 1668 г., Мѣсячныя минеи: Октябрь, м. печ. 1689 г., Ноябрь и Декабрь 1698 г. По надписи на нихъ, даны вкладомъ въ эту церковь отъ стольника Ив. Ив. Стрѣшнева. Близъ этого села на правомъ берегу р. Истры, у деревни Горки, находится мѣстность, называемая Раково городище, гдѣ въ XVI столѣтіи (какъ значится въ межевомъ актѣ 1504 г.) былъ «особный монастырекъ» св. Георгія, а близъ деревни Кутузовой—часовня, означающая мѣсто древняго погоста, съ церковію во имя св. Флора и Лавра.

21) Лужки, на рѣкѣ Истрѣ, въ 10 вер. отъ Воскресенска, съ деревянною церковію во имя св. Апостолъ Петра и Павла, построенною

въ XVII столѣтіи. Въ 1585 г. Лужки значатся селомъ, вотчиною Московскаго Чудова монастыря. Въ 1591 г. церковь села Лужковъ была сожжена крымскими Татарами, въ ихъ послѣднее нашествіе на Москву. Въ августѣ здѣсь бываетъ ярмарка, называемая Александровскою.

22) Лыткино, на прудѣ, въ 18 вер. отъ Воскресенска, съ каменною церковію во имя Св. Троицы, построенною въ 1804 году. Упоминается какъ село въ духовномъ завѣщаніи великаго князя Димитрія Ивановича Донскаго 1389 года: «а которы деревни отоймалъ быхъ князь Володимеръ отъ Лыткиньскаго села». Въ духовномъ завѣщаніи в. к. Іоанна III († 1505 г.) значится въ числѣ московскихъ великокняжескихъ селъ и назначено въ удѣлъ князю Юрію. На антиминсѣ прежней церкви значится, что она была освящена въ 1620 году. Нынѣ принадлежитъ княгинѣ Н. Б. Трубецкой.

23) Малинки, на рѣчкѣ Малинкѣ, въ 5 вер. отъ Воскресенска, съ каменною церковію во имя Казанской иконы Божіей Матери, построенною въ 1704 г., состоитъ нынѣ приписною къ селу Бужарову (см. выше № 5). Въ 1589 г. значится сельцомъ, вотчиною Б. И. Полева. Въ притворѣ нижней церкви погребены вотчинники этого села XVII столѣтія бояре Полевы; на ихъ могилахъ уцѣлѣли каменныя гробницы съ рѣзными позлащенными надписями.

24) Микулино (Никулино), на рѣкѣ Истрѣ, въ 1 вер. отъ Воскресенска, съ деревянною церковію во имя Преображенія Господня, построенною въ 1622 году вотчинникомъ дьякомъ Григоріемъ Ларіоновымъ. Въ 1656 г. село это было куплено у него святѣйшимъ патріархомъ Никономъ въ вотчину Воскресенскаго монастыря и именовалось потомъ селомъ Преображенскимъ, и вмѣстѣ съ селами Воскресенскимъ (нынѣ заштатный городъ Воскресенскъ), Троицкимъ (Троицкій погостъ) и Воздвиженскимъ (Дорна), составляло тѣ 4 села; священники которыхъ, по близости этихъ селъ къ монастырю, участвовали въ монастырскихъ церковныхъ празднествахъ, крестныхъ ходахъ и пр.

25) Мушкино, погостъ на прудѣ, въ 12 вер. отъ Воскресенска, съ деревянною церковію во имя Св. Троицы, построенною въ 1789 году. Упоминается какъ погостъ съ 1504 г. въ Мушкинской трети. Въ Писц. книгѣ 1624 г. въ Дмитровскомъ уѣздѣ въ Мушковѣ стану значится: «погостъ Мушковъ на вотчинной на обчей землѣ Гаврила да Ѳедора Пушкиныхъ, а на погостѣ церковь Живоначальные Троицы, да придѣлъ Архангела Михаила, деревянная клѣтцки... и всякое церковное строенье Ѳедора Семенова сына Пушкина, да сына ево Ѳедора Пушкина, а у церкви келья чернаго попа Еуфимья». Въ Переписныхъ

книгахъ 1677 года значится: «за стольникомъ за Иваномъ Өедоровымъ сыномъ Пушкинымъ село Синее, Семеновское тожъ, а въ немъ церковь Живоначальные Троицы». Въ церкви села Мушкина, Синее тожъ, есть и доселѣ церковныя книги съ надписью вотчинниковъ въ XVII столѣтіи Пушкиныхъ.

26) Нахабино, на рѣчкѣ Нахабинкѣ, въ 25 вер. отъ Воскресенска, на шоссейномъ трактѣ въ Москву, съ каменною церковію во имя Покрова Пр. Богородицы, построенною въ 1866 году. Въ 1589 г. значится какъ село, вотчина Троице-Сергіева монастыря. Въ церкви есть икона пр. Сергія XVII столѣтія, по надписи на ней, работы монастырскихъ иконописцевъ.

27) Никольское-Надовражное, на прудахъ, въ 12 вер. отъ Воскресенска, съ каменною церковію Рождества Пр. Богородицы, построенною въ 1767 г. Въ 1589 г. значится сельцомъ, за дьякомъ Иваномъ Андреевымъ.

28) Огниково, на прудѣ, въ 10 вер. отъ Воскресенска, съ каменною церковію во имя Обновленія храма Воскресенія Господня, построенною въ 1807 г. Въ межевомъ актѣ 1504 г. упоминается какъ село именуемое Вогниково, вотчина Давида Курчева. Въ Писц. книгѣ 1627 г.: «въ Радонежскомъ стану Живоначальные Троицы Сергіева монастыря пустошь, что было село Вогнеіково, Вогниково тожъ, а на ней мѣсто церковное, что былъ храмъ Покрова Пр. Богородицы, да въ придѣлѣ Чудотворца Сергія». Въ Переписныхъ книгахъ 1677 г. значится: «село Покровское Огниково тожъ, а въ немъ церковь Покровъ Пр. Богородицы, да въ придѣлахъ Евангелиста Іоанна Богослова, да пр. Сергія Радонежскаго Чудотворца, за дьякомъ за Богданомъ Силинымъ».

29) Павловское (Павловской посадъ), на р. Истрѣ, въ 17 вер. отъ Воскресенска, съ каменною церковію во имя Благовѣщенія Пр. Богородицы, построенною въ половинѣ XVII ст. тогдашнимъ вотчинникомъ этого села, бояриномъ Борисомъ Ивановичемъ Морозовымъ. Въ 1504 г. значится тоже селомъ, за Яковомъ Григорьевымъ Морозовымъ. По Писц. книгѣ 1593 г.: «за Иваномъ Морозовымъ село Павловское, а въ немъ церковь Благовѣщенія Пр. Богородицы». Въ Писц. книгѣ 1624 г. значится: «за Борисомъ Ивановичемъ Морозовымъ, по государевѣ жалованной грамотѣ 124 (1616) года, за приписью дьяка Микулая Новокщенова, дѣда и отца ево старинная вотчина село Павловское, а въ немъ церковь Благовѣщенія Пр. Богородицы, а въ церквѣ образы и свѣчи и ризы и колокола и все строеніе вотчинниково». Церковь эта имѣетъ два причта и замѣчательна своей величественной архитектурой; въ среднемъ этажѣ колокольни—комнаты, въ которыхъ, по преданію, останавливался царь Алексѣй Михайловичъ въ проѣздѣ

черезъ Павловское. Въ церкви есть два старопечатныхъ Евангелія XVII столѣтія и серебряный ковчежецъ того же столѣтія, съ частицами св. мощей. До половины текущаго столѣтія въ Павловскомъ была казенная суконная фабрика, въ которой выдѣлывались тонкія гвардейскія сукна.

30) Пятница-Берендѣево, на р. Истрѣ, въ 22 вер. отъ Воскресенска, съ двумя каменными церквами: 1) во имя Св. Троицы, построенная въ 1771 г., 2) во имя Похвалы Пресвятыя Богородицы, построенная въ 1807 году. Берендѣева слобода, бывшая близь нынѣшняго села на горѣ Верзневѣ, упоминается съ XIV вѣка, Берендѣевъ же Пятницкій монастырь, бывшій (до 1764 г.) на мѣстѣ, гдѣ стоятъ нынѣшнія церкви, основанъ во второй половинѣ XV столѣтія Рябчиковыми; разоренъ въ литовское нашествіе въ 1610 г., возстановленъ въ 1629 г. Въ Писц. книгѣ Дмитровскаго уѣзда Берендѣева стана 1627 г. монастырь сей описанъ слѣдующимъ образомъ: «Монастырь великаго Чудотворца Николы и святые великомученицы Парасковеи нареченные Пятницы, что въ Берендѣевѣ, на рѣкѣ Истрѣ; а на монастырѣ церковь Николы Чудотворца, древяна на каменное дѣло, да вверху придѣлъ Похвалы Пречистые Богородицы; а въ церкви Николы Чудотворца Божіе милосердіе, деисусъ и двери царскіе, образы мѣстные и ризы и книги и колокола и всякое церковное строеніе мирское, а придѣлъ Похвалы Пречистые Богородицы стоитъ безъ пѣнія, да церковь святые великомученицы Парасковеи нареченные Пятницы древяна клѣтцки, стоитъ безъ пѣнія, ветха, обалялась, а на монастырѣ келлія игумена Іоны съ братіею»....

Въ 1679 году, при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, Берендѣевъ Пятницкій монастырь приписанъ къ Воскресенскому монастырю. Въ 1711 г. вотчины Берендѣевскаго монастыря отписаны въ дворцовое вѣдомство и доходы съ нихъ опредѣлены на содержаніе двора вдовствующей царицы Параскевы Ѳеодоровны, супруги царя Іоанна Алексѣевича, при чемъ мужескій монастырь въ Берендѣевѣ закрытъ, а вмѣсто его открытъ женскій—въ селѣ Ильинскомъ на Котышѣ (нынѣ село Клинскаго уѣзда). Въ 1732 г., по указу императрицы Анны Іоанновны, Берендѣевъ монастырь возстановленъ и съ вотчинами снова приписанъ къ Воскресенскому монастырю, за коимъ и оставался до 1764 года. Нынѣ при церквахъ села Берендѣева два причта, въ селѣ еженедѣльно по пятницамъ бываютъ торжки, ибо село это продолжаетъ служить торговымъ центромъ для окрестнаго населенія, которое тянетъ къ нему по старинѣ, какъ къ центру древней Дмитровской Берендѣевой волости.

31) Рождественское, на р. Истрѣ, въ 10 вер. отъ Воскресенска, съ каменною церковію во имя Рождества Христова, построенною

въ 1823 году. Въ церкви есть иконы, которыми, по преданію, императоръ Павелъ I и его Августѣйшая супруга благословили при бракосочетаніи вотчинника этого села, извѣстнаго любимца императора, графа И. П. Кутайсова. Отъ него Рождествино перешло къ князю А. И. Голицыну, а нынѣ принадлежитъ Свиты Его Величества генералъ-маіору П. П. Толстому, женатому на дочери князя Голицына. Красивое мѣстоположеніе, отличный домъ, обширный паркъ, избранная библіотека, въ которой хранятся фамильные архивы графа И. П. Кутайсова и князя А. И. Голицына.

32) Рождественское, на Истрѣ, въ 18 вер. отъ Воскресенска, съ каменною церковію во имя Рождества Христова, построенною въ 1813 году. Изъ Дмитровской Описной книги 1593 г. видно, что это село въ концѣ XVI вѣка уже было вотчиною Троицы-Сергіева монастыря.

33) Рубцово-Покровское, на рѣчкѣ малой Истрицѣ, въ 4 вер. отъ Воскресенска, съ каменною церковію во имя Покрова Пресв. Богородицы, построенною въ 1748 году тогдашнимъ вотчинникомъ Пацокинымъ. Въ 1586 г. значится какъ деревня, за А. Ябединымъ. Въ текущемъ столѣтіи принадлежитъ гг. Голохвастовымъ.

34) Садки-Ивановское, на рѣчкѣ Бѣшенкѣ, въ 14 вер. отъ Воскресенска, на шоссейномъ трактѣ въ Москву, съ каменною церковію во имя Рождества св. Іоанна Предтечи Господня, построенною въ 1741 году. Въ церкви есть рукописное Евангеліе второй половины XVII столѣтія.

35) Соколово, на рѣчкѣ Безъимянкѣ, въ 18 вер. отъ Воскресенска, съ каменною церковію во имя Рождества Христова, построенною въ 1855 году. Въ XVI столѣтіи именовалось село Петровское, Рождествино тожъ, и въ 1585 г. было вотчиною Димитрія Годунова. Въ XVII столѣтіи село это было за А. П. Годуновымъ; во второй половинѣ XVII столѣтія поступило въ число вотчинъ Воскресенскаго монастыря и оставалось за нимъ до 1764 года.

36) Телепнево, на рѣкѣ Безъимянкѣ, въ 8 вер. отъ Воскресенска, съ каменною церковію во имя св. Николая Чудотворца, построенною въ 1861 году. Въ 1585 году значится селомъ, вотчиною Московскаго Новинскаго монастыря.

37) Троицкое, погостъ близъ рѣки Истры, въ 8 вер. отъ Воскресенска, съ деревянною церковію во имя Св. Троицы, построенною во второй половинѣ XVII столѣтія, при усадьбѣ боярина Р. О. Бобарыкина. Въ 1681 г. царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ купилъ оное село съ деревнями у Бобарыкина и приписалъ къ Воскресенскому монастырю.

38) Филатово, на рѣкѣ Мологощѣ (Малгушѣ), въ 12 вер. отъ Воскресенска, съ каменною церковію во имя Рождества Христова, по-

строенною въ 1750 г., которая до 1820-хъ годовъ была домовой гг. Домашневыхъ. Близъ этого села, въ урочищѣ называемомъ «Морозова гора», былъ погостъ Рождественскій, съ церковію Рождества Христова, сгорѣвшею около 1821 года.

39) Холмы, на рѣкѣ Песочнѣ, въ 8 вер. отъ Воскресенска, съ каменною церковію во имя Знаменія Пр. Богородицы, построенною въ 1696 году. Въ 1585 г. значится сельцомъ, за Д. Б. Салтыковымъ.

40) Хованское-Космодемьянское, на рѣчкѣ Самаринкѣ, въ 12 вер. отъ Воскресенска, съ деревянною церковію во имя Знаменія Пр. Богородицы, построенною въ 1785 г., приписною къ селу Никольскому-Надовражному (см. № 27). Въ началѣ XVII столѣтія упоминается какъ деревня, за Сабуровымъ.

41) Аносино-Борисоглѣбское. При этомъ селѣ находится женскій общежительный монастырь (Аносинъ-Борисоглѣбскій), устроенный трудами и иждивеніемъ бывшей владѣлицы села Аносина, княгини Евдокіи Николаевны Мещерской (въ монашествѣ Евгенія— первая настоятельница сего монастыря). Церковь въ ономъ соборная каменная во имя Живоначальныя Троицы, съ 2-мя придѣлами: Тихвинской Божіей Матери и свв. Бориса и Глѣба, построена въ 1811 году, но по случаю непріятельскаго нашествія 1812 г., главный престолъ остался неосвященнымъ до 1822 года (Тихвинскій придѣлъ освященъ въ 1813 г., Борисоглѣбскій въ 1814 г.), и тогда же открыто при сей церкви общежитіе. Въ 1823 г. Борисоглѣбское общежитіе обращено въ Борисоглѣбскій Аносинскій общежительный дѣвичій монастырь, первою настоятельницею котораго была назначена его основательница мать Евгенія, въ санѣ игуменьи. Въ 1824 г. устроена въ Аносиномъ монастырѣ небольшая церковь во имя св. Димитрія Ростовскаго, для отправленія требъ приходскимъ жителямъ села Аносина и освящена преосвящ. Филаретомъ митрополитомъ Московскимъ.

В) Общіе выводы.

Въ 1 станѣ (Звенигородъ съ волостями)

всѣхъ церквей:		По матеріалу:	
въ городѣ	3.	каменныхъ	32.
въ станѣ	39.	деревянныхъ	10.
Итого	42.	По времени построенія:	
Изъ этого числа:		въ XIV ст.	1.
		въ XVI ст.	1.
приходскихъ	39.	въ XVII ст.	11.
приписныхъ	3.	въ XVIII и XIX	29.

Во 2 станѣ (Воскресенскъ съ волостями)

всѣхъ церквей:		Изъ того числа:	
въ городѣ . .	1.	приходскихъ	37.
въ станѣ . .	41. (съ прих. церковію въ женскомъ Аносиномъ монастырѣ).	приписныхъ	5.
		По материалу:	
		каменныхъ	34.
		деревянныхъ	8.
		По времени построенія:	
		въ XVII ст.	8.
Итого	42.	въ XVIII и XIX ст. . .	34.

Получаютъ пособіе отъ казны слѣд. церкви:

1) Троицкая въ Аносинѣ монастырѣ—142 р. 83 к.
2) Николаевская въ с. Сидоровскомъ—114 р. 27 к.
3) Преображенская въ Никулинѣ . . }
4) Петропавловская въ с. Дорнѣ . } по 85 р. 71 к.
5) Успенская въ Носовѣ (погостъ). }
6) Троицкая въ Мушкинѣ (погостъ) }

Ярмарки:

1) Въ Воскресенскѣ—Вознесенская.
2) Въ Успенскомъ-Носовѣ—въ пятницу предъ Ильинымъ днемъ.
3) Въ Петровскомъ—Тихвинская.
4) Въ Сидоровскомъ—Боголюбская.
5) Въ Изворнвѣ—Ильинская.
6) Въ Павловскомъ.
7) Въ Лужкахъ—Александровская.
8) Въ Соколовѣ—Петровская.
9) Въ Троицкомъ—Троицкая.
10) Въ Пятницѣ-Берендѣевѣ—по пятницамъ торги.
11) Въ Саввинѣ монастырѣ—Казанская и въ 10-ю пятницу по Пасхѣ.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

приходскихъ селъ Звенигородскаго уѣзда, съ показаніемъ при нихъ числа причтовъ.

А.

1. Село Аксиньино.
2. — Акулово.
3. — Александрово.
4. — Алексѣевское.
5. — Андреевское.
6. Аносинъ монастырь (2 прич.)
7. Село Архангельское (уп. въ XVII ст.)

Б.

8. Село Брыково.
9. — Бужерово.
— — Бѣлавино, приписано къ селу Колычеву (въ XVII ст.)

В.

10. Село Введенское-Першино.
11. — Воскресенскъ, заштатный городъ; при немъ Воскресенскій, Новый-Іерусалимъ именуемый, монастырь, на р. Истрѣ.

Г.

12. Село Голубово.
— — Глѣбово—приписано къ селу Филатову, безприходное.

Д.

13. Село Денисьево (уп. въ XVII ст.)
14. — Дмитровское Андреевское
15. — Дмитровское на р. Истрѣ.
16. — Дорны.

Е.

17. Село Еремѣево.
18. — Ершово.

И.

19. — Ивановское-Богородское.
20. — Ивановское при суконной фабрикѣ.
21. — Изварино (уп. въ XVII с.)
22. — Ильинское на городищахъ (уп. въ XVII ст.).
23. — Ильинское на р. Москвѣ (уп. XVII ст.).
24. — Иславское.

К.

25. Село Караулово.
26. — Каринское.
27. — Козино (Іоанно-Злат. ц.).
28. — Козино (Троицкая церк.)
29. — Колычево (уп. въ XVII с.)
30. — Куритниково.

Л.

31. Село Ламишино.
32. — Локотня.
33. — Лужки.
34. — Лукино.
35. — Луцино.
36. — Лыткино.

М.

— Село Малинки—приписано къ с. Бужерову.

37. Село Михайловское.
38. — Мушкино.

Н.

39. Село Назарьево (въ XVII ст. дер.)
40. — Надовражное.
41. — Нахабино (уп. въ XVII ст.)
42. — Никольское-Вяземы (въ XVII ст. Вяз. им. слобода).
43. — Никольское-Кляпово.
44. — Никулино.
45. — Носово (въ XVII в. пус.)

О.

46. Село Огниково.
47. — Одинцово (уп. въ XVII в. село).

П.

48. Село Павловское (2 причта).
49. — Перхушково.
50. — Петровское.
51. — Подушкино (въ XVII ст. дер.)
52. — Покровское-Давыдково.
53. — Покровское-Засѣкино.
54. — Пятница-Берендѣево (2 причта).

Р.

55. Село Рожествино на р. Истрѣ.
56. — Рождествино.
57. — Рубцово.

С.

58. Саввинскія подмонастырныя слободы (въ г. Звенигородѣ).
59. Село Садки (въ XVII ст. пустошь).
60. — Свинорье (въ XVII ст. пустошь).
61. — Сидоровское (въ XVII ст. пустошь).
62. — Соколово (въ XVII ст. село).

Т.

63. Село Телепнево (въ XVII ст. село).
64. — Троицкое на р. Истрѣ (въ XVII село).
65. — Троицкое на р. Москвѣ (въ XVII село).

У.

66. Село Уборы (въ XVII с. село).
67. — Урюпино (въ XII с. село).
68. — Усово (въ XVII с. село).
69. — Успенское-Малый Вяземецъ.

Ф.

70. Село Филатово.

Х.

71. — Холмы (въ XVII с. пуст.)

Ю.

72. — Юдино (въ XVII с. пуст.)

Ѳ.

73. — Ѳедосьино (въ XVII ст. село).

Примѣч. При каждомъ приходскомъ селѣ имѣется только по одному причту, исключая два села—Павловское и Пятница Берендѣево, гдѣ имѣется по два причта, а также при Аносиномъ монастырѣ два причта. Всего въ городѣ Звенигородѣ при трехъ церквахъ (3 причта) и его уѣздѣ при семидесяти трехъ самостоятельныхъ церквахъ имѣется только семьдесятъ девять причтовъ.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

приходскихъ церквей города Звенигорода и его уѣзда, съ указаніемъ самыхъ селъ, гдѣ оныя церкви находятся.

Б.

1. Благовѣщенская, села Павловскаго
2. — — с. Ѳедосьина.
3. Богородице-рождественская, с. Александрова.
4. — — с. Ивановскаго-Богородскаго.
5. — — с. Надовражнаго.
6. Богоявленская, с. Брыкова.
7. Борисоглѣбская, Аносина монастыря.
8. — — с. Курптникова.

В.

9. Вознесенская, въ г. Воскресен.
10. — — въ г. Звенигор.
11. — — села Ершова.

Г.

12. Гребневская, с. Одинцова.

Д.

13. Димитрія-Селунскаго, с. Дмитровскаго.
— Димитрія Ростовскаго, въ с. Измалковѣ, приписная къ селу Лукину.

З.

14. Знаменская, с. Голубова.
15. — — с. Денисьева.
16. — — с. Холмовъ.

И.

17. Ильинская, с. Изворина.
18. — с. Ильинскаго на Городищахъ.
19. — с. Ильинскаго на р. Москвѣ.

І.

20. Іоанно-Златоустовская, села Козина.
21. Іоанно-Предтечевская, села Садкова.
— Іоанна Предтечи рождества, приписная къ с. Колычеву.

К.

— Казанская, приписная къ селу Филатову, въ с. Глѣбовѣ.
22. — с. Ламишина.
— — приписная къ селу Бужерову, въ с. Малинкахъ.
23. Крестовоздвиженская, села Телепнева.

М.

24. Михаило-Архангельская, села Архангельскаго.
25. — с. Михайловскаго.

Н.

26. Николаевская, с. Аксиньина.
27. — с. Алексѣевскаго.
28. — с. Луцына.
29. — с. Никольскаго-Кляпова.
30. — с. Пятницы-Берендѣева.
31. — Саввинскихъ подмонастырныхъ слободъ въ г. Звенигородѣ.

32. — с. Сидоровскаго.
33. — с. Урюпина.

П.

34. Петропавловская, с. Дурны.
35. — — с. Лужковъ.
36. Покровская, с. Акулова.
37. — — с. Колычева.
38. — — с. Локотни.
39. — — с. Пахабина.
40. — — с. Огникова.
41. — — с. Покровскаго-Давыдкова.
42. — — с. Покровскаго-Засѣкина.
43. — — с. Перхушкова.
44. — — с. Рубцова.
45. Преображенская, с. Бужерова.
46. — — с. Введенскаго-Першина.
47. — — с. Дмитріевскаго Андреевскаго.
48. — — с. Лукина.
49. — — с. Никольскаго Вяземы.
50. — — с. Никулина.
51. — — с. Юдина.
52. Происхожденія честныхъ древъ креста Господня, с. Андреевскаго.

С.

53. Спасская, с. Иславскаго.
54. — с. Свинорья.
55. — с. Уборъ.
56. — с. Усова.

Т.

57. Толгская, с. Караулова.
59, Троицкая, с. Ершова.
59. — с. Козина.
60. — с. Лыткина.
61. — с. Мушкина.
62. — с. Назарьева.
63. — с. Троицкаго на р. Истрѣ.
64. — с. Троицкаго на р. Москвѣ.

У.

65. Успенская, с. Носова.
66. — с. Ивановскаго, при суконной фабрикѣ.
67. — Соборная въ г. Звенигородѣ.
68. — с. Петровскаго.
69. — с. Успенскаго-Малый Вяземецъ.

Х.

70. Христорождественская, въ г. Звенигородѣ.
71. — с. Каринскаго.
72. — с. Подушкина.
73. — с. Рожествина на р. Истрѣ.
74. — с. Рождествина.
75. — с. Соколова.
76. — с. Филатова.

Алфавитный списокъ помѣщиковъ Звенигородской округи 1786 года особъ мужескаго и женскаго пола, съ означенiемъ ихъ помѣстiй и съ показанiемъ числа состоящихъ за ними въ оныхъ ревизскихъ мужескаго пола душъ.

А.

1. Бригадирши Прасковьи Александровны Алалыкиной, въ сельцѣ Машенцовѣ. . . . . 19.
2. Графа Өеодора Алексѣевича Апраксина, въ селѣ Успенскомъ, Вяземское тожъ, съ деревнями. . . 230.
3. Бригадирши Анны Яковлевны Архаровой, въ селѣ Иславскомъ съ деревнею. . . . . 371.
4. Подполковницы Екатерины Михайловны Асоргиной, въ деревнѣ Островнѣ. . . . . 61.
5. Полковника Өедора Михайловича Ахлестышева, въ селѣ Троицкомъ съ деревнями. . . . . 141.
6. Кадетскаго корпуса кадета Стефана, Преображенскаго полку сержанта Дмитрiя Михайловыхъ дѣтей Ахлестышевыхъ. . . . .

Б.

7. Генералъ-маiора Гаврiила Петровича Бахметева села Сергiевскаго, Хатмынка тожъ, съ деревнями . . 249.
8. Полковницы Екатерины Петровны Беклемишевой въ сельцѣ Лужкахъ. . . . . 8.
9. Дочерей ея, дѣвицъ: Марөы и Екатерины Ивановыхъ дочерей Беклемишевыхъ въ сельцѣ Лужкахъ. . . 49.
10. Гвардiи прапорщика Андрея Алексѣева сына Бестужева-Рюмина въ селѣ Никольскомъ, Дарьино тожъ, и сельцѣ Ащеринѣ . . . . 74.
11. Подполковника Петра Ивановича Бибикова въ селѣ Летовѣ съ деревнями. . . . . 102.
12. Инженеръ-маiора Егора Бланкенначелева въ селѣ Дядинковѣ и въ сельцахъ Анашкинѣ и Подхлестинѣ. . . . . 202.
13. Бригадира Александра Ивановича Болтина, въ селѣ Өедькинѣ. . . . . 9.
14. Коллежскаго ассессора Сергѣя Борисовича Болховскаго въ селѣ Богородскомъ, Мѣшково, Нехойцево тожъ. . . . . 46.

15. Коллежскаго ассессора Лавра Дмитріевича сына Борисова въ сельцѣ Марковѣ. . . . . 24.
16. Надворнаго совѣтника Павла Евтихѣева сына Бурцова въ селѣ Шераповѣ съ деревней. . . . . . 129.
17. Секундъ-маіора Петра Борисова Бѣлавина въ сельцѣ Таракановѣ. . . . . 73.
18. Губернскаго секретаря Ивана Васильева сына Бѣлаго въ селѣ Степановскомъ. 48

В.

19. Капитана князя Михаила Ивановича Вадбольскаго въ сельцахъ: Ивановскомъ, Парѳенковѣ, Свиноръѣ и деревнѣ Власовой. . . . . 99.
20. Подполковника Александра Николаевича Васильчикова въ сельцѣ Князевѣ, Плесково тожъ. . . . 79.
21. Гвардіи прапорщика Андрея Алексѣева сына Вельяминова-Зернова въ сельцѣ Зименкахъ. . . . . . 15.
22. Маіорши Елены Семеновны Вельяминовой-Зерновой въ сельцѣ Зименкахъ. . . . . 14.
23. Камеръ-фрау Екатерины Верре въ сельцѣ Новолиткахъ. 16.
24. Капитана Ѳедора Александрова сына Воейкова въ селѣ Рожествинѣ, Подушкино тожъ . . . . . 164.

Г.

25. Княгини Варвары Николаевны Гагариной села Богородскаго, Ивашково тожъ, села Юдина съ деревнями. 181.
26. Оберъ-гофмаршала дѣйствительнаго камергера и разныхъ орденовъ кавалера князя Николая Михайловича Голицына въ селѣ Першинѣ Богородскомъ съ деревнями. 543.
27. Бригадира князя Николая Михайловича Голицына (предвод. дворянства Звен. округа) въ селѣ Никольскомъ, Вязема тожъ, съ деревнями. . . . . . 447.
28. Лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку сержанта князя Егора Алексѣевича сына Голицына, въ селѣ Дешинѣ съ деревнями. . . . . 138.
29. Секундъ-маіора князя Сергія Николаевича Голицына, въ селѣ Троицкомъ, Назарьево тожъ. . . . 202.
30. Дѣйствительнаго камергера и кавалера князя Николая Алексѣевича Голицына въ селахъ Архангель-

Е.

Ж.

З.

И.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Ц.

Ч.

Ш.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ДРЕВНІЕ АНТИМИНСЫ

НАЙДЕННЫЕ ВЪ НИКОЛАЕВСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ГОРОДѢ КАЛЯЗИНѢ.

(Извлечено изъ № 11 Тверскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1850 годъ) *)

8 мая 1849 года, при перемѣнѣ срачицы въ Николаевской церкви Калязинскаго собора подъ престоломъ, въ столбцѣ, найдены четыре древнихъ антиминса. Каждый изъ нихъ—клочекъ грубаго холста; мѣрой—два изъ нихъ (поновѣе) въ $4^{1}/_{2}$ вершка въ длину и въ ширину; а другіе два (древнѣе) въ $3^{1}/_{2}$ вершка также въ длину и ширину. Вотъ точное описаніе каждаго:

№ 1. Самый древній. Среди его можно замѣтить крестъ, грубо и непрямо начерченный простыми чернилами. Надписи кругомъ всей разобрать нельзя. Вотъ что сохранилось освящена бысть церкв сия во имя стго чютвоца.... и на пам... иже сты оца... при благовѣрно... кн.... и ивановичи всея руси... и при кнз... ивановича..

№ 2. Чернила сохранились совершенно. Среди антиминса осмиконечный крестъ, съ надписью наверху: цр слв; посторонамъ: іс. хс. ну. ка. Кругомъ антиминса: блѣт злд священа быст церкв сия во имя стго чютвоца николая мца іюля к на памят стг прк илии при благовѣрном великомъ княз василіи иванович всея руси и при благовѣрном кня егоргия ивано при епкопи твеском акакии при паствии игумена евфимия калязина монастыра

№ 3. Чернила сохранились хорошо. Середи—точно такой же крестъ, и съ такою же надписью, какъ и на предыдущемъ. По сторонамъ: блѣт зно священа быст церкв сия во имя стла чютвоца николы мца октабра въ є день на памят стыя мцы харитини при благовѣрном цри великом кзи иван васильевич всея руси при епи тферьском акакіе и при паствіи игумена инокентия калязина монастыра.

---

*) Въ виду напечатаннаго въ предшествующемъ первомъ выпускѣ VII тома Трудовъ Моск. Арх. Общества, въ отдѣлѣ Библіографіи, изслѣдованія Е. В. Барсова: «Объ антиминсахъ православной русской церкви», редакція признала нужнымъ перепечатать и настоящую статью изъ № 11 Тверскихъ губернскихъ вѣдомостей 1850 г., сдѣлавшихся теперь библіографической рѣдкостью. Прим. ред.

№ 4. Чернила сохранились. Середи крестъ, довольно широкій, также осмиконечный, съ тростію и копіемъ. Кругомъ его: црь сл. іс. хс. ни. ка. ко тро. Надпись: лѣт зрв декабря в з освяща быст церков сия во имя стго чютворца николы при благовѣрно княз ѳеоре ивановиче всея росе самодерце при архиепис захае тферьск при настввии игумена іасафа калязина монастыря.

Кромѣ четырехъ антиминсовъ найдена еще запись объ освященіи алтаря на такомъ же точно лоскутѣ холста. Освятися олтарь га бга и спса нашего іса ха въ церкви иже во стыхъ оца нашего никола архиепна мирѣ-ликийскихъ чютворца генваря въ к на память преподобныя мтре нашея ксении римлянини. Свщена бысть црков сія в лѣто зрли при благовѣрно цри гдри и велико кнзе михаиле ѳедоровиче всея русие и при благовѣрно цревиче кнзе алексѣе и при стѣйшемъ патриархи ѳиларетѣ никитиче московско и всея руси и при благовѣрной црц і великой кни евдокеи и при благовѣрной цревни і великой кн іринѣ и при блкои гсдн іноки марфе и при архиепѣ евфимии тферьско и кашинско.

Нужно замѣтить, что на всѣхъ углахъ антиминсовъ небольшія отверстія, явно образовавшіяся отъ вколоченныхъ въ нихъ гвоздей. Должно полагать, что они были приколочены къ престолу, а не лежали поверхъ срачицы и одежды, какъ это теперь. Вверху каждаго антиминса вшиты мощи.

Открытіе этихъ антиминсовъ, не проливаетъ новаго свѣта на исторію гор. Калязина, но невольно заставляетъ подумать о томъ, что принято и утверждено касательно его.

Основываясь на преданіи, ничѣмъ не доказанномъ, принято, что первые жители селенія (впослѣдствіи города) Калязина были крестьяне Коляги, приписанные и отданные имъ въ услуженіе монастырю преподобнаго Макарія. Отъ нихъ, будто бы, населились вторая и третья части города. Сколько правды въ этомъ преданіи?

Коляга—лице загадочное. Во всей исторіи русской не встрѣчается боярина подъ этимъ прозваніемъ. Кожины, изъ роду которыхъ произошелъ преподобный Макарій, основатель монастыря, Бороздины, изъ роду которыхъ произошелъ пр. Савва Вишерскій, Яхонтовы и многіе другіе Кашинскіе бояре оставили память о себѣ въ исторіи; объ Колягѣ же, кромѣ житія преподобнаго Макарія, неизвѣстно кѣмъ и когда написаннаго,—нигдѣ ни слова.

Могъ ли онъ отдать крестьянъ своихъ монастырю? Нѣтъ: крестьяне дѣлаются собственностію владѣльца, которую онъ можетъ дарить, продавать и т. под., съ 1599 года. До этого времени крестьяне были только нанятыми и работниками, обязывались нести извѣстную службу на опредѣленное условіемъ время, а не составляли собственности владѣльца.

Антиминсъ подъ № 2 данъ въ 1526 году; слѣдовательно черезъ пять лѣтъ послѣ открытія мощей Николаевская церковь была освящена уже въ другой разъ. Съ большимъ вѣроятіемъ можно предположить, что первый антиминсъ данъ 50 годами ранѣе, потому что церковь, даже и деревянная, могла простоять безъ всякой передѣлки полстолѣтія. Такимъ образомъ, безъ всякой натяжки, первый антиминсъ можно отнести къ 1476 г. и даже къ самой половинѣ 15 вѣка. Слѣдовательно Николаевская церковь была уже, когда пр. Макарій начиналъ основывать свой монастырь. На какомъ же основаніи можно принять, что первыми жителями Калязина были поселенные при монастырѣ крестьяне Коляги?—Положимъ, что она основана при жизни пр. Макарія (чего однакоже не видно изъ житія его); но если устроена церковь, значитъ, еще при жизни его на той сторонѣ Волги, гдѣ Николаевская церковь, было уже порядочное селеніе: для десяти, двадцати дворовъ церковь не строится. Было-ль и это селеніе изъ числа владѣній, отданныхъ Колягой монастырю? Но почемужъ онъ поселилъ за Волгой, а не у самаго монастыря? Да и Коляга—что̀ это въ самомъ дѣлѣ за бояринъ, о родѣ и племени котораго нѣтъ даже и намековъ въ исторіи? Всѣ этѣ земли—Кашинскія, Переяславскія и т. под.—были отдаваемы князьями въ награду за воинскіе подвиги; отъ кого и когда получилъ Коляга во владѣніе часть земель Кашинскаго княженія? Не лучшель допустить, что на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь городовая часть, уже было значительное селеніе съ церковью, когда на противоположномъ берегу его пр. Макарій началъ основывать свой монастырь, и что это селеніе издавна носило названіе «Калязина»? Иначе, какая странность: монастырь вдругъ, ни съ того ни съ сего, окрещивается «Калязинскимъ»—по имени одного изъ послушниковъ основателя монастыря (Коляга, по преданію, сдѣлался послушникомъ въ новоустроенномъ монастырѣ)? Не всѣ ли, напротивъ, монастыри къ имени основателя присоединяли названіе мѣстности: Радонежскій, Унженскій, Вишерскій, Боровичскій и пр. и пр.? Притомъ, еще какая натяжка: изъ Коляги сдѣлать Калязинъ! Вообще читая рукописное житіе преподобнаго Макарія, нельзя не замѣтить, что оно написано, по крайней мѣрѣ, спустя два вѣка послѣ смерти его; потому что все оно наполнено ни къ чему не ведущими, ничего не объясняющими возгласами и реторикой XVIII вѣка. Изъ подвижнической жизни Преподобнаго, кромѣ столкновенія съ этимъ Колягой—ни одной черты! Такъ, по всему вѣроятію, что селеніе Калязинъ старше монастыря, и не монастырь положилъ основаніе ему, а самъ получилъ отъ него названіе.

БИБЛІОГРАФІЯ

Обзоръ сочиненій.

Die Handelsstrassen der Griechen und Römer durch das Flussgebiet der Oder, Weichsel, des Dniepr und Niemen an die Gestade des Baltichen Meeres. Eine von der Akademie des Wissenchaften zu Krakau preisgekrönte archäologische Studie vom J. N. von Sadowski. Mit einer Vorrede und Einleitung des Ubersetzers. Aus den Polnichen von Albin Kohn. Mit 2 Karten und 3 lithographirten Tafeln. Jena. Hermam Costenoble. 1877.

Статья К. К. Гёрца.

Въ настоящемъ сочиненіи ученый польскій археологъ изслѣдуетъ торговые пути, по которымъ въ доисторическую эпоху привозились, преимущественно изъ Италіи, бронзовые предметы, находимые въ сѣверной Германіи и Польшѣ. Для нахожденія торговыхъ путей Грековъ, Этрусковъ и Римлянъ, г. Садовскій считаетъ необходимымъ слѣдующія условія:

1) Физіографическія свойства почвы должны быть столь удобны, чтобы позволяли употреблять извѣстный путь.

2) На торговомъ пути должны быть найдены и находимы такіе предметы древности, которые несомнѣнно характеризуютъ народъ, ихъ производившій, эпоху ихъ происхожденія и время экспедиціи, когда предметы были привезены на мѣсто ихъ находки.

3) Направленіе пути должно быть согласно съ указаніями классическихъ писателей.

4) Экономическія и торговыя условія пути должны указывать, что онъ древній.

Въ первыхъ двухъ главахъ своего сочиненія, г. Садовскій, на основаніи точныхъ изысканій, изслѣдуетъ вопросъ о физіографическомъ описаніи страны. Онъ тщательно разсматриваетъ всѣ возможные пути, со всѣми ихъ вѣтвями; къ этому онъ присоединяетъ разборъ

мѣстъ классическихъ писателей, преимущественно Плинія и Птоломея. Мѣста сношеній Грековъ и Италійскихъ народовъ съ сѣверными жителями находятся при рѣчныхъ бродахъ, узкихъ проходахъ и такихъ мѣстахъ, которыя нельзя было обойдти въ странахъ, гдѣ нѣтъ еще системы дорогъ, установленной съ давнихъ поръ.

Въ третьей главѣ торговые пути подтверждаются археологическими находками.

Въ четвертой главѣ авторъ занимается классификаціею этрусскихъ и римскихъ бронзъ. Здѣсь онъ рѣшительно возстаетъ противъ мнѣнія, что бронзы изготовлены въ томъ мѣстѣ, гдѣ найдены. Указавъ точно на нѣкоторыя исключенія, онъ доказываетъ, что масса бронзовыхъ находокъ въ сѣверной Германіи и Польшѣ италійскаго происхожденія. Онъ сомнѣвается, чтобы Кельты были способны ихъ производить и указываетъ на признаки ихъ этрусскаго проис ожденія, и наконецъ переходитъ къ хронологическому ихъ разсмотрѣнію. Съ особою подробностію говоритъ о фибулахъ и ихъ формахъ.

Въ пятой главѣ г. Садовскій говоритъ о вліяніи Этруссковъ на керамику на этихъ путяхъ и римскихъ монетахъ, какъ свидѣтеляхъ древнихъ торговыхъ путей.

Наконецъ въ шестой главѣ авторъ говоритъ о торговлѣ Венетовъ и, въ заключеніе, указываетъ на слѣды торговли Финикіянъ въ названныхъ странахъ. Онъ прочелъ свое изслѣдованіе передъ археологическою коммиссіею Краковской Академіи Наукъ въ 1875 году, и оно было награждено преміею.

Переводчикъ этого сочиненія на нѣмецкій языкъ, г. Альбинъ Конъ, знакомъ не только съ польскимъ, но и русскимъ языкомъ. Нѣмецкая публика обязана ему переводомъ путешествія г. Пржевальскаго по Монголіи. Переводу сочиненія г. Садовскаго онъ предпослалъ обширное введеніе, въ которомъ изложилъ свой взглядъ на характеръ и цѣли этой доисторической торговли. Оригинальность этого взгляда вытекаетъ изъ слѣдующаго факта въ жизни самого переводчика, который мы передаемъ его же словами. Стр. XLIII: «Я самъ, подобно многимъ моимъ товарищамъ, лишеннымъ средствъ и сосланнымъ въ Сибирь [1]), былъ принужденъ доставать себѣ трудомъ средства, необходимыя для существованія. Такъ какъ физически я не былъ способенъ для работы въ красильномъ заведеніи и сукно-валяльной фабрикѣ, гдѣ я нашелъ себѣ занятіе на нѣсколько мѣсяцевъ, то, вслѣдствіе сбереженія около тридцати рублей серебромъ, я вознамѣрился послѣдовать примѣру другихъ и начать торговлю ходебщикомъ. Я

[1]) Г. Конъ былъ сосланъ въ Сибирь за участіе въ польскомъ возстаніи 1863 года, помилованъ въ 1868 году, какъ иностранецъ, и черезъ годъ возвращенъ на родину.

вскорѣ исполнилъ это рѣшеніе и ѣздилъ изъ деревни въ деревню по Большой Элати (близъ Иркутска). Я мѣнялъ мой товаръ на муку, овесъ, горохъ, табакъ и т. д.; привозилъ эти товары въ Иркутскъ и продавалъ тамъ по хорошей цѣнѣ. На полученныя деньги я пріобрѣталъ новый товаръ (соленую рыбу, сальныя свѣчи, мыло, нитки, чай и сахаръ, наперстки, иглы, мѣдныя кольца, стеклянныя бусы, ленты и т. д.). Хотя въ то время я еще не вполнѣ владѣлъ русскимъ языкомъ, но все-таки хорошо сходился съ моими покупателями. Гдѣ не доставало словъ, тамъ приходила на помощь всѣмъ понятная мимика.

Совершенно такимъ же образомъ торговалъ я съ Бурятами въ Архирейскѣ, а они едва стоятъ на высшей степени образованности, чѣмъ доисторическіе жители сѣверной и средней Европы во времена этрусской торговли янтаремъ. Я ѣздилъ изъ деревни въ деревню и, покинувъ село, представлялъ выборъ пути выбору моей лошади. Эта увѣренность въ инстинктъ обонянія моей лошади никогда не обманывала меня во все продолженіе моей ходебческой карьеры въ Сибири. Моя лошадь всегда благополучно приводила меня къ ближайшей цѣли путешествія.

Я не могу также жаловаться на грубость и хищность варваровъ. Я не могъ у нихъ предполагать и искать салонныхъ манеръ. Я не пріѣхалъ къ нимъ также для общества. Вообще, я бралъ ихъ какъ они были на самомъ дѣлѣ, а не какими мнѣ желалось ихъ видѣть: вотъ отчего меня не поражали ихъ грубыя и суровыя манеры, которыя вообще меня не тяготили. Я долженъ, правда, сказать, что многіе старались меня перехитрить въ торговлѣ: моимъ дѣломъ было защититься отъ обмана. Никто изъ этихъ варваровъ не помышлялъ о кражѣ или разбоѣ. Въ теченіи довольно продолжительнаго времени, когда я занимался моею торговлею, я пришелъ къ убѣжденію, не очень лестному для цивилизованныхъ народовъ Европы, что у послѣднихъ чувствуешь себя въ меньшей безопасности, чѣмъ у варваровъ сѣверной Азіи. Къ этому убѣжденію пришли и другіе ссыльные, торговавшіе подобно мнѣ въ большой Бурятской степи въ Балаганскѣ, съ Бурятами въ Охотскѣ, съ Тунгусами въ Верхоленскѣ, Устькутѣ и Киренскѣ, и съ Уйгурскими Татарами въ Минусинскѣ. Никто не жаловался на недостатокъ честности и гостепріимства у этихъ варваровъ.

«Я счелъ необходимымъ разсказать этотъ эпизодъ изъ моей жизни, чтобы ослабить или противодѣйствовать одному изъ аргументовъ прямыхъ торговыхъ сношеній Италійцевъ съ обитателями береговъ Балтійскаго моря».

Съ этими нынѣшними варварами сѣверной Азіи г. Конъ сравниваетъ обитателей сѣверной Европы въ доисторическую эпоху. Торговля ихъ именно совершенно схожа. За приносимый имъ италійскими народами товаръ (бронзовыя фибулы, кольца, браслеты и т. д.) они мѣняли янтарь. Передаемъ въ сокращеніи любопытное введеніе г. Кона.

«Торговля всегда приводила въ соприкосновеніе народы и содѣйствовала обмѣну различныхъ продуктовъ промышленности. Уже въ ту отдаленную эпоху, когда сѣверный олень жилъ во Франціи, торговля, соотвѣтственно потребностямъ времени, была очень развита; иначе жители Франціи не были бы снабжаемы горными кристаллами, раковинами изъ Атлантическаго Океана и рогами сайги, жившей въ Польшѣ. Предметы эти служатъ неоспоримымъ доказательствомъ, что изъ дальнѣйшихъ странъ торговля доставляла этотъ желанный товаръ. Какая это была торговля—вопросъ неважный, мѣновая ли, или по нашимъ понятіямъ. Если мы сравнимъ предметы, находимые въ эпоху сѣвернаго оленя во Франціи, съ позднѣйшими, найденными въ земляхъ, орошаемыхъ Вислою и Одеромъ, то прійдемъ къ простому заключенію, что какъ раковины, горный кристаллъ и рога сайги, такъ и бронзовыя фибулы и другіе бронзовые предметы вовсе не принадлежатъ къ необходимымъ потребностямъ жизни. Напротивъ, торговля состояла исключительно изъ предметовъ роскоши, каковы: фибулы, браслеты, монисты и т. д. Сравнительно небольшой пакетъ значительной цѣны можно было доставить въ отдаленную мѣстность. Напротивъ, предметы, удовлетворяющіе существеннымъ потребностямъ жизни всегда очень объемисты, а представляютъ малую цѣнность. Объемъ ихъ дѣлалъ почти невозможнымъ перевозку ихъ по естественнымъ путямъ древности, а малая цѣнность ихъ была непривлекательна для купца. За предметами роскоши началась уже за тѣмъ торговля домашними сосудами, какъ напр. ведрами и тому подобными вещами. Грубый житель Сѣвера, жившій всегда близъ рѣкъ, ручьевъ и озеръ, приготовлялъ ихъ себѣ первоначально изъ дерева или коры.

Постепенно во внутренность Европы начали проникать и продукты индустріи. Сѣверные варвары познакомились съ новыми, имъ неизвѣстными потребностями, и торговля снабжала ихъ предметами, которые удовлетворяли этимъ потребностямъ. Въ замѣнъ, купцы въ тѣ времена привозили съ Сѣвера весьма важные сырые матеріалы: изъ Британніи водою столь нужное для изготовленія бронзы олово, а съ береговъ Балтійскаго моря—драгоцѣнный янтарь.

Все указываетъ, что торговлею занимались сперва люди цехообразно. Купцы и ходебщики образовали цехъ, въ которомъ сохра-

нялись въ величайшей тайнѣ мѣста, гдѣ сбывались и откуда привозились товары. За купцами слѣдовала цивилизація. Съ товарами привозились новыя открытія, обычаи и нравы. Варвара плѣняли и привлекали блестящія украшенія, фибулы, иглы, браслеты и кольца, и за нихъ онъ отдавалъ охотно естественныя сокровища страны. Онъ презиралъ, подобно нынѣшнему сѣверному азіатцу, полезное, и какъ дитя, хватался за блестящія игрушки и украшенія, привозимыя чужеземнымъ купцомъ. Вѣрность этихъ положеній доказываютъ древнѣйшія гробницы, въ которыхъ находимъ камень и бронзу. Въ нихъ лежатъ оружіе и необходимые предметы домашняго хозяйства изъ камня и рядомъ—украшенія изъ бронзы. Съ радостію отдавалъ варваръ за послѣдніе кусокъ большой свинца или янтарь.

Безъ сомнѣнія, только очень постепенно человѣкъ научился цѣнить и употреблять орудія и домашнюю утварь изъ бронзы; поэтому гораздо позже онъ началъ стараться пріобрѣтать ихъ у чужестраннаго купца. Навѣрно, этому новѣйшему періоду принадлежатъ плавильныя печи, въ тѣхъ странахъ, гдѣ нѣтъ руды, напр. въ низменностяхъ Эльбы. Разломанные и попорченные предметы нужно было переливать, и это исполняли долгое время странствующіе литейщики бронзы. Французскій археологъ Шантръ называетъ послѣднихъ «marchands-fondeurs», а печи—«fonderie de refonte». Они приходили изъ странъ, откуда произошли испорченныя вещи. Быть можетъ, съ теченіемъ времени эти люди сдѣлались учителями металлургіи туземцевъ. Только такимъ образомъ можно объяснить происхожденіе мѣстной металлической индустріи, зависящей отъ географическаго распространенія мѣди и олова.

Однимъ изъ самыхъ дорогихъ предметовъ роскоши древняго цивилизированнаго міра былъ янтарь. Уже древнѣйшіе письменные документы, дошедшіе до насъ, упоминаютъ о немъ, какъ о предметѣ, чрезвычайно искомомъ. Цѣны, которыя за него платили, могли заставить купцовъ предпринять дальнія путешествія. Быть можетъ, къ Балтійскому морю за нимъ ѣздили уже Финикіяне. Позднѣйшія сношенія Этрусковъ, Грековъ и Римлянъ принадлежатъ уже историческимъ временамъ. То, чѣмъ было олово для Испаніи, Галліи и Британіи, тѣмъ сдѣлался янтарь для обитателей береговъ Сѣвернаго моря и преимущественно Балтійскаго моря. Уже, вѣроятно, въ очень раннюю эпоху онъ достигъ береговъ Средиземнаго моря. Въ началѣ онъ шелъ отъ орды къ ордѣ, по теченію рѣкъ. Рѣки суть первые указатели путей къ неизвѣстнымъ народамъ и въ новыя неизвѣстныя страны. Г. Садовскій съ систематическою точностію опредѣляетъ пути къ Балтійскому морю. На извѣстныхъ мѣстахъ устроивались родъ

ярмарокъ, на которыхъ земледѣльцы и окружные рыбаки запасались чудными товарами, привезенными чужестранными купцами.

Вотъ какимъ образомъ изслѣдуетъ направленіе торговыхъ путей г. Садовскій. Прежде всего онъ разсматриваетъ физіографическое состояніе страны между Одеромъ, Днѣпромъ и Нѣманомъ въ историческія времена, и уже отсюда выводитъ заключеніе о доисторических. Съ этою цѣлью онъ отыскиваетъ въ старинныхъ польскихъ архивахъ опредѣленія земскихъ собраній древнѣйшей эпохи, изучаетъ движеніе армій, съ Сѣвера вторгавшихся въ Польшу, и польскихъ, шедшихъ противъ вторгнувшагося врага, и такимъ образомъ дозволяетъ читателю исключить всѣ дороги новѣйшаго происхожденія. Остаются немногіе пути, по которымъ могъ идти ходебщикъ, пришедшій съ юга: это-то и суть торговые пути древности. За тѣмъ на нихъ отыскиваетъ онъ этапы, гдѣ происходили ярмарки, по указаніямъ Птоломея. Найденныя тамъ бронзовыя древности онъ не признаетъ кельтійскими, галло-римскими, германскими и т. д., и приписываетъ имъ этрусское происхожденіе. Долгое время, по національному тщеславію, фабрикацію значительной массы бронзовыхъ вещей, находимыхъ въ различныхъстранахъ Европы, приписывали то Кельтамъ, то древнимъ Гельветамъ, Германцамъ и Вендамъ и многимъ другимъ народамъ, истинное имя которыхъ едва извѣстно въ исторіи. Утверждали, въ видѣ доказательства, что съ далекаго юга невозможно привести такую массу бронзовыхъ предметовъ. Правда, многіе изъ нихъ суть искусное подражаніе, сдѣланное въ той странѣ, гдѣ они найдены; но масса, въ теченіе многихъ столѣтій, была привезена изъ Италіи. Въ древнѣйшихъ Италійскихъ гробницахъ были найдены: кельты, пальстафы, браслеты, кольца и другіе совершенно однородные съ такъ называемыми кельтскими бронзами предметы. Плиній старшій (34, 7, 16) говоритъ: Signa Tuscanica per terras dispersa, quae in Etruria factitata non esse dubium. Техническое совершенство бронзовыхъ орудій доказываетъ, что они были изготовлены стальными инструментами. Въ ту эпоху, о которой мы говоримъ, обитатели сѣверной Европы еще не знали стали и не могли изготовить сами бронзовые предметы, а только получить ихъ изъ болѣе цивилизированнаго юга.

Нынѣ не подлежитъ сомнѣнію, что раздѣленіе доисторическаго времени европейскихъ народовъ на три вѣка: каменный, бронзовый и желѣзный, крайне шатко и ошибочно. Не говоря уже о свидѣтельствѣ Цезаря, изъ котораго явствуетъ, что Галлы и Германцы въ его времена уже давно знакомы были съ желѣзомъ, въ новѣйшее время въ Польшѣ и Россіи сдѣланы были находки, ясно доказывающія, что въ этихъ странахъ каменныя и желѣзныя орудія одновременно были

въ употребленiи. Здѣсь не было того раздѣленiя времени, что одни были употребляемы, другiе—неизвѣстны. Въ названныхъ странахъ были открыты гробницы, въ которыхъ не было слѣда бронзы, но каменныя орудiя и грубые желѣзные предметы; съ другой стороны, найдены были гробницы, обнаружившiя каменные и бронзовые предметы или бронзовые и желѣзные. Но всѣ желѣзныя вещи носятъ на себѣ такую печать первобытности, что никакъ нельзя принять, чтобы эти народы владѣли бóльшимъ техническимъ совершенствомъ для бронзовыхъ предметовъ. Это тѣмъ менѣе вѣроятно, что въ гораздо позднѣйшiя, историческiя времена кованiе находилось въ этихъ странахъ на очень первобытной ступени и производило грубую работу. Если бы кто захотѣлъ приписать этимъ первобытнымъ жителямъ изящныя бронзовыя вещи, то спрашивается: гдѣ во времена по Р. Х. пробы высокой техники дохристiанскихъ временъ? Чтò повредило столь высоко стоявшему искусству, что оно пошло назадъ и создавало только грубые предметы? Отчего люди, умѣвшiе столь мастерски лить бронзу и чеканить ее, владѣвшiе столь характеристическою орнаментировкою, умѣли обработывать желѣзо только въ самыхъ простыхъ формахъ, безъ орнаментовъ? Большое переселенiе народовъ въ V вѣкѣ не можетъ объяснить упадокъ столь высоко развитаго искусства.

Совершенно другой вопросъ состоитъ въ томъ, всѣ ли бронзовые предметы, найденные въ странахъ, гдѣ они не произведены, доставлены туда прямою торговлею съ производителями и ихъ факторами, или они прибыли туда непрямымъ путемъ? Не шли ли они отъ одного округа къ другому, отъ одного населенiя къ другому, отъ одного народа къ другому? Въ пользу послѣдняго предположенiя говоритъ то обстоятельство, что Италiйцы, привыкшiе къ удобствамъ жизни, представляемымъ высокою цивилизацiею и имѣвшiе въ отечествѣ отличныя дороги, выработанную систему транспорта, едва ли могли отважиться пуститься въ такiя степныя страны, гдѣ нельзя было думать не только объ экипажѣ, но даже и объ употребленiи лошади, лошака или осла. Путешественникъ принужденъ былъ тамъ нести свой товаръ на своей спинѣ или своихъ рабовъ, и всѣ прiобрѣтенные на него предметы. Если прибавить, что южанинъ былъ незнакомъ съ языками сѣверныхъ варваровъ и поэтому не понималъ ихъ, то получимъ сумму затрудненiй, говорящихъ въ пользу непрямыхъ торговыхъ сообщенiй. Съ другой стороны, есть рядъ доказательствъ въ пользу прямыхъ сообщенiй между Италiйцами и сѣверными народами. Описанiя сѣверныхъ странъ, встрѣчаемыя у Плинiя, Птоломея и др., были имъ сообщены лицами, собственными глазами видѣвшими эти страны. Преданiя о прямой торговлѣ съ сѣверомъ еще не исчезли во времена

Нерона. Но въ особенности въ пользу прямыхъ торговыхъ сношеній говоритъ нахожденіе предметовъ, указывающихъ, что варвары допускали въ своей странѣ погребеніе и погребальныя церемоніи по этрусскому обычаю. Сюда принадлежатъ: урны въ формѣ хижины, довольно рѣдкія, лицевыя урны, находимыя на торговыхъ путяхъ, римскія маски, жертвенныя колесницы, ножи и т. д. Эти предметы ясно доказываютъ, что чужестранцы не только шли съ юга на сѣверъ, но и варвары имъ не мѣшали совершать погребеніе по обрядамъ роднаго культа. И въ этомъ отношеніи они были толерантны. А гдѣ дозволялось хоронить иноземца по чужому обряду, тамъ его жизнь и имущество были безопасны. Гостепріимство всегда было характеристическою чертою нравовъ варваровъ умѣреннаго пояса Европы и Азіи.

Въ заключеніе—нѣсколько замѣчаній о времени, когда окончилась торговля янтаремъ, или италійская торговля. Обыкновенно, причину упадка или даже совершеннаго прекращенія ея приписываютъ великому переселенію народовъ. Не стану спорить, это событіе имѣло вліяніе на мирныя сношенія жителей Италіи и сѣверной Европы, въ особенности съ жителями береговъ Балтійскаго моря. Но это не была единственная причина прекращенія этой торговли. Сильная мода если не нанесла смертный ударъ торговлѣ янтаремъ, то сильно повредила ей и отклонила отъ Италіи. Во время Плинія (37, 3. II. 5. 44) эта классическая земля такъ была переполнена янтаремъ, что жены поселянъ носили громадныя нитки янтаря вмѣсто бронзовыхъ ожерелій. Еще въ XVII вѣкѣ близь Анконы найдены были гробницы, въ которыхъ лежали скелеты, которыхъ шея украшена была кусками янтаря, величиною съ птичье яйцо. Янтаря было найдено такое количество, что можно было имъ наполнить четверикъ. Такое же множество янтаря найдено было и въ некрополисѣ Галльштата. Повредило торговлѣ янтаремъ также то обстоятельство, что мѣновая торговля перешла въ денежную. Монеты, получаемыя за янтарь, не находили сбыта у варвара, а купецъ не находилъ въ малоцѣнномъ товарѣ вознагражденія за труды и тяжести своего путешествія. Италійскому купцу не нужны были мѣха, потому что въ Италіи они не находили употребленія. Къ этому нужно присоединить, что въ Римѣ происходили безпрерывныя перемѣны престола, которыя повели къ измѣненіямъ въ чеканѣ денегъ. Торговля пріобрѣла себѣ новые пути»...

ПРОТОКОЛЫ

ЗАСѢДАНІЙ

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

№ 112. 1875 года декабря 23 дня. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, барона Ѳ. А. Бюлера, И. И. Гавельки, К. К. Гёрца, Л. В. Даля, Д. И. Иловайскаго, И. Д. Мансветова, А. А. Мартынова, Н. П. Розанова, графа М. В. Толстаго и секретаря Общества В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Секретарь доложилъ о поступленіи слѣдующихъ приношеній:

А) книгами.

а) Отъ Казанскаго Статистическаго Комитета: 1) Адресъ-календарь Казанской губ. Казань, 1875. 2) Естественное приращеніе сельскаго населенія Казанской губ. Составилъ Н. Н. Вечеславъ. Томъ I. Казань, 1875 г.

б) — Императорской Археологической Коммиссіи: изданный ею «Отчетъ за 1872 годъ», съ атласомъ.

в) — Чл. корресп. А. Н. Неустроева: «Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 г.» Составилъ Неустроевъ. С. Петербургъ, 1875 г.

г) — Министерства Народнаго Просвѣщенія: «Журналъ» за декабрь 1875 г. С.-Петербургъ, 1875 г.

д) — Краковской Академіи: 1) Starodawne prawa Polskiego pomniki. Tom III. 2) Dawne prawo prywatne polskie. Tom I. A. Z. Helcla. 3) Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń. Томы 1 (въ 2 частяхъ), 2 и 3. 4) Bibliografia Polska XV—XVI stolecia, K. Estreichera. 5) Scriptores rerum Polonicarum 2 тома. 6) Rocznik zarządu Akademii Umiejętności w Krakowie. 2 тома.

7) Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia, томъ I. 8) Pamiętnik Akademii Umiejętności w Krakowie, 2 тома.

е) — Императорскаго Казанскаго Университета: «Извѣстія и ученыя записки» (сентябрь—октябрь), № 5. Казань, 1875.

ж) — Императорскаго Харьковскаго Университета: «Записки» 1875 г., томъ I. Харьковъ, 1875.

з) — Императорскаго Новороссійскаго Университета: «Записки» томъ XVI. Одесса, 1875.

и) Чл. кор. А. А. Хованскаго: Филологическія записки, выпускъ V. Воронежъ, 1875.

б) вещами.

а) Отъ д. чл. А. И. Хлудова деревянный брачный вѣнецъ съ изображеніемъ Знаменія Богородицы (женскій), времени царя Михаила Өеодоровича, принадлежавшій одной изъ церквей села Лыскова Нижегородской губ.

б) — д. чл. архимандрита Амфилохія: три римскія монеты, доставленныя изъ Свіяжска.

Общество постановило благодарить жертвователей за доставленныя ими книги и вещи.

3. Секретарь изложилъ содержаніе записки, присланной чл. корр., священникомъ Свирѣлинымъ, о двухъ рукописныхъ евангеліяхъ, найденныхъ имъ въ ризницѣ Переславскаго Данилова монастыря. Одно изъ нихъ, по словамъ д. чл. графа М. В. Толстаго, писано на пергаментѣ и, по письму, ранѣе XVI вѣка; другое—на бумагѣ и относится къ началу XVI вѣка. Въ послѣднемъ находятся рисованныя красками заставицы и украшенія, снимки съ которыхъ приложены къ запискѣ о. Свирѣлина.

Общество постановило благодарить чл. корресп. Свирѣлина за доставленную статью и передать ее въ редакціонный комитетъ.

4. Предсѣдатель графъ Ал. Серг. Уваровъ заявилъ о тяжелой утратѣ, которую недавно понесли русская историческая наука и наше Общество съ кончиною д. чл. М. П. Погодина. Ученую дѣятельность покойнаго, по замѣчанію г. предсѣдателя, навѣрно почтитъ Московское Общество Исторіи и Древностей, въ которомъ онъ былъ предсѣдателемъ до самаго дня своей кончины, а Московское Археологическое Общество, съ своей стороны, не забудетъ того живаго участія, которое онъ принималъ въ его дѣятельности

5. Г. предсѣдатель обратилъ вниманіе собранія на доставленную въ Общество дубовую сваю, вполнѣ сохранившуюся, которая отрыта при раскопкѣ канала для фундамента новаго Историческаго Музея въ землѣ, между Воскресенскими воротами и Кремлевскою стѣною, на томъ мѣстѣ, гдѣ находилась нѣкогда стѣна Китай-города.

6. Чл. корр. В. Θ. Миллеръ прочиталъ свое изслѣдованіе о Лютомъ звѣрѣ, упоминаемомъ въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ.

7. Д. чл. К. К. Гёрцъ сообщилъ изъ своего «Историческаго обзора археологическихъ изслѣдованій на Таманскомъ полуостровѣ», печатающагося въ VI томѣ «Трудовъ» Общества, очеркъ археологической дѣятельности покойнаго графа Л. А. Перовскаго, и о результатахъ этой дѣятельности для науки.

8. Предложены къ избранію въ дѣйствительные члены графомъ А. С. Уваровымъ и В. Е. Румянцовымъ:

а) членъ корресп. В. Ѳ. Миллеръ.

б) Н. Н. Поповъ (въ Иркутскѣ).

№ 113. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ экстренномъ засѣданіи баллотированы и избраны въ дѣйствительные члены:

а) архимандритъ Воскресенскаго монастыря Леонидъ.

б) Дмитрій Николаевичъ Анучинъ.

№ 114. 3 января 1876 года. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества въ память графа Н. П. Румянцова, происходившее подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, Е. В. Барсова, барона Ѳ. А. Бюлера, А. Н. Веселовскаго, И. И. Гавельки, А. А. Гатцука, К. К. Гёрца, И. Е. Забѣлина, А. А. Котляревскаго, И. Д. Мансветова, В. Ѳ. Миллера, Н. П. Розанова, графа М. В. Толстаго и секретаря Общества В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2. Секретарь доложилъ о поступленіи въ Общество слѣдующихъ приношеній:

а) книгами

Отъ Матицы Моравской: Časopis Matice Moravské, ročnik sestý, 1874. V Brnê 1874.

— Матицы Сербской: Летопис Матице серпске, 1874. Уредник Іованъ Бошковић. У Новом Саду. 1875.

— д. члена архимандрита Амфилохія: A survey of the cities of London and Westminster. The second volume. London. DCCXX.

б) рукописями:

Отъ д. члена архимандрита Амфилохія—отрывки древнихъ латинскихъ рукописей на пергаментѣ.

Отъ чл. кор. Р. Г. Игнатьева прислана статья для Археологическаго словаря: «Четыре городища».

Опредѣлено: жертвователей благодарить, а статью Р. Г. Игнатьева «Четыре городища» передать въ редакціонный комитетъ.

3. Д. членъ Е. В. Барсовъ сказалъ рѣчь о заслугахъ графа Н. П. Румянцова для русской историко-археологической науки. «Время Румянцова, по словамъ Е. В. Барсова, еще при его жизни названо было «эпохой румянцевской». Непродолжительно было это время, но въ немъ является передъ нами шествіе цѣлой дружины людей науки, не смущаемое учеными самолюбіями, не оскорбляемое грубыми матеріальными интересами и какъ будто связанное братскимъ крестнымъ цѣлованіемъ. Во главѣ этой дружины стоитъ графъ Румянцовъ, высоко держа знамя науки, какъ предводитель, какъ двигатель, покровитель и этой науки, и этой дружины. Велика была слава отца его, Румянцова-Задунайскаго; но не по сердцу сына была эта кровавая слава: non solum armis—вотъ что было девизомъ покойнаго канцлера. Не оружіе, а любовь къ наукамъ создала ему безсмертную славу». Разсказавъ кратко біографію графа Н. П. Румянцова, г. Барсовъ перешелъ къ разъясненію того, когда и какъ развилась въ немъ страсть къ русскимъ древностямъ. Какъ образованный человѣкъ XVIII вѣка, онъ вначалѣ интересовался главнымъ образомъ европейскою литературой; любовь къ русской исторіи и археологіи развилась въ немъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, о чемъ неоднократно онъ сожалѣлъ въ своихъ письмахъ къ друзьямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что событія 1812 года, какъ всегда бываетъ при подобныхъ обстоятельствахъ, обратили вниманіе просвѣщенныхъ людей на исторію и преданія своей земли; но страсть графа Румянцова къ русскимъ древностямъ г. Барсовъ поставляетъ главнымъ образомъ въ связь съ школой исторіографа Миллера. Екатерина II оказала незабвенную услугу русской археологіи именно тѣмъ, что опредѣлила Миллера въ Московскій архивъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, поручивъ ему составитъ собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, по образцу собранія Дюмонбра. Миллеръ, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, не могъ исполнить этого порученія, но онъ успѣлъ приготовить учениковъ, которые работали неустанно надъ исторіей русской дипломатики и одинъ за другимъ посылали многотомные труды въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ. Тамъ не обращали на нихъ должнаго вниманія. Но вотъ на постъ государственнаго канцлера является графъ Румянцовъ и сосредоточиваетъ на нихъ полное свое вниманіе; не удивительно послѣ того, что въ 1809 году онъ могъ поразить Наполеона своими историко-дипломатическими знаніями. Принявъ къ сердцу мысль Екатерины, графъ вошелъ въ дружескую переписку объ изданіи грамотъ съ тогдашнимъ начальникомъ Архива Бантышемъ-Каменскимъ, который высказалъ самое горячее сочувствіе къ его начинаніямъ. И вотъ изъ этого-то предпріятія, изъ этой именно идеи и развивается вся дальнѣйшая историко-археологическая дѣятельность графа Румянцова.

Издается знаменитое «Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ». Любопытно видѣть отношеніе Румянцова къ этому изданію: государственный канцлеръ является здѣсь самымъ тщательнымъ корректоромъ. Успѣхи, вѣнчавшіе это предпріятіе, разжигали въ немъ любовь къ русской исторіи и древностямъ. «Чувствую», писалъ онъ къ Малиновскому послѣ выхода II тома этого изданія, «что страсть къ древностямъ въ моихъ преклонныхъ

лѣтахъ всѣ прочія страсти замѣняетъ: къ счастію обаяніе ея не очень опасно». Отъ Архива онъ направляетъ свои розысканія къ московскимъ монастырямъ, и экспедиція эта дѣлаетъ неожиданныя открытія: — отыскивается «Сборникъ Святославовъ» XI-го вѣка, «Софійскій Временникъ», «Слово когану Владиміру» и многое другое. Сдѣлана первая ученая опись монастырскимъ книгохранилищамъ и сохранены для насъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о тогдашнемъ состояніи монастырскихъ архивовъ. Старецъ Румянцовъ не довольствуется и этимъ: онъ самъ предпринимаетъ путешествіе по монастырямъ, городищамъ, ѣздитъ на нижегородскую и гомельскую ярмарки и вездѣ покупаетъ старопечатныя книги, рукописи, монеты, кресты и т. п. Любопытно прослѣдить за его путешествіемъ въ сопровожденіи Калайдовича до Ржева-Владимірова.

Историко-археологическій интересъ Румянцова все болѣе и болѣе расширяется. Отъ мелкихъ предметовъ онъ постепенно возвышается до общихъ историческихъ вопросовъ «о Варяго-Руссахъ и о Татарахъ», «о Славянахъ, древнѣйшихъ обитателяхъ Россіи». Розысканія его простираются за предѣлы Россіи; на его средства обозрѣваются всѣ европейскія библіотеки, и изъ нихъ извлекается то, что̀ относится къ русской исторіи и археологіи. «Какой рой вьется надо мной!» пишетъ онъ митрополиту Евгенію. «Уже нѣсколько лѣтъ я домогаюсь того, чтобъ отыскивали въ Гентѣ, Брюлѣ, Дортрехтѣ, Иперегсѣ и Гронингѣ бумаги, относящіяся къ древнимъ торговымъ сношеніямъ этихъ городовъ съ Россіею». Не укрылась отъ вниманія графа даже одна гимназія небольшаго шведскаго города, въ которой оказались русскія книги и рукописи. Появилось въ печати множество трудовъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ, немало готовилось и другихъ; основался наконецъ цѣлый «Румянцевскій Музей». Любопытно слѣдить за движеніемъ души графа въ этихъ всемірныхъ его розысканіяхъ, за его учеными радостями и гореваніями.....

Затѣмъ г. Барсовъ перешелъ къ характеристикѣ самаго меценатства графа Румянцова и назвалъ это меценатство «царственнымъ». Воспитанный подъ воздѣйствіемъ философскихъ идей XVIII-го вѣка, Румянцовъ рано научился покланяться разуму и питать уваженіе къ людямъ мыслящимъ. Образомъ для его меценатства служили короли и вельможи Франціи. Подобно имъ предоставляя все авторамъ, онъ довольствовался только изображеніемъ своего герба на изданіяхъ ихъ сочиненій. Проникаясь одинаково съ ними вѣрой въ судьбу науки и святость служенія ей, онъ не только умѣлъ цѣнить труды ученыхъ, но и помогать имъ, вознаграждать, поощрять, поддерживать, дарить и вмѣстѣ щадить права̀ ученаго самолюбія, самаго благороднаго, самаго чистаго изъ всѣхъ человѣческихъ самолюбій. Онъ самъ завязывалъ сношенія съ ними и передъ всѣми гордился ихъ знакомствомъ. Не только матеріальною помощью, но и всѣмъ нравственнымъ содѣйствіемъ спѣшилъ онъ на помощь трудамъ ихъ; не допускалъ даже мысли, чтобы кто нибудь, по его начинанію, могъ работать безъ должнаго вознагражденія: это оскорбляло бы царственный характеръ его меценатства. Отъ него часто слышалось слово подкрѣпленія, поощренія въ неослабныхъ

трудахъ, которое иногда бывало дороже самаго матеріальнаго вознагражденія. Первое привѣтствіе, первое сочувственное слово съ выходомъ той или другой книги шло отъ того же государственнаго канцлера. Онъ долгомъ своимъ считалъ поддерживать тружениковъ науки и тогда, когда они впадали въ немилость своего начальства. Умѣлъ онъ и дарить ихъ—съ тактомъ просвѣщенной деликатности: одному посылаетъ бархатную рясу, другаго награждаетъ деньгами, третьяго возводитъ въ высокіе чины и т. п. Изъ его переписки видно также, какъ онъ всегда опасался, чтобы кого нибудь не огорчить и чтобы кто нибудь на него не обидѣлся. Заботы его не ограничивались настоящимъ, но простирались и на будущее: онъ разыскивалъ молодыхъ людей, которые предались бы интересамъ науки, и готовъ былъ обезпечить ихъ матеріальное положеніе изъ собственныхъ средствъ.

Любовь мецената, любовь высокая и глубокая, трепетавшая пыломъ молодаго сердца, сказывается въ его дружинѣ. Вотъ Калайдовичъ въ 1812 году, въ чинѣ подпоручика, среди пустыхъ вечеровъ армейскихъ офицеровъ. Самые ужасы войны не мучили его такъ, какъ эти вечера. «Человѣка не имамъ!» взывалъ онъ оттуда къ московскимъ друзьямъ своимъ: «а здѣсь можно ли жить съ этими людьми, можно ли быть къ нимъ привязану? Когда-то наконецъ любовь къ наукамъ соберетъ разсѣянныхъ любимцевъ своихъ!» Или вотъ директоръ перезываетъ на казенную службу Востокова, обольщая его всѣми выгодами этой службы: но Востоковъ благодушно отрекается отъ этихъ выгодъ и предпочитаетъ заниматься описаніемъ Румянцовскихъ рукописей. Ученая переписка этой дружины говоритъ намъ, какая братская помощь другъ другу царила среди нея. Центромъ всего этого историко-археологическаго движенія былъ Московскій Архивъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Даже «Исторія Государства Россійскаго» прошла цензуру этого архива.

Въ заключеніе г. Барсовъ протестовалъ противъ мнѣнія нѣмецкаго ученаго Бернгарди о графѣ Румянцовѣ, высказаннаго въ его книгѣ «Исторія Россіи», изданной въ 1875 году. Г. Бернгарди говоритъ о графѣ какъ о пустомъ царедворцѣ, который мало, или даже ничего не значилъ въ глазахъ Государя. Это мнѣніе, говоритъ г. Барсовъ, съ одной стороны показываетъ намъ, насколько мы должны довѣрять иностранцамъ въ ихъ отзывахъ о русскихъ знаменитостяхъ, а съ другой—заставляетъ насъ желать, чтобы какъ можно больше было на Руси подобныхъ «пустыхъ царедворцевъ».

4. Д. членъ А. А. Котляревскій сдѣлалъ обзоръ новаго труда В. В. Стасова о фрескахъ катакомбы, открытой въ Керчи въ 1872 году.

5. Предсѣдатель графъ А. С. Уваровъ сообщилъ начало своего изслѣдованія «О мегалитическихъ памятникахъ въ Россіи».

№ 115. 1876 года 19 февраля. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа

А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: А. А. Авдѣева, архимандрита Амфилохія, Д. Н. Анучина, Е. В. Барсова, барона Ө. А. Бюлера, А. Н. Веселовскаго, К. К. Гёрца, Л. В. Даля, Д. И. Иловайскаго, В. О. Ключевскаго, Н. Д. Мансветова, А. А. Мартынова, Н. А. Мартынова, В. Ө. Миллера, Н. А. Попова, А. В. Рачинскаго, Н. И. Розанова и секретаря Общества В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2 Секретарь доложилъ о поступленіи въ Общество слѣдующихъ приношеній:

КНИГАМИ

Отъ Копенгагенскаго королевскаго Общества Сѣверныхъ Антикваровъ— его Mémoires. Копенгагенъ. 1866.

— Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: протоколъ его засѣданія на 25 октября 1875 года.

— Уфимскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: «Судъ надъ Бригадиромъ Аксаковымъ» и 7 брошюръ.

— Министерства Народнаго Просвѣщенія: «Журналъ» за январь и февраль 1876 г. С. Петербургъ, 1876 г.

— Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей: годовой отчетъ о его дѣятельности съ 14 ноября 1874 г. по 14 ноября 1875 года. Одесса, 1875.

— д. чл. В. Г. Тизенгаузена: Mélanges de numismatique orientale (premier article). Warsowie, 1874.

— Штокгольмскаго Королевскаго Общества Древностей: Svenska fornminnesföreningens. Tidskrift. №№ 1—6. Штокгольмъ, 1870—74

— д. чл архимандрита Леонида: а) Славяно-сербскія книгохранилища на святой Аѳонской горѣ. Москва, 1875. б) Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и его писанія. Москва, 1874.

— д чл. архимандрита Амфилохія—Описаніе Воскресенской Новоіерусалимской библіотеки, съ приложеніемъ снимковъ съ рукописей. Москва, 1875 г.

— д. чл. Н. А. Попова—Отчетъ о дѣятельности Славянскаго Благотворительнаго Комитета въ Москвѣ. 1875.

— Югославянской Академіи въ Загребѣ: а) Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti, knjiga XXXIII. U Zagrebu 1875. б) Starine, knjiga VII. U Zagrebu 1875.

— Краковской Академіи: а) Rocznik zarządu Akademii Umiejętności w Krakowie. Rok 1873—1874. W Krakowie, 1875. б) Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń. Томы: 1 (въ двухъ частяхъ). 2 и 3. W Krakowie, 1874.

— Института Оссолинскихъ во Львовѣ: а) Czasopism Naukowy—rok. 1829—32. We Lwowie 1829—32. б) Biblioteka Ossolińskich. 12 томовъ, Lwów, 1862—69. в) Biblioteka naukowego zakładu. We Lwowie, 1842—1848. г) System więzień poprawczych Irlandzkich. Lwów, 1870. д) O wsiach tak zwanych Wołoskich na połnocnym stoku Karpat. We Lwowie, 1848. е)

Biblia Królowéj Zofii przez Antoniego Małeckiego. We Lwowie, 1871. ж) Pamiętnik literacki—Dr. Ian Szlachtowski. Rok 1850. We Lwowie (№№ 1—29). з) Pan Soplica—2 тома W Dreznie, 1857. и) Dzieje panowania Michała Wiszniowieckiego—Salvandy. Lwów, 1849 i) Przewodnik wystawy starozytniczej Lwowskiej, Lwow, 1861. к) Kopia rękopismow własnorecznych Iana III. Lwow, 1833. л) O Rozmaitém nastepstwie na tron za dynastji Piastów, Lwow. 1833. м) Słownik języka polskiego przez Samuela Bogumiła Linde. 6 томовъ. Lwów, 1854—1861.

— члена кор. А. Хованскаго—Филологическія записки. Выпускъ VI. Воронежъ, 1875.

— Предсѣд. гр. А. С. Уварова «Антропологія и Университетъ». Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета профессоромъ Богдановымъ, 1876 г. 12 января. Москва, 1876.

Опредѣлено: выразить жертвователямъ признательность Общества:

3. Секретарь доложилъ слѣдующія бумаги, присланныя въ Общество;

а) Отъ директора Казанскаго Реальнаго Училища отношеніе, въ которомъ онъ проситъ Общество оказать пособіе вновь основанному училищу присылкой какихъ-либо своихъ изданій для училищной библіотеки.

Опредѣлено: выслать въ Казанское Реальное Училище «Труды перваго Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ».

б) — д. чл. К. Н. Тихонравова письмо, съ приложеніемъ сдѣланныхъ имъ снимковъ съ трехъ древнихъ надписей. Первыя двѣ надписи вырѣзаны вглубь на надгробныхъ плитахъ, находящихся въ притворѣ Вознесенской церкви бывшаго Александровскаго монастыря. Онѣ относятся къ XIII вѣку и значатся въ собраніи надписей К. Н. Тихонравова подъ №№ 2 и 3. Третья надпись вышита на покровѣ съ мощей Петра и Февроніи, находящихся въ Муромскомъ соборѣ, и значится въ томъ же собраніи подъ № 37, въ числѣ надписей XVI вѣка.

Къ письму приложены, сверхъ того, напечатанные г. Тихонравовымъ документы съ примѣчаніями, относящіеся къ одной изъ вышеозначенныхъ надгробныхъ надписей.

в) — полковаго адъютанта 1 уланскаго С.-Петербургскаго Е. В. Короля Баварскаго полка, Базилевскаго отношеніе, въ которомъ онъ проситъ Общество принять въ даръ присланную имъ въ октябрѣ минувшаго года церковную пелену съ изображеніемъ Архистратига Михаила и грузинскими надписями кругомъ.

Опредѣлено: выразить жертвователю благодарность Общества.

г) — Организаціоннаго комитета 3 международнаго съѣзда Оріенталистовъ въ С. Петербургѣ отношеніе, въ которомъ комитетъ проситъ Общество почтить съѣздъ дѣятельнымъ участіемъ въ его трудахъ.

Опредѣлено: избрать депутатомъ отъ Общества на предстоящій 3 съѣздъ Оріенталистовъ В. Ѳ. Миллера, изъявившаго на это свое согласіе, о чемъ и увѣдомить Организаціонный комитетъ.

д) — д. чл. Л. К. Ивановскаго письмо съ выраженіемъ благодарности за избраніе его въ дѣйствительные члены Общества.

е) — д. чл. барона Ѳ. А. Бюлера—письмо съ принесенiемъ въ даръ Обществу фотографiи съ портрета думнаго дьяка Микулина, бывшаго посланникомъ въ Англiи и Данiи. Изъ приложенныхъ при письмѣ документовъ и надписи на самомъ портретѣ видно, что этотъ портретъ писанъ за границею на деревѣ въ 1600 году, прiобрѣтенъ въ Лондонѣ въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтiя бывшимъ дотолѣ нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Генуѣ, Смирновымъ, и представленъ имъ государственному канцлеру графу Нессельроде, по распоряженiю котораго присланъ потомъ въ московскiй главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Опредѣлено: выразить д. чл. барону Ѳ. А. Бюлеру благодарность Общества.

4. Предсѣдатель графъ А. С. Уваровъ представилъ на разсмотрѣнiе собранiя: 1) двѣ принадлежащiя ему бронзовыя сѣкиры очень тщательной отдѣлки, съ украшенiями изъ орлинаго клюва наверху и звѣриной головы на тыльѣ, найденныя въ Пинѣжскомъ уѣздѣ Архангельской губернiи въ берегу рѣки Пинѣги; 2) кремневую стрѣлку, выпаханную въ Калужскомъ уѣздѣ близъ села Степановскаго, въ имѣнiи г. Тепляковой; сверхъ сего 3) присланныя въ даръ Обществу В. И Якунчиковымъ серебряныя серьги и шейную гривну, найденныя въ его имѣнiи близъ самаго Звенигорода, и 4) окаменѣлыя кости, отрытыя на южномъ берегу Севастопольской бухты и представленныя въ Общество отъ имени П. П. Вакье д. чл. А. А. Авдѣевымъ.

Опредѣлено: выразить жертвователямъ признательность Общества.

5. Д. чл. И. Д. Мансветовъ изложилъ содержанiе своего изслѣдованiя о слѣдахъ народнаго быта въ области древнерусскаго церковнаго обряда.

6. Д. чл. К. К. Гёрцъ передалъ изъ письма В. Г. Тизенгаузена о сдѣланныхъ въ прошедшемъ году послѣднихъ открытiяхъ въ Тамани, въ курганахъ, извѣстныхъ подъ названiемъ «Семи Братьевъ». Въ двухъ изъ нихъ В. Г. Тизенгаузену удалось найти нетронутыя гробницы, доставившiя огромное количество замѣчательныхъ вещей полугреческаго—полуварварскаго стиля, напоминающихъ древности, отрытыя въ Луговой могилѣ и Чертомлыкскомъ курганѣ, и вѣроятно относящихся также къ IV в. до Р. Х. Особенное разнообразiе представляютъ опять тисненныя золотыя пластинки, съ изображенiемъ быковъ, сфинксовъ, разныхъ звѣрей и птицъ, головъ мужскихъ и женскихъ, медузиныхъ, бараньихъ, бычачьихъ и т. п. При одномъ покойникѣ найдены два перстня: одинъ съ рѣзьбою на горномъ хрусталѣ, изображающiй дикую свинью, другой—съ рѣзьбою на золотѣ, представляющiй извѣстный типъ барса, накинувшагося на оленя При этомъ же оставѣ найдены двѣ очень изящныя золотыя застежки и остатки узорчатой ткани, коею обита была крышка деревяннаго саркофага. Чрезвычайно разнообразны также типы бронзовыхъ и желѣзныхъ удилъ и уздечныхъ украшенiй на коняхъ, которые схоронены почти въ каждомъ курганѣ. Найдено также нѣсколько сосудовъ—бронзовыхъ, расписныхъ и серебряныхъ, золотыя пластинки повидимому отъ колчана, копья, мечи, стрѣлы, серьги, браслеты, кольца, бусы и т. д. Въ самомъ большомъ кур-

ганѣ оказался каменный склепъ, но уже ограбленный. Очисткою его В. Г. Тизенгаузенъ предполагаетъ заняться въ будущемъ году; можетъ быть, въ немъ и уцѣлѣло что-нибудь. Затѣмъ есть еще надежда на открытіе другихъ еще нетронутыхъ гробницъ, въ неразслѣдованныхъ частяхъ «Семи Братьевъ». Сверхъ того, онъ намѣревается также произвести развѣдки въ довольно большомъ городищѣ, которое находится неподалеку отъ этихъ кургановъ; можетъ быть, удастся найти какія-нибудь надписи, которыя укажутъ, чтó за народъ жилъ въ этомъ мѣстѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ К. К. Гёрцъ сообщилъ о новыхъ археологическихъ открытіяхъ, сдѣланныхъ также въ прошедшемъ году въ Керчи Здѣсь, при копаніи земли для фундамента одного казеннаго строенія, отрыты были: шлемъ, лавровый вѣнокъ, на половину расплавленный, пряжка и другія украшенія,—всѣ изъ чистаго золота. Найденная при нихъ золотая монета Александра Великаго указываетъ на время, къ которому относятся отрытые предметы По всему вѣроятію эти вещи, пострадавшія отъ огня, положены были въ костеръ при погребеніи какого-нибудь знатнаго лица, и, можетъ быть, принадлежали одному изъ Спартокидовъ, царствовавшихъ въ эпоху Александра въ Воспорѣ Киммерійскомъ. Менѣе другихъ пострадалъ отъ огня шлемъ, имѣющій форму шапки, на подобіе нынѣшней скуфьи, сдѣланный изъ листовидныхъ орнаментовъ съ арабесками, сквозной работы.

7. Предсѣдатель графъ А. С. Уваровъ сообщилъ о своемъ изслѣдованіи крымской пещеры, находящейся въ Арбутской горѣ, противъ Оріанды. Въ этой пещерѣ, вмѣстѣ съ человѣческими и звѣриными костями, онъ нашелъ разныя вещи византійской работы: бронзовыя украшенія, между которыми особенно замѣчательны: большая пряжка съ обронным изображеніемъ льва и слѣдами позолоты, бусы и серебряный перстень съ крестообразною греческою монограммой, вырѣзанною вглубь. Всѣ эти предметы были представлены на разсмотрѣніе собранія, при чемъ нѣкоторые изъ членовъ высказали свои догадки о значеніи надписи на перстнѣ: одни видѣли въ ней слово τύχη, другіе—εὐχή. Не вдаваясь въ объясненіе надписи, графъ А. С. Уваровъ указалъ на ея палеографическія особенности, какъ напр. четыреугольное начертаніе буквы Ε и другія, показывающія ясно, что эта надпись относится, какъ и прочія найденныя въ пещерѣ вещи, къ VI вѣку по Р. Х.

8. Въ заключеніе чл. кор. В. Ѳ. Миллеръ прочиталъ свое изслѣдованіе о значеніи собаки въ народныхъ вѣрованіяхъ.

Опредѣлено: авторовъ сообщенныхъ изслѣдованій благодарить, а самыя статьи передать въ редакціонный комитетъ, для напечатанія въ «Трудахъ» Общества.

№ 116. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ экстренномъ засѣданіи баллотированы и избраны въ дѣйствительные члены: чл. кор. В. Ѳ. Миллеръ и Н. И. Поповъ въ Иркутскѣ.

Сверхъ того постановлено: просить г. предсѣдателя принять на себя ходатайство передъ правительствомъ о назначеніи Московскому Археологическому Обществу на будущее время постоянной ежегодной субсидіи въ 5000 рублей, со внесеніемъ таковаго назначенія, если оно послѣдуетъ, въ самый Уставъ Общества, въ видѣ дополнительнаго параграфа.

№ 117. 9 марта 1876 года. Протоколъ годичнаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: А. А. Авдѣева, архимандрита Амфилохія, А. П. Андреева, Е. В. Барсова, Ѳ. И. Буслаева, барона Ѳ. А. Бюлера, К. К. Герца, И. Е. Забѣлина, Д. И. Иловайскаго, И. Д. Мансветова, А. А Мартынова, Н. А. Мартынова, В. Ѳ. Миллера, А. Н. Попова, А. В. Рачинскаго, Н. П. Розанова, А. И. Хлудова и секретаря Общества В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія

2. Секретарь доложилъ о поступленіи въ Общество слѣдующихъ приношеній:

а) книгами

Отъ Новороссійскаго Университета «Записки», томъ 18. Одесса, 1876.

— Харьковскаго Университета: «Записки», томъ 3-й. Харьковъ, 1876.

— Казанскаго Университета: «Ученыя записки» за 1876 г. (январь—февраль). Казань. 1876

— Министерства Народнаго Просвѣщенія: «Журналъ» за мартъ 1876 г. С.-Петербургъ, 1876.

— Эстонскаго ученаго Общества: «Sitzungsberichte» за 1875 г. Dorpat 1876.

— Института Оссолинскихъ во Львовѣ: «Sprawozdanie» za rok 1875. Lwów, 1876.

— чл. кор. Р. Г. Игнатьева: «Сказанія, сказки и пѣсни, сохранившіяся въ рукописяхъ и у инородцевъ—магометанъ Оренбургскаго края». Оренбургъ, 1875.

б) рукописями, монетами, вещами и снимками

Отъ чл. корр. И. А. Голышева: а) рукописный подлинникъ съ старинными лубочными изображеніями Богоматери и Святыхъ; б) 50 старинныхъ мѣдныхъ монетъ: в) 15 старинныхъ оловянныхъ пуговицъ; г) пара старинныхъ женскихъ башмаковъ изъ шелковой матеріи и лайки; д) видъ старинной деревянной церкви во имя Пророка Иліи близъ г. Мурома.

Опредѣлено: выразить жертвователю признательность Общества.

3. Членъ корр. Н. А Мартыновъ представилъ на разсмотрѣніе собранія круглое металлическое зеркало древне-восточной работы, съ арабскими надписями, которыя по переводу, сдѣланному директоромъ Восточнаго Ин-

ститута при Азіатскомъ департаментѣ Гамазовымъ, означаютъ слѣдующее: «Вѣчная война невѣрнымъ (или: всегдашняя побѣда надъ невѣрными) и жизнь здравая, и успѣхъ всеобъемлющій, и счастіе благопріятствующее, и усилія, ведущія къ возвышенію, и вѣкъ благополучный, и достиженіе отдаленнѣйшихъ желаній, и прочность вѣковѣчная».

4 Доложено сообщеніе д. чл. барона Ѳ. А Бюлера о первоначальныхъ размѣрахъ портрета Микулина, представленаго имъ прежде въ Общество въ фотографіи.

5. Секретарь прочиталъ отчетъ о составѣ и дѣятельности Московскаго Археологическаго Общества за 1875—76 годъ, заключившійся упоминаніемъ объ утратахъ, понесенныхъ русскою наукою и Археологическимъ Обществомъ съ кончиною члена-основателя Д. П. Сонцова и д. членовъ А. В. Горскаго и М. П. Погодина.

6. При этомъ д. чл. И. Д. Мансветовъ въ краткой рѣчи, посвященной памяти А. В. Горскаго, обратилъ вниманіе на тѣ стороны его ученой дѣятельности, которыя имѣли ближайшее отношеніе къ задачамъ Археологическаго Общества, и поставилъ на видъ его заслуги по изданію и критической оцѣнкѣ памятниковъ древнерусской литературы. Эти-то памятники, столь важные по характеристикѣ быта и нравовъ древней Руси, вошедши въ кругъ его историческихъ работъ, придали послѣднимъ глубокій археологическій интересъ. Такимъ характеромъ отмѣчено, между прочимъ, и его «Описаніе рукописей Синодальной библіотеки». Всегда съ полнымъ вниманіемъ относясь къ тому, что открывалось характеристическаго въ нашихъ древнихъ памятникахъ письменныхъ, А. В. Горскій при описаніи синодальныхъ рукописей особенно замѣтно обнаружилъ это направленіе своего описательнаго пера. Здѣсь онъ отмѣчалъ, выписывалъ и объяснялъ все замѣчательное въ отношеніи древнерусскаго быта, особенно когда ему приходилось имѣть дѣло съ нравоучительными сборниками и проповѣдями. Но бытъ народа отражается не въ одныхъ историческихъ записяхъ и вещественныхъ памятникахъ,—онъ отражается въ языкѣ и увѣковѣчивается въ формахъ народной и книжной рѣчи. Покойный обратилъ особенное вниманіе на эту связь языка съ народнымъ бытомъ и представилъ въ своемъ трудѣ цѣлый сборникъ словъ и оборотовъ рѣчи, въ которыхъ удержались названія предметовъ бытовой жизни. Пользуясь этимъ матеріаломъ, можно было бы составить терминологію древнерусскаго костюма, многихъ ремеслъ, предметовъ домашняго хозяйства—словомъ, цѣлый сборникъ бытовыхъ словъ и выраженій. Упомянувъ далѣе о трудахъ А. В. Горскаго по части иконографіи въ двухъ начатыхъ имъ переводахъ—изъ Софиста Хариція и греческой литургіи въ картонахъ Анджело-Маи, референтъ заключилъ свои воспоминанія о покойномъ замѣчаніемъ объ его отношеніяхъ къ Московскому Археологическому Обществу и объ его сочувствіи къ трудамъ послѣдняго, особенно къ изданію Археологическаго Словаря

7. Д. чл. Е. В. Барсовъ представилъ фотографію съ одной деревянной часовни, находящейся въ 5 или 6 верстахъ отъ г. Вытегры, Олонецкой губерніи. Этотъ снимокъ присланъ въ даръ обществу отъ вытегорскаго ис-

правника г. Хоненева, который хлопоталъ о возобновленіи этого почти разрушившагося памятника, въ чемъ и успѣваетъ, благодаря дѣятельному участію гг. губернатора Григорьева, министра Посьета и инженеровъ путей сообщенія. При этомъ Е. В. Барсовъ объяснилъ, что эта часовня, сама по себѣ не замѣчательная ни въ археологическомъ, ни въ архитектурномъ отношеніи, достойна нашего вниманія по своему историческому смыслу. Она воздвигнута самимъ народомъ въ память первой встрѣчи здѣсь Петра Великаго и въ увѣковѣченіе той бесѣды его съ народомъ, изъ которой онъ узналъ, какая настоитъ необходимость и какая открывается возможность соединить волжскія воды съ сѣверными посредствомъ Онежскаго канала, о чемъ онъ заботился до конца своей жизни. Эта бесѣда Петра съ народомъ издана г. Барсовымъ въ V-й книгѣ «Бесѣды» 1872 года. Въ заключеніе Е. В. Барсовъ предложилъ Обществу выразить сочувствіе мысли г. Хоненева, съ изъявленіемъ признательности за присылку фотографическаго снимка.

Опредѣлено: выразить г. Хоненеву признательность Общества за доставленную фотографію.

8. Предсѣдатель графъ А. С. Уваровъ предложилъ на разсмотрѣніе собранія фотографіи древнихъ грузинскихъ церквей и церковной утвари.

9. Д. чл. К. К. Герцъ представилъ рисунокъ рукояти меча, найденнаго въ Россіи и хранящагося въ кабинетѣ изящныхъ искуствъ и древностей Императорскаго Московскаго Университета. Сравнивая орнаментацію рукояти съ доисторическими памятниками Швеціи, референтъ пришелъ къ заключенію, что разсматриваемый памятникъ принадлежитъ къ первой эпохѣ желѣзнаго вѣка, простиравшейся отъ времени Р. Х. до 450 года по Р. Х. Раздѣленіе, принятое сѣверными антикварами, доисторическаго развитія человѣчества на три періода—каменный, бронзовый и желѣзный, дало референту поводъ, основываясь на изслѣдованіяхъ новѣйшихъ нѣмецкихъ ученыхъ, разсмотрѣть, дѣйствительно ли существовалъ отдѣльный бронзовый вѣкъ. Основываясь на технической сторонѣ предмета, на сказаніяхъ древнихъ и результатахъ сравнительнаго языкоученія, онъ пришелъ къ тому залюченію, что слѣдуетъ признать только два большія подраздѣленія доистораческаго времени: вѣкъ каменный, когда человѣчество употребляло для орудій камень, дерево, кость—и вѣкъ металлическій, когда оно ознакомилось съ употребленіемъ главныхъ металловъ вообще.

Основная мысль этого реферата вызвала нѣсколько возраженій со стороны графа А. С. Уварова и В. Ѳ. Миллера.

10. Приглашенный къ настоящему засѣданію профессоръ С. А. Усовъ изложилъ свое объясненіе фресокъ Керченской катакомбы, о которыхъ напечатано было въ отчетѣ Археологической Коммиссіи за 1872 годъ изслѣдованіе В. В. Стасова, съ рисунками.

11. Д. чл. Д. И. Иловайскій сдѣлалъ также нѣсколько замѣчаній о керченскихъ фрескахъ, съ цѣлью опредѣлить точнѣе, какія именно племена, какіе народные типы и какую эпоху представляютъ эти фрески.

Опредѣлено: авторовъ сдѣланныхъ сообщеній благодарить и просить ихъ

о доставленіи своихъ статей въ Редакціонный Комитетъ, для напечатанія въ «Трудахъ» Общества.

12 Въ заключеніе прочитанъ былъ отчетъ казначея А. И. Хлудова о приходѣ и расходѣ денежныхъ суммъ Московскаго Археологическаго Общества съ 17 февраля 1875 года по 1 марта 1876 года.

Затѣмъ происходили выборы должностныхъ лицъ Общества. Избраны:
Предсѣдателемъ графъ А. С. Уваровъ.
Товарищемъ Предсѣдателя К. К. Гёрцъ.
Секретаремъ В. Е. Румянцовъ.
Товарищемъ Секретаря И. Д. Мансветовъ.
Казначеемъ А. И. Хлудовъ
Таварищемъ Казначея Н. П. Розановъ.
Библіотекаремъ и хранителемъ Музея А. Н. Веселовскій.

Членами Редакціоннаго Комитета:

Архимандритъ Амфилохій, К. К. Гёрцъ и Н. А. Поповъ.

Членами Ревизіоннаго Комитета:

А. Н. Поповъ, Д. И. Иловайскій и В. Ѳ. Миллеръ.

№ 118. 27 марта 1876 года. Протоколъ экстреннаго засѣданія, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, Е. В. Барсова, В. В. Вельяминова-Зернова, А. А. Мартынова и Секретаря Общества В. Е. Румянцова.

Предсѣдатель графъ А. С. Уваровъ предложилъ собранію разсмотрѣть Уставъ Общества и сдѣлать въ немъ тѣ измѣненія и пополненія, которыя оказываются необходимыми послѣ 12-лѣтняго существованія Общества. Члены обсудили всѣ параграфы Устава и пополнили ихъ параграфами, заимствованными изъ Устава Императорскаго Археологическаго Общества. Затѣмъ препоручили предсѣдателю и секретарю Общества составить окончательную редакцію и представить ее Августѣйшему Покровителю Е. И. В. Государю Великому Князю Наслѣднику Цесаревичу, для полученія Его соизволенія на ходатайство у г. Министра Народнаго Просвѣщенія объ утвержденіи проекта новаго Устава.

№ 119. 19 апрѣля 1876 года. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, Д. Н. Анучина, Е В Барсова, барона Ѳ. А. Бюлера, И. И. Гавельки, К. К. Гёрца, А. А. Мартынова, В. Ѳ. Миллера, Д. В. Разумовскаго, А. В. Рачинскаго, Н. П. Розанова и секретаря Общества В. Е. Румянцова.

1. Читаны и подписаны протоколы двухъ предшествовавшихъ засѣданій —обыкновеннаго и экстреннаго.

2. Секретарь доложилъ о поступленіи въ Общество слѣдующихъ приношеній книгами:

Отъ чл. кор. А. Хованскаго: «Филогическія Записки», выпускъ 1-й. Воронежъ, 1877. г.

— Тульскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: «Памятная книжка Тульской губерніи на 1876 г.» Тула, 1876 г.

— Нижегородскаго Гуебрнскаго Статистическаго Комитета: его «Засѣданіе» 20 декабря 1875 г.

— Владимірскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: «Ежегодникъ», томъ I, выпускъ I-й. Владиміръ, 1876 г.

— Чл. кор. А. Рамбо: «La Russie épique. Par Alfred Rambaud» Paris 1876.

— Д. чл. А. А. Мартынова: «Москва. Подробное историческое и археологическое описаніе города», съ приложеніемъ. Томъ I. Москва, 1875.

— Югославянской Академіи Наукъ: «Rad», knjiga XXXIV», U Zagrebu, 1876.

— O dejinach Prace. Antoni Frič. U Praze, 1868.

Anatomische Präparate auf der Wiener-Weltausstellung, 1873. Von Professor Hirtl.

— Graz-Geschichte ung Topographie der Stadt und ihrer Umgebung. Von Franz Ilwof und Karl Peters. Graz, 1875.

Der Anthropologischen Section der in Graz tagenden 48 Versammlung deutscher Naturforscher und Aerzte. Wien, 1875.

Die vorgeschichtlichen Alterthümer der Stadt Olmütz und Umgebung. Von Jeitteles.

Germanische Wohnsitze und Baudenkmäler in Nieder-Oesterreich. Von Dr. Mattäus Much. Wien, 1875.

Beitrage zur Lehre des menschlichen Schädels. Von Luckerkandl.

Ueber einige niedrige Schädel an der Domsdüne zu Bremen-Gildemeister.

Опредѣлено: выразить жертвователямъ благодарность Общества.

3. Секретарь доложилъ о присылкѣ въ Общество слѣдующихъ статей:

Отъ чл. корр. Р. Г. Игнатьева, статья для Археологическаго словаря подъ заглавіемъ «Великое освященіе».

— Е. Т. Соловьева изъ Казани: «Надписи на лукѣ, находящемся въ Казанскомъ уѣздномъ училищѣ, съ переводомъ ихъ на русскій языкъ».

Опредѣлено: авторовъ благодарить, а присланныя ими статьи передать въ Редакціонный Комитетъ.

4. Секретарь доложилъ, что Археологическое Общество во Львовѣ (Towarzystwo Archeologiczne Krajowe we Lwowie) прислало экземпляръ Przégladu Archeologicznego, служащаго его печатнымъ органомъ, при отношеніи, въ которомъ оно изъявляетъ желаніе вступить въ ученыя сношенія съ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ и проситъ о высылкѣ ему въ замѣнъ изданій Общества.

Определено выслать въ Археологическое Общество во Львовѣ изданія Общества съ 1876 года.

5. Товарищъ предсѣдателя К. К. Гёрцъ сообщилъ письмо д. чл. А. А. Котляревскаго, въ которомъ сообщаются свѣдѣнія о кладѣ, найденномъ въ Кіевѣ возлѣ Десятинной церкви, и о пещерѣ первобытнаго времени. Изслѣдованіе этой пещеры принялъ на себя профессоръ Роговичъ. Графъ Уваровъ добавилъ, что онъ уже писалъ въ Кіевъ о доставленіи въ Общество подробнаго описанія какъ клада, такъ и пещеры.

6. Предсѣдатель графъ А. С. Уваровъ предложилъ на разсмотрѣніе собранія вещи, найденныя въ Кіевской губерніи Черкасскаго уѣзда на берегу р. Тясмины, въ 3 или 4 верстахъ отъ мѣстечка Смѣлы, въ пескѣ самаго берега, только на 1 аршинѣ глубины. Тутъ отрыты уголья, желѣзный мечъ, сосудъ; ни костей, ни слѣдовъ построекъ не оказалось; теченіе рѣки измѣняется. Найденныя вещи слѣдующія: 2 золотыя гривны, 2 такихъ же браслета, одна пара серегъ, 3 кольца, 6 листовъ золота.

По удостовѣренію золотыхъ дѣлъ мастера Чичелева, произведшаго пробу этихъ золотыхъ вещей, оказалось, что

а) Гривна большая—95 пробы, вѣсомъ въ 86$^3/_4$ золотника; стоимость золотника равна 4 р. 70 к.; вся гривна 407 р. 72 коп.

б) Гривна малая—80 пробы, вѣс. 70$^1/_4$ золотн., золотникъ—4 р., стоимость этой гривны равна 321 р.

в) Браслетъ витой, 95 пробы, вѣситъ 16$^1/_{16}$ золотника, золотникъ—4 р. 70 коп.; стоимость его—75 р. 50 коп.

г) Браслетъ ровный—80 пробы, вѣс. 17 зол. въ 4 р.; весь оцѣненъ въ 68 р.

д) Пара серегъ 80 пробы, вѣситъ 1 золотникъ, стоющій 4 рубля; 2 кольца 80-й пробы, вѣс. 1$^2/_3$ золотн. въ 4 рубл.,—оба 7 р. 30 коп.; 1 кольцо тонкое 95 пробы, въ $^3/_8$ золотн.—4 р. 70 к., стоимость 1 р. 75 к; 5 листовъ золота 80 пробы, вѣс. въ 3$^{11}/_{16}$ золотниковъ, по 4 р. золотникъ; стоимость всего—14 р. 75 коп.

Въ той же мѣстности, но не вмѣстѣ съ кладомъ, найденъ также каменный топоръ.

7. Затѣмъ г. предсѣдатель изложилъ окончаніе своего изслѣдованія о мегалитическихъ памятникахъ въ Россіи и сообщилъ свѣдѣнія объ особомъ родѣ могилъ, которыя по своему устройству могутъ быть названы каменными ящиками. Цѣлый могильникъ такихъ каменныхъ ящиковъ находится на 8-й верстѣ отъ г. Ялты, по южнобережному шоссе къ станціи Гаспры. Въ прошедшую осень референтъ успѣлъ изслѣдовать девять гробницъ этого рода и пришелъ къ убѣжденію, что онѣ не принадлежатъ ни къ той народности, ни къ той эпохѣ, къ которымъ относится другой видъ мегалитическихъ памятниковъ, именно каменные столы или дольмены. Въ каменныхъ ящикахъ усопшіе, по одному изъ древнѣйшихъ погребальныхъ обычаевъ, похоронены въ скорченномъ положеніи, или точнѣе—въ положеніи ребенка въ утробѣ матери. Отсюда можно извлечь доказательство, что этотъ народъ, по примѣру всѣхъ арійскихъ народовъ, обоготворялъ мать сыру-землю и считалъ смерть возвращеніемъ въ лоно этой всеобщей мате-

ри рода человѣческаго. Болѣе подробныя свѣдѣнія о народѣ. строителѣ этихъ памятниковъ. доставили самые предметы, найденные въ его могилахъ. Особенно замѣчательна здѣсь находка многочисленныхъ раковинъ, добываемыхъ исключительно на дальнемъ востокѣ, на берегахъ Индѣйскаго моря и Тихаго океана. На основаніи этихъ вещественныхъ доказательствъ, графъ А. С. Уваровъ пришелъ къ заключенію, что могильникъ близь Гаспры принадлежалъ народу арійскаго происхожденія, пришедшему съ дальняго востока черезъ Кавказскій перешеекъ и нынѣшнюю Екатеринославскую губернію и поселившемуся гораздо прежде I-го вѣка до Р. Х. на берегахъ Таврическаго полуострова.

8. Въ заключеніе секретарь Общества В. Е. Румянцовъ остановилъ вниманіе собранія на одномъ письменномъ памятникѣ 2-й половины XVII вѣка, примѣчательномъ по своему содержанію и близкому отношенію къ бытовой и правительственной исторіи этой эпохи, но почему-то опущенномъ изъ виду нашими историками. Этотъ памятникъ — «Слово о милости», сочиненное справщикомъ монахомъ Евѳиміемъ, извѣстнымъ по своимъ ученымъ трудамъ и по дѣятельному участію, какое онъ принималъ во всѣхъ важнѣйшихъ церковныхъ и общественныхъ дѣлахъ своего времени. «Слово о милости» заключается въ рукописномъ сборникѣ Патріаршей библіотеки подъ № 716. Оно составлено Евѳиміемъ по даннымъ мыслямъ для прочтенія въ церквахъ отъ имени патріарха, и относится къ царствованію Ѳеодора Алексѣевича, когда обращено было особенное вниманіе на призрѣніе нищихъ и когда самъ патріархъ долженъ былъ принять нѣкоторыя особенныя мѣры къ ихъ содержанію. Референтъ изложилъ подробно содержаніе «Слова». Оно раздѣляется на 3 части: въ первой показывается достоинство милости, какъ христіанской добродѣтели; во второй разсматривается вопросъ, кто преимущественно заслуживаетъ милость. Особенно любопытна третья часть Слова, въ которой авторъ разсуждаетъ о способахъ вспомоществованія бѣднымъ, предлагаетъ основать Общества милосердія, при чемъ начертываетъ и самую организацію такихъ обществъ.

№ 120. 1876 года мая 14 дня. Протоколъ экстреннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, Е. В. Барсова, Л. В. Даля, Н. В. Калачева, И. Д. Мансветова, А. А. Мартынова, В. Ѳ. Миллера, Н. А. Попова, Д. В. Разумовскаго, А. В. Рачинскаго, Н. П. Розанова, графа М. В. Толстаго и секретаря Общества В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Секретарь доложилъ о поступленіи въ Общество слѣдующихъ приношеній книгами:

а) Отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія: «Журналъ» за апрѣль и май 1876 г. С. Петербургъ, 1876.

б) — Казанскаго Университета: «Извѣстія и ученыя записки» № 2 (мартъ —апрѣль). Казань, 1876.

в) — проф. В. С. Иконникова: Обзоръ литературы русской исторіи за 1875 годъ. Кіевъ, 1876.

г) — Псковскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: «Памятная книжка Псковской губерніи на 1876 годъ». Псковъ, 1876.

Опредѣлено: выразить жертвователямъ благодарность Общества.

3. Доложены слѣдующія поступившія въ Общество бумаги:

а) Отъ чл.-корр. Т. В. Кибальчича извѣстіе о производимыхъ имъ по порученію Общества археологическихъ раскопкахъ въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ. Раскопки начаты имъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) Въ м. Красномъ-Колядинѣ (Конотопскаго уѣзда Полтавской губ). Здѣсь, при раскопкѣ кургана «Гуляй-горы», на глубинѣ одного аршина, отрыты два деревянныхъ горшка весьма грубой работы, и еще глубже (на $1^1/_2$ аршина)—6 человѣческихъ остововъ, при нихъ кувшинъ и мѣдное рѣзное головное украшеніе. Въ пробныхъ ямахъ насыпи замка (гдѣ находятся и «Гуляй-гора») найдено множество обломковъ кафлей и узорчатой посуды, желѣзный ножъ, крючекъ и костяной предметъ съ узоромъ, неизвѣстнаго назначенія. 2) Въ городкѣ на р. Ромнѣ, въ 3 верстахъ отъ Гуляй-горы. При изслѣдованіи насыпи въ этой мѣстности обнаруженъ сгорѣвшій частоколъ, множество битой посуды и костяной остроконечный предметъ (подобный карандашу) неизвѣстнаго назначенія. 3) Въ 12 верстахъ отъ Краснаго-Колядина, подъ сел. Кошарами. Здѣсь, въ «Очеретованной могилѣ», на глубинѣ одного аршина найдены: погребальная урна изъ красной глины, тожественная съ находимыми въ Ольвіи и Керчи, разбитый оставъ (на глубинѣ $2^1/_2$арш.), а при немъ кости животныхъ, желѣзное удило, мечъ и бронзовый браслетъ съ изображеніями змѣй. 4) Въ селѣ Липованѣ (Роменскаго уѣзда Полтавской губ.). Тутъ находится древнее кладбище, занимающее до 80 десятинъ земли и имѣющее болѣе 1000 кургановъ. При раскопкѣ нѣсколькихъ изъ нихъ найдено: множество бронзовыхъ колецъ, серегъ, пряжекъ, ножъ и брусокъ, желѣзные гвозди и стеклянныя бусы.

Опредѣлено: просить Т. В. Кибальчича о доставленіи въ Общество подробнаго отчета какъ о сдѣланныхъ имъ раскопкахъ, такъ и о найденныхъ вещахъ.

б) — д. чл. П. И. Бартенева заявленіе, что онъ, по своимъ занятіямъ, не можетъ ни бывать засѣданіяхъ, ни заочно принимать участіе въ трудахъ Археологическаго Общества, а потому и проситъ не считать его болѣе членомъ и исключить его имя изъ списковъ Общества.

Опредѣлено: настоящее заявленіе принять къ свѣдѣнію и исполненію.

в) — г. Министра Народнаго Просвѣщенія отношеніе на имя предсѣсѣдателя Общества, въ которомъ г. Министръ извѣщаетъ, что при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія предположено учредить особую Коммиссію подъ предсѣдательствомъ статсъ секретаря князя А. В. Лобанова-Ростовскаго, для разсмотрѣнія проекта выработанныхъ 2-мъ Археологическимъ Съѣздомъ положеній о мѣрахъ къ сохраненію на будущее время су-

ществующихъ памятниковъ древности, въ составъ каковой Коммиссіи имѣетъ войти и одинъ изъ членовъ Московскаго Археологическаго Общества. Признавая необходимымъ имѣть заблаговременно въ виду свѣдѣнія о томъ, кому именно изъ своихъ членовъ предполагаетъ Общество препоручить свое представительство въ проектируемой Коммиссіи, г Министръ Народнаго Просвѣщенія проситъ объ этомъ увѣдомить.

Опредѣлено: просить г. предсѣдателя принять на себя присутствованіе въ означенной Коммиссіи въ качествѣ представителя Московскаго Археологическаго Общества, кандидатомъ же при немъ назначить секретаря Общества В. Е. Румянцова, о чемъ и увѣдомить г. Министра Народнаго Просвѣщенія.

4. Предсѣдатель графъ А. С. Уваровъ сообщилъ, что выработанный въ Обществѣ проектъ новаго Устава Московскаго Археологическаго Общества представленъ имъ на разсмотрѣніе г. Министра Народнаго Просвѣщенія. Затѣмъ г. предсѣдатель, заявивъ, что въ непродолжительномъ времени долженъ открыться Предварительный Комитетъ по устройству 4-го Археологическаго съѣзда въ Казани, обратился къ гг. членамъ съ приглашеніемъ избрать депутатовъ для присутствованія въ означенномъ Комитетѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ изготовить, какіе кто изъ членовъ пожелаетъ, вопросы для обсужденія на 4-мъ съѣздѣ.

Опредѣлено: просить г. предсѣдателя и д. чл. Л. В. Даля принять на себя присутствованіе на Предварительномъ Комитетѣ 4-го Съѣзда въ качествѣ депутатовъ отъ Московскаго Археологическаго Общества; вопросы же, какіе будутъ изготовлены для этого Съѣзда, доставлять на имя г. предсѣдателя для препровожденія въ имѣющій открыться Предварительный Комитетъ.

5. Секретарь Общества В. Е. Румянцовъ изложилъ содержаніе изслѣдованія, присланнаго Н. П. Кондаковымъ, о барельефахъ V—VI вѣка по Р. Х. на деревянной двери въ базиликѣ св. Сабины, что на Авентинскомъ холмѣ въ Римѣ (съ 4 фотографіями).

6. Затѣмъ Секретарь сообщилъ извлеченіе изъ статьи, доставленной д. чл. Л. К. Ивановскимъ подъ заглавіемъ «Матеріалы для курганнаго періода Ярославской губерніи». Статья эта заключаетъ въ себѣ подробный отчетъ о произведенныхъ Л. К. Ивановскимъ по порученію Общества раскопкахъ кургановъ на берегахъ рѣки Сити.

Опредѣлено: авторовъ благодарить, а статьи передать въ Редакціонный Комитетъ.

7. Членъ-кор. А. В. Рачинскій сообщилъ отысканныя имъ свѣдѣнія объ ученой и образовательной дѣятельности иностраннаго оріенталиста Георга Кеера, вызваннаго въ Россію Петромъ Великимъ.

8. Гг. предсѣдателемъ и секретаремъ Общества предложены къ избранію въ дѣйствительные члены:

Членъ-корресподентъ Д. Я. Самоквасовъ, С. А. Усовъ, А. И. Павинскій и А. Ѳ. Мержинскій.

№ 121. 1876 года октября 5 дня. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, Д. Н. Анучина, Н. А. Артлебена, Е. В. Барсова, И. И. Гавельки, А. А. Гатцука, К. К. Гёрца, Л. В. Даля, Д. И. Иловайскаго, В. О. Ключевскаго, И. Д. Мансветова, А. А. Мартынова, В. Ѳ. Миллера, Д. В. Разумовскаго. П. П. Розанова и секретаря Общества В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Г. предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія Общества о кончинѣ дѣйствительныхъ членовъ: Франца Палацкаго (26 мая 1876 года) въ Прагѣ и Янко Шафарика въ Бѣлградѣ.

3. Секретарь доложилъ о поступленіи слѣдующихъ приношеній:

а) книгами.

а) Отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія «Журналъ» за іюнь—сентябрь мѣсяцы 1876 г. С. Петербургъ, 1876.

б — Императорскаго Русскаго Географическаго Общества Сибирскаго Отдѣла: «Извѣстія», томъ VII, №№ 1—3. Иркутскъ, 1876 г

в) — д. чл. Н. И. Попова: 1) О памятникахъ тангутскаго и монгольскаго письма въ Минусинскомъ краѣ. 2) О руническихъ письменахъ въ Минусинскомъ краѣ. 3) Краткій историческій обзоръ различныхъ родовъ фонетическаго письма у народовъ сѣверной и средней Азіи.

г) — Уфимскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: 1) Журналъ Комитета (5 мая 1876 г.). Уфа, 1876. 2. Уфимскій календарь на 1876 годъ, 3 выпуска. Уфа, 1876 г.

д) — Эстонскаго Общества Исторіи и Древностей: «Verhandlungen der gelehrten Estnischen Gesellschaft». Achter Band, 3 Heft. Dorpat. 1876.

е) — професс. А. И. Павинскаго: «Доисторическое время въ царствѣ Польскомъ». Варшава, 1875.

ж) — Археологическаго Общества во Львовѣ: «Przegląd archeologiczny». Rok 1 (20 maja и 20 kwietnia—2 выпуска). Lwów. 1876.

з) — Чл. кор. А. А. Хованскаго: «Филологическія записки» за 1876 годъ, выпуски I—III. Воронежъ, 1875, 1876.

и) — Нижегородскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: «Общее собраніе Комитета 1 іюня 1876 г.»

і) — Императорскаго Московскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи: «Извѣстія» томъ XVIII. Монографія Короѣдовъ. Н Э. Линдемана, выпускъ 1. Москва, 1876 г. Прибавленія къ познанію организаціи оболочниковъ. М. М. Усова, вып. 2-й. Москва, 1876 г. Опытъ сравнительнаго изученія coelenterata. А. Коротнева, вып. 3-й. Москва, 1876.

к) — Виленской Археографической Коммиссіи: «Акты», томъ VIII (Акты Виленскаго Городскаго суда). Вильна, 1875.

л) — Казанскаго Университета: «Извѣстія и ученыя записки» №№ 3—4. (май—августъ). Казань, 1876.

м) — Археографической Коммиссіи: «Русская Историческая Библіотека». Томъ III. С. Петербургъ, 1876.

н) — Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Протоколъ засѣданія 29 апрѣля 1876 г.

о) — проф. Ф. А. Терновскаго: «Изученіе Византійской исторіи и ея тенденціозныя приложенія къ древней Руси» 4 экземпляра. Выпускъ 2-й. Кіевъ 1876.

п) — чл. кор. А. Потебни: «Къ исторіи звуковъ русскаго языка». Воронежъ, 1876.

р) — Геннади: 1) Өеофила Сигефра Беера «Географія Россійская». Перев. Киріяка Кондратовича. С. Петербургъ 1767. 2) Лѣтопись Сибирская. С. Петербургъ, 1821. 3) Russische Artethümer. Profess. Friedrich Kruse. Dorpat und Leipzig, 1844. 4) De la position des trois forteresses tauro-scythes dont parle Strabon. Par M. de Blaramberg Odessa, 1831. 5) Arbeiten der Kurland ischen Gesellschaft für Literatur und Kunst. Zehn. Heft. Mitau. 1851. 6) Списокъ русскихъ книгъ, печатанныхъ внѣ Россіи. Берлинъ, 1875. 7) Эпизодъ изъ поѣздокъ по сѣверо-западному краю Россіи. Сочин. А. Стороженко. Вильна, 1866. 8) Notions sur l' iconographie sacrée en Russie. par J. Sabatier. St. Petersbourg, 1849. 9) Anastasis der Waräger oder der heidnischen Einwohner von Liv—Est—und Kurland. Von professor Dr. Fr. Kruse. Reval, 1841.

с) — чл. кор. А. Киркора: Poecie pod wzagledem archeologicznym. Badania A. H. Kirkora. W Krakowie, 1876.

т) — Краковской Академіи Наукъ: 1. Starodawne prawa Polskiego pomniki. Tom III. W Krakowie, 1874. 2) Czasomiar. Napisał ksiądz Jan Guszkiewicz. Kraków, 1876

у) — Музея Чешскаго королевства: Památky archeologické a místopisné. Redaktor Dr. Joseph Kalousek. Dilu X ročnik I a II V Praze 1874—75.

ф) — Кембриджскаго музея: Ninth annual report of the trustees of the Peabody Museum Cambridge, 1876.

х) — Die deutschen Münzen der Sächsischen und Fränkischen Kaiserzeit. Von Hermann Dannenberg (текстъ съ атласомъ). Berlin, 1876.

ц) — О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аөинахъ. Архимандрита Антонина. С. Петербургъ, 1874.

Б) ВЕЩАМИ.

Отъ Д. чл. Ю. Б. Иверсена разныхъ медалей—36 польскихъ и 3 русскихъ.

В) РУКОПИСЯМИ.

Отъ г. Бланкенбурга (въ замѣнъ изданій Общества) 8 рукописныхъ книгъ: 1) Собраніе копій съ писемъ Петра I. in fol 2) Два хронографа. in fol. 3) Переводъ книги I. А. Гофмана, Сергѣя Волчкова. in fol. 4) Описаніе Манчжурскаго народа. in fol. 5) Сборникъ древнихъ повѣстей. in 4-о. 6) Лѣтописецъ начала XVII вѣка. in fol. 7. Родословная книга, принадлежавшая стольнику К. И. Шеткеву, XVII вѣка, in 4-о.

4. Доложены слѣдующія поступившія бумаги:

а) Отъ д. чл. Н. И. Попова (въ Иркутскѣ): письмо съизъявленіемъ благодарности за избраніе его въ д. члены Общества.

б) — Предсѣдателя Владимірскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: отвѣтъ на отношеніе Общества отъ 17 мая 1875 года, въ которомъ онъ, благодаря Общество за изъявленную имъ готовность дать у себя помѣщеніе для Музея, состоящаго при Владимірскомъ Статистическомъ Комитетѣ, извѣщаетъ, что г. Владимірскій Губернскій Предводитель дворянства, П. П. Кожинъ, изъявилъ желаніе предоставить по прежнему помѣщеніе для означеннаго Музея въ своей квартирѣ.

5. Доложены слѣдующія присланныя статьи:

а) Отъ г. Огюстена Пляръ, подробное описаніе каменной плиты съ нѣмецкою надписью 1595 г., найденной за алтаремъ Казанской церкви у Калужскихъ воротъ.

б) — Вытегорскаго уѣзднаго исправника Н. А. Хоненева, письмо съ препровожденіемъ сообщенія о деревянной Покровской церкви въ Вытегорскомъ погостѣ, о 20 главахъ, построенной, какъ говоритъ преданіе, по рисунку Петра I. При этомъ сообщеніи приложены три фотографіи, представляющія видъ церкви, ея планъ, фасадъ и разрѣзъ.

в) — Е. Т. Соловьева изъ Казани, описаніе и переводъ восточной надписи на кинжалѣ, находящемся въ одномъ частномъ собраніи въ Казани.

г) — чл.-кор. А. М. Сементовскаго, сообщеніе о каменной плитѣ съ надписью латинскими заглавными буквами, найденной въ 3-мъ станѣ Велижскаго уѣзда Витебской губерніи, въ Будницкой волости, на землѣ имѣнія Усвятъ, близь деревни Дрозды.

д) — чл.-кор. Д. Я. Самоквасова, сообщеніе о произведенныхъ имъ раскопкахъ Кіевской губерніи въ Каневскомъ уѣздѣ и Полтавской губерніи въ г. Ромнахъ, и въ Роменскомъ уѣздѣ у селъ Медвѣжьева и Аксютинцы.

6. Г. предсѣдатель сообщилъ о сдѣланномъ имъ осмотрѣ Рогвольдова камня, находящагося за г. Оршею, на 22-й верстѣ по Минскому тракту.

Затѣмъ г. предсѣдатель представилъ на разсмотрѣніе собранія: а) фотографію бронзовой погребальной колесницы, найденной въ могилѣ близь Юденбурга; б) рисунокъ каменнаго жертвенника, отрытаго въ курганѣ близь Брановица въ Моравіи; б) рисунокъ церкви XII в., находящейся въ Режновицахъ; г) рисунокъ вида и плана первобытныхъ жилищъ, вырытыхъ въ лесѣ подъ селеніемъ Холязицъ, близъ Райграда, въ Моравіи.

7. Г. предсѣдатель доложилъ о собравшемся въ Петербургѣ, въ августѣ, Предварительномъ Комитетѣ по устройству IV-го Археологическаго съѣзда въ Казани и прочиталъ программу вопросовъ, выработанныхъ этимъ Комитетомъ.

8. Секретарь Общества В. Е. Румянцовъ изложилъ содержаніе статьи присланной Е. Е. Люценко, подъ заглавіемъ «Древніе еврейскіе надгробные памятники, открытые въ насыпяхъ Фанагорійскаго городища, около станціи Сѣнной, на Таманскомъ полуостровѣ» (съ приложеніемъ 8-ми таблицъ рисунковъ).

9. Д. чл. К. К. Гёрцъ представилъ на разсмотрѣніе слѣдующія вещи, найденныя при дренажѣ между Глазною больницею и Трехпруднымъ переулкомъ: жетонъ, выбитый въ 1843 году въ память 25—лѣтія бракосочетанія Императора Николая I, просфорную печать и мѣдную надпись съ иконы Варлаама Хутынскаго XVII в.

10. Г. председатель сообщилъ о двухъ статьяхъ, присланныхъ въ Общество изъ Уфы отъ М. В. Лоссіевскаго: 1) «О находкѣ древнихъ серебряныхъ чашекъ въ Мензелинскомъ уѣздѣ Уфимской губерніи» (съ рисункомъ изображеній, находящихся снаружи и внутри ихъ); 2) «Изъ далекаго прошлаго». Эта статья была напечатана въ Уфимскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1876 года въ №№ 28—31 и содержитъ въ себѣ нѣкоторыя любопытныя соображенія автора о курганахъ Оренбургскаго края.

Постановлено: авторовъ сообщенныхъ статей благодарить, а статьи передать въ Редакціонный Комитетъ.

№ 122. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ экстренномъ засѣданіи избраны въ дѣйствительные члены по § 7:

Членъ-корреспондентъ Дмитрій Яковлевичъ Самоквасовъ.

Сергѣй Алексѣевичъ Усовъ.

Адольфъ Ивановичъ Павинскій.

Антонъ Ѳаддѣевичъ Мержинскій.

Гг. предсѣдателемъ и секретаремъ предложены къ избранію въ члены-корреспонденты:

Евплъ Титовичъ Соловьевъ (въ Казани).

Александръ Васильевичъ Антоновъ (въ Рязани).

№ 123. 1876 года ноября 15 дня. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества подъ предсѣдательствомъ К. К. Гёрца, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, Д. Н. Анучина, Н. П. Гавельки, Л. В. Даля, Д. И. Иловайскаго, Н. Д. Маневетова, А. А. Мартынова, В. Ѳ. Миллера, Н. А. Попова, Н. П. Розанова, графа М. В. Толстаго, С. А. Усова и секретаря Общества В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Секретарь доложилъ о поступленіи слѣдующихъ приношеній книгами:

а) Отъ д. чл. барона Ѳ. А. Бюлера: Notice sur l'empire du Brésil à l'éxposition universelle de 1876 à Philadelphie. 1876. (Одинъ изъ двухъ экземпляровъ, присланныхъ ему чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ императора Бразильскаго въ С. Петербургѣ, барономъ d' Альхандра).

б) — д. чл. И. И. Малышевскаго: Подложное письмо половца Ивана Смеры къ великому князю Владиміру. И. Малышевскаго. Кіевъ, 1876.

в) — Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи: «Труды Кіевской Духовной академіи» 1875 г., 12 книгъ и 1876 г.—

8 книгъ, за январь—октябрь (въ которыхъ съ 1876 г. помѣщаются Извѣстія Церковно-Археологическаго Общества).

г) — Олонецкаго Губернскаго Статистическаго Комитета: «Олонецкій сборникъ», вып. I. Петрозаводскъ, 1875—76 гг.

д) — Остзейскаго Общества Исторіи и Древностей: 1. Mittheilungen. XII, 2. 1876. 2. Sitzungsberichte 1875.

е) — д. чл. В. И. Григорьева: 1) «Объ участіи Сербовъ въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ», Одесса, 1876 г. 2) Записка о пособіяхъ къ изученію Южнорусской земли, находящихся въ Военно-учебномъ Архивѣ Главнаго штаба. Одесса, 1876.

ж) — Костромскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: отдѣльный оттискъ статьи: «Городища, курганы, остроги и другія древнія названія селеній Костромской губерніи». В. Самарянова (изъ Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостей).

з) — Югославянской Академіи: Rad, knjiga XXXV i XXXVI, U Zagrebu, 1876.

и) — Болгарскаго Ученаго Общества: Периодическо списание на Българското книжовно дружество, учрежда се отъ дѣловодителятъ на дружеството. Т. Пѣйова. Год I, кн. XI и XII. Браила, 1876.

і) — Министерства Народнаго просвѣщенія: «Журналъ» за октябрь и ноябрь 1876 г. С. Петербургъ, 1876.

к) — Харьковскаго Университета: «Записки», 1875, т. IV. Харьковъ, 1876.

л) — Казанскаго Университета: «Извѣстія и ученыя записки» № 5. Казань, 1876.

м) — д. чл. д-ра Ванкеля: Ein erratischer Granitblock mit phoenizischer Inschrift bei Smolensk in Russland gefunden. Wien, 1878.

н) — чл. кор. И. И. Гавельки: Entdeckung neuer Steinkisten in der Krym (отдѣльный оттискъ изъ Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien, № 4, 1876).

о) — профес. Роговича: Объ экскурсіи, произведенной въ 1875 году по предложенію Кіевскаго Общества Естествоиспытателей. Д-ра естественныхъ наукъ А. Роговича. Кіевъ, 1876.

п) — чл. кор. Т. В. Кибальчича: Древности. Указатель къ археологическимъ находкамъ 1875—76 гг.). Кіевъ, 1876.

р) — чл. кор. А. А. Хованскаго: Филологическія записки, вып. IV. Воронежъ, 1876.

с) — д. чл. В. Ѳ. Миллера: «Очерки арійской миѳологіи въ связи съ древнѣйшей культурой». Томъ I. Асвины-Діоскуры. Москва, 1876.

Опредѣлено: выразить жертвователямъ благодарность Общества.

3. Секретарь Общества доложилъ слѣдующія поступившія бумаги:

а) Отъ Предварительнаго Комитета IV-го Археологическаго Съѣзда въ Казани—два отношенія. Въ первомъ Комитетъ, препровождая экземпляръ статьи профессора Брикнера «Объ ученыхъ пособіяхъ при изученіи исторіи Россіи», проситъ Общество сообщить свой отзывъ объ этой статьѣ въ Комитетъ не позже 1 іюля 1877 года.

Опредѣлено: просить д. чл. Д. И. Иловайскаго о составленіи требуемаго отзыва.

Во второмъ отношеніи Комитетъ проситъ Общество взять на себя заботу о распространеніи свѣдѣній о предположенномъ Съѣздѣ, причемъ выражаетъ надежду, что оно своимъ просвѣщеннымъ вліяніемъ привлечетъ къ занятіямъ Съѣзда извѣстныхъ ему мѣстныхъ ученыхъ и не откажетъ содѣйствовать къ облегченію способа полученій билетовъ на означенный Съѣздъ, которые вмѣстѣ съ программою Съѣзда и выставки будутъ по напечатаніи препровождены въ Общество.

Опредѣлено: просить гг. членовъ Общества заявить о вопросахъ, которые они предполагаютъ предложить на обсужденіе Съѣзда, а равно и о лицахъ, которыя пожелаютъ принять участіе въ его дѣятельности.

б) —проф. А. Ѳ. மержинскаго, изъ Варшавы, письмо съ выраженіемъ благодарности за избраніе его въ члены Общества

в) — Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей—отношеніе, въ которомъ Одесское Общество, извѣщая о покражѣ изъ его Музея съ 20 на 21 число минувшаго октября разныхъ серебряныхъ русскихъ, польскихъ и иностранныхъ медалей, пантикапейскихъ золотыхъ украшеній, скиѳа и пары золотыхъ серегъ изъ Десятинной церкви, проситъ извѣстить его, въ случаѣ предъявленія къ продажѣ означенныхъ предметовъ.

Опредѣлено: принять это извѣщеніе къ свѣдѣнію и исполненію.

г) — Саратовскаго Губернскаго Статистическаго Комитета—отношеніе, въ которомъ Комитетъ, выражая желаніе способствовать правильной раскопкѣ кургановъ Саратовской губерніи, проситъ Общество сообщить имѣющіяся у него свѣдѣнія о научномъ ихъ значеніи, которыя указали бы, насколько раскопка кургановъ и другихъ насыпей, находящихся въ районѣ Саратовской губерніи, можетъ принести пользу наукѣ, и на основаніи которыхъ можно было бы выработать правильную систему этихъ раскопокъ.

Опредѣлено: увѣдомить Комитетъ, что въ научномъ отношеніи было бы полезнѣе, предварительно раскопки саратовскихъ кургановъ и другихъ насыпей, составить имъ возможно полный списокъ и сообщить этотъ списокъ Обществу, которое на основаніи его могло бы обсудить и указать мѣры, къ правильному и дѣйствительно полезному для науки производству означенныхъ раскопокъ.

д) — Губернскихъ Статистическихъ Комитетовъ: Пензенскаго и Новгородскаго—увѣдомленія (на запросъ Общества), что въ предѣлахъ Пензенской и Новгородской губерній каменныхъ орудій находимо не было.

е) — Московской Городской Управы (по строительному отдѣленію)—отношеніе, въ которомъ объясняется, что арендаторъ зданія Петровскаго монастыря, г. Ланге, ходатайствуетъ о дозволеніи сдѣлать въ нижнемъ этажѣ этого зданія растворы для лавокъ по фасаду, выходящему на улицу Петровку. Представленный имъ проектъ фасада растворовъ найденъ Строительнымъ Совѣтомъ въ техническомъ и художественномъ отношеніи составленнымъ основательно. Но такъ какъ предполагаемое къ передѣлкамъ зданіе принадлежитъ къ числу памятниковъ старинпаго русскаго зодчества.

то Управа проситъ Общество разсмотрѣть проектъ г. Ланге въ археологическомъ отношеніи и сообщить ей свое заключеніе.

По разсмотрѣніи проекта г. Ланге, собраніе выразило желаніе, чтобы предполагаемыя передѣлки въ нижнемъ этажѣ зданія произведены были въ стилѣ, болѣе соотвѣтствующемъ стилю (конца XVII в.), сохранившемуся въ фасадѣ верхняго этажа, о чемъ и постановлено увѣдомить Управу.

ж) — дворянина Константина Карпова—докладная записка, въ которой онъ объясняетъ, что, желая быть полезнымъ обществу своимъ сотрудничествомъ, онъ въ іюнѣ нынѣшняго года произвелъ раскопку кургана «Чамгакъ», находящагося на принадлежащей ему землѣ въ Золотоношскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи. При этой раскопкѣ найдено имъ нѣсколько древнихъ вещей, которыя отданы въ распоряженіе д. чл. Общества, профессора Кіевскаго Университета В. Б. Антоновича. Прилагая дневникъ о ходѣ работъ при разрытіи означеннаго кургана, для напечатанія въ изданіяхъ Общества, г. Карповъ проситъ Общество разрѣшить ему производство раскопокъ на казенныхъ земляхъ въ Золотоношскомъ и Пурятинскомъ уѣздахъ Полтавской губ., причемъ обязывается представлять Обществу дневникъ своихъ работъ и часть вещей, которыя имъ будутъ найдены въ курганахъ. Затѣмъ секретарь прочиталъ самый дневникъ раскопокъ кургана «Чамгакъ», приложенный при этой запискѣ, и замѣтилъ, что авторъ дневника, къ сожалѣнію, о самыхъ любопытнѣйшихъ находкахъ, сдѣланныхъ въ курганѣ, выражается большею частію неясно и неопредѣленно: такъ напр., перечисляя разные виды найденнаго здѣсь оружія, онъ только называетъ ихъ неопредѣленно металлическими, не сообщая никакихъ свѣдѣній ни о металлѣ, изъ котораго они сдѣланы, ни объ ихъ формѣ и видѣ. Такая же неполнота встрѣчается въ дневникѣ и при описаніи нѣкоторыхъ другихъ предметовъ.

Опредѣлено: предварительно отвѣта на присланную записку, отнестись къ д. чл. В. Б. Антоновичу и просить его сообщить свое мнѣніе относительно предложенія сдѣланнаго Обществу г. Карповымъ о раскопкѣ кургановъ, а присланный имъ дневникъ передать въ Редакціонный Комитетъ.

з) — чл. кор. Е. Т. Соловьева—замѣтка, подъ заглавіемъ: «Взаимныя отношенія между русскими и инородцами Казанской губерніи». И по заглавію, и по содержанію эта замѣтка относится собственно къ области этнографіи. Седержаніе ея слѣдующее: Въ предѣлахъ Казанской губерніи живутъ русскіе, татары, чуваши, черемисы, вотяки и мордва. Всѣ эти народности между собою перемѣшаны: или въ каждомъ селеніи, рядомъ находящемся съ другимъ, живетъ особая народность, или въ одномъ и томъ же селеніи живутъ двѣ разныя народности, а иногда и больше. Въ послѣднемъ случаѣ вліяніе одной народности на другую бываетъ настолько сильно, что съ теченіемъ времени особенности ихъ характера и обычаевъ почти совершенно сглаживаются. Онѣ составляютъ какъ бы одно цѣлое, при чемъ всегда беретъ верхъ русская народность, какъ болѣе богатая духовными силами. Тоже происходитъ и тогда, когда разныя народности, хотя и въ отдѣльныхъ селеніяхъ, но живутъ между собой въ близкомъ

разстояніи; только въ послѣднемъ случаѣ это сглаживаніе обычаевъ идетъ медленнѣе. Еще медленнѣе, разумѣется, оно идетъ тамъ, гдѣ населенія одной и той же народности составляютъ цѣлую однородную группу. Во всякомъ случаѣ, въ результатѣ является то, что особенности юридическихъ обычаевъ у разныхъ народностей въ предѣлахъ Казанской губерніи въ настоящее время незначительны; исключеніе составляютъ развѣ только татары, у которыхъ эти особенности нѣсколько рѣзче, по самой ихъ религіи. Причину такого явленія авторъ находитъ въ томъ, что всѣ упомянутыя народности еще задолго до покоренія Казани жили здѣсь въ близкихъ торговыхъ и другихъ сношеніяхъ между собою, вслѣдствіе чего у нихъ въ юридическихъ обычаяхъ необходимо должна была установиться одинаковость, съ незначительными отклоненіями отъ нея только въ нѣкоторыхъ частностяхъ. Затѣмъ, со времени покоренія Казани протекло болѣе трехъ столѣтій—промежутокъ, въ который вліяніе инородцевъ на русскихъ и особенно вліяніе на нихъ русскихъ должны были произвести полное дѣйствіе, т. е. уравновѣсить и до значительной степени сгладить особенности юридическихъ обычаевъ, характеризующихъ ту или другую народность.

Опредѣлено: благодарить автора за сообщенную имъ замѣтку и передать ее въ Редакціонный Комитетъ.

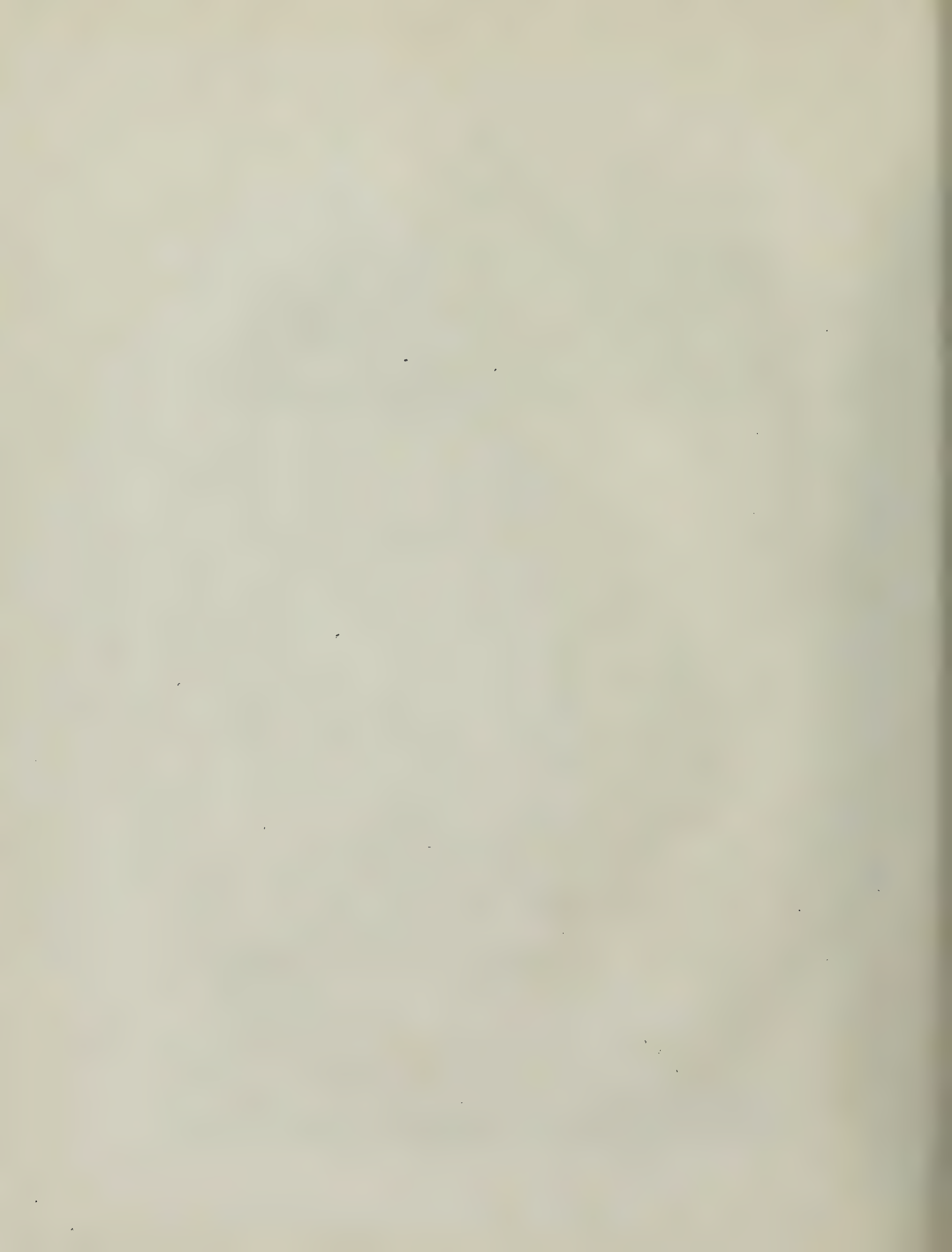
4. Д. чл. В. Ѳ. Миллеръ, бывшій въ С.-Петербургѣ на Съѣздѣ оріенталистовъ депутатомъ отъ Московскаго Археологическаго Общества, представилъ отчетъ о занятіяхъ Съѣзда, при чемъ обратилъ вниманіе главнымъ образомъ на такіе рефераты русскихъ и иностранныхъ ученыхъ, которые имѣютъ интересъ для археологіи въ обширномъ смыслѣ. Онъ изложилъ содержаніе нѣсколькихъ рефератовъ извѣстнаго французскаго ученаго Жюля Опперта, лучшаго знатока клинообразныхъ надписей Вавилона и Ассиріи. Одинъ изъ этихъ рефератовъ былъ посвященъ вопросу о двухъ языкахъ, сохранившихся въ надписяхъ,—сузійскомъ и мифійскомъ, которые не принадлежатъ ни къ арійской, ни къ семитической вѣтви; другой—объясненію названія Зендавесты; третій—халдейской поэмѣ о потопѣ, открытой и впервые переведенной англійскимъ, недавно умершимъ, ассиріологомъ Джорджемъ Смисомъ. Изъ числа другихъ рефератовъ В. Ѳ. Миллеръ отмѣтилъ рефераты нашихъ оріенталистовъ: г. Григорьева (о названіи Туранъ), г. Гаркави (о славянскомъ царѣ Маджекѣ, упоминаемомъ арабскимъ географомъ Масуди), г. Хвольсона (о причинахъ прекращенія въ началѣ XI вѣка торговыхъ сношеній между мусульманскимъ востокомъ и сѣверною Европою, процвѣтавшихъ въ теченіи VII—X вв.), г. Васильева (о поселеніи Китайцевъ на Желтой рѣкѣ) и нѣкоторые другіе. Въ заключеніе референтъ высказалъ свой взглядъ на значеніе С.-Петербургскаго Съѣзда оріенталистовъ. Это значеніе онъ видитъ не столько въ рефератахъ и въ сборникѣ «Трудовъ», который будетъ изданъ, сколько въ томъ, что иностранные ученые имѣли возможность познакомиться съ трудами русскихъ оріенталистовъ, которые въ изученіи огромной части Азіи могутъ служить учителями западнымъ ученымъ.

5) Д. чл. К. К. Гёрцъ сдѣлалъ подробный очеркъ раскопокъ въ Олим-

піи, въ 1875—1876 годахъ, предпринятыхъ германскимъ правительствомъ, при чемъ показывалъ фотографическіе снимки съ новооткрытыхъ памятниковъ греческаго искусства. Желая ознакомить присутствующихъ съ мѣстностію этихъ раскопокъ, референтъ представилъ сперва географическое положеніе Олимпіи, потомъ изложилъ исторію этого храмоваго округа и труды новѣйшихъ ученыхъ по изслѣдованію этой мѣстности. Упомянувъ о находкахъ французской экспедиціи 1829 года, онъ охарактеризовалъ обширный планъ изслѣдованія Олимпіи, начертанный нѣмецкими учеными, который нынѣ приводится въ исполненіе на государственныя средства Германіи. Изъ предыдущаго осмотра мѣстности оказалось, что она покрыта толстымъ слоемъ наносной земли. Референтъ, объяснивъ происхожденіе этого наноснаго слоя, перешелъ къ описанію центральнаго пункта раскопокъ—храма Зевса Олимпійскаго и подробно разсказалъ исторію построенія, разукрашенія и разрушенія этого знаменитаго памятника искусства, при чемъ оказалось по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, что въ послѣдствіи, въ VI вѣкѣ по Р. Х., здѣсь обитало какое-то бѣдное славянское, аварское или иллирійское племя. Затѣмъ референтъ перешелъ къ описанію новооткрытыхъ памятниковъ, украшавшихъ храмъ Зевса, а именно: статуй восточнаго фронтона, метопъ и водостоковъ храма Зевса. Онъ указалъ на значеніе и стиль этихъ изваяній. Но самую счастливую въ художественномъ отношеніи находку составляетъ статуя Побѣды (Нике) изъ мрамора, работы Пэонія, художника изъ города Менде во Ѳракіи, современника великому Фидію. Хотя сильно попорченное, это произведеніе есть одинъ изъ лучшихъ памятниковъ греческаго искусства. Референтъ характеризовалъ значеніе, стиль и техническія качества этого произведенія. Затѣмъ онъ разсмотрѣлъ прочія скульптуры, открытыя при раскопкахъ, и заключилъ свой докладъ исчисленіемъ всѣхъ предметовъ, найденныхъ въ первый годъ раскопокъ, и издержекъ, которыхъ стоило это предпріятіе.

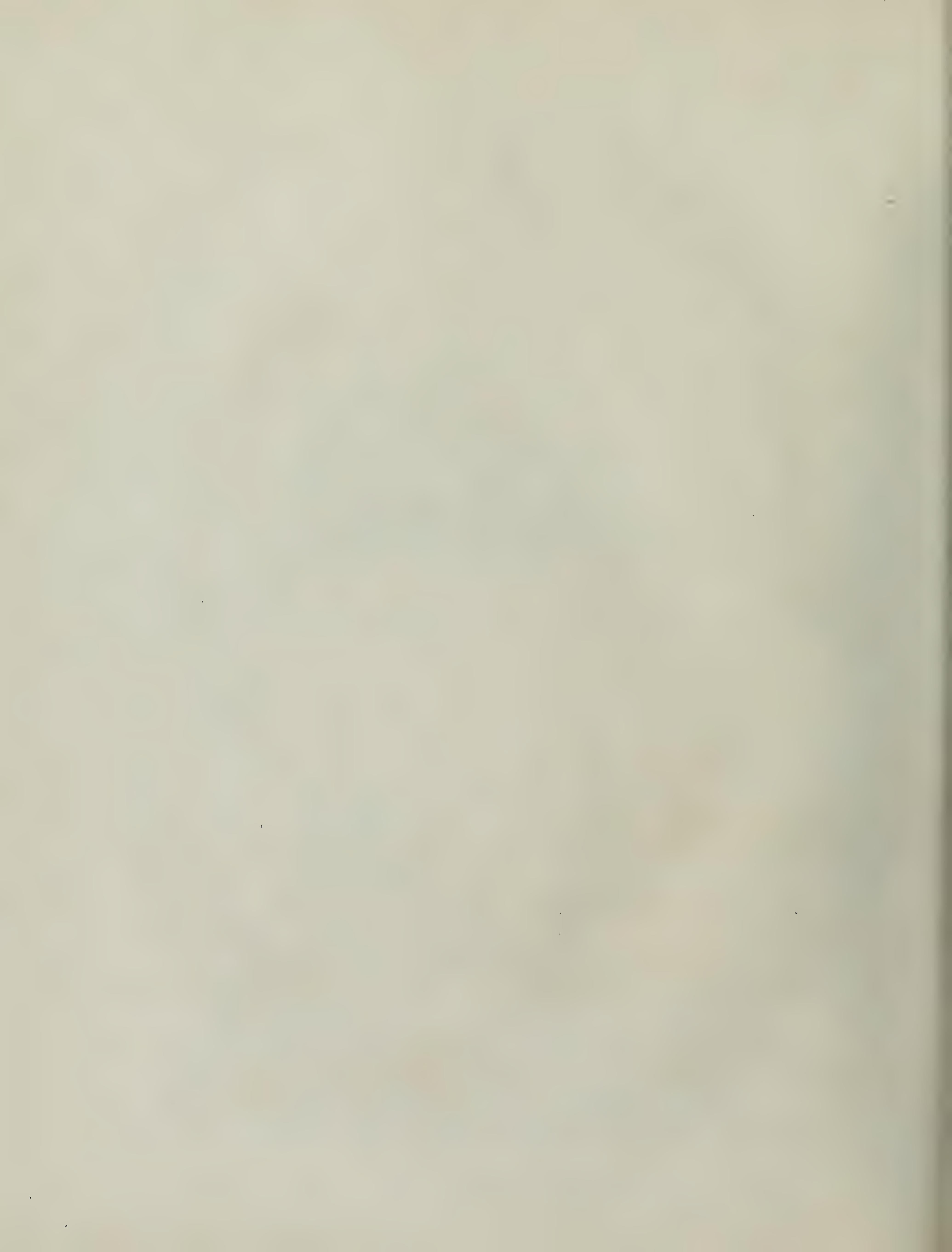
ЦЕРКОВЬ И КОЛОКОЛЬНИЦА СЕЛА ВЯЗЕМЫ-НИКОЛЬСКАГО, ПОСТРОЕННАЯ БОЯРИНОМЪ БОРИСОМЪ ѲЕДОРОВИЧЕМЪ ГОДУНОВЫМЪ ВЪ КОНЦѢ XVI СТОЛѢТІЯ

ЦЕРКОВЬ БЫВШАГО ПАТРІАРШАГО СЕЛА ДМИТРІЕВСКАГО НА ИСТРѢ, ПОСТРОЕННАЯ ВЪ ПОЛОВИНѢ XVII СТОЛѢТІЯ



ЦЕРКОВЬ СЕЛА УБОРЫ-СПАССКАГО ПОСТРОЕННАЯ ВЪ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. БОЯРИНОМЪ ПЕТРОМЪ ВАСИЛЬЕВИЧЕМЪ ШЕРЕМЕТЕВЫМЪ

ЦЕРКОВЬ СЕЛА ПАВЛОВСКАГО, ПОСТРОЕННАЯ БОЯРИНОМЪ БОРИСОМЪ ИВАНОВИЧЕМЪ МОРОЗОВЫМЪ ВЪ XVII СТОЛѢТІИ



ЦЕРКОВЬ СЕЛА УРЮПИНА-НИКОЛЬСКАГО, ПОСТРОЕННАЯ БОЯРИНОМЪ КНЯЗЕМЪ НИКИТОЮ ИВАНОВИЧЕМЪ ОДОЕВСКИМЪ ВЪ 1665 ГОДУ.

Лит. Александровскаго въ Москвѣ

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

МИНІАТЮРЫ

ГРЕЧЕСКОЙ РУКОПИСИ ПСАЛТИРИ IX ВѢКА

изъ собранія А. И. Хлудова

въ Москвѣ.

Д. Чл. Н. П. Кондакова.

Замѣчательная рукопись греческой Псалтири IX вѣка съ современными миніатюрами, прежде принадлежавшая покойному А. Н. Лобкову [1]), а нынѣ составляющая одно изъ лучшихъ украшеній извѣстнаго рукописнаго собранія А. И. Хлудова въ Москвѣ, занимаетъ по праву весьма важное мѣсто въ исторіи византійскаго искусства и его иконографіи. Принадлежность рукописи IX вѣку [2]) доказывается столько же ея древнимъ уставнымъ письмомъ (которое, впрочемъ, цѣликомъ, но на томъ же пергаменѣ и по древнему почерку пере-

[1]) Рукопись эта въ малую четвертку, 169 л., привезена съ Аѳона покойнымъ В. И. Григоровичемъ въ 1847 г., и въ нуждѣ продана Лобкову за небольшую, сравнительно съ ея цѣнностью, сумму. Кстати замѣтимъ, что это происхожденіе рукописи съ Аѳона нисколько не указываетъ на мѣсто ея написанія, ибо художественная дѣятельность Аѳона развилась гораздо позднѣе.

[2]) Т. е., не позднѣе IX вѣка, потому что палеографическіе признаки лишь обще указываютъ на эпоху VIII—IX в. Извѣстно также, что Монфоконъ, установившій исторію этихъ признаковъ, условно принимаетъ IX вѣкъ, какъ границу древняго письма. О письмѣ рукоп. см. подробнѣе «Археологическія замѣтки о гр. Пс» Арх. Амфилохія. М. 1866, съ 14 табл палеографическихъ снимковъ

писано въ XII вѣкѣ), сколько стилемъ ея миніатюръ и разными историческими указаніями, въ нихъ содержащимися. Такая древность и сама по себѣ даетъ Хлудовскому списку первое мѣсто въ средѣ греческихъ лицевыхъ кодексовъ Псалтири,[1]) по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые, какъ напр. списокъ Барберинской Библіотеки, Лондонской и пр., относятся къ одной и той же редакціи, но, будучи позднѣе этого списка, могутъ считаться какъ бы его копіями. Эта редакція, нося на себѣ характеръ Псалтири «Толковой» въ самомъ содержаніи своихъ миніатюръ, и будучи, поэтому, явно богословскаго происхожденія, по художественному характеру примыкаетъ къ періоду VII—IX вѣковъ. Именно къ этой эпохѣ паденія античной манеры относится разрядъ рукописей, иллюстрированныхъ по полямъ малыми виньетками и еще не украшенныхъ ни заставками, ни живописной формы заглавными буквами [2]).

Такова же въ общихъ чертахъ и вся внѣшность Хлудовскаго списка. Художественная манера его миніатюръ, легкая и простая, владѣетъ древнею моделлировкою, хотя нѣсколько огрубѣлою, но все еще изящною и натуральною; она сама въ себѣ заключаетъ всѣ необходимыя условія для широкой иллюстраціи кодекса. Миніатюра довольствуется здѣсь композиціею краткою и ясною, не ища сложнаго натуралистическаго перевода; очеркъ фигуры дается немногими ясными контурами и, при богатствѣ тѣней и переходовъ, не нуждается еще въ той мучительно-мелкой механической штриховкѣ, которая появляется въ византійскомъ искусствѣ уже съ начала X вѣка. Рисунки исполнены не каллиграфомъ, но художникомъ, мастеромъ своего дѣла; правда, иныя миніатюры наложены слишкомъ обще и даже небрежно, мѣстами видна торопливость; [3]) но повсюду свѣжесть античнаго стиля, достоинство и изящество манеры выкупаютъ недостатки исполненія; самая манера указываетъ даже болѣе на VIII вѣкъ, нежели на IX, когда въ

---

[1]) Другой разрядъ лицевыхъ Псалтирей съ немногими, но пышно-широкой манеры миніатюрами, представляется древнѣйшимъ въ этомъ ряду кодексомъ Парижской Псалтири № 139, который по происхожденію своему или нѣсколько позднѣе IX вѣка, или современенъ нашей рукописи. О различіи этихъ редакцій, сходившихся только въ позднѣйшихъ спискахъ, см. въ соч. «Исторія византійскаго искусства по миніатюрамъ греческихъ рукописей». 1876, стр. 111—131, 146 сл.

[2]) Тамъ же, стр. 108 сл.

[3]) Въ указанномъ описаніи арх. Амфилохій на стр. 4 говоритъ: «Изображенія, въ сей Псалтири помѣщенныя, почти всѣ поновлены, по вторичномъ написаніи рукописи въ XII вѣкѣ, очень грубо» и пр. Это поновленіе мы нашли только въ двухъ, трехъ мѣстахъ, и считаемъ также, что знаки сносокъ на текстъ первоначальны. Не говоря о томъ, что подобныя поновленія ясно были бы видны и придавали бы совсѣмъ иной видъ миніатюрамъ, ихъ крайняя разрушенность, именно на первыхъ страницахъ и свѣжая сохранность второй половины свидѣтельствуютъ противъ догадки почтеннаго описателя.

искусствѣ вырабатывается поздне-византійскій мертвенный пошибъ и ремесленная схема рисунка замѣняетъ отсутствіе жизни блескомъ красокъ и условною правильностію фигуръ. Художественное воспитаніе миніатюриста Хлуд. Псалтири проявилось, однакоже, всего болѣе въ томъ чувствѣ мѣры и красоты, которое дало ему прежде всего пластически краткую и ясную композицію: въ ней только три—четыре фигуры, изъ нихъ главная легко выступаетъ на первый планъ; сюжетъ развитъ легко и свободно, можетъ быть,—иногда даже поверхностно; изображеніе событія, хотя бы сцены изъ страстей Господнихъ, чуждо вполнѣ болѣзненнаго, аскетическаго лиризма, который выступаетъ въ позднѣйшихъ редакціяхъ Лицевой Псалтири и въ позднѣйшихъ византійскихъ миніатюрахъ является элементомъ разложенія античныхъ преданій, а, вмѣстѣ съ ними, и самого византійскаго искусства. Здѣсь, напротивъ того, самый выборъ предпочтительно юныхъ образовъ и фигуръ составляетъ всецѣло наслѣдіе могущественнаго и оригинальнаго развитія искусства въ предыдущую эпоху.

Въ этихъ рисункахъ, напоминающихъ еще живопись античныхъ вазъ, характерность и простота типовъ простирается даже и на безцвѣтныя обыкновенно изображенія толпы; среди нея выдаются особенно часто двѣ фигуры: старика, съ массивною плѣшивою головою и пучками волосъ на вискахъ и щекахъ, краснымъ вздутымъ лицомъ и толстымъ дряблымъ тѣломъ—образъ Силена, по прямой линіи сюда перешедшій,—и нѣжнаго круглолицаго юноши, полуребенка, съ яснымъ взглядомъ и розовыми щеками—типъ, которого прелестью любуешься въ Вѣнскомъ кодексѣ Бытія IV—V вѣка. Привычка къ этимъ типамъ такъ сильна у рисовальщика, что въ одной сценѣ Распятія силенообразнымъ старикомъ онъ изобразилъ сотника Логина, а въ сценѣ сдѣлки съ фарисеями (л. 40 об., пс. 40, 8) такимъ юношею или ребенкомъ представленъ даже Іуда, тогда какъ рядомъ, въ сценѣ Тайной Вечери, онъ уже является со всѣми натуралистическими чертами дикой всклокоченной фигуры: съ рыжими волосами и бородою и лицомъ еврейскаго типа. Но если затѣмъ, въ этомъ же юношескомъ возрастѣ представляются воины, служители, апостолы (кромѣ Петра, Павла, Андрея и др.), особливо Матѳей, мученики вообще и св. Георгій въ частности; то византійскій миніатюристъ, въ своемъ качествѣ иконописца, преслѣдуетъ также и историческую правду и личную характеристику въ средѣ типовъ, доселѣ отмѣченныхъ въ искусствѣ только общими чертами.

Отсюда особенною оригинальностію и разнообразіемъ отличаются въ рукописи типы Евреевъ, и самыя ветхозавѣтныя лица представ-

ляютъ противъ искусства VI—VII вѣка натуралистическое разнообразіе. Таковъ типъ Давида, съ его маленькою опушающею бородкою, въ полномъ цвѣтѣ мужества, съ типичными еврейскими чертами лица; пророковъ Аггея и Захаріи, которые изображены сѣдыми и съ длинною бородою; Аввакума, который представленъ съ легкою бородкою [1]) и пр. Пусть варіаціи были только колебаніе и не получили особеннаго значенія въ самой иконографіи. Но, взамѣнъ того, типъ Христа въ этой Псалтири, строго развивая традицію, представляетъ важнѣйшее звено въ исторіи его перехода отъ мозаическаго образа VI в. къ поздне-византійскому, канонизованному типу X столѣтія. Христосъ неизмѣнно одѣтъ въ голубой хитонъ съ золотыми клавами и пурпурный гиматій, оставляющій открытыми только правую руку и плечо; лѣвая держитъ свитокъ, а правая благословляетъ всегда троеперстно, или греческимъ перстосложеніемъ, получившимъ позднѣе названіе именословнаго. Красивое лицо Христа обрамлено черными густыми волосами и маленькою бородою, начинающеюся отъ ушей и у подбородка слегка раздвоенною; еврейскій типъ выставленъ съ особымъ удареніемъ въ этихъ чертахъ, а на лбу отдѣляются двѣ пряди волосъ, составляющія въ послѣдующую эпоху странную и неизмѣнную принадлежность ветхозавѣтныхъ типовъ. Другіе иконографическіе типы удержали также древне-христіанскія черты: Богородица представляется юною, полною дѣвою, а І. Предтеча имѣетъ много сходства съ типомъ миніатюръ сирійскаго Евангелія, Лавр. б. 586 г.

Если, такимъ образомъ, нашъ памятникъ по типамъ представляется стоящимъ на рубежѣ двухъ историческихъ эпохъ искусства, древней и поздне-византійской, раздѣленныхъ другъ отъ друга художественною манерою, то и его содержаніе еще полно воспоминаніями знаменательныхъ событій VIII столѣтія и рисуетъ намъ характеръ религіознаго и умственнаго настроенія эпохи иконоборцевъ.

Въ самомъ дѣлѣ, эта редакція Псалтири, «толковой» въ самомъ выборѣ своихъ рисунковъ, составившаяся непосредственно послѣ эпохи иконоборства, даетъ намъ всѣ характерные признаки излюбленнаго богословскаго произведенія, назначеннаго для дѣйствованія на массу; какъ, съ одной стороны, оно пріурочено къ наглядному выраженію догмы и политической ея стороны, такъ въ цѣломъ направлено къ благому нравственному поученію. А эти признаки отличаютъ собой всю богословскую литературу эпохи иконоборства IX

---

[1]) См. под. же типы въ мин. ркп. Космы Индикоплова Ват. библ. въ указ. «Исторіи виз. искус. и иконографіи,» стр. 96. Ср. иные типы традиціоннаго характера въ изображеніи пророковъ Туринской библіотеки—рис. къ сочин. проф. Буслаева, въ Сборникѣ Общ. древнерусскаго искус. за 1866 г. къ стр. 86.

вѣка. Борьба съ ересями отнынѣ уже не ограничивается духовною іерархіею и соборами, но переходитъ въ народъ и общественную жизнь: политическія сочиненія противъ ересей принимаютъ съ VII вѣка форму изложенія ихъ исторіи, оглашенія и подробнаго объясненія для всѣхъ. [1]) И, конечно, наиболѣе выдающуюся роль въ развитіи общаго богословскаго интереса играла иконоборческая ересь, борьба съ которой велась слабымъ противъ сильнаго,—монашествомъ и народомъ противъ императоровъ, администраціи и солдатчины. Въ этой полемикѣ созрѣли и получили значеніе сочиненія І. Дамаскина, Θеодора Студита (особенно письма его), патріарховъ Германа, Никифора, Меθодія и друг.: вся ихъ литературная дѣятельность носитъ на себѣ отпечатокъ общественно-полемическій, широкій и сводится къ выясненію и утвержденію нравственныхъ правъ церкви, попираемыхъ деспотическою силою. Въ такую эпоху всеобщаго колебанія и борьбы за самыя завѣтныя догмы весьма понятно отсутствіе сочиненій по собственно-нравственному богословію: ихъ роль исполняютъ творенія Отцовъ Церкви, которыхъ чтеніе отнынѣ особенно распространяется между міряниами, житія Святыхъ (къ X в. относится первое уложеніе ихъ редакцій Симеономъ Метафрастомъ) и поучительныя посланія и письма. І. Дамаскинъ составляетъ изборникъ въ 300 слишкомъ главъ или титуловъ, названный имъ «Священными параллелями» [2]), въ которомъ онъ сводитъ изреченія Библіи и Отцовъ церкви по всевозможнымъ житейскимъ, церковнымъ и соціальнымъ вопросамъ: о благочестіи, милостыни, судѣ и правосудіи, чистотѣ жизни, мудрости житейской и пр., а также о лѣкаряхъ, пьяницахъ и злыхъ женщинахъ и т. д. Пусть исторія церкви видитъ въ этомъ писателѣ великаго догматика: подобныя сочиненія его играли въ свое время не менѣе важную роль, какъ и полемико-схоластическія.

Отсюда, въ частности, Псалтирь, игравшая въ Византіи роль практическаго нравственнаго кодекса, распѣвавшаяся благочестивыми людьми за работою,—иными каждый день, съ начала до конца,—или же монахами переписывавшаяся въ Великій постъ (таково свѣдѣніе о патріархѣ Меθодіи) цѣликомъ за каждую его недѣлю, должна была особенно выдаваться въ разрядѣ этихъ поучительныхъ сочиненій. Въ толковой Псалтири не только находила себѣ обширное примѣненіе любимая богословская задача—искать прообразовъ Новаго Завѣта въ Ветхомъ (τύποι τῶν νεῶν въ τὰ παλαιά), но и само богословіе

[1]) Леонтія схоластика ок. 610 г.—исторія ересей; І. Дамаскина руководство къ различенію ихъ, Фотія о Манихействѣ; под. же частныя сочиненія Максенція, Θеодора, Германа, Максима Исп., Анастасія и пр.

[2]) Patrol. cursus compl. ed. Migne, Ser. gr. t. 95.

изъ отвлеченной науки догматовъ переходило въ живое исповѣданіе вѣры и православія. Миніатюры, украсившія отнынѣ кодексы Псалтири, являются намъ наглядною замѣною философскихъ и нравственныхъ апоѳегмъ, и выражаютъ собою весьма чувствительно общее направленіе мысли. Такъ, редакція Хлудовской Псалтири съ ея дальнѣйшимъ развитіемъ въ кодексахъ Барберинскомъ, Лондонскомъ, Аѳонскомъ и др. выставляетъ какъ принципъ, не чистое богословское направленіе въ своемъ толковомъ содержаніи, но широкую задачу— придать богословскому поученію общегодность и наглядную убѣдительность.

Пользуясь неукоснительно всѣми пригодными мѣстами, миніатюры этихъ редакцій переносятъ цѣликомъ событія Новаго Завѣта въ объясненіе Псалмовъ, хотя бы ни одинъ толкователь не указывалъ въ данныхъ мѣстахъ пророческихъ указаній на будущее: благія цѣли вполнѣ оправдывали эту мѣру. Для иллюстратора Псалтири «звѣрь, живущій въ тростникѣ» (пс. 67, ст. 31, мин. на л. 65)—свиное стадо, въ которое вошли бѣсы, изгнанные Христомъ; выраженіе: «ревность моя по домѣ Твоемъ», пс. 68, 10, л. 66, представляется въ образѣ Христа, изгоняющаго изъ храма мытарей и продающихъ; «нѣтъ скудости боящимся Его», пс. 33, 10—миніатюра на л. 30 представляетъ чудесное умноженіе хлѣбовъ; «источникъ жизни», пс. 35, 10 л. 33, есть Христосъ, бесѣдующій съ Самарянкою; слова: «окропиши мя иссопомъ и очищуся», пс. 50, 9, л. 50, являются въ сценѣ умовенія ногъ ученикамъ (по толкователямъ, крещеніе); осторожность на слова и обѣщанія, пс. 38, 2, представлена въ поучительномъ примѣрѣ Ап. Петра клянущагося, и весь псаломъ 38-й съ слезнымъ моленіемъ Давида, ст. 13, слѣд., представленъ въ образѣ раскаянія Апостола, и множество другихъ случаевъ произвольнаго воплощенія евангельскихъ сюжетовъ въ простѣйшихъ словахъ Псалтири, которыхъ не находимъ ни у одного толковника ея. Понятно, что также и всѣ подходящія къ такой цѣли толкованія этихъ послѣднихъ вносятся предпочтительно въ иллюстрацію, что̀ мы и будемъ наблюдать постоянно ниже; возьмемъ одинъ мелкій случай: пс. 67, особенно выдающійся между пророческими изреченіями, въ ст. 27 называетъ младшаго Веніамина, владыку Іудеевъ; и Аѳанасій Александрійскій, и Ѳеодоритъ [1]) единогласно указываютъ, что здѣсь должно разумѣть ап. Павла (б. изъ племени Веніаминова), призваннаго послѣ всѣхъ Апостоловъ, младшаго между ними,—образъ язычниковъ, принявшихъ христіан-

---

[1]) Аѳанасія толкованіе на пс. въ Patrol. c compl ed Migne, ser. gr. t. 28. Ѳеодорита кир. еп. тамъ же т. 80.

ство и владычествующихъ надъ Іудеями. Миніатюра рисуетъ къ этому стиху икону Апостола съ подписью: «Веніаминъ».

Еще ярче выступаетъ общественная роль богословской полемики и такихъ ея орудій, какъ Лицевая Псалтирь,—въ нѣсколькихъ ея миніатюрахъ, относящихся къ иконоборству. Передъ нами явно, хотя и нѣтъ надписей, засѣданіе «нечестивыхъ» (л. 23 об., пс. 25, ст. 5) иконоборцевъ во Влахернахъ, въ эпоху гоненій Льва Армянина (815 годъ): императоръ, окруженный тѣлохранителями въ парикахъ, сидитъ на тронѣ выслушивая рядомъ сидящаго и вновь посвященнаго иконоборческаго патріарха Θеодота: патріархъ Никифоръ уже былъ въ это время въ ссылкѣ, а заключеніе въ темницу Θ. Студита послѣдовало скоро послѣ этого собора. Фигура императора отличается почти портретною натуральностью и типичностью восточной физіономіи: дикіе глаза, сверкающіе изъ подъ насупленныхъ бровей, густые локоны черныхъ, какъ смоль, волосъ охвачены тоненькимъ ободкомъ діадемы; рядомъ группа двухъ иконоборцевъ занята поруганіемъ иконы Христа въ кругломъ медальонѣ: одинъ одѣтый въ пенулу, насадивъ икону на древко, намѣренъ окунуть ее въ вазу съ кипящею смолою: это софистъ и пособникъ Льва Іоаннъ; его отличаютъ дыбомъ подымающіеся волосы; другой, подражая Іудею, подноситъ къ лику иконы губку: это второй пособникъ Льва, епископъ Игнатій; повсюду пятна и потоки крови (αἷμα). Тѣхъ же двухъ лицъ и за подобныхъ занятіемъ (безъ надписей) встрѣчаемъ внизу изображенія распятія на Голгоѳѣ (къ пс. 68, ст. 22): сцены поруганія иконы и распятія самого Христа представлены въ параллель другъ другу: Іудей подноситъ къ устамъ Христа губку, напитанную уксусомъ изъ близь стоящей вазы, а сѣдой сотникъ Логинъ, держа копье, дивится чуду. Оригинальная мысль сравнить злыхъ иконоборцевъ съ Іудеями, распявшими Христа, заимствована изъ извѣстнаго сказанія о «Страстяхъ Господней иконы», приписаннаго Аѳанасію Александрійскому, [1]) но завѣдомо подложнаго, хотя оно и было уже читано на 2-мъ Никейскомъ соборѣ. Это преданіе разсказываетъ, какъ однажды Іудеи въ Беритѣ ругались надъ иконою Христа, плевали въ нее и били, и, пробивъ гвоздями руки и ноги изображеннаго, тростью ударяли по головѣ Господа, подносили къ устамъ лика губку, напитанную уксусомъ, и наконецъ, пронзивъ бокъ Его копьемъ, дали совершиться новому чуду, ибо изъ бока истекла кровь и вода чудотворной силы. Разсказъ этотъ долгое время

[1]) Изд. въ соч. Аѳанасія, Patrol. c. c. ser. gr., ed. Migne, t. XXVIII, p. 798—824 въ четырехъ спискахъ.

читался въ Воскресеніе недѣли православія (первой недѣли Великаго Поста, въ которую праздновалось возобновленіе иконопочитанія), и былъ весьма распространенъ въ эпоху послѣдующую за иконоборствомъ [1]): его передаетъ Θ. Студитъ въ извѣстномъ письмѣ къ Императорамъ Михаилу и Θеофилу, которое, какъ исповѣданіе православія, было послано отъ лица всѣхъ іереевъ [2]). Тотъ же Θ. Студитъ [3]) приписываетъ, наконецъ, Іоанну и Игнатію два акростиха: Іоанна—Χριστοῦ τὸ πάθος ἐλπὶς Ἰωάννῃ; Игнатія—σταυρὸς Ἰγνάτιῳ αἴνεσις, и миніатюра видимо обращаетъ это въ пародію.

Торжество православія является въ образѣ патріарха Никифора, въ нимбѣ, держащаго въ лѣвой рукѣ образъ Христа (къ пс. 25, ст. 4, на л. 23): полное возстановленіе иконопочитанія или только что совершилось во время составленія этой лицевой редакціи, или даже еще совершалось, почему въ Псалтири рядомъ съ Никифоромъ нѣтъ еще Θ. Студита, какъ въ ркп. Лондонской, въ которой этотъ наставникъ православія изображается еще къ пс. 63, 88 ст. 49 и др. Но также нѣтъ и св. патріарха Тарасія, и сокровенныя тому причины находимъ какъ въ миніатюрахъ, такъ и въ современной исторіи церкви. Въ памяти рисовальщика должна была еще свѣжа быть прикосновенность Тарасія къ Симоніанству, хотя бы какъ невольное участіе Тарасія въ рукоположеніи епископовъ и пресвитеровъ за деньги. Хотя самъ Θеодоръ Студитъ и примирился съ Тарасіемъ не только по прежнему его проступку въ согласіи на прелюбодѣйный бракъ Константина Копронима, но и въ послабленіяхъ патріарха симоніанамъ [4]), и убѣждалъ учениковъ и послѣдователей—«Студитовъ» (въ IX в. называвшихся акоймитами) не отступать отъ церкви, однакоже, по его смерти, въ церковной іерархіи явилась замѣтная рознь. Студиты считали все «священство» церкви оскверненнымъ, искали отложиться отъ нея и управляться самимъ, по своей волѣ—τῷ οἰκείῳ θελήματι. Такъ что патріархъ Меθодій (842—846), въ виду явнаго стремленія Студитовъ «отщепенцевъ»—судить патріарховъ и самимъ властвовать въ церкви, вынужденъ былъ пригрозить имъ соборнѣ анаθемою, если они сами, образумившись, не анаθематствуютъ прежняго разногласія Θ. Студита съ великими патріархами. [5]). Видно

---

[1]) См. Предисловіе къ изданію спурій Аθанасія, ib. стр. 18.

[2]) См. Письма Θ. Студ., изд. С. Петер. Дух. Академіи, 1867 г., стр. 514.

[3]) Въ соч. Θ. Студита, Patrol. graec. Migne t. 99, p. 477: ἔλεγχος καὶ ἀνατροπὴ τῶν ἀσεβῶν ποιημάτων.

[4]) См. письма Θ. Студита, указ. изд., стр. 310 слѣд., гдѣ Преподобный совѣтуетъ своимъ слѣдить только за исповѣданіемъ вѣры, и принимать рукоположенныхъ епископами симоніанами, коль скоро не было вѣдомо первымъ происхожденіе ихъ священства.

[5]) См. любопытное посланіе п-ха Меθодія къ Студитамъ въ Patrol. ed. Migne. t. 100, p.

также, что въ самомъ монастырѣ Студійскомъ было несогласіе, и болѣе благоразумные монахи осуждали увлеченія посторонниxъ Студитовъ [1]). Прямое указаніе на эти событія даютъ намъ двѣ замѣчательныя миніатюры: къ пс. 68, ст. 28, на л. 67 об. видимъ двѣ параллельныя сцены: фарисеи подкупаютъ двухъ воиновъ, стоящихъ на стражѣ Гроба, кругомъ надписи изъ текста Псалтири и Евангелія; ниже Симонъ волхвъ въ епископскомъ облаченіи, держа въ лѣвой рукѣ чашу съ деньгами, рукополагаетъ двѣ фигуры, протягивающія къ нему кошели; сзади Симона дьяволъ (φιλάργυρος δαίμων), нашептывающій ему въ ухо. Отношеніе сцены къ иконоборцамъ указывается остаткомъ подписи: καὶ τὴν τοῦ Χῦ εἰκόνα ἀτιμάζοντ᾽ προσθήκην τῆς ἀνομίας αὐτοῦ ἐργάζοντες, а также другою подобною же миніатюрою къ пс. 51, 9, на л. 51 об. и опять состоящею изъ двухъ параллельныхъ изображеній: Апостолъ Петръ стоитъ на поверженномъ волхвѣ Симонѣ, проклиная его сребролюбіе; внизу упавшая кружка съ разсыпанными монетами.

Ниже Никифоръ, держа въ лѣвой рукѣ образъ Христа, «у к а з ы в а е т ъ» на поверженнаго І о а н н а, в т о р а г о «С и м о н а и и к о н о б о р ц а». Имя Іанна не даромъ также замѣняетъ здѣсь Іоанна; этотъ ученый софистъ или грамматикъ, правая рука Льва, «его уста», но шутъ и волшебникъ «Леканомантъ»—въ глазахъ современниковъ (изображается поэтому въ миніатюрахъ съ волосами дыбомъ, какъ одержимый бѣсомъ), родомъ изъ Ассиріи, дѣйствительно, носитъ имя Іанниса въ полемическихъ сочиненіяхъ начала IX вѣка [2]), будучи недостоинъ называться Іоанномъ, по перифразу апостольскаго изреченія. На л. 35 об. къ пс. XXXVI, этотъ Іаннъ изображенъ вновь какъ сребролюбецъ и симоніанинъ: онъ держитъ въ рукахъ большой кошель; возлѣ него дьяволъ, дыханіе котораго выходитъ пламенемъ.

Итакъ, эти историческія миніатюры вводятъ насъ непосредственно въ самую среду знаменательнаго духовнаго и общественнаго движенія VIII—IX вѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ рисуютъ его видимо съ узкомонашеской точки зрѣнія. Иконоборство изображается намъ наущеніемъ діавола, іудейскимъ предательствомъ церкви и Христа, исходившимъ изъ гнуснаго сребролюбія и алчнаго симоніанства; всѣ выгодныя стороны этого реформаціоннаго движенія, его блестящіе воен-

1298, 1295 etc. Исторически важныя слова патріарха: «ты монахъ, и не прилично тебѣ судить дѣла іереевъ, и ты долженъ повиноваться, а не подчинять себѣ другихъ и судить ихъ,» въ прим. къ указ. стр. Рукопись наша могла быть составлена послѣ 846 г., въ которомъ перенесены въ К-поль мощи Никифора.

[1]) См. житіе Θ. Студита, составленное его ученикомъ Михаиломъ, С. Петерб. изд., стр. 38—9.

[2]) Въ житіи Θеодора. Patrol. c. c. ed. Migne t. 99, p. 177: Ἰάννης, ἀλλ᾽ οὐχὶ Ἰωάννης, καλεῖσθαι ἄξιος; тоже въ лѣтописи Симеона, біографіи патріарха Меθодія и пр.

ные и административные успѣхи, строго моральныя задачи иконоборства, пытавшагося возвысить разлагающееся общество, искоренить суевѣріе въ народѣ, однимъ словомъ, нравственно-политическій характеръ борьбы исчезаетъ и стушевывается въ этой односторонней оцѣнкѣ. Но, признавая ея крайнее пристрастіе, можемъ ли мы поставить въ вину и осудить этотъ взглядъ противной партіи, еще живо чувствовавшей страшныя раны, нанесенныя церкви и обществу? И само иконоборство, исходя, быть можетъ, изъ разумныхъ политическихъ и административныхъ цѣлей, было только безплодною реформаторскою попыткою, съ самаго начала утратившею свои истинныя задачи и превратившеюся въ узкую религіозную борьбу.

Задавшись цѣлію всеобщаго преобразованія Имперіи, иконоборство сосредоточилось, однако, исключительно на борьбѣ съ клерикализмомъ и ограниченіи монастырей и ихъ привиллегій; «просвѣщенное и либеральное направленіе» [1]) кончило тѣмъ, что занялось «искорененіемъ всего, отвлекающаго подданныхъ Имперіи отъ исполненія ихъ гражданскихъ обязанностей, прежде всего суевѣрія, а затѣмъ и самаго образованія, какъ «безполезнаго въ государственномъ отношеніи» (слова Зампелія), и превратилось въ дикую солдатчину. И въ то время, какъ клерикальная партія, хотя дѣйствуя изъ личныхъ и сословныхъ интересовъ, опиралась на вѣковую культуру Византіи, наслѣдницы римской Имперіи, ничтожество политическаго знамени иконоборцевъ не было въ состояніи дать этой партіи той внутренней силы и нравственнаго права, которыя одни способны дать движенію истинный успѣхъ.

Рядъ фактовъ, нами встрѣченныхъ въ анализѣ историческихъ намековъ Псалтири, недаромъ, наконецъ, сосредоточивается на исторіи важнѣйшаго монастырскаго центра православія въ данную эпоху— знаменитаго Студійскаго монастыря. И если къ этому ряду побочныхъ доказательствъ С т у д і й с к а г о происхожденія нашей редакціи Лицевой Псалтири мы пожелали бы имѣть прямое, то дальнѣйшая копія этой редакціи, заключающаяся въ Лондонскомъ кодексѣ, рядомъ съ патріархомъ Никифоромъ, изображаетъ и «преподобнаго отца» Ѳ. Студита.

При этомъ предположеніи монастырскаго происхожденія редакціи и непосредственнаго ея появленія по окончаніи періода иконоборче-

---

[1]) См. оцѣнку иконоборства въ этомъ смыслѣ въ соч. Ш л о с с е р а Geschichte der bilderstürmenden Kaiser, греческомъ соч. Зампелія и статьяхъ О. І е р о м о н а х а Г е р а с и м а: «Отзывы о св. Ѳотіи, п-хѣ К-скомъ, его современниковъ, въ связи съ исторіею политическихъ партій Виз. Имперіи» Спб. 1874 г. изъ Христ. Чтенія за 1872 и 3 г, стр. 46, 49, 50 и пр.

скаго, объясняется и относительная бѣдность ея въ употребленіи привычныхъ формъ античнаго искусства,—по крайней мѣрѣ, сравнительно съ редакціею Парижскаго кодекса. Есть положительныя извѣстія, что иконоборство фактически сочетало съ своею тенденціею общую вражду противъ науки и классическаго образованія: преувеличенные, конечно, слухи утверждали, будто Михаилъ II (820—9) даже вовсе запретилъ обученіе дѣтей.

Но и побѣда православія, какъ справедливо замѣчаетъ о. Герасимъ, не повела за собою реформы внутренней; свѣтская образованность и ученость пали передъ прерогативами клерикаловъ; ханжество и святошество обвиняли науку въ волшебствѣ и, ссорясь изъ за привиллегій, не нуждались въ просвѣщеніи. Такимъ образомъ, задача поднять классическія основы образованія выпала въ послѣдующемъ періодѣ на долю свѣтской власти, и, дѣйствительно, нигдѣ мы не находимъ такой привязанности къ античнымъ формамъ искусства, въ особенности къ олицетвореніямъ, аллегорическимъ фигурамъ, которыми нерѣдко переполняется сцена, какъ въ пышныхъ рукописяхъ Македонскихъ императоровъ, каковы: Парижская псалтирь, Григорій Богословъ той же библ. № 510, Библія Ват. библ. Christ. № 1 и другія, представляющія миніатюры сходнаго стиля. Какъ ни блестящи античныя прикрасы, въ нихъ разсыпанныя, но онѣ не должны подкупать нашего сужденія объ истинномъ ихъ значеніи: онѣ мало или почти вовсе не вліяютъ на композицію, спутанную и безхарактерную; ихъ изящество какъ то странно уживается съ изможденною уродливостью и бездушно черствыми фигурами грубо натуралистическаго типа. Эти античныя сцены и формочки всего ближе напоминаютъ обильные классическіе обороты и фигуры среди безпорядочнаго и крикливаго хаоса рѣчей позднѣйшихъ византійскихъ писателей; они держались за такія книжныя хитрости, какъ за послѣдній обломокъ античной образованности, на которой воспитались великіе учители церкви и которая стала теперь мертвою пережитою схемою.

Но эта относительная бѣдность античныхъ деталей вознаграждается въ Хлудовской рукописи ясностью античной мысли и художественнаго представленія; она обусловлена вмѣстѣ съ тѣмъ обиліемъ иконографическаго матеріала, отложеннаго богатымъ движеніемъ религіознымъ и художественнымъ. Ибо мы имѣемъ въ лицевой Псалтири столько же произведеніе вообще художественное, но прошедшее сквозь богословское горнило, сколько памятникъ эпохи наиболѣе важной въ исторіи византійской иконографіи, когда искусство, занявшись исключительно разработкою созданныхъ прежде идеаловъ и образовъ, стремилось къ установленію полной иконографической системы.

Уже первая выходная миніатюра, изображающая Давида съ хоромъ музыкантовъ въ аркѣ портика, въ сводѣ котораго помѣщенъ образъ Спаса [1]), указываетъ намъ, какой почвы держится иллюстраторъ. Древнехристіанская идея представлять символически дѣло искупленія и новаго откровенія Бога человѣкамъ въ библейскихъ событіяхъ развилась здѣсь въ цѣлую систему мистическаго параллелизма лицъ и фактовъ Ветхаго и Новаго Завѣта, какъ принаровленную къ народному поученію. Такое мистическое откровеніе смысла священнаго писанія сообщаетъ изображеніямъ восторженный лирическій характеръ: мнимый произволъ иныхъ богословскихъ толкованій является по существу выраженіемъ идеальныхъ помысловъ и религіознаго одушевленія живописца на пользу общаго назиданія. Истощая прилежно запасъ богословскихъ толкованій, онъ и самъ творитъ далѣе въ данномъ направленіи и нерѣдко создаетъ образы высокіе и мысли увлекательныя; оставаясь простымъ и яснымъ, онъ избѣгаетъ многоглаголанія, а чувство эстетическое даетъ ему пластическую форму для выраженія наиболѣе трудныхъ сочетаній. Между этимъ жизненнымъ мистицизмомъ мыслящаго и образованнаго грека и болѣзненными хитросплетеніями позднѣйшей византійской иконописи и средневѣковаго искусства на западѣ такая же разница, какъ между изящною фигурою этой Псалтири и поздневизантійскими типами, пережившими свое содержаніе. Тѣмъ выше историческое значеніе этого мистическаго направленія, что оно касалось иконографіи евангельскихъ событій, ослабляя въ ней сухость новой исторической объективной манеры субъективною жизнью и воспитывалось современною литературою. Первая въ ряду евангельскихъ событій сцена Благовѣщенія (пс. 44 ст. 11, л. 45, къ словамъ: «слыши, дщерь» и пр.) даетъ намъ изящную миніатюру мистическаго содержанія; надъ головою Дѣвы спускается прилетѣвшій голубь; [2]) слѣва подходитъ Архангелъ, держа лабарумъ, а справа Давидъ обращается къ дщери Сіона; его мистическое присутствіе, какъ «прародителя Дѣвы и Бога», въ сценахъ Благовѣщенія и Введенія

---

[1]) Эта арка назначена символически представлять тріумфальную арку древней церкви, которая, отдѣляя пресвитеріумъ отъ лона церкви, обыкновенно украшалась въ смычкѣ свода изображеніемъ Христа въ медальонѣ, окруженномъ 4 евангелистами, или же 24 апокалипсическими старцами. Впослѣдствіи этотъ образъ Славы торжествующаго Христа въ миніатюрахъ византійскихъ и карловингскихъ былъ перенесенъ на Давида, а отъ него и къ изображенію самихъ императоровъ Востока и Запада; см. миніатюры въ изданіяхъ Даженкура, Лабарта, Луандра и др,

[2]) Замѣтимъ кстати самое положеніе голубя—горизонтальное, какъ вообще въ виз. иконографіи (хотя далѣе укажемъ и изображеніе птицы летящей головою внизъ), представившее графу Уварову (въ его письмѣ къ акад. Кунику) любопытные доводы противъ истолкованія извѣстнаго знака на древнерусскихъ монетахъ, какъ голубя слетающаго головою внизъ.

во храмъ и др. рисуется въ краснорѣчивыхъ тирадахъ бесѣдъ [1]) о Богородицѣ патріарха Германа.

Еще замѣчательнѣе миніатюра, изображающая на л. 85 «Цѣлованіе» или встрѣчу Маріи съ Елисаветою, какъ прототипъ извѣстной композиціи этой сцены съ преклоненіемъ Младенца Іоанна; сюжетъ даетъ не только буквальное воспроизведеніе текста, какъ понимаетъ Пиперъ, издавшій рисунокъ сцены изъ Лондонскаго списка Псалтири [2]), но и новую варіацію мысли о преклоненіи Ветхаго Завѣта передъ Новымъ, по поводу соотвѣтствующаго текста пс. 84, ст. 11: «милость и истина срѣтятся, правда и миръ облобызаются»—Аѳанасій въ истинѣ указываетъ Дѣву, а Ѳеодоритъ замѣчаетъ, что милость также даетъ правду, какъ Елизавета рождаетъ Іоанна, а истина производитъ миръ, какъ Марія—Христа. Сцена Рождества (л. 2 об. пс. 2, ст. 7) представляетъ обычную, со временемъ Ѳеодорита, пещеру—вертепъ, и Младенецъ являетъ собою свѣтъ, возсіявшій въ немъ, какъ говоритъ Левъ Мудрый въ рѣчи на Рождество. Срѣтеніе (л. 163 об., къ гимну Симеона) происходитъ у престола, за которымъ Симеонъ принимаетъ Христа, какъ новую жертву Евхаристіи. Также и Бѣгство ея въ Египетъ изображено въ обычномъ переводѣ, тождественномъ съ мозаикою св. Марка; въ принятой формѣ представлено и Искушеніе отъ діавола (л. 92 об., пс. 90, ст. 11).

Важнѣе въ символико-мистическомъ направленіи иконографія двухъ миніатюръ Крещенія Іисуса: въ одной (л. 117, пс. 113, ст. 5) видимъ «Іорданъ, обратившійся вспять»—фигуру старика въ коничеcкой шапкѣ, съ жестами страха; въ другой слова: «стерлъ еси главы» и пр. (пс. 73, ст. 13, л. 72 об.) послужили основаніемъ къ изображенію двухъ обезглавленныхъ водныхъ чудищъ; эта сцена представляется, послѣдовательно, оригиналомъ позднѣйшихъ мистическихъ изображеній Крещенія, какъ побѣды надъ зміемъ [3]). Въ обѣихъ миніатюрахъ наконецъ Креститель воздѣваетъ руки, моляся, согласно съ переводомъ сюжета, какъ «Богоявленія»—Епифаніи. Въ общемъ характерѣ своемъ рисунокъ обнаруживаетъ замѣчательное сходство съ миніатюрами Сирійскаго Евангелія VI вѣка.

Всепрощающая любовь Христа представлена разомъ въ сводной сценѣ: Христосъ обращается къ мытарю Закхею, помѣстившемуся

---

[1]) Patrol. ser. gr. t. 98, p. 298.

[2]) Въ ст. «Joh. d. Täufer in d. griech. Kunstvorstellungen» въ «Evangel. Kalender». 1867. p. 59—68.

[3]) Та же мысль ранѣе выражена въ изображеніи побѣднаго креста въ видѣ пальмы, утвержденной на головахъ двухъ драконовъ, см. ампуллы Монцскаго собора, изд. у Frisi. Memorie storiche di Monza, т. I, tav. 5, p. 30.

на деревѣ, а внизу, припавъ къ ногамъ Христа, блудница и истекающая кровью получаютъ отъ Него прощеніе и исцѣленіе (л. 84 об., пс. 83, 12).

Оставляя въ сторонѣ немногія миніатюры со сценами чудесной жизни Іисуса: Преображенія (л. 88 об., пс. 88, 13), Умноженія хлѣбовъ, Утишенія вѣтра и моря (пс. 88, 10), Исцѣленія болящихъ (пс. 101, 4), Изгнанія изъ храма торгующихъ, бесѣды съ Самаритянкою (л. 33, пс. 35, ст. 10), при которой также присутствуетъ Давидъ,—и др., обратимъ вниманіе на миніатюры Страстей, которымъ рисовальщикъ посвятилъ особенно много рисунковъ.

«Страсти» всегда занимали собою миніатюристовъ, и самый рядъ сценъ этого содержанія цѣликомъ сложился въ лицевыхъ рукописяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, монументальное искусство въ древнюю эпоху знаетъ лишь очень немногіе сюжеты изъ Страстей Господнихъ, какъ видно въ равеннскихъ мозаикахъ церкви св. Аполлинарія Новаго, иллюстрирующихъ Евангеліе. Вотъ почему композиціи этихъ сюжетовъ въ мозаикахъ св. Марка въ Венеціи явно копируютъ мелкіе оригиналы миніатюрнаго производства и отличаются въ подробностяхъ сильнымъ натурализмомъ, позднѣе присущимъ именно этому производству. Въ миніатюрахъ Хлуд. Псалтири многія сцены отличаются жизненною и исторической правдою, но общій характеръ ихъ слишкомъ вспоминаетъ старыя схемы и набросанъ поверхностно.

Такъ, въ первой миніатюрѣ этого ряда—Умовеніе ногъ на Вечери (л. 50 об., пс. 50), Христосъ (надпись: ὁ νηπτήρ) является въ одномъ хитонѣ и подвязанъ передникомъ, согласно съ своимъ служеніемъ и самымъ текстомъ. Слѣдуютъ сцены: Моленія Христа (т. 68, 10), бесѣды съ Петромъ (л. 37 об., пс. 38, 2), изображеніе Петра кающагося, предъ пѣтухомъ (л. 38 об., пс. 38); двухъ лжесвидѣтелей на Христа передъ судомъ (пс. 34, 11, л. 31 об.); уговора Іуды съ старѣйшинами (пс. 40, 8, л. 40 об.); взятіе Іисуса воинами, въ двухъ миніатюрахъ: одна представляетъ воиновъ павшихъ (пс. 35, л. 33 об.), другая (пс. Исаіи, 38, 10, л. 38)—Исаію пророчествующаго и Христа, уводимаго воинами (пс. 55, ст. 7, л. 51 об.) и пр. Ближайшая характеристика этихъ рисунковъ заключается въ близости съ изящными античными эскизами упомянутыхъ равеннскихъ мозаикъ.

Напротивъ того, двѣ миніатюры Тайной Вечери даютъ двоякій, историческій и символическій переводъ этого сюжета. Въ первой миніатюрѣ (пс. 109, 4, л. 109) изображенъ моментъ открытія предателя; тѣсно сидящія за столомъ (въ видѣ сигмы C) фигуры

Апостоловъ обращены къ Христу и видны только по грудь: Христосъ сидитъ въ профиль, обращаясь къ Іудѣ, помѣщенному на противуположномъ концѣ стола и опускающему руку въ солонку; Іоаннъ съ боку Христа; посреди стола, въ большой патерѣ, на подножкѣ, символическая рыба [1]); въ сторонѣ—большой античный свѣтильникъ. Другая миніатюра (л. 111. пс. 109. 4) изображаетъ Причащеніе Апостоловъ, подъ двумя видами: Христосъ, стоя подъ киворіемъ за престоломъ, раздаетъ куски благословеннаго хлѣба, а слѣва стоитъ другая группа, причащающаяся изъ потира; по сторонамъ—Давидъ и Мельхиседекъ, послѣдній приноситъ хлѣбы и вино. Такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ здѣсь древнѣйшее изображеніе символическаго сюжета, перешедшаго въ X и XI вѣкахъ въ мозаики алтарей Сициліи, Кіево-Софійскаго собора и пр. [2]), и миніатюра [3]) служитъ посредницею между чистымъ символизмомъ равеннскихъ церквей (мозаики въ конхѣ или алтарной нишѣ св. Виталія, Аполлинарія во Флотѣ изображаютъ священнодѣйствіе Мельхиседека, трапезу Авраама и пр.) и позднѣйшими литургическими формами. Основаніемъ для этого перехода послужили: Іерусалимскаго патріарха Софронія Толкованіе на литургію [4]) и Германа Константинопольскаго Церковная практика и мистическая теорія [5]).

Символика въ изображеніи Распятія, кромѣ описанной выше сцены съ иконоборцами, даетъ двѣ столь же любопытныя композиціи: къ пс. 73, ст. 12, спасеніе среди земли представлено въ сценѣ смерти Спасителя на Крестѣ, утвержденномъ на Голгоѳѣ—«средоточіи земли», который и представленъ буквально подъ крестомъ въ видѣ большаго пупа. «Что Лобное мѣсто, говоритъ Андрей Критскій [6]), находится въ центрѣ земли, въ томъ никто не сомнѣвается; ибо было необходимо, чтобы спасительное знамя было утверждено въ срединѣ всей земли» и пр. Самая смерть І. Христа представляетъ сотника, прободающаго бокъ, но Христосъ изображенъ живымъ и съ открытыми глазами. На Христѣ запона на чреслахъ, а не обыкновенный

---

[1]) Ср. мозаику ц. Аполл. Нов. въ Равеннѣ: Іуды нѣтъ; Христосъ благословляющій—лицомъ къ зрителю; и Онъ, и Апостолы возлежатъ; но тотъ же столъ сигмою, рыбы на блюдѣ и пр. Рис. въ изд. Rohault de Fleury, L' Evangile t. II, 73 pl. Копія въ миніатюрѣ Лат. код. Пизы XII в., ibid. pl. 74, 3.

[2]) См. въ изд. Gravina, Marzo, Buscemi и пр.; изд. Кіевскихъ мозаикъ.

[3]) Миніатюра Париж. греч. Ев. № 74, Rohault de Fleury, ib. pl. 74, 1. «Исторія виз. иск. и иконографіи», стр. 239.

[4]) Изд. въ Spicil. Roman. Кард. А. Маи, т. 4.

[5]) Patrol. gr. ed. Migne, т. 98, стр. 383—454. Словомъ «практика» переводимъ по необходимости выраженіе «Ἱστορία Ἐκκλησιαστική».

[6]) Гомилія на Успеніе, Migne Patrol. gr. t. 97, p. 1043.

длинный колобій, въ которомъ Іисуса изображаютъ другія миніатюры, и эту черту, пожалуй, можно бы было отнести къ позднѣйшей передѣлкѣ [1]).

Другая миніатюра предлагаетъ сцену Распятія въ развитой исторической обстановкѣ, среди двухъ разбойниковъ [2]), въ моментъ уже наступившей смерти Христа (къ пс. 45, ст. 3, «поколебалась земля» и пр., л. 45 об., по Ев. Луки XXIII, 45, Матѳ. XXVII), землетрясеніе и затмѣніе солнца; два воина подходятъ перебить голени у разбойниковъ; возлѣ—толпа старѣйшинъ въ широкихъ одеждахъ, съ лоронами, и Іудеевъ въ страхѣ, а въ сторонѣ и двое эллиновъ: учитель философъ—благообразный мужчина въ пурпурной хламидѣ, держа на лѣвой рукѣ свитки своихъ сочиненій, бесѣдуетъ съ Апостоломъ, выражая изумленіе, а рядомъ молодой и впечатлительный ученикъ мудреца указываетъ ему на чудо. Оригинальная и живая мысль грека—въ сценѣ Распятія совмѣстить и начало исторіи церкви, и ея развитіе въ средѣ языческой.

Въ этой же Псалтири впервые встрѣчаемъ и Положеніе во гробъ [3]) (пс. 87, 7, л. 87) спеленатаго Христа, и три интересныя миніатюры Воскресенія: въ двухъ (л. 6, пс. 7, 8) Давидъ стоитъ передъ полулежащимъ Христомъ (л. 9 об., пс. 9), или наивно прислушивается у запертыхъ дверей Гроба; въ третьей (л. 26 об., пс. 30, 5) Христосъ, уже воскресшій, стоитъ возлѣ Гроба; сзади Давидъ, а внизу двое павшихъ на землю воиновъ.

Какъ сцена, утвердившаяся въ иконографіи съ значеніемъ Воскресенія,—Сошествіе Христа во адъ [4]) изображено въ Псалтири дважды, съ надписью: ἀνάστασις τοῦ Ἀδάμ: Христосъ представленъ въ голубомъ ореолѣ съ лучами, а Адамъ и Ева стоятъ на поверженномъ адѣ—колоссальной человѣческой фигурѣ, съ волосами дыбомъ и уродливыми чертами лица (пс. 67, 7, л. 63 об.).

Наконецъ оригинальная миніатюра къ пс. 101, ст. 14 изображаетъ воскресшаго Христа спѣшно идущимъ въ «святой Сіонъ», по повер-

[1]) Ср., впрочемъ, замѣчательную греческую филенку слоновой кости, съ тою же сценою Распятія и древнехристіанскимъ переводомъ Воскресенія, по стилю относящуюся въ VI или VII стол. Слѣпокъ Арундел. Общ. каталогъ Ольдфильда, IV с.

[2]) Странная и непонятная подробность, быть можетъ, случайнаго происхожденія: бородатая голова злаго разбойника помѣщена у него на груди, какъ бы отрубленная. Игра ли рисовальщика, или случайно сдвинувшаяся краска?

[3]) Ср. рѣчь Германа, изд. въ Patrol. c. c. s. gr. ed. Migne, t. 98, p. 288, особенно похвалу Іосифу и Никодиму—истиннымъ гостепріимцамъ Бога, славнѣйшимъ Авраама; въ миніатюрѣ оба имѣютъ нимбы.

[4]) Дидронъ, Manuel de l'iconographie, p. 199, прим., указываетъ, что сюжетъ сложился по Евангелію Никодима Вообще, это апокрифическое Евангеліе имѣло значительное вліяніе на христіанскую, и особенно византійскую иконографію.

женному въ саркофагѣ діаволу—образу попранной смерти: Сіонъ представленъ въ видѣ храма съ тремя абсидами, изъ за котораго видна фигура олицетворенія города въ типѣ Богородицы, но безъ нимба. Сюжетъ, сколько извѣстно, мало повторявшійся.

Между послѣдующими евангельскими событіями: посланіемъ учениковъ на проповѣдь (пс. 95, л. 96 обор.), сценою Вознесенія (пс. 17, л. 14; пс. 56, л. 55 об., и пс. 46, л. 46 об.), изображеннаго нѣсколько разъ въ установленномъ типѣ, съ 4 ангелами, несущими Христа въ ореолѣ, Богородицею среди Апостоловъ, въ масличномъ саду и пр., или въ видѣ Христа возсѣдящаго на престолѣ (л. 90, пс. 88)—изображеніе извѣстное въ эту эпоху подъ именемъ «Агопоеста», и пр.,—наиболѣе интереса предлагаетъ сцена Сошествія св. Духа (пс. 65, ст. 10, л. 62 об.). Апостолы, съ Петромъ и Павломъ во главѣ, сидятъ, благословляя, въ рядъ по сторонамъ престола, на которомъ находится раскрытое Евангеліе и почивающій на немъ св. Духъ; огненные языки сходятъ съ неба въ лучахъ. Символическая обстановка сцены изображаетъ, слѣдовательно, Церковь уготованную на землѣ, въ видѣ «гетимасіи»—престола съ Духомъ въ Церкви пребывающимъ послѣ Христа [1], и сохраняетъ, такимъ образомъ, идеи, выработанныя древнѣйшими мозаиками.

Псалтирь Хлудовская, какъ выше было замѣчено, еще не вноситъ послѣ Апостольской проповѣди (л. 17, пс. 18—Апостолы учащіе: крещеніе евнуха Филиппомъ л. 65, пс. 67) въ свои параллели послѣдующей исторіи христіанской церкви на землѣ: древнехристіанскія религіозныя воззрѣнія еще остаются во всей силѣ. Такъ «Святые» изображены (л. 11 об., пс. 15) какъ праведные безъ нимбовъ, въ хламидахъ и пенулахъ, тогда какъ «Святые мученики» (пс. 67, л. 66 об.) въ пышно широкихъ хламидахъ, съ крестами всѣ юные, имѣютъ сіянія. Вотъ почему вмѣсто разнообразныхъ изображеній Святыхъ въ Лонд. кодексѣ, въ нашей рукописи встрѣчаются лишь фигуры Столпника (пс. 4, л. 3 об.), Пантолеона, мученіе юнаго Георгія на колесѣ (пс. 44, л. 44) и чудо св. Евстафія Плакиды. Мученическая судьба этого Траянова полководца, его обращеніе въ христіанство явленіемъ ему Лика Христа между рогъ оленя, бѣдствія, уподобившія прежняго счастливца страдальцу Іову, и романическая исторія долгой разлуки съ близкими и свиданія съ ними передъ кончиною, дѣлали изъ этого житія, редактированнаго въ теченіи VIII—IX стол. (приписывалось І. Дамаскину) трогательную повѣсть. [2]) Миніатюристъ

[1]) Мозаика Софіи Константинопольской: Salzenberg. Die altchr. Denkm. in Const. Bl. 31. «Исторія виз. иск. и иконогр.» стр. 180.

[2]) Ср. современные и позднѣйшіе романы и повѣсти сентиментальнаго направленія въ

(пс. 96, л. 97 об.) воспользовался намекомъ Псалтири, чтобы сопоставить «свѣтъ» Лика со свѣтомъ, возсіявшимъ Петру въ темницѣ. Изъ дѣятелей христіанства миніатюра (пс. 59, л. 58) изображаетъ Константина на разубранномъ конѣ, повергающаго враговъ, одѣтыхъ во фригійскіе шапки; фигура императора замѣчательна римскимъ костюмомъ и рыжеватымъ парикомъ; общее впечатлѣніе отличается античнымъ изяществомъ.

Св. I. Златоустъ (пс. 48, уста мои, л. 47 об.) является представителемъ Отцевъ Церкви и замѣчателенъ своимъ типомъ, чуждымъ аскетической худобы позднѣйшей иконографіи.

Миніатюры Псалтири, берущія свое содержаніе изъ Ветхаго Завѣта, или иллюстрируютъ историческую канву Псалтири въ жизни самого Давида, или предлагаютъ подобный же рядъ параллелей, какъ и сцены Новаго Завѣта; но и тѣ и другія немногочисленны. Жизнь Давида взята съ ея романической и вмѣстѣ поучительной стороны: его возвышеніе, по произволенію Бога, изъ пастыря на царство, его благочестіе и пророческій даръ (въ миніатюрахъ къ пс. 17, л. 13 об. помазаніе къ пс. 88, битва съ Голіаѳомъ—л. 148, жизнь среди стадъ—л. 24, пс. 26, л. 147 и пр.), чудесное храненіе его на всѣхъ путяхъ (жизнь юноши близъ Саула и преслѣдованія Саула въ мин. на л.51 52, 55, 56, 58 и пр.; исторія Авессалома къ пс. 3), его заблужденія и искреннее покаяніе (пс. 6, л. 5). Миніатюры отличаются античною краткостью. Типъ самого Давида представляетъ интересное выраженіе добродушія; лицо съ широкими скулами и большими глазами, маленькая черная борода, густые волосы шапкою; на головѣ высокая діадема или стефаносъ.

Ближайшею параллелью къ исторіи Давида представляется жизнь Іосифа (пс. 104, л. 106), а ихъ сопоставленіе въ византійскомъ искусствѣ IX—XIII стол. есть любимая мысль церковной росписи и украшеній домашней утвари [1]). Къ псалмамъ 75, 81, 104, 105 рядъ сценъ иллюстрируетъ исходъ Евреевъ изъ Египта въ краткихъ схематическихъ рисункахъ, не имѣющихъ особеннаго значенія; любопытнѣе другихъ сцены поклоненія и жертвоприношенія Евреевъ Белу, на л. 109, 117: идолъ представленъ въ видѣ Юпитера, стоящаго со скипетромъ въ рукѣ; гиматій полуприкрываетъ нагое тѣло. Столпотвореніе (пс. 95, л. 96) представляетъ античную многоэтажную стою изъ колоннъ; не-

Византіи: сказаніе о Варлаамѣ и Іоасафѣ, Аполлоній Тирскій, Роданта и Досиклъ XII в., Дросилъ и Хариклея и пр.

[1]) Ср. средневѣковыя виз. мозаики въ Италіи, а также любопытные барельефы ларца въ Санѣ, VII—VIII стол., изъ слоновой кости, проводящіе въ подробной параллели жизнь Давида и Іосифа. Изд. Арундельскимъ общ. въ слѣпкѣ, каталогъ Ольдфильда, VIII A.

многія сцены изъ исторіи Патріархов и Пророковъ интересны по типамъ и тому же параллелизму съ новозавѣтными событіями. Таковы сцены: послушанія Авраама и жертвоприношенія Исаака (л. 105, пс. 104), гостепріимства Авраамова (л, 49 пс. 49) [1]. Вознесенія Иліи, которое, при живописной манерѣ расположенія сцены, отличается всѣми чертами и подробностями древнехристіанскаго представленія [2], съ олицетвореніемъ старца—Іордана, пускающаго изо рга воду. Далѣе: Даніилъ, лежа на пышномъ античномъ ложѣ, пророчествуетъ о великой горѣ—Сіонѣ (см. ниже), на которой утвержденъ образъ Знаменія, а справа, около озера (λίμνη) подъ горою, Давидъ воздѣваетъ руки къ образу. Изображеніе Анны, съ Самуиломъ на рукахъ, по богословскимъ мотивамъ прообразуетъ высшее рожденіе: Дѣву съ Младенцемъ. Пророкъ Аввакумъ—лицо спеціально интересующее византійское богословіе и искусство—вмѣстѣ съ Давидомъ (49, л. 78) покланяется образу Спаса, и въ знаменательной сценѣ, которая можетъ служить лучшимъ образцомъ древней иконописи, какъ одна изъ самыхъ удачныхъ ея мыслей, пророчествуетъ о Христѣ: указывая вверхъ на образъ Спаса, «приходящаго съ полудня.»—ἀπὸ μεσημβρίας ὁ χς онъ стоитъ и на божественной стражѣ между солнцемъ восходящимъ (ἀνατολή) и заходящимъ за гору (δύσις). Кромѣ любопытнаго типа Аввакума (см. выше), Аггея сѣдаго и пр., мы встрѣчаемъ, между (пс. 98, л. 98 об.) священнослужителями библейскими, какъ будто скопированными съ миніатюръ ркп. Ватик. б. Космы Индикоплова, Моисея съ бородою,—что ясно оттѣняетъ намъ символическую идею юнаго Пророка какъ добраго пастыря.

Въ общемъ, и вся символика Хлудовской Псалтири слѣдуетъ канвѣ, сотканной еще древнехристіанскимъ искусствомъ на античномъ преданіи; мы встрѣчаемъ здѣсь и олицетворенія: рѣкъ [3] Іордана, также Іора, Дана (л. 75 об, пс. 76); Вавилонскихъ рѣкъ, льющихъ воду изъ сосуда или изо рта, вѣтровъ (юноша дующій въ трубу на нечестиваго, л. 2); въ сценѣ утишенія бури Христомъ (пс. 88, л. 88), вѣтеръ изображенъ съ трубою, закрывающимъ себѣ ротъ, это юноша въ рубашкѣ и колпакѣ; къ пс. 134, четыре вѣтра (образъ 4 Евангелій), моря (женская фигура въ той же сценѣ къ пс. 88), Святаго града Іерусалима (въ

---

[1]) Верхъ миніатюры срѣзанъ,—къ сожалѣнію, самое изображеніе Троицы; но одна подробность указываетъ намъ, какъ близка эта сцена къ древнѣйшимъ мозаикамъ: въ С. Виталѣ въ Равеннѣ Авраамъ несетъ жаркое—цѣлаго быка: эта наивность, вызванная какими-то потребностями иконописи и преданію, здѣсь замѣнена лежащимъ быкомъ.

[2]) Ср. особенно сцену на саркофагѣ, миніатюрѣ Космы Инд. Ват. б., изд. у Даженкура, и барельефъ дверей баз. Сабины, въ моей статьѣ въ Revue Archéol., 1877 г. іюнь.

[3]) Рѣки изображаются также въ причудливыхъ шапкахъ съ лентами—изъ которыхъ позднѣе миніатюристы сдѣлали рога.

сценѣ съ Давидомъ, женская фигура въ императорской туникѣ съ лоронами и діадемѣ). Но изображеніе милосердія въ видѣ женской фигуры и вмѣстѣ широковѣтвистаго древа, раздающей деньги монахамъ и нищимъ (пс. 36, л. 35), уже отличается поздне-византійскою манерою.

Важнѣе образъ ада: въ видѣ античнаго Силена, колоссальная фигура плѣшиваго старика, съ обрюзглымъ, тучнымъ тѣломъ, съ саркастическою улыбкою, забирающаго толпы грѣшниковъ (л. 8, пс. 9); любопытная миніатюра (л. 102 об., пс. 105) представляетъ освобожденіе ангеломъ души изъ поверженнаго ада—прямо изъ его оскаленной пасти [1]. Также изображаются и прислужники ада, οἱ ἐχθροὶ τοῦ θεοῦ,—черти, хотя рядомъ съ человѣческою фигурой демона видимъ уже мохнатыхъ и крылатыхъ страшилищъ (л. 63, пс. 67).

Но богословская тенденція воспользовалась этою символическою струею для своихъ особыхъ цѣлей и превратила ее въ широкій потокъ аллегорій. Правда, и въ этой сферѣ находимъ мѣстами древне-христіанскую простоту и ясность: образъ крещенія, построенный на изреченіи Псалтири объ оленѣ, «стремящемся къ источнику водному», представляетъ намъ (пс. 41, л. 41) Давида и оленя по сторонамъ купели,—также какъ въ мозаикахъ Равенны встрѣчаемъ оленей по сторонамъ сосуда; но и въ катакомбѣ Понціана [2]) олень, пьющій воду изъ Іордана въ сценѣ Крещенія Христа, представляетъ аллегорію поздняго книжнаго производства.

Древне-христіанскою свѣжестью отличается также извѣстная по позднѣйшимъ копіямъ сцена [3]) изведенія воды въ пустынѣ Моисеемъ, въ которой на скалѣ, источающей воду, изображенъ Іисусъ, и надпись (пс. 81, л. 82) поясняетъ, что скала и есть Христосъ.

Книжное велерѣчіе съ пространными аллегоріями и частыми уподобленіями, господствовавшее въ теченіи VIII—IX стол., особенно останавливается на образѣ священной горы Сіона, какъ мысленнаго града Божьяго (νοητὴ Σίων), новаго небеснаго рая: Патріархъ Германъ, [4]) Андрей Критскій [5]) согласно прославляютъ, по пророкамъ: Даніилу,

---

[1]) Такъ какъ въ Ев. Никодима, изд. у Thilo Codex apocryphus, I п. 710. та же самая сцена съ образомъ ада описывается при воскрешеніи Лазаря, то въ Барберин кодексѣ встрѣчаемъ переводъ воскрешенія съ этими же подробностями.

[2]) Рис. у Bosio, Roma sotterranea, изд. 1632 г., стр. 131.

[3]) Основаніемъ символической сцены послужило мѣсто въ толкованіи Θеодорита на книгу Исходъ, гл. 16, вопр. 28: скала называется Христомъ, какъ его типъ или образъ, какъ море Чермное и Переходъ Евреевъ были прообразомъ крещенія. Аллегорическая тенденція VIII и IX вѣка уподобляетъ (у Германа въ рѣчи на Положеніе во гробъ, Patrol. gr. ed. Migne, т. 98, стр 262) этой чудесной скалѣ и тотъ камень, который былъ приваленъ ко Гробу, какъ камень, источающій воду безсмертія.

[4]) Въ Гомиліи о Поясѣ Св Дѣвы, изд, у Migne, Patrol gr. c. c. t. 98, p. 374.

[5]) Гомилія на Благовѣщеніе, ib. t. 97, стр. 900.

Аввакуму и Давиду, Святую Дѣву, которая сама и есть эта великая, тучная и тѣнистая гора, поднявшаяся и укрѣпившаяся не башнями, но чистотою Дѣвы. Вотъ почему, и миніатюра вмѣсто обычнаго олицетворенія града, помѣщаетъ на Сіонѣ (л. 79, пс. 77) образъ Знаменія—Дѣвы съ Младенцемъ на лонѣ или на рукахъ, ибо говоритъ Германъ [1]), «рай, который закрыла для насъ Ева, вновь отворила Марія». Подъ этою горою миніатюристъ изобразилъ и озеро или станъ водный (λίμος),—пользуясь вновь лирическими уподобленіями Дѣвы—Матери у Андрея Критскаго и современниковъ.

Въ ту же эпоху ставшее любимымъ сказаніе о единорогѣ является и въ нашей Псалтири (л. 93 об., пс. 91) въ видѣ фантастическаго леопарда съ высокимъ рогомъ, покойно кладущаго свою ногу на лоно дѣвы; но дѣва, сидящая передъ нимъ на стулѣ, еще не Богородица, какъ представляютъ эту аллегорію средне-вѣковые памятники [2]).

Рядъ аллегорій, построенныхъ отчасти на буквенномъ воспроизведеніи поэтическихъ сравненій Псалтири, отчасти же иллюстрирующихъ поучительныя тенденціи и фигуры книжно-монашескаго сочиненія, разбросаны по всей Псалтири съ самымъ разнообразнымъ содержаніемъ. Наиболѣе интересныя миніатюры въ этомъ ряду тѣ, которыя пользуются еще символикою, или народными повѣрьями и фантастическими образами Востока. Христа обступили кинокефалы, и воинъ тащитъ его за одежды въ то время, какъ онъ благословляетъ враговъ (л. 19 об., пс. 21); надпись говоритъ: ἑβραῖοι οἱ λεγόμενοι κύνες. Извѣстная фигура изображаетъ земную сферу съ антиподами (л. 101, 103, къ пс. 100 и 101),—миніатюра, перешедшая изъ Христіанской Космографіи Космы Индоплова; такого же происхожденія рисунокъ затменія солнечнаго δύσις [3]).

Иллюстрація особенно останавливается затѣмъ на судьбахъ жизни праведника и грѣшника, блаженнаго мужа и нечестиваго еретика. Сидя подъ лучами свѣта, проливающагося отъ лика Божьяго, блаженный мужъ (л. 2) углубился въ чтеніе божественной книги; праведника преслѣдуютъ стрѣлами нечестивцы (л. 10, пс. 10), но на него льются спасительные лучи свѣта (л. 30 об.); еретики влачатъ по землѣ свои языки (л. 70 об.), или же ангелъ рветъ клещами языкъ у богохульца «противъ святой божьей церкви», или, по повелѣнію Христа, ангелъ копьемъ гонитъ грѣшниковъ (л. 31, пс. 34) и т. д.

---

[1]) Бесѣда на Успеніе, lib. t. 98, p. 362.

[2]) Напр. изд. въ учебникѣ Крауса Die altchr. Kunst. 1871.

[3]) См. миніатюры Космы въ «Исторіи византійскаго иск. и иконографіи».

Во всякомъ случаѣ, этотъ аллегорическій элементъ Псалтири еще не многосложенъ, занимаетъ второстепенное мѣсто и не въ силахъ преодолѣть разумно-яснаго, чистаго художественнаго чувства миніатюриста, какъ то напр. является въ Барбериніевской копіи нашего оригинала.

Извѣстно, какъ гибельно вліяло на искусство паденіе литературы, въ теченіи IX—X вѣковъ, приходившей къ полному разложенію, въ безцѣльной риторикѣ и пышномъ многоглаголаніи утратившей чувство мѣры, простоту и ясность образовъ. Византійское искусство съ своей стороны подчинялось этому направленію, само покрываясь риторическою шелухою, но въ тоже время было безсильно, по самой своей античной т. е. пластической основѣ, воспринимать и перерабатывать сложный дидактизмъ византійскаго средневѣковья, какъ напр. въ XIV в. сіеннская школа, которая въ обширныхъ фрескахъ могла разработывать мистическіе догматы доминиканской школы. И однакоже, хотя византійское искусство съ этой эпохи было поставлено въ тѣсныя рамки и должно было отчасти довольствоваться мелкими издѣліями, повторяя въ нихъ казенныя, заученныя формы, оно сохраняло жизнь и движеніе мысли еще въ теченіи трехъ столѣтій слишкомъ, въ чемъ яркимъ свидѣтельствомъ намъ служитъ исторія миніатюръ за этотъ періодъ. Такою жизненною силою искусство было цѣликомъ обязано миніатюрѣ, и въ этомъ главное историческое значеніе такихъ высокихъ ея образцовъ, какъ Хлудовская Псалтирь.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТАБЛИЦЪ РИСУНКОВЪ ИЗЪ ХЛУДОВСКОЙ ПСАЛТИРИ IX ВѢКА.

IV. 1. Преображеніе. Л. 88, пс. LXXXVIII, 13: Θαβὼρ καὶ Ἑρμὼν ἐν τῷ ὀνόματι σοῦ ἀγαλλιάσονται.

2. Христосъ изгоняетъ изъ храма мытарей и продающихъ. Л. 66, пс. LXVIII, 10: Ὅτι ὁ ζῆλος τοῦ οἴκου σοῦ.

3. Христосъ и Закхей, блудница и истекающая кровью. Л. 84 об., пс. LXXXIII, 12: Ὅτι ἔλεος καὶ ἀλήθειαν ἀγαπᾷ Κύριος.

V. 1. Умноженіе хлѣбовъ. Л. 30, пс XXXIII, 9: Γεύσασθε καὶ ἴδετε..

2. Христосъ и Петръ. Л 37 об., пс. XXXVIII, 2: Εἶπα, φυλάξω τὰς ὁδούς μου

3. Христосъ съ Самаритянкою. Л. 33, пс. XXXV, 10: Ὅτι παρὰ σοὶ πηγὴ ζωῆς.

4. Распятіе. Л. 72 об., пс. LXXIII, 12: Εἰργάσατο σωτηρίαν ἐν μέσῳ τῆς γῆς.

VI. 1. Тайная Вечеря. Л 40, пс. XL. 10: Ὁ ἐσθίων ἄρτους μου.

2. Причащеніе Апостоловъ. Л 111, пс. CIX. 4: Σὺ ἱερεὺς εἰς τὸν αἰῶνα, κατὰ τὴν τάξιν Μελχισεδέκ.

3. Воины уводятъ Христа, и Захарія. Л. 38, пс. XXXVIII, 10: Ἐκωφώθην καὶ οὐκ ἤνοιξα τὸ στόμα μου.

4. Умовеніе ногъ ученикамъ. Л. 50 об., пс. L, 9: Ῥαντιεῖς με ὑσσώπῳ, καὶ καθαρισθήσομαι.

VII. 1. Два лжесвидѣтеля и Христосъ на судѣ. Л. 31 об., пс. XXXIV, 11: Ἀναστάντες μοι μάρτυρες ἄδικοι..

2. Мученики. Л. 66 об., пс. LXVII, 36: Θαυμαστὸς ὁ Θεὸς ἐν τοῖς ἁγίοις.

3. Положеніе во гробъ. Л. 87, пс. LXXXVII, 7: Ἔθεντο με ἐν λάκκῳ.

4. Христосъ посылаетъ учениковъ на проповѣдь. Л. 96 об., пс. XCV, 10: Εἴπατε ἐν τοῖς ἔθνεσιν.

5. Петръ кающійся и пѣтухъ. Л. 38 об., пс. XXXVIII, 13: Ἐνώτισαι τῶν δακρύων μου.

6 Колесованіе Георгія. Л. 44, пс. XLIII, 23: Ὅτι ἕνεκά σου θανατούμεθα

VIII. 1. Сошествіе Св. Духа. Л. 62 об., пс XLV, 8: Καὶ ἀκουτίσατε τὴν φωνὴν τῆς αἰνέσεως αὐτοῦ.

2. Распятіе Л. 45 об, пс. XLV, 4: Ἐταράχθησαν τὰ ὄρη.

IX. 1. Воскресеніе. Л. 26, пс. XXX, 14: Ἐγὼ δε ἐπὶ σὲ, Κύριε, ἤλπισα.

2. Давидъ и воины Саула, Христа берутъ воины. Л. 54 об., пс. LV, 6: Κατ᾿ ἐμοῦ πάντες οἱ διαλογισμοὶ αὐτῶν εἰς κακόν.

3. Давидъ у Гроба и воины. Л. 6, пс. VII, 8: Καὶ ἐξεγέρθητι, Κύριε.

X. 1. Вознесеніе. Л. 46 об., пс. XLVI, 6: Ἀνέβη ὁ Θεὸς ἐν ἀλαλαγμῷ.

2. Христосъ воскресшій у Сіона. Л. 100 об., пс. CI, 14: Σὺ ἀναστὰς οἰκτειρήσεις τὴν Σιών.

3. Христосъ извлекаетъ Адама и Еву изъ ада. Л. 63 об., пс. LXVII, 7: ἐξάγων πεπεδημένους ἐν ἀνδρείᾳ.

XI. 1. Давидъ юноша подъ лучами Л. 13 об. пс. XVI, 2: Ἐκ προσώπου σοῦ τὸ κρῖμα μοῦ ἐξέλθοι.

2. Давидъ, царь и пророкъ, передъ иконою Спаса. Л. 13. пс. XV. 8: Προωρώμην τὸν Κύριον.

3 Саулъ и Давидъ. Л. 29, пс. XXXIII, 20: Φυλάσσει Κύριος πάντα τὰ ὀστᾶ.

4 Кающійся Давидъ и Наѳанъ. Л. 50. пс. L. 3. Ἐλέησόν με, ὁ Θεός.

5. Даніилъ на ложѣ и Давидъ пророчествуютъ о Сіонѣ. Л. 64, пс. LXVII, 16: Ὄρος τοῦ Θεοῦ, ὄρος πῖον.

XII. 1. Вознесеніе Иліи. Л. 41 об., пс. XLI, 7: Μνησθήσομαι σοῦ ἐκ γῆς Ἰορδάνου καὶ Ἑρμωνιείμ, ἀπὸ ὄρους μικροῦ.

2. Аввакумъ и икона Спасителя. Л. 154. гимнъ Аввакума.

3. Пророки Аггей и Захарія. Л. 144, пс. CXLV. 1: Ἀλληλούϊα Ἀγγαίου καὶ Ζαχαρίου.

4. Милосердіе. Л. 35, пс. XXXVI, 25: Ὅλην τὴν ἡμέραν ἐλεεῖ καὶ δανείζει ὁ δίκαιος.

XIII. 1. Адъ и грѣшники. Л. 8, пс. IX, 4: Ἐν τῷ ἀποστραφῆναι τοῦ ἐχθρόν μου.

2. Ангелъ извлекаетъ душу изъ ада. Л. 102 об., пс. CII. 4: Τὸν λυτρούμενον ἐκ φθορᾶς τὴν ζωήν μου.

3. Ангелъ рветъ языкъ у богохульца Л. 10 об., пс. XI, 4: Ἐξολοθρεύσει Κύριος πάντα τὰ χείλη τὰ δόλια, γλῶσσαν μεγαλοῤῥήμονα.

4. Единорогъ и дѣва. Л. 93, пс XCI, 11: Καὶ ὑψωθήσεται ὡς μονοκέρωτος τὸ κέρας μου.

5. Сіонъ и Богоматерь съ младенцемъ. Л. 79, пс. LXXVII, 54: Καὶ εἰσήγαγεν αὐτοὺς εἰς ὄρος ἁγιάσματος.

6. Давидъ и женскій образъ «Святаго града»—ἡ ἁγία πόλις.. Къ пс. L, 20, л. 51.

XIV. 1. Христосъ и Кинокефалы. Л. 19 об., пс. XXI, 17: Ὅτι ἐκύκλωσάν με κύνες πολλοί.

2. Іоаннъ Златоустъ. Л. 47 об., пс. XLVIII, 4: Τὸ στόμα μοῦ λαλήσει σοφίαν.

3. Царь Константинъ поражаетъ Максентія. Л. 58 об., пс. LIX, 6: Ἔδωκας τοῖς φοβουμένοις σε σημείωσιν τοῦ φυγεῖν ἀπὸ προσώπου τόξου.

4. Вѣтеръ и море въ сценѣ утишенія бури. Л. 88, пс. LXXXVIII, 10: Σὺ δεσπόζεις τὸ κράτος τῆς θαλάσσης.

5. Ангелъ гонитъ грѣшниковъ, и Христосъ. Л. 31, пс. XXXIV, 5: Καὶ ἄγγελος Κυρίου ἐκθλίβων αὐτούς.

6. Икона апостола Павла. Л. 65, пс. LXVII, 28: Ἐκεῖ Βενιαμὶν νεώτερος ἐν ἐκστάσει.

«На рѣкахъ Вавилонскихъ», къ пс. 136, и

Давидъ среди стадъ—л. 146, заключит. мин. къ пс. Давида.

Замѣтка по поводу статьи объ антиминсахъ, Е. В. Барсова, напечатанной въ 1-мъ вып. VII т. „Древностей".

К. Н. Тихонравова.

Въ статьѣ Е. В. Барсова объ антиминсахъ я не могъ не остановить особеннаго вниманія на той части реферата, гдѣ говорится объ антиминсахъ Суздальскихъ. На одномъ изъ нихъ, 1554 года, Е. В. Барсовъ прочиталъ: «а создалъ сей храмъ св. Николы Чудотворца князь Митрей Михаиловичь Выжемскій». Далѣе, на стр. 15, приводится эта надпись дословно и снова читаемъ фамилію: князь Выжемскій. Должно быть на видѣнномъ г. Барсовымъ антиминсѣ фамилія неясно написана,—только въ гербовникѣ и родословныхъ таблицахъ княжескихъ фамилій, отъ Рюрика и Гедимина происшедшихъ, такой фамиліи нѣтъ, а упоминаются князья Жижемскіе; родъ ихъ, нынѣ уже угасшій, происходилъ отъ Смоленскаго князя Глѣба Святославича, потомка князя Глѣба Ростиславича. (См. Записки Имп. Археол. Общ. С.П.Б. 1854 г. т. VII, отд. II). Представляю точный снимокъ съ одного изъ Суздальскихъ антиминсовъ, писаннаго на холстѣ, въ которомъ читается имя того же самаго князя Д. М. Жижемскаго. Еп. Аѳанасій погребенъ въ Суэд. соборѣ.

а хв ҂зѯе го лѣта се кз
на пать стго м калистрата
освяще бы хра сей во имя прпо
бнаго Сергиа чютворца. Бл҃го
словеніе еппа Афонаа суздаского
и торжского замышленіе и повелѣніем
Бл҃говѣрнаго кнза Дмитріа Михаилови
ча Жижеска в честь и в па
мя себѣ и свои роди
телем.

ту мощи

См. снимки съ 2-хъ другихъ Суздальскихъ антиминсовъ въ приложеніи.

ОПИСАНІЕ
ТВЕРСКАГО МУЗЕЯ

(продолженіе). *

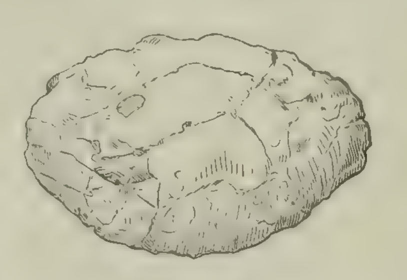
АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

I. ДРЕВНОСТИ ПЕРВОБЫТНЫЯ.

1. Остатки каменнаго вѣка, уступленные для Музея И. С. Поляковымъ, производившимъ въ 1874 году, по порученію Общества Естествоиспытателей, изслѣдованія въ Осташковскомъ уѣздѣ по берегамъ озера Селигера и другихъ озеръ. Эти предметы составляютъ: шесть обломковъ черепковъ горшковъ, съ узорами на нихъ, а также четыре осколка отъ обдѣлки каменныхъ орудій или отъ ножей, и, кромѣ того, доставлены: наконечникъ стрѣлы, обломокъ отъ копья и скребокъ. Объ нихъ г. Поляковъ пишетъ слѣдующее: «Представляемые мною образчики наименѣе совершенны изъ всѣхъ предметовъ, найденныхъ мною въ Осташковскомъ уѣздѣ; предметы наиболѣе совершенные сохранены мною для подробнаго описанія, долженствующаго войти въ Отчетъ Обществу Естествоиспытателей, по порученію котораго я дѣлалъ изслѣдованія. Изъ представляемыхъ остатковъ наиболѣе совершенны обломки глиняной посуды; они состоятъ изъ глины, по большой части не пережженой, въ смѣси съ большимъ количествомъ песку, какъ это вообще замѣчается на посудѣ изъ глины у всѣхъ первобытныхъ народовъ, стоящихъ на низкой степени цивилизаціи, къ каковымъ относятся и племена, обитавшія нѣкогда въ Осташковскомъ уѣздѣ. Однако же, на представляемыхъ обломкахъ горшковъ,

*) См. начало въ VII т. вып. 1, стр. 24—28.

при всей ихъ грубости, имѣются нѣкоторые узоры и украшенія, въ родѣ тѣхъ, какіе и до сихъ поръ дѣлаются на горшкахъ въ средѣ русскихъ крестьянъ. Что вышеуказанные обломки горшковъ принадлежали народу грубому, нецивилизованному, стоявшему на низкой степени культурнаго развитія, объ этомъ свидѣтельствуетъ то, что они залегаютъ довольно глубоко въ землѣ, по обыкновенію, въ нижнихъ частяхъ растительнаго слоя; во вторыхъ потому, что рядомъ съ ними лежатъ остатки орудій изъ камня и кости; слѣдовательно, хозяевами этихъ всѣхъ остатковъ были люди, незнавшіе употребленія металловъ,—иначе сказать, это были жители каменнаго вѣка. Ихъ топоры, стрѣлы, ножи, рубанки или скребки и проч. принадлежности домашняго быта дѣлались изъ кремня и другихъ горныхъ породъ. Для Тверскаго Музея я могу удѣлить только обломки отъ обдѣлки подобныхъ орудій и принадлежностей каменнаго вѣка. Эти обломки, по большой части, тонки, съ острыми краями, иногда они удлинены, имѣютъ форму призмы и т. п.; многіе изъ этихъ обломковъ служили для жителей каменнаго вѣка ножами. По такимъ обломкамъ, которые находятся въ разныхъ мѣстахъ Осташковскаго уѣзда въ большомъ изобиліи, можно угадывать мѣста пребыванія жителей каменнаго вѣка, и часто между такими обломками можно находить и орудія вполнѣ совершенныя. Въ моей коллекціи имѣются хорошо выточенные или обитые каменные топоры, стрѣлы и пр. Здѣсь я представляю небольшую эллипсоидальную стрѣлу, или, сказать точнѣе, наконечникъ стрѣлы; онъ невполнѣ хорошо выдѣланъ, между тѣмъ встрѣчаются наконечники весьма правильные и совершенные. За тѣмъ прилагается обломокъ копья и скребокъ, который можно признать вполнѣ типичнымъ: скребки такого же точно типа были находимы у Эскимосовъ, въ полярныхъ странахъ сѣвера, въ Датскихъ кухонныхъ остаткахъ и пр. Остатки каменнаго вѣка широко распространены въ Осташковскомъ уѣздѣ, въ особенности, по берегамъ озеръ Селигера, Сига, Овселука и т. д. Культура каменнаго вѣка предшествовала культурѣ курганнаго періода. Видимо, что жители каменнаго вѣка были вытѣснены жителями курганнаго періода, которые уже были знакомы съ бронзой и желѣзомъ, но которые, тѣмъ не менѣе, были уничтожены народами болѣе развитыми, принадлежавшими, можетъ быть, даже къ славянскимъ поколѣніямъ».



2. Черепки глиняной посуды и кремневой наконечникъ стрѣлы, найденные въ обрывѣ городища Корчев-

скаго уѣзда, Ларцевской волости, близъ сельца Пекунова, на берегу рѣки Волги, въ 28 верстахъ отъ г. Корчевы. Эти черепки и наконечникъ стрѣлы сходны съ такими же предметами каменнаго вѣка, найденными въ Осташковскомъ уѣздѣ и доставленными въ Тверской Музей Н. С. Поляковымъ, описанными выше сего подъ № 1, съ тою разницей, что на двухъ Пекуновскихъ имѣются узоры клинообразные, и самые черепки, большею частію, очень толстые, не обожженные: глина смѣшана съ крупнымъ пескомъ. Вмѣстѣ съ помянутыми остатками каменнаго вѣка, поступила въ Музей вынутая изъ-подъ насыпи городища часть дерна, превратившагося въ полуобуглившійся торфъ.

Пекуновское городище, извѣстное въ народѣ подъ именемъ Городка, находится на лѣвомъ берегу Волги, выше устья рѣки Дубны, впадающей въ нее съ правой стороны, въ разстояніи около полуторы версты. У самаго устья р. Дубны, на лѣвомъ ея берегу, находится село Дубинское устье, которое носитъ названіе городища. Разстояніе между городищемъ и сельцомъ Пекуновомъ четверть версты, а отъ деревни Пекунова до городища около версты. Весеннія воды р. Волги почти ежегодно отмываютъ часть земляной насыпи. Въ настоящее время площадь городища (приложенъ планъ) представляетъ видъ сегмента, котораго хорда a—b имѣетъ въ длину 81 аршинъ, а въ высоту 9 аршинъ. На основаніи этихъ размѣровъ, можно приблизительно опредѣлить [если допустить кругообразную форму городища] поперечникъ его въ 20 саж., а самую площадь въ $125\frac{1}{7}$ кв. саж. Городище окружено тремя рвами (c. d. e) и двумя валами (f. g), непосредственно чередующимися одинъ за другимъ. Оно представляетъ собою ровную плоскость, возвышающуюся надъ окружающими его валами. Изъ этого можно предполагать, что городище было огорожено тыномъ или частоколомъ. Внѣшній ровъ имѣетъ около 2 аршинъ глубины; за нимъ слѣдуетъ валъ, вышиною около 9 аршинъ. Другая сторона вала, обращенная къ городищу, имѣетъ въ вышину около 8 аршинъ. Второй ровъ, длиною около 54 саж., съ обѣихъ сторонъ открытъ къ Волгѣ; второй валъ немного выше перваго; за нимъ слѣдуетъ ровъ глубиною около 6 арш., окружающій самое городище. Оконечности рвовъ перваго и третьяго, примыкающія къ обрыву, засыпаны землею, повидимому, обвалившеюся съ насыпей. Валы и рвы обросли дерномъ. Насыпь площадки городища, легко отличаемая по остаткамъ дерна, на которомъ она насыпана, имѣетъ въ толщину около четырехъ аршинъ и состоитъ изъ чернозема.

Возлѣ городища находятся два ряда кургановъ, идущіе на пространствѣ 23 саженъ, по направленію къ сельцу Пекунову. Ко-

нецъ одного ряда кургановъ примыкаетъ къ первому внѣшнему рву, а другой конецъ удаляется отъ него на 18 саженъ. Всѣхъ кургановъ сохранилось 14. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, находилось здѣсь до 30 кургановъ; но изъ нихъ въ послѣднее время многіе срыты. Они имѣютъ видъ закругленнаго конуса, имѣющаго въ основаніи 8 арш. въ діаметрѣ, при двухъаршинной высотѣ. Курганы идутъ попарно, въ разстояніи около 5 саж. одинъ отъ другаго, кромѣ трехъ кургановъ, которые находятся въ серединѣ рядовъ. Оба ряда кургановъ, въ сторонѣ, обращенной къ сельцу Пекунову, заканчиваются четырьмя большими ямами, которыя, какъ должно полагать, суть ничто иное, какъ слѣды произведенныхъ здѣсь раскопокъ. Городище и нѣсколько кургановъ были разрываемы прежнимъ владѣльцемъ, съ цѣлью отыскать въ нихъ клады, но кромѣ костей ничего въ нихъ не найдено. Весенними же водами р. Волги, размывающими городище, были отмываемы человѣческіе черепа, которые, несмотря на то, что форма ихъ вполнѣ сохранилась, подверглись настолько тлѣнію, что разсыпались при одномъ къ нимъ прикосновеніи. Кромѣ череповъ, находимы были въ размывной землѣ городища кремневые наконечники стрѣлъ и копій, а также черепки глиняной посуды.

Преданій не сохранилось, сохранился только издревле обычай крестьянъ окрестныхъ деревень, которые, наканунѣ Иванова дня (23 іюня), собираются сюда и проводятъ здѣсь время съ утра до поздней ночи въ разныхъ играхъ. Въ прежнее время разводимы были ими на городищѣ огни, но, послѣ происшедшаго отъ этого напольнаго пожара, разводить огни владѣльцемъ запрещено. В. А. Преображенскій, извѣстный изслѣдованіями по исторіи и статистикѣ Тверской губерніи, упоминаетъ въ своихъ запискахъ, что у Пекуновскаго городка (городища) происходило сраженіе Тверскаго великаго князя Михаила Ярославовича съ Московскимъ княземъ Георгіемъ Даниловичемъ, переправившимся черезъ Волгу противъ Пекунова. Лѣтописи не упоминаютъ, чтобы здѣсь происходило сраженіе, въ которомъ лично участвовали оба эти князя; но могло быть, что войска Московскаго князя, переправившись на лѣвый берегъ Волги, чтобы опустошать на этой сторонѣ Тверскія владѣнія, встрѣтились здѣсь съ Кашинцами, вышедшими на помощь Тверичамъ [1]. Многознаменательнымъ указаніемъ на это обстоятельство можетъ служить сохранившееся названіе Георгиново,—названіе поля, на которомъ находится городище съ курганами [2].

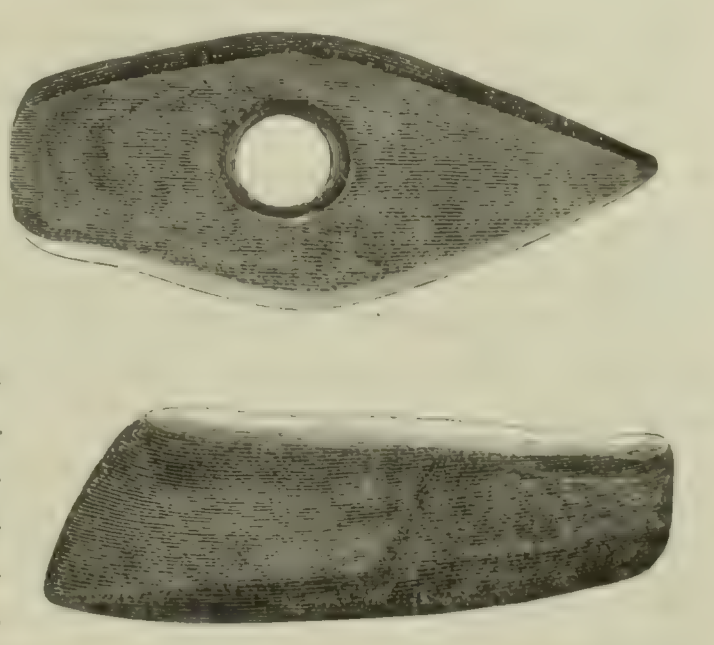
---

[1]) Исторія Тверскаго княжества, В. С. Борзаковскаго. С. П. Б. 1876 года.

[2]) Ближайшая къ этому городищу пустошь называется «Строкино»; за нею слѣдуютъ: Каменково, Медвѣдково, Зайково и Сережкино.

Около десяти лѣтъ тому назадъ, стояла на городищѣ сторожка лѣсника, для охраненія лѣсной дачи, находящейся въ виду городища, въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей отъ него; но весенними водами отмыло самое мѣсто, на которомъ была построена сторожка.

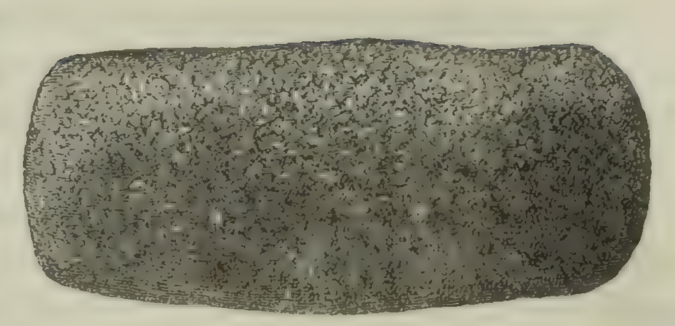
3. Каменный молотъ или сѣкира, шлифованный и съ сверлиною. Въ 1873 году, въ г. Красномъ Холму, при устройствѣ чрезъ рѣку Неледину моста для дамбы, рыли песокъ съ горы, близъ Преображенскаго собора, и, при снятіи горы на сажень или болѣе въ глубь, рабочими найденъ былъ этотъ молотъ. При осмотрѣ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, этотъ молотъ признанъ сдѣланнымъ изъ доломитовой породы; а такъ какъ камни доломитовой породы находятся въ Россіи на Уралѣ, гдѣ и въ настоящее время выдѣлываются изъ нихъ черенки для ножей, въ Тверской же губерніи доломитовъ не находится, то и раждается предположеніе о происхожденіи этого молота съ Урала **). Онъ имѣетъ въ длину 7 дюйм. и въ ширину $2\frac{3}{4}$ д., изящной формы, отшлифованъ и съ одного конца заостренъ. Этотъ молотъ пожертвованъ Красно-Холмскимъ городскимъ головою П. А. Комендантовымъ, въ 1875 году.



4. Каменный шлифованный молотъ, найденный въ г. Красномъ Холму, въ 1873 году, вмѣстѣ съ другимъ молотомъ, описаннымъ выше подъ № 3. Этотъ молотъ пожертвованъ, въ 1876 году, въ музей купцомъ М. И. Масниковымъ, купившимъ у крестьянина, нашедшаго его, за 15 коп. Молотъ этотъ сдѣланъ изъ сѣраго сіенитоваго гранита. Онъ имѣетъ киркообразную форму, въ длину 4 дюйма, въ вышину $1\frac{3}{4}$ и до 2-хъ д. въ толщину, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится сверлина, величиною въ одинъ дюймъ. Сверлина находится въ $\frac{3}{4}$ дюйма отъ тупаго конца молота и въ $2\frac{1}{2}$ дюймахъ отъ острія.

**) По формѣ своей эта сѣкира совершенно одинакова съ сѣкирами, найденными въ Можайскомъ и Звенигородскомъ уѣздахъ. Лезвіе загибается полукругомъ къ нижней части сѣкиры. Но между Тверскими каменными сѣкірами въ особенности замѣчателенъ № 5, который передѣланъ изъ болѣе длиннаго разбившагося орудія. У тылья замѣтна еще часть первоначальной сверлины; за тѣмъ отшлифовали весьма правильно этотъ обломокъ и просверлили на серединѣ его новое отверстіе.

5. Каменный шлифованный молотъ или сѣкира, найденный въ г. Красномъ Холму, въ 1873 году, вмѣстѣ съ другими двумя молотами, представленными въ музей, въ 1877 г., крестьяниномъ Весьегонскаго уѣзда, деревни Лаптева, Б. Ѳ. Орловымъ. Молотъ этотъ сдѣланъ, повидимому, изъ доломитовой породы. Онъ имѣетъ въ длину $5^1/_4$ дюйма, въ вышину $1^3/_4$ у острія и $1^1/_4$ у тупаго конца и до $2^1/_4$ въ толщину, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится круглое для рукоятки отверстіе, величиною въ одинъ дюймъ. Отверстіе это находится въ $1^3/_4$ дюйма отъ тупаго конца и въ $2^1/_2$ д. отъ острія.



6. Каменный молотъ или сѣкира, изъ чернаго, повидимому, мелкозернистаго гранита, длиною $4^3/_4$ вершка, толщиною у сверлины $1^3/_4$ в., шириною у остраго конца $^{15}/_{16}$ вер.; самая сверлина въ діаметрѣ $^3/_4$ вер. Этотъ молотъ, замѣчательный по своей величинѣ, найденъ въ 1864 году въ городѣ Торжкѣ, въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, на правомъ берегу рѣки Тверцы, въ землѣ, на косогорѣ, на глубинѣ около 3 аршинъ, при копаніи земли подъ фундаментъ сѣверной башни Борисоглѣбскаго монастыря. Монастырь основанъ въ 1038 г., на пустомъ возвышенномъ мѣстѣ на посадѣ, отдѣлявшемся отъ города землянымъ валомъ съ сѣверной стороны (Историческо-Статистическое описаніе города Торжка. Тверь, 1860 г., стр. 3). Рабочіе, нашедшіе этотъ молотъ, воспользовались имъ для бученія кирпича; но наблюдавшій за постройкою архитекторъ И. С. Гребенщиковъ взялъ отъ нихъ этотъ молотъ, который впослѣдствіи, въ 1877 году, пожертвовалъ въ Тверской музей.

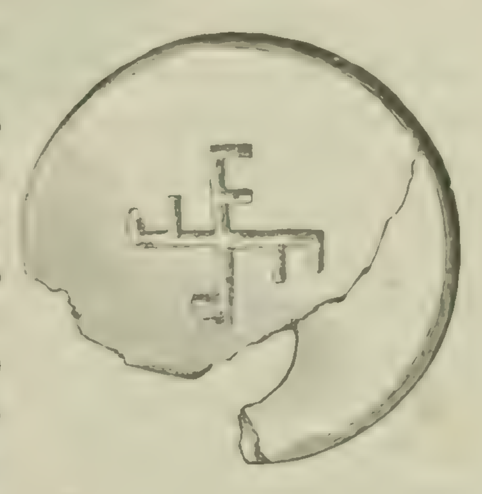
7—14. Предметы, вырытые изъ кургановъ въ сельцѣ Петровскомъ, усадьбѣ г. Коровяковскаго, въ 8 верстахъ отъ г. Ржева. Курганы расположены на низкомъ лѣвомъ берегу Волги, выше г. Ржева; число кургановъ простирается до 30. Въ полуверстѣ отъ нихъ, на высокомъ берегу Волги, древнее городище.— Раскопка произведена 7-го іюня 1875 года, инспекторомъ Ржевской Прогимназіи Д. Ѳ. Щегловымъ, пожертвовавшимъ означенные предметы въ Тверской музей.

7. Ножикъ желѣзный, длиною около 4 вершковъ. Рукоятка обдѣлана, повидимому, въ кость, худо сохранившуюся. Лезвіе около двухъ вершковъ длины, очень не широко, при значительной толщинѣ. Ножикъ переломленъ на 4 части, и кромѣ того, безъ конца [1]).

[1]) Подобный этому изображенъ на таб. XXX рис. 25, въ атласѣ къ «Трудамъ перваго

8. Кольцо мѣдное или бронзовое, нѣсколько менѣе $^3/_4$ вершка во внѣшнемъ діаметрѣ, при $^1/_8$ вершк. толщины.

9. Остатокъ какой-то желѣзной вещи, можетъ быть, ключа, въ видѣ стержня, въ $1^1/_2$ вершка длины, толщиною $^3/_{16}$ вер., съ выдающимися тремя отростками, въ разстояніи $^1/_2$ вершка отъ концовъ стержня. Одинъ изъ сихъ отростковъ имѣетъ видъ лапки [бородки]; на другомъ концѣ отростки, въ видѣ ушковъ, имѣются съ двухъ сторонъ стержня.



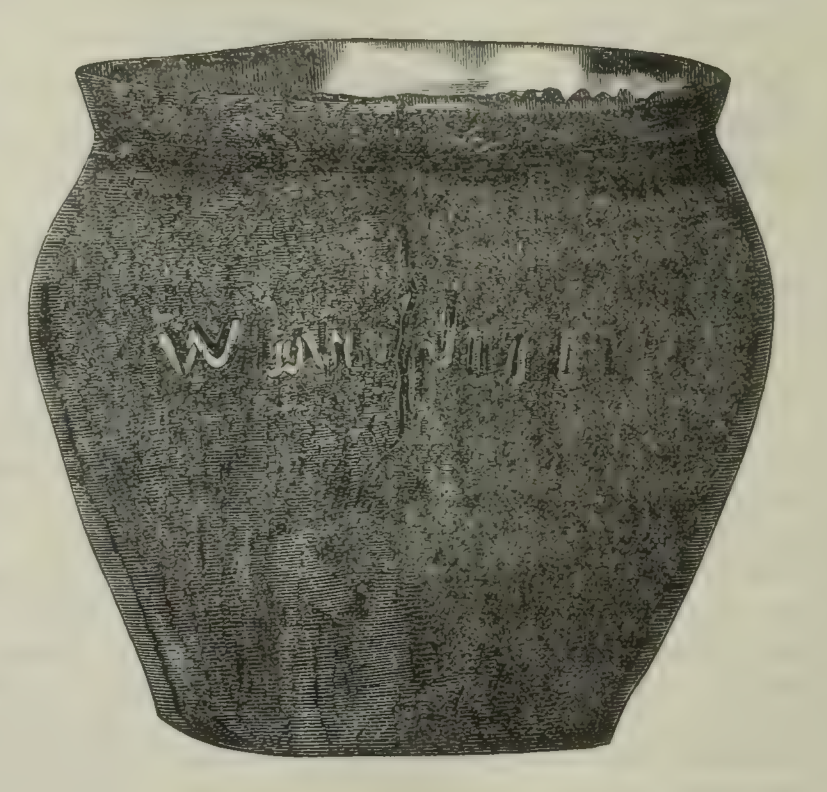
10. Горшокъ, худо сохранившійся, вышиною 3 вер., и столько же шириною въ самой широкой части; дно въ діаметрѣ $2^1/_8$ вер. На днѣ горшка имѣется знакъ или клеймо, составленный изъ нѣсколькихъ выпуклыхъ прямыхъ и ломаныхъ линій, пересѣкающихся подъ прямымъ угломъ [1]). Глина съ большою примѣсью крупнаго песка, точно также, какъ и въ черепкахъ глиняной посуды, вынутыхъ изъ Пекуновскаго городища **).

арх. съѣзда». Такой же ножъ находится въ Тверскомъ музеѣ и показанъ въ описаніи его подъ № 26.

[1]) Снята фотографія. Подобные знаки помѣщены въ первомъ томѣ «Древностей», въ статьяхъ графа Тышкевича и А. А. Котляревскаго.

**) Къ №№ 10 и 11. Всѣ изслѣдованія объ изображеніяхъ на днахъ глиняныхъ сосудовъ доказали уже теперь, что эти знаки не имѣютъ никакого религіознаго значенія, а принадлежатъ къ числу фабричныхъ клеймъ. Доселѣ у насъ были извѣстны только клейма на сосудахъ найденныхъ гр. Тышкевичемъ въ Борисовскомъ уѣздѣ, а также на сосудахъ отрытыхъ въ Даниловскомъ у. у станціи Уткина. Третья мѣстность теперь, на которой попадаются сосуды съ такими же клеймами, оказывается Ржевскій уѣздъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что ставить клейма на днѣ сосудовъ, было обыкновеніе не повсемѣстное, а напротивъ того, только нѣкоторыхъ мѣстностей, и составляетъ какъ бы исключеніе изъ общаго правила. То же самое исключительное значеніе клеймъ было уже замѣчено западными археологами, которые для составленія своихъ выводовъ могли пользоваться болѣе обширнымъ матеріаломъ. Изучая со вниманіемъ не только ржевскіе сосуды, но вообще всѣ подобные сосуды, видно, что гончаръ при лѣпкѣ сосуда, хотя онъ не зналъ еще гончарнаго круга, однако ставилъ сосудъ на ручной деревянный станокъ, на которомъ вырѣзывался въ глубь тотъ знакъ, который обронно выходилъ на сосудѣ при его лѣпкѣ. На нѣкоторыхъ сосудахъ клеймо сдѣлано въ глубь; въ такихъ случаяхъ на станкѣ была сдѣлана выпуклая матрица. Такіе сосуды съ клеймами были найдены въ сѣверной Италіи (Mortillet. Le signe de la croix avant le Christianisme. Paris, 1866) на чисто классической почвѣ. Между ними самые древніе найдены въ Эмиліи, въ такъ называемыхъ terra mara (у Пармы, Баргоне, Кастіоне). Потомъ слѣдуетъ могильникъ, найденный графомъ Гоццадини у Виланова близь Болоньи, и наконецъ цѣлый рядъ находокъ въ Голазекка и въ Сомма въ сѣверной Италіи, близь знаменитаго побоища на Тицинѣ. Наконецъ, такіе сосуды найдены были также во многихъ свайныхъ поселеніяхъ въ Савойѣ и другихъ мѣстахъ. Хотя всѣ эти находки обнимаютъ большое пространство времени, однако теперь всѣ изслѣдователи согласны въ томъ, что онѣ принадлежатъ

11. Горшокъ, очень худо сохранившійся. На осколкахъ его дна, которое въ діаметрѣ имѣетъ $2^1/_8$ вер., находится знакъ [клеймо], составленный изъ нѣсколькихъ прямыхъ линій, соединенныхъ между собою подъ прямымъ угломъ.



12. Горшокъ небольшой, порядочно сохранившійся, выкопанный изъ земли цѣлымъ и уже потомъ разбившійся. Горшокъ этотъ вышиною $2^1/_4$ вершка; дно его, въ діаметрѣ $1^1/_2$ вершк., не имѣетъ знака или клейма.

13. Скелетъ, повидимому, мужской.

14. Скелетъ, повидимому, женскій.

къ періоду предшествовавшему не только римской, но даже и этрусской эпохѣ. За тѣмъ любопытно, что тѣ же самыя почти клейма на сосудахъ отрытыхъ въ Германіи (Verhandlungen der Berliner Gesellschaft fur Anthrop. Ethn. u. Urgesch. 1871. III, p. 27, Taf. VI, 1876; VIII, p 165). Такіе сосуды были найдены по правому берегу Одера, въ пяти мѣстностяхъ у Гарца, у Даберскаго, Персанцигскаго и Солдинерскаго озеръ и у Кенигсвальда. Всѣ сосуды небольшаго объема, грубой отдѣлки и сдѣланы изъ черноватой глины, съ большою примѣсью кварца и слюды, обожжены внутри и снаружи до краснаго цвѣта. На нихъ выпуклыя клейма доказываютъ извѣстное усовершенствованіе, которое незамѣтно при сосудахъ съ вогнутыми клеймами. Затѣмъ слѣдуютъ клейма болѣе правильно выдѣланныя, какъ на сосудахъ изъ Кенигсвальда и изъ Клесько близь Гнѣзна (ibidem, 1876. VIII, pag. 272). Эти послѣднія Гнѣзненскія клейма представляютъ кресты съ перекрестками на четырехъ концахъ, въ родѣ знаковъ на монетахъ X и XI вѣка (въ Позенскомъ собраніи). Вообще эти сосуды съ клеймами въ

Оба скелета найдены въ одномъ курганѣ, въ массѣ мелкихъ углей. Судя по положенію головы и костей туловища, оба покойника были похоронены въ сидячемъ положеніи. Отношеніе длины черепа къ ширинѣ—въ большомъ черепѣ—100: 81, въ меньшемъ—100: 79. Вмѣстѣ съ скелетами, въ томъ же курганѣ найдены описанные выше: ножикъ, кольцо, остатокъ желѣзной вещи и два горшка. Третій горшокъ, меньшій, найденъ въ особомъ небольшомъ курганѣ, безъ всякихъ остатковъ костей. Всѣ горшки, повидимому, наполнены были какимъ-то жирнымъ веществомъ. Съ поверхности земли проникли корни растеній, нашедшіе въ нихъ себѣ пищу. Трупы были положены на поверхности земли и уже потомъ была сдѣлана насыпь до $2^1/_2$ аршинъ отвѣсной высоты. Оба скелета, равно какъ и два другіе, вырытые изъ кургановъ въ томъ же мѣстѣ, лежали ногами къ востоку.

Существуетъ вопросъ: прямо ли на землѣ клали покойниковъ, или предварительно дѣлали маленькую насыпь, на которую клали покойника? Въ означенныхъ раскопанныхъ курганахъ подъ скелетомъ начиналась матерая, нетронутая земля; значитъ, трупъ прямо на землю и былъ положенъ, безъ всякой предварительной насыпи; но положенъ не горизонтально, а въ сидячемъ положеніи, и притомъ ноги во всѣхъ скелетахъ были обращены на востокъ.—По описанію Ибнъ-Фодлана, покойника подпирали подушками, чтобы онъ не упалъ. А что трупъ былъ въ сидячемъ положеніи, это видно изъ того, что голова всегда находится вмѣстѣ съ тазомъ, или близь него. Если бы трупъ былъ положенъ въ лежачемъ положеніи, то голова была бы далеко отъ таза, такъ что тотъ былъ бы въ срединѣ между нею и ступнями. И притомъ, голова имѣетъ самое неправильное положеніе: то лицо смот-

---

особенности для насъ любопытны тѣмъ, что привели профессора Фирхо къ убѣжденію, что они попадаются только въ мѣстностяхъ имѣющихъ славянское названіе, и что они принадлежатъ къ издѣліямъ славянскихъ народовъ, т. е. къ издѣліямъ тѣхъ самыхъ народовъ, которые насыпали городища и строили свайныя жилища въ этихъ мѣстахъ. Такъ какъ эти поселенія Помераніи относятся къ VI или VII столѣтію по Р. Х., то и гончарныя издѣлія должны быть отнесены къ тому же времени. Относительно же сосудовъ съ клеймами до-этрусской эпохи, находимыхъ въ Италіи, Фирхо говоритъ, что ставить ихъ въ связи съ сосудами славянскими, хотя и посредствомъ торговыхъ сношеній, весьма трудно. Что же касается происхожденія этихъ знаковъ, то Фирхо думаетъ, что образцы для мѣстныхъ гончарныхъ издѣлій могли быть занесены изъ весьма дальныхъ странъ. Такое мнѣніе, несмотря, что оно не разрѣшаетъ окончательно вопросъ о народности этихъ знаковъ, однако такъ любопытно для насъ, что должно обратить особое вниманіе нашихъ изслѣдователей. Можетъ быть, и не отыскивая объясненія въ торговыхъ сношеніяхъ, эти знаки принадлежали какъ отличительный признакъ извѣстнымъ славянскимъ племенамъ, несмотря ни на время, ни на страну, въ которой они селились. Вообще, можно навѣрно надѣяться, что изслѣдованія такихъ знаковъ на гончарныхъ издѣліяхъ будутъ содѣйствовать къ раскрытію народности многихъ памятниковъ, такъ какъ гончарныя издѣлія, по хрупкости своей, врядъ ли часто служили предметами извоза при дальнихъ торговыхъ оборотахъ.

ритъ вверхъ, то въ бокъ, то внизъ; значитъ, голова лежитъ, какъ ей случилось упасть во время сожженія или послѣ него.

15—24. Предметы, вырытые изъ кургановъ сельца Пекунова, Корчевскаго уѣзда, на лѣвомъ берегу рѣки Волги. Раскопка произведена въ іюлѣ мѣсяцѣ 1877 года, семействомъ гг. Мамонтовыхъ.

Разрыты были три кургана, изъ 14, находящихся близь Пекуновскаго городища. Курганы имѣли въ окружности (см. № 2) каждый 24 аршина, и высоту около 2 аршинъ. По снятіи части песчаной насыпи перваго кургана, на глубинѣ 9 вершковъ оказался человѣческій скелетъ въ лежачемъ положеніи, головою на западъ, а ногами на востокъ. Кости до того истлѣли, что разсыпались отъ прикосновенія къ нимъ. Кромѣ того, въ курганѣ этомъ найдены: бусы, разныя бронзовыя украшенія и кусокъ плетенаго шнура, а также черепки глиняныхъ горшковъ и угли.

15. Бусы, въ количествѣ 25, найдены близь шейныхъ костей скелета. Онѣ разныхъ цвѣтовъ, формы и величины, а именно:

а) одна буса изъ стекловидной черной массы, въ діаметрѣ $^5/_8$ дюйма, съ двумя бѣлыми волнообразными полосами, пересѣкающимися въ трехъ точкахъ. Внутри пространствъ, образуемыхъ этими полосками, имѣются желтоватые выпуклые кружки, въ діаметрѣ около $^1/_4$ д., съ четырьмя на каждомъ красными крапинками и съ одною голубою внутри нихъ, расположенными въ видѣ крестика или цвѣтка.

б) черная стекловидная буса, въ діаметрѣ $^7/_{16}$ д., съ осмью бѣлыми цвѣтками, имѣющими форму розетокъ.

в) стекловидная чернаго цвѣта, $^7/_{16}$ д., съ бѣлою полоскою кругомъ.

г) стеклянная двойная, бѣлаго цвѣта, $^5/_{16}$ д., съ коричневыми полосками, идущими радіусами.

д) круглая темносиняго цвѣта, $^7/_{16}$ д.

е) кругловатая, граненая, изумруднаго цвѣта.

ж) синяя, дынеобразной формы, $^1/_2$ д.

з) такая же двойная, $^5/_{16}$ д.

и) синяя, въ видѣ четырехгранной призмы, съ четыреугольниками на граняхъ зеленоватаго цвѣта, въ родѣ мозаики, длиною $^1/_2$ д.

і) двѣ сердоликовыя бусы, въ видѣ многогранныхъ призмъ, длиною $^1/_2$ д.

к) шесть сѣроватыхъ каменныхъ, по всему вѣроятію, глиняныхъ бусъ, въ видѣ четыреугольныхъ призмъ, длиною $^1/_2$ д. Одна повреждена.

л) двойная, стеклянная, желтоватаго цвѣта, $^3/_{16}$ д. въ діаметрѣ, и

м) семь стеклянныхъ серебристыхъ, $^3/_{16}$ д. въ діаметрѣ.

16. Шейная круглая гривна, длиною $9^3/_4$ вершка, витая изъ двухъ толстыхъ проволокъ, въ діаметрѣ каждая $^1/_{16}$ д. Концы этихъ проволокъ оканчиваются пластинками, съ двумя крючками для застежки.

17. Браслетъ, въ видѣ толстой пластинки, въ діаметрѣ $1^1/_4$ вершка. Пластинка въ серединѣ шириною $^1/_8$ в., а къ концамъ, почти соприкасающимся между собою, ширина ея увеличивается до $^1/_4$ в. и болѣе. Браслетъ найденъ на рукѣ.

18. Пряжка (брошка) въ видѣ овальной дуги, концы которой отстоятъ одинъ отъ другаго на $^1/_{16}$ д. Пряжка имѣетъ въ большомъ діаметрѣ $1^1/_8$ д., сверху выпуклая, съ узоромъ спиральнымъ, внизу вогнутая, гладкая, шириною $^3/_{16}$ д. На закругленныхъ концахъ ея находятся перпендикулярные шпеньки, на каждомъ по одному, вышиною $^1/_7$ д. Язычекъ (шпенекъ) пряжки длиною $1^3/_8$ д., красиво изогнутый, съ изображеніемъ, на верхней широкой его части, головы животнаго. Пряжка найдена на груди скелета.

19. Два проволочныхъ овальныхъ кольца; концы ихъ заходятъ одинъ за другой, діаметръ большой $^7/_8$ д. По всему вѣроятію, это суть височныя кольца, которыя носимы были Мерянами на головѣ, на ремнѣ, по одному или по два и болѣе съ каждой стороны. Труды перваго Археологическаго съѣзда, стр. 636.

20. Кольцо изъ болѣе толстой проволоки, со спаянными концами, въ діаметрѣ $^{13}/_{16}$ д.

21. Кольцо изъ тонкой проволоки съ однимъ заостреннымъ концомъ, въ діаметрѣ $1^5/_8$ дюйма. Разломано.

22. Кольцо овальное, съ концами, заходящими одинъ за другой, въ большомъ діаметрѣ $^7/_8$ д., съ остатками надѣтой на него небольшой бляшки.

23. Двѣ проволочныя треугольныя привѣски съ пятью треугольными же бляхами, съ краями бляхъ на одной привѣскѣ загнутыми, а на другой привѣскѣ на каждой бляшкѣ имѣется три шарообразныхъ возвышенія. Привѣски, длиною каждая $1^3/_4$ в., а шириною внизу около 1 в., совершенно схожи съ такими же, найденными въ Мерянскихъ могилахъ и служившими украшеніемъ, пришиваемымъ къ одеждѣ на плечахъ. (Труды перваго Арх. с. стр. 637. Таб. XXV № 24). На послѣдней привѣскѣ, на одной бляшкѣ сохранился кусокъ толстой нитки.

24. Кусокъ плетенаго шнурка, длиною $2^1/_2$ дюйма и толщиною около $^1/_8$ д.

25—34. Предметы, вырытые изъ кургановъ Ржевскаго уѣзда, въ сельцѣ Ивановскомъ, Выставка тожъ, въ усадьбѣ помѣщика Прежевскаго, въ 24 верстахъ отъ г.

Ржева. Группа кургановъ, въ количествѣ 15, находится на правомъ берегу рѣчки Святителевки, близь устья ея въ рѣчку Добрыню, впадающую въ р. Осугу. Раскопка двухъ кургановъ произведена княземъ М. А. Дондуковымъ-Корсаковымъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1877 года.

Въ первомъ курганѣ найдены слѣдующія вещи:

25. Глиняный горшокъ, совершенно гладкій, вышиною и шириною въ верхнемъ діаметрѣ около $3^1/_2$ вершковъ, края съ загибомъ, стѣнки значительной толщины, дно же тонкое.

26. Желѣзный ножикъ, длиною $2^3/_4$ вершка, хорошо сохранившійся. Около него были найдены остатки почти истлѣвшихъ костей.

27. Три сердоликовыя шлифованныя бусы, съ отверстіемъ вдоль оныхъ, длиною $^9/_{16}$ верш.

28. Одинъ каменный кружокъ-пронизка, красноватаго цвѣта, въ формѣ мельничнаго жернова, $^3/_8$ вершка въ діаметрѣ, съ отверстіемъ. Этотъ кружокъ совершенно схожъ съ таковыми же кружками красноватаго шифера, найденными въ Мерянскихъ могилахъ, назначеніе коихъ доселѣ остается загадочнымъ [1]). Въ отверстіе попала мелкая буса, величиною съ небольшую горошину. Эта буса, при легкомъ выдавливаніи ея изъ каменнаго кружка, искрошилась. Подобная ей маленькая буса найдена отдѣльно; она также разломилась.

29. Браслетъ изъ трехъ витыхъ мѣдныхъ проволокъ, покрытый, сравнительно, толстымъ слоемъ окиси. Діаметръ браслета около $1^1/_2$ верш.

30. Двѣ желѣзныя вещи, повидимому, остатки ножей. Длина одной около 2 вершковъ (разломилась послѣ на три части), другой $1^5/_8$ вершка.

Раскопка начата была въ видѣ траншеи. На глубинѣ одного аршина отъ поверхности кургана найденъ упомянутый горшокъ. Онъ наполненъ былъ плотною и жирною массою, въ которой проросли корни какихъ-то растеній. Раньше горшка показались угли, хорошо сохранившіеся (между ними есть въ вершокъ длины и даже больше). Замѣчательно, что нѣкоторые угли не вполнѣ перегорѣли, напр., одинъ конецъ куска вполнѣ обугленъ, а другой еще имѣетъ видъ дерева, почти сгнившаго. Кромѣ того, вмѣстѣ съ углемъ найдены два куска дерева, длиною менѣе вершка, повидимому, выпиленные, составлявшіе часть какой-то вещи. Кость найдена только одна—полуистлѣвшая, длиною вершковъ въ шесть, по всему вѣроятію, отъ руки или ноги. Другія кости совершенно сгнили. Средина кургана была раскапываема послойно. Верхній слой песчаный, рыхлый; въ немъ попадались мелкіе уголья, затѣмъ—сѣроватый слой золы, съ угольями и землей, потомъ слой болѣе черный и твердый, съ крупными угольями. Въ этомъ слоѣ

[1]) Труды перваго Археологическаго съѣзда, стр. 138.

найдены послѣднія четыре вещи, въ самой срединѣ кургана. Толщина верхняго слоя около $^3/_4$ аршина, втораго около полуаршина, третьяго около аршина, такъ что отвѣсная высота кургана была нѣсколько болѣе двухъ аршинъ. Окружность кургана, въ основаніи, около 15 аршинъ. На этомъ курганѣ росли мелкія ёлки, прочіе же курганы покрыты крупнымъ хвойнымъ и мелкимъ березовымъ лѣсомъ.

Въ другомъ курганѣ той-же группы, одинаковой величины съ первымъ, найдены:

31. Два полуразрушившіеся скелета—взрослаго человѣка и дитяти, и небольшой глиняный горшокъ, который тутъ же развалился.

32. Одинъ браслетъ, въ діаметрѣ $1^1/_2$ вершка, сдѣланный изъ толстаго бронзоваго прута [1]).

33. Бронзовый же четырехгранный бубенчикъ въ видѣ пуговицы, съ ушкомъ, длиною $^5/_8$ верш.

34. 17 разной величины стеклянныхъ бусъ. Изъ числа бусъ: сплющенная свѣтлосиняго цвѣта, отъ вліянія внѣшнихъ причинъ побѣлѣвшая, длиною и шириною около $^1/_2$ д., другая синяго цвѣта, $^3/_8$ д. въ діаметрѣ; двѣ бѣловатыя граненыя бусы, посеребреныя, съ разными узорами, $^3/_8$ д.; одна двойная, тоже посеребреная, $^3/_8$ д.; одинокая такая-же $^3/_{16}$ д. и 10 свѣтлосинихъ, въ діаметрѣ $^1/_8$ дюйма. Кромѣ сего, найденъ суковатый кусокъ дерева, должно быть, доски, толщиною $^7/_8$ вер., сдѣланный не посредствомъ пилы, а иного какого либо остраго орудія. Еще найдены небольшіе кусочки дерева обгорѣлые и кусокъ какого-то минерала.

35. Привѣска, въ видѣ конька, сдѣланная изъ бронзы и найденная крестьяниномъ деревни Добрый-Боръ, Весьегонскаго уѣзда, Топалковской волости, на поляхъ этой деревни, вблизи кургановъ, невдалекѣ отъ р. Мологи. Конекъ этотъ, служившій въ первобытныя времена украшеніемъ, носимымъ на поясѣ, длиною $1^1/_8$ в., имѣетъ форму выпуклую, отличающуюся отъ находимыхъ въ Мерянскихъ могилахъ коньковъ плоской формы. Украшенъ онъ маленькими бубенчиками, висящими на цѣпочкахъ, состоящихъ изъ кругловатыхъ звеньевъ. Орнаментъ его имѣетъ нѣкоторое сходство

[1]) Браслетъ переломился надвое.

съ рисункомъ утки, помѣщеннымъ въ приложеніи къ «Трудамъ I Археологическаго съѣзда» (таб. XXV № 21). Уши и грива конька изображены въ видѣ колецъ, изъ коихъ одно на лѣвомъ ухѣ и другое на гривѣ имѣютъ отверстія. На крестцѣ конька есть также отверстіе въ 1/8 верш. **).

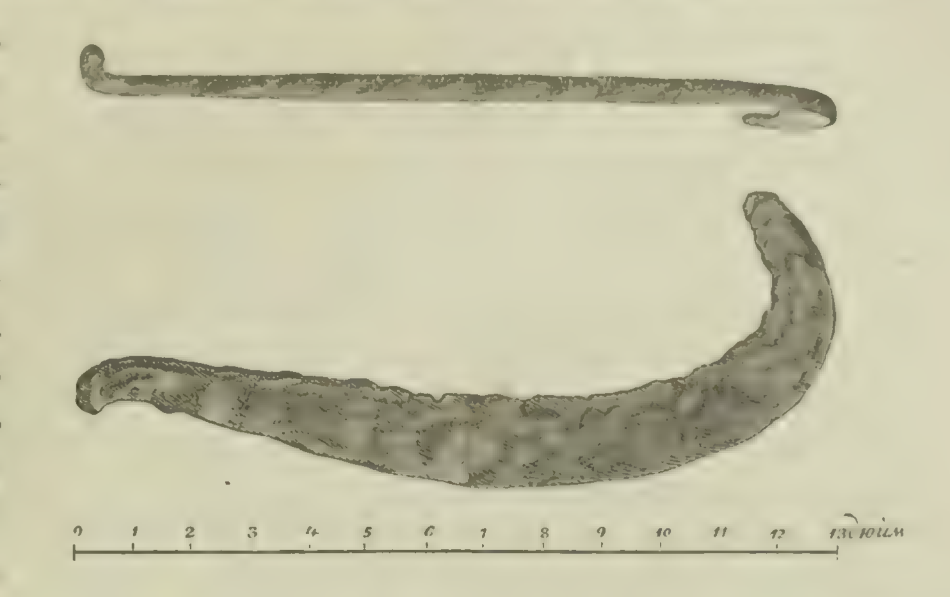
Конекъ этотъ пожертвованъ въ музей П. П. Воскресенскимъ въ 1877 году.

36. Желѣзная подковка изъ-подъ каблука, найденная въ г. Весьегонскѣ, въ курганѣ, вмѣстѣ съ человѣческими костями. Подковка длиною отъ задника 2 1/2 дюйма, въ томъ числѣ самое желѣзо шириною 1 д.; ширина подковки въ концахъ 1 3/8 д., и въ широкой части каблука 1 6/8 д., толщина у задника 7/16 д., у концовъ 1/8 д.; загнутые концы ея длиною 3/8 д. Подковка покрыта ржавчиною; въ ней остались всѣ пять гвоздей, съ круглыми шарообразными головками. Сими гвоздями она была прибита къ каблуку, съ которымъ и вынута изъ земли. Подковка эта, весьма искусной работы и замѣчательной формы, вполнѣ похожа на одну изъ подковокъ, найденныхъ графомъ А. С. Уваровымъ въ Мерянскихъ курганахъ; рисунокъ ея помѣщенъ подъ № 49 на XXXII таблицѣ Собранія картъ плановъ и рисунковъ, приложеннаго къ Трудамъ перваго Археологическаго съѣзда. Подковка найдена лѣтомъ 1876 года, при сравниваніи окружающей Весьегонскій соборъ площади. Послѣ снятія курганной насыпи отрыта огромная могила съ множествомъ полуистлѣвшихъ костей и череповъ, число которыхъ простиралось до тысячи. Какимъ образомъ попали сюда кости въ такомъ большомъ количествѣ,—никто изъ старожиловъ не могъ объяснить и преданіе объ этомъ умалчиваетъ. Весьегонскъ, иначе Весь, прежде Весьегонское село, принадлежавшее Московскому Симонову монастырю, упоминается еще въ XIV столѣтіи; здѣсь съ незапамятныхъ временъ, до настоящаго времени, существуетъ Крещенская ярмарка, на которую привозятъ разныхъ товаровъ на сумму болѣе милліона рублей. Ярмарка эта служила мѣстомъ для обмѣна произведеній дальняго сѣвера на продукты и издѣліе средней Россіи.

37—38. Два желѣзныя орудія, косари, употреблявшіеся вмѣсто нынѣшнихъ косъ. Орудія эти вырыты въ 1875 году, на

**) Такія изображенія, какъ мною было уже замѣчено, принадлежатъ къ издѣліямъ привозимымъ къ Мерянамъ съ востока, и вѣроятно посредствомъ торговыхъ сношеній съ Волжскими Болгарами (срав. Меряне, стр. 77, 79, 90, 108. Таб. XXV, рис. 21). Въ курганахъ Владимірскихъ и Ржевскихъ такія украшенія попадаются какъ рѣдкія исключенія, между тѣмъ въ Казанской, Вятской и въ особенности въ Пермской губерніяхъ они встрѣчаются довольно часто, такъ что по этому признаку можно заключить о тѣхъ восточныхъ странахъ, въ которыхъ эти украшенія изготовлялись. Любопытно было бы сравнить химическій анализъ бронзы одного и того же украшенія найденнаго въ разныхъ губерніяхъ.

земляхъ деревни Казикина. (дер. Казикино находится на р. Метѣ. противъ сельца Городокъ, на земляхъ коего находятся большіе курганы). вблизи Метинской станціи Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги. Вышневолоцкаго уѣзда близь рѣки Меты. и пожертвованы Казикинскимъ старшиною Павловымъ. Они имѣютъ форму широкаго ножа. загнутаго кругообразно по всей ширинѣ. такъ что конецъ ножа отстоитъ отъ его спинки на 3½ дюйма. Другой конецъ или рукоять,



съуживаясь постепенно, заканчивается. какъ у настоящихъ косъ. толстою пяткою подъ тупымъ угломъ, вышиною въ одинъ дюймъ. шириною въ ½ дюйма и толщиною. при основаніи. 3 лин. и въ верху 2 л. Вообще косари эти длиною 12 дюймовъ, толщиною въ спинкѣ отъ одной до трехъ линій. Судя по тому, что косы-литовки—такъ назывались прежде настоящія косы—находились уже въ употребленіи во второй половинѣ XVI столѣтія. какъ это видно изъ описей Красно-Холмскаго Николаевскаго Антоніева монастыря, можно заключить, что найденные въ Казикинѣ косари должны относиться къ болѣе отдаленному времени, ибо трудно предположить, чтобы косы-литовки раньше появились около Краснаго-холма, нежели на берегахъ р. Меты, главномъ пути сообщенія въ древности, въ мѣстности, находящейся ближе къ западной границѣ Руси. Нельзя при этомъ не замѣтить здѣсь, что еще въ 1847 году, въ Череповскомъ уѣздѣ, между Устюжною и Череповцемъ, вблизи почтовой дороги, употреблялся особый видъ косы. длиною около 10 вершковъ. прикрѣпленной къ деревянной короткой рукояткѣ. подобно ножу. а не подъ прямымъ угломъ къ косовищу. Въ настоящее время еще употребляются подобныя косы въ Череповскомъ уѣздѣ. Ею косятъ нагнувшись.

39. Желѣзная коса, отличающаяся отъ теперешнихъ косъ своимъ устройствомъ и подобная предыдущимъ двумъ косарямъ, длиною 19 дюймовъ. Сторона, ближайшая къ косовищу, немного загнута кверху. Коса найдена въ 1875 г. Весьегонскаго уѣзда въ д. Новинки, Никольской волости, въ лѣсу, при разра-

боткѣ лединъ, и представлена въ музей П. П. Воскресенскимъ, въ 1877 году.

40. Шейная гривна, въ видѣ кольца, вѣсомъ 34 золотника, изъ сплава серебра съ другимъ металломъ; найдена въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, въ Осташковскомъ уѣздѣ, возлѣ погоста пр. Иліи, что на рѣкѣ Песочнѣ [погостъ Песочня], при разрытіи кургана помѣщикомъ П. А. Шалимовымъ. Вмѣстѣ съ этою гривною найдены двѣ такія же, изъ коихъ одна находится у Л. А. Ушакова. Гривна величиною въ діаметрѣ $7^1/_2$ англ. дюйма, толщиною въ 2 л.; поверхность ея имѣетъ видъ граней [фассетовъ]; она застегивается крючкомъ въ петлю, сдѣланнымъ изъ того же куска металла, изъ котораго сдѣлана гривна, съ утонченіемъ онаго къ сходящимся въ видѣ крючка и петли концамъ. На одномъ концѣ сохранилась часть спирально обвивающей его серебряной плоской проволоки, а на другомъ остались слѣды отъ такой же проволоки. Гривна эта похожа на гривну, помѣщенную на XXXI таб. 67 рисун. сочин. графа А. С. Уварова: «Меряне и ихъ бытъ», съ тою разницею, что Осташковская гривна сработана изъ одного металлическаго куска, обдѣланнаго гранями, а не изъ двухъ витыхъ. Пожертвована гривна въ 1874 году Л. А. Ушаковымъ.

41. Курганный черепъ съ нижнею челюстью и нѣкоторыми другими костями, какъ-то: плечевою и локтевою, 2 бедренными, 2 подвздошными, 1 крестцовою и нѣсколькими поясничными позвонками. На темени черепа виденъ слѣдъ рубленной раны. Эти кости переданы въ Музей А. В. Силичемъ, которымъ вырыты въ 1876 году въ одномъ изъ 12 кургановъ, находящихся Вышневолоцкаго уѣзда, Парьевской волости, близь деревни Дворищи, въ ста саженяхъ отъ оной и въ 50 саженяхъ отъ рѣки Иловицы, на возвышенномъ мѣстѣ. Эти кости лежали въ безпорядкѣ. Курганъ, въ которомъ найдены онѣ, имѣетъ въ окружности 100 арш. и въ вышину около 17 аршинъ; длина черезъ вершину отъ одной стороны до другой равна 45 арш. Форма этого кургана тупая, коническая, безъ площадки и углубленія на верху; курганъ покрытъ вѣтвистыми соснами, основаніе ничѣмъ не обложено. Верхній слой земли состоитъ изъ иловатаго чернозема отъ 2 до 3 вер. толщины. За тѣмъ вся масса состоитъ изъ суглинка съ пескомъ и мелкимъ камнемъ известковаго свойства. Настоящая раскопка кургана произведена А. В. Силичемъ до полученія имъ инструкціи, утвержденной 3 Археологическимъ Съѣздомъ.

II. КАМНИ СЪ НАДПИСЯМИ И СЪ ИЗОБРАЖЕНІЯМИ.

42—43. Два камня, найденные въ 1835 году Θедоромъ Николаевичемъ Глинкою на земляхъ сельца Кузнецова, Бѣжецкаго уѣзда, и пожертвованные имъ въ Тверской музей. Одинъ камень (табл. II) длиною 2 арш. 4 вер. и шириною 1 ар. $^{3}/_{4}$ вер.: на немъ, кромѣ высѣченнаго славянскими и греческими буквами, по всему вѣроятію, слова: Степанъ,—имѣется изображеніе трехъ прямоугольныхъ четыреугольниковъ, включенныхъ одинъ въ другой. Изображеніе это подобно найденному въ г. Изборскѣ академикомъ Кругомъ на могильномъ камнѣ Трувора [1]).

Другой камень длиною и шириною 14 верш.: на немъ имѣются выпуклыя изображенія подковы и нѣсколькихъ линій. Описаніе и рисунки этихъ камней помѣщены въ журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1836 года, т. 2, и въ Исторіи до Монгольскаго ига, т. 3, соч. М. Погодина, а также въ сочиненіи академика Шегрена [2]), заключающемъ въ себѣ разборъ сочиненія датскаго профессора Финна-Магнусена о Рунахъ. Къ симъ изданіямъ приложенъ также рисунокъ одной изъ находящихся въ той мѣстности, гдѣ найдены эти камни, круговинъ кургановъ, обложенныхъ въ основаніи большими камнями. Оба означенные камня, повидимому, надгробные. Академикъ Кругъ, Финнъ-Магнусенъ и Шегренъ объясняютъ, что изображенные на первомъ камнѣ три четыреугольника означаютъ поединокъ, и что камень положенъ на могилѣ Степана, убитаго на поединкѣ.

На второмъ камнѣ профессоръ Финнъ—Магнусенъ нашелъ будто сложныя руны и прочелъ: Иварови (или Ингварови, или Игореви) взятъ, т. е. поставленъ, воздвигнутъ. Ингваръ, или Игорь, по мнѣнію Магнусена и Шегрена, былъ знаменитый Шведскій полководецъ, о которомъ повѣствуетъ особая Исландская сага. По сказанію этой саги, онъ предпринималъ отдаленныя путешествія въ теперешнюю Россію, почему и названъ Ингваръ—далеко странствующій, совершилъ тамъ великіе подвиги и наконецъ, тамъ же, умеръ отъ лютой болѣзни. Что же касается до желѣзной подковы, изображенной на этомъ камнѣ, то она, по мнѣнію тѣхъ же ученыхъ, означаетъ, что лошадь похоронена вмѣстѣ съ своимъ хозяиномъ, и что она была вмѣстѣ съ нимъ въ походѣ. Объ этихъ камняхъ профессоръ Шевыревъ пишетъ: [3]) «Въ надписяхъ, найденныхъ Θ. Н. Глинкою въ Тверской Кареліи

---

[1]) Съ этого камня, хранящагося въ Тверскомъ музеѣ, снята фотографія.

[2]) Ueber das Werk Finn-Magnusens Runamo og Runerne, von Dr. Sjögren. S.-Petersburg 1842.

[3]) Исторія Русской Словесности. Москва. Университетская Типографія, 1846 г. Лекція 3.

«на камняхъ, вѣроятно, надгробныхъ, Ф. Магнусенъ нашелъ связное «руническое письмо и прочелъ: Іварови (Игореви) взятъ, т. е. «воздвигнутъ Игорю. Г. Шегренъ выводитъ изъ всего изслѣдованія «Финна-Магнусена и своего несомнѣнныя доказательства, что Сканди-«навскія руны еще въ концѣ X вѣка были употребительны въ Рос-«сіи, даже примѣнялись къ словенскому языку и, совершенно по дре-«внѣйшему сѣверному способу, вырѣзываемы были на деревѣ и на «камняхъ, какъ отдѣльными чертами, такъ и связными рунами» **).

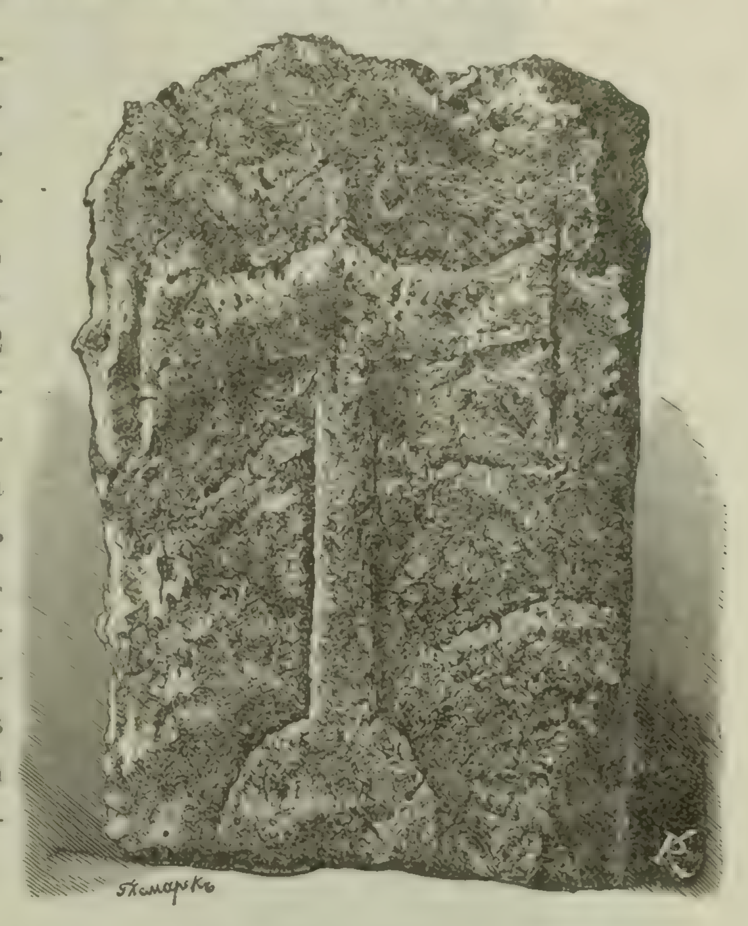
**) Къ № 42—43. Замѣчательный этотъ памятникъ состоитъ изъ гранитнаго валуна, на которомъ высѣчены квадратное изображеніе и надпись. Негладкая поверхность камня и весьма неглубокая высѣчка буквъ вредятъ ясности надписи. Нѣкоторыя буквы, сливаясь съ выемками въ поверхности камня, являются менѣе отчетливо, чѣмъ другія. Изъ этого происходитъ, что всѣ доселѣ копіи, снятыя съ руки, передаютъ надпись невѣрно, и такимъ образомъ неточность въ копіяхъ произвела ошибочное толкованіе самой надписи. Финъ-Магнусенъ видѣлъ въ ней греческія буквы и читалъ «ΣΤΕΠΩΔΑΔ», между тѣмъ какъ Кеппенъ съ перваго же взгляда призналъ буквы за кирилловскія. Съ своей стороны Шегренъ читалъ «с т е п у д а-д е». Однако теперь, когда мы видѣли самый камень и имѣемъ съ него прекрасно сдѣланный слѣпокъ, всѣ эти сомнѣнія въ чтеніи надписи должны исчезнуть. Ясно читается «С т е п а н ъ», и затрудненіе можетъ встрѣтиться только въ палеографическомъ опредѣленіи времени, къ которому слѣдуетъ отнести эту надпись. Въ этомъ отношеніи затрудненіе происходитъ вопервыхъ отъ того, что не всѣ буквы имѣютъ одинаково ясныя палеографическія своеобразности, а такихъ общихъ по формѣ буквъ встрѣчается тутъ три: с, е, п. Во вторыхъ, весьма также затруднительно судить о палеографическихъ признакахъ высѣченной на камнѣ надписи по сравненію съ писанными памятниками. Не смотря на отсутствіе особаго изслѣдованія о сравненіи палеографіи писанныхъ памятниковъ съ палеографіею такъ-называемыхъ вещественныхъ памятниковъ, мы однако знаемъ, что между ними существуетъ неоспоримое различіе въ извѣстныхъ формахъ. Несомнѣнно даже, что подобное различіе въ нѣкоторыхъ палеографическихъ признакахъ происходитъ отчасти отъ самаго способа производства такихъ надписей. Форма, которая легко пишется перомъ или кистью на пергаминѣ, можетъ быть весьма затруднительна для рѣзца, при выдалбливаніи надписи на твердомъ камнѣ, и менѣе затруднительна на металлической поверхности. Оттого желательно сравнить Бѣжецкую надпись не съ одними только рукописями. Мнѣ кажется, что слѣдуетъ читать СТЕПАNА, и такимъ образомъ мы получаемъ три послѣднія буквы, коихъ палеографическіе признаки могутъ быть болѣе или менѣе точно опредѣлены. Сколько мнѣ кажется, судя по этимъ палеографическимъ признакамъ, надпись должна быть отнесена къ XII вѣку и не можетъ быть моложе этого вѣка.

Значеніе квадратнаго изображенія на этомъ камнѣ Финъ-Магнусенъ объясняетъ тѣмъ, что при судебныхъ поединкахъ Hólmgánga, отдѣляли избранное мѣсто въ три пространства, съ тремя четыреугольными окружностями, и обозначали его веревками, узкими канавками, низенькими валами или каменными кругами, при извѣстномъ числѣ столбовъ и вѣхъ. Изъ всего этого онъ заключаетъ, что, вѣроятно, и на этомъ камнѣ подобная четыреугольная фигура обозначаетъ такое же пространство, назначенное для судебнаго поединка. Отсюда, по его предположенію, самое изображеніе должно означать, что Степанъ убитъ при такомъ поединкѣ.

Однако значеніе загадочнаго этого изображенія можетъ обьясниться гораздо проще, знакомъ собственности. Такъ какъ между Бѣжецкими камнями найденъ былъ другой камень съ такимъ же изображеніемъ, но безъ надписи, то можно предположить, что оба камня поставлены были на межахъ и обозначали границы владѣній какого-то Степана. Сама по себѣ четырехугольная фигура не составляетъ исключительнаго явленія, такъ какъ изображенія этого рода часто встрѣчаются на мегалитическихъ памятникахъ въ Англіи, Шотландіи, Бретаньи и т. д. Всѣ эти изображенія болѣе или менѣе грубо выдолблены въ плитахъ и камняхъ памятниковъ, и представляютъ узоры самой разнообразной формы (Срав. Waring. Stone Monuments.

43—48. Шесть надгробныхъ памятниковъ съ выпуклыми изображеніями трехконечнаго креста, такъ называемаго Египетскаго, въ видѣ Греческой буквы Т, или посоха. Продольная часть креста значительно тоньше поперечной части, и на нѣкоторыхъ камняхъ оканчивается она остріемъ на подобіе меча, на другихъ упирается въ полукруглое возвышеніе, а на иныхъ по срединѣ продольной части имѣется круглое возвышеніе. Поперечная часть изображена въ видѣ двухъ сѣкиръ, соединенныхъ между собою задними сторонами. На однихъ камняхъ верхняя часть креста представляетъ дугообразное углубленіе, на другихъ выпуклое, оканчивающееся остріемъ, а на иныхъ поперечная часть имѣетъ прямое очертаніе.

Первый (рис. 1) изъ упоминаемыхъ выше надгробный камень, длиною 14 вершковъ и шириною 10 вершковъ, вырытъ въ Твери, въ 1868 году, на дворѣ военныхъ казармъ. Въ 1872 году М. П. Погодинъ, при посѣщеніи имъ Тверскаго музея, обратилъ вниманіе на этотъ камень и призналъ археологическое его значеніе, но не могъ въ то время рѣшить: слѣдуетъ ли принимать находящійся на камнѣ знакъ въ видѣ буквы Т за крестъ, или же это—монограмма Тіуна.



Ornament of remote ages. London, 1870) Однако сравнивать Бѣжецкій камень съ украшеніями на мегалитическихъ памятникахъ можно только въ томъ случаѣ, если будетъ доказано палеографически, что надпись «Степана» принадлежитъ къ глубокой древности. Но мнѣ кажется, что эти двѣ четыреугольныя фигуры на Бѣжецкихъ камняхъ служили знаками собственности Степана, и поставлены были какъ межевые знаки его владѣній въ XII вѣкѣ. При этомъ не могу не припомнить, что въ первомъ томѣ Древностей изданъ былъ рисунокъ со дна глинянаго сосуда, хранящагося въ Чешскомъ музеѣ (Таб. XI, рис. 41), также четыреугольной формы и съ пересѣкающимися полосками по серединѣ. Наконецъ, я полагаю, что и самая порода камня должна быть принята въ соображеніе, и что отчасти и она можетъ указать на межевое значеніе Бѣжецкихъ камней. Надпись «Степана» высѣчена на гранитномъ валунѣ весьма большихъ размѣровъ (длин. 2 арш. 4 верш., шир. 1 арш. $^3/_4$ верш.), такъ, что можно безъ ошибки предположить, что онъ лежалъ на томъ мѣстѣ, на которомъ принесенъ былъ льдинами. Такія гранитныя массы, состоящія не изъ мѣстной породы камня, могли очень

Второй (рис. 2) надгробный памятникъ найденъ въ 1872 году въ г. Зубцовѣ, на древнемъ кладбищѣ бывшаго Преображенскаго монастыря, на Фаустовой-Горѣ [Палустовой—простонародное названіе]. Этотъ камень длиною 1 арш. 8 верш. и шириною 15 вершковъ.

Третій надгробный памятникъ найденъ тоже въ 1872 году, въ г. Твери, на Единовѣрческомъ кладбищѣ, за Волгою. На этомъ памятникѣ высѣчена слѣдующая надпись: «ЗКН 7028—1520 Февраля ЕІ день преставися раба Божья Ѳедосія Григорьева жена Филипова, на память Великомученика Ѳеодора Стратилата».

удобно служить для яснаго обозначенія границъ или межи. Тѣмъ болѣе эрратическіе валуны должны были служить межевыми знаками, что положеніе ихъ всегда хорошо было извѣстно мѣстнымъ жителямъ, какъ камней, которые, сколько можно уже теперь догадываться, окружены

Четвертый надгробный камень вынутъ въ 1874 году изъ пола престола Троицкой церкви въ Твери, за Тьмакою. На этомъ памятникѣ имѣется слѣдующая выпуклая надпись: "Лѣта ҂зз (7007—1499) м҃ца Маїа е҃ день преставися рабъ божїй Афонасей Ївановъ сынъ Острожевъ на памать свя-тыѧ мученицы. . . . . . » Сохранилась верхняя половина памятника. Камень длиною 1 арш. 3 верш., шириною $11^{1}/_{2}$ вершковъ.

Пятый надгробный камень вырытъ въ 1876 году, на Предтеченскомъ, что за Тьмакою, кладбищѣ, при копаніи могилъ. На немъ поперечная часть креста сверху вогнута.

были, съ незапамятныхъ временъ, особымъ почитаніемъ. Вообще, во многихъ мѣстностяхъ Россіи доселѣ сохранились слѣды древняго почитанія камней (конь-камень въ Ефремовскомъ у.)

Шестой надгробный камень длиною около 2 аршинъ, шириною $10^{1}/_{2}$ верш.

Изображеніе креста выпуклое; поперечная часть кверху вогнутая, продольная—узкая, идетъ внизъ вдоль всего камня, въ видѣ посоха. Этотъ камень найденъ въ городѣ Твери на дворѣ Духовной Семинаріи, въ землѣ, на глубинѣ около $1^{1}/_{2}$ аршина, при копаніи мѣста подъ фундаментъ пристройки къ зданію Семинарской больницы. Въ этомъ мѣстѣ отрыто было, на глубинѣ отъ 2 до 3 и болѣе аршинъ, множество человѣческихъ костей и скелетовъ, находившихся въ различныхъ положеніяхъ. Одинъ изъ скелетовъ, какъ утверждаетъ ректоръ семинаріи протоіерей А. В. Соколовъ, найденъ былъ какъ-бы въ сидячемъ положеніи, а другой скелетъ лежалъ на правомъ боку, головою къ юго-востоку, а ногами на сѣверо-западъ. Трудно предположить, чтобы на этомъ мѣстѣ было христіанское кладбище, если бы не найдено было означеннаго выше камня съ трехконечнымъ крестомъ, еще нѣсколько плитъ и что-то похожее на каменный гробъ, совершенно развалившійся. Земля, отрытая здѣсь, мѣстами была смѣшана съ мусоромъ, свидѣтельствующимъ о бывшемъ тутъ пожарѣ.

Памятники съ трехконечнымъ крестомъ найдены также въ г. Старицѣ, на правомъ берегу рѣки Волги, на огородахъ, въ концѣ Половинкиной улицы; такіе же памятники находятся на кладбищахъ: въ г. Зубцовѣ, въ посадѣ Погорѣломъ Городищѣ, въ Старицкомъ уѣздѣ, на кладбищѣ, называемомъ «Пречистая», между сельцомъ Емельяновымъ

башъ и башиха въ Одоевскомъ у., окаменѣлая баба въ Кадниковскомъ у. и пр.); такое же почитаніе существовало и у Германскихъ племенъ. Мнѣ даже кажется, что двинскія надписи, высѣченныя также на эрратическихъ валунахъ, должны быть въ связи съ подобными же древними преданіями забытаго теперь культа.

Что же касается до камня № 43, на которомъ Финъ-Магнусенъ нашелъ руны и прочелъ слово: «Иварови», или «Ингварови», то можно только сожалѣть, что извѣстный датскій ученый не имѣлъ случая видѣть самый камень, а судилъ объ немъ по рисунку. Онъ навѣрно съ перваго же взгляда узналъ бы въ этихъ знакахъ случайную игру природы (lusus naturae). Такъ какъ этотъ камень состоитъ изъ породы песчаниковъ сѣраго цвѣта, то его относительно меньшая твердость сильно подверглась вывѣтриванію и вліянію воды. Форма его почти кубическая (длиною и шириною 14 вершковъ), и происходитъ отъ слоеватости всѣхъ песчаниковъ; въ нихъ также часто встрѣчаются вертикальныя трещины, которыми обусловливается образованіе кубическихъ кусковъ. Затѣмъ, предоставляя минералогу рѣшить, къ какому именно разряду песчаниковъ принадлежитъ этотъ камень, я замѣчу только, какимъ образомъ появились эти выпуклыя черты, которыя ввели въ заблужденіе Финъ-Магнусена. Главная масса цемента въ песчаникѣ, какъ менѣе твердая часть его, сильно вывѣтривалась и въ особенности обмывалась водою, и постепенно стала обнажать кварцовые кристаллы, расположенные длинными палочками, а на серединѣ—полукругомъ въ видѣ копыта, которые, въ свою очередь, выступили на поверхность въ видѣ обронныхъ начертаній. Странно только, что Финъ-Магнусенъ и по рисунку даже не догадался о естественномъ происхожденіи этихъ начертаній, такъ какъ ему хорошо было извѣстно, что всѣ руническія надписи врѣзаны вглубь, между тѣмъ какъ на Бѣжецкомъ камнѣ фигуры обронны.

и деревнею Болдырево. Кромѣ того, въ г. Твери, въ 1850 г., близь Знаменской церкви, при планировкѣ улицы вырытъ былъ надгробный памятникъ съ трехконечнымъ же крестомъ и съ надписью слѣдующаго содержанія: «Лѣта ҂змн [1540] мѣсяца Февраля въ двенадесятый день, на масленицѣ, въ четвергъ въ а҃ часъ дня, преставися рабъ Божій священный Іерей Никула, на память иже во святыхъ отца нашего Мелетія архіепископа, въ тотъ день преставленіе Алексѣя митрополита всея Руси». Куда дѣвался этотъ памятникъ—неизвѣстно.

Весною 1876 года, въ Заволжской части города Твери, въ Арефьевской улицѣ, на огородѣ мѣщанина Нагаева, вырыты два известковыхъ камня съ изображеніями трехконечнаго креста. Одинъ камень на глубинѣ $2^1/_2$ аршинъ, а другой на глубинѣ $^1/_2$ аршина. На первомъ камнѣ, имѣющемъ въ длину 1 арш. 1 вер., въ ширину $^3/_4$ арш., высѣчена слѣдующая надпись: «Лѣта ҂змн (1540) мѣсяца Февраля кв҃ день преставися рабъ Божій Ѳедоръ Ѳедоровъ сынъ. . . . . . кла (далѣе не разборчиво). Нижняя часть памятника отколота. На другомъ камнѣ надписи не имѣется; лѣвая сторона его отколота.

Приведенные выше памятники убѣдительно доказываютъ, что трехконечный крестъ, изображавшійся въ видѣ греческой буквы Т, твердо-крестъ, употреблявшійся въ первыхъ вѣкахъ Христіанства, былъ усвоенъ въ мѣстностяхъ, входившихъ въ составъ Тверскаго княжества. Этотъ крестъ былъ здѣсь въ употребленіи еще въ первой половинѣ XVI вѣка. Такое изображеніе, кромѣ надгробныхъ камней, встрѣчается и на монетныхъ слиткахъ Тверскаго княженія. Изъ этого Г. Д. Филимоновъ выводитъ предположеніе: не послужило ли поводомъ къ такому употребленію трехконечнаго креста сближеніе этой формы съ начальною древне-славянскою буквою Т, служившею, быть можетъ, вмѣстѣ и монограммою Тверской области? На нѣкоторыхъ камняхъ изображеніе трехконечнаго креста съ круглою фигурою на продольной его части напоминаетъ монограмму Твери, составленную изъ буквъ Т и Ф.

О древнемъ употребленіи христіанами трехконечнаго креста, какъ символа спасенія, свидѣтельствуютъ изслѣдованія разныхъ ученыхъ, а также писанія св. Отцевъ церкви первыхъ вѣковъ христіанства. Св. Варнава, жившій въ началѣ II вѣка, опираясь на слова книги Бытія, что «Авраамъ обрѣзалъ изъ дому своего десять и восемь и триста мужей», видитъ въ этихъ числахъ, обозначавшихся:—десять буквою I, восемь буквою И, и триста буквою Т (тавъ)—предуказаніе на Спасителя Іисуса, имя Котораго начинается первыми сими двумя буквами, и вмѣстѣ предъизображеніе Его смерти на крестѣ, имѣющемъ видъ буквы Т (тавъ). (Прибавленіе къ твореніямъ Святыхъ От-

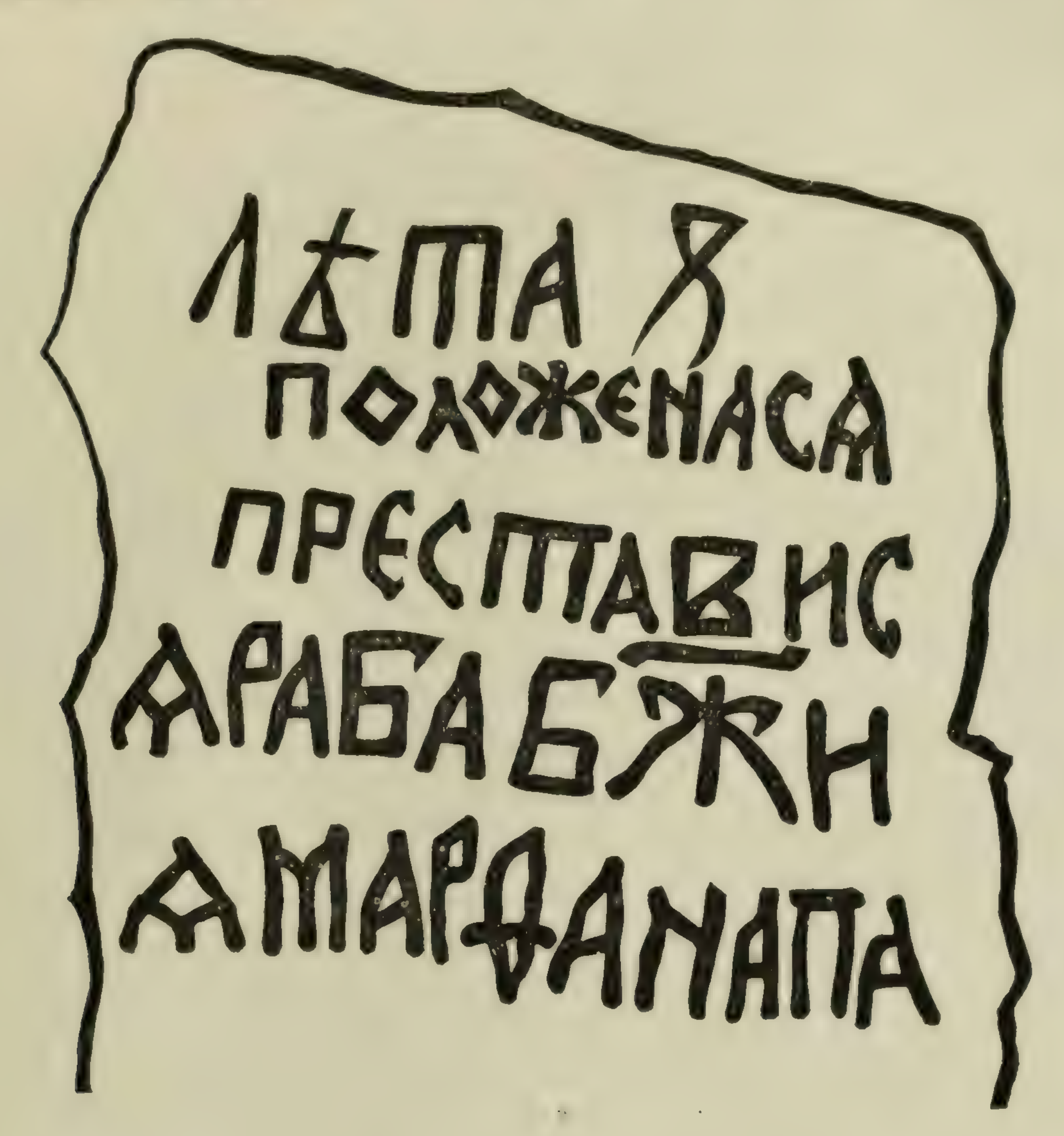
цевъ. Москва, 1843 г. часть I, стр. 270—275.) Впрочемъ, эта буква въ древне-еврейскомъ и въ финикійскомъ письмѣ походила на четырехконечный крестъ. Тертулліанъ, для объясненія трехконечнаго креста, приводитъ изреченіе пророка Іезекіиля: «Господь сказалъ мнѣ: пройди по срединѣ воротъ въ Іерусалимѣ и дай знакъ тавъ на челахъ мужей.» Въ этихъ словахъ Тертулліанъ видитъ предъизображеніе страданій вѣрныхъ, запечатлѣнныхъ знакомъ греческой буквы тавъ (наше Т), имѣющимъ видъ трехконечнаго креста. То же говоритъ и блаженный Іеронимъ.

Новѣйшіе изслѣдователи приходятъ также къ убѣжденію, что знаменіе креста, въ первоначальномъ его видѣ, есть ничто иное, какъ изображеніе буквы Т, которая во всѣхъ древнихъ алфавитахъ имѣетъ фигуру креста. Эта буква, равно и другія буквы, по мнѣнію ученыхъ, первоначально были лишь религіозными символами и потомъ уже сдѣлались фонетическими знаками. (Journal of the Society of arts. April 17, 1874 г.).

49. Надгробный памятникъ, найденный, по указанію Р. Н. Никулина, въ г. Твери, на лѣвомъ берегу рѣки Тьмаки, выше каменнаго моста, на огородѣ, внизу обрыва. На этомъ памятникѣ сохранилась слѣдующая надпись уставомъ: «Лѣта ҂зи (7008—1500) мѣсяца Октября кд дня. . . . . . преставися. . . . . . рабъ Божій Н. . . . ай. Уцѣлѣла только верхняя часть памятника. Похожъ онъ на надгробные памятники XV столѣтія, находящіеся въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ.

50. Снимокъ съ надгробнаго камня на погостѣ въ селѣ Млевѣ, Вышневолоцкаго уѣзда, на берегу р. Мсты. Камень этотъ преданіе считаетъ надгробнымъ памятникомъ на могилѣ Марѳы Посадницы. Карамзинъ упоминаетъ объ этомъ камнѣ въ своей Исторіи (т. VI, примѣч. 180), но не даетъ вѣры преданію собственно потому, что букву, означающую годъ, принимаетъ за числительную з, т. е. 7000, а не за числительную ѕ (зѣло), т. е. 6000. Снимокъ сдѣланъ по распоряженію мѣстнаго священника, который, препровождая его, въ отзывѣ своемъ пишетъ: «Плита состоитъ изъ дикаго камня, самородная, безъ всякой отдѣлки, съ лицевой стороны плоская и гладкая, величиною какъ обрисована на бумагѣ, т. е. 2 арш., вышиною 1 арш. 2 вершка, длиною и толщиною отъ 5 до 7 вершк. До 1815 года, эта плита находилась довольно глубоко въ землѣ, но, при копаніи въ этомъ мѣстѣ могилы, она была найдена и вынута; при дальнѣйшемъ же на томъ мѣстѣ копаніи могилы, отрытъ былъ склепъ или сводъ изъ такого кирпича, который, по прочности, виду и формѣ, имѣетъ большое сходство съ кафелемъ или изразцомъ.» Въ

древности. въ селѣ Млевѣ былъ монастырь, и это село, должно быть, имѣло значеніе, какъ лежавшее на пути къ Новгороду, вблизи отъ Мстинскаго волока.



III. КАМЕННЫЙ ГРОБЪ.

51. Каменный гробъ, вырытый въ 1872 году въ гор. Твери, при устьѣ рѣки Тьмаки, на верфи Пароходнаго Общества «Самолетъ». На этомъ мѣстѣ въ прошломъ столѣтіи находился Ѳеодоровскій монастырь, время основанія котораго неизвѣстно. Извѣстно только, что въ 1323 году освящена здѣсь епископомъ Тверскимъ Варсонофіемъ I каменная церковь во имя св. Ѳеодора Стратилата, выстроенная цареградскимъ игуменомъ Іоанномъ, на устьѣ Тьмаки, на островѣ, названномъ Ѳеодоровскимъ. Лѣтомъ въ 1872 году случайно сдѣлалось извѣстнымъ, что въ 1865 году, при копаніи, по распоряженію Общества «Самолетъ», въ этой мѣстности ямы для погреба, отрыто было нѣсколько каменныхъ гробовъ, которые въ то же время

были разбиты и брошены на берегъ рѣки Волги, а находившіяся въ нихъ кости зарыты въ землю. По доведеніи о семъ до свѣдѣнія Императорской Археологической Коммиссіи, а также и о томъ, что кромѣ уничтоженныхъ гробовъ въ этой ямѣ видиѣется еще, выдающимся изъ земли, уголъ одного неповрежденнаго гроба, согласно отношенію Археологической Коммисіи, по распоряженію Тверскаго Губернскаго статистическаго комитета, была образована для раскопки въ означенной мѣстности особая коммиссія. Этою коммиссіею, 27 сентября 1872 г., произведена была раскопка, и при этомъ отрыты два каменные, рядомъ находящіеся гроба, съ каменными же крышками. Они оказались наполненными иломъ, образовавшимся вслѣдствіе наводненій отъ разливовъ р. Волги, коимъ подвергалась эта мѣстность въ нѣкоторые годы. По снятіи земли, въ первомъ гробу найдены два человѣческихъ скелета, тѣла которыхъ положены были въ гробъ разновременно, какъ можно заключить изъ того, что кости одного скелета сохранились гораздо лучше, чѣмъ другаго. Самый гробъ былъ длиною, включая толщину стѣнокъ, 2 арш. 15 вершк., шир. 13 вершк. и вышиною въ изголовьи безъ крышки 10 вершк. И гробъ, и крышка раскололись на многія части. Другой гробъ длиною 3 арш., шириною въ изголовьи $10\frac{1}{2}$ вершковъ, на аршинъ отъ изголовья—$13\frac{1}{2}$ вершк., вышиною—11 вершк. Крышка, изъ цѣльной плиты, толщиною 3 вер., раскололась на три части. Равнымъ образомъ и въ самомъ гробу образовались трещины. Во второмъ гробу обнаруженъ скелетъ мужщины около 45 лѣтъ, кости котораго хорошо сохранились. У груди этого скелета найдены: кусочекъ слюды въ $\frac{1}{4}$ вер. и небольшая часть истлѣвшаго дубоваго или кипариснаго дерева, въ 1 вершокъ длины и въ $\frac{1}{4}$ в. ширины. По всему вѣроятію, это остатки крестика или образка. Другихъ предметовъ въ гробахъ не найдено; равно ни надписей, ни особыхъ знаковъ на нихъ не оказалось. Положеніе сихъ гробовъ—по направленію къ востоку; надъ ними находился слой земли, толщиною въ одинъ аршинъ. По тщательномъ изслѣдованіи мѣстности, гдѣ найдены гробы, находившіяся въ нихъ кости были преданы, по христіанскому обряду, землѣ на Предтеченскомъ кладбищѣ, а изъ каменныхъ гробовъ послѣдне отрытый помѣщенъ въ Тверскомъ музеѣ, и затѣмъ означенная яма зарыта вмѣстѣ съ другимъ каменнымъ гробомъ, распавшимся на нѣсколько частей. Обо всемъ этомъ составленъ коммиссіею протоколъ, который отосланъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію.

ОБЪ ОЛОНЕЦКИХЪ ДРЕВНОСТЯХЪ.

Д. Чл. Е. В. Барсова.

Чтенія мои объ Олонецкихъ древностяхъ не будутъ представлять вамъ, м. г., только обзоръ исключительно памятниковъ древности, или какихъ либо частныхъ изслѣдованій того или другаго изъ нихъ. Я желалъ бы возстановить предъ вами самый строй и бытъ этого края, въ его исторической послѣдовательности, насколько то позволяютъ сдѣлать извѣстныя мнѣ Олонецкія древности. Археологическіе памятники, любопытные сами по себѣ, только тогда даютъ намъ понять свое истинное значеніе, когда воскрешаютъ для насъ живыхъ людей въ такихъ образахъ и очертаніяхъ, какихъ не даютъ намъ ни лѣтописи, ни архивные акты. Подобно тому, какъ этнографія, схватывая на лету текучія явленія современнаго быта, даетъ намъ уразумѣвать въ настоящемъ прошедшее, такъ археологія въ своихъ памятникахъ даетъ намъ возможность осязательно видѣть и читать въ прошедшемъ настоящее. Та и другая стремятся къ тому, чтобы воскресить и ввести въ сознаніе историческое преданіе—этотъ возбудитель національности, источникъ народнаго самосознанія и двигатель живыхъ общественныхъ идеаловъ. Говоря короче, въ нашихъ чтеніяхъ объ Олонецкихъ древностяхъ я хочу предложить вашему вниманію чтенія по Исторіи Олонецкой церкви.

Олонецкая церковь была дщерь св. Софіи Великаго Господина Новгорода, и изученіе ея тѣсно связано съ судьбой и исторіей своей матери.

Но прежде, чѣмъ приступимъ къ началу и развитію здѣсь Христіанства, мы должны оставаться на той нравственной почвѣ, на которую посѣяно было христіанское сѣмя, и воскресить для себя тѣхъ первоначальныхъ насельниковъ этого края, которые жили здѣсь въ первобытныхъ формахъ и подъ воздѣйствіемъ стихій язычества.

Нынѣшняя Олонецкая губернія къ сѣверу и востоку граничитъ съ Архангельской губерніей, къ югу съ Вологодскою, Новгородскою и Петербургскою, къ западу съ Ладожскимъ озеромъ и Финляндскими губерніями. Разстилаясь длиннымъ, неправильнымъ трехугольникомъ, площадь Олонецкой губерніи обнимаетъ въ себѣ 14,026,320 десятинъ. За исключеніемъ южной стороны и восточнаго берега Ладожскаго озера, она вообще представляетъ гористую поверхность. Водами она также богата: въ ней насчитываютъ, кромѣ множества рѣкъ, до 2,000 озеръ. Самое главное изъ нихъ—сине-славное Онего, которое въ окружности охватываетъ около 300 верстъ и называется тамъ моремъ. Лѣсовъ насчитывается здѣсь до 10,000,000 десятинъ. Земныя нѣдра богаты минералами, воды—рыбами, лѣса—дичью и звѣрями.

Ограничившись такимъ краткимъ географическимъ описаніемъ нынѣшняго Олонецкаго края, мы перейдемъ къ ближайшему нашему предмету.

Кто были аборигены или первые насельники этого края, рѣшить пока невозможно, хотя и представляются нѣкоторыя данныя о существованіи здѣсь первобытнаго человѣка.

Въ одномъ изъ записанныхъ нами народныхъ разсказовъ, относящихся къ позднѣйшему времени, уцѣлѣло между прочимъ, повидимому, преданіе о существованіи «свайныхъ построекъ на Ладожскомъ озерѣ». «Въ домольщину стародревнюю,—такъ начинается этотъ разсказъ,—тишь и гладь были на Ладожскомъ озерѣ, ѣздили на плотахъ, не умѣли еще дѣлать лодокъ; на плотахъ же собирались дѣвицы и молодцы, и хороводились и играли шинама и кругама. Прогнѣвался Господь на беззаконія этыхъ людей—и явился сонъ одному человѣку богобоязненну: по утру будешь ты похожать на промыселъ сѣтей, рюсей и мережъ, и выстанетъ ножъ на сѣти твоей, и ты отруби сѣть по тыхъ мѣстъ, гдѣ выстанетъ ножъ—и скорѣе къ берегу; завтра сколыбается море». Въ этихъ словахъ слышится изстаринное преданіе—о первобытномъ житьѣ на плотахъ, которое тѣмъ драгоцѣннѣе, что едва ли не есть единственное живое преданіе въ этомъ родѣ среди всѣхъ народовъ Европы.

Но гораздо, конечно, важнѣе въ данномъ случаѣ тѣ каменныя орудія, которыя въ огромномъ количествѣ найдены въ Олонецкомъ краѣ. Часть ихъ, собранная Бутеневымъ, находится у насъ въ Москвѣ—въ Румянцевскомъ музеѣ и у нашего предсѣдателя гр. Уварова; но самыя богатыя ихъ коллекціи, собранныя И. С. Поляковымъ, находятся въ Академіи наукъ и въ Импер. Географическомъ Обществѣ [1]).

[1]) Въ особенности же,—въ С.-Петербург. Университетѣ и у А. М. Раевской. **Прим. Ред.**

Путешествуя по юго-восточному берегу Онежскаго озера, г. Поляковъ нашелъ 3 мѣстонахожденія остатковъ каменнаго вѣка: между устьями рѣкъ Огиты и Мегры, въ Лужандозерѣ и на Тудозерѣ.—это собственно на юговостокѣ: за тѣмъ на восточной сторонѣ онъ отыскалъ каменныя орудія на Кенозерѣ и Кумбаеъозерѣ. На сѣверо-востокѣ, въ окрестностяхъ Водлозера, подобные поиски его были уже напрасны, и даже мѣстные жители заявили ему, что громовыхъ стрѣлъ у нихъ не попадается, и что кремни для добыванія огня и для ружей привозятся къ нимъ изъ Каргопольщины, т. е. изъ окрестностей Кенозера и съ рѣки Онеги Каргопольскаго уѣзда. На берегу Лужандозера г. Поляковъ отыскалъ еще и болѣе сложный памятникъ архитектуры: это—валъ, сдѣланный изъ камней и расположенный дугою. Имѣя въ виду получить сплошную каменную стѣну, устойчивую и крѣпкую, говоритъ онъ, работникъ каменнаго вѣка пригонялъ камень къ камню, одну плитку къ другой, и притомъ такъ, что естественная выпуклость одного камня совпадала съ вогнутостію другаго; если одинъ камень не устанавливался плотно и тѣсно съ другими, то строитель дѣлалъ на немъ выемку и отсѣкалъ отъ него торчащій бокъ, въ степени, вполнѣ соотвѣтствующей обстоятельствамъ и надобности. Между камнями были остатки углей, береста и, кой-гдѣ въ окрестностяхъ, обломки камней. Обращая вниманіе на это проявленіе первобытной архитектуры, г. Поляковъ не рѣшается однако сказать что либо положительное о его назначеніи. Каменныя орудія, по его изслѣдованіямъ, приготовлялись двумя способами: посредствомъ околачиванія и обтачиванія: въ первомъ случаѣ, житель пользовался острымъ рѣжущимъ приборомъ, который легко могъ имѣть форму кремневаго ножа, или пилы; обтачиваніе же совершалось на камнѣ, который служилъ точиломъ: онъ обыкновенно имѣетъ видъ плиты, выточенной съ одной стороны, тогда какъ нижняя его поверхность шероховата, углы и ребра его остры и неровны.

Въ ряду каменныхъ орудій, найденныхъ въ Олонецкомъ краѣ, являются топоры; далѣе, по видимому, рубанокъ и какой-то обтесанный цилиндръ, долбня для пробиванія льда, молотки и сѣкиры разнаго вида, съ отверстіями по срединѣ, копья и стрѣлы разной величины, ножи и самыя ядрища, отъ которыхъ откалывались они быстрымъ ударомъ, и рыболовческія грузила.

Наконецъ найдены здѣсь и произведенія съ потребностію изящнаго: таково одно каменное орудіе съ высѣченной головой лося, другое съ рельефно вырѣзанной головой медвѣдя, и за тѣмъ какой-то кружекъ съ отверстіемъ по срединѣ. Въ ряду тѣхъ же вещей не

мало отыскано боковыхъ обломковъ и глиняной посуды, изъ которыхъ видно, что горшки съ внѣшней стороны украшались разнообразными узорами, состоящими изъ ряда бороздокъ, которыя располагались въ разныхъ направленіяхъ, или же раздѣлялись ямочками. Само собою разумѣется, что всѣ эти находки не исчерпываютъ еще всего богатства и разнообразія каменнаго вѣка.

При сравненіи ихъ съ подобными же находками въ Западной Европѣ, по изслѣдованіямъ г. Полякова, онѣ оказываются почти совершенно одного типа. Такъ Олонецкіе топоры сходны съ Скандинавскими и отличаются отъ нихъ лишь тѣмъ, что тогда какъ тѣ сдѣланы большею частію изъ кварцевыхъ породъ, Олонецкіе сработаны изъ глинистаго сланца; употребленіе молотковъ и сѣкиръ проходитъ также чрезъ Балтійскій край и Скандинавію, на западъ—въ Данію, и т. д.; одна изъ формъ Олонецкихъ ножей также имѣетъ себѣ подобныя въ Скандинавіи[1]). Глиняная посуда была также принадлежностію жилья въ озерныхъ жилищахъ Швейцаріи, въ Даніи и Скандинавіи.

Такимъ образомъ оказывается, что жизнь доисторическихъ обитателей Олонецкаго края мало чѣмъ отличалась отъ жизни западноевропейскихъ народовъ также доисторической эпохи.

Первобытные обитатели Олонецкаго края, говоритъ г. Поляковъ, ловили рыбу, охотились, вѣроятно, за звѣрями; выбирая удобныя для этого мѣста, они обезпечивали себѣ успѣхъ добычи соотвѣтственными цѣли орудіями. Приготовленіе этихъ послѣднихъ требовало съ ихъ стороны ремесленныхъ знаній, которыми они въ своей сферѣ обладали въ совершенствѣ. Послѣ трудовъ въ лѣсу или на болотѣ, послѣ холодной схватки со звѣремъ или подобнымъ себѣ непріятелемъ, послѣ путешествія за матеріаломъ для новаго орудія, они возвращались къ своимъ семейнымъ очагамъ, гдѣ грѣлись и за цѣлость которыхъ стояли. Здѣсь согрѣвалъ ихъ не тотъ только внѣшній огонь, отъ котораго археологъ находитъ угли, но и тотъ, о которомъ свидѣтельствуютъ украшенія. Хотя мы не имѣемъ остатковъ пищи, чтобы наглядно судить объ ея качествахъ, однакоже полагаемъ, что въ способахъ ея приготовленія они далеко превосходили многихъ изъ своихъ собратьевъ, начиная съ варившихъ ее въ корытахъ, въ сосновой и еловой корѣ, и кончая тѣми, которые готовили пищу въ собственныхъ желудкахъ и шкурахъ животныхъ ее давшихъ.

Таковъ взглядъ на общій характеръ жизни первобытныхъ насель-

---

[1]) Такъ какъ Сибирскій край не былъ еще достаточно обслѣдованъ, то нельзя пока рѣшить, откуда пришли всѣ эти формы каменныхъ орудій; онѣ могли перейти изъ Сибири чрезъ Олонежскій край въ Финляндію, Скандинавію и далѣе на сѣверъ. **Прим. Ред.**

никовъ Олонецкаго края подсказываютъ сохранившіеся здѣсь остатки каменнаго вѣка.

Но вотъ главный и существенный вопросъ въ исторіи: кто именно были здѣсь первобытные жители?

Найденные Олонецкіе остатки каменнаго вѣка, по своему однообразію съ обще-европейскими, не могутъ дать намъ никакого отвѣта на этотъ вопросъ. Первобытное племя, населявшее этотъ край, остается неизвѣстнымъ.

Г. Поляковъ, изучавшій Олонецкія каменныя орудія въ связи съ геологическими наблюденіями, относитъ эту каменную культуру, повидимому, ко временамъ близкимъ къ эпохѣ послѣднихъ геологическихъ превращеній въ предѣлахъ Сѣвернаго края,— и во всякомъ случаѣ первобытное племя, населявшее этотъ край, считаетъ древнѣе не только племени финскаго, но и курганнаго.

Но однѣ геологическія данныя также остаются нѣмыми для рѣшенія этого вопроса. Каменный вѣкъ обнималъ собою длиннѣйшіе періоды— и картина новѣйшаго каменнаго вѣка, начертанная Степаномъ Крашенинниковымъ въ его описаніи Камчатки, въ данномъ случаѣ поразительна. Въ XVIII в. Камчадалы не знаютъ еще металловъ и переживаютъ стадію отдаленнѣйшаго каменнаго вѣка.

Рѣшеніе главной задачи, именно—опредѣленіе племени обитателей каменнаго вѣка, обусловлено, по нашему мнѣнію, не столько геологическимъ изученіемъ мѣстности, сколько антропологическими и другими археологическими данными. Во всякомъ случаѣ, будущія раскопки Олонецкихъ кургановъ, которыя донынѣ произведены не были, могутъ разъяснить намъ, существовали ли здѣсь какіе либо иные аборигены до финскихъ насельниковъ, и дѣйствительно ли они служили звеномъ, соединявшимъ сихъ послѣднихъ съ первобытнымъ неизвѣстнымъ племенемъ.

Въ Олонецкой губерніи множество кургановъ, извѣстныхъ подъ именемъ Чудскихъ и Литовскихъ могилъ. Курганныя мѣста до нынѣ служатъ источникомъ разныхъ суевѣрныхъ сказаній: то слышится здѣсь стонъ покойниковъ, который вторитъ завываніямъ весенней бури; то выходитъ наружу самъ мертвецъ, стоящій выше березъ, въ бѣломъ саванѣ, съ тоскливымъ лицемъ, обращеннымъ на мѣсяцъ; то тотъ же покойникъ грозитъ казнію проходящимъ, если они не зароютъ костей его въ землю, вырытыхъ въ полѣ сохою. Въ этихъ могилахъ лежитъ некресть—поганые люди.

Замѣчательно, что уже въ XII в. курганныя вещи производили такое же страховитое и поразительное дѣйствіе на жителей Новгородскаго племени. «Пришедшу ми въ Ладогу, говорится въ Кіевской лѣто-

писи подъ 1114 годомъ, и находятъ дѣти наши глазки стеклянныи и малыи и великіи, провертаны, а другіе подлѣ Волховь берутъ, еже выполаскиваетъ вода. Сему же ми дивлящу, рекоша ми: се не дивно: и еще мужи старіи ходили за Югру и за Самоядь, яко видѣвше сами въ полунощныхъ странахъ.... паки бываетъ другая туча и спадаютъ оленцы мали въ ней и возрастаютъ и расходятся по земли. Сему же ми есть послухъ, посадникъ Павелъ Ладожскій и вси Ладожане». Вещи, которыя были находимы послѣ дождя и, быть можетъ, были вымытые дождемъ, казалось тогда, выпадали изъ самой тучи.

Во всякомъ случаѣ, отсюда видно, что уже въ XII в. для новгородцевъ вещи курганнаго періода казались удивительными.

Финскія племена, съ которыми встрѣтилась здѣсь русская колонизація, были Чюдь, Лопь, Самоядь и Корела. Завѣщаніе преподоб. Лазаря Муромскаго указываетъ Чудь аборигенами восточнаго берега Онежскаго озера, а присловье данное Каргополамъ и «Чудь бѣлоглазая» относитъ ихъ существованіе еще далѣе къ сѣверо-востоку. Въ настоящее время Чудь почти совсѣмъ выродилась и только память о ней сохранилась въ языкѣ и наружности жителей югозападнаго побережья Онежскаго озера и рѣки Ояти, отличающихся отъ корелъ Олонецкихъ и Повѣнецкихъ. Въ Оятскихъ деревняхъ Чудскій языкъ общеупотребительный, и тамъ худо говорятъ по-русски (въ приходахъ Пяжезерскомъ, Оятско-Лядвинскомъ, Озерскомъ, Ярославскомъ); половина жителей Русконскаго прихода также говоритъ почудски. Чудскій языкъ весьма близокъ къ корельскому, такъ что это не болѣе, какъ только два нарѣчія одного и того же языка.

Первыя народныя преданія о Чуди слышатся въ Тихманскомъ приходѣ Вытегорскаго уѣзда. Здѣсь крестьяне указываютъ Аминтову дорогу, по которой бѣжали въ предѣлы каргопольскіе толпы Чуди, подъ предводительствомъ вождя своего Аминта, будучи преслѣдуемы жителями Вытегорскаго уѣзда; онѣ были догнаны у озера Лача и въ конецъ разбиты. Въ одномъ изъ болотъ, окаймляющихъ это озеро, крестьяне и теперь указываютъ на возвышеніе земли, называя ихъ «Чудскими могилами».

Судя по преданіямъ, сохранившимся въ Каргопольскомъ уѣздѣ, главное гнѣздо Чуди было въ восточной его части; наибольшее число этихъ преданій сохранилось въ погостахъ Вохтомскомъ, Валдіевскомъ, Шожемскомъ и Лелемскомъ. При деревнѣ Иванинской, Валдіевскаго прихода, есть гора Городищева; въ ней прежде вырывали древнія вещи; подъ горою, на бугрѣ, лежала груда камней, отъ которой еще и теперь сохранились остатки: въ 6-ти верстахъ отъ прихода, въ лѣсу, есть мѣсто заросшее деревьями,

въ длину 5-ть, въ ширину 4 сажени: оно выложено камнемъ въ видѣ фундамента, толщиною до аршина. Подъѣзжая къ Шожемскому погосту встрѣчаешь, по обѣ стороны дороги, возвышенія, правильность которыхъ заставляетъ предполагать, что здѣсь было укрѣпленное становище какого нибудь древняго племени: въ юго-восточной части этихъ искуственныхъ насыпей, на лѣвой сторонѣ рѣчки Шожмы, находится курганъ, о которомъ сохранилось преданіе, какъ о могильномъ памятникѣ древняго вождя. Въ Лелемскомъ погостѣ, на запустѣвшемъ нынѣ древнемъ кладбищѣ, назадъ тому лѣтъ 70 были отыскиваемы небольшіе куски серебра, на которыхъ замѣчались изображенія животныхъ, копій и другихъ знаковъ. Въ Шалякужскомъ приходѣ указываютъ на поле, называемое могилищемъ, гдѣ были похоронены тѣла Чуди. Въ Лимскомъ приходѣ разсказываютъ, что Чудь нападала на здѣшнія селенія, грабила и перебивала много народу. Въ 2-хъ верстахъ отъ озера Нименскаго на р. Нименгѣ, говорятъ, жила Чудь и указываютъ на груды камня и кирпича. Въ Надпорожскомъ приходѣ, не далеко отъ церкви, есть небольшое ровное мѣсто, которое и теперь называется Бѣлоглазово, потому что тутъ жила «Чудь бѣлоглазая». Въ Лелемскомъ приходѣ находится отдѣльное кладбище, подлѣ самой церкви, на небольшомъ бугрѣ, поросшее толстымъ осинникомъ, который, по какому-то повѣрью, никѣмъ не истребляется; здѣсь тоже, говорятъ, похоронена Чудь. О ней существуютъ пословицы: Чудь въ землю ушла; Чудь живьемъ закопалась; Чудь подъ землею пропала. Нѣтъ сомнѣнья, что и между множествомъ сказаній о Литовскихъ могилахъ, не мало такихъ, которыя относятся къ Чудскимъ и другимъ доисторическимъ курганамъ. Таже повѣсть о Муромскомъ островѣ говоритъ, что кромѣ Чуди около озера Онега жили еще «Лопяне и Самоядь». Но тогда же (въ XI в.), какъ замѣчаетъ повѣсть, они отъидоша отъ мѣста сего въ предѣлы Океана—моря; Лопари нѣкогда витали въ предѣлахъ Повѣнецкаго уѣзда и оттого 7 погостовъ этого уѣзда съ XV в. извѣстны подъ именемъ Лопскихъ погостовъ. Нынѣ Лопь близъ Мурманскаго берега; Самоядь отчасти соприкасается къ сѣверо-восточнымъ частямъ Пудожскаго уѣзда (у Криваго пояса), и очень вѣроятно, что нѣкогда обитала ближе къ Онежскому озеру. Эти именно племена, кажется, описываетъ Тацитъ, когда говоритъ: «у финновъ удивительная дикость, гнусная бѣдность; ни оружія, ни лошадей, ни пенатовъ; на пищу трава, на одежду шкуры, вмѣсто ложа земля; одна надежда—на стрѣлы, которыя, по неимѣнію желѣза, заостряютъ изъ костей, и все таже охота питаетъ мущинъ и женщинъ.... и дѣтямъ нѣтъ другаго убѣжища отъ звѣрей и непогоды, кромѣ того, что прикрываются иногда какой нибудь пле-

тенкой изъ вѣтвей. и въ такомъ положеніи быть считаютъ счастливѣе, чѣмъ стонать на поляхъ, трудиться по домамъ и между страхомъ и надеждой хлопотать о своемъ и чужомъ добрѣ; безопасные со стороны людей, безопасны и со стороны боговъ; они достигли даже труднѣйшаго,—что не нуждаются даже въ желаніи».

Точно на той же ступени развитія рисуетъ ихъ и одна древне-русская Соловецкая рукопись XVI в. «Древле быша сіи родове, яко звѣріе дикіе, живуще въ пустыняхъ непроходимыхъ, въ разселинахъ каменныхъ, неимуще ни храма, ни инаго, потребнаго къ жительству человѣческому, но токмо животными питахуся, звѣрьми и птицами и морскими рыбами, одежда же... кожа еленей тѣмъ бяше;—имъ же кто когда чрево насытитъ, того они и Бога сопоставляше и аще иногда каменіемъ звѣря убіетъ, камень почитаетъ, и аще палицею поразитъ ловимое, палицу боготворитъ». Въ томъ же крайне неразвитомъ положеніи, доходящемъ до фетишизма, Лопь и Самоядь находятся донынѣ. «На рѣкѣ Туломѣ есть небольшой каменный островъ. Ночью Лопари объѣзжаютъ его съ чувствомъ близкимъ къ ужасу. Оттуда имъ слышатся стоны, плачъ, гнѣвныя проклятія, звонъ мечей и звуки битвы. Ели, вырастающія изъ трещинъ дикаго камня, являются имъ окруженными бѣлыми вокругъ витающими видѣніями» [1]). Еще ниже степень развитія Самоѣдовъ: нѣтъ у нихъ ни нравственнаго, ни семейнаго начала, ни историческихъ, ни религіозныхъ преданій. Въ нынѣшнемъ году, на Каниномъ мысу, они встрѣтили одного изъ нашихъ молодыхъ изслѣдователей точно также, какъ нѣкогда (въ XI в.) отнеслись они къ иноку Лазарю близъ Онеги озера, на Муромскомъ островѣ.

Въ Олонецкой губерніи, особенно въ Каргопольскомъ уѣздѣ, также какъ въ Мезенской округѣ и на всемъ сѣверѣ, встрѣчаются и тѣ каменныя разсѣлины, которыя служили нѣкогда жилищами для подобныхъ аборигеновъ,—на подобіе пещеръ съ отверстіями подобными дверямъ.

Лопари и особенно Самоѣды, по наблюденіямъ ученыхъ путешественниковъ и оффиціальнымъ статистическимъ даннымъ, подобно Чуди, весьма замѣтно вырождаются и вымираютъ. Гораздо многочисленнѣе и гражданственнѣе—племя Кореловъ. По имени этого племени, весь Олонецкій край до IX в. назывался Кареліей или Каріоландіей. Загнанное въ Повѣнецкія болота и Олонецкіе горные кряжи, оно усѣлось одиноко, въ сосѣдствѣ съ русскимъ поколѣніемъ, и многому у него научилось; тѣмъ не менѣе, все еще продолжаетъ оставаться на низкой степени развитія. Корелы почти исключительно живутъ отхо-

[1]) Олон. Вѣд. 1874 г. № 97.

жими промыслами, охотою на дичь и звѣрей, а также ловлею рыбы. Весну, лѣто и осень корелъ проводитъ въ глуши лѣсовъ, на озерахъ и рѣкахъ, а зиму опять въ лѣсу и извозѣ: у него нѣтъ свободнаго дня, проведеннаго въ семьѣ: не смотря на такіе труды, онъ однако всегда бѣденъ: и теперь еще пріѣзжаютъ къ нимъ чиновники требовать съ нихъ подать, а они кланяются и просятъ у нихъ милостыню: копѣйку или хлѣба кусокъ «Христа ради». Голодъ, особенно въ Кореліи Повѣнецкаго уѣзда, явленіе почти постоянное. Окончательное обрусеніе ихъ и развитіе явнымъ образомъ задерживается корельскимъ языкомъ и отсутствіемъ путей сообщенія. Если корелякъ собирается ѣхать въ русскую деревню, то говоритъ обыкновенно, что ѣдетъ въ «Русь»; Русскіе же выражаютъ свой взглядъ на нихъ въ слѣдующихъ пословицахъ: «Корельскій верстень, поѣзжай весь день: Корела, Корела, три года горѣла, а не выгорѣла: Корелу на свѣтѣ природа не любитъ: въ лѣсѣхъ живутъ, такъ пню и поклоняются». Нравственное ихъ развитіе всего лучше характезируетъ такъ называемый обрядъ прощенія. Всякой малѣйшей, какъ и всякой величайшей, неудачѣ или немочи тотчасъ же пріискивается причина въ кругу согрѣшеній предъ столомъ, печкой, веретеномъ, рукомойникомъ, хлѣбомъ и т. п.,—и потерпѣвшая неудачу тотчасъ спѣшитъ къ тому или другому изъ этихъ предметовъ, низко кланяется и говоритъ: «прости меня, печенька! прости меня рукомойничекъ»! У Корелъ впрочемъ очень развита погребальная причеть,—и особенно у Корелъ Повѣнецкихъ: говорятъ, она отличается особенною силой и выразительностію. Было бы весьма желательно, чтобы кто нибудь записалъ и перевелъ ее на русскій языкъ. Много также у Корелъ сказокъ: въ ряду ихъ есть немало любопытныхъ: такъ напр. изъ одной видно, что у Корелъ былъ обычай «приходить на поминки, съ приношеніемъ хозяину дома части коровьяго мяса отъ ноги». Историческія преданія также нечужды Корела; таково напр. преданіе объ островѣ «Руочинъ саари», т. е. О «Шведскомъ островѣ.» на озерѣ Самозерѣ, на которомъ укрѣпились Шведы, но у нихъ были отбиты Корелами не только лодки, но и часть провіанта, и непріятель очутился на необитаемомъ островѣ въ безвыходномъ положеніи и волей не волей долженъ былъ сдаться.

Таковы были финскія племена, населявшія Олонецкій край въ ту эпоху, когда проникали сюда Новгородскіе Славяне.

Но когда же, спрашивается, началась здѣсь русская колонизація?

Обыкновенно, начало колонизаціоннаго новгородскаго движенія сюда относятъ къ XI вѣку. Дѣйствительно, первыя историческія указа-

нія относятся къ этому времени. Но если такъ поздно занесены въ лѣтопись подобныя указанія, то это не значитъ, что непремѣнно въ это самое время началось и новгородское колонизаціонное движеніе на сѣверъ.

Нѣтъ сомнѣнья, что началомъ своимъ это движеніе теряется во мракѣ отдаленныхъ вѣковъ, къ которымъ, по всей вѣроятности, относится происхожденіе Новгорода.

Въ нѣкоторыхъ спискахъ Софійской лѣтописи значится любопытное письмо Александра Македонскаго, писанное «къ древнимъ Новгородцамъ».

«Начальницы тогда въ Славянѣхъ и Русѣхъ бѣша князи, ихъ же суть имена сіи: первый Великосанъ, вторый Асанъ, третій Эденъ-Хасанъ: сіи же бяху храбростію и мудростію многихъ превозшедше».

О сихъ то вышереченныхъ Славянахъ и Русѣхъ «жалостенъ слухъ къ самодержавному во уши возгремѣ». Размышляя съ подданными, «что сотворити подобаетъ съ сыроятцы сими»,—если идти на нихъ ратью, чтобы разбить и покорить въ вѣчную работу, то это «неудобно никакоже зѣльнѣйшаго ради дальнаго пути, разстоянія и не удобь проходимыхъ морскихъ водъ и превысокихъ горъ»,—и вотъ лучше рѣшается послать къ нимъ «съ дары многими и писаніе всякими похвалами украшено» и самого царя высокодержавною десницею златоперными письмены подписано.

Самое писаніе имѣло сицевый образъ:

«Александръ, царь царемъ и надъ цари бичь Божій, предвитяжный рыцарь, всего свѣта обладатель и всѣхъ иже подъ солнцемъ грозный повелитель: къ покорнымъ же мнѣ милосердый пощадитель, къ непокорнымъ же мнѣ яростный мечь и страхъ свѣта, честнѣйшій надъ честнѣйшими, въ далеко разстоятельномъ и незнаемомъ краѣ вашемъ отъ Нашего Величества честь и миръ, и милость вамъ и по васъ храбросердому народу словенскому, нынѣшнему колѣну русскому, великимъ княземъ и владцомъ отъ моря Варяжскаго и до моря Хвалимскаго, велебнымъ и милымъ мнѣ—храбственному Великосану и Мудрому Асану, щастному Эденъ Хасану.

Аще каковый народъ вселится въ предѣлѣхъ вашего княжества отъ моря Варяжскаго до моря Хвалимскаго, да будетъ вамъ и потомъ воинству вашему, подлежитъ вѣчной работѣ; въ иныя же предѣлы, отнюдь да не вступитъ нога ваша. И сіе достохвальное замѣнено симъ нашимъ листомъ и подписано нашею царскою высокодержавною правицею и за природнымъ нашимъ государскимъ златокованнымъ гербомъ привѣшеннымъ, дано вашей честности въ мѣстѣ вашего дѣла.

Великій Александръ, изволеніемъ великихъ боговъ, Марша и Юпитера, Венеры и Венусы, Мѣсяца Примоса, начальнѣйшаго дня». Вверху строкъ, т. е. надъ «Грамотой», «златоперпатыми писмены» написано было сице: «Мы, Александръ, царь царемъ и надъ цари бичь, сынъ великихъ боговъ Юпитера и Венуса въ Небѣ, земскихъ же Филиппа царя Силнаго и Алимпіады царицы, нашею высокодержавною правицею, утвердихъ вѣчнѣ».

Князи Славянорусскіе, сподобившіеся отъ вседержавнаго Самодержца пріяти сію честнѣйшую «эпистолію», почитаху велми и обѣсиша въ божницѣ своей по правую сторону идола Велеса и честно покланяхуся и праздникъ честенъ творяху въ начальный день мѣсяца Примоса».

Само собою разумѣется, что Москва не могла придумывать на счетъ Новгорода подобныхъ разсказовъ, и что это баснословное посланіе есть произведеніе самого Новгорода. Весьма любопытно здѣсь, во 1-хъ, признаніе со стороны Александра Македонскаго предѣловъ земли Русской «отъ моря Варяжскаго до моря Хвалимскаго» и во 2-хъ, то, что во времена его въ Новгородѣ въ лицѣ князей царили храбрость, мудрость и счастіе. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ основаній отвергать, что подъ этой басней скрывается какое нибудь Новгородское преданіе о глубокой древности великаго Господина Новгорода.

Уже изъ словъ Тацита можно догадываться, что столь же древне и колонизаціонное его движеніе въ сѣверную Украйну.

Тациту Новгородскіе Славяне извѣстны были подъ финскимъ выговоромъ «Венеты», и до сихъ поръ у финновъ русскіе зовутся «Вэнээ». Тацитъ, описывая Финновъ, какъ мы видѣли, въ «кочевомъ быту, въ оленьихъ шкурахъ», которыя требуются лишь въ сѣверной Украйнѣ, между прочимъ замѣчаетъ: «Венеты... сколько не высится лѣсовъ и горъ между Финнами, по всѣмъ скитаются, разбойничая».

Такимъ образомъ первая форма колонизаціоннаго движенія на сѣверъ была форма вполнѣ соотвѣтственная новгородскому ушкуйничеству, или движенію новгородскихъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ или удалыхъ бурлаковъ молодыхъ, и притомъ еще въ отдаленныя времена Тацита.

Въ новгородской былинѣ «о Васильѣ Буслаевѣ» эти Новгородцы удалы-добры-молодцы являются въ тѣхъ же чертахъ, какъ и у Тацита:

Они «Грабятъ бусы, галеры
«Разбиваютъ червлены корабли;
«Смолоду бито много, граблено,
«Подъ старость надо душу спасти.

Обращаясь къ призванію Варяговъ, нельзя не видѣть, что общимъ совѣтомъ Новгородскихъ земель и колоній онѣ призваны не ради управлен я общественными дѣлами, а ради наряду, т. е. ради служилыхъ, воинскихъ цѣлей, которымъ они такъ отвѣчали; слово «нарядъ» или, какъ впослѣдствіи, «разрядъ», всегда относилось въ русской исторіи къ служилому воинскому сословію. Размѣщеніе Варяговъ—въ Ладогѣ, новгородской заставѣ для защиты водяныхъ путей, на Бѣлѣ-озерѣ, для защиты сухопутной торговли, и наконецъ въ Изборскѣ, на главномъ пути хлѣбнаго продовольствія,—это размѣщеніе ихъ таково, что если бы не было указаній въ лѣтописяхъ на сосредоточеніе здѣсь воинской варяжской силы, то мы должны были бы предположить ее здѣсь. Изъ этого именно преданія для насъ видно, что не Варяги принесли къ намъ государственную идею, а напротивъ они призваны были союзомъ Новгорода и его колоній въ слѣдствіе сознанія единства Русской земли,—не въ этихъ Варягахъ зародышъ государственнаго порядка, а напротивъ они призваны, чтобы поберечь землю русскую и спасти ея порядки, ея промышленность и торговлю отъ внѣшнихъ враговъ. Подобно тому, какъ у Германцевъ въ собраніяхъ народныхъ, по разсказу Тацита, избирались князья, полководцы, которымъ предоставлялась доля управы и суда, точно такъ приговоромъ новгородскихъ земель могли быть призваны и варяжскіе князья по договорному праву. Въ словахъ лѣтописца, будто они были призваны для спасенія внутренняго общественнаго порядка, проглядываетъ взглядъ Кіевлянина на новгородскую вольность и стремленіе сказать слово въ пользу утвердившейся въ Кіевѣ самодержавной власти. Размѣщеніе, говоримъ, призванныхъ Варяговъ на главнѣйшихъ заставахъ великаго Новгорода служитъ лучшимъ указаніемъ нужды и самого характера этого призванія.

Для насъ, въ данномъ случаѣ, всего важнѣе помѣщеніе призваннаго Рюрика первоначально въ Ладогѣ. Ладога, какъ извѣстно, стоитъ при впаденіи Волхова въ Ладожское озеро, открывая далѣе путь съ одной стороны чрезъ Неву въ Варяжское море, а съ другой, чрезъ Свирь рѣку и Онежское озеро, къ Бѣломорью. Если Нева съ Варяжскимъ моремъ была существенно необходима для торговыхъ связей съ западомъ, то Свирь съ Онежскимъ озеромъ кромѣ того открывала имъ путь въ Двинскую и Печорскую земли, къ главнымъ предметамъ ихъ торговли—къ дорогимъ мѣхамъ и шкурамъ, рыбамъ, соли и т. п. Самое названіе Свири указываетъ, что она издревле находилась во владѣніи Новгородцевъ и отъ нихъ даже получила свое имя. Названіе это встарину употреблялось въ формѣ «Сверь»; съ такимъ именемъ встрѣчается она въ историческихъ актахъ мѣстныхъ монастырей

и въ надписяхъ на пожалованныхъ монастырямъ боярами сосудахъ, колоколахъ и т. п. Названіе Свери производятъ отъ слова сверлить, что вполнѣ соотвѣтствуетъ ея теченію. Стоитъ посмотрѣть, говоритъ г. Минорскій, на прорытыя Свирью горы около деревень: Хавроньина, Мятусова и Подпорожья, чтобы убѣдиться, какое страшное усиліе требовалось водѣ, чтобы просверлить эти скалистые хребты, которые, проходя отъ Кореліи къ Валдаю, легли ей на полпути. Названіе дано мѣтко и дано подъ первымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ мощнымъ видомъ горъ, которые, какъ грозные великаны, по ту и другую сторону оберегали завѣтную рѣку. Не даромъ она также въ поэзіи называется не иначе, какъ «Свирь – рѣка свирѣпая». Какъ бы то ни было, но это названіе отнюдь не есть Чудское и Корельское, и конечно обязано своимъ происхожденіемъ тѣмъ Венетамъ, которые впервые плавали здѣсь и грабили жителей, а затѣмъ и полагали основаніе новымъ поселеніямъ. Въ ряду селеній, съ изстаринными финскими названіями, донынѣ встрѣчается немало деревень и съ чисто-русскими именами; таковы напр. финскія названія: Пенгоя, Пидьма, Сувалда, Погра, Нисельга и т. п. Съ русскими именами селенія: Княжь-боръ, Иваньково, Острѣчины, Хавроньино, Киселево и т. п.

На глубокую древность обладанья Новгородцами Свирью указываютъ также тѣ олонецкія народныя легенды, въ которыхъ она является въ богатырскихъ образахъ и соперничаетъ съ самимъ Волховомъ.

Разсказываютъ, что «Свирь-рѣка явилась на свѣтъ маленькимъ зайчикомъ и побѣжала на мѣсяцъ, который стоялъ тогда надъ Ильмень-озеромъ. Поплыла на него Свирь и ужъ далеко пробѣжала, да на ту бѣду увидалъ новорожденную рѣку волкъ—и пустился ее догонять по лѣвому берегу. У Свири-то ноги были быстрѣе волчьихъ: она поотбѣжитъ отъ него, да сама все беретъ на полдень да на полдень, а волкъ все скачетъ въ слѣдъ да сбиваетъ ее съ дороги. Много Свирь бѣжала, и, пожалуй, ушла бы въ Ильмень озеро, да по пути повстрѣчался другой волкъ. Свирь видитъ, что неминучая бѣда подходитъ,—бросилась вправо и ушла въ Нево-озеро. Волки постояли, постояли, напились мутной воды и ушли въ лѣсъ, а Свирь съ тѣхъ поръ и бѣжитъ въ Нево-озеро».

Вотъ другой разсказъ: «Рѣки Свирь да Волховъ были чужіе и постоянно спорили между собою, которая изъ нихъ которой лучше, а рѣшить не могли. Ходили онѣ къ судьѣ, да и тотъ не зналъ, какъ ихъ разсудить, а сказалъ имъ: «которая скорѣе придетъ къ мѣсту, которое онъ укажетъ, та и лучше рѣка. Пустились бѣжать Свирь и Волховъ въ одно время. Волховъ то былъ полѣвѣе, сначала шелъ тихо, да какъ узналъ, что Свирь ужъ далеко бѣжитъ, такъ разсер-

дился, да началъ рвать землю да камни, да такъ разгорячился, что и теперь простыть не можетъ. И пришелъ онъ раньше Свири тремя часами и тремя минутами. Узнала Свирь, что Волоховъ переспорилъ, пошла посмотрѣть, не легче ли ему было итти дорогой, да какъ увидала, сколько онъ нарылъ земли, да какіе камни сдвинулъ, да горы прорылъ, такъ и сказала: ты будь моимъ отцемъ: что велишь, то и сдѣлаю. Волоховъ же говоритъ: не буду я отцемъ, а только братомъ твоимъ роднымъ; и помѣнялись они крестами и живутъ въ согласьѣ: послѣ долго одинъ къ другому въ гости ходили».

Эти народные разсказы, въ которыхъ такъ олицетворяется рѣка Свирь, очевидно, отзываются такою же древностію, какъ и легенды о Волховѣ, записанныя въ лѣтописяхъ, трактующихъ о началѣ Новгорода; съ другой стороны,—изображаемое здѣсь родство между обѣими рѣками ясно говоритъ, что та и другая изъ нихъ отъ глубокой древности находились въ обладаніи великаго Новагорода.

Признавая за Новгородомъ изстаринное обладанье Свирью, мы уже не можемъ допустить, чтобы колонизація остановилась на ея истокѣ и не проникала далѣе въ Обонежье. И дѣйствительно, есть повидимому указанія о древнѣйшемъ существованіи здѣсь новгородскаго племени,—въ отдаленную эпоху языческую.

На восточномъ берегу Онежскаго озера находится небольшое селеніе «Бѣсовецъ». Мѣстность, на которой оно находится, имѣетъ видъ террасы, вершину которой занимаетъ самое селеніе, а скаты идутъ къ озеру и рѣчкѣ. Берегъ озера недалеко отъ селенія изгибается въ правильный полукругъ и образуетъ пространную и красивую бухту, на оконечностяхъ которой лежатъ два гранитные мыса, носящіе, по изображеніямъ, изсѣченнымъ на нихъ неизвѣстною рукою и въ неизвѣстное время, названіе «бѣса» и «бѣсихи».

Снимокъ съ этихъ изображеній приложенъ къ «Географ. извѣстіямъ Имп. Русс. Геогр. Общ.» (1870, стр. 68). Главная фигура, имѣющая подобіе человѣка, представляется длиною въ сажень; прочія изображены относительно къ этой послѣдней. Первый изъ упомянутыхъ мысовъ называется также Крестовымъ, по двумъ изображеніямъ креста, прибавленнымъ, какъ видно, впослѣдствіи; вторый удержалъ и древнее свое финское имя Пелій.

Народное преданіе передаетъ объ этихъ мысахъ слѣдующую незатѣйливую исторію:

«Бѣсъ и бѣсиха, нѣжные супруги, жили на берегу своимъ хозяйствомъ; вдругъ почему-то бѣсъ задумалъ перенести домъ свой дальше и, свивъ веревку, потащилъ мысъ въ озеро; но, вѣроятно, онъ, на-

дорвавъ свои силы, успѣлъ оторвать только одинъ уголъ, который съ нимъ вмѣстѣ и упалъ въ воду. Поводомъ къ такому поясненію послужила, конечно, огромная глыба гранита, отторгнутая переворотомъ отъ береговъ однородной съ нею массы и выходящая на поверхность водъ въ разстояніи нѣсколькихъ десятковъ саженъ отъ перваго мыса.

Полагаютъ, что въ этихъ очертаніяхъ изображено финское божество Венемойненъ, управляющее водами и сушей и раздѣляющее власть съ своей супругой. Но принимая въ соображеніе низкій уровень нравственнаго развитія жившихъ здѣсь финскихъ племенъ, трудно допустить, чтобы эти изображенія, обличающія болѣе или менѣе развитую миѳологію, принадлежали этимъ аборигенамъ; начертаніе такихъ образовъ какъ напр. циркуля, пилы и чего-то въ родѣ зеркала, находящихся здѣсь, скорѣе должно быть приписано болѣе развитому новгородскому племени, лишь только въ болѣе отдаленный періодъ.

Какъ съ принятіемъ Христіанства начертаніе крестовъ на камняхъ составляло его особенность, такъ, вѣроятно, въ періодъ язычества, подобнымъ же образомъ были дѣланы имъ начертанія миѳическія. Близъ селенія Видлицъ, въ Олонецкомъ уѣздѣ, есть такого же рода языческія изображенія и начертанія на одномъ камнѣ.

Независимо впрочемъ отъ этихъ указаній, которыя можно толковать такъ и иначе, историческіе памятники даютъ возможность предполагать очень древнее появленіе Новгородцевъ въ Заонежьѣ. Вспомнимъ здѣсь разсказъ Кіевской лѣтописи подъ 1114 г., изъ котораго видно, что лѣтописцу кто-то изъ Ладожанъ передавалъ про «старыхъ мужей», ходившихъ за Югру и за Самоядь и видѣвшихъ тамъ чудеса, и передавалъ притомъ въ видѣ давнишняго слуха: стало быть здѣсь рѣчь идетъ о походѣ «старинныхъ мужей» X вѣка, а быть можетъ и ранѣе. Нѣтъ основанія при этомъ утверждать, чтобы это былъ непремѣнно 1-й походъ старыхъ мужей за Югру и за Самоядь; умалчивая объ опасностяхъ этого похода, напротивъ, лѣтопись даетъ возможность предполагать, что это были уже обычные мирные походы «старыхъ мужей» въ сѣверную Украйну.

Новгородъ со времени князя Владиміра находился въ самыхъ животрепещущихъ отношеніяхъ къ Кіеву; сознаніе единства земли Святорусской—отъ моря Варяжскаго до моря Хвалынскаго—какъ будто чувствовалось теперь съ особенною силою: вмѣсто наступательной борьбы на Византію, наступилъ теперь для Кіева періодъ борьбы оборонительной—борьбы противъ степныхъ варваровъ, хлынувшихъ на землю Русскую. Съ волненіемъ души и сочувствіемъ смотритъ Новгородъ

на Кіевъ—на обереганіе имъ земли Святорусской. Стремясь удержать свою изстаринную вольность и свое договорное право съ князьями, Новгородъ высоко постигалъ опасности земли Святорусской со стороны степи,—и вотъ, Владиміръ Красно-солнышко,—который лично, кажется, не совсѣмъ даже жаловалъ Новгородъ,—выростаетъ въ поэтическомъ сознаніи Новгородцевъ въ цѣлый циклъ былевыхъ преданій. Политическій интересъ Кіевской Руси поглотилъ, можно сказать, собственные интересы Новгорода,—и съ развитіемъ поэзіи о Кіевѣ, забылъ наибольшую часть своихъ былинъ древнѣйшаго цикла.

Такое политическое настроеніе и отношеніе Новгорода къ Кіеву, съ возникновеніемъ здѣсь борьбы Русской земли со степью, донынѣ отражается въ новгородскомъ населеніи Олонецкаго края—и болѣе всего въ Заонежьѣ. Только сочувствіемъ къ Кіеву, возникшимъ въ свое время въ Новгородѣ, возможно объяснить, почему именно здѣсь, въ новгородскихъ колоніяхъ, съ такою живостію уцѣлѣли былины такъ называемаго Владимірова цикла. Конечно, нельзя искать въ былинахъ новыхъ историческихъ чертъ, которыхъ не было бы въ другихъ, болѣе достовѣрныхъ источникахъ, и даже нашедши такія черты, нельзя на нихъ положиться; но былины иногда мѣтко поясняютъ факты, которые сквозятъ смутно, т. е. между строками лѣтописцевъ. Такъ напр., въ одной былинѣ есть указаніе на мѣстныя особенности областной жизни древне-Кіевской Руси, о которыхъ можно только догадываться, читая лѣтопись. Таковъ напр., извѣстный разсказъ Ильи Муромца въ Кіевѣ, какъ онъ проѣхалъ туда изъ Мурома дорогою прямоѣзжею: разсказъ этотъ, за который онъ осмѣянъ былъ въ Кіевѣ, какъ хвастунъ, прекрасно дополняетъ и поясняетъ немногіе и скудные намеки другихъ памятниковъ, указывающихъ на то, что до половины XII в. Заонежскій, Суздальскій край не имѣлъ прямаго и удобнаго сообщенія съ Кіевской землей; точно также замѣчательно, что своимъ упоминаніемъ «о мужикахъ залѣшанахъ» былина подтверждаетъ то, о чемъ можно только догадываться, читая лѣтописи XII в.,—что Залѣсскій край на богатую боярскую Кіевскую Русь производилъ впечатлѣніе края «демократическаго, мужицкаго». Еще важнѣе, что былина помнитъ о томъ, что̀ было самаго характиристическаго въ жизни каждой изъ главныхъ областей Приднѣпровской Руси; такъ она знаетъ:

«Что̀ ни лучшіе богатыри—въ Кіевѣ,
«Золота казна—въ Черниговѣ,
«А хлѣбные запасы—въ Смоленскѣ городѣ.

Любопытно, что эти области Приднѣпровской Руси съ такою свѣ-

жестію живаго впечатлѣнія сохраняются въ Олонецкой губерніи: Кіевъ, какъ городъ Украйны, славился заставами и богатырями. Черниговъ описывается въ лѣтописяхъ, какъ городъ богатый, а Смоленскъ былъ посредникомъ торговли между югомъ и сѣверо-востокомъ. Былина даже много помнитъ историческихъ именъ XI и XII вв., въ родѣ Добрыни, Шарка-великана, Тугарина и т. п.

Всѣ эти необычныя частности и притомъ столь драгоцѣнныя, съ такою свѣжестію живаго впечатлѣнія, безъ сомнѣнія, сохранились въ Новгородскихъ колоніяхъ благодаря тому живому сочувствію, какое носилъ великій Новгородъ къ стольному городу Кіеву со времени князя Владиміра.

Языческіе боги Кіевлянъ, какъ-то: Перунъ, Волосъ, Мокоша—боги же и великаго Новгорода.

Съ рѣзкими проявленіями донынѣ видѣнъ культъ ихъ въ Олонецкомъ краѣ, хотя и подъ другими, болѣе христіанскими формами.

Какъ и во всей русской землѣ, вмѣсто Перуна чтится здѣсь св. пророкъ Илія. Но въ здѣшнихъ народныхъ «плачахъ» онъ рисуется какъ громовержецъ, который «мечетъ стрѣлы» и прямо называется «громовнымъ».

А вотъ и отличительный культъ его:

Испоконь вѣку здѣсь ведется обычай убивать въ честь Иліи пророка завѣтнаго быка. Съ этого дня во многихъ приходахъ здѣсь и донынѣ считаютъ время года, и своимъ дѣтямъ прежде всего внушаютъ уваженіе къ этому святому. Обращаясь къ нему въ молитвахъ, обыкновенно говорятъ: «Илья пророкъ многомилостивый, утиши ты бурю страшную и дай ты росу тихую». Его же считаютъ здѣсь и покровителемъ животныхъ. Въ Егорьевъ день, 23 апрѣля, хозяинъ или хозяйка завичаетъ: «Илья Пророкъ многомилостивъ, сохрани мою скотинку и проводи все лѣтушко здорово, а я завичаю тебѣ (или овчину, или масла, или денегъ или же) быка къ твоему дню великому». Этотъ-то завиченный быкъ и служитъ жертвой Ильинскаго праздника. Канунъ его начинается за три дня. Богатые люди въ это время варятъ пиво и называются «канунщиками». Такъ какъ эта пора рабочая и время сѣнокосное, то крестьяне обыкновенно бываютъ вдали отъ своихъ деревень, но къ Ильину дню никогда не остаются на работахъ: всѣ возвращаются наканунѣ, моются въ банѣ и если Ильинъ день постный, то въ тотъ же день отправляются къ вечернѣ на погостъ, хватать Ильинское мясо.

Въ опредѣленный часъ приводятъ къ церкви одного или нѣсколько завиченныхъ быковъ. Если онъ не одинъ, то обыкновенно кидаютъ жеребій, который изъ нихъ долженъ сдѣлаться жертвою праздника.

Хозяинъ избраннаго быка, получивъ благословеніе священника, отрѣзываетъ у жертвы кончикъ праваго уха и передаетъ его въ часовню. Затѣмъ отводитъ его на поварню, гдѣ его убиваютъ, чередуютъ, и варятъ большими кусками (отъ 4 до 8 фунтовъ): при этомъ кусковъ на дно не опускаютъ, но прикрѣпляютъ ихъ къ ивовому прутью и вѣсятъ на край котла. Кожу и остальныхъ быковъ, если они бываютъ, продаютъ: деньги за нихъ поступаютъ въ церковь. Голову и щи отдаютъ нищимъ, а правую заднюю ногу на причетъ церковный. По окончаніи вечерни или обѣдни, священникъ съ причетниками выходитъ для освященія жертвы и едва успѣваетъ отойти, какъ народъ со всѣхъ сторонъ кидается за Ильинскимъ мясомъ, и при этомъ даже не щадитъ своихъ реберъ. Рыболовы и полѣсники стараются схватить непремѣнно кость. Эта кость, вмѣстѣ съ пасхальной свѣчей, имѣетъ въ ихъ глазахъ то значеніе, что съ ними все троится: пойдутъ ли рыбу ловить—наловятъ втрое; пойдутъ ли полѣсовать—и тутъ тройной успѣхъ. Священникъ между тѣмъ канунъ сусло и пробуетъ каждую варю, сколько бы ихъ ни было.

По окончаніи обряда освященія и общаго дѣлежа Ильинской жертвы, народъ идетъ на лугъ, куда привезено уже и пиво; у каждаго пирующаго яндова или боченокъ, а у каждой женщины по бураку въ рукахъ. На лугу устраивается общій столъ. Почетные гости—священникъ съ причтомъ и старостою; женщины подчуютъ гостей пирогами и рыбниками, а мужчины угощаютъ ихъ пивомъ. Остатки дѣлятъ на причтъ.

Такою жертвою сопровождается праздникъ въ честь, по словамъ Заонежанъ, «Громовнаго Ильи Пророка».

Божество Волоса, которому нѣкогда поклонялись Кіевляне, въ Олонецкомъ краѣ донынѣ чтится подъ именемъ св. Власія, который прямо называется «богомъ коровъ». Въ Нименскомъ приходѣ, въ притворѣ храма, устроеннаго въ видѣ крытой галлереи, стоитъ нынѣ образъ святыхъ Медоста и Власія. Предъ нимъ каждый домохозяинъ ставитъ свѣчу «завиченую»; женщины же приносятъ сюда въ кринкахъ кашу и масло и ставятъ ихъ предъ иконою покровителей своихъ животныхъ. Послѣ обѣдни онѣ приглашаютъ священника отслужить молебенъ, по мѣстному выраженію, «надъ кашами». При этомъ, конечно, молятся Медосту и Власію, чтобы они сохранили ихъ скотинку отъ волковъ и медвѣдей, которыхъ здѣсь многое множество. По окончаніи молебна, священникъ благословляетъ кашу и масло. Затѣмъ начинается дѣлежъ ихъ.

На долю священника при этомъ достаются цѣлые ушаты каши. Остатки отдаютъ нищимъ, которыхъ очень много собирается на этотъ

день. Когда куритъ снѣгъ на Власіевской недѣлѣ,—это, говорятъ, Власій бородой трясетъ (обыкновенно на масляной или на первой недѣлѣ поста).

Вскорѣ за нимъ появляется на землѣ и Мокоша, или, какъ называется она въ Кіевской Лѣтописи, «Мокошь»,—божество, отъ котораго нѣкоторые отрицали русское національное его значеніе. Оказывается, что эта богиня—спутница Волоса—не была только въ Кіевѣ, но вмѣстѣ съ Новгородцами зашла и въ Олонецкій край, и здѣсь донынѣ, въ живыхъ вѣрованіяхъ народа, не перестаетъ имѣть жизненное значеніе: когда шерсть изъ овцы сильно вылѣзетъ, «ой, говорятъ:—овцу-ту Мо́куша остригла. Иное спятъ, веретено урчитъ, говорятъ, Мокуша пряла, ходитъ она по домамъ, да по ночамъ шерсть прядетъ, да овецъ стрижетъ; выходя изъ дома, она о брусокъ, о полати-то, веретеномъ и щелкнетъ; случается, что когда она не довольна, остригаетъ немного волосъ и у самихъ хозяекъ. Что касается обдержной народности этой богини, то она видна также изъ одного имѣющагося у меня худаго намоканунца, XVI вѣка гдѣ, въ ряду вопросовъ духовнаго отца къ кающейся, есть между прочимъ и такой: «не ходила ли еси къ Мокошѣ?»

Говорить ли намъ далѣе о языкѣ напр. Заонежанъ,—какъ онъ сходенъ съ языкомъ Кіевской лѣтописи, особенно XII в.? Этотъ говоръ съ одинаковымъ произношеніемъ и словообразованіемъ, эта рѣчь съ одинаковымъ словоизмѣненіемъ и словосочиненіемъ до того поразительны, что не оставляютъ сомнѣнія въ сходствѣ Новгородскаго племени Олонецкаго края съ Кіевскимъ племенемъ, дѣйствовавшимъ по лѣтописямъ въ Приднѣпровской Руси. Здѣсь встрѣчаемъ мы тождественныя слова поэтическія: туча, удолѣніе, середь земли,—и тѣ слова историческія, которыхъ смыслъ повидимому совершенно затерялся, но которыя встрѣчаются въ лѣтописяхъ, напр. дымъ (каждый дымъ даетъ по маленькѣ хлѣба лѣсничему), насадка (пивная), насадъ (лодка) и т. п.

Наконецъ обратимъ мы вниманіе и на связь Новгородскихъ Олонецкихъ колоній съ отличительнымъ духомъ бывшаго нѣкогда вел. господина Новгорода. Новгородскіе идеалы, по отношенію къ которымъ они оцѣниваютъ свое настоящее, для нихъ еще совсѣмъ не исчезли; тяготѣніе ихъ къ древнему русскому Новгородскому быту донынѣ еще замѣтно. Въ этомъ отношеніи всего любопытнѣе ихъ «Плачь о Новгородѣ», изданный мною въ запискахъ Рус. Географ. Общ. (отд. Этн. т. III, 1873):

Когда Новгородъ вѣдь былъ непокореной
И ко суду были крестьяне не привѐдены,

Были людушки тогды да не штукавыи,
Не штукавы оны были, запростѣпшіи.
Какъ судьи да въ тую пору не молóдыи,
Поженаты да мужики были почотныи,
Настойсливы оны да правосудливы.
. . . .
Были добры у ихъ кони иноходныи,
Были славны корабли да мореходныи.
. . . .
Тыи времячка прошли да не видаютца,
Тыи годы скоротались—не слыхаютца.
. . . .
Какъ сберутся въ Божью церковь посвященную
О Бладычноемъ оны да этомъ праздничкѣ
И прослужатъ тамъ обиденку воскресную,
И какъ выйдутъ на крылечико церковное,
И какъ сглянутъ на подлѣтную сторонушку,
Туть защемитъ ихъ ретливое сердечушко;
Сговорятъ они вѣдь имъ да таково слово:
«Гдѣ вѣдь жалобно—то солнце пропекае,
«Тамъ вѣдь прежная родима наша сторона.

Въ «Плачѣ о старостѣ» превосходно изображенъ мировой посредникъ, подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть всякаго начальника,—со всею силою народной ироніи и совсѣми проклятіями—за неразумное отношеніе его къ народу.

Староста позволяетъ себѣ уговаривать привязчиваго и буйнаго начальника:

Да ты чиномъ-то своимъ не возвышайся ты,
Едины да всѣ у Бога люди созданы;
На крестьянъ ты съ кулаками не наскакивай,
Знай—сиди да ты за столикомъ дубовыимъ;
Удержи да свои бѣлы эты рученьки,
Не ломай-ко ты перстни свои злаченыи;
. . . .
Хотя жь рьянъ, да ты посредничекъ уходишься,
Хоть спѣсивъ, да ты начальникъ пріусядешься.
Какъ уѣдетъ тутъ судья да страховитая,
Сговорятъ да тутъ крестьяна таково слово:
Міроѣды мировы эти посредники,
Раззорители крестьянамъ православныимъ,
Въ темномъ лѣсѣ быдто звѣри-то съѣдучіи,
Въ чистомъ полѣ быдто змѣи-то клевучіи,
Какъ наѣдутъ вѣдь холодныи—голодныи,

Оны рады мужиченка въ котлѣ варить,
Оны рады вѣдь живаго въ землю вкопать,
Оны такъ-то вѣдь надъ ими изъѣзжаются
До подошвы они всѣхъ дораззоряютъ.
Слава Богу теперь да слава Господу,
Буря пáдара теперь де уходилася;
Нонь уѣхала судья неправосудная,
Укатилася съѣдуба мiроѣдная.

Таковы пѣсни можно слышать только у сыновъ великаго Новгорода; попробуйте обойти всю Россiю, и вы уже не услышите голоса подобныхъ думъ и чувствъ. Все свободное и равноправное замолкло и замерло тамъ, гдѣ только простерта была десница Москвы, которая обращалась съ подчиненными ей обществами такъ, что не вѣрила ихъ слезамъ.

ОТКУДА ДОБЫВАЛОСЬ ОЛОВО,

ВХОДЯЩЕЕ ВЪ СОСТАВЪ ДРЕВНѢЙШЕЙ БРОНЗЫ.

Покойнаго Д. Чл. Бэра.

Съ какою ревностію ни изслѣдовалась въ послѣдніе года самая ранняя исторія культуры человѣчества, сколько ни обращалось вниманія на первое появленіе произведеній металлическаго искусства и въ особенности того состава изъ мѣди и олова, который мы обыкновенно называемъ бронзой, однако до сихъ поръ еще очень шатко опредѣленіе странъ, откуда шло олово, находимое въ составѣ древнѣйшей бронзы. Если мы обратимся къ Ленорману, новѣйшему самостоятельному изслѣдователю въ области исторіи древнѣйшей культуры, то находимъ, что первое употребленіе металловъ онъ приписываетъ туранскому народу, хотя далѣе и называетъ нерѣдко первыми обладателями бронзы кавказскихъ иберійцевъ и древнихъ жителей Месопотаміи, съ тою однако оговоркой, что послѣдніе, въ свою очередь, получили олово изъ странъ по бассейну Оксуса.

Въ древнихъ персидскихъ извѣстіяхъ слово туранскій сперва употреблялось какъ названіе народовъ анти-иранскихъ,—тѣхъ народовъ, на которыхъ Иранцы смотрѣли непріязненно, считая ихъ своими врагами. Поэтому туранцами назвали тюркскія племена, съ которыми Персы чаще всего приходили въ столкновеніе; но такъ какъ стали находить извѣстное родство между тюркскими и финскими племенами съ одной стороны и монгольскими съ другой, то впослѣдствіи ко всѣмъ имъ было примѣнено названіе «туранскихъ народовъ». Наконецъ понятіе о туранцахъ такъ расширилось, что всѣ азіатскіе народы, которые не принадлежатъ къ семитамъ, кушитамъ и арійцамъ, были названы туранцами. Я не думаю, чтобы такая неопредѣленность въ названіи была удобна для этнологіи. По моему мнѣнію, слѣдовало бы называть группы народовъ по одному народу, какъ наприм. фин-

ская группа, тюркская и т. д., чтобы указать самымъ названіемъ, что въ языкахъ извѣстной группы признано родство. Въ упомянутой книгѣ Ленормана слово туранскій очевидно не обозначаетъ ничего другаго какъ то, что извѣстный народъ не принадлежитъ ни къ семьѣ арійцевъ, ни семитовъ, ни кушитовъ. Такой же смыслъ, вѣроятно, имѣетъ названіе туранскій языкъ въ обозначеніи аккадскаго языка.

Я бы вовсе не упомянулъ о туранцахъ, если бы Ленорманъ, говоря о бронзѣ, не указалъ на два мѣста ея родины, изъ которыхъ одно, по его предположенію,—кавказская Иберія, которую онъ, вѣроятно, не считаетъ страною тюркскою. Я опасаюсь, что въ этомъ случаѣ ученый историкъ, сообщающій намъ въ высшей степени интересныя заключенія о древней Вавилоніи и Ассиріи, слишкомъ положился на нѣмецкіе источники. Нѣмецкіе историки и антропологи, если такъ можно назвать изслѣдователей первобытной исторіи человѣчества, съ давнихъ поръ уже говорили объ иберійскомъ оловѣ и иберійской бронзѣ, хотя мнѣ до сихъ поръ и не удалось отыскать источниковъ, изъ которыхъ они почерпали эти свѣдѣнія. Правда, есть извѣстіе, что Халибы славились искусствомъ въ обработкѣ металловъ; но я не могъ найти никакихъ указаній на то, что они вырабатывали бронзу. Очевидно, имя ихъ произведено отъ названія стали. Тибаренцы классической древности, говорятъ, тождественны съ народомъ Тубаль, упоминаемымъ въ Библіи; а это, будто бы, наводитъ на мысль, что они выработывали бронзу. Это предположеніе повторялось такъ часто, что нѣкоторые историки, повидимому, считаютъ его доказаннымъ. На этомъ основаніи, предполагаютъ существованіе и оловянныхъ рудниковъ въ странѣ, которую мы теперь называемъ Грузіей, или же въ Арменіи. Ленорманъ прямо говоритъ, что финикійцы завели торговыя сношенія на Черномъ морѣ, чтобы имѣть всегда возможность добывать оттуда олово, такъ какъ они чувствовали потребность получать его непосредственно изъ первыхъ рукъ (Ленорманъ, Начала культуры, т. I стр. 100). До сихъ поръ я напрасно старался найти такихъ людей, которые бы что нибудь знали объ этихъ оловянныхъ рудникахъ; и хотя изъ источниковъ для исторіи этихъ странъ я знаю одного Моисея Хоренскаго, однако позволяю себѣ возражать противъ мнѣній о существованіи олова въ помянутыхъ мѣстахъ, такъ какъ такое возраженіе скорѣе всего можетъ вызвать опроверженіе или же дать предположенію болѣе прочное основаніе.

Англійскіе ученые, разрабатывающіе первобытную исторію человѣчества, Ляйель и Лёббокъ, поступаютъ осмотрительнѣе: они вовсе не упоминаютъ о кавказскихъ странахъ, а только полагаютъ, что одинаковый всюду составъ бронзы ($^9/_{10}$ мѣди и $^1/_{10}$ олова) придаетъ боль-

ше вѣроятія тому, что знакомство съ нею вышло первоначально только изъ одной мѣстности, и распространилось потомъ на другія. (Это очень вѣрное замѣчаніе не исключаетъ того, что въ странахъ, которыя лежали вдали отъ всемірнаго сообщенія, нерѣдко бронза содержитъ въ себѣ весьма незначительное количество олова, и что этотъ металлъ старались замѣнять свинцомъ, какъ напр. въ Балтійскихъ провинціяхъ. Говорятъ, что въ Венгріи нерѣдко находятъ предметы изъ чистой мѣди). Они не принимаютъ во вниманіе и другаго мѣста происхожденія бронзы. Такъ Лёббокъ въ своемъ сочиненіи «Доисторическое время» (нѣмецкій переводъ 3-го изданія 1874, т. I, стр. 69) говоритъ: «изъ сказаннаго (т. е. изъ выше разсмотрѣннаго) ясно, что намъ много еще предстоитъ учиться относительно этого интереснаго періода развитія европейской цивилизаціи, равно какъ и относительно того народа, который принесъ къ намъ бронзу».

Другая страна мѣстонахожденія древняго олова, на которую указываютъ Ленорманъ и большинство нѣмецкихъ авторовъ, тянется по сѣверной окраинѣ Персіи до Гиндукуша. Однако доказательства въ пользу происхожденія оттуда олова были до сихъ поръ очень слабы, и состояли въ томъ, что путешественникъ Бёрнсъ (Burnes), покинувъ Баміанскій проходъ, говоритъ, что въ представшей его взорамъ странѣ находится олово. Но это показаніе такъ неопредѣленно и такъ общѣ, что не знаешь, разумѣетъ ли здѣсь путешественникъ Гиндукушъ, и вообще, какъ онъ опредѣляетъ границы страны, лежащей предъ нимъ. Другое свидѣтельство находится въ древней географіи Страбона, который говоритъ, что Дрангіанцы торговали оловомъ. Судя по связи приводимаго имъ мѣста, Дрангіанцы, повидимому, жили на сѣверной границѣ Персіи.

Эти очень неопредѣленныя извѣстія казались мнѣ мало достовѣрными, или, по крайней мѣрѣ, нуждающимися въ подтвержденіи, и я задумалъ воспользоваться проникновеніемъ русскаго оружія на берега Аму или Оксуса, чтобы получить подтвержденіе или опроверженіе показаній о мѣсторожденіи въ этихъ странахъ олова. Составивъ поэтому небольшой рядъ вопросовъ относительно нахожденія здѣсь олова, и приведя свидѣтельство Страбона и темное указаніе Бёрнса, я отослалъ эти вопросы въ Императ. Географич. Общество, съ просьбою дать на нихъ отвѣтъ.

Наконецъ въ прошломъ году, при посредствѣ тайнаго совѣтника Семенова, Вицепрезидента Географическаго Общества, я получилъ вполнѣ засвидѣтельствованныя и даже обстоятельныя извѣстія о мѣстонахожденіи и употребленіи олова въ Хорасанѣ. Г. Семеновъ былъ настолько добръ, что обратился съ запросомъ объ этомъ къ г. Огородникову, своему

знакомому, путешественнику въ Хорасанѣ. Доставленныя этимъ послѣднимъ свѣдѣнія были мною вкратцѣ уже сообщены въ предисловіи ко 2 тому «Рѣчей и статей и т. д.» Я полагалъ тогда, что вскорѣ будутъ получены болѣе подробныя свѣдѣнія, и прекратилъ поэтому до полученія ихъ дальнѣйшую публикацію. До сихъ поръ, насколько знаю, эти свѣдѣнія не были обнародованы болѣе обстоятельно. Однако полученныя извѣстія кажутся мнѣ столь важными, что надо желать возможно скорѣйшаго ихъ распространенія, такъ какъ въ настоящее время столь многосторонне разрабатывается исторія развитія человѣчества. Въ виду этого я и прошу помѣстить эти извѣстія въ «Архивѣ для антропологіи».

Отчетъ г. Огородникова содержитъ слѣдующія свѣдѣнія: «Житель города Мешхеда, Ага-Махмедъ-Касымъ-Рагимъ, арендаторъ одного изъ многихъ мѣдныхъ рудниковъ въ Хорасанѣ, сообщилъ мнѣ, что 1) въ 20 фарсангахъ (1 фарсангъ приблизительно = 7 верстамъ) отъ города Учанъ-Міонъ-Аботъ находятся богатѣйшія залежи олова, желѣза, мѣди, сѣры и свинцу, и что 2) въ 6 фарсангахъ отъ Мешхеда есть оловянный рудникъ, такъ называемый Работы-Алокабандъ. Достовѣрность этихъ показаній подтверждена старшиною русскаго купечества въ Хорасанѣ, бухарцемъ Хаджи-Ибрагимомъ, который хорошо знакомъ съ этой мѣстностью и со многими лицами, занимающимися разработкою рудниковъ. Кромѣ того, я фактически убѣдился въ нахожденіи здѣсь олова, видя большое количество оловянныхъ кувшиновъ и большихъ блюдъ старинной туземной работы, которые, какъ мнѣ передавали ихъ владѣльцы, приготовлены изъ мѣстнаго олова.

По словамъ купцовъ, находящихся въ торговыхъ сношеніяхъ съ Мервомъ, гористыя мѣстности Туркменіи, занимаемой племенемъ Теке, вообще богаты разными металлами, въ томъ числѣ и оловомъ. Болѣе же точныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ я сообщу въ дневникѣ моего путешествія по сѣверовосточной Персіи». П. Огородниковъ.

Къ этому г. Семеновъ прибавляетъ: «Эти извѣстія собраны по моей просьбѣ и сообщены мнѣ г. Огородниковымъ, который по порученію Географическаго Общества и г. Глуховскаго совершилъ путешествіе въ восточную Персію (Мешхедъ и пр.)». П. Семеновъ.

Эти извѣстія придаютъ очень много вѣроятія предположенію, что олово, входящее въ составъ бронзовыхъ вещей, находимыхъ въ большомъ количествѣ въ развалинахъ Ассиріи и Вавилоніи, получалось изъ Хорасана, гдѣ, вѣроятно, слѣдуетъ искать Дрангіанцевъ. Какъ далеко простирается внутрь страны мѣстонахожденіе олова, доходитъ-ли оно до Баміанскаго прохода, который образуетъ въ хребтѣ Гиндукушъ естественныя ворота, ведущія изъ Афганистана и Индіи въ равнину

Оксуса,—это остается разъяснить будущимъ изслѣдователямъ. Впрочемъ я сомнѣваюсь, чтобы до открытія оловянныхъ рудниковъ въ Корнвалисѣ все олово, входящее въ составъ бронзовыхъ вещей, найденныхъ въ большомъ количествѣ во всѣхъ странахъ по Средиземному морю и въ Скандинавіи, получалось только изъ Хорасана.

Употребленіе бронзы извѣстно очень давно. Такъ Ленорманъ говоритъ: «какъ бы далеко ни спустились въ глубь исторіи двухъ древнѣйшихъ государствъ, Египта и Халдеи, достигшихъ высоко-развитой культуры, мы всегда встрѣтимъ употребленіе бронзы» (Lenormann, Anfänge der Cultur. Band I, S. 96). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ говоритъ, что бронза была найдена даже въ древнихъ гробницахъ на берегахъ Нила, восходящихъ за 60 вѣковъ до нашего времени (тамъ же, стр. 97). Въ гробницахъ 18-й и 19-й династій, т. е. начиная съ XVII вѣка до Р. Х., бронзовыя вещи встрѣчаются въ Египтѣ очень часто. Съ того же, приблизительно, времени бронза была въ большомъ употребленіи также и въ Вавилоніи и Ассиріи; это могло совпадать съ временемъ процвѣтанія разработки оловянныхъ рудниковъ въ Хорасанѣ. Но позднѣе еще распространилось употребленіе бронзы на всѣ страны, прилегающія къ Средиземному и Черному морямъ, а также и въ южной Скандинавіи. Надо полагать, что путь изъ Хорасана въ страны Евфрата былъ часто прерываемъ войнами Вавилонянъ, Мидійцевъ и Персовъ, за господство въ Азіи. Вывозъ Финикіянами олова изъ Британіи черезъ Испанію и Галлію старались отодвинуть какъ можно дальше назадъ,—приблизительно, къ 1500 г. до Р. Х. Однако приводимые въ подтвержденіе этого доводы относятся большею частію къ гораздо позднѣйшему времени, и мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы такой мореходный народъ, какъ Финикіяне, цѣлыя столѣтія получая олово на побережьяхъ Средиземнаго моря, не старался отыскать его мѣстонахожденія. А такъ какъ различныя извѣстія о финикійскихъ колоніяхъ почти вполнѣ согласны между собой въ томъ, что дальнія колоніи—Утика въ Африкѣ и Гадесъ (позднѣе Кадиксъ) въ Испаніи, основаны около 1100 года до Р. Х., то мнѣ кажется очевиднымъ, что Финикіяне ранѣе этого времени не открыли родины олова, но уже послѣ открытія ея позаботились объ основаніи прочныхъ промежуточныхъ станцій.

Если мы примемъ въ соображеніе, что во времена Соломона Финикіяне знали путь въ Офиръ и служили поэтому проводниками Израильтянамъ, и что ихъ соединенные флоты привозили произведенія, которыя они называли тамульскими именами; что, поэтому, они должны были посѣщать отдаленныя края восточной Индіи; далѣе, если мы примемъ во вниманіе, что въ нѣкоторыхъ библейскихъ свидѣтельствахъ

ясно говорится, что эти предметы съ тамульскими названіями получались изъ Тарсиса, большое же количество золота изъ Офира, лежавшаго за Тарсисомъ,—то ясно, что Финикіяне доходили покрайней мѣрѣ до южной оконечности передней Индіи и—что̀ почти вытекаетъ отсюда—до нижняго берега Цейлона. Путь этотъ былъ имъ извѣстенъ—и, слѣдовательно, не былъ впервые изслѣдованъ во времена Соломона. Если же они бывали здѣсь уже не разъ, то, конечно, очень возможно и, какъ мнѣ кажется, вѣроятно, что они узнали о легкомъ доступѣ къ олову на полу-островѣ Малаккѣ и на лежащемъ передъ нею островѣ Юнкъ-Цейлонѣ, и отыскивали эти оловянныя копи. Несомнѣнно, что бронза въ восточной Азіи вошла въ употребленіе очень давно. Если принять въ соображеніе, что нѣкоторыя произведенія изъ восточной Азіи были уже извѣстны въ Египтѣ, Палестинѣ и въ другихъ странахъ, прилежащихъ къ Средиземному морю, а главное—что малайское слово, обозначающее корицу (мал. kajū mānis—сладкое дерево, греч. kinnamomon—κιννάμωμον, лат. cinnamomum), почти безъ измѣненія перешло въ западноевропейскіе языки; далѣе, что малайскій обычай снабжать лодки бортовыми досками, которыя уменьшаютъ ихъ валкость, существуетъ еще и теперь въ южной гавани Цейлона, Point de Galle, въ передней же Индіи неизвѣстенъ,—то едвали можно сомнѣваться въ существованіи древнихъ торговыхъ сношеній между странами Средиземнаго моря и Молуккскимъ Архипелагомъ,—поддерживалась-ли эта торговля первоначально многими народами, при чемъ Малайцы были восточнымъ, а Финикіяне западнымъ, или же, что по моему вѣроятнѣе, перешла она впослѣдствіи совершенно въ руки предпріимчивыхъ Финикіянъ.

Не слѣдуетъ удивляться тому, что о подобной торговлѣ Финикіянъ мы не получили отъ Грековъ никакихъ извѣстій: они вовсе почти не знали путей Финикіянъ на востокъ, да и о внутренней ихъ торговлѣ въ странахъ Азіи мы бы ничего не знали, еслибы Іезекіиль не отмѣтилъ главныхъ торговыхъ путей. Греки же объ этомъ ничего не говорятъ.

Въ 3 томѣ «Рѣчей» и т. д., я обстоятельно изложилъ, что изъ Персидскаго залива,—гдѣ, по сказанію, была первоначальная родина Финикіянъ и гдѣ они, во всякомъ случаѣ, въ теченіе долгаго времени имѣли колоніи,—путь къ южному берегу Цейлона былъ совершенно естественъ, чтобы не сказать—почти необходимъ. Конечно, труднѣе было найти путь въ открытомъ морѣ въ Малакку или Юнкъ-Цейлонъ; однако, при муссонахъ (періодич. вѣтрахъ), найти его все же легче, чѣмъ путь отъ Геркулесовыхъ-Столповъ въ Корнваллисъ. Если Финикіяне въ Цейлонѣ или въ передней Индіи находили бронзу,

для которой олово получалось съ востока, то побужденіе отыскать родину олова было для нихъ довольно сильно.

Если справедливо, какъ обстоятельно высказывается Ленорманъ, что хотя названія для олова—греч. κασσίτερος, санскр. kastira, араб. qazdir—должны имѣть общее происхожденіе, они однако не имѣютъ корня ни въ семитическихъ, ни въ кушитскихъ, ни въ арійскихъ языкахъ, и притомъ далеко расходятся со всѣми кельтскими именами, то во всякомъ случаѣ надо отъискать первоначальный источникъ этихъ именъ. По Ленорману, въ ассирійскомъ языкѣ олово называется kasazatirra, откуда онъ производитъ κασσίτερος, kastira, qazdir, корень же ищетъ въ совершенно иномъ языкѣ.

Это указаніе нахожденія олова въ Хорасанѣ представляетъ новость и для минералогіи: по крайней мѣрѣ я тщетно старался найти подобное извѣстіе въ сочиненіяхъ по минералогіи, работая надъ этимъ вопросомъ.

ОПИСАНІЕ КІЕВСКАГО КЛАДА,

СОДЕРЖАЩАГО РИМСКІЯ МОНЕТЫ III И IV СТОЛѢТІЙ.

Д. Чл. В. Б. Антоновича.

Въ 1876 году, въ усадьбѣ г. Магурина, при закапываніи сваи въ землю, рабочіе нашли кладъ, состоявшій изъ 40—50 мѣдныхъ монетъ; кладъ лежалъ на глубинѣ $2^1/_2$ аршинъ, почти на границѣ культурнаго слоя почвы съ песчаною подпочвою. Мѣстность, въ которой отрытъ былъ кладъ, находится въ Плоской части города Кіева, составляющей непосредственное продолженіе Подола. Усадьба г. Магурина лежитъ вблизи такъ называемой «Канавы», т. е. нижняго теченія Глубочицкаго ручья, въ кварталѣ, называемомъ Оболонь (лѣтописное Болонье).

Рабочіе, нашедшіе кладъ, состоявшій исключительно изъ мѣдныхъ довольно невзрачныхъ монетъ, не обратили на него вниманія; часть монетъ была ими брошена или утеряна, и только съ большими усиліями, благодаря просвѣщенному содѣйствію проф. А. С. Роговича, располагающаго обширными связями съ жителями Подола, удалось собрать 25 экземпляровъ монетъ изъ открытаго клада и пріобрѣсти ихъ для мюнцъ-кабинета Университета св. Владиміра [1]).

Пріобрѣтенные университетомъ 25 экземпляровъ распадаются на двѣ группы: первая, состоящая изъ 17 монетъ, представляетъ типы римскаго колоніальнаго чекана; всѣ 17 монетъ были чеканены въ Антіохіи (въ Пизидіи) и относятся ко времени царствованія императоровъ: Гордіана III, Волюзіана и Галліена (238—268). Вторая группа, состоящая изъ 8 монетъ, представляетъ экземпляры римской средней и малой бронзы, временъ Константина I и Констанція II (306—361).

---

[1]) Монеты эти записаны въ каталогѣ мюнцъ-кабинета подъ №№ 10548—10565 «Новой» коллекціи.

Вотъ подробное описаніе 25 монетъ разсматриваемаго клада:

1. Монеты Антіохійскія.

A) Гордіанъ III (238—244).

№ 1. Av: IMP. C. M. ΛЄΛΛΛ.... PIV..... Бюстъ Гордіана направо; одѣтъ въ походной плащъ (paludamentum), на головѣ лучистая корона (corona radiata).
Rv. ANTIOCHIO. CLA. Знамя, на которомъ сидитъ орелъ (aquila); по сторонамъ знамени два значка (signa). Въ полѣ, у подножія знамени: S—R. Величина монеты 5.

№ 2—3. Av. IMP. C. M. ΛЄΛΛΛЄN.... изображеніе тоже.
Rv. ANTIOCHI. CO. Изображеніе тоже. Вел. 5.

№ 4. Такая же монета. На оборотѣ S. R. не въ полѣ, а внизу, подъ чертою. Вел. 5.

B) Волюзіянъ (сынъ и соправитель Требоніяна Галла, 251—254).

№ 5. Av. IMP. CAE. RASLI. OVNAH. AVC. Бюстъ Волюзіяна направо, въ плащѣ и лучистой коронѣ.
Rv. ANTIOCHIO. CA. Знамя между двумя значками. Внизу, подъ чертою: S. R. [1]) Вел. 5.

№ 6. Такая же монета. На оборотѣ: ANTIOCH.COL. Вел. $5^1/_2$.

№ 7— 9. Три такія же монеты. На оборотѣ: ANTIOCHIO.L.Вел.5.

№ 10—13. Четыре такія же монеты. На оборотѣ ANTIOCHIO. CL. Вел. 5.

№ 14. Av. IMP. C. VIB. AFEN. VOLVSSIA. Бюстъ Волюзіяна направо, въ плащѣ и лучистой коронѣ.
Rv. ANTIOCHIO. CLA. Знамя между двумя значками. Внизу, подъ чертою: S. R. Вел. 6.

№ 15. Av. IMP. C.....LOV.. Изображеніе какъ на предыдущей.
Rv. ANTIOCHI. CL. Изображеніе какъ на предыдущей. Вел. $4^1/_2$.

C) Галліенъ (253—268).

№ 16. Av. IMP. GALLIENVS. P. F. AVG. Бюстъ Галліена направо. Одѣтъ въ плащъ; на головѣ лучистая корона.
Rv. ANTIOCH. CL. Знамя между двумя значками. Внизу, подъ чертою: S. R. [2]) Вел. 6.

№ 17. Такая же монета; на оборотной сторонѣ: ANTIOCHIO. CLO.; S. R. въ полѣ, у основанія знамени. Вел. 6.

---

[1]) Mionnet.—Description des médailles antiques, grecques et romaines. Supl. t. VII, p. 107, № 112.

[2]) Mionnet. Supl. t. VII, p. 109, № 123.

2. Монеты Римскія.

A) Константинъ I (306—323).

№ 18. Av. CONSTANTINVS. P. F. AVG. Бюстъ Константина направо; одѣтъ въ панцырь, на головѣ діадема.

Rv. GLO.....ER...VS (Gloria exercitus). Два воина, въ шлемахъ и панцыряхъ, стоятъ другъ противъ друга; каждый изъ нихъ держитъ копье и опирается на щитъ; между ними водружено знамя. Внизу, подъ чертою: SMANE [1]). Вел. 3.

№ 19. Av. .....INVS. P. F. AVG. Изображеніе какъ на предыдущей.

Rv. Надпись изглажена.—Воинъ, одѣтый въ панцырѣ, съ шлемомъ на головѣ, идетъ направо, оглядываясь назадъ; держитъ знамя и тащитъ за собою за волосы плѣнника. Въ полѣ: P. R. Внизу, подъ чертою: ...VCE... Вел. 3.

B) Констанцій II (323—361).

№ 20—21. Av. DN. CONSTANTIVS. P. F. AVG. Бюстъ Констанція направо; одѣтъ въ плащъ, на головѣ діадема.

Rv. FEL. TEMP. REPARATIO. Солдатъ идетъ налѣво, поражая копьемъ врага, сидящаго на лошади, съ колпакомъ на головѣ. Внизу, подъ чертою: SMNA [2]). Вел. 5.

№ 22. Такая же монета; на оборотѣ, подъ чертою, ANA. Вел. 5.

№ 23. Такая же монета, на оборотѣ подъ чертою: SMKA. Вел. 4.

№ 24. Такая же монета; на оборотѣ, въ полѣ: S. Вел. 4.

№ 25. Типъ такой же. Вел. 3 [3]).

Такимъ образомъ, всѣ разсмотрѣнныя монеты даннаго клада весьма близки между собою какъ по времени, такъ и по типамъ; онѣ относятся ко второй половинѣ III и къ первой половинѣ IV столѣтій; всѣ онѣ приходятъ изъ римскихъ чеканныхъ дворовъ, большинство же ихъ относится къ разряду римскихъ колоніяльныхъ монетъ, именно къ колоніи Антіохіи въ Пизидіи. Разсмотрѣнныя монеты найдены были не въ видѣ спорадически разсѣянныхъ экземпляровъ, а вмѣстѣ, въ общемъ кладѣ, составлявшемъ, вѣроятно, имущество одного лица, спрятанное имъ въ землю. Эти обстоятельства находки весьма важны

---

[1]) Cohen. Description des monnaies, frappées sous l'empire Romain. t. VI, p. 138, № 309.

[2]) Cohen. t. VI, p. 313, № 223.

[3]) Cohen. t. VI, p. 313, № 224. Величина всѣхъ монетъ опредѣлена по скалѣ Mionnet.

для исторіи города Кіева. Разсмотрѣнныя монеты представляютъ несомнѣнно древнѣйшее изъ извѣстныхъ понынѣ письменныхъ свидѣтельствъ, относящихся къ мѣстности этого города. Основываясь на нихъ, можно предполагать, что на мѣстѣ нынѣшняго Кіево-Подола существовало уже поселеніе въ IV столѣтіи, и что торговыя сношенія этого поселенія связывали его жителей по меньшей мѣрѣ съ побережьемъ Чернаго моря, можетъ быть и съ Византіею, настолько, что римскіе и мало-азіятскіе монетные знаки проникали въ то уже время къ жителямъ будущей «матери городовъ Русскихъ».

МЕГАЛИТИЧЕСКІЕ ПАМЯТНИКИ ВЪ РОССІИ

Графа А. С. Уварова.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) *

Нѣкоторые дольмены Англіи и Ирландіи [1]) отличаются въ особенности величиною размѣровъ. Такъ дольменъ близъ Пентръ-Эйфанъ, въ Пемброкширѣ (Таб. VII. рис. 1), достигаетъ размѣровъ, скорѣе напоминающихъ тріумфальныя ворота, чѣмъ гробницу. Каменная плита, служащая покрышкою, такъ обширна, что подъ нею могутъ укрыться до пяти всадниковъ. Другой примѣръ подобной величины встрѣчается въ дольменѣ близъ Плэсъ Невидъ, на берегу Менсей-Страйта (Таб. VII. рис. 2). Третій любопытный памятникъ, упоминаемый Фергюссономъ, прозванъ Артуровымъ дискомъ (Arthur' s Quoit), на полуостровѣ Гауеръ въ княжествѣ Вельскомъ (Таб. VII. рис. 3). Длина верхней плиты достигаетъ до 12 и 15 футовъ. На основаніи всѣхъ этихъ примѣровъ, Фергюссонъ высказываетъ мнѣніе, что дольмены не могли служить гробницами, а были воздвигаемы скорѣе для какой нибудь другой цѣли.

Изъ подобныхъ памятниковъ, сохранившихся въ Ирландіи, Фергюссонъ сообщаетъ видъ и планъ дольмена близъ Кнокиенъ (Knockeen) въ графствѣ Ватерфордъ (Таб. VII. рис. 4 а и 4 в). Изъ приложеннаго плана видно, что, кромѣ помѣщенія для погребенія, переднія плиты выступаютъ такъ, что образуютъ какъ бы нишь, въ которой могли приноситься жертвы, по мнѣнію Фергюссона.

Что же касается до раскопокъ дольменовъ въ Ирландіи и Шотландіи, то весьма любопытно замѣчаніе, сообщенное г. Мартинъ Парижскому съѣзду. Онъ думаетъ, что нѣкоторые изъ нихъ послужили вторично могилами, въ особенности при нашествіи Датчанъ на Ирландію. Такимъ образомъ на Оркандскихъ островахъ, руническая надпись въ дольменѣ свидѣтельствуетъ, что морскіе разбойники, приставшіе къ острову, разрыли этотъ дольменъ и оставили эту надпись въ вос-

*) См. начало въ VI т. вып. 3, стр. 269—290.

[1]) J. Fergusson. Rude Stone Monuments. London 1872, pag. 168, 169.—Congrès international de Paris. 1867 p. 198.—International congress. The third session at Norwick. 1868, pag. 218.

поминаніе своего тутъ пребыванія. Изъ такого замѣчанія можно вывести ясное заключеніе, что мнѣніе Фергюссона, будто дольмены воздвигнуты недавно, совершенно неосновательно. Наконецъ, на Норвичскомъ съѣздѣ представленъ былъ рефератъ для доказательства, что дольмены строились всегда съ цѣлію погребенія. По сдѣланнымъ раскопкамъ въ дольменахъ на Британскихъ островахъ видно, что попадались каменныя орудія и глиняныя издѣлія, но ни въ одномъ изъ нихъ не найдено ни единаго металлическаго предмета.

Между Скандинавскими странами Швеція [1]) и Данія отличаются болѣе всѣхъ остальныхъ, какъ по числу, такъ и по разнообразію мегалитическихъ памятниковъ. При этомъ любопытно замѣтить, что ни единаго такого памятника не найдено ни въ Норвегіи, ни въ сѣверной части Швеціи, ни въ Финляндіи. Вообще, о могилахъ Швеціи Монтеліусъ говоритъ, что ни одна изъ нихъ не можетъ быть отнесена къ палеолитической эпохѣ, между тѣмъ какъ по видимому ихъ устройству онѣ представляютъ четыре различные типа:

а) Настоящіе дольмены;

б) Гробницы съ входною галлереею;

в) Ящики изъ каменныхъ плитъ, коихъ верхняя не прикрыта ни земляною насыпью, ни насыпью изъ щебня; наконецъ

г) Ящики изъ каменныхъ плитъ, совершенно закрытыхъ курганомъ или насыпью изъ щебня.

Образцомъ перваго разряда Шведскихъ могилъ или настоящихъ дольменовъ можетъ служить гробница у Сталы на островѣ Орустъ (Таб. VII, рис. 5 а и в). Длина внутренняго пространства два метра. Весь дольменъ сложенъ изъ плитъ, гладкихъ съ внутренней части и неотдѣланныхъ съ наружной. Покрыша состоитъ изъ такой же плиты, но неправильной формы. Обыкновенно дольмены воздвигнуты на холмѣ или на искусственномъ возвышеніи, кругломъ или продолговатомъ. Такія искусственныя возвышенія или насыпи, сдѣланныя изъ земли и щебня, окружены большими камнями. Изъ такого рода памятниковъ въ особенности любопытенъ дольменъ въ Фасморупѣ, въ Сканіи (Таб. VII рис. 6), на верхней плитѣ котораго находятся круглыя углубленія въ родѣ чашекъ (écuelles), а потому всѣ подобные камни получили названіе pierre à écuelles или чашечные камни. Загадочное значеніе этихъ искусственныхъ чашекъ обратило вниманіе многихъ ученыхъ, но доселѣ не удалось разгадать цѣль такихъ углу-

---

[1]) Congrès international, 2 session. Paris. 1867. p. 193.—Matériaux, V, p. 517.—Fergusson. l. c. p. 275—324.—Montelius. Sur les tombeaux et la topographie de la Suède pendant l' âge de la pierre.

бленій [1]). Однако полагаютъ, что они служили для жертвоприношеній. Такой же дольменъ и съ такими же чашечными углубленіями находится въ Шотландіи близь Расо (Ratho). Рисунокъ съ этого памятника помѣщенъ въ изслѣдованіи Дезора.

Второй разрядъ мегалитическихъ памятниковъ съ типомъ гробницъ, съ длинною галереею, служащею входомъ, не принадлежитъ къ тѣмъ сооруженіямъ, которыя я считаю древними памятниками. Даже Монтеліусъ замѣчаетъ, что дольмены съ галереями принадлежатъ скорѣе къ новымъ памятникамъ и представляютъ только послѣдующее развитіе первоначальнаго типа простыхъ дольменовъ. Они даже такъ сказать, принадлежатъ, къ мѣстнымъ постройкамъ одной только сѣверной части Европы, а именно: Бретаньи, острововъ Ламанискихъ и Британскихъ, Нидерландовъ, сѣверной части Германіи и южной оконечности Швеціи.

Къ третьему типу надо отнести каменные ящики, изъ которыхъ въ видѣ образца представлена (Таб. VIII рис. 1) гробница въ Сіогерасъ въ Вермландѣ. Она состоитъ изъ пяти продолговатыхъ плитъ, изъ которыхъ верхняя служитъ крышкою. Въ длину могила имѣетъ 4. 2 метра. Эти три типа, по замѣчанію Монтеліуса, непокрытые никогда никакою насыпью или курганомъ, принадлежатъ къ могиламъ каменнаго періода. Между тѣмъ, когда даже простые дольмены, затѣмъ дольмены съ галереями и наконецъ каменные ящики бываютъ покрыты насыпью изъ земли или щебня, тогда могилы эти въ Швеціи содержатъ всегда металлическіе предметы.

Наконецъ четвертый типъ, состоящій изъ каменныхъ ящиковъ, прикрытыхъ насыпью, въ особенности для насъ любопытенъ, потому что передняя плита, служившая для входа, имѣетъ круглое или полукруглое отверстіе. Они часто обставлены большими камнями и очень сходны съ тѣми могилами, которыя я опишу при обзорѣ Кавказа и Крыма.

Вообще, въ древнѣйшихъ дольменахъ Швеціи находимы были: каменныя орудія, болѣе или менѣе искусно обдѣланныя и принадлежащія къ эпохѣ шлифованнаго камня, костяные предметы, издѣлія изъ янтаря и просверленые звѣриные зубы (волка, барсука, собаки, свиньи).

Въ заключеніе, для бо́льшаго разъясненія мегалитическихъ памятниковъ Швеціи, я избралъ видъ цѣлаго могильника у Гримметона (Таб. VIII, рис. 2), въ особенности любопытнаго какъ по разнообразію формъ, такъ и по количеству скученыхъ здѣсь могилъ.

Если перейти теперь въ Данію [2]), то мы встрѣтимъ: дольмены

---

[1]) Simpson. Archaic sculpturings of cups, circles ets. Edimbourg. 1867. — Morlot. Les pierres à écuelles (Revue archéolog. Juillet. 1864 p. 25). — Keller. Pfahlbauten (Mittheilungen der Antiq. Gesellschaft in Zurich. XIV, 6. Taf. 16). — Désor. Les pierres à écuelles. Genève 1878.

[2]) Madsen. — Matériaux. — Fergusson. l. c.

почти круглые. близь Недагеръ въ Ютландіи (Таб. VIII, рис. 3 а и в): дольмены расположенные по два и обнесенные четыреугольникомъ изъ крупныхъ камней въ Валдбичардскомъ лѣсу въ округѣ Сорое, въ Зеландіи (Таб. VIII. рис. 4, а и в); дольмены продолговатые, близь Топсхоея, въ томъ же округѣ Сорое (Таб. VIII, рис. 5, а и в), съ двумя камнями, образующими внѣшнюю нишь, какъ это замѣтилъ Фергюссонъ въ Ирландскихъ дольменахъ (Таб. VII, рис. 4 а и 4 в); дольменъ на пригоркѣ, прозываемый doedning или умершаго, близь Лиль-Рербенъ въ Фридериксборскомъ округѣ въ Зеландіи (Таб. VIII, рис. 6) и обнесенный цѣлымъ поясомъ изъ большихъ камней; наконецъ извѣстный дольменъ близь Херреструпа (Таб. VIII, рис. 7), отличающійся выдолбленными знаками въ видѣ многолюдныхъ лодокъ, круговъ и пр. Этотъ любопытный памятникъ, по словамъ Фергюссона, былъ покрытъ насыпью. Изображенія лодокъ напоминаютъ такія же изваянія на скалахъ Готтенбурга, и приписываются нѣкоторыми учеными къ VI до IX в. Что же касается до раскопки Датскихъ дольменовъ, то въ нихъ находимы были иногда, кромѣ каменныхъ орудій, предметы изъ золота и бронзы.

Не смотря на усердіе, съ которымъ въ продолженіе многихъ вѣковъ уничтожаютъ дольмены, всетаки значительное количество ихъ сохранилось доселѣ въ сѣверной части Германіи, между берегомъ Балтійскаго моря и горнымъ кряжемъ Исполинскихъ горъ, Рудныхъ горъ и Тюрингскимъ лѣсомъ [1]). Но между всѣми этими мегалитическими памятниками, только нѣкоторые изъ нихъ въ особенности для насъ любопытны, въ виду такихъ же формъ, встрѣчающихся какъ въ Азіатской, такъ и въ Европейской Россіи, между тѣмъ какъ другіе представляютъ только позднѣйшія формы, развившіяся изъ первоначальнаго типа простыхъ дольменовъ. Таковы Hünenbette, состоящіе изъ длиннаго ряда дольменовъ въ видѣ галлереи. Разные образцы дольменовъ представлены на таблицѣ IX.

Наконецъ и въ Италіи и въ Греціи [2]) найдены были также мегалитическіе памятники довольно разнообразныхъ видовъ, но всетаки напоминающіе первоначальную и самую простую форму дольменовъ.

II.

Мы прослѣдили мегалитическіе памятники по всѣмъ странамъ, гдѣ они были найдены, обратили при этомъ вниманіе и на главнѣйшія раскопки такихъ памятниковъ, такъ что теперь намъ слѣдовало

[1]) Bonstetten l. c. p. 47.—Fergusson. l. c. pag. 308, 318.
[2]) Congrès internal. 2 session. Paris. pag. 196, 219.—Bonstetten. l. c.

бы описать тѣ изъ нихъ, которые встрѣчаются въ Россіи. Однако необходимо сперва разсмотрѣть, какимъ образомъ изслѣдованъ былъ доселѣ вопросъ о загадочной народности мегалитическихъ памятниковъ. Подобныя свѣдѣнія для насъ тѣмъ болѣе будутъ любопытны въ томъ отношеніи, что изъ нихъ увидимъ, насколько наши мегалитическіе памятники въ состояніи пополнить и разъяснить этотъ вопросъ.

Долго вопросъ о народности мегалитическихъ памятниковъ оставался нетронутымъ и неизслѣдованнымъ, пока французская академія не поощрила археологическихъ занятій. Наконецъ она предложила этотъ вопросъ на премію, и въ 1862 году присудила ее изслѣдованію, представленному г. Александромъ Бертранъ: «О первобытныхъ памятникахъ Галліи, называемыхъ кельтскими, о дольменахъ и курганахъ» [1]). Такое поощреніе, оказанное французскою академіею, повліяло благотворно не только на разработку одного этого вопроса, но вообще и на всѣ занятія по археологической наукѣ.

Съ тѣхъ поръ какъ издано было изслѣдованіе г. Бертранъ о мегалитическихъ памятникахъ Франціи, новыя открытія измѣнили во многихъ отношеніяхъ выводы, сдѣланные французскимъ археологомъ. Не только систематическія раскопки стали понемногу пояснять эпоху ихъ постройки, но и открытія новыхъ мѣстностей съ дольменами какъ въ Азіи такъ и въ Африкѣ измѣнили совершенно мнѣніе о настоящей родинѣ народа дольменовъ. Надо было отказаться отъ теоріи изложенной г. Бертраномъ, что народъ дольменовъ обиталъ во Франціи на западѣ отъ линіи проведенной съ сѣвера къ югу, отъ Брюсселя къ Марсели; что народъ этотъ не пришелъ съ востока, а слѣдовалъ по теченію рѣкъ съ юга на сѣверъ и селился на возвышенностяхъ вдоль этихъ рѣкъ. При этомъ г. Бертранъ доказывалъ, что всѣ главныя группы дольменовъ лежатъ внѣ предѣловъ гальскихъ населеній, а слѣдовательно были сооружаемы не Галлами, а другимъ какимъ-то народомъ. Впрочемъ онъ встрѣтилъ и между своими соотечественниками строгихъ порицателей такого мнѣнія [2]).

Три года спустя (въ 1865 году) баронъ Бонштеттенъ издалъ свое изслѣдованіе о дольменахъ и пришелъ къ выводу, во многомъ отступающему отъ мнѣнія г. Бертрана. Бенштеттенъ [3]) полагаетъ, что Малабарскій берегъ былъ колыбелью народа дольменовъ, который подвинулся на западъ двумя потоками. Одинъ, чрезъ Кавказъ, проникъ къ берегамъ Чернаго моря и въ Крымъ, и оттуда, чрезъ

---

[1]) Revue archéologique. 1863. VII, p. 217.

[2]) Matériaux. IX, p. 110—116.

[3]) l. c. p. 44—53.

Силезію, достигъ до береговъ Балтійскаго моря: другой потокъ изъ Крыма направился въ Грецію и Сирію,—можетъ быть, и въ Италію и Корсику. Но главная вѣтвь этого народа, дошедшая до Балтійскаго поморья, повидимому пошла на западъ берегомъ и остановилась въ Нормандіи и Бретани. Только позднѣе часть этого народа подвинулась къ югу въ Галлію, дошла до Пиреней, вторглась въ Испанію и Португалію и черезъ Гибралтарскій проливъ перебралась на сѣверное прибрежье Африки. Относительно же эпохи этихъ доисторическихъ переселеній Бонштеттенъ думаетъ, что народъ дольменовъ пришелъ на западъ послѣ обитателей пещеръ, но ранѣе племенъ извѣстныхъ уже въ исторіи.

Почти въ одно время съ появленіемъ книги барона Бонштеттена, распространилось извѣстіе объ открытіи многочисленныхъ дольменовъ въ древней Нумидіи. Предпринятыя раскопки этихъ дольменовъ привели къ открытію въ нихъ не только бронзовыхъ и желѣзныхъ издѣлій, но даже одной медали императрицы Фаустины (141 г. по Р. Х.). Неожиданность такой находки поразила всѣхъ ученыхъ, и еще болѣе усложнила рѣшеніе вопроса о народности дольменовъ. Доказательствомъ глубокаго впечатлѣнія, произведеннаго неожиданнымъ этимъ открытіемъ, служатъ пренія о дольменахъ на международномъ съѣздѣ 1867 года [1]). Вопросъ о дольменахъ стоялъ третьимъ въ программѣ съѣзда.

Еще за годъ до съѣзда, профессоръ Дезоръ издалъ изслѣдованіе о дольменахъ [2]), въ которомъ, согласно съ новыми открытіями сдѣланными въ Алжирѣ, онъ излагаетъ скорѣе современное состояніе вопроса о народности дольменовъ, чѣмъ старается придти къ новому выводу. Между прочимъ, онъ замѣчаетъ, что если сооруженіе дольменовъ не можетъ уже болѣе быть приписано Галламъ, то все-таки оно остается не разъясненнымъ въ отношеніи къ Кельто-иберійцамъ, къ Пелазгамъ, къ Финикійцамъ, или къ иному народу семитическаго происхожденія. Разъясненіе такого отношенія надо ожидать, по мнѣнію Дезора, отъ изслѣдованія африканскихъ дольменовъ, въ особенности если будетъ доказано, что строители дольменовъ были праотцами Берберовъ и Туареговъ или древнихъ Тамху,—народовъ находившихся уже въ сношеніяхъ съ египетскими царями за 2800 лѣтъ до Р. Х., по изслѣдованіямъ Бругша. Эти Тамху изображены были на египетскихъ изваяніяхъ какъ племя бѣлаго цвѣта и съ прямымъ профилемъ.

---

[1]) Congrès international d' anthrop. et archéol. préhistoriques. Compte rendu de la 2-me session à Paris. 1867.

[2]) Archiv. I, p. 266.

Такое новое воззрѣніе Дезора на народъ дольменовъ долго обсуждалось на Парижскомъ съѣздѣ. Хотя ученые не пришли ни къ какому положительному выводу, однако даже и отрицательные результаты, добытые на съѣздѣ, оказались весьма важными для науки. Такъ, напримѣръ, Дезоръ [1]) формулировалъ мнѣніе о невозможности отнести дольмены къ эпохѣ каменнаго періода, чему яснымъ доказательствомъ могутъ служить гончарныя издѣлія, находимыя въ дольменахъ и поражающія сходствомъ съ подобными же издѣліями бронзоваго вѣка.

Почти къ такому же мнѣнію пришелъ и г. Ворсо на Копенгагенскомъ съѣздѣ (въ 1869 году), утверждая, что кухонные остатки (kiokkenmoedding) принадлежатъ къ началу каменнаго вѣка, между тѣмъ какъ дольмены завершаютъ эту эпоху и стоятъ какъ бы на рубежѣ между каменнымъ и бронзовымъ вѣкомъ [2]).

Въ томъ же 1869 году, Тайлоръ въ Лондонскомъ Этнологическомъ обществѣ [3]) изложилъ мнѣніе, что мегалитическіе памятники Индіи воздвигнуты племенемъ, населявшимъ эти страны до прихода теперешнихъ арійскихъ поселенцевъ. Онъ основывалъ свое мнѣніе на томъ предположеніи, что теперешніе арійскіе обитатели Индіи мало съ тѣхъ поръ измѣнились въ своихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ. Между тѣмъ нигдѣ въ Ведахъ не упоминается о подобномъ способѣ погребенія, слѣдовательно этотъ способъ погребенія въ каменныхъ дольменахъ долженъ быть отнесенъ къ самымъ древнимъ временамъ—къ переселеніямъ народовъ въ доисторическую эпоху. При этомъ все-таки Тайлоръ не выдалъ своего предположенія за окончательное рѣшеніе загадочнаго вопроса.

Еще три года спустя на Брюссельскомъ съѣздѣ (въ 1872 году) снова обратились къ прежнему предположенію, на которое уже намекалъ, какъ мы видѣли выше, профессоръ Дезоръ. Къ этому предположенію французскіе археологи невольно снова приведены были раскопками въ африканскихъ дольменахъ. Такимъ образомъ г. Бургюйнья [4]), разрывъ 28 дольменовъ, пришелъ къ заключенію, что погребальное поле въ Рокніа сооружено за 1000 или 1200 лѣтъ до Р. Х. Это мнѣніе поддерживалъ и генералъ Федербъ, который изслѣдовалъ еще болѣе дольменовъ, чѣмъ г. Бургюйнья. Онъ приписываетъ эти сооруженія особому бѣлокурому племени, которое, по словамъ египтолога Маріэта, извѣстно по египетскимъ памятникамъ, какъ племя бѣлокурое и

---

[1]) l. c. p. 218.
[2]) Matériaux V, p. 528—532.
[3]) ibidem. VI, p. 71—79.
[4]) Matériaux. V, p. 194.—

съ голубыми глазами, проникнувшее съ запада въ Египетъ, при IX династіи, за 1400 лѣтъ до Р. Х. Къ этому генералъ Федербъ добавилъ, на Брюссельскомъ съѣздѣ, что строителями дольменовъ онъ считаетъ бѣлокурое племя Тамаху, предковъ теперешнихъ Туареговъ [1]). Но, по обсужденіи этого мнѣнія, члены съѣзда пришли къ убѣжденію, что недостаточно собрано еще антропологическихъ данныхъ для окончательнаго рѣшенія. Между тѣмъ, недавно еще, въ засѣданіи Парижскаго Антропологическаго общества (19 іюня 1875) съизнова обсуждалось мнѣніе о бѣлокуромъ племени относительно дольменовъ алжирскихъ, при чемъ оно было найдено весьма правдоподобнымъ. Но зато, принуждены были объяснить находку монеты императрицы Фаустины и другихъ позднѣйшихъ издѣлій какъ предметы, вложенные въ древнія гробницы уже въ новѣйшія времена [2]).

Такъ какъ изъ всѣхъ обсужденій и изъ различныхъ раскопокъ не сложилось доселѣ ни единаго окончательнаго мнѣнія, то любопытно прослѣдить мнѣнія, высказываемыя при изслѣдованіи извѣстныхъ отдѣльныхъ мѣстностей.

Такъ напримѣръ, Луи Ларте, въ своемъ геологическомъ изслѣдованіи о Палестинѣ (Sur la géologie de la Palestine et des contrées avoisinantes) [3]), пишетъ, что дольмены Палестины не сооружены Іудеями, а древнѣйшими обитателями страны, тѣми обитателями, которыхъ Іудеи уже тамъ застали: «Земля Рафаинска возименуется, Рафаины бо на ней прежде живяху; Аммонитяне же прозываютъ ихъ Зомминъ (Zomzommin). Языкъ великъ и многъ и крѣпокъ, якоже и Енакими; и погуби я Господь отъ лица ихъ, и пріяша наслѣдіе и вселишася вмѣсто ихъ даже до сего дне (Второзак. II, 20—21).» Извѣстіе объ Авраамѣ, помѣщенное въ книгѣ Бытія (гл. XXIII), какъ будто противорѣчитъ высказанному мнѣнію о строителяхъ дольменовъ. Тамъ сказано, что Авраамъ купилъ «пещеру сугубую» (τὸ σπήλαιον τὸ διπλοῦν) для погребенія Сарры; но въ какомъ смыслѣ понять это выраженіе: «пещера сугубая», и какъ представить себѣ форму такой пещеры, когда не только это мѣсто неясно въ подлинникѣ, но и остается столь же неяснымъ и въ переводѣ славянскомъ?

Хотя въ такомъ мнѣніи разсматривается только одна мѣстная сто-

---

[1]) Matériaux. V. p. 341—346.—Recueil des notices de mémoires de la Sociéte archéol. de la province de Constantine. 1866, p. 126. Предположеніе г. Шабассіера, что въ Алжирскихъ дольменахъ погребены воины съ Балеарскихъ островов, служившіе въ карѳагенской и нумидійской арміи при первомъ вступленіи Римлянъ въ Африку, не заслуживаетъ никакого вниманія.—Matériaux. VII, p. 491—494.

[2]) Matériaux. VIII, p. 473—474; сравн. Revue archéolog. 1867. XVI, 35—45, 82—103; ibidem, 1875. XXIX, p. 57, 313, о племени Тамху, и у Lenormand. Manuel. 2 ed. p. 395.

[3]) Matériaux. VIII, p. 191.—Annales des sciences géologiques. Tome III.

рона вопроса о народности дольменовъ, но мнѣніе такое важно и по отношенію своему къ общему вопросу въ цѣлости. И въ этомъ мнѣніи Ларте, согласно съ Федербомъ, объ алжирскихъ дольменахъ, намекаетъ на древнѣйшія времена и на самыя первыя населенія. Такимъ образомъ всѣ эти мѣстныя воззрѣнія на общій вопросъ все-таки могутъ помочь къ его разрѣшенію, но для этого необходимо свести ихъ всѣхъ къ одному общему выводу. Такую попытку сдѣлалъ Мортилье на Стокгольмскомъ съѣздѣ въ 1874 году. Въ представленномъ имъ рефератѣ «о несуществованіи такъ называемаго народа дольменовъ» La non-existense du prétendu peuple des dolmens [1]), онъ не изложилъ мнѣнія совершенно новаго, но только возобновилъ въ новой формѣ уже прежде высказанное мнѣніе. Еще въ 1869 году г. Вестропъ [2]) заявилъ, что не считаетъ мегалитическихъ памятниковъ сооруженіями одного и того же народа, а считаетъ ихъ вещественнымъ проявленіемъ общаго обычая, присущаго всѣмъ первобытнымъ народамъ безъ различія, находящимся на одной и той же степени культуры. Противъ такого заявленія возражалъ другой англичанинъ, г. Лэнъ Фоксъ, на томъ основаніи, что всѣ мегалитическіе памятники во всѣхъ странахъ, даже самыхъ отдаленныхъ, схожи между собою, а потому если не происходятъ отъ одного, общаго народа, то по крайней мѣрѣ должны считаться проявленіемъ одного общаго обычая у всѣхъ народовъ. Гораздо сильнѣе г. Лэнъ Фокса возразилъ Тайлоръ [3]) противъ такого заявленія. Онъ отрицаетъ возможность такого инстинкта или способности у первобытнаго человѣка, который бы въ данномъ случаѣ, въ способѣ погребенія усопшаго, могъ проявиться во всѣхъ странахъ, не смотря на разстояніе одной отъ другой, постоянно въ одинаковой и въ совершенно однообразной формѣ. Тайлоръ никакъ не можетъ объяснить себѣ, не только совершеннаго сходства въ общихъ очертаніяхъ дольменовъ, но даже иногда и въ мелочныхъ подробностяхъ, одною простою случайностію или простымъ проявленіемъ общаго инстинкта, присущаго всякому человѣку.

Очень близко къ мнѣніямъ Вестропа и Мортилье подходитъ мнѣніе изложенное Бастіаномъ, въ его изслѣдованіи «о поклоненіи камнямъ въ этнографіи» [4]). Авторъ полагаетъ, что всякому обществу, даже первобытному, присуще желаніе сохранить память объ извѣстномъ событіи или объ извѣстномъ лицѣ посредствомъ какого нибудь вещественнаго знака. Для такого вещественнаго знака самымъ удобнымъ матеріаломъ былъ камень, при чемъ величина и форма самыхъ кам-

[1]) Matériaux. IX, p. 262, 349.—Russiche Revue. 1874. Heft 12, pag. 555.

[2]) Matériaux. V, p. 444—448.

[3]) Matériaux. VI, p. 73.

[4]) Archiv. 1868. III, p. 1—18: Der Steincultus in der Ethnographie.

ней обусловливали и самую форму воздвигаемаго памятника. Когда попадались мелкіе камни, тогда складывали ихъ въ кучу. Когда мѣстныя геологическія условія доставляли человѣку большія плиты, тогда сооружали ихъ въ видѣ дольменовъ: однѣ плиты служили подпорами, другія покрышкою. Когда же попадались большіе, наостренные обломки скалъ, тогда ставились они отдѣльно и отвѣсно, какъ менхиры, или подъ рядъ, вокругъ извѣстнаго мѣста, какъ кромлехи. Такія соображенія префессоръ Бастіанъ старается подтвердить примѣрами изъ книгъ Ветхаго Завѣта.

Въ воспоминаніе перехода черезъ Іорданъ, двѣнадцать мужей, по числу племенъ Израилевыхъ, берутъ со дна рѣки по одному камню (Іис. Навинъ. IV, 5).

Примѣръ погребальнаго памятника встрѣчается въ повѣствованіи о смерти Авессалома: «и взя Іоавъ Авессалома и вверже его въ пропасть велику въ дубравѣ, и складе надъ нимъ купу каменія велику зѣло» (2 кн. Цар. XVIII, 17).

На горѣ Синайской предписывается Моисею: «Аще же олтарь отъ каменій сотвориши Ми, да не устроиши ихъ тесаныхъ; сѣчиво бо твое аще возложиши на нихъ, то сквернятся» (Исходъ. XX, 25).

При переходѣ черезъ Іорданъ, предписывается: «и да созиждеши тамо олтарь Господеви Богу твоему, олтарь отъ каменія: да не возложиши на нихъ желѣза, каменіемъ всецѣлымъ да созиждеши олтарь» (Второзак. XXVII, 5—6).

При свиданіи Іакова съ Лаваномъ: «и વземъ Іаковъ камень, постави его въ столпъ» (Быт. XXXI, 45).

Такіе примѣры конечно подтверждаютъ основную мысль проф. Бастіана, но не опровергаютъ возраженій, сдѣланныхъ гг. Лэнъ-Фоксомъ и Тайлоромъ противъ г. Вестропа; а если разсмотрѣть эту мысль повнимательнѣе, то мнѣ кажется даже, что мнѣніе проф. Бастіана дѣлается неправдоподобнымъ.

Нельзя не допустить, что для народовъ грубыхъ главнымъ матеріаломъ при созиданіи какого бы то ни было памятника или вещественнаго знака, какъ говоритъ проф. Бастіанъ, является тотъ дикой камень, который ему попадается на каждомъ шагу. Но форма такихъ памятниковъ обусловливается не одною формою употребленнаго матеріала, но также и цѣлью, для которой воздвигался памятникъ. Такъ для олтаря нужна была извѣстная площадь на удобной высотѣ. Для памяти о свиданіи Іакова съ Лаваномъ, конечно, достаточно было переставить одинъ большой камень такъ, чтобы, съ перваго же взгляда, возможно было отличить его отъ другихъ близъ лежащихъ камней. Для защиты тѣла Авессалома отъ нападенія хищныхъ звѣрей, въ

особенности въ лѣсу, достаточно было прикрыть его камнями, которыхъ звѣри не могли бы отгребать лапами. Такимъ образомъ на основаніи этихъ примѣровъ и въ границахъ такого только толкованія, мнѣніе пр. Бастіана вполнѣ справедливо. Но если обобщить эти толкованія и на основаніи ихъ объяснять мегалитическіе памятники во всѣхъ частяхъ свѣта, тогда мнѣніе проф. Бастіана становится рѣшительно невозможнымъ.

Какъ допустить, что одна только форма мѣстнаго камня обусловливаетъ самую форму памятника, когда, напримѣръ, на многихъ мѣстностяхъ, гдѣ попадаются плитчатые камни, не всѣ гробницы имѣютъ одинаковую форму плитчатыхъ памятниковъ или дольменовъ? Къ этому можно добавить, что для олтаря, на которомъ дѣлались возліянія или приносились жертвы, форма дольменовъ весьма удобна. Но для погребенія усопшаго эта форма оказывается совершенно неудобною, такъ какъ приходилось давать тѣлу особое, искусственное положеніе, чтобы умѣстить его въ дольменѣ; отсюда рождается другой вопросъ: какимъ образомъ первобытные люди могли придти къ обычаю употреблять неудобную форму дольменовъ для гробницъ своихъ покойниковъ?

Мнѣ кажется, что если и находится въ человѣкѣ естественное стремленіе употреблять мѣстный камень на сооруженія памятниковъ, то всетаки въ формѣ этихъ сооруженій отражалось личное воззрѣніе строителей. Кромѣ того, плитчатыя гробницы или дольмены изобилуютъ даже на такихъ мѣстностяхъ, на которыхъ встрѣчаются камни другой формы, гораздо болѣе удобной для переноски; между тѣмъ неизвѣстные строители предпочитаютъ огромныя плиты, несмотря на трудъ, связанный съ передвиженіемъ такихъ тяжелыхъ и неуклюжихъ массъ. По этому поводу любопытно прочесть особое изслѣдованіе, написанное съ цѣлію разъяснить, какія потребны были усилія для исполненія такихъ построекъ [1]. Оттого мнѣ кажется, что самая форма дольменовъ должна была служить выраженіемъ или извѣстнаго понятія или особаго обычая дорогаго, а даже, можетъ быть, и священнаго для народа—строителей. Иначе нельзя объяснить явленія, что народъ, имѣющій подъ руками двоякій матеріалъ—тяжелыя, неуклюжія плиты и болѣе поворотливые кругляки—могъ предпочесть трудное сооруженіе изъ плитъ простой насыпкѣ кучи изъ кругляковъ. Мы имѣемъ даже примѣры, что когда и насыпались такія кучи, то тогда большею частью онѣ обставливались сверхъ того еще огромными отвѣсными

---

[1]) Статья написана покойнымъ королемъ датскимъ Фридерикомъ VII († 1863), извѣстнымъ своими учеными занятіями по археологіи. Сперва она была издана въ Mémoires des antiquaires du Nord, а въ послѣднее время перепечатана въ Matériaux. X, p. 393—408.

плитами. Нельзя также не замѣтить, что въ каждой почти странѣ мегалитическіе памятники, при общемъ сходствѣ, имѣютъ всетаки свои особенности, хотя и мелочныя, но всетаки встрѣчаемыя на всѣхъ памятникахъ этой только страны. Наконецъ даже и на послѣднемъ Стокгольмскомъ съѣздѣ вопросъ о народности дольменовъ остался нерѣшеннымъ. Хотя и тутъ Мортилье старался доказать, что дольмены представляютъ не что иное, какъ измѣненіе первобытныхъ пещеръ, употребляемыхъ для погребенія; однако и эта мысль сильно оспаривалась.

Я остановился въ особенности на мнѣніи проф. Бастіана потому, что оно вершаетъ, такъ сказать, всѣ остальныя и служитъ въ данную минуту выраженіемъ того состоянія, на которомъ остановились изслѣдованія о дольменахъ. Но при этомъ мнѣ кажется, что отсутствіе свѣдѣній о подобныхъ памятникахъ въ Россіи много препятствовало къ окончательому рѣшенію вопроса. Можно даже предположить, что со временемъ, послѣ подробнаго изслѣдованія нашихъ мегалитическихъ памятниковъ, измѣнятся и всѣ мнѣнія, высказанныя до сихъ поръ объ этихъ памятникахъ.

III.

Приступая къ описанію мегалитическихъ памятниковъ, какъ въ азіатской, такъ и въ европейской Россіи, нельзя не припомнить, какое значеніе занимаетъ Россія въ исторіи переселенія народовъ по географическому своему положенію. Не даромъ Риттеръ [1]) называетъ пространство между южною подошвою Урала и сѣвернымъ склономъ Кавказа большими воротами народныхъ переселеній изъ Азіи въ Европу. Но кромѣ этого значенія, наши азіатскіе предѣлы (Бухарская и Сибирская низменности), достигая до граничныхъ хребтовъ центральной возвышенности Азіи, представляютъ для изученія первобытной археологіи тѣ же условія и тѣ же географическія отношенія, какъ и остальныя низменныя страны сравнительно къ центральному нагорью, какъ-то: китайская, индо-китайская, индостанская и сирійско-аравійская. Оттого, приступая къ описанію нашихъ мегалитическихъ памятниковъ, можно сравнить ихъ съ подобными же памятниками другихъ азіатскихъ странъ, и такимъ образомъ отчасти пополнить недостаточность нашихъ свѣдѣній.

Самый богатый матеріалъ по части научнаго изслѣдованія могилъ Сибирскихъ собранъ В. В. Радловымъ. Онъ не только описалъ и изобразилъ могилы, которыя изслѣдовалъ въ продолженіи многихъ лѣтъ,

---

[1]) Землевѣдѣніе I, стр. 91.

но также и дополнилъ свои рисунки копіями съ рисунковъ предметовъ, собранныхъ въ Сибири академикомъ Мессершмидтомъ съ 1721 до 1725 года, которые, неизданные, хранятся въ архивѣ Академіи наукъ. Сверхъ того В. В. Радловъ, для сравненія, присоединилъ и рисунки снятые съ сибирскихъ древностей Николаемъ Витсеномъ въ концѣ прошлаго столѣтія (Noord en Oost Tataryen. Amsterdam. 1785 f°.), и наконецъ приложилъ также рисунки, сдѣланные Палласомъ. Всѣ эти рисунки изъ собранія В. В. Радлова были выставлены при Археологическомъ съѣздѣ въ Казани и составили самое любопытное украшеніе всей выставки, какъ результатъ дѣйствительно научныхъ изслѣдованій. Эти рисунки и описаніе В. В. Радлова будутъ изданы въ «Трудахъ» четвертаго съѣзда и составятъ самый капитальный вкладъ въ нашу отечественную археологію.

Въ продолженіе многихъ лѣтъ В. В. Радловъ изслѣдовалъ гробницы на берегахъ Енисея и его притоковъ (Абакана, Юса, Кія), въ Киргизской степи и на западномъ Алтаѣ, въ юго-западномъ Алтаѣ и въ сѣверномъ Тарбагатаѣ.

Затѣмъ, благодаря трудамъ Географическаго Общества и въ особенности Сибирскаго его отдѣла, мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о мегалитическихъ памятникахъ Сибири. Въ седьмомъ и восьмомъ томѣ извѣстій Сибирскаго отдѣла, Н. И. Поповъ издалъ подробный обзоръ всѣхъ могильныхъ насыпей, встрѣчаемыхъ въ Сибири, при чемъ сообщаетъ подробныя выписки о сибирскихъ курганахъ изъ путешествій Іоанна Георгія Гмелина, Миллера, Палласа, Георги и другихъ. Затѣмъ, для полноты этой археологической библіографіи, излагаетъ мнѣнія всѣхъ этихъ путешественниковъ о сибирскихъ могилахъ и о предметахъ въ нихъ найденныхъ. Такимъ образомъ, трудъ Н. И. Попова представляетъ намъ любопытный обзоръ всѣхъ имѣющихся доселѣ свѣдѣній о сибирскихъ курганахъ и о курганныхъ предметахъ. Въ заключеніе не могу пропустить безъ особаго вниманія раскопки, произведенныя въ послѣднее время гг. Давыдовымъ и Павлуцкимъ, какъ изслѣдованія исполненныя весьма основательно, при описаніи которыхъ можемъ только сожалѣть, что къ нимъ не приложено никакихъ рисунковъ, какъ самихъ могилъ такъ и отрытыхъ вещей.

Изъ всего сказаннаго видно, что мы имѣемъ много разнообразныхъ свѣдѣній о сибирскихъ могилахъ; однако, не смотря на многочисленность ихъ, они все таки еще недостаточны для составленія полной картины различныхъ типовъ такихъ первобытныхъ памятниковъ. Впрочемъ, если сгруппировать всѣ эти извѣстія, то можно всетаки убѣдиться, что въ Сибири встрѣчаются почти всѣ виды мегалитическихъ памятниковъ, за исключеніемъ дольменовъ. Но ненаходка доселѣ доль-

меновъ не можетъ служить окончательнымъ доказательствомъ ихъ отсутствія, при неполнотѣ такихъ изслѣдованій, а тѣмъ болѣе послѣ нечаяннаго, сдѣланнаго въ 1810 году, открытія могилы, какъ будто указывающей на обрядъ погребенія такого именно рода могилъ.

Въ Нерчинскомъ заводѣ, при рытіи ямы для устройства виннаго подвала, напали случайно на древнее кладбище, въ которомъ найдено было нѣсколько оставовъ, расположенныхъ рядами и какъбы въ сидячемъ положеніи. Кости, по разсказамъ очевидцевъ, имѣли довольно большую величину. Молва, по обыкновенію, приписала это кладбище «Чуди», въ особенности въ виду близъ лежащихъ древнихъ рудныхъ копей, приписываемыхъ Чудскому народу [1]).

Вообще, по вопросу о мегалитическихъ памятникахъ, мы должны ожидать еще новыхъ изслѣдованій, а пока—изданіе всего матеріала, собраннаго В. В. Радловымъ въ «Трудахъ» четвертаго археологическаго съѣзда, прольетъ новый свѣтъ на загадочныя могилы Сибири.

Кромѣ недостатка въ полнотѣ, Сибирскія изслѣдованія страдаютъ еще какою-то односторонностію. Всѣ вниманіе путешественниковъ и изслѣдователей привлечено было доселѣ къ однимъ и тѣмъ же почти мѣстностямъ, между тѣмъ какъ о другихъ обширныхъ пространствахъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Къ такимъ забытымъ мѣстностямъ не только можно причислить все побережье Амура, но также и многія мѣста сѣверной части Сибири. За малыми исключеніями, всѣ наши свѣдѣнія о могильныхъ памятникахъ сосредоточиваются по преимуществу на пространствѣ между верховьями рѣки Оби и Енисея и вдоль верховьевъ Енисея.

На восточной (правой) сторонѣ Енисея могильные памятники встрѣчаются главнымъ образомъ въ мѣстахъ ближайшихъ къ впаденію въ Енисей рѣки Тубы и по обѣимъ сторонамъ этой рѣки съ ея притоками, особенно около села Абаканска. На западной (лѣвой) сторонѣ Енисея они почти безпрерывно встрѣчаются на всемъ пространствѣ, ограниченномъ на сѣверъ Божьими озерами, рѣками Ужуромъ и Чулымомъ, на югъ рѣками Аскызомъ, Есью и Теей, на западъ хребтомъ Алатау, а на востокъ Енисеемъ.

Конечно, эта мѣстность вполнѣ достойна привлечь вниманіе изслѣдователей, такъ какъ на этихъ мѣстахъ, наиболѣе привольныхъ, могильныя насыпи тянутся на сотни верстъ. Такова, напримѣръ, долина, простирающаяся почти на 200 верстъ по лѣвому берегу Енисея, отъ

---

[1]) Записки Сибирскаго отд. IX—X, стр. 506.

деревни Бережковой до перевоза въ Абаканахъ; такова и обширная степь,—отъ лѣваго берега рѣки Абакана на сѣверъ, до рѣки Ужура и Божьяго озера, центра Татаръ Кизильскихъ. Въ особенности въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, которыя перечисляетъ Н. И. Поповъ, могильные памятники до такой степени скучиваются, что сплошь покрываютъ цѣлое пространство на нѣсколько верстъ разстояній. Но любопытно, что эти сплошные могильники не состоятъ изъ памятниковъ одной и той же формы, но напротивъ въ одной и той же мѣстности часто представляютъ образцы не только различныхъ внѣшнихъ формъ, но также и различныхъ обрядовъ погребенія. Вообще всѣ видѣнныя Гмелинымъ могилы по внѣшней формѣ принадлежатъ, по его мнѣнію, къ пяти различнымъ типамъ: а) маяки или могильники, б) сланцы, в) творильные курганы, г) земляные курганы, и д) киргизскія могилы. Изъ этихъ пяти типовъ, два послѣдніе составляютъ отдѣльные типы земляныхъ насыпей; между тѣмъ какъ типы первые, по внѣшнему ихъ устройству, отличаются прозваніемъ каменныхъ могилъ. Эти-то каменныя могилы могутъ быть, по моему мнѣнію, отнесены къ числу мегалитическихъ памятниковъ, такъ какъ сходство съ мегалитическими памятниками другихъ странъ въ особенности замѣтно при сравненіи ихъ съ подобными же памятниками Индіи или Алжира. Я начну съ описанія трехъ типовъ каменныхъ могилъ.

А. Въ Сибири называютъ маяками или могильниками такіе могильные памятники, которые обставлены огромными стоячими плитами. Обыкновенно маяки состоятъ изъ продолговатаго четыреугольника, рѣдко изъ ромба, имѣющаго въ ширину отъ 5 до 50, а въ длину отъ 6 до 60 шаговъ, и обнесеннаго вертикально поставленными каменными плитами. По всѣмъ четыремъ угламъ, или только на сѣверо-западномъ и на юго-восточномъ, или на оборотъ—на сѣверо-восточномъ и юго-западномъ, возвышаются самыя большія плиты, нерѣдко выше сажени отъ земли. О величинѣ такихъ камней Спасскій говоритъ, что онъ видѣлъ нѣкоторые въ полторы сажени длины, въ два аршина ширины и около аршина толщины. Между тѣмъ, по увѣренію Титова, у кургановъ Уйбатскихъ находятся камни въ шесть аршинъ длины и въ три аршина ширины, такъ что, вкопанные, они «выше всадника на конѣ» [1]).

При нѣкоторыхъ маякахъ, въ извѣстномъ, довольно иногда значительномъ, разстояніи поставлены, также отвѣсно, одна или двѣ плиты (Таб. X, рис. 1), которыя можно назвать сторожевыми или

---

[1]) Извѣстія Сибир. Отд., VII, №№ 2—3, стр. 72.

указательными камнями. Когда поставлены двѣ плиты. тогда мѣстные жители называютъ ихъ воротами. Подъ такими сторожевыми камнями никогда ничего не находили.

По видимому, маяки устраивались всегда на возвышеніяхъ, на скатѣ горъ; а когда попадаются они въ долинахъ, то и тутъ расположены на болѣе возвышенныхъ мѣстностяхъ (въ долинѣ на Иволгѣ, между Иволгинскою и Ключевскою станціями). Огромныя плиты, образующія ограду маяковъ, не обтесаны, но иногда вырѣзаны на нихъ изображенія человѣка, или фигуры, или письменныхъ знаковъ. Но иногда также, вмѣсто простаго очертанія, приданъ плитѣ болѣе доконченный видъ человѣка, съ изображеніями разныхъ другихъ предметовъ, или даже съ письменными знаками. Такая плита или изваяніе носитъ названіе каменной бабы. Эти бабы или изваянія Кастренъ принимаетъ за изображенія божествъ Сибирскихъ народовъ [1]).

Одинъ изъ отличительныхъ признаковъ маяковъ составляетъ плитчатая форма всѣхъ камней, разставленныхъ вокругъ могилы. При этомъ величина такихъ плитъ вовсе не зависитъ отъ близости утесовъ или каменныхъ горъ, такъ какъ маяки съ огромными плитами часто встрѣчаются за нѣсколько десятковъ верстъ отъ всякой горы съ слоистою породою камня. Вообще маяки разсѣяны болѣе или менѣе числительными группами, и только изрѣдка встрѣчаются уединенные маяки; при чемъ они постоянно попадаются или на скатѣ горъ или въ долинахъ, но почти всегда въ мѣстахъ безлѣсныхъ.

Въ серединѣ четырехугольной площади маяка, по словамъ Н. И. Попова, находится, на глубинѣ не болѣе сажени, могила. Площадь маяка иногда имѣетъ едва замѣтное возвышеніе или вымощена плитами; иногда же совершенно въ уровень съ землею. Въ послѣднемъ случаѣ она, у нѣкоторыхъ маяковъ, раздѣлена плитнякомъ на двѣ, три и даже четыре меньшихъ четыреугольника (Таб. X, рис. 3). Эти раздѣленія перегородками, по мнѣнію Палласа, Миллера и Кастрена, доказываютъ, что маяки были семейныя могилы, и мнѣніе ихъ, по видимому, подтверждается раскопками.

Хотя не только Миллеръ, но и многіе другіе путешественники описываютъ маяки и находимыя въ нихъ вещи, однако всѣ эти описанія такъ неточны, такъ неполны, что нельзя себѣ составить никакого яснаго понятія объ обрядѣ погребенія въ этихъ могилахъ. Даже тѣ изъ описаній, которыя несомнѣнно принадлежатъ къ числу наилучшихъ, какъ Гмелина и Палласа, и тѣ далеко неясны. Вообще, я отсылаю къ труду Н. И. Попова всѣхъ желающихъ прочесть подробныя выписки изъ описаній этихъ путешественниковъ, между тѣмъ

---

[1]) Castren, Reiseberichte. p. 343, 361.

какъ самъ буду довольствоваться только указаніемъ на тѣ выводы, которые можно сдѣлать при изученіи этихъ описаній.

Гмелинъ [1]) пишетъ, что разрылъ нѣсколько маяковъ, повидимому нетронутыхъ, а за тѣмъ передаетъ не только что̀ самъ видѣлъ, но также и то, что̀ ему сообщено было курганщиками, т. е. тѣми людьми, которые, въ надеждѣ на богатую добычу, занимаются въ Сибири раскопкою древнихъ могилъ. Всѣ эти разнородныя свѣдѣнія отымаютъ у Гмелинскаго описанія могилъ всякую научную точность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заставляютъ относиться весьма скептически ко всему сказанному. Полной и вѣрной картины погребальнаго обряда въ этихъ могилахъ мы не найдемъ у Гмелина, но даже и нельзя вполнѣ довѣрить описанію предметовъ, будто-бы отрытыхъ въ нихъ. Но вообще несомнѣнно, что въ Сибирскихъ маякахъ вмѣстѣ съ погребенными тѣлами, находимы были металлическія издѣлія изъ мѣди, золота и серебра. Часто попадаются и лошадиные оставы съ удилами и бараньи головы. Иногда попадаются также желѣзныя стремена. Послѣ всѣхъ этихъ указаній на погребенныя тѣла, Гмелинъ вдругъ оканчиваетъ описаніе маяковъ словами: «При сожженыхъ костяхъ (?) золото попадается въ слиткахъ вмѣстѣ съ костями, но часто также лежитъ въ лѣвой или восточной сторонѣ могилы, вмѣстѣ съ другими предметами.»

Гораздо важнѣе, въ научномъ отношеніи, описаніе Палласа [2]), такъ какъ онъ сообщаетъ весьма обстоятельныя свѣдѣнія только о томъ, что̀ самъ нашелъ при раскопкѣ двухъ маяковъ въ степи на лѣвой сторонѣ Абакана, близъ устья рѣки Аскыза, при каменной бабѣ «Куртьякъ-ташъ». Въ первомъ маякѣ, по углубленіи на два локтя (Ellen), говоритъ онъ, отрыты истлѣвшія кости многихъ труповъ, лежавшихъ въ безпорядкѣ, ногами вмѣстѣ. Тутъ же вырыто нѣсколько черепковъ отъ разныхъ большихъ глиняныхъ горшковъ, очень перегорѣлыхъ, но въ числѣ ихъ одинъ новый (?). Сверхъ того, найденъ кораллъ (?), похожій на финифть. Въ другомъ маякѣ, ровномъ и безъ насыпи, на глубинѣ также двухъ локтей, дорылись до настланныхъ плитъ, подъ которыми все продолговатое пространство хотя и наполнено было землею, однако сразу видно было, что выложено съ боковъ, отъ востока къ западу, камнями. Въ этомъ-то пространствѣ нашли довольно большія человѣческія кости отъ остава, лежавшаго головою къ востоку. Тутъ же найдено нѣсколько отдѣльныхъ лошадиныхъ и бычачьихъ костей; на правой сторонѣ—глиняной гор-

---

[1]) Iohann Georg Gmelin. Reise durch Sibirien. Göttingen. 1751—52 8°. 4 книги. III, 273—274; 311—318. I, 241—242, 367—373.

[2]) Pallas. Reise.

шокъ, раздавленный камнемъ положеннымъ сверху; съ лѣвой стороны—какой-то остатокъ искривленнаго дерева (?), а тамъ, гдѣ быть макушкѣ головы,—круглая, тонкая золотая пластинка, величиной въ полтинникъ, пригнутая на перержавѣвшую мѣдную пуговицу.

Такимъ образомъ, изъ описанія Палласа мы положительно узнаемъ, что въ маякахъ хоронили тѣла въ особыхъ пространствахъ, обложенныхъ большими камнями и прикрытыхъ плитами. Вещи въ этихъ могилахъ бываютъ глиняныя, золотыя и мѣдныя. Еще болѣе свѣдѣній о расположеніи могилы въ маякахъ встрѣтили мы въ описаніи раскопки произведенной Сиверсомъ въ верховьяхъ Иртыша, на день пути отъ озера Зайссана.

«Здѣсь много чудскихъ могилъ» говоритъ Сиверсъ. «Нѣкоторыя изъ нихъ особенно отличаются вышиной и большими стоячими камнями. Киргизы (нынѣшніе), не считая ихъ своими, дозволили произвесть раскопку. Работа 8 человѣкамъ стоила 2-хъ дней. Вопервыхъ, нужно было сбросать много камней; потомъ слѣдовалъ слой чернозема въ футъ вышиной; подъ нимъ до грунта могилы не было ничего, кромѣ гранита, хряща и mica foliacea (слюдистаго песка), которыхъ здѣсь весьма много. Сводъ состоялъ изъ большихъ необтесанныхъ гранитныхъ плитъ, не обрушившихся. Сбросавши ихъ и разчистивши песокъ, мы попали на гнилой оставъ 6-ти годовалой лошади (годы опредѣлили киргизы по хорошо сохранившимся зубамъ); положеніе ея съ юга на сѣверъ; ни сѣдла, ничего кожанаго не нашли. Наконецъ, продолжая раскапывать, я нашелъ человѣческую голову; кромѣ нея, какихъ-нибудь остатковъ ручныхъ и ножныхъ костей вовсе не было; да и у головы не доставало нижней челюсти. (Подробно не описываю, а отсылаю къ рисунку въ натуральную величину, сообщенному мною проф. Блюменбаху). Физіономія довольно похожа на калмыцкую; только показались мнѣ удивительными—очень плоско отступающая назадъ лобная кость (das sehr flach zurücktallende Stirnbein) и почти четырехъ-угольная форма глазныхъ впадинъ (orbitae). Sutura frontalis (лобный шовъ) былъ почти сросшійся; occiput (затылка) вовсе не было, равно какъ и части dissepimenti narium (носовой перегородки); тамъ, гдѣ была фонтанель (темя), я нашелъ пластинки (Platten) очень жосткими и толстыми, изъ чего всѣ заключили о возрастѣ около 50 лѣтъ. Положеніе скелета почти съ востока на западъ. Между человѣкомъ и лошадью я увидѣлъ мечъ, почти въ $1^1/_2$ локтя длины, о двухъ лезвіяхъ, въ дюймъ ширины, прямой, но онъ такъ истлѣлъ, что я пальцами могъ растирать желѣзо; подлѣ меча нашелъ 10 желѣзныхъ же наконечниковъ стрѣлъ, какъ бы скипѣвшихся; концы ихъ, назна-

ченные для попаданія въ тѣло, состояли изъ трехъ листиковъ (трехъграные), и каждая изъ трехъ сторонъ представляла треугольникъ. На мѣстѣ груди вырыли много золотыхъ пластинокъ, какія часто въ натуральномъ видѣ попадаются въ колыванскихъ рудахъ. На мѣстѣ правой руки нашелъ 2 кованныхъ золотыхъ кольца, каждое вѣсомъ почти въ 2 квента (квентъ = $^1/_4$ лота). Между костями лошади нашли много искусно сдѣланныхъ пряжекъ (Spangen) и разной оковки отъ конской сбруи: все это изъ мѣди и слегка посеребрено; также искусно сдѣланная бляха, въ 2 дюйма въ поперечникѣ, вѣроятно сидѣла на груди лошади,—но все очень перержавѣло: подъ этой бляхой была еще частица кожи, подобной лосинѣ (Ellensfellen), употребляемой для кожаныхъ штановъ. Впрочемъ, нашелъ и кой-какіе слѣды дерева, бумажной матеріи и мѣдное простое стремя. Могила была въ $1^1/_2$ саж. глубины: почти на половинѣ глубины ямы шелъ въ 3 дюйма пластъ земли сѣраго цвѣта, похожій на пепелъ; кой-гдѣ замѣчалъ комки (Nester) черной земли, какъ бы жженые. — Послѣ сего хотѣли раскопать другую могилу, но сводъ ея оказался очень крѣпкимъ, а лома съ нами не было. Однакожъ вынули котелъ, положенный на сводъ, почти въ 38 фун. вѣсомъ, литый изъ мѣди; подъ нимъ лежалъ бердышъ изъ того же металла. Вышина котла 28 англійскихъ дюймовъ, самый большой поперечникъ больше 16 дюймовъ. Дерева ни слѣда» [1]).

Послѣ этихъ свѣдѣній, болѣе или менѣе точныхъ, мы не встрѣчаемъ никакихъ другихъ положительныхъ указаній, ни у Г. И. Спасскаго, ни у Кастрена, ни у Ледебура. Хотя этотъ послѣдній самъ производилъ раскопку, однако описаніе его такъ сбивчиво, что не можетъ привести ни къ какому другому заключенію, какъ къ тому, что въ могилѣ находились иногда по два или по три погребенныхъ тѣла, и лошадиныя кости. За то мы узнаемъ положительно изъ Кастрена и въ особенности изъ замѣчанія сдѣланнаго В. Б. Радловымъ [2]), что многія племена, населявшія Сибирь, имѣли обыкновеніе хоронить иногда своихъ покойниковъ въ старыхъ курганахъ; такимъ образомъ новѣйшія племена пользовались иногда уже древними, прежде существовавшими могильными памятниками. То же самое замѣчаніе повторяетъ и Армстронъ, по поводу могилъ въ Семипалатинской области [3]). Если подобное замѣчаніе будетъ доказано окончательно, то предста-

[1]) Сиверса Briefe aus Sibirien, въ Neue nordische Beiträge Палласа, Bd. VII. S. 340—2. Въ сокращеніи—въ ст. Эйхвальда «О чудскихъ копяхъ», въ Труд. Вост. Отд. Арх. Общ. 1858 ч. III, стр. 15—16.

[2]) Compte rendu.

[3]) Извѣстія Имп. Археолог. Общества. 1861, стр. 204—205

вится новое затрудненіе для опредѣленія эпохи и народности маяковъ.

И такъ мы видимъ, что не смотря на многія свѣдѣнія, сообщаемыя въ разныя времена о маякахъ Сибирскихъ, то, что̀ мы знаемъ объ ихъ внутреннемъ устройствѣ, далеко неудовлетворительно. Только новѣйшія изслѣдованія, сдѣланныя по порученію Сибирскаго отдѣла Географическаго Общества, отличающіяся систематичностію раскопокъ и точностію сообщаемыхъ свѣдѣній, могутъ отчасти пополнить эту недостаточность свѣдѣній.

Такимъ образомъ г. Давыдовъ изслѣдовалъ маяки въ Верхнеудинскомъ округѣ въ Забайкальской области [1]). На скатѣ горы Мухуйта (въ рѣчной области Уды, къ Ю. З. отъ Хоринской степной Думы близь рѣчки Оротай, ничтожнаго лѣваго притока рѣки Уды,) близь рѣчки Оротай, существующей только весною, возвышаются восемь маяковъ, изъ которыхъ одинъ ниже прочихъ, а остальные расположены почти рядомъ. Окружающія ихъ плиты немного наклонены на внѣшнюю сторону. Вообще эти маяки имѣютъ очертаніе трапецій, близко подходящихъ къ параллелограмму и даже къ квадрату. Пространство между стоячими плитами почти не возвышается надъ уровнемъ окружающей извнѣ земли. Верхній слой могилы состоитъ изъ довольно крупныхъ камней, ниже—второй слой щебня съ землею, подъ нимъ—слой чистой земли, подъ которымъ лежатъ плиты. Таково расположеніе почти всѣхъ маяковъ.

Г. Давыдовъ разрылъ два маяка.

Одинъ (третій съ краю отъ юга, длина его около 5-ти, ширина—около 3 аршинъ; углублялись на полтора аршина) направленіемъ къ С. В. В., съ однимъ сторожевымъ камнемъ къ С. В. на разстояніи $4^1/_4$ аршина. Подъ вторымъ слоемъ (щебень) стали попадаться человѣческія кости и черепки отъ сосудовъ. Затѣмъ подъ плитами находился полный человѣческій оставъ, но безъ головы, и черепки отъ сосуда. Вообще, черепковъ было очень мало и они были очень мелки.

Второй маякъ лежалъ ниже прочихъ (длин. $5^1/_4$, шир. $3^1/_2$ арш.; направленіе тоже самое). Сторожевой камень въ $5^3/_4$ аршинахъ. Углубились на $2^1/_4$ аршина, и слой былъ въ томъ же порядкѣ. Надъ слоемъ плитъ найдены: человѣческій черепъ, два обломка отъ костей человѣческихъ и черепки отъ сосуда. Подъ слоемъ плитъ—почти полный человѣческій оставъ, въ весьма рыхломъ состояніи, и нѣсколько черепковъ отъ сосуда.

На другой мѣстности, въ урочищѣ Цыганъ—Кундуй, находится также цѣлая группа маяковъ. Г. Давыдовъ разрылъ

[1]) Записки Сибирск. Отдѣла, кн. II, 1856; стр. 90—100.

три изъ нихъ, на глубину $1^1/_2$ аршина (направленіе съ З. на В. длин. $5^1/_4$, шир. около $4^1/_4$ арш.) Два сторожевые камня въ десяти аршинахъ отъ маяка и въ $4^3/_4$ арш. другъ отъ друга. Найдено было подъ слоемъ плитъ много черепковъ отъ сосуда и нѣсколько лошадиныхъ зубовъ, часть лошадиной нижней челюсти и немного древеснаго угля. Въ остальныхъ двухъ маякахъ найдено то же самое, но нигдѣ не видно было никакихъ слѣдовъ отъ человѣческихъ костей. Я полагаю, что могилы эти были уже прежде расхищены.

Третья мѣстность: на рѣчкѣ Онѣ, при скатѣ горы Хотокъ, въ 10 верстахъ отъ Думы, изслѣдованъ маякъ (описаніе вида могилы не довольно ясно сдѣлано). Направленіе—съ З. къ В, длина слишкомъ 5, шир. по западной сторонѣ около трехъ, по восточной —$3^1/_2$ аршина. Найдены: маленькій обломокъ отъ горшка, два остатка отъ лошадиныхъ зубовъ и часть лошадинаго черепа, немного древеснаго угля, хотя болѣе чѣмъ въ другихъ маякахъ. Несмотря на то, что раскопка доходила до сажени въ глубину, однако обыкновеннаго слоя плитъ не оказалось.

Четвертая мѣстность находится на правомъ берегу рѣки Уды, на Санномъ мысу Узуръ-Кузунъ (конецъ шеи), на серединѣ между станціями Кульскою и Тарабагатайскою. Тутъ раскинулась одна группа маяковъ. Самый колоссальный изъ нихъ, по высотѣ стоячихъ плитъ, имѣетъ длины $5^1/_2$, шир. слишкомъ 4 аршина. Направленіе его отъ З. къ В. Углубившись на $1^1/_2$ аршина, нашли только черепки и нѣсколько человѣческихъ костей. Но въ особенности любопытно, что въ одномъ изъ угловъ на южной сторонѣ стоймя поставлена была плита или менхиръ, съ такими же изображеніями совершенно какъ плита, находящаяся на Иволгѣ (Таб. X. рис. 3), которую опишу ниже, но только меньше по размѣру, болѣе грубой отдѣлки, хотя и съ такими же начертаніями. Въ той же группѣ маяковъ найденъ еще другой камень, небольшой, но съ другими знаками [1]), которыя г. Давыдовъ подробно не описываетъ.

Пятая мѣстность съ маяками находится на рѣкѣ Иволгѣ между Иволгинскою и Ключевскою станціями, въ долинѣ. Изъ этихъ маяковъ разрытъ одинъ, имѣющій въ длину 5, въ ширину $4^1/_4$ аршина. Не смотря на то, что въ немъ углубились на $3^1/_4$ аршина, но слоя изъ плитъ не оказалось, и никакихъ вещей въ немъ не найдено.

Г. Давыдовъ говоритъ еще о трехъ насыпяхъ, и вѣроятно подра-

[1]) Представленъ въ Отдѣлъ 2 августа 1855 г. см. Отчетъ.

зумѣваетъ подъ этимъ выраженіемъ такіе же маяки [1]). Во второмъ маякѣ подъ горою (длина 5, ширина $4\frac{1}{2}$ аршина) углубились на одинъ аршинъ, и въ западной его сторонѣ нашли человѣческія кости (отъ ногъ), почти совершенно истлѣвшія. Тутъ же попадались и лошадиныя зубы.

Въ третьемъ маякѣ (длина 5, ширина $3\frac{3}{4}$ аршина), также на глубинѣ одного аршина, найдены кости отъ человѣческихъ ногъ, лежащія въ направленіи къ западу. Длина костей: верхней—18 дюймовъ 6 линій, а нижней—14 дюймовъ 6 линій.

Четвертый маякъ оказался совершенно пустымъ.

Въ Нерчинскомъ округѣ [2]) Забайкальской области, въ 7 верстахъ отъ Кличкинскаго рудника къ С. З., находится маякъ извѣстный подъ прозваніемъ Кара-боянъ (старый богачъ), окруженный стоячими плитами изъ гнейса. Двѣ сторожевыя плиты, вышиною съ поверхности земли въ 1 арш. 11 вершковъ, шириною въ $\frac{3}{4}$ аршина, толщиною до $\frac{1}{4}$ аршина, между собою въ разстояніи въ 1 арш. 2 верш., а отъ маяка въ 7 саженяхъ и 2 аршинахъ. Мѣстные жители называютъ ихъ воротами. Плиты вокругъ самаго маяка отчасти разбиты и разрушены, такъ что судить о вышинѣ ихъ невозможно. Онѣ стоятъ наклоненными къ наружности и представляютъ явные признаки обтески (Таб. X, рис. 1). Вѣроятно онѣ вывезены изъ узкой долины Коновалки, лежащей не ближе семи верстъ, гдѣ только и встрѣчаются обнаженія такой гнейсовой породы. Маякъ имѣетъ форму трапеціи, такъ какъ противоположныя стороны имѣютъ $4\frac{1}{2}$ и $3\frac{1}{2}$ саженей длины. При раскопкѣ г. Павлуцкій нашелъ: сперва глинистый песокъ до одной сажени глубины, подъ нимъ—слой изъ гнейсовыхъ плитъ (названный въ описаніи каменнымъ сводомъ), толщиною въ одинъ аршинъ. Подъ этимъ слоемъ, углубившись въ рыхломъ пескѣ на 2 аршина, напали на чрезвычайно хрупкія человѣческія кости: черепъ и ручныя кости, на сгнившую бересту и древесный уголь. Судя по величинѣ ручныхъ костей, онѣ принадлежали рослому человѣку.

Къ сѣверу отъ этого маяка, на довольно высокой горѣ, лежитъ цѣлая группа подобныхъ же маяковъ.

Далѣе къ З. отъ Кличкинскаго рудника, на склонѣ горы при устьѣ пади, т. е. горной долины Кондуй (не далеко отъ села Кондуевскаго), расположена еще группа до 37 маяковъ, обставленныхъ невысокими плитами.

---

[1]) Ibidem, стр. 97—98.—

[2]) Записки, кн. IX—X, стр. 475: статья А. Павлуцкаго, съ рисунками и планомъ мѣстности.

Немного далѣе, при устьѣ горной долины Боронъ-Кондуй, находится група изъ восьми маяковъ, обставленныхъ плитами изъ сланцоватаго песчаника.

Совершенно подобные маяки, числомъ до десяти, находятся при устьѣ смежной тутъ пади Колонъ.

Въ Минусинскомъ округѣ Енисейской губерніи, по описанію кн. Кострова [1], должны также находиться маяки въ большомъ количествѣ.

Въ Сагайской степи, верстахъ въ 7 или 8 отъ села Аскызскаго, недалеко отъ рѣки Абакана, впадающей въ Енисей, въ долинѣ находится множество маяковъ. Всѣ они (16 нѣсколько ниже остальныхъ) обставлены вертикальными камнями. Тутъ должно было находиться одно изъ обширнѣйшихъ кладбищъ древнѣйшаго времени. На одномъ изъ такихъ маяковъ (курганѣ) стоитъ гранитный камень въ три аршина вышины, на верхнемъ, остромъ концѣ котораго грубо высѣчено женское лицо. Этотъ камень извѣстенъ подъ названіемъ: большой старухи камень (Улукуртьякъ—тамъ).

Всѣ маяки, лежащіе вокругъ этого изваянія, были разрыты, какъ разсказываютъ близъ кочующіе инородцы. Не смотря на эту молву, одинъ маякъ разрытъ въ 1846 году, и въ немъ нашли только нѣсколько мелкихъ человѣческихъ костей.

Другая группа изъ четырехъ маяковъ находится вокругъ другаго изваянія, малой каменной дѣвки (Кичикъ-Кысъ—тамъ), напротивъ деревни Усть-Эси, около трехъ верстъ отъ горы Сары. Эти маяки обнесены плитами въ $1\frac{1}{2}$ и до $2\frac{1}{2}$ аршинъ вышины и всѣ были разрыты въ 1846 году, глубиною до 5 аршинъ, а въ окружности (мѣста раскопки) аршинъ до десяти. Грунтъ земли красно-глинистый, съ мелкими камнями, и во всѣхъ маякахъ ничего не найдено. Впрочемъ можно полагать, что они были уже прежде разрыты.

Если теперь взглянуть на общій видъ Сибирскихъ маяковъ и на внѣшную форму этихъ могилъ, то найдемъ большое сходство между ними и нѣкоторыми могилами въ Скандинавіи [2], состоящими изъ овальной насыпи, обставленной камнями.

Б.— Второй разрядъ каменныхъ могилъ, извѣстный подъ имѣнемъ сланцевъ [3], состоитъ изъ могилъ, покрытыхъ поверхъ земли горизонтально настланными плитами, но безъ всякихъ верти-

---

[1]) Записки. VII. стр. 77.

[2]) Fergusson, l. c. p. 288.

[3]) Записки Сибир. отд. II, стр. 94, 96.—Извѣстія Сибир. отд. VII, № 2—3. стр. 72.

кально стоящихъ камней, чѣмъ именно сланцы и отличаются отъ маяковъ. Подъ этимъ каменнымъ помостомъ, по замѣчанію Н. И. Попова, находится земля, а подъ этою землею—самая могила, аршина въ полтора глубины, выложенная боковыми плитами, какъ въ маякахъ.

На иныхъ мѣстностяхъ сланцы состоятъ изъ значительной площади, покрытой каменными плитами или камнями въ уровень съ землею, на другихъ они состоятъ изъ небольшой площадки, нѣсколько возвышенной въ родѣ плоскаго кургана, но все-таки сплошь вымощены камнями.

Относительно этихъ сланцевъ сдѣлано было замѣчаніе, что они попреимуществу расположены по долинамъ.

По теченію рѣки Уды, на серединѣ между станціями Кульскою и Тарабагатайскою, въ долинѣ находится нѣсколько подобныхъ насыпей, съ площадью обложенною камнями и представляющею форму параллелограмма, не возвышающагося надъ остальнымъ уровнемъ земли.

Одна такая насыпь была разрыта, длиною въ десять, шириною въ $5^3/_4$ аршина, и на глубину одной сажени. Въ землѣ попадалось мало щебня; а потомъ напали на человѣческія кости, съ головою обращенною на В.-В.-С. и руками также обращенными въ то же направленіе, между тѣмъ какъ ножныя кости лежали въ направленіи къ сѣверу. Вообще кости остава находились въ безпорядкѣ (не въ сидячемъ ли положеніи?), такъ какъ черепъ лежалъ на глубинѣ $1^1/_4$ аршина; нижняя челюсть немного далѣе къ В.-В.-С. и на четверть аршина глубже въ насыпи; руки и ноги (нижняя часть начиная отъ колѣнъ не сохранилась) лежали выше головы. Всѣ кости были очень рыхлы. Подъ черепомъ и позади его (т. е. у шеи) найдена спираль изъ чистаго золота, вѣсомъ въ $2^1/_2$ золотника. Еще ниже, между мелкими кусочками угля, лежали кучкою бусы, съ остаткомъ отъ нитокъ: навѣрно ожерелье [1]). Тутъ же, кое-гдѣ, замѣтны были какъ бы слои сгнившей одежды, покрывавшей покойника.

При разрытіи другой насыпи, сплошь покрытой двумя рядами плитокъ, въ уровень съ землею (на той же мѣстности, имѣющей въ длину 4, въ ширину 2 сажени, и лежащей въ направленіи отъ С.-З. къ Ю.-В.), на глубинѣ четырехъ футовъ найдены: человѣческій черепъ, теменемъ внизъ и отверстіемъ вверхъ; глазными отверстіями къ З. З.-Ю. Выше головы лежали позвонки; руки были крестъ-на-крестъ; далѣе найдены нижнія кости и много древеснаго угля [2]).

На правомъ берегу Уды въ урочищѣ Савеловъ Крестъ,

---

[1]) Представлены въ Отдѣленіе 2 августа 1855 г., за № 123.

[2]) Записки, II, стр. 98. Черепъ представленъ въ Отдѣленіе 10 ноября 1855 г.

въ разстояніи 12 и 15 верстъ отъ Верхнеудинска, разрыты были двѣ подобныя насыпи, одна на глубину $4^{1}/_{2}$, а другая—$2^{1}/_{2}$ аршина; но въ нихъ ничего не оказалось.

Повыше, по той же рѣкѣ Удѣ, много подобныхъ же насыпей, группами и уединенныхъ, лежали въ соснякѣ. Онѣ примѣтно возвышены надъ уровнемъ земли, но не обставлены вертикальными плитами.

Судя по описанію, я предполагаю, что эти насыпи напоминаютъ подобныя же насыпи въ Алжирѣ, также вымощенныя камнями, а иногда по краямъ вымощенныя болѣе крупными плитами (Таб. X). Но алжирскія насыпи круглыя, а тутъ онѣ четыреугольны.

Объ насыпяхъ вымощенныхъ камнями упоминаетъ г. Павлуцкій [1]) въ $1^{1}/_{2}$ версты отъ древнихъ чудскихъ горнъ, близъ Кличкинскаго рудника.

Наконецъ, любопытныя свѣдѣнія о сланцахъ находятся въ восьмомъ томѣ «Извѣстій Сибирскаго Отдѣла», въ путевыхъ запискахъ секретаря русскаго консула въ Ургѣ И. В. Падерина. Онъ пишетъ, что въ Монголіи явныхъ могилъ не видно; зато въ западной Монголіи, на мѣстностяхъ къ сѣверу отъ Улясутая, по дорогѣ на Гжиньгамликъ, а также къ Ю.-В. отъ Улясутая, древнія могилы изобилуютъ. Даже, со словъ самихъ Монголовъ видно, что такія же могилы встрѣчаются въ степи Гоби.

Первыя двѣ попались г. Падерину передъ выѣздомъ въ долину рѣки Байдорикъ. По описанію судя, нельзя съ точностію опредѣлить, слѣдуетъ ли отнести эти двѣ могилы къ настоящимъ маякамъ, или скорѣе къ сланцамъ. Во всякомъ случаѣ, онѣ имѣли нѣкоторыя совершенно своеобразныя особенности въ общей ихъ формѣ. «Обѣ могилы представляютъ возвышеніе изъ камней, говоритъ г. Падеринъ, съ оградкой около него изъ камней же, уложенныхъ то кругомъ, то четыреугольникомъ, то четыреугольникомъ съ уклонами, въ видѣ входовъ съ противоположныхъ сторонъ. Въ оградкѣ особенно выдаются четыре большихъ камня, смотрящіе на С.-З., С.-В., Ю.-З. и Ю.-В.»

Затѣмъ, продолжаетъ г. Падеринъ, стали попадаться такія могилы цѣлыми группами, и въ особенности ихъ много по дорогѣ изъ Урги къ Улясутаю, при станціяхъ Убуръ-Гжиргаланту, Ару-Гжиргаланту, Баянтуголь и Даганъ-Дэлэ. Кромѣ этихъ могилъ, онъ описываетъ еще двѣ могилы, которыя любопытны по сходству съ могилами въ Индіи. Г. Падеринъ называетъ эти могилы кучами камней, съ прямо стоящими среди нихъ продолговатыми камнями, около двухъ арш. вышиною. На одной изъ нихъ, сдѣлано на одномъ изъ стоячихъ камней грубое изображеніе птицы или дракона.

[1]) Записки. IX—X, стр. 500

При раскопкѣ одной изъ такихъ могилъ, устланныхъ камнями, нашли: сперва рядъ камней, потомъ слой мягкой земли, затѣмъ большія плиты и наконецъ, на глубинѣ 2 или $1^3/_4$ арш., подъ небольшимъ слоемъ глинистой почвы, достигли до человѣческаго костяка, лежащаго на спинѣ по направленію съ С.-З.-З. къ Ю.-В.-В., съ руками крестообразно расположенными. При немъ не найдено никакихъ вещей. По осмотрѣ черепа, И. Д. Черскій призналъ его за брахицефальный, безъ всякихъ особенныхъ уклоненій отъ нормы человѣческаго типа.

Другая раскопка, произведенная г. Леоновымъ [1]) въ полторы версты на С.-В. отъ Ново-Селенгинска, сообщаетъ намъ любопытныя подробности объ устройствѣ настоящихъ сланцевъ.

Сланецъ (Таб. X, рис. 6 и 6 а), насыпанный изъ земли, лежалъ на срединѣ сѣвернаго склона горы, обращеннаго къ югу. Сверху набросаны безъ всякой симметріи каменья разной величины; только вершина довольно правильно уставлена плитами въ $1^1/_2$ до $2^1/_2$ арш. вышины и отъ 1 до 2 арш. ширины. У основанія курганъ обложенъ камнями по правильному кругу, и независимо отъ этого круга, въ разстояніи 40 ф. отъ кургана, другое кольцо изъ камней, съ проходомъ на С.-С.-В., въ 17 ф. 10 дюйм. ширины. Въ семи съ половиною саж. отъ центра кургана и недалеко отъ наружнаго кольца, какъ на С. такъ и на Ю., симметрично расположены по три кружка изъ камней безъ насыпи, каждый въ четыре фута въ діаметрѣ и одинъ отъ другаго въ 8 ф. 7 дюйм. Сбросивши съ кургана камни, выворотивши стоячія плиты вокругъ вершины и снявши плиты и камни, положенные горизонтально, начали копать въ центрѣ кургана. Сначала шелъ слой чернозема, примѣрно въ $1^1/_2$ ф., далѣе суглинокъ. Вырытая яма была 8 ф. 5 д. въ діаметрѣ и 6 ф. 2 д. глубины; и кромѣ того со дна былъ вырытъ колодезь въ аршинъ глубины. Найдено было только немного сгнившихъ костей, разсыпавшихся отъ прикосновенія, такъ что невозможно было опредѣлить, чьи онѣ. Разрытъ былъ также одинъ изъ маленькихъ кружковъ, на 4 ф. глубины; но кромѣ сгнившихъ камней тоже ничего не найдено.

Второй разрытый сланецъ лежалъ на противоположной, южной сторонѣ долины, у подошвы горы. Устройство и расположеніе плитъ— какъ въ первомъ; и найдено было, кромѣ костей человѣческихъ, лошадиныхъ, бараньихъ и тарбаганьихъ, нѣсколько черепковъ глиняной посуды. Составить изъ костей что-либо полное было невозможно, такъ какъ онѣ и человѣческій черепъ раздавлены были положенными на нихъ плитами.

Тотъ же г. Леоновъ разрылъ маякъ на этой же мѣстности, въ

[1]) Тамъ же, стр. 123.

которомъ, при отсутствіи всякихъ костей, найдены только (на глубинѣ 2 ф. 7 дюйм.) костяной наконечникъ стрѣлы и костяная же фигура въ видѣ эллипсиса, съ круглымъ отверстіемъ въ серединѣ. Оба предмета поступили въ музей Сибирскаго Отдѣла.

3. Къ третьему разряду каменныхъ могилъ принадлежатъ, по мнѣнію Н. И. Попова, такъ называемые творильные курганы, которые, вѣроятно, только по формѣ различествуютъ отъ кольцеобразныхъ насыпей, описываемыхъ г. Давыдовымъ [1]).

Н. И. Поповъ пишетъ, что творильные курганы, такъ прозванные по сходству съ творильнею или ямою съ срубомъ, въ которой мѣсятъ известь, состоятъ изъ квадратнаго пространства отъ 4 до 5 саж., съ ровною поверхностію, безъ насыпи, обведеннаго стоймя врытыми на сажень въ землю плитами, такъ что онѣ едва видны на поверхности. Въ срединѣ этого пространства, подъ небольшимъ слоемъ земли, находится могила, почти одинакой глубины съ врытыми плитами. Кромѣ того, и самая могила иногда обложена камнями, иногда нѣтъ.

Съ своей стороны г. Давыдовъ описываетъ только круглыя насыпи, упоминая, впрочемъ, о концентрическомъ кругѣ изъ врытыхъ отвѣсно въ землю плитъ, почти не выдающихся надъ поверхностію земли. Онъ говоритъ, что эти могилы сложены на поверхности земли изъ дикихъ камней или мелкихъ плитъ, безъ всякаго цемента, значительно возвышаются надъ землею и образуютъ на серединѣ пустоту. Обыкновенно стѣнки ихъ внизу очень толсто сложены, и постепенно утончаются кверху.

Мнѣ кажется, что эту форму могилы слѣдуетъ признать за переходную форму между сланцами и настоящими творильными могилами. Впрочемъ, можно отчасти сравнить эти могилы переходной формы, кольцеобразной съ подобными же воронкообразными сооруженіями, находящимися въ Индіи, въ горахъ Нилагира [2]), и въ другихъ мѣстностяхъ.

Въ урочищѣ Савеловъ крестъ, на правой сторонѣ рѣки Уды, въ 12 и 15 верстахъ отъ Верхнеудинска, между насыпями втораго разряда находятся нѣсколько кольцеобразныхъ насыпей, частію разрушенныхъ, которыя Буряты считаютъ за юрты древнихъ Монголовъ.

Въ 22 верстахъ отъ Верхнеудинска, въ долинѣ и на возвышеніяхъ по рѣкѣ Иволгѣ, между станціями Иволгинскою и Кмочевскою находятся, близъ описанныхъ маяковъ, также и кольцеобразныя насыпи. Въ одной изъ такихъ насыпей, сложенной изъ обломковъ плитняка безъ цемента и находящейся къ В.

---

[1]) Записки Сибпр. Отд. II, стр. 97.

[2]) International Congrès 1868, p. 257. Waring. Monuments, pl. 63, fig. 6.

отъ маяковъ на горѣ (окружность у верха $37\frac{1}{2}$ арш., стѣна въ основаніи толщиною въ 6 арш., у вершины до 2 аршинъ) середина была пустая, дно вымощено неотчетливо плитами и камнями. Углубившись здѣсь болѣе чѣмъ на аршинъ, ничего не было найдено.

Далѣе на сажень отъ основанія этого сооруженія, какъ замѣчаетъ г. Давыдовъ, находится концентрическій кругъ изъ камней, всаженныхъ отвѣсно въ землю, но почти не выдающихся надъ нею.

Въ другой близь лежащей насыпи, немного менѣе предыдущей, на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ аршина, не найдено ничего, кромѣ небольшаго просверленаго камня (молотокъ?).

Въ третьей, круглой, такой же насыпи, послѣ разборки помоста изъ плитъ, въ слою щебня найдена желѣзная, грубой отдѣлки, вещь, напоминающая удила [1]).

Въ Иркутской губерніи, на луговой равнинѣ возлѣ Оки, видны кучи булыжниковъ, наложенныхъ по окружности правильно кругами или овалами, въ діаметрѣ 2 метра (около 1 саж.); овальная того же діаметра, а въ длину въ 3 метра. По преданію, тутъ жила «Чудь». [2]).

Несмотря, что мы имѣемъ такъ мало точныхъ свѣдѣній о каменныхъ могилахъ Сибири, однако всѣ путешественники, сколько нибудь занявшіеся раскопками могилъ, согласны, что каменныя могилы Сибири, т. е. маяки, сланцы и творильные курганы, принадлежатъ къ гораздо болѣе древней эпохѣ, чѣмъ остальные два вида могилъ, извѣстныхъ подъ названіями земляныхъ могилъ и киргизскихъ могилъ.

Послѣ обзора могильныхъ памятниковъ, мнѣ остается только сказать о стоячихъ камняхъ, которые могутъ быть сравнены съ менхирами Бретаньи. Они, въ Сибири, состоятъ обыкновенно изъ плиты, или камня, имѣющаго форму плиты, поставленныхъ отвѣсно въ видѣ прямаго столба.

Подобный памятникъ находился на рѣкѣ Иволгѣ, между Иволгинскою и Ключевскою станціями, въ 22 верстахъ отъ Верхнеудинска. Плита лежала плашмя, говоритъ г. Давыдовъ [3]), но, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, извѣстно было, что за нѣсколько лѣтъ эта плита стояла на ребрѣ по длиннику и что возлѣ нея было какъ бы углубленіе отъ осѣвшейся земли. Плита сдѣлана изъ песчаника, длиною въ 5 аршинъ съ небольшимъ, шириною въ 1 аршинъ $2\frac{1}{2}$ вершка и толщиною въ 4 вершка. На ней нарѣзаны начертанія

---

[1]) Представлена въ отдѣленіе 10 ноября 1855.

[2]) Записки. IX—X, стр. 57.

[3]) Записки. II, стр. 90, 94.

по обѣимъ сторонамъ, и даже по самымъ ребрамъ, и ясно, что она была предназначена къ постановкѣ отвѣсно на узкій ея конецъ, потому что около этого конца не сдѣлано никакихъ начертаній (Таб. X, рис. 3). Въ углубленіи, бывшемъ около плиты, на полъ-аршина глубины найденъ былъ лошадиный оставъ безъ головы, а затѣмъ до самаго грунта ничего болѣе не оказалось.

Другая такая же плита или менхиръ находился на Санномъ мысѣ, на правомъ берегу рѣки Уды, на серединѣ между станціями Кульскою и Тарабагатайскою. Въ углу одного изъ маяковъ стоитъ плита, подобная Иволгинской, но меньшаго размѣра и болѣе грубой отдѣлки. Начертанія находятся только на одной сторонѣ, обращенной на югъ.

Третій менхиръ. Въ Нерчинскомъ округѣ, около Карійскаго золотаго промысла, близь рѣки Кары, находится, надъ Бичикъ, въ утесахъ, стоячая каменная плита съ красною на ней надписью, которую доселѣ не могли еще разобрать. Г. Павлуцкій [1]) замѣчаетъ, что «наклоненное положеніе этой плиты способствовало къ сохраненію красокъ надписи отъ разрушенія. Но эта надпись, начертанная красною краскою, не можетъ быть весьма глубокой древности, хотя народная молва и считаетъ ее «чудскою».

Теперь, послѣ обзора всѣхъ памятниковъ Сибири, которые можно причислить къ мегалитическимъ, я долженъ замѣтить, что между всѣми описанными мегалитическими памятниками доселѣ не было найдено ни единаго дольмена. Конечно, не слѣдуетъ при этомъ забывать, что вообще археологическія изслѣдованія древностей Сибири далеко не полны, и далеко не коснулись до всѣхъ тѣхъ подробностей, которыя необходимы какъ матеріалъ для археологической науки. Такимъ образомъ нельзя еще сдѣлать окончательнаго вывода объ отсутствіи дольменовъ на всемъ протяженіи Сибири. Однако, и сохраняя даже надежду впослѣдствіи найти дольмены, мы все-таки должны сознаться, что эта форма мегалитическихъ памятниковъ не была преобладающею формою въ Сибири, такъ какъ многочисленные путешественники часто встрѣчали маяки и другіе могильные памятники, но о дольменахъ или каменныхъ столахъ никто изъ нихъ не упоминаетъ. Если теперь нельзя уже отрицать, что дольменовъ въ Сибири мало, или вовсе нѣтъ, то во всякомъ случаѣ такое отсутствіе этой главной—даже можно сказать, основной—формы мегалитическихъ памятниковъ служитъ, по моему мнѣнію, весьма яркимъ признакомъ своеобразной особенности въ развитіи культуры у Сибирскихъ

---

[1]) Записки. IX—X, стр. 506—507.

племенъ. Всѣ остальныя формы мегалитическихъ памятниковъ составляютъ какъ бы повторенія всѣхъ тѣхъ сооруженій, которыя мы встрѣчаемъ въ Индіи. Даже общій видъ многочисленныхъ маяковъ Минусинской степи вполнѣ передаетъ картину такихъ же памятниковъ въ долинѣ Кассія въ Индіи. Между ними одно только различіе: отсутствіе дольменовъ въ Сибири. При такомъ явномъ сходствѣ, но также и при извѣстномъ различіи, нельзя не признать, до извѣстной степени, вліяніе индійскихъ памятниковъ на форму сибирскихъ. За тѣмъ, кромѣ такого вліянія, трудно допустить болѣе близкихъ причинъ для объясненія взамнаго между ними сходства. Племена, строившія мегалитическіе памятники въ Сибири, сохранили, вѣроятно, тѣ же формы изъ воспоминанія болѣе древнихъ временъ, но потомъ они жили и развивались на совершенно иныхъ основаніяхъ, чѣмъ племена, населившія Индію. Однимъ словомъ, я полагаю, что это сходство въ нѣкоторыхъ общихъ формахъ мегалитическихъ памятниковъ восходитъ до временъ, когда всѣ разселившіяся племена Азіи обитали еще вмѣстѣ, на центральной возвышенности. Я даже полагаю, что такая древность подтвердится новыми и болѣе научными изслѣдованіями, когда откроютъ могилы съ одними каменными орудіями. Если въ сланцѣ близъ Новоселенгинска найдены были только костяныя орудія, то находка такая очень приближаетъ самый памятникъ къ эпохѣ каменнаго періода. Впрочемъ, даже находка бронзовыхъ издѣлій въ мегалитическихъ памятникахъ Сибири не можетъ служить доказательствомъ большаго промежутка времени между ихъ сооруженіемъ и каменнымъ періодомъ, въ особенности если припомнимъ, что металлическій періодъ начался въ Азіи несравненно раньше, чѣмъ въ Европѣ. Если, по мнѣнію Лепціуса, за 4000 лѣтъ до Р. Х. азіатскіе выселенцы ковали въ Египтѣ метеорическое желѣзо; если прежде 2000 лѣтъ и не позднѣе 1800 лѣтъ до Христа другіе выселенцы Азіи на островѣ Санторинѣ пользовались уже мѣдными орудіями: то сколько же лѣтъ прежде этихъ переселеній, извѣстна уже была обработка металловъ на общей азіатской родинѣ, изъ которой эти выходцы принесли съ собою не только знаніе такого открытія, но несомнѣнно также и образцы своихъ металлическихъ издѣлій?

По этимъ причинамъ, мы вправѣ ожидать отъ научныхъ изслѣдованій мегалитическихъ памятниковъ Сибири любопытныхъ свѣдѣній для поясненія этого вопроса, а потому не можемъ еще разъ не выразить желанія, чтобы люди науки обратили особенное вниманіе на памятники этого рода, которые въ такомъ большомъ количествѣ встрѣчаются въ азіатскихъ владѣніяхъ Россіи.

(*Окончаніе въ слѣдующемъ выпускѣ*).

ПРОТОКОЛЫ

ЗАСѢДАНІЙ

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

№ 124. 1876 года 29 ноября. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, Н. А. Артлебена, барона Ѳ. А. Бюлера, А. Н. Веселовскаго, И. И. Гавельки, Д. И. Иловайскаго, И. Д. Мансветова, В. Ѳ. Миллера, Н. П. Розанова, графа М. В. Толстаго, С. Н. Усова и секретаря Общества В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Доложены нижеслѣдующія поступившія въ Общество бумаги:

а) Отъ Организаціоннаго Комитета 3-го Международнаго Съѣзда оріенталистовъ въ С. Петербургѣ—отношеніе, при которомъ Комитетъ препровождаетъ въ Общество слѣдующія книги и брошюры, принесенныя въ даръ Съѣзду:

1) Палестина и Синай, В. Н. Хитрово. С.-Петербургъ, 1876. 2) О скиѳскомъ народѣ Сакахъ, В. В. Григорьева. С.-Петербургъ, 1871. 3) Объ арабскомъ путешественникѣ X вѣка Абу-Долефѣ, В. В. Григорьева. С.-Петербургъ, 1872. 4) Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, томъ 12. С.-Петербургъ, 1876. 5) Россія и Азія, В. В. Григорьева. С.-Петербургъ, 1876. 6) Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности, Л. Костенко. С. Петербургъ, 1870. 7) О первыхъ монгольскихъ монетахъ сельджукскаго типа, В. В. Григорьева. С..Петербургъ, 1861. 8) Неизданныя монеты Уйгурскихъ владѣльцевъ Мавераннагра, В. В. Григорьева. Казань, 1863. 9) Камень-писанецъ, Булычева. Екатеринбургъ, 1874 и 10) Quelgues mots pour servir à l'histoire des cimetières musulmans et des mosquées tartares, par Stanislas Siennicki. Warsovie, 1876.

Опредѣлено: благодарить г. Предсѣдателя Организаціоннаго Комитета за высылку означенныхъ книгъ.

б) — профессора Варшавскаго университета А. И. Павинскаго—письмо на имя предсѣдателя, съ просьбою выразить Обществу благодарность за избраніе его въ дѣйствительные члены Московскаго Археологическаго Общества.

в) — члена корр. А. В. Рачинскаго—предложеніе Обществу сдѣлать сношеніе съ завѣдующимъ гражданскими дѣлами при Главнокомандующемъ дѣйствующею арміей о томъ, чтобы при его управленіи имѣлось въ виду намѣчать тѣ археологическіе памятники, которые сохранились отъ истребленія ихъ турками и небрежности мѣстныхъ жителей.

Опредѣлено: вполнѣ сочувствуя предложенію А. В. Рачинскаго, Общество полагаетъ принять до времени его заявленіе къ свѣдѣнію, и при первой возможности дать ему надлежащій ходъ.

3. Секретарь представилъ на разсмотрѣніе собранія новый рисунокъ предполагаемыхъ передѣлокъ въ нижнемъ этажѣ стариннаго зданія, принадлежащаго Петровскому монастырю, представленный въ Общество арендаторомъ этого зданія, г. Ланге.

По разсмотрѣніи рисунка опредѣлено: увѣдомить Московскую Городскую Управу, что означенный рисунокъ Общество нашло въ археологическомъ отношеніи удовлетворительнымъ.

4. Прочитано сообщеніе, доставленное д. чл. Н. А. Артлебеномъ, о нѣмецкомъ надгробномъ памятникѣ XVI вѣка, найденномъ въ Троицкой церкви во Владимірѣ на Клязьмѣ (съ приложеніемъ рисунка).

«Въ засѣданіи Московскаго Археологическаго Общества, говоритъ авторъ означеннаго сообщенія, бывшемъ 8 минувшаго октября, была читана замѣтка о надгробномъ камнѣ съ нѣмецкою надписью XVI вѣка, найденномъ около Казанской церкви у Калужскихъ воротъ, въ Москвѣ. Замѣчательно, что почти въ одно и то же время, въ маѣ нынѣшняго года, подобный памятникъ старины, изображенный въ представляемомъ мною рисункѣ, былъ открытъ въ приходской Троицкой церкви во Владимірѣ, при перестилкѣ въ ней каменнаго пола. Когда была разобрана находившаяся передъ иконостасомъ солея, я замѣтилъ на нижней сторонѣ одной изъ ея ступеней рельефныя готическія буквы, а потомъ рабочіе принесли еще два ступенные камня, взятые уже ими для перетески. Оказалось, что эти три камня съ буквами составляли прежде одну и ту же надгробную плиту, которая при передѣлкѣ ея на ступени была разрублена вдоль на двѣ половины. Но такъ какъ обѣ половины плиты по формѣ своей были клинообразны и въ такомъ видѣ употребить ихъ на ступени не представлялось удобнымъ, то излишекъ ширины въ клиньяхъ и былъ оттесанъ, а чрезъ это пропала вся средина надписи. Чтобы возстановить первоначальную форму плиты и видѣть, насколько утрачена надпись, нужно отдѣльные куски расположить такъ, какъ представлено въ рисункѣ. Первыя строки надписи довольно ясны: Anno Dnī MDLXXV (1575) den XIX f...ua. Въ означеніи года другая цифра X утрачена, а остатокъ цифры V виденъ на правой половинѣ плиты. Въ послѣдней строчкѣ, гдѣ недостатокъ буквъ меньше, также ясно слово entsl...en=entschlafen. Но вообще надпись прочесть трудно, потому что буквы частію выбиты, частію стерты.

Предполагалось камни эти употребить въ дѣло на тѣ же ступени, при чемъ не обошлось бы безъ новой ихъ притески; но по моей просьбѣ они оставлены нетронутыми и вдѣланы въ наружную стѣну церкви.

По формѣ и украшеніямъ своимъ этотъ нѣмецкій памятникъ совершенно сходенъ съ современными ему русскими надгробными камнями.

Троицкая церковь, находящаяся въ самомъ центрѣ города, такъ называемомъ Кремлѣ, построена въ первой половинѣ прошлаго вѣка, на мѣстѣ бывшей до того времени деревянной. Вѣроятно камень находился на приходскомъ кладбищѣ и былъ употребленъ на ступени во время постройки существующей церкви».

Опредѣлено: благодарить д. чл. Н. А. Артлебена за сдѣланное имъ сообщеніе и передать оное въ Редакціонный Комитетъ.

5. Г. предсѣдатель заявилъ, что д. чл. В. Б. Антоновичъ проситъ Общество о высылкѣ ему свидѣтельства на раскопки валовъ въ Кіевской и Волынской губерніяхъ, извѣщая, что такое же свидѣтельство можетъ быть выслано и г. Карпову на предпринимаемыя имъ раскопки въ Полтавской губерніи.

Опредѣлено: выслать означенныя свидѣтельства В. Б. Антоновичу и г. К. Карпову.

6. Г. предсѣдатель сообщилъ, что, въ качествѣ депутата отъ Московскаго Археологическаго Общества, онъ присутствовалъ на первомъ засѣданіи Высочайше назначенной Коммиссіи о мѣрахъ къ сохраненію памятниковъ древности, и затѣмъ прочиталъ выработанный въ этомъ засѣданіи проэктъ правилъ о приведеніи въ извѣстность этихъ памятниковъ и наблюденіи за ихъ сохраненіемъ.

7. Г. предсѣдатель представилъ на разсмотрѣніе Общества планъ и рисунки съ фресокъ двухъ вновь открытыхъ катакомбъ въ Митридатовой горѣ, въ Керчи. Фрески этихъ катакомбъ одного стиля и одинаковой орнаментовки съ фресками катакомбы, изслѣдованными В. В. Стасовымъ въ послѣднемъ отчетѣ Императорской Археологической Коммиссіи.

8. Д. чл. С. А. Усовъ изложилъ свои соображенія о древне-русскихъ моноксилахъ, или однодеревкахъ, и на основаніи ихъ пришелъ къ заключенію, что моноксилами назывались не лодки, выдолбленныя изъ одного цѣльнаго дерева, а суда съ одною мачтой.

По поводу этого сообщенія д. чл. Д. И. Иловайскій сдѣлалъ съ своей стороны нѣсколько дополненій, а д. чл. В. Ѳ. Миллеръ замѣтилъ, что русскія суда могли называться моноксилами, какъ сдѣланныя изъ одного только деревяннаго матеріала, безъ всякой примѣси металла.

9. Г. предсѣдатель сообщилъ свѣдѣнія о пещерныхъ жилищахъ въ Моравіи близъ станціи Бланско, которыя онъ имѣлъ случай изслѣдовать прошлымъ лѣтомъ вмѣстѣ съ чл.-кор. Общества д-ромъ Ванкелемъ. Вниманіе изслѣдователей было обращено на пещеры, извѣстныя подъ названіями: Столбовой, Евиной, Випустекъ и въ особенности называющейся «Бичи скала» (бычачья скала). Послѣдняя въ высшей степени замѣчательна по богатству сдѣланныхъ въ ней находокъ, представляющихъ обрядъ погре-

бенія (чрезъ трупосожженіе) на бронзовой колесницѣ какого-то знатнаго лица, и приношеніе при этомъ обрядѣ въ жертву молодыхъ женщинъ.

№ 125. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ экстренномъ засѣданіи избраны были въ члены корреспонденты: Евплъ Титовичъ Соловьевъ (въ Казани), Александръ Васильевичъ Антоновъ (въ Рязани) и д-ръ Іосифъ Виттманнъ (въ Майнцѣ).

№ 126. 21 декабря 1876 года. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: Е. В. Барсова, К. К. Гёрца, Л. В. Даля, И. Е. Забѣлина, Д. И. Иловайскаго, Н. В. Калачова, В. О. Ключевскаго, Д. А. Корсакова, И. Д. Мансветова, А. А. Мартынова, В. Ѳ. Миллера, Н. П. Розанова, Д. А. Самоквасова, графа М. В. Толстаго и секретаря Общества В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Секретарь доложилъ о поступленіи слѣдующихъ приношеній книгами:

а) Отъ книгопродавцевъ Майера и Миллера: Katalog XX. Bücher-Verzeichniss von Mayer und Müller in Berlin.

б) — Олонецкаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Указатель къ Олонецкимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ (1871—1875). Сост. К. М. Петровъ. Петрозаводскъ, 1876.

в) — Нижегородскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Протоколъ его засѣданія 8 октября 1876 года.

г) — Археологической Коммиссіи, состоящей при Псковскомъ Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ: Протоколъ ея засѣданія 20 мая 1876 года

д) — чл.-кор. К. Евлентьева: 1) Краткая историческая записка объ архивахъ упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ Псковской губерніи. Псковъ, 1876. 2) Указатель вещественныхъ памятниковъ древности и старины, церковныхъ и гражданскихъ, въ губ. городѣ Псковѣ и его окрестностяхъ. Псковъ, 1875.

е) — Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія: сочиненіе, доставленное Бразильскимъ посланникомъ: L'empire du Brésil à l'exposition universelle de 1876 à Philadelphie. Rio de Janeiro. 1876.

ж) Казанскаго Университета: Извѣстія и ученыя записки, № 6 (ноябрь—декабрь). Казань, 1876.

з) — Временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ: Архивъ юго-западной Россіи. Часть 6, томъ 1 (съ приложеніемъ въ особой книгѣ). Кіевъ, 1876.

и) — Харьковскаго Университета: Записки, томъ I. Харьковъ, 1876.

і) — Министерства Народнаго Просвѣщенія: Журналъ за декабрь 1876. С.-Петербургъ, 1876.

к) — д. чл. В. Ягича: Archiv für slavische Philologie. Herausgegeben von V. Jagić. Zweiter Band, erstes Heft. Berlin, 1876.

л) — Копенгагенскаго Общества Сѣверныхъ Антикваровъ: 1) Aarboger for Nordisk Oldkyndighed og historie, 1875 (4 тетради) и 1876 (первыя двѣ тетради). Kjöbenhavn, 1875—76. 2) Tillaeg til Aarböger. Aargang, 1874. Kjöbenhavn, 1875.

м) — Югославянской Академіи: Starine, knjiga VIII. U Zagrebu, 1876.

н) — д. чл. Н. П. Розанова: Церковь Архангела Гавріила въ Москвѣ на Чистомъ прудѣ, или Меншикова башня. Историческое изслѣдованіе Н. П. Розанова. Москва, 1877.

о) — Археологическаго Общества во Львовѣ: Przegląd archeologiczny. Rok 1, zeszyt 3, 15 grudnia 1876. Lwów, 1876.

п) — Лондонскаго Музея: A new catalogue of miscellaneous books. London, january 1877, № 306.

б) вещами:

Отъ д-ра Смирнова: бронзовая медаль въ память основанія Московскаго Университета.

Опредѣлено: выразить жертвователямъ благодарность Общества.

3. Доложены слѣдующія поступившія въ Общество бумаги:

а) Отъ Нижегородскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: циркулярное отношеніе, въ которомъ Комитетъ, согласно заявленію своего секретаря г. Гацисскаго, выражаетъ желаніе, чтобы ученыя общества и учрежденія, посылая своихъ членовъ для какихъ либо изслѣдованій въ Нижегородскую губернію, давали знать о томъ Комитету, въ видахъ обоюдной пользы, такъ какъ съ одной стороны Комитетъ могъ бы своевременно ознакомиться съ предпринимаемыми изслѣдованіями по губерніи, а съ другой—могъ бы и самъ оказать изслѣдователямъ свое содѣйствіе.

Опредѣлено: принять это заявленіе къ свѣдѣнію и исполненію.

б) — Временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ при управленіи Кіевскаго генералъ-губернатора—отношеніе, съ просьбою о высылкѣ для ея библіотеки изданій Московскаго Археологическаго Общества.

Опредѣлено: выслать въ Комитетъ всѣ шесть томовъ «Древностей».

4. Г. предсѣдатель доложилъ о работахъ Коммиссіи по сохраненію памятниковъ и прочелъ проектъ выработанныхъ правилъ о сохраненіи историческихъ памятниковъ.

Д. чл. Д. Я. Самоквасовъ при этомъ замѣтилъ, что наши курганы, принадлежа къ числу важнѣйшихъ археологическихъ памятниковъ, требуютъ также самой заботливой охраны. Порча кургановъ для науки невознаградима. Между тѣмъ они подвергаются у насъ порчѣ не только отъ распашекъ, на нихъ производимыхъ, и отъ кладоискателей, но часто и отъ неумѣлыхъ и ненаучныхъ раскопокъ, которыя принимаютъ на себя лица мало или вовсе къ тому не подготовленныя. По мнѣнію Д. Я. Самоквасова, необходимо оградить на будущее время наши курганы отъ подобныхъ рас-

копокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ дополненіе къ инструкціямъ, составленнымъ для раскопокъ на Кіевскомъ Археологическомъ Съѣздѣ, выработать и установить такія правила, при которыхъ курганныя раскопки могли бы приносить дѣйствительную пользу наукѣ. Съ цѣлью содѣйствія къ выработкѣ правилъ, Д. Я. Самоквасовъ предполагаетъ внести на разсмотрѣніе и обсужденіе будущаго IV Археологическаго Съѣзда въ Казани нижеслѣдующіе вопросы:

1. Какія учрежденія должны имѣть право раскопокъ?

2. Какой предварительной подготовкой должны обладать лица, командируемыя для раскопокъ?

3. Не должны ли раскопки быть производимы коммиссіями, состоящими изъ археологовъ и естествоиспытателей?

4. Каковы должны быть общія правила дневника раскопокъ, обязательныя для всѣхъ изслѣдователей древнихъ земляныхъ насыпей?

5. Гдѣ должны быть хранимы матеріалы, добываемые путемъ раскопокъ, и не должны ли эти матеріалы составлять государственную собственность?

Опредѣлено: сообщить о настоящемъ заявленіи Предварительному Комитету IV Археологическаго Съѣзда въ Казани, съ препровожденіемъ и самыхъ вопросовъ, предложенныхъ д. чл. Д. Я. Самоквасовымъ.

5. Д. чл. И. Д. Мансветовъ изложилъ соображенія относительно самаго происхожденія и смысла старорусскаго обычая постриговъ, и указалъ на его главныя бытовыя формы, сохранившіяся въ обрядовомъ стриженіи волосъ у новорожденныхъ, затѣмъ—при переходѣ ихъ въ отроческій возрастъ, также во время брачныхъ церемоній и въ обрядахъ похоронныхъ. Исходя изъ той мысли, что снятіе волосъ есть ничто иное, какъ смягченная форма первоначальнаго жертвеннаго акта, референтъ указалъ сначала на культовое значеніе постриговъ въ античномъ и византійскомъ мірѣ, а затѣмъ перешелъ къ объясненію старорусскаго обряда постриговъ и сажанія на коня, совершавшихся надъ дѣтьми великокняжескими. Обычай этотъ, о которомъ не разъ упоминаютъ наши лѣтописи, по мнѣнію его, есть не что иное, какъ продолженіе древнерусскаго обряда стричь волосы у мальчиковъ при достиженіи ими совершеннолѣтія. У Византійцевъ эти постриги были также въ употребленіи, подъ именемъ κουροσύνη, и составляли семейный праздникъ, справлявшійся ежегодно въ память этого событія. Нѣкоторыя подробности относительно этого обряда референтъ сообщилъ на основаніи одной статьи изъ рукописи Академическаго требника, въ которомъ этотъ обрядъ излагается отдѣльно отъ крещальныхъ постриговъ и въ такихъ выраженіяхъ, которыя показываютъ, что совершался онъ надъ мальчикомъ, уже вступившимъ въ сознательную пору жизни. Кумъ, вмѣстѣ съ матерью и провожатыми присутствовавшій при этой церемоніи, принималъ на полотно снятые священникомъ волосы. Въ византійской и старорусской символикѣ принятіе какой-либо вещи на полотно означаетъ особенное къ ней уваженіе и священный, почетный характеръ того лица, отъ котораго она передавалась или кому вручалась. Затѣмъ референтъ перешелъ къ бытовой сторонѣ постриговъ, которые у насъ въ старину совер-

шались на Семенъ-день (1 сентября) и состояли въ томъ, что кумъ выстригалъ гуменцо на макушкѣ своего крестника, сажалъ его на коня и, держа подъ уздцы лошадь, водилъ по двору съ разными церемоніями. Обычай этотъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сохраняется и доселѣ. Сообщеніе было заключено нѣсколькими замѣчаніями о значеніи гуменца.

6. Д. чл. Д. Я. Самоквасовъ, напомнивъ о разрытыхъ имъ Черниговскихъ курганахъ, изложилъ кратко свои выводы объ эпохѣ и народности этихъ кургановъ, на основаніи найденныхъ въ нихъ монетъ и вещей. Затѣмъ онъ сообщилъ свѣдѣнія о результатахъ раскопокъ, произведенныхъ имъ прошлымъ лѣтомъ въ Коневскомъ уѣздѣ Кіевской губ. на берегахъ р. Россавы, при впаденіи ея въ рѣку Рось. Въ этой любопытной по самымъ своимъ названіямъ мѣстности сохранились слѣды многочисленныхъ кургановъ, уничтоженныхъ плугомъ или ограбленныхъ кладоискателями. Не смотря на то, Д. Я. Самоквасову удалось найти нѣсколько могилъ съ содержаніемъ, почти еще нетронутымъ. Такъ, въ курганѣ у самаго устья Россавы, отрытъ имъ обгорѣлый срубъ, а въ немъ обугленный человѣческій оставъ. Въ головахъ его стояли три глиняныхъ сосуда съ орнаментами, а въ правой сторонѣ могилы лежали 3 кремневыхъ орудія: копье, наконечникъ стрѣлы и ножикъ. Въ насыпи подъ срубомъ найдено множество обломковъ рѣчныхъ раковинъ. Въ другомъ курганѣ, въ $1^1/_2$ версты отъ перваго, на берегу Роси, въ верхней части насыпи отрыта могила, заключавшая въ себѣ погребеннаго человѣка съ лошадью, а при нихъ желѣзные остатки сбруи и разнаго оружія, а также половина золотой византійской монеты. Но ниже этой могилы, на материкѣ, оказалась древнѣйшая могила съ остатками сожженнаго покойника, углемъ, двумя длинными сосудами, двумя бронзовыми наконечниками стрѣлъ и кучкою яичныхъ скорлупъ. Въ третьемъ курганѣ, на берегу р. Россавы, въ 2 верстахъ отъ перваго, отрыты также въ верхнемъ слоѣ оставы человѣка и лошади, а при нихъ желѣзныя принадлежности сбруи и вооруженія, серебрянная бляха, стеклянныя бусы и золотая шпилька. Затѣмъ въ насыпи, ниже этой могилы, найденъ бронзовый наконечникъ стрѣлы, а ниже материка—гробница древнѣйшей эпохи, обнесенная частоколомъ въ 5 аршинъ глубины и 6 аршинъ длины и ширины. Сверху эта гробница была закрыта деревянными брусьями, сгнившими и провалившимися на дно ея. На днѣ найдены: разбросанный человѣческій оставъ, до ста золотыхъ и каменныхъ бусъ, отдѣланная въ золото каменная привѣска, 10 золотыхъ узорчатыхъ бляхъ, 20 игральныхъ косточекъ, 2 терракотовые черепка и слѣды двухъ похищенныхъ сосудовъ. Въ южномъ углу гробницы обнаруженъ подкопъ и найденъ оставъ убитаго обваломъ молодаго похитителя, у правой кисти котораго лежало 12 золотыхъ и каменныхъ бусъ: на лѣвой рукѣ надѣтъ былъ проволочный браслетъ, а на шеѣ ожерелье изъ стеклянныхъ бусъ. Въ лазейкѣ найденъ желѣзный ножъ, а въ 2 аршинахъ отъ нея—большіе желѣзные щипцы. Въ четвертомъ курганѣ, называемомъ «Острая могила», обнаружены слѣды сожженія покойника на предварительно приготовленной насыпи. По сожженіи трупа, кострище было свалено въ гробницу устроен-

ную на материкѣ, въ самомъ центрѣ кургана, а сожженные остатки покойника собраны въ холщевый платокъ, положены въ мѣдный сосудъ и поставлены на верху гробницы, засыпанной углемъ. Бока гробницы были обнесены частоколомъ, а верхъ покрытъ деревянными досками и замазанъ глиною. На гробницѣ совершена тризна, на которой ѣли, какъ видно по найденнымъ остаткамъ трапезы, лошадь, барана, гуся, утку, курицу и куриныя яйца. По неосторожности, или по обычаю, было разбито тутъ нѣсколько простыхъ глиняныхъ сосудовъ, амфора, большое терракотовое блюдо и два такихъ же сосуда съ орнаментами въ стилѣ этрусскихъ вазъ. Среди угля найдены: 22 бронзовыхъ наконечника стрѣлъ, 4 узорчатыя золотыя бляхи, 3 большія каменныя бусы и такая же привѣска, обдѣланная въ золото, 2 мозаичныя и 2 простыя каменныя бусы, костяная буса съ какимъ-то знакомъ, своею формою очень напоминающая извѣстныхъ жуковъ, украшающихъ египетскія муміи; 2 бронзовыя вещи въ видѣ колокольчиковъ; 5 пращныхъ камней, желѣзный ножичекъ и такая же пластинка неизвѣстнаго назначенія. Въ разстояніи около 100 саженъ отъ «Острой могилы» кладокопателями разрытъ былъ курганъ, совершенно подобный ей по своему содержанію. Референтомъ сдѣлана была провѣрочная раскопка этого кургана, при чемъ югозападный уголъ заключавшейся въ немъ гробницы оказался нетронутымъ, и тамъ между углемъ найдено 3 костяныхъ и 20 бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ съ остатками колчана, 3 терракотовыхъ черепка и простая глиняная тарелочка.

Всѣ вышеозначенныя вещи, отрытыя въ Россавскихъ курганахъ, были выставлены Д. Я. Самоквасовымъ во время засѣданія, а вмѣстѣ съ ними, для нагляднаго сравненія, выставлены также и вещи, найденныя имъ еще прежде въ Черниговскихъ курганахъ и бывшія на выставкѣ при III Археологическомъ Съѣздѣ въ Кіевѣ.

По мнѣнію Д. Я. Самоквасова, археологическій матеріалъ, представленный имъ членамъ засѣданія, имѣетъ чрезвычайную важность для науки. Существенный интересъ составляютъ здѣсь не верхнія могилы со всадниками, принадлежащія уже позднѣйшему времени (можетъ быть, Торкамъ нашихъ лѣтописей), а могилы низшихъ слоевъ, древнѣйшей эпохи. Знакомые съ курганными древностями южной Россіи, при первомъ взглядѣ на вещи, найденныя въ Россавскихъ курганахъ, признаютъ ихъ принадлежащими къ такъ называемому скиѳскому періоду, когда классическіе писатели называли нынѣшнюю Россію Скиѳіей, а ея народы Скиѳами. По мнѣнію Татищева, а позже—Шафарика, принятому и нѣкоторыми новѣйшими историками, подъ Скиѳами у Геродота и его ближайшихъ преемниковъ скрывались различные народы, а между ними и наши предки—Славяне. До настоящаго времени извѣстная школа въ нашей исторической литературѣ, опираясь на сказанія нашей первоначальной лѣтописи, употребляла всѣ усилія задержать распространеніе мнѣнія о стародавнемъ пребываніи Славянъ внутри Россіи и самобытномъ развитіи ихъ культуры. Въ 1872 и 1873 годахъ въ Черниговской губерніи, въ Подесеньи, открыты Д. Я. Самоквасовымъ несомнѣнно славянскія могилы, съ своеобразнымъ спосо-

бомъ трупосожженія, относящіяся къ послѣдней эпохѣ язычества, а нынѣ при впаденіи Россавы въ Рось открыты могилы съ подобнымъ же характернымъ способомъ трупосожженія, но относящіяся къ глубочайшей древности. Отсюда онъ выводитъ возможность утвердить мнѣніе о стародавнемъ пребываніи Славянъ въ Приднѣпровьѣ на положительныхъ доказательствахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы можемъ получить обширный и точный матеріалъ къ познанію быта нашихъ предковъ въ ту отдаленнѣйшую эпоху, отъ которой не осталось никакихъ письменныхъ памятниковъ.

7. Д. чл. Д. И. Иловайскій доставилъ въ общество слѣпокъ съ камня, будто бы найденнаго въ Никольской церкви въ Черниговѣ, на которомъ изображенъ крестъ со словами: І̂с. Хс. ника лѣта и 1081 годъ. Даже судя по одному слѣпку, легко замѣтить, что надпись и весь камень очевидно есть новѣйшая поддѣлка.

№ 127. Января 13 дня 1877 года. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, барона Ѳ. А. Бюлера, А. Н. Веселовскаго, И. И. Гавельки, К. К. Гёрца, Л. В. Даля, А. К. Жизневскаго, Д. И. Иловайскаго, Н. П. Кондакова, А. А. Мартынова, В. Ѳ. Миллера, Н. П. Розанова и секретаря Общества В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Секретарь доложилъ о поступленіи слѣдующихъ приношеній книгами:

а) Отъ чл. кор. А. А Хованскаго: Филологическія записки за 1876 годъ, выпускъ V. Воронежъ, 1877.

б) — Археологическаго Общества во Львовѣ:—Kodeks dyplomatyczny klasztoru Tynieckiego. Wydali Dr. Wojciech Kętrzyński i Dr. Stanisław Smolka. We Lwowie, 1875.

Опредѣлено: изъявить жертвователямъ благодарность Общества.

3. Г. предсѣдатель доложилъ о присылкѣ въ Общество Д. чл. П. С. Казанскимъ статьи «Изложеніе монастырскаго устава императрицы Ирины».

Опредѣлено: автора благодарить, а статью передать въ редакціонный Комитетъ.

4. Г. предсѣдатель представилъ на разсмотрѣніе собранія древнюю наузу и фотографію вещей, принадлежащихъ Тверскому Археологическому музею, доставленныя Д. чл. А. К. Жизневскимъ.

5. Товарищъ предсѣдателя К. К. Гёрцъ прочиталъ слѣдующее извлеченіе изъ письма къ нему д. чл. В. Г. Тизенгаузена:

«О результатѣ моихъ раскопокъ на Кубани въ маѣ и іюнѣ нынѣшняго года», пишетъ В. Г. Тизенгаузенъ, «могу сообщить вкратцѣ слѣдующее. Не успѣвъ въ прошломъ году одолѣть всѣхъ «Семи Братьевъ», я занялся на этотъ разъ дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ ихъ. Особенный интересъ представляли еще два кургана. Одинъ изъ нихъ, колоссъ въ 8 сажень вышины, грозилъ правда неудачею, потому что на вершинѣ его, какъ разъ

подъ центромъ кургана, была огромная впадина, предвѣщавшая ограбленіе центральной гробницы. Но извѣстно, какую важную роль при нашихъ раскопкахъ играетъ случайность: достаточно вспомнить одинъ изъ Семибратскихъ же кургановъ, въ которомъ мнѣ удалось въ прошломъ году открыть почти цѣлую груду интереснѣйшихъ вещей, хотя когда-то и сдѣлана была попытка ограбить его, но попытка неудачная. Къ сожалѣнію однакоже, мои надежды на этотъ разъ не сбылись. Огромный склепъ, оказавшійся въ курганѣ, былъ обворованъ до́-чиста. Судя по другимъ шести Братьямъ, и въ этомъ седьмомъ должна быть конская гробница; поисками ея хочу заняться въ будущемъ году. Можетъ быть, при этомъ удастся еще наткнуться на какую-нибудь боковую человѣческую гробницу.

Другой большой курганъ, который по наружному виду и прошлогоднимъ предварительнымъ разслѣдованіямъ сулилъ открытіе нетронутой гробницы, также оказался ргзграбленнымъ, но только на-половину, такъ какъ повидимому обвалъ земли помѣшалъ грабителямъ растаскать всю гробницу. Уцѣлѣло изголовье покойника и устроенное рядомъ съ нимъ особое отдѣленіе, содержавшее въ себѣ: 1) кожаный панцырь съ бронзовыми чешуеобразно нашитыми на него пластинками и большою бронзовою бляхою на грудной части, изображающею голову Медузы. 2) Бронзовый канделябръ, состоящій изъ желобчатаго стержня на трехъ львиныхъ лапахъ и оканчивающійся наверху чашечкой, на которой помѣщался бронзовый свѣтильникъ о трехъ рожкахъ. 3) Бронзовый котелокъ на желѣзномъ треножникѣ, заключавшій въ себѣ губку, остатки перетлѣвшей ткани и куска мѣха. 4) Два большихъ бронзовыхъ блюда съ двумя бронзовыми кувшинами. 5) Простыя амфоры. 6) Маленькія глиняныя блюдца, покрытыя черною поливою. 7) Простая глиняная чаша. Въ уцѣлѣвшемъ же изголовьѣ покойника мнѣ удалось отыскать два прекрасныхъ золотыхъ ритона, изъ которыхъ одинъ оканчивается лежащею собакою, другой—бараньей головой; большой серебряный ритонъ, оканчивающійся переднею частью крылатаго козла; нѣсколько большихъ золотыхъ пластинокъ съ выпуклыми изображеніями: льва, терзающаго козла, орла схватившаго зайца, тигра, накинувшагося на оленя, и наконецъ—сочетанія трехъ фантастическихъ животныхъ; изящный браслетъ золотой, нѣсколько золотыхъ привѣсокъ и серебряную патеру.

Затѣмъ мною еще разслѣдованъ самый меньшій курганъ этой группы. И въ немъ гробница была ограблена, не смотря на то, что была опущена очень глубоко въ материкъ. Благодаря однакоже этому послѣднему обстоятельству, затруднявшему все-таки ограбленіе, въ ней уцѣлѣло еще нѣсколько вещицъ, какъ-то: прекрасный рѣзной камень на золотой дужкѣ, изображающій какое-то зуброобразное животное; нѣсколько золотыхъ розетокъ, пуговокъ, треугольникъ съ изображеніемъ сложенныхъ пирамидально шариковъ, круглыхъ пластинокъ, на которыхъ выбито изображеніе женской головки; обложенная позолоченнымъ серебромъ рукоятка меча въ видѣ грифоньей головы, бронзовая застежка въ видѣ свившейся змѣи и нѣсколько янтарныхъ украшеній.

Конскія гробницы, найденныя въ двухъ послѣднихъ курганахъ, также представили нѣсколько варіантовъ къ прошлогоднимъ типамъ. Стиль вещей частью чисто греческій, частью полуварварскій, сильно напоминающій характеръ вещей, открытыхъ въ Луговой и Чертомлыцкой могилахъ.

Въ Археологической Коммиссіи находятся прекрасные сдѣланные Гроссомъ рисунки со всѣхъ найденныхъ вещей, равно какъ виды и планы кургановъ».

6. Д. чл. В. Е. Румянцовъ сообщилъ вновь отысканныя имъ свѣдѣнія о первомъ московскомъ изданіи Кормчей книги въ 1650—1653 годахъ.

7. Д. чл. Д. И. Иловайскій предложилъ свои соображенія по вопросу о племени, которому принадлежатъ грубыя изваянія нашихъ южныхъ степей, извѣстныя подъ именемъ каменныхъ бабъ. Вопросъ этотъ имѣетъ довольно обширную литературу, и его рѣшали различнымъ образомъ. Нѣкоторые ученые относили каменные истуканы къ эпохѣ скиѳской, такъ какъ они находимы были иногда на курганахъ, заключавшихъ въ себѣ скиѳскія могилы. Но раскопки этихъ кургановъ убѣждаютъ, что между предметами, скрытыми въ могилахъ, и каменными изваяніями нѣтъ ничего общаго. Притомъ нѣтъ никакихъ историческихъ извѣстій о связи такихъ статуй съ обрядами скиѳскаго погребенія. Другіе ученые относили ихъ къ Гуннамъ; но это мнѣніе основывалось на одномъ невѣрно понятомъ выраженіи Аммiана Марцеллина, что̀ было указано графомъ А. С. Уваровымъ (въ свѣдѣніяхъ о каменныхъ бабахъ, напечатан. въ трудахъ I Археологическаго Съѣзда). Первое историческое извѣстіе о нихъ принадлежитъ монаху Рубруквису, который въ половинѣ XIII вѣка путешествовалъ въ Татарію. Онъ прямо говоритъ, что Половцы имѣли обычай ставить каменные истуканы на курганахъ, которые они насыпали надъ прахомъ своихъ знатныхъ покойниковъ. Несомнѣнно, что при этомъ они пользовались иногда и курганами скиѳскими, почему многія изваянія и найдены на вершинѣ послѣднихъ. Не смотря на разнообразіе въ подробностяхъ, всѣ эти изваянія принадлежатъ къ одному типу и всѣ они имѣютъ руки, сложенныя на лонѣ и держащія какой-то сосудъ. Типъ физіономій, нѣкоторыя подробности костюма и вооруженія, а особенно головной уборъ, болѣе всего напоминаютъ народы татарскаго племени. Географическое ихъ распространеніе отъ Алтая и Киргизской степи до нижняго Дуная и Кавказскаго хребта также совпадаетъ съ мѣстомъ жительства кочевыхъ татарскихъ народовъ. Общій выводъ референта тотъ, что каменныя изваянія южнорусскихъ степей принадлежатъ народамъ турко-татарскаго семейства, каковы Печенѣги, Узы и Торки, Куманы или Половцы и наконецъ Татары, которые конечно имѣли тѣже языческіе обычаи до принятія въ XIV вѣкѣ ислама. Послѣдній не терпитъ видимыхъ изображеній и конечно былъ главною причиною, почему прекратились эти изваянія. Слѣдовательно, въ южно-русскихъ степяхъ каменныя бабы обнимали эпоху, заключавшую въ себѣ пять или шесть столѣтій, съ IX по XIV в. включительно. А въ степяхъ прикавказскихъ онѣ могли появиться еще съ VI вѣка, когда тамъ появился турко-татарскій народъ, который основалъ царство Хазарское. Въ Кабардинскомъ краѣ

найдены любопытные надгробные памятники, принадлежащие отчасти эпохѣ христіанской. Они имѣютъ видъ или крестообразныхъ столбовъ, или такихъ столбовъ, которыхъ верхняя часть представляетъ статуи, напоминающія каменныя бабы. На этихъ памятникахъ находимъ изображенія разныхъ сценъ; нѣкоторыя изъ нихъ очевидно принадлежатъ къ обрядамъ погребенія или къ поминальной тризнѣ (Вѣстн. Общества Древнерусск. искусства. 1876, №№ 11, 12, статья г. Филимонова). Тутъ встрѣчаемъ и подобіе упомянутаго сосуда, который держатъ въ рукахъ каменныя бабы. По всей вѣроятности, онъ имѣлъ жертвенное значеніе и употреблялся при возліяніяхъ.

8. Д. чл. архимандритъ Амфилохій сообщилъ свѣдѣнія о бывшемъ у него въ разсмотрѣніи славянскомъ рукописномъ Евангеліи 1092 года, которое недавно пріобрѣтено книжнымъ торговцемъ-антикваромъ Большаковымъ у одного крестьянина изъ Архангельской губерніи. Евангеліе это писано на плохомъ пергаменѣ на 178 листахъ, двумя почерками, кромѣ нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ страницъ, на которыхъ встрѣчается еще третій почеркъ. На 177 листѣ означенъ годъ написанія ҂ѕх, т. е. 1092; заставки, заглавія и начальныя буквы писаны киноварью. Со всѣхъ трехъ почерковъ, а также и съ киноварныхъ украшеній, сдѣланы по указаніямъ и подъ наблюденіемъ референта точные литографическіе снимки, которые и были имъ представлены на разсмотрѣніе собранія. Чтобы дать понятіе о самой редакціи описываемаго Евангелія, архимандритъ Амфилохій изложилъ въ извлеченіи сдѣланныя имъ сличенія текста этого Евангелія съ текстомъ Остромирова и другихъ ближайшихъ къ нему по времени написанія Евангелій.

Опредѣлено: автора благодарить, а представленное имъ изслѣдованіе передать въ Редакціонный Комитетъ.

9. Гг. предсѣдателемъ и секретаремъ Общества предложенъ къ избранію въ Дѣйствительные члены, по § 7, профессоръ Московскаго Университета А. С. Павловъ.

№ 128. 1877 года февраля 16 дня. Протоколъ годоваго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: А. А. Авдѣева, архимандрита Амфилохія, Н. А. Артлебена, барона Ѳ. А. Бюлера, А. Н. Веселовскаго, И. И. Гавельки, А. А. Гатцука, К. К. Гёрца, Л. В. Даля, И. Е. Забѣлина, Д. И. Иловайскаго, Т. В. Кибальчича, Н. И. Костомарова, И. Д. Мансветова, А. А. Мартынова, А. И. Хлудова и секретаря Общества В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2. Доложено о поступленіи въ Общество слѣдующихъ приношеній:

А) книгами:

а) Отъ графа А. С. Уварова: 1) Древняя Россійская Вивліоѳика, части I—XX. С.-Петербургъ, 1788—1791. 2) Evangelischer Kalender. Jahrbuch

für 1863, von Ferd Piper. Berlin, 1863. 3) Die Museen und Kunstwerke Deutschlands, von Dr. Herm. Alex. Müller. Erster und zweiter Theile. Leipzig. 1857—58. 4) Geschichte der zeichnenden Künste. von J. D. Fiorillo. Band 1—5. Göttingen. 1798—1808. 5) Christliche Kunstsymbolik und Ikonographie, F. E. Suchsland. Frankfurt a M. 1839. 6) Handbuch der Kunstgeschichte, von Dr. Franz Kugler. 2-te Auflage. Stuttgart, 1848. 7) Nouvelle biographie classique. Première et seconde parties, à Paris, 1825. 8) Geschichte der bildenden Künste, von Gottfried Kinkel. Erste Lieferung. Bonn, 1845. 9) Mémoires et dissértations. Conjectures sur la numismatique de la Gaule, 1851. 10) Médailles grèсques. 11) Geschichte der Baucunst in Spanien, von Don Iosè Caveda. Herausgegeben von Franz Kugler. Stuttgart, 1858. 12) Revue numismatique publiée par E. Cartier et L. de la Saussaye. Années 1849, 1850. Blois, 1849—1850 (2 части). 13) Histoire de progrès de la civilisation en Europe, par H. Roux—Ferrand. Tomes 1, 2. Paris, 1835. 14) Bulletin monumental, publié par M. de Caumont. Paris, 1855—1859 (5 томовъ). 15) Mittheilungen der Kaiserl. königl. Central Commission. Herausgeg. Karl. Freiherrn von Czoerner. III Band. Wien, 1858. 16) Указат. изданій по Исторіи русской и всеобщей словесности. Состав. В. И. Межовъ. С. Петербургъ, 1872. 17) Геогнозія, преимущественно въ отношеніи къ Россіи. Сочин. академика Э. Эйхвальдъ. С.-Петербургъ, 1846.

б) — Кіевской Духовной Академіи: Труды, декабрь 1876 г. Кіевъ, 1876.

в) — Института Оссолинскихъ: 1) Kodeks dyplomatyczny klasztoru Tynieckiego. 2) Sprawozdanie za rok 1876. We Lwowie, 1875, 1877.

г) — Новороссійскаго Университета: Записки, томы 19, 20 и 21. Одесса, 1876.

д) — Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества: Извѣстія, томъ VII, № 4—5 Иркутскъ, 1876.

е) — Совѣта Кіевской Духовной Академіи: 1) Рѣчь и отчетъ, читанные на актѣ 28 сентября 1876 года. Кіевъ, 1876. 2) Святая земля, проф. Олесницкаго. Кіевъ, 1875. 3) О происхожденіи и составѣ славяно-русскаго печатнаго пролога. Проф. Петрова. Кіевъ, 1875.

ж) — Казанскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Древности Казанской губерніи. Составилъ Е. Т. Соловьевъ. Казань, 1877.

з) — Казанскаго Университета: Записки и ученыя извѣстія, № 1. Казань 1877.

и) — Тобольскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Протоколъ засѣданія Комитета 20 ноября 1876 года.

і) — Министерства Народнаго Просвѣщенія: Журналъ, за январь 1877 г. С.-Петербургъ, 1877.

к) — Члена корресп. И. А. Голышова: Памятники старинной русской рѣзьбы по дереву... во Владимірской губерніи. Состав. И. Голышовъ. Мстера (Владим. губ.), 1876.

л) — Д. чл. А. А. Мартынова: Русскія достопамятности. Изданіе второе. Москва, 1877.

м) — Чл. кор. Ворсо: Discours devant la Sociéte Royale des Antiquaires du Nord, dans la séance du 28 janvier 1875.

н) — Лондонскаго музея: A new catalogue of miscellaneous books, № 307. London, january 1877.

Опредѣлено: выразить жертвователямъ благодарность Общества.

б) вещами:

Отъ Московскаго Архитектурнаго Общества: коллекція деталей наружныхъ украшеній изъ поливныхъ изразцовъ, собранныхъ при сломкѣ въ 1874 году зданія Старой Думы.

Опредѣлено: благодарить Архитектурное Общество за доставленные предметы и выслать въ оное «Древности», издаваемыя Археологическимъ Обществомъ.

3. Доложены слѣдующія поступившія въ Общество бумаги:

а) Отъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія, б) Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи, в) Института Оссолинскихъ и г) Олонецкаго Губернскаго Статистическаго Комитета—отношенія, съ изъявленіемъ благодарности за высылку имъ VI тома «Древностей».

д) — г. Министра Народнаго Просвѣщенія—письмо на имя Предсѣдателя, съ увѣдомленіемъ, что касательно предоставленія Московскому Археологическому Обществу, по проекту новаго устава, права получать посылки и тюки на имя Общества безъ осмотра на границѣ, издавать журналы и другія археологическія изданія подъ отвѣтственностію избираемаго изъ среды Общества Редакціоннаго Комитета, а также получать изъ-за границы книги для библіотеки Общества, на основаніи цензурныхъ правилъ для библіотекъ Университетовъ и другихъ ученыхъ учрежденій, Министерство Народнаго Просвѣщенія вошло въ сношенія съ гг. Министрами Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ и, по полученіи отъ нихъ отзывовъ, будетъ данъ дальнѣйшій ходъ настоящему дѣлу. Что же касается назначенія Обществу ежегодной субсидіи по 5000 рублей, то по настоящему предмету г. Министръ Народнаго Просвѣщенія вмѣстѣ съ симъ отнесся къ Министру Финансовъ.

е) — чл. кор. Е. Т. Соловьева—два письма. При первомъ (отъ 5 января) онъ препровождаетъ на разсмотрѣніе Общества свою статью, подъ заглавіемъ «Остатки древнихъ сооруженій русскаго юговостока», съ составленной къ ней картой, и вмѣстѣ съ тѣмъ изъявляетъ готовность принять на себя, по указанію Общества, археологическое обслѣдованіе той или другой мѣстности въ Казанскомъ краѣ.

Опредѣлено: автора благодарить и просить г. предсѣдателя о разсмотрѣніи присланной статьи и сообщеніи Е. Т. Соловьеву, въ какихъ мѣстностяхъ можно бы было произвести археологическія изслѣдованія.

Во второмъ письмѣ Е. Т. Соловьевъ извѣщаетъ Общество, что въ непродолжительномъ времени онъ предполагаетъ окончить предпринятое имъ изслѣдованіе подъ заглавіемъ: «Обычное право Россіи», выпускъ котораго,

заключающій «Семейственное право», уже почти готовъ, но что предварительно онъ желалъ бы знать мнѣнія объ этомъ трудѣ и получить руководящія указанія отъ тѣхъ членовъ Общества, которые спеціально занимаются наукою права.

Опредѣлено: увѣдомить Е. Т. Соловьева, не угодно ли ему будетъ обратиться по настоящему предмету непосредственно къ Д. чл. Н. В. Калачову или прислать въ Общество I выпускъ своего труда, который и будетъ переданъ ему на разсмотрѣніе.

ж) Отъ Витебскаго Губернскаго Статистическаго Комитета отношеніе, въ которомъ онъ извѣщаетъ, что въ г. Полоцкѣ, при вырытіи земли для фундамента одного дома, найденъ довольно большой желѣзный перстень съ гербомъ; препровождая три отпечатка этого герба, Комитетъ проситъ Общество сообщить ему свое заключеніе объ этой находкѣ.

По разсмотрѣніи отпечатковъ, опредѣлено: увѣдомить Комитетъ, что, по формѣ буквъ, печать повидимому принадлежитъ къ XVIII вѣку и, кажется, должна читаться слѣдующимъ образомъ: «печ(ать) Як(ов)а Зе».

з) — Телеграфистовъ Харьковской Правительственной станціи, Берзенека и Козаченкова — письмо на имя г. предсѣдателя, въ которомъ они извѣщаютъ, что, по полученнымъ ими свѣдѣніямъ отъ мѣстныхъ жителей, въ Харьковскомъ Хорошевскомъ монастырѣ, вблизи ограды, находится въ землѣ желѣзная дверь съ большими замками, за которою, какъ они предполагаютъ, могутъ быть скрыты какія-нибудь древности. Такъ какъ поданная ими просьба на Высочайшее имя о раскопкѣ этой двери оставлена св. Синодомъ безъ послѣдствій, то они рѣшились обратиться за совѣтомъ по этому дѣлу къ Московскому Археологическому Обществу. Къ этому телеграфисты присовокупляютъ, что, зная вообще тамошнюю мѣстность, они могли бы быть полезными Обществу археологическими раскопками, которыя они готовы производить тамъ на свой счетъ.

Опредѣлено: увѣдомить гг. Берзенека и Козаченкова, что, въ виду отказа св. Синода на ихъ просьбу, Общество не признаетъ возможнымъ дать дальнѣйшій ходъ этому дѣлу, и вмѣстѣ съ тѣмъ выслать имъ экземпляръ устава Московскаго Археологическаго Общества.

и) — Московскаго Архитектурнаго Общества—отношеніе, въ которомъ оно извѣщаетъ, что, получивъ увѣдомленіе о предполагающихся исправленіяхъ и передѣлкахъ въ Московскомъ Покровскомъ соборѣ, оно поручило особой коммиссіи изъ среды себя осмотрѣть на мѣстѣ проектируемыя исправленія и сдѣлать объ нихъ свое заключеніе. Сообщая объ этомъ, оно проситъ Археологическое Общество принять участіе, черезъ своихъ членовъ, въ совмѣстномъ съ коммиссіей осмотрѣ, 17 февраля, какъ самаго зданія, такъ и предположеній строителей.

Опредѣлено: согласно приглашенію Московскаго Архитектурнаго Общества, просить г. предсѣдателя, графа А. С. Уварова и членовъ: И. Е. Забѣлина, Н. А. Артлебена и В. Е. Румянцова принять участіе въ осмотрѣ Покровскаго собора и проектируемыхъ въ немъ передѣлокъ, о чемъ и извѣстить Архитектурное Общество.

4. Секретарь Общества прочиталъ отчетъ о составѣ и дѣятельности Московскаго Археологическаго Общества съ 28 февраля 1876 года по 15 февраля 1877 года. Затѣмъ прочитанъ за то же время отчетъ г. казначея о приходѣ и расходѣ денежныхъ суммъ Общества.

5. Членъ-корреспондентъ Т. В. Кибальчичъ прочиталъ: а) отчетъ о произведенныхъ имъ въ прошломъ году по порученію Общества раскопкахъ кургановъ въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ, при чемъ представилъ на разсмотрѣніе собранія найденные въ нихъ предметы и б) сдѣлалъ сообщеніе о языческихъ памятникахъ Кіева.

6. Д. чл. Л. В. Даль представилъ на разсмотрѣніе собранія рисунки старинныхъ деревянныхъ церквей Олонецкаго края и доставилъ въ Общество краткій списокъ всѣхъ древнихъ церквей и монастырей Олонецкой губерніи.

Затѣмъ происходили выборы должностныхъ лицъ Общества.

Избраны:

Предсѣдателемъ графъ А. С. Уваровъ.
Товарищемъ Предсѣдателя К. К. Гёрцъ.
Секретаремъ В. Е. Румянцовъ.
Товарищемъ Секретаря И. Д. Мансветовъ.
Библіотекаремъ и Хранителемъ Музея А. Н. Веселовскій.
Казначеемъ А. И. Хлудовъ.
Товарищемъ казначея Н. П. Розановъ.

Членами Редакціоннаго Комитета:

К. К. Гёрцъ, архимандритъ Амфилохій и Н. А. Поповъ.

Членами Ревизіоннаго Комитета:

А. Н. Поповъ, Д. И. Иловайскій и В. Ѳ. Миллеръ.
Предложены въ Дѣйствительные члены, по § 7, графомъ А. С. Уваровымъ, К. К. Гёрцомъ и В. Е. Румянцовымъ:
Иванъ Дмитріевичъ Черскій въ Иркутскѣ.
Петръ Дмитріевичъ Шестаковъ въ Казани.
Яковъ Яковлевичъ Волошинскій въ Кіевѣ.
Николай Дмитріевичъ Квашнинъ-Самаринъ въ Зубцовѣ.
Дмитрій Ивановичъ Прозоровскій въ С. Петербургѣ.
Николай Григорьевичъ Керцелли въ Москвѣ.
Дмитрій Ѳомичъ Кобеко въ С. Петербургѣ.

Въ Члены дѣйствительные:

Баронъ Николай Казиміровичъ Богушевскій во Псковѣ.
Платонъ Осиповичъ Бурачковъ въ Херсони.
Георгій Петровичъ Алексѣевъ въ Екатеринославлѣ.

№ 129. 1877 года марта 7 дня. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, Н. И. Костомарова, А. А. Мартынова, В. Ѳ. Миллера, Н. А. Попова, Д. В. Разумовскаго, графа М. В. Толстаго и секретаря Общества В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2. Секретарь доложилъ о поступленіи въ Общество слѣдующихъ приношеній:

а) книгами,

а) Отъ чл. кор. А. А. Хованскаго: Филологическія записки. Выпускъ VI. Воронежъ, 1876.

б) — Кіевской Духовной Академіи: «Труды», январь. Кіевъ, 1877.

в) — Министерства Народнаго Просвѣщенія: «Журналъ», февраль. С.-Петербургъ, 1877.

г) — Харьковскаго Университета: «Записки», томъ II. Харьковъ, 1876.

д) — Одесскаго Общества Исторіи и Древностей: Отчетъ съ 14 ноября 1875 по 14 ноября 1876 годъ. Одесса, 1877.

е) — Югославянской Академіи Наукъ: Rad, knjiga XXXVII. U Zagrebu. 1876.

б) вещами,

Отъ Императорской Академіи Наукъ: бронзовая медаль, выбитая по случаю пятидесятилѣтняго юбилея Академіи.

Опредѣлено: выразить жертвователямъ благодарность Общества.

3. Доложено о поступленіи слѣдующихъ бумагъ:

а) Отъ Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія—письмо на имя г. предсѣдателя, съ просьбою о доставленіи въ Департаментъ Министерства изданій Общества для отсылки въ Черновицкій университетъ, согласно ходатайству о томъ профессора означеннаго университета д-ра Ганкевича.

Опредѣлено: выслать въ Департаментъ Министерства просимыя изданія.

б) — Московскаго отдѣльнаго цензора по иностранной цензурѣ—увѣдомленіе, что Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу Министра Народнаго Просвѣщенія, въ 14 день минувшаго февраля, Высочайше соизволилъ на предоставленіе Московскому Археологическому Обществу права получать изъ-за границы книги для библіотеки Общества безъ цензурнаго просмотра, съ тѣмъ, чтобы Общество при выпискѣ книгъ каждый разъ предувѣдомляло С.-Петербургскій Комитетъ цензуры иностранной, или Московскаго отдѣльнаго цензора, какія книги, сколько числомъ, когда и какимъ путемъ выписаны.

в) — Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей—отношеніе на имя г. предсѣдателя, съ изъявленіемъ благодарности за высылку «Трудовъ» перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ въ 1869 году.

г) — Московскаго Архитектурнаго Общества—протоколъ засѣданія 17

февраля Коммиссіи, назначенной отъ Московскихъ Обществъ: Архитектурнаго, Археологическаго и Древнерусскаго искусства, о разсмотрѣніи проекта передѣлокъ въ Московскомъ Покровскомъ соборѣ, составленнаго Н. С. Кампіони.

д) — чл. корр. Е. Т. Соловьева—отношеніе съ препровожденіемъ двухъ составленныхъ имъ изслѣдованій: 1) Древности русскаго востока и 2) Народныя музыкальныя орудія средняго и нижняго Поволжья.

Опредѣлено: автора благодарить, а доставленныя имъ статьи передать въ Редакціонный Комитетъ.

4) Секретарь сообщилъ нѣкоторыя извлеченія изъ отчета чл. кор. Л. Леже о III Археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ, присланнаго авторомъ въ корректурныхъ листахъ, для предъявленія Обществу.

5. Д. чл. К. К. Гёрцъ прочиталъ извлеченіе изъ письма къ нему директора Керченскаго Музея А. Е. Люценко отъ 15 февраля, по поводу статьи: «Историческій обзоръ археологическихъ изслѣдованій и открытій на Таманскомъ полуостровѣ съ конца XVIII вѣка до 1859 года» (К. К. Гёрца), напечатанной въ «Трудахъ» Общества.

6. Д. чл. В. Ѳ. Миллеръ прочелъ свою статью подъ заглавіемъ: «Миѳъ о Ніобѣ на Востокѣ». Указавъ на то, что успѣхи, достигнутые въ настоящее время въ изученіи древняго періода культуры Азіи, все болѣе и болѣе уясняютъ вліяніе Востока на культуру и миѳологію древней Греціи, референтъ остановился на разборѣ миѳа о гибели Ніобы и ея дѣтей, какъ на образцѣ миѳологическаго сюжета, перешедшаго съ Азіатскаго Востока на почву Эллады. Обративъ прежде всего вниманіе на географическую область этого миѳа, авторъ указалъ на то, что сказаніе о Ніобѣ прикрѣплено съ одной стороны къ области Ѳивъ въ Беотіи, проникнутой въ значительной степени финикійскимъ вліяніемъ; съ другой—къ области долины Герма и горы Сипила въ Малой Азіи. Миѳъ о печальной участи Ніобы сложился, по мнѣнію референта, подъ вліяніемъ фригійскаго культа богини-матери, при чемъ на одну черту миѳа, именно окаменѣніе Ніобы, оказало вліяніе изображеніе сидящей женщины на горѣ Сипилѣ, которое было извѣстно уже въ глубокой древности. Указавъ далѣе на значеніе Ніобы, какъ богини и соперницы Леты, референтъ выяснилъ, что основной мотивъ этого малоазійскаго миѳа состоитъ въ борьбѣ двухъ женъ одного верховнаго бога, изъ которыхъ одна имѣетъ много дѣтей, а другая только двоихъ, при чемъ борьба кончается гибелью дѣтей плодовитой матери. Въ этомъ основномъ своемъ видѣ миѳъ о Ніобѣ находитъ параллель въ индусскомъ—о двухъ женахъ соперницахъ бога Кашьяпы, и авторъ выяснилъ это тождество преданій подробнымъ ихъ сопоставленіемъ. Въ одной изъ индусскихъ редакцій разбираемаго миѳа находится вмѣстѣ съ тѣмъ и туземное, очень древнее истолкованіе его. Двѣ жены соперницы оказываются олицетвореніемъ неба и земли. У одной только двое дѣтей—солнце и заря (или луна); другая изобилуетъ дѣтьми, т. е. производитъ богатую растительность. Но въ періодъ лѣтняго зноя произведенія земли гибнутъ отъ жгучихъ лучей солнца.

7. Товарищъ председателя К. К. Гёрцъ обратилъ вниманіе Общества на представленный г. Кибальчичемъ въ предыдущемъ засѣданіи небольшой сосудъ, описанный въ его каталогѣ подъ № 334. Онъ былъ найденъ г. Кибальчичемъ въ курганахъ у села Аксютинецъ, Роменскаго уѣзда Полтавской губерніи, сдѣланъ отъ руки и представляетъ ту особенность, что на его поверхности выгравированы двѣ свастики и два креста, при чемъ соблюденъ постепенный переходъ отъ простыхъ формъ къ болѣе сложнымъ. Оставляя въ сторонѣ изображеніе креста, референтъ перешелъ къ разсмотрѣнію свастики или знака пожеланія счастія и благополучія у Индійцевъ. Этотъ знакъ находимъ былъ и на разныхъ доисторическихъ памятникахъ западной Европы и даже Малой Азіи, что было изложено подробно референтомъ. У насъ въ Россіи онъ встрѣчается въ первый разъ въ памятникѣ, открытомъ г. Кибальчичемъ, но, къ крайнему сожалѣнію, остается совершенно неизвѣстнымъ, съ какими другими предметами онъ былъ найденъ, такъ что время этого сосуда даже и приблизительно не можетъ быть опредѣлено.

8. Секретарь изложилъ содержаніе статьи, доставленной іеромонахомъ Пафнутіемъ и заключающей въ себѣ одну изъ полемическихъ его бесѣдъ съ старообрядцами въ Кремлѣ. Предметъ этой статьи—объясненіе нѣкоторыхъ постановленій Стоглаваго собора 1666—1667 гг.

№ 130. 11 апрѣля 1877 года. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ К. К. Гёрца, въ присутствіи гг. членовъ: А. А. Мартынова, В. Ѳ. Миллера, Н. П. Розанова, графа М. В. Толстаго и товарища секретаря И. Д. Мансветова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2. Доложено о поступленіи слѣдующихъ приношеній книгами:

а) Отъ Владимірскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Ежегодникъ, томъ I, выпускъ 2-й. Владиміръ, 1877.

б) — чл. кор. И. А. Голышова: Древняя науза, или амулетъ, съ изображеніемъ крещенія Господня, XIII—XIV вѣка. Владиміръ, 1876.

в) — Новороссійскаго Университета: Записки, томъ XXII. Одесса, 1877.

г) — Министерства Народнаго Просвѣщенія «Журналъ», мартъ 1877. С.-Петербургъ.

д) — Кіевской Духовной Академіи: «Труды», февраль 1877. Кіевъ.

е) — Д. чл. д-ра г. Ванкеля: Gleichzeitigkeit des Menschen mit dem Höhlenbären in Mähren, von Dr. Heinrich Wankel. Wien, 1877.

ж) — Эстонскаго ученаго Общества: Sitzungsberichte der gelehrten estnischen Gesellschaft zu Dorpat. Dorpat, 1877.

з) — Д. чл. Н. П. Кондакова: Исторія византійскаго искусства и иконографіи по миніатюрамъ греческихъ рукописей, Н. Кондакова. Одесса, 1877.

и) — Югославянской Академіи: 1. Rad, knjiga XXXVIII. U Zagrebu, 1877, и 2. Commissiones et relationes Venetae, tomus I. Zagrabiae, 1876.

і) — Іеромонаха Филарета: Старопечатный Номоканонъ и его свидѣтельство о числѣ просфоръ на проскомидіи. Москва, 1876.

к) — Іеромонаха Пафнутія, Записки по народнымъ бесѣдамъ: 1. О церковныхъ обрядахъ, 2. О символѣ вѣры и 3. О Полемическихъ книгахъ. Москва, 1877.

л) — Чл. кор. свящ. Богословскаго: Святая Софія въ Великомъ Новгородѣ.

м) — В. Θ. Миллера: Взглядъ на «Слово о полку Игоревѣ». Москва, 1877.

3. Товарищъ секретаря доложилъ о поступленіи слѣдующихъ бумагъ:

а) Отъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія письмо на имя г. предсѣдателя, съ извѣщеніемъ о назначеніи изъ суммы Государственнаго Казначейства ежегоднаго пособія Московскому Археологическому Обществу по 3000 рублей въ годъ въ теченіе пяти лѣтъ.

Опредѣлено: означенное извѣщеніе г. Министра принять къ свѣдѣнію.

б) — Изъ Владиміра на Клязьмѣ письмо на имя секретаря Общества въ которомъ извѣщается объ опасности, угрожающей отъ передѣлки замѣчательному памятнику древнерусской церковной архитектуры XII вѣка— Покровскому собору близъ Боголюбова. Авторъ письма, во время своей поѣздки въ Боголюбовъ монастырь, былъ удивленъ, увидѣвъ этотъ соборъ покрытымъ лѣсами, и когда обратился за разъясненіемъ этого обстоятельства на мѣстѣ, то узналъ, что одинъ изъ Владимірскихъ подрядчиковъ, Ероѳѣевъ, задумалъ на свой счетъ поновить извнутри и снаружи Покровскій соборъ, именно—вычистить стѣны, поновить прилѣпы, покрывающіе фасады, отчистить и закрасить штукатурку внутри. Изъ разспросовъ автора письма оказалось, что эта предполагаемая реставрація находится въ рукахъ людей невѣжественныхъ, а потому угрожаетъ совершеннымъ истребленіемъ древнихъ настѣнныхъ фресокъ, присутствіе которыхъ открыто было Академикомъ Сонцевымъ.

Опредѣлено: снестись съ Владимірскимъ епархіальнымъ начальствомъ о немедленной остановкѣ передѣлокъ, поставивъ на видъ, что Покровская церковь въ спискѣ памятниковъ, составленномъ Высочайше утвержденною Коммиссіею для сохраненія древнихъ памятниковъ, отнесена къ числу неприкосновенныхъ.

в) — Чл. кор. Т. В. Кибальчича сообщеніе о находкахъ, сдѣланныхъ студентомъ Кіевскаго Университета В. Куницкимъ, при раскопкѣ одного кургана въ Тверской губерніи, у села «Городище» Зубцовскаго уѣзда. Въ этомъ курганѣ, на глубинѣ, приблизительно, одной сажени отъ поверхности, найденъ былъ костякъ, обращенный головою къ востоку, а около черепа нѣсколько металлическихъ украшеній, именно—толстый серебряный браслетъ, четыре бронзовыхъ тонкихъ браслета, паянное витое кольцо и восемь серебряныхъ медальоновъ. Вмѣстѣ съ сообщеніемъ, г. Кибальчичъ доставилъ и снимки съ найденныхъ предметовъ.

Опредѣлено: благодарить г. Кибальчича за сообщенныя свѣдѣнія, а самое сообщеніе передать въ Редакціонный Комитетъ.

г) — библіотекаря Королевской Академіи Наукъ въ Мюнхенѣ изъявленіе благодарности за присланные Московскимъ Археологическимъ Обществомъ 2 и 3 выпуски VI тома его «Трудовъ», съ просьбою о высылкѣ недостающихъ томовъ этого изданія.

Опредѣлено: принять означенное заявленіе къ свѣдѣнію.

4. Товарищъ Секретаря прочиталъ отзывъ д. чл. Н. А. Попова относительно предложенія чл. кор. Е. Т. Соловьева объ изданіи составленнаго имъ сочиненія «Древности русскаго юговостока»:

«Предложеніе члена-корреспондента Общества Е. Т. Соловьева объ изданіи составленнаго имъ сочиненія «Древности русскаго юговостока» заслуживаетъ вниманія Общества. Недостатокъ въ библіографическихъ пособіяхъ при изученіи прошлыхъ судебъ различныхъ мѣстностей нашего обширнаго отечества чувствуется на каждомъ шагу какъ археологами, такъ и историками. Въ этомъ отношеніи попытка г. Соловьева собрать матеріалы для археологической библіографіи по двѣнадцати губерніямъ, особенно при тѣхъ умѣренныхъ условіяхъ, какія онъ предлагаетъ, и въ виду того, что при его сочиненіи будетъ археологическая карта, должна быть, по моему мнѣнію, поддержана Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, какъ прямо входящая въ область его занятій. За пособіе въ 400 рублей Археологическое Общество получитъ, согласно обѣщанію автора, изъ 1200 экземпляровъ всего изданія 1175. Я бы даже предложилъ Обществу ограничиться принятіемъ 1100 экземпляровъ, предоставивъ остальные сто самому автору, въ вознагражденіе за его трудъ.

Считаю однакожъ нелишнимъ присоединить слѣдующія три замѣчанія:

1. Въ матеріалы для археологической библіографіи русскаго юговостока справедливѣе было бы ввести губерніи: Оренбургскую, Саратовскую и Астраханскую, вмѣсто Рязанской, Курской и Тамбовской; между тѣмъ какъ въ программѣ автора три первыя пропущены, а три послѣднія упомянуты. Конечно, если матеріалъ для сихъ послѣднихъ уже готовъ, то удалять его изъ изданія нѣтъ надобности; но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ дополнить изданіе матеріаломъ для трехъ вышеназванныхъ восточныхъ губерній.

2. Желательно бы знать, почему матеріалъ, собранный авторомъ для упоминаемыхъ въ его программѣ губерній, заключаетъ въ себѣ только 6000 статей, между тѣмъ какъ указатель литературы по одной Казанской губерніи за послѣднія 50 лѣтъ, составленный имъ же по порученію Предварительнаго Комитета IV Археологическаго Съѣзда, заключаетъ въ себѣ 13000 статей. Самъ же авторъ нигдѣ не объясняетъ, вошла ли въ его Казанскую библіографію одна только Археологическая литература, или всѣ другія отрасли знаній, хотя назначеніе этой библіографіи для Археологическаго Съѣзда и указываетъ, по видимому, на ея археологическое содержаніе.

3. Желательно, чтобы въ предисловіи къ своему труду авторъ ограничился однимъ обзоромъ или сводомъ собранныхъ имъ изъ знакомства съ

археологической литературой, имъ описанной, фактическихъ данныхъ, и не пускался въ догадки и предположенія.

Въ заключеніе, обращу вниманіе Общества на то, что авторъ нуждается въ скорѣйшемъ отвѣтѣ на его предложеніе и въ таковомъ же предоставленіи ему права пользоваться для окончанія своего труда книгами Московскихъ библіотекъ, принадлежащихъ какъ Археологическому Обществу, такъ и другимъ учрежденіямъ, въ помѣщеніи самыхъ библіотекъ».

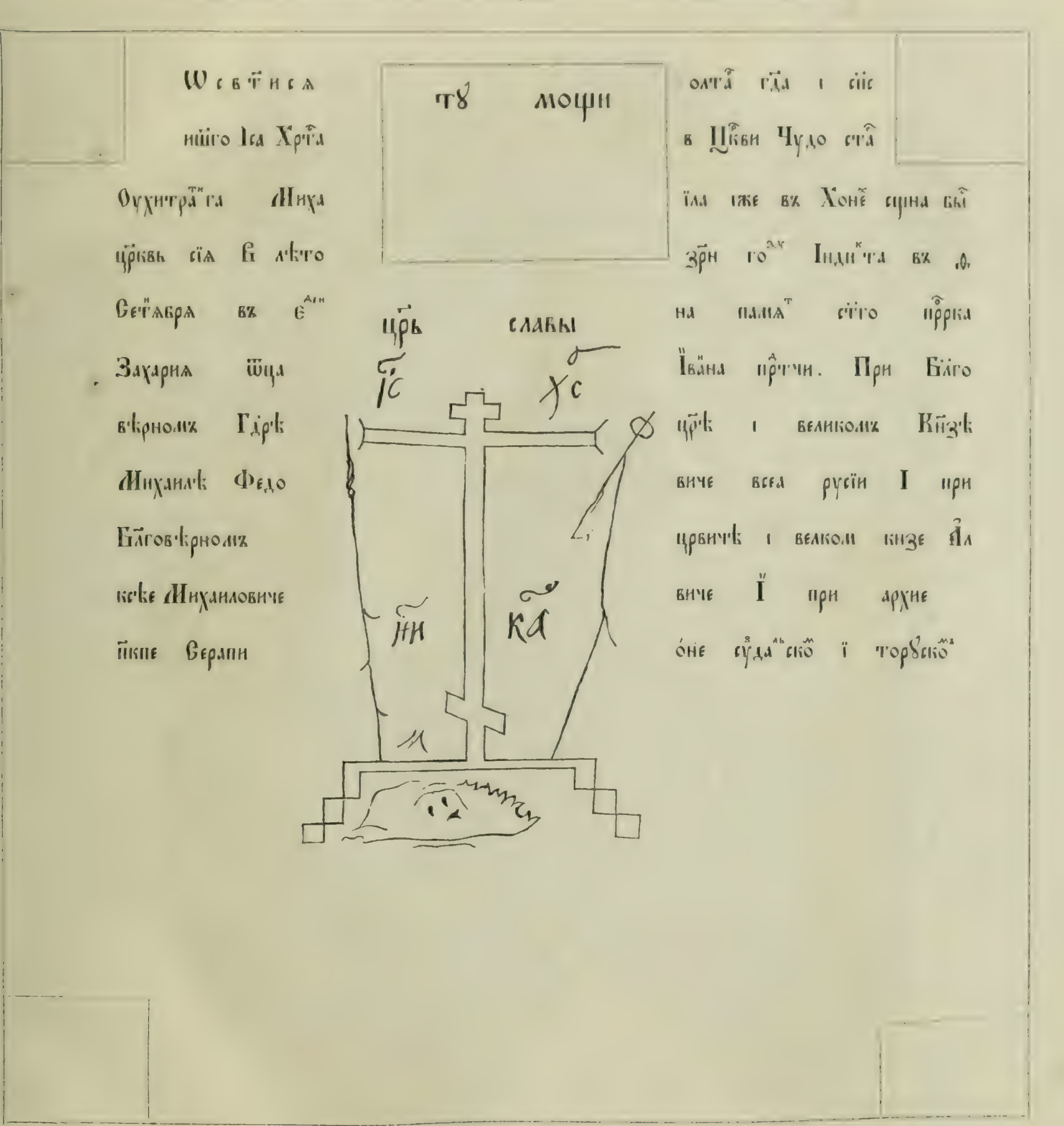
Опредѣлено: обсужденіе этого вопроса, за неприсутствіемъ достаточнаго числа членовъ, отложить до будущаго засѣданія.

5. Товарищъ предсѣдателя К. К. Гёрцъ сообщилъ о раскопкахъ г. Шлимана въ Микенахъ (въ Греціи). Сперва онъ представилъ краткія свѣдѣнія объ историческихъ судьбахъ этого города и его географическомъ положеніи, а потомъ подробно изложилъ топографію акрополиса и нижняго города. Эту мѣстность, современную древней Троѣ, въ истекшемъ году избралъ мѣстомъ своихъ раскопокъ г. Шлиманъ, котораго многоразличныя судьбы и похожденія были подробно разсказаны. Потомъ авторъ очертилъ предварительныя раскопки, произведенныя г. Шлиманомъ въ Микенахъ въ 1874 году, и наконецъ перешелъ къ раскопкамъ въ 1876 году. Здѣсь онъ обратилъ преимущественно вниманіе на открытіе царскихъ гробницъ на акрополисѣ Микенъ, въ которыхъ найдено было множество золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ вещей. Сперва докладчикъ представилъ мнѣніе объ этихъ гробницахъ и ихъ времени самого г. Шлимана, а потомъ перешелъ къ критикѣ этихъ предположеній, высказанной нѣмецкими археологами. Рѣшеніе спорнаго вопроса, принадлежатъ ли открытыя гробницы Агамемнону и его современникамъ, должно быть отложено до болѣе подробнаго изученія самихъ предметовъ и выхода въ свѣтъ сочиненія о нихъ г. Шлимана.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЗАМѢТКѢ К. Н. ТИХОНРАВОВА.

СНИМКИ СЪ ДВУХЪ СУЗДАЛЬСКИХЪ АНТИМИНСОВЪ, ПИСАННЫХЪ НА ХОЛСТѢ.

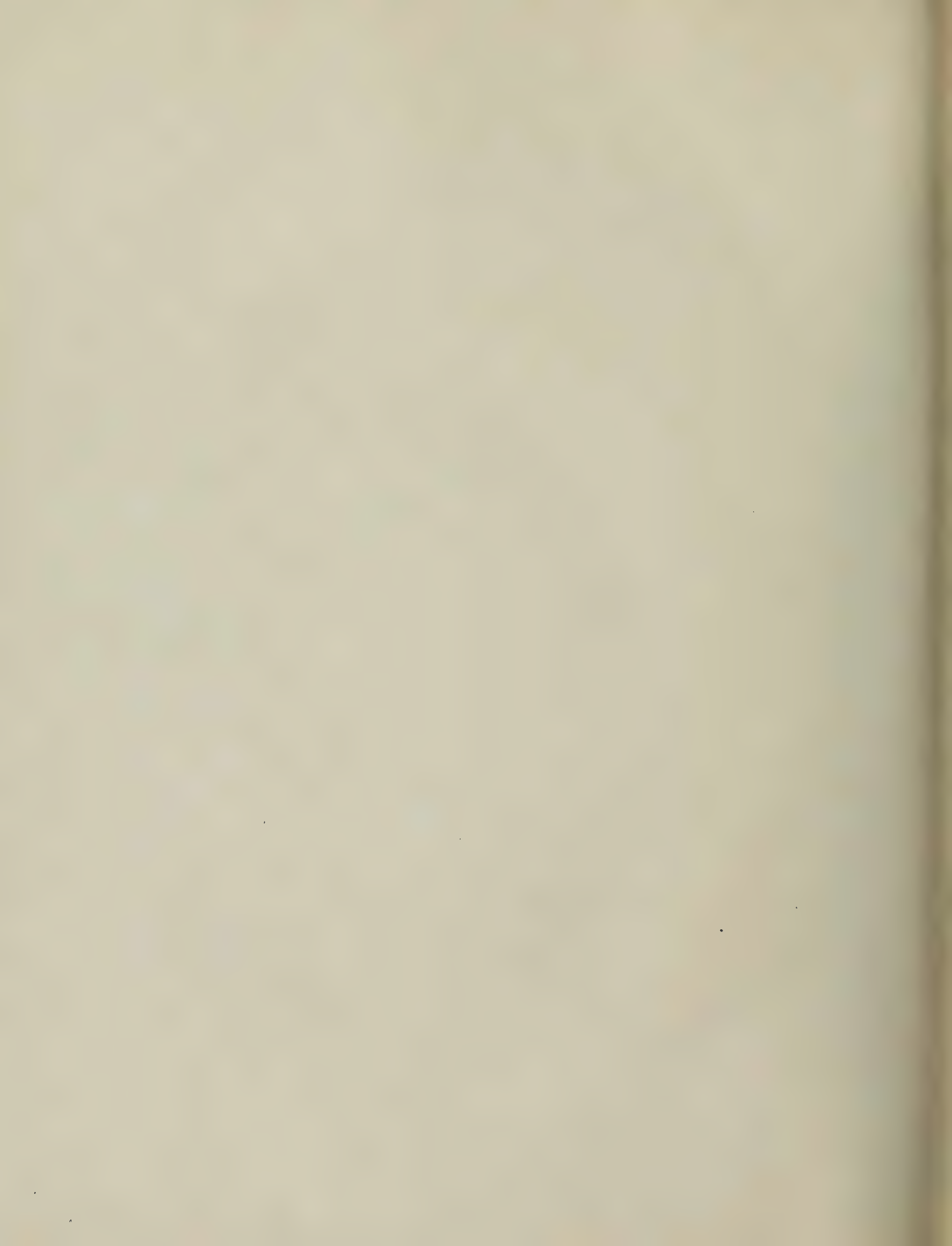
а) При Архіепископѣ Серапіонѣ Суздальскомъ и Торусскомъ, 1642 г.



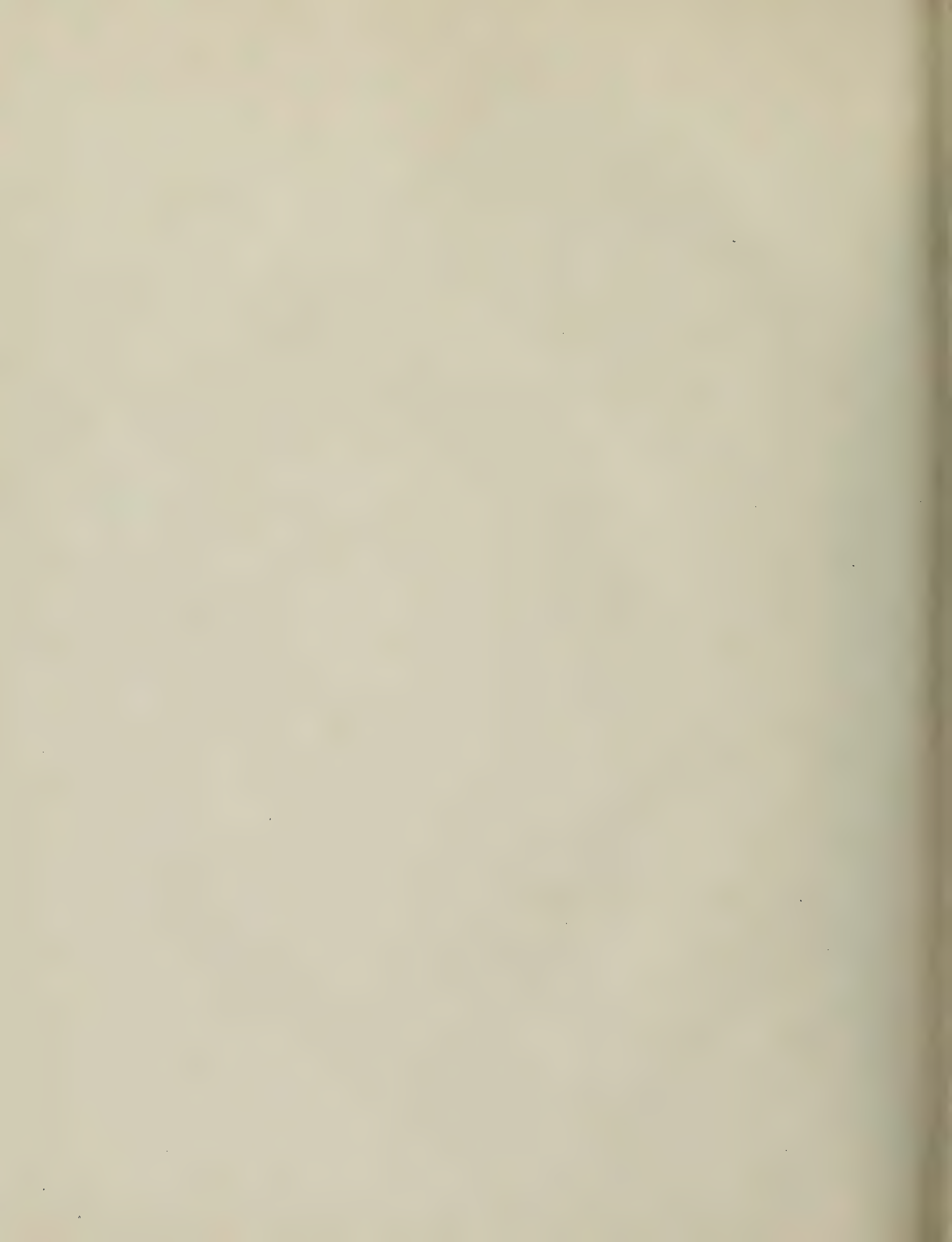
в) При Патріархѣ Московскомъ и всея Россіи Іосифѣ, 1649 г.

Греческая лицевая
Псалтирь
IX вѣка
изъ собранія
А.И. Хлудова
въ Москвѣ,
изслѣдованіе
Н.П. Кондакова
Москва ҂аѡоз г.

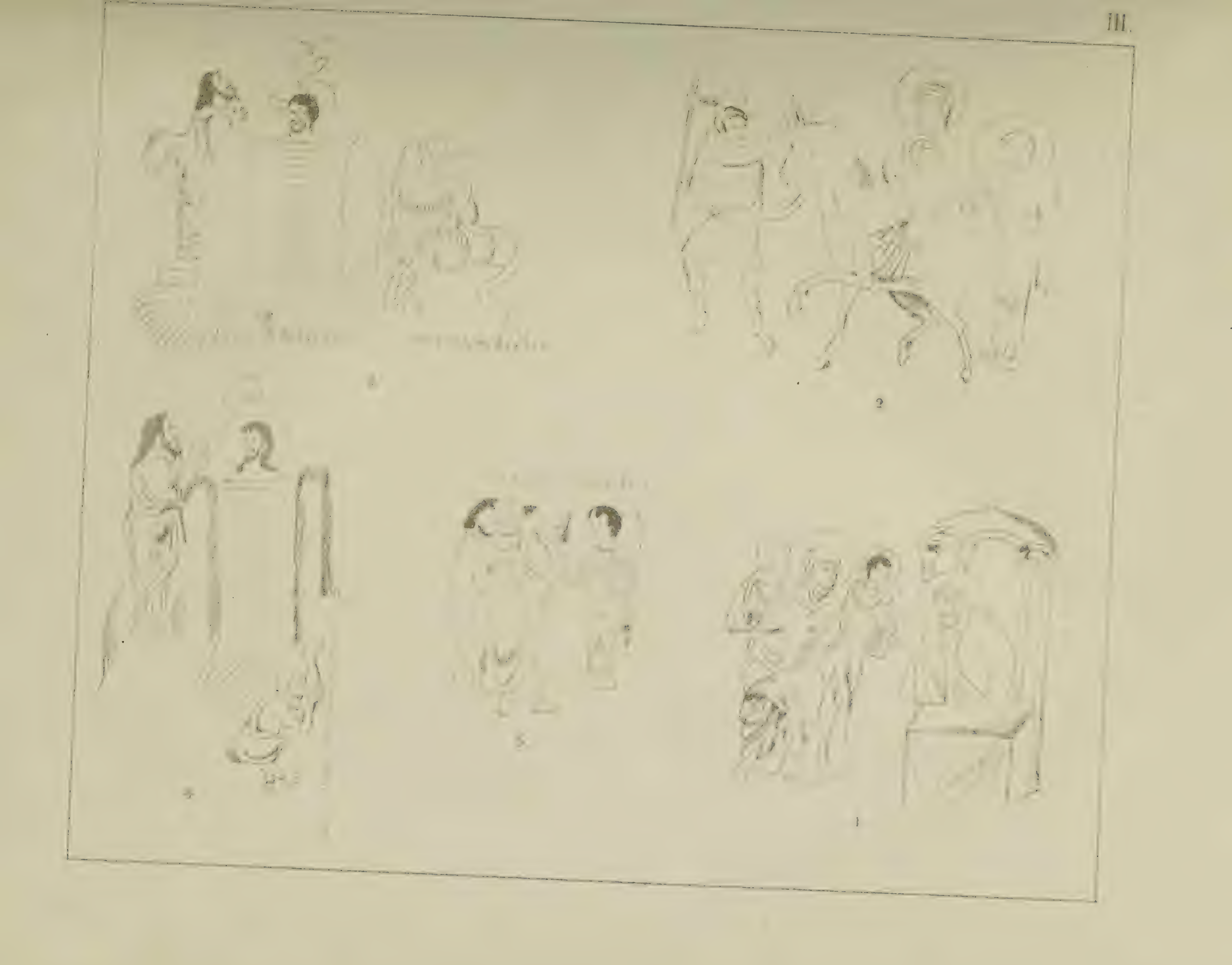
1.
2.
3.

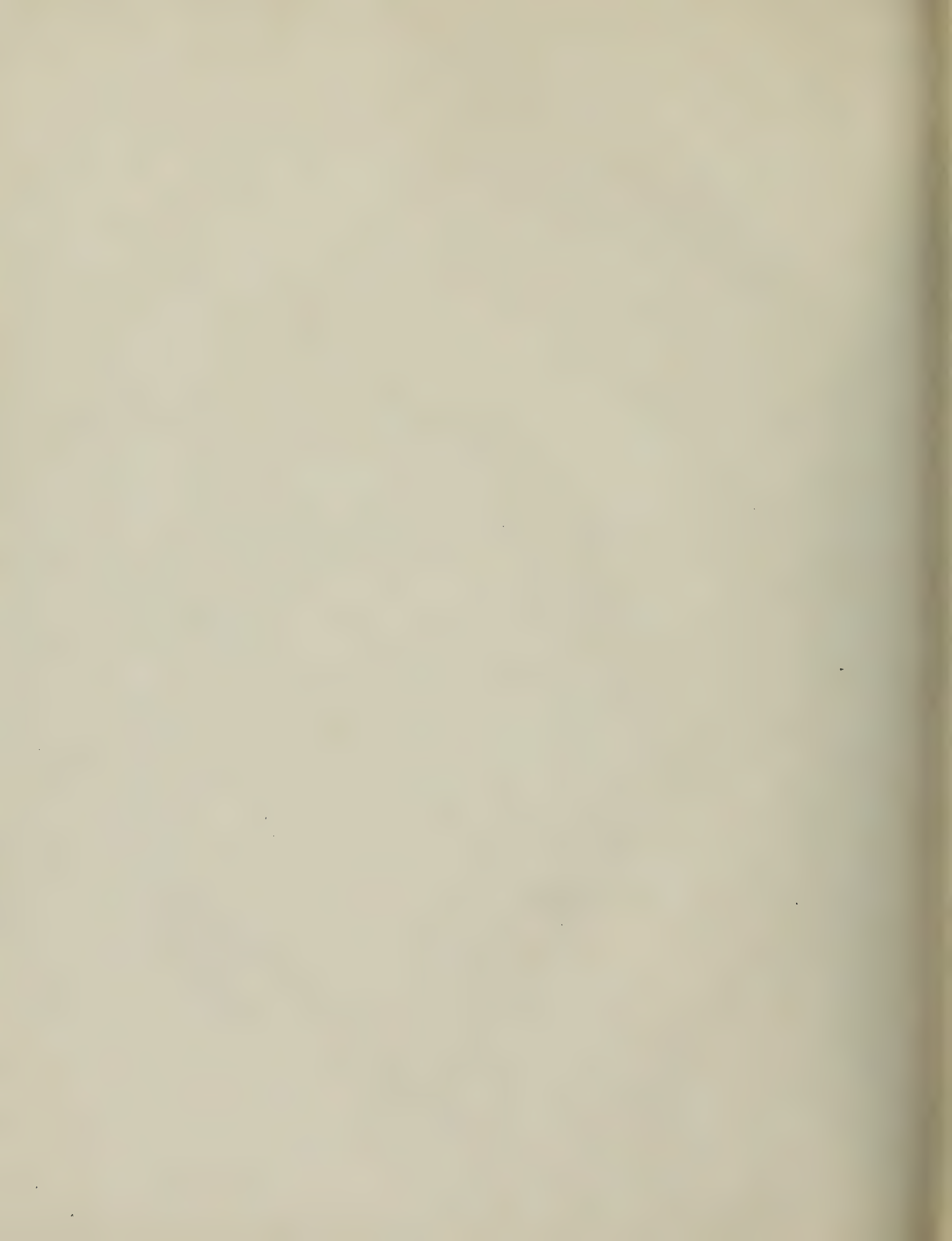


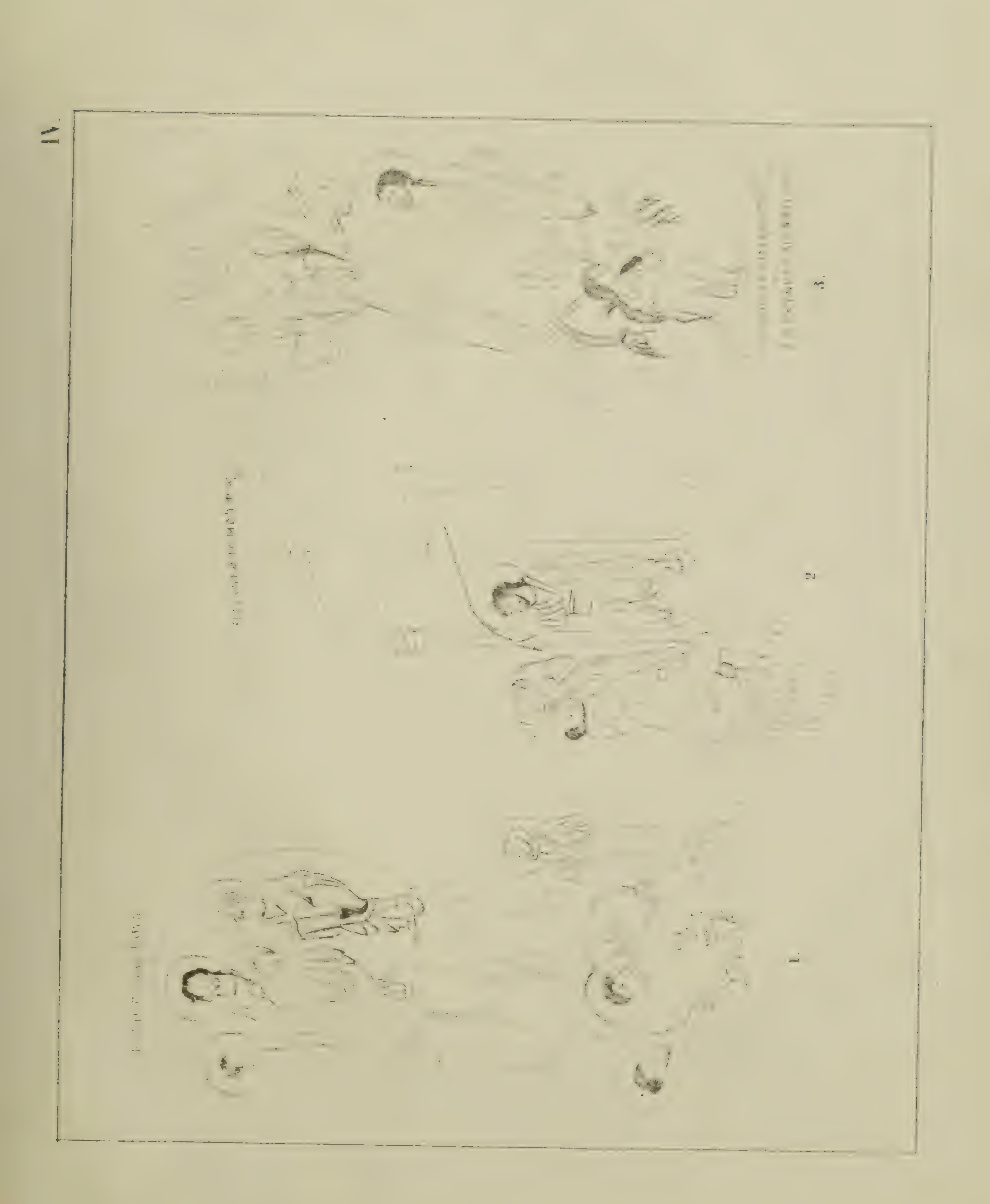
II.

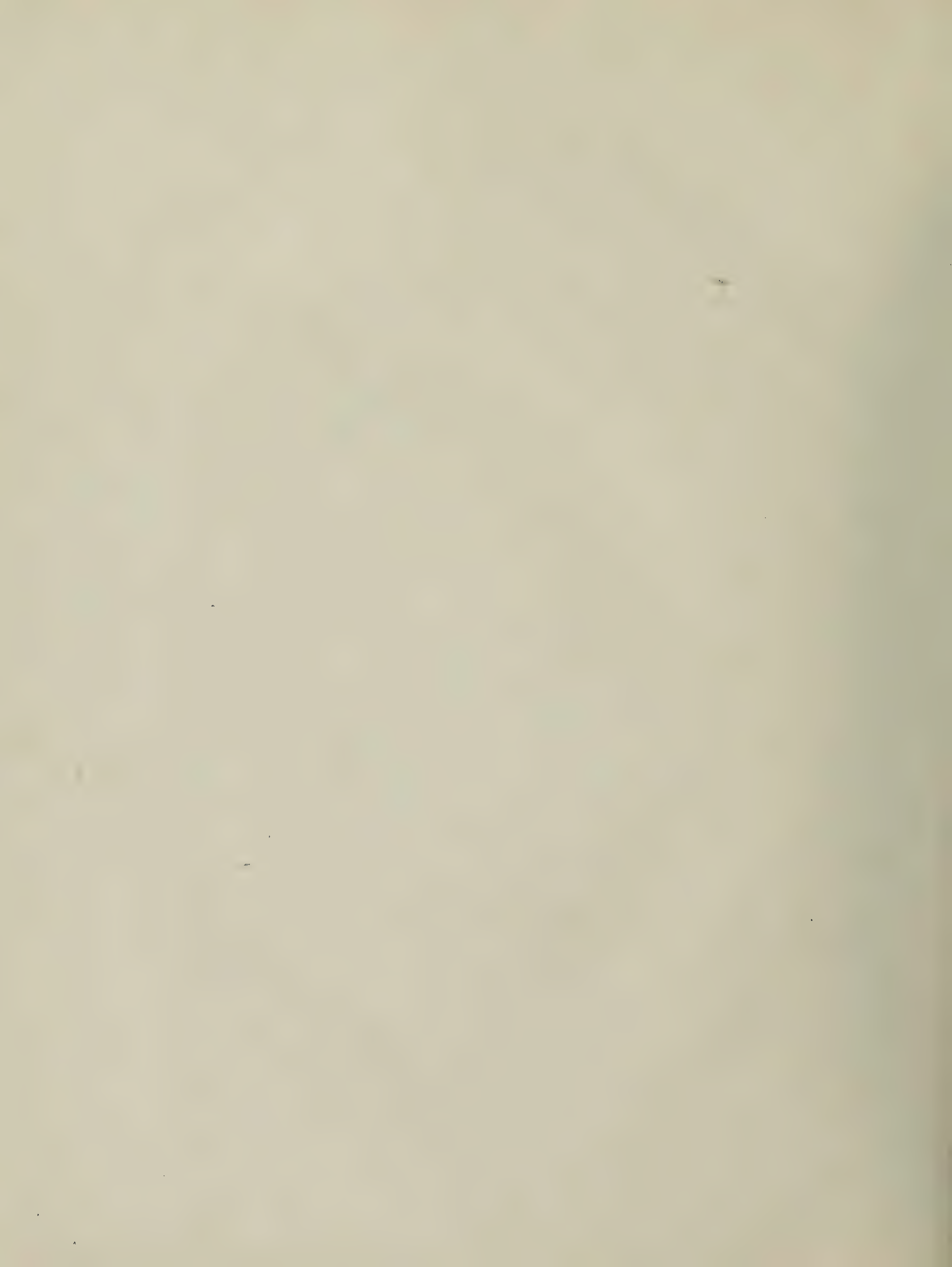


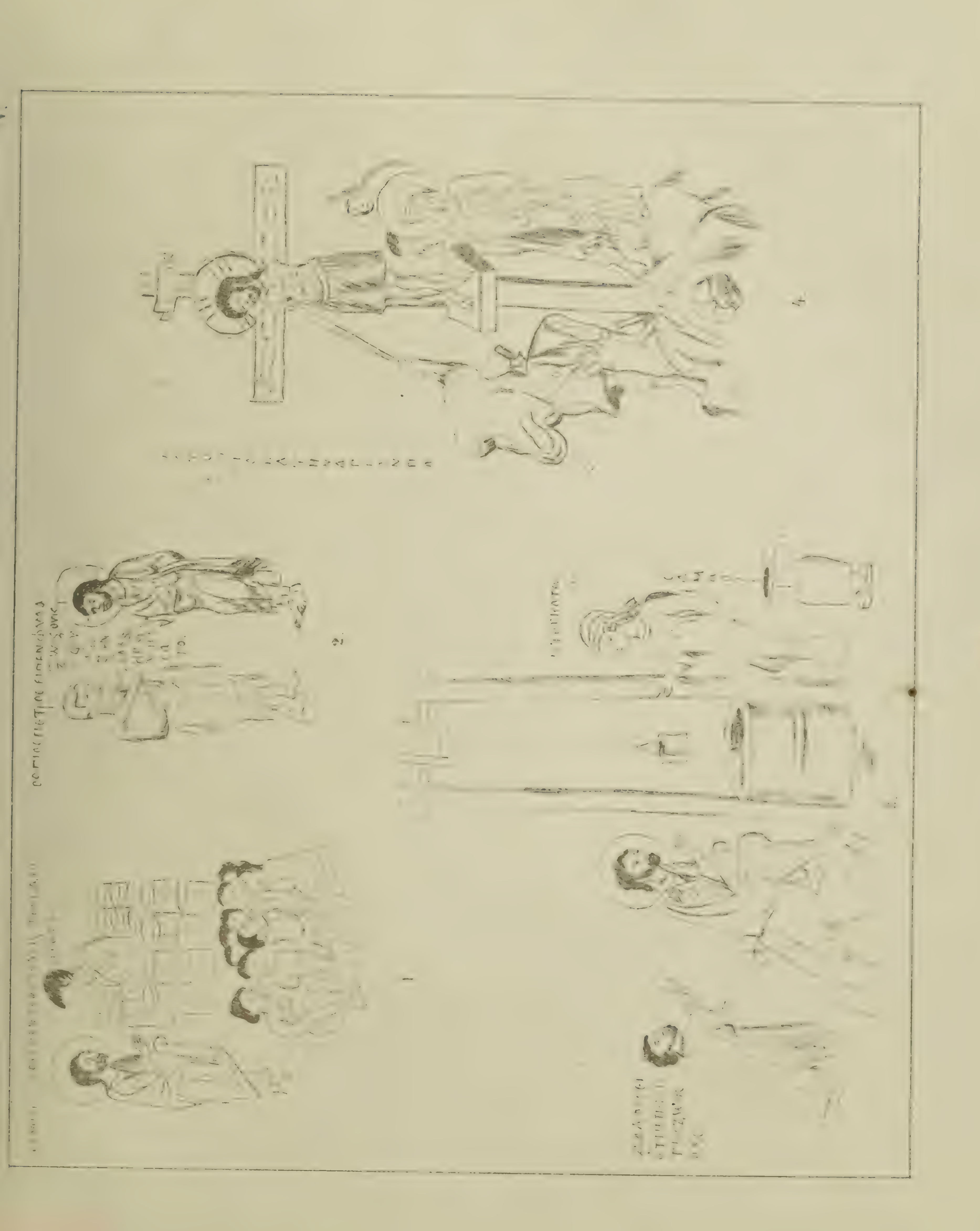
III.

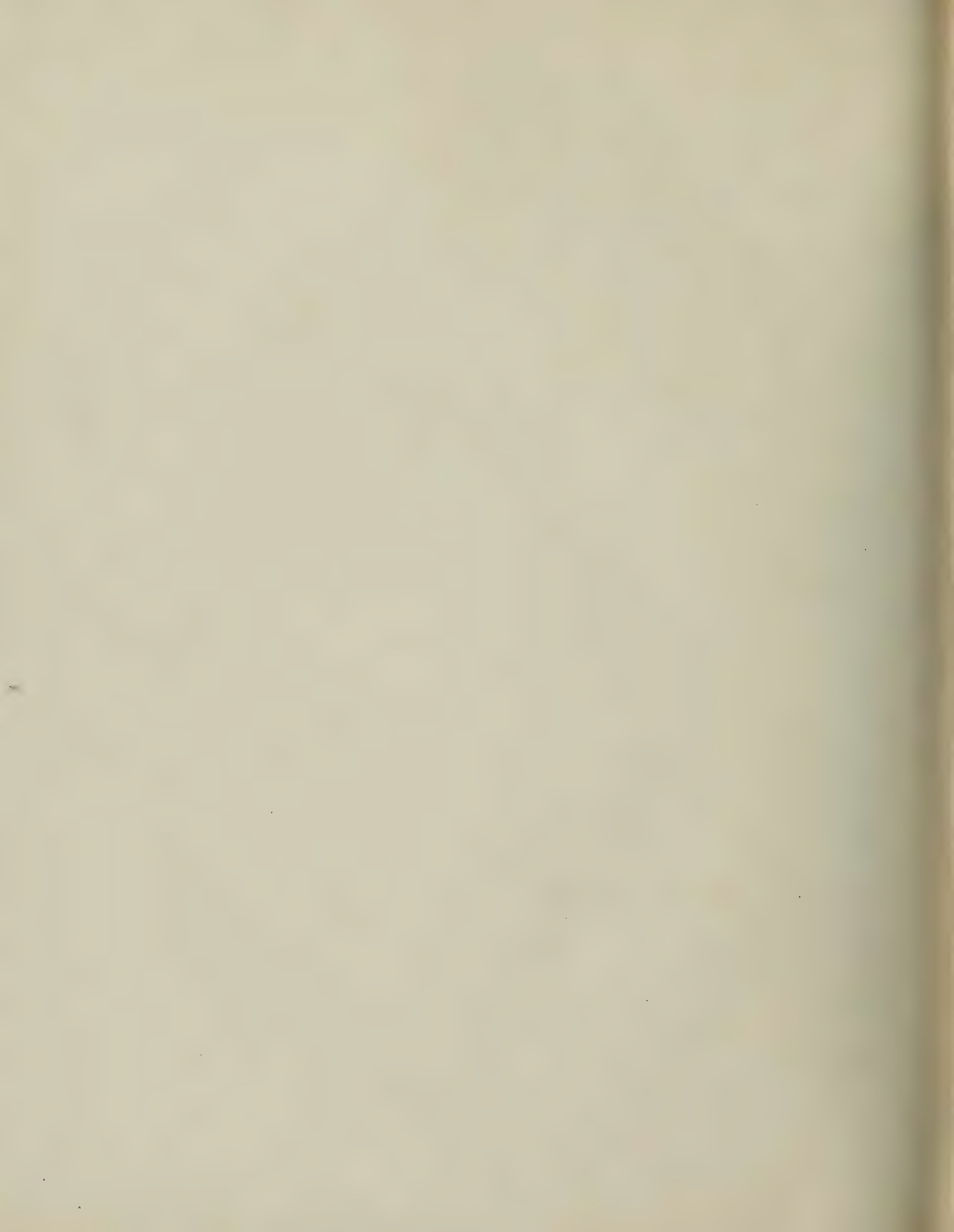




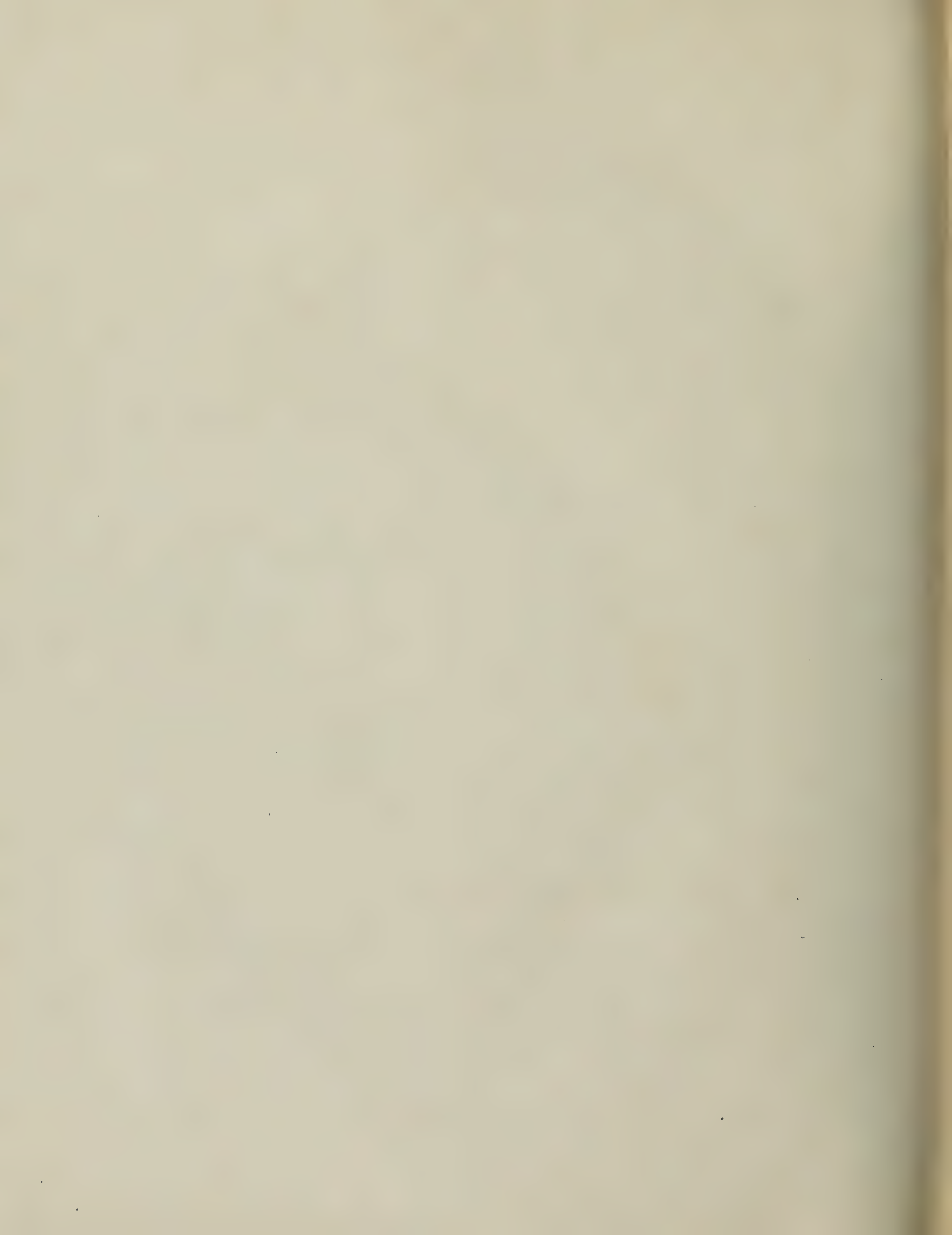


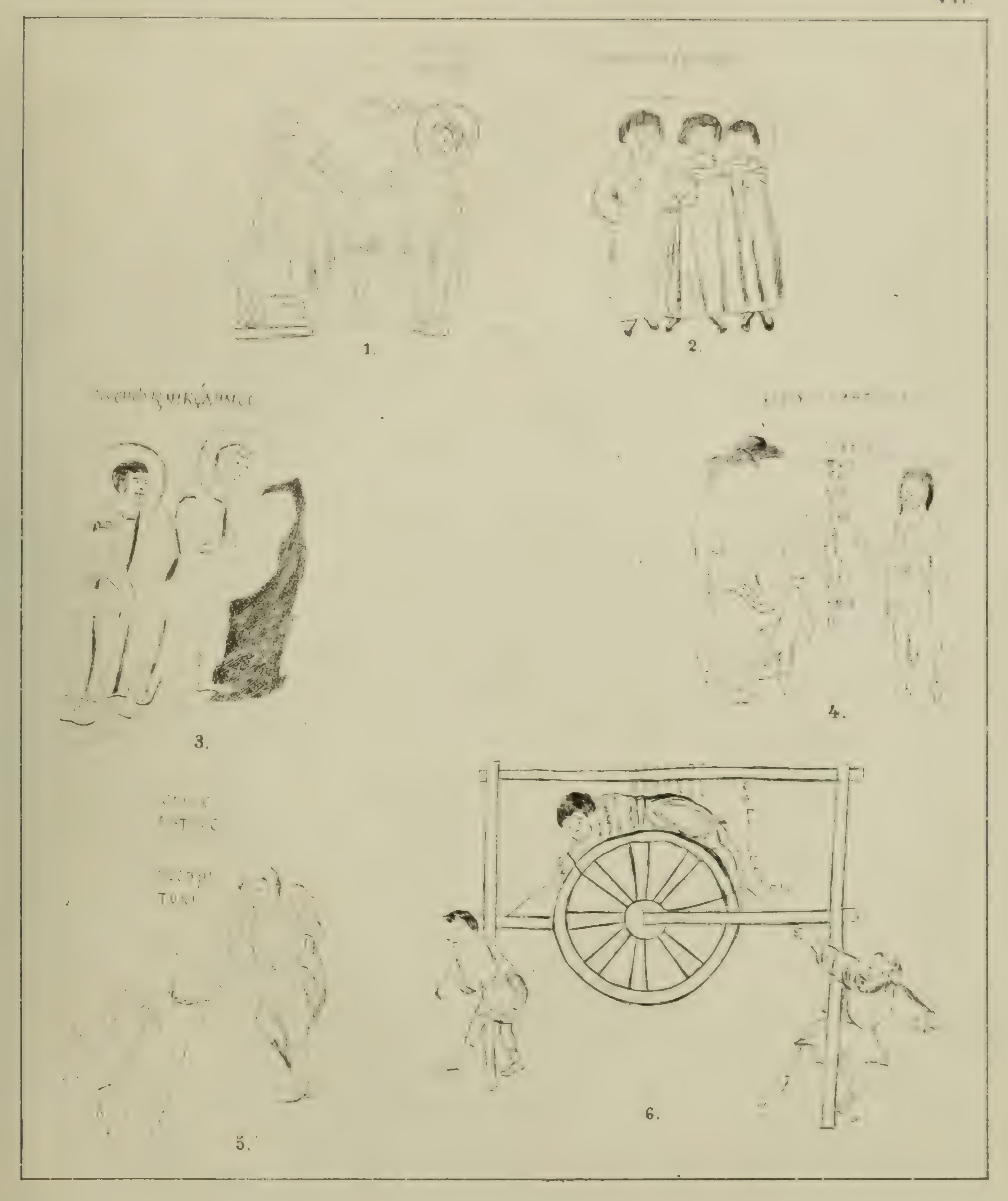


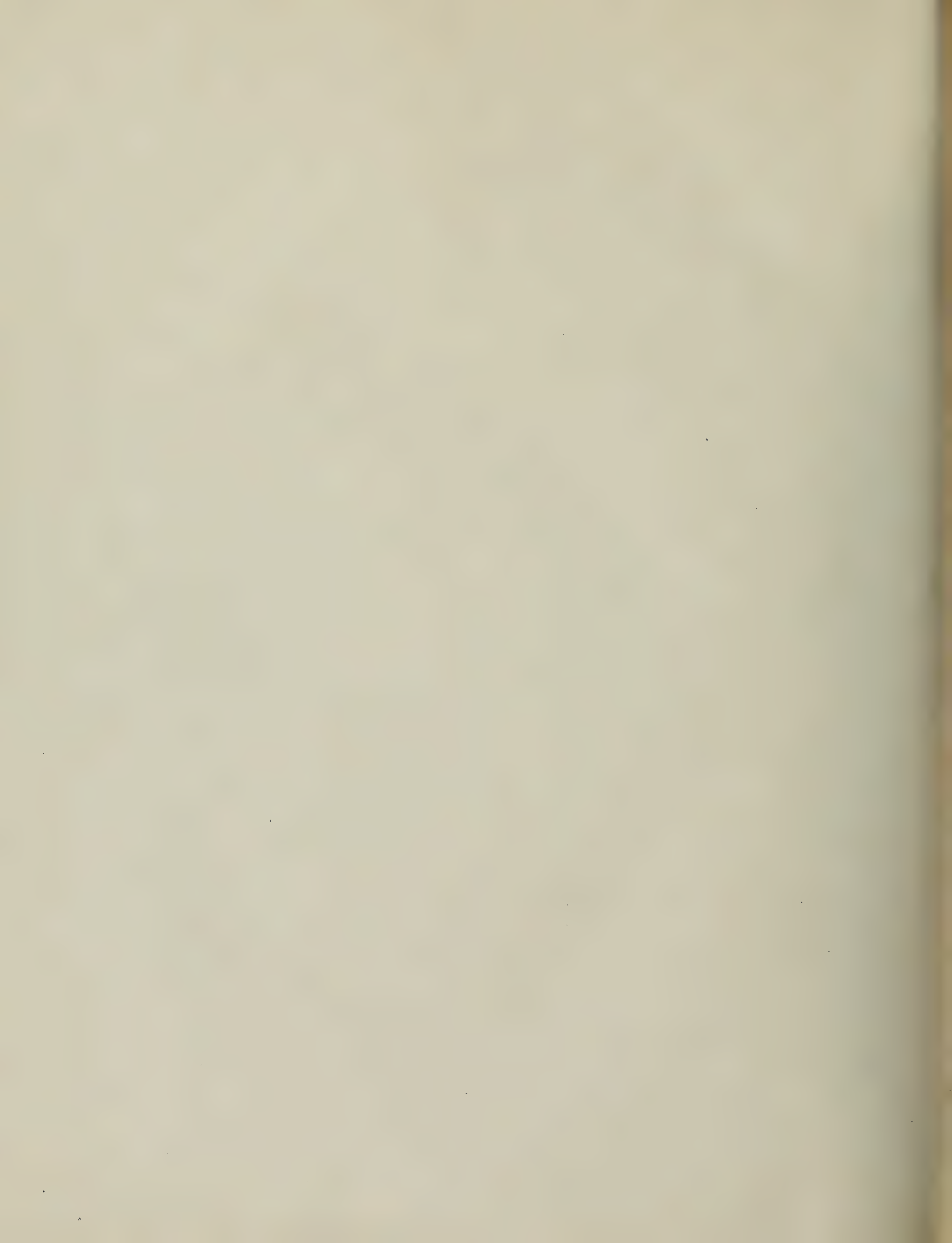




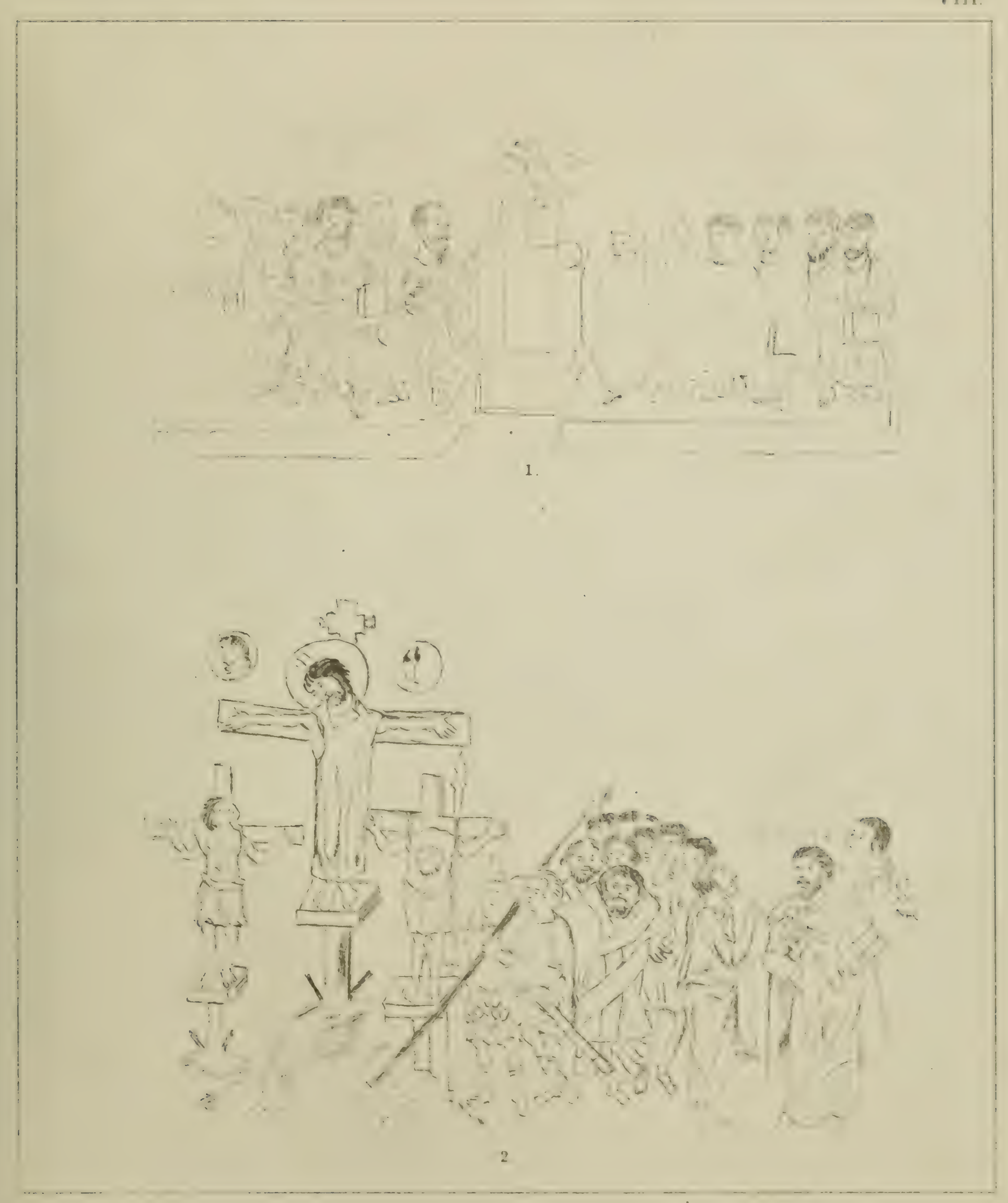
1.
3.
2.
4.





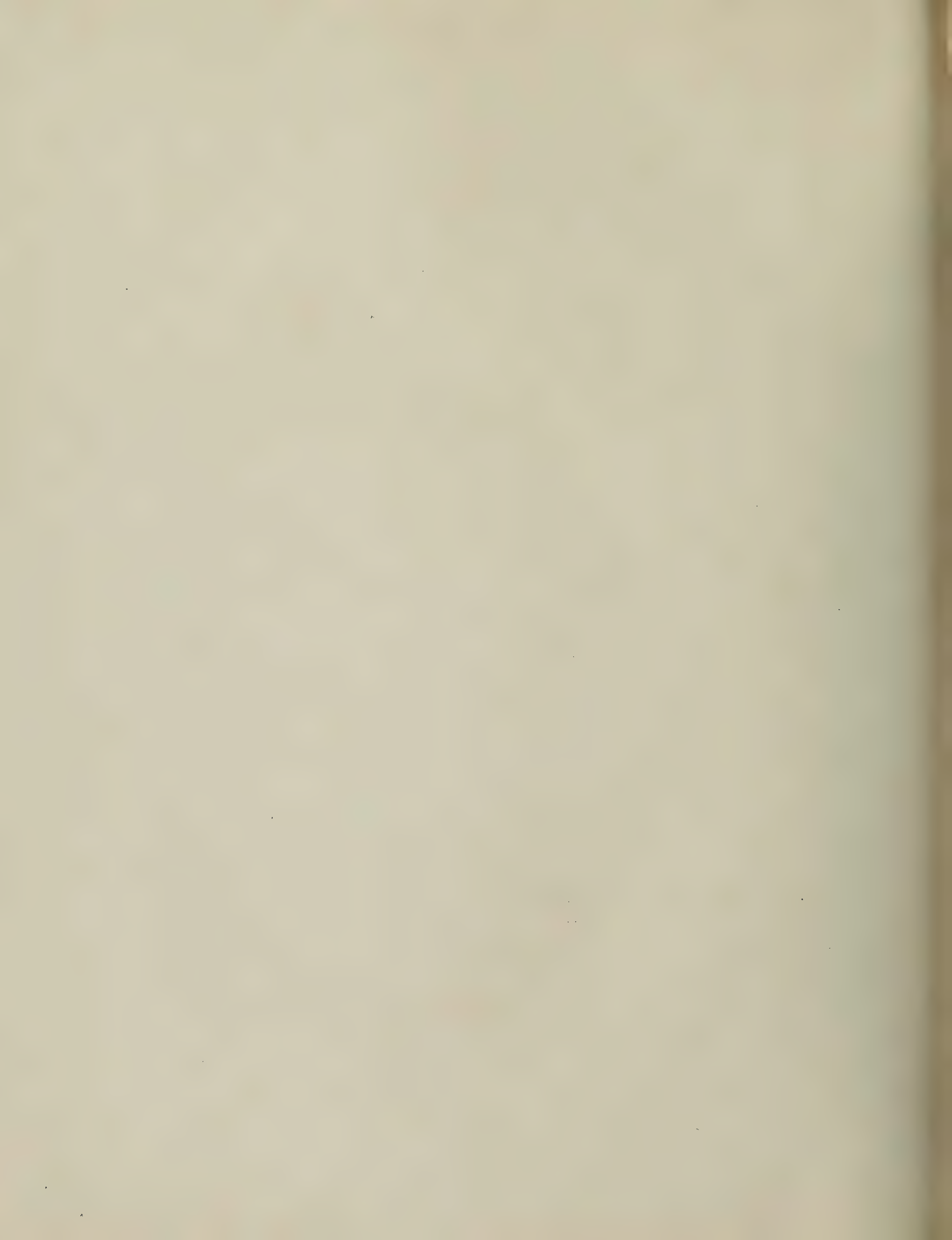


VIII.

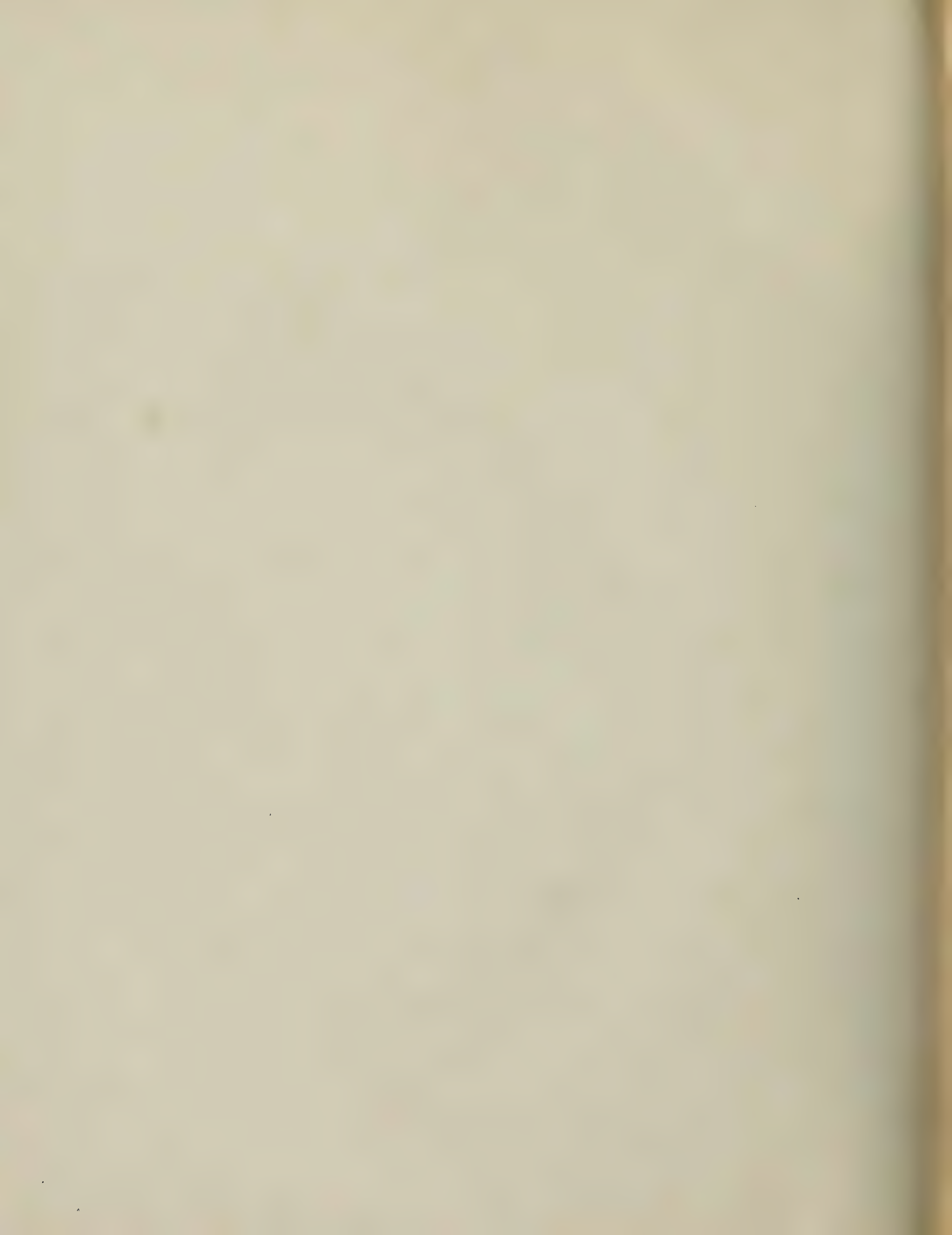


1.

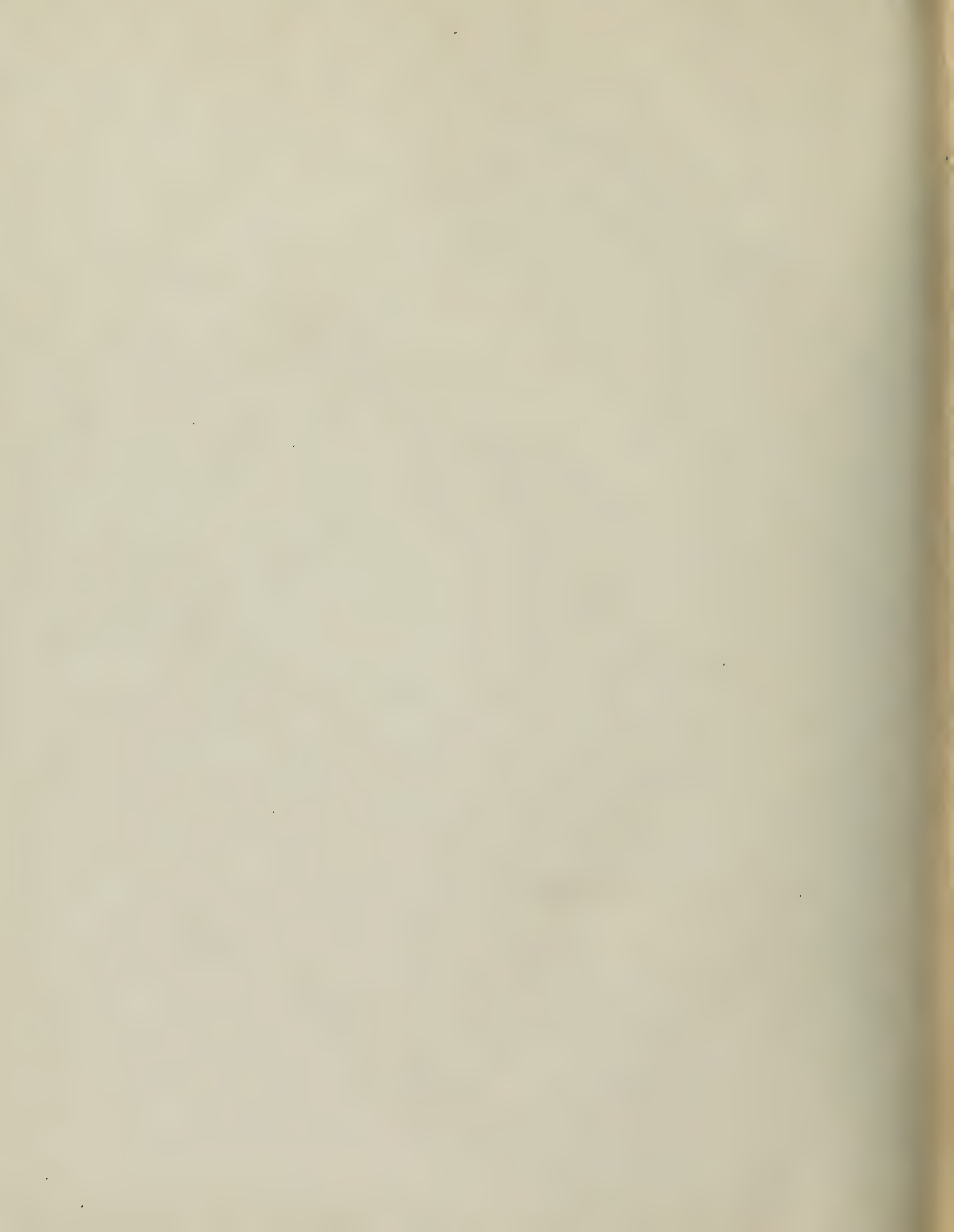
2



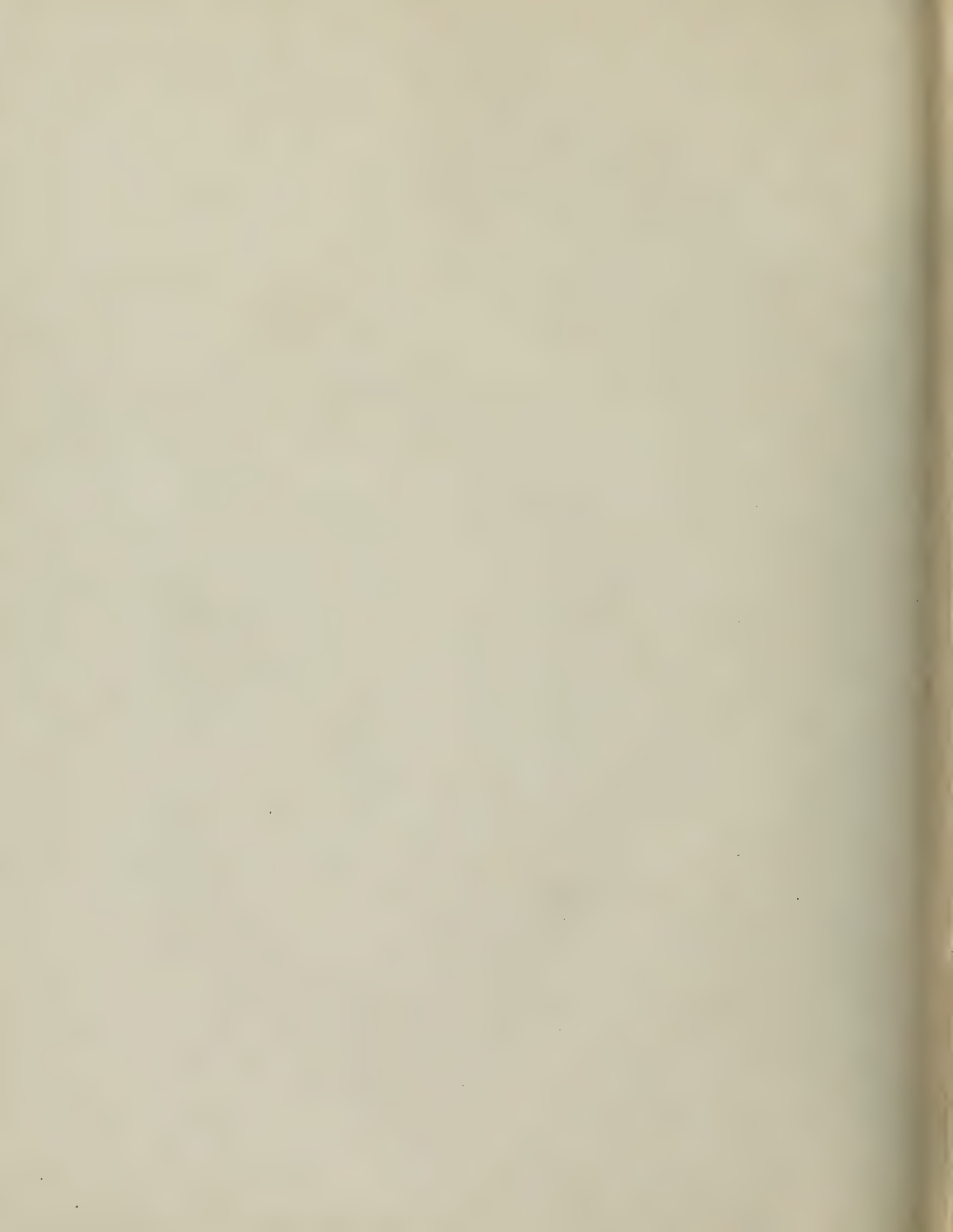
IX.

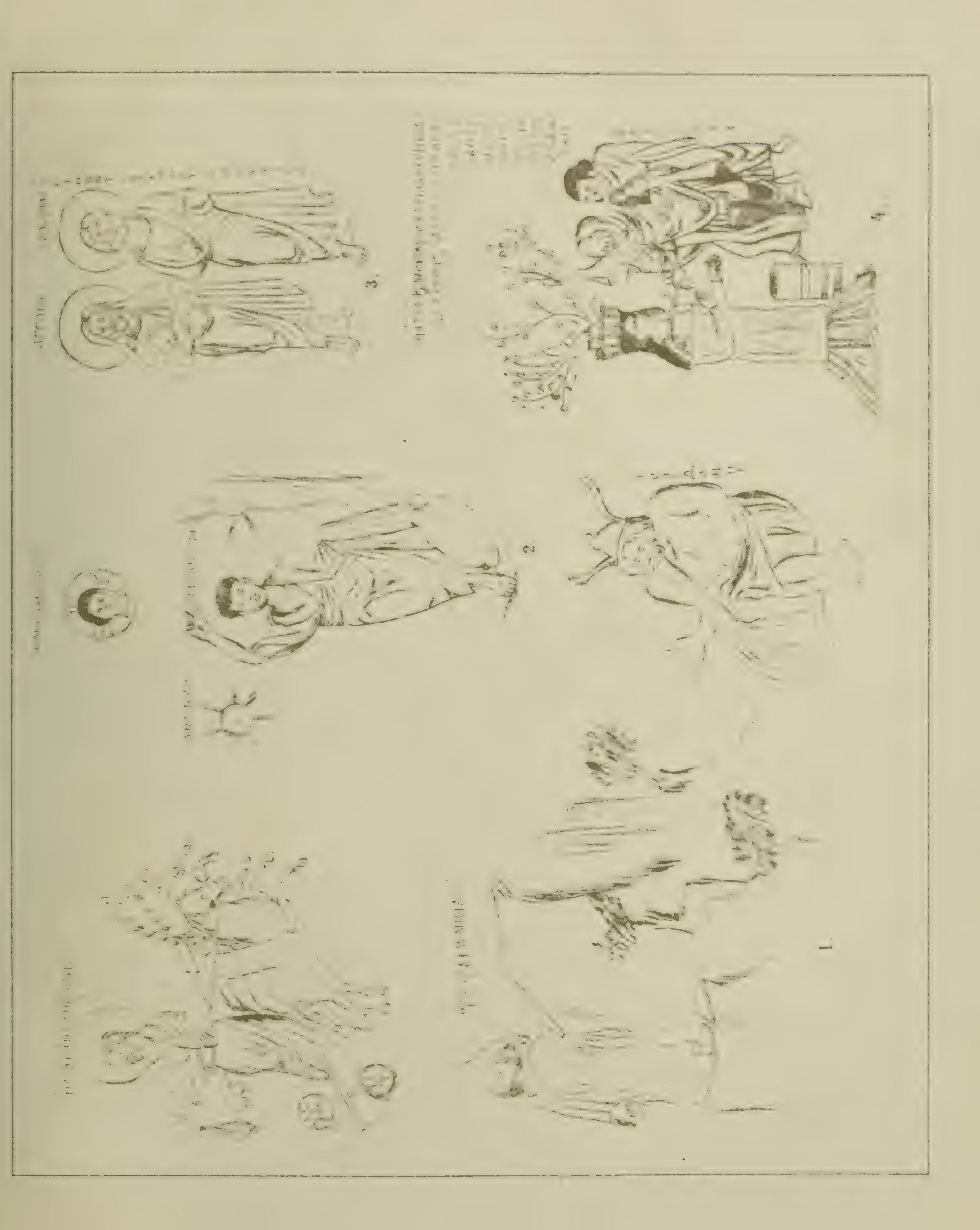


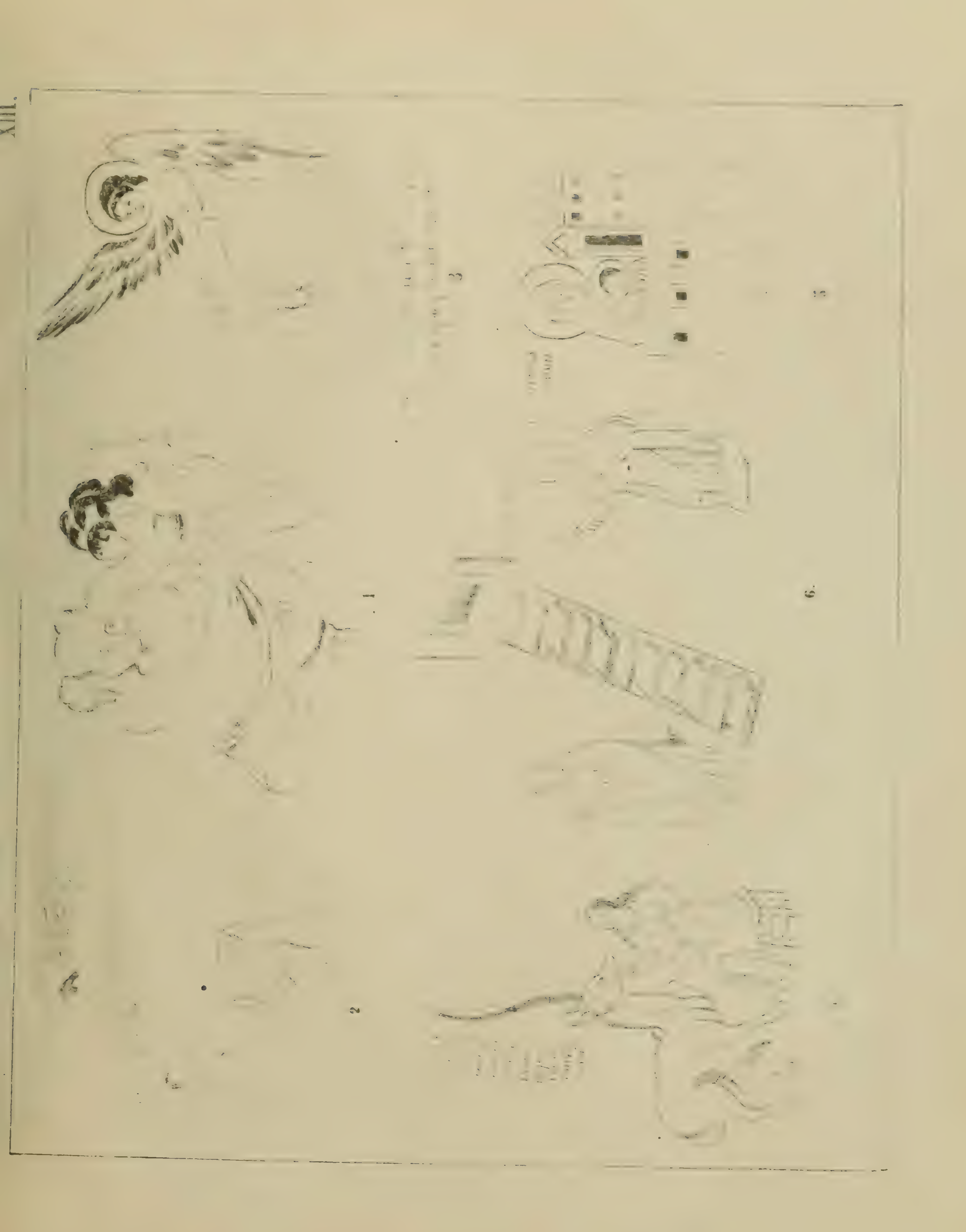
1. 2. 3.

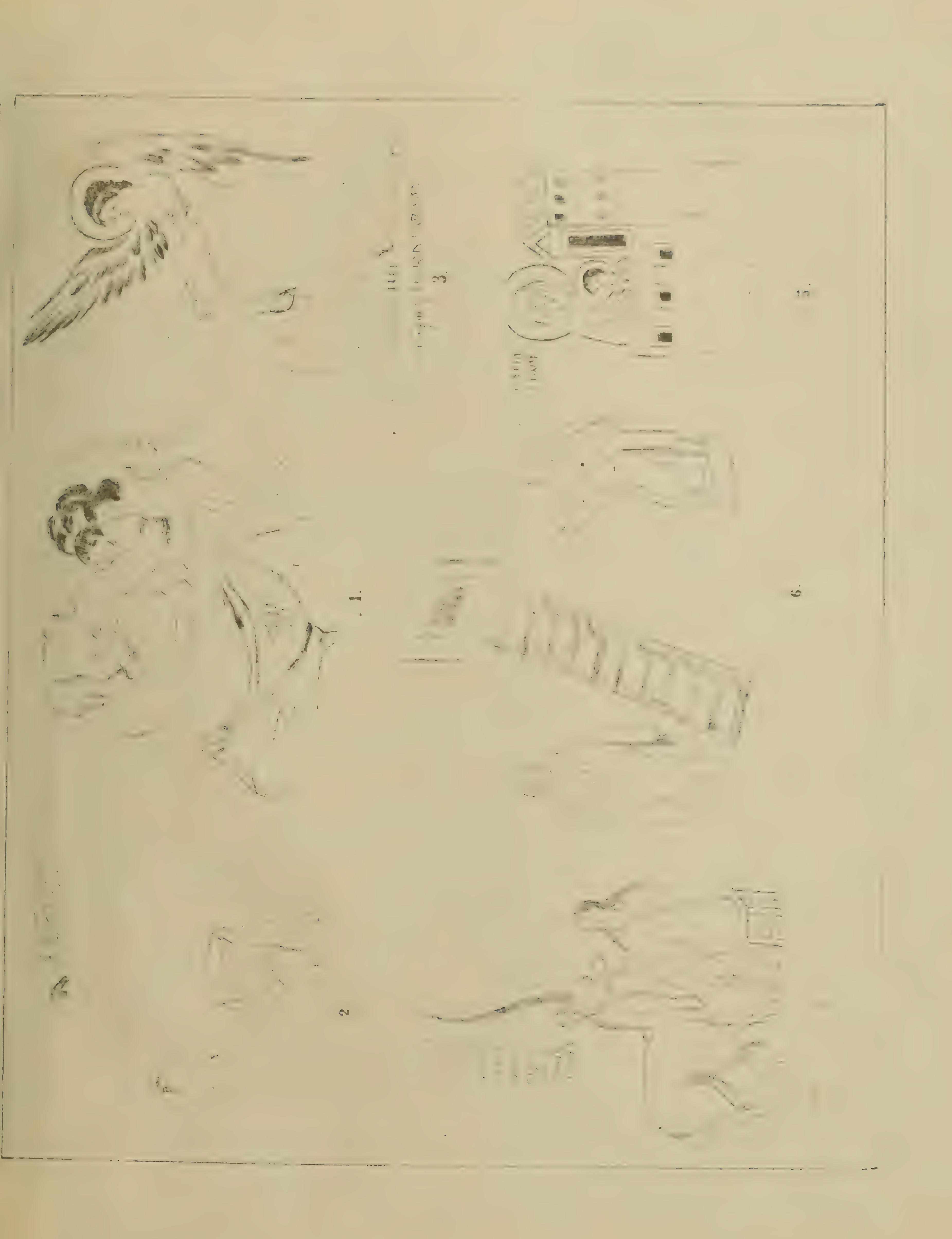


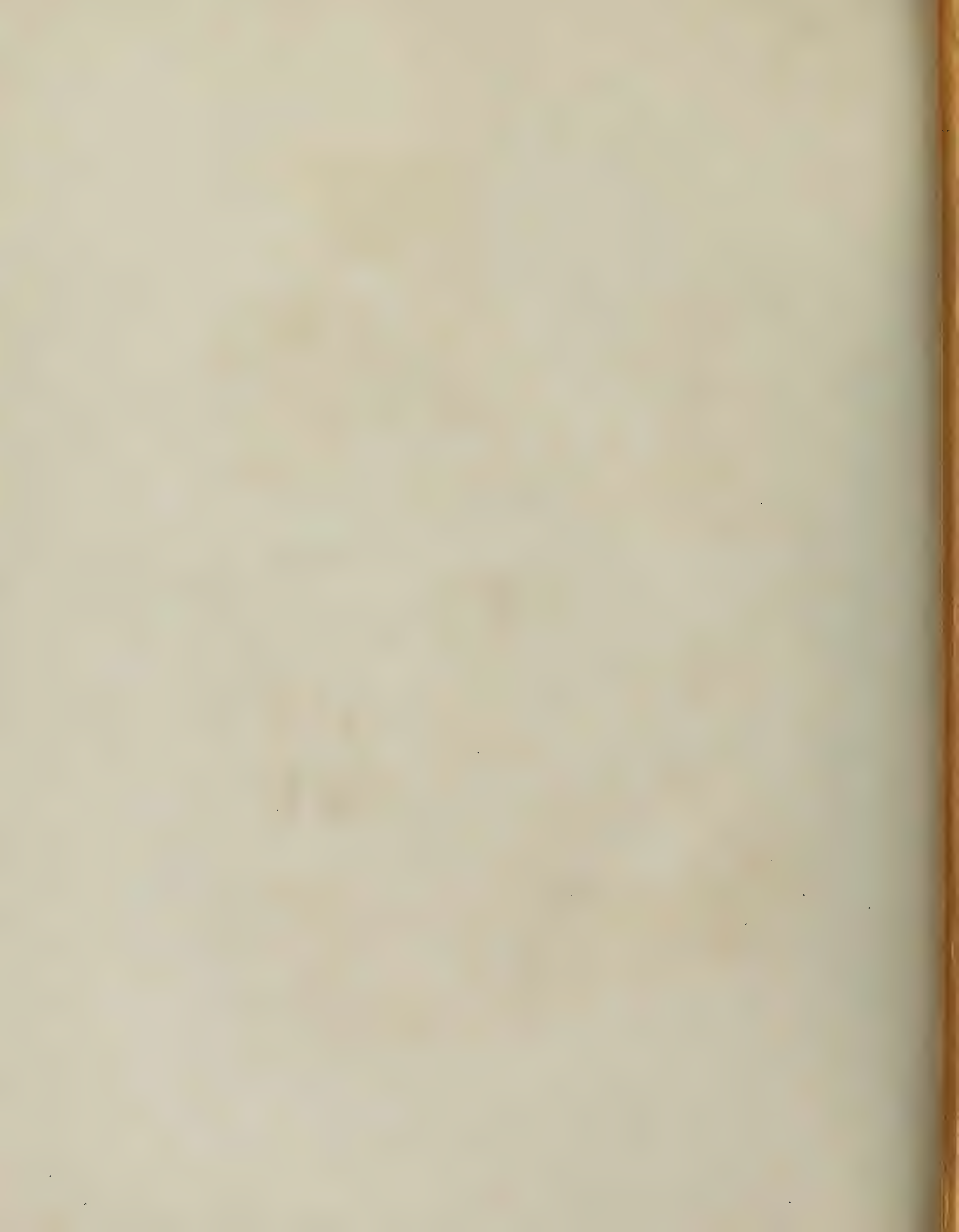
3.
4.
1.
2.
5.



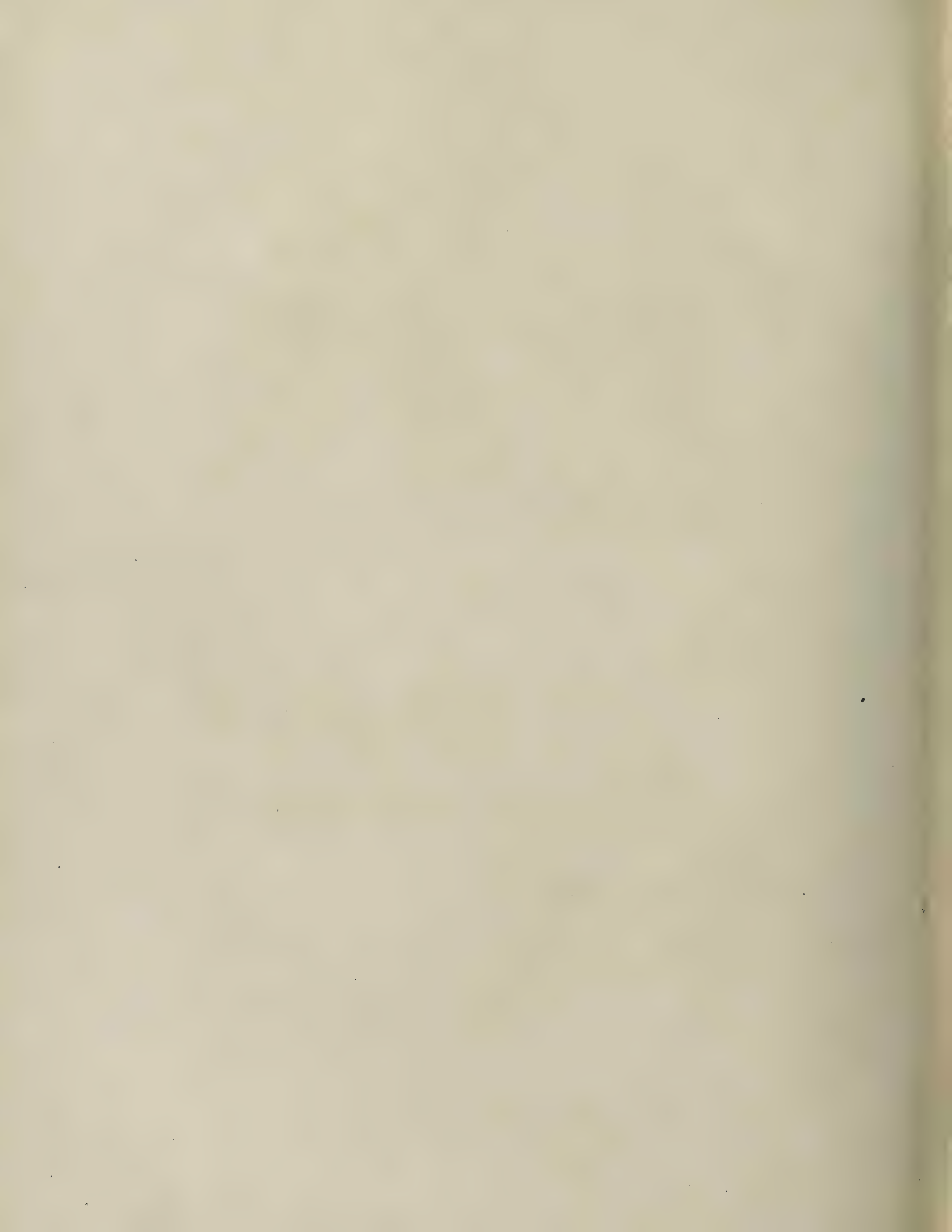




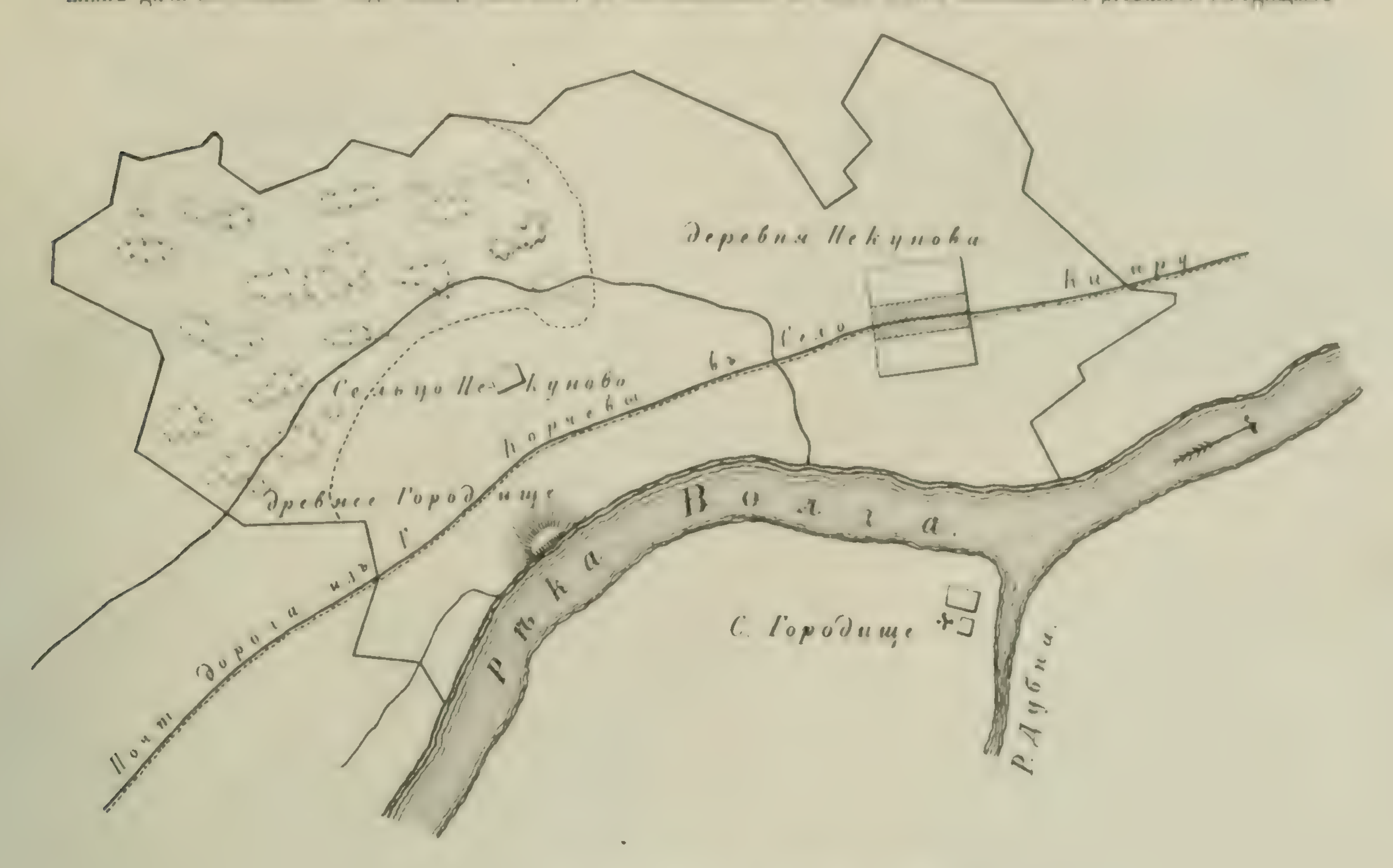




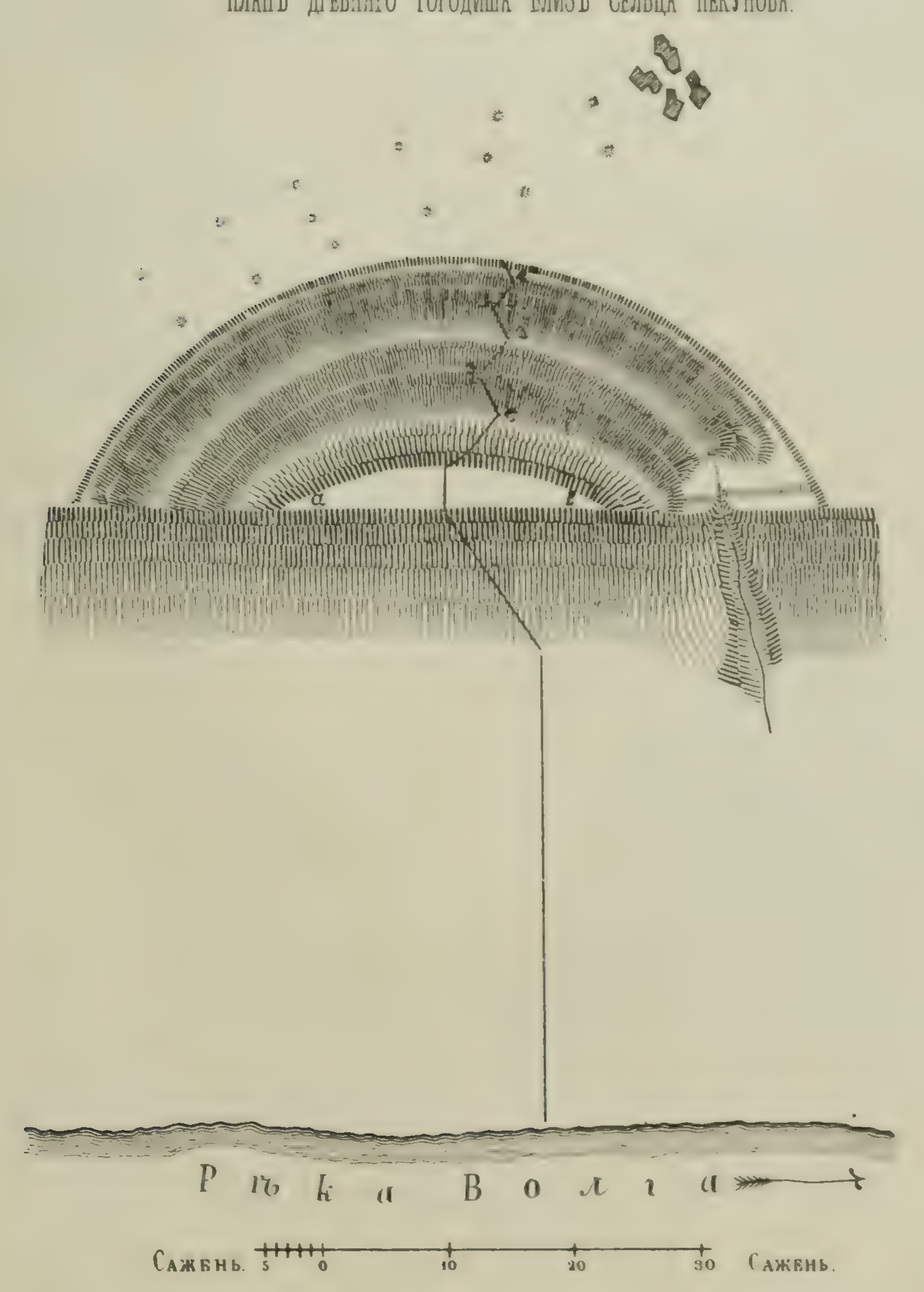
ΔΑΔ



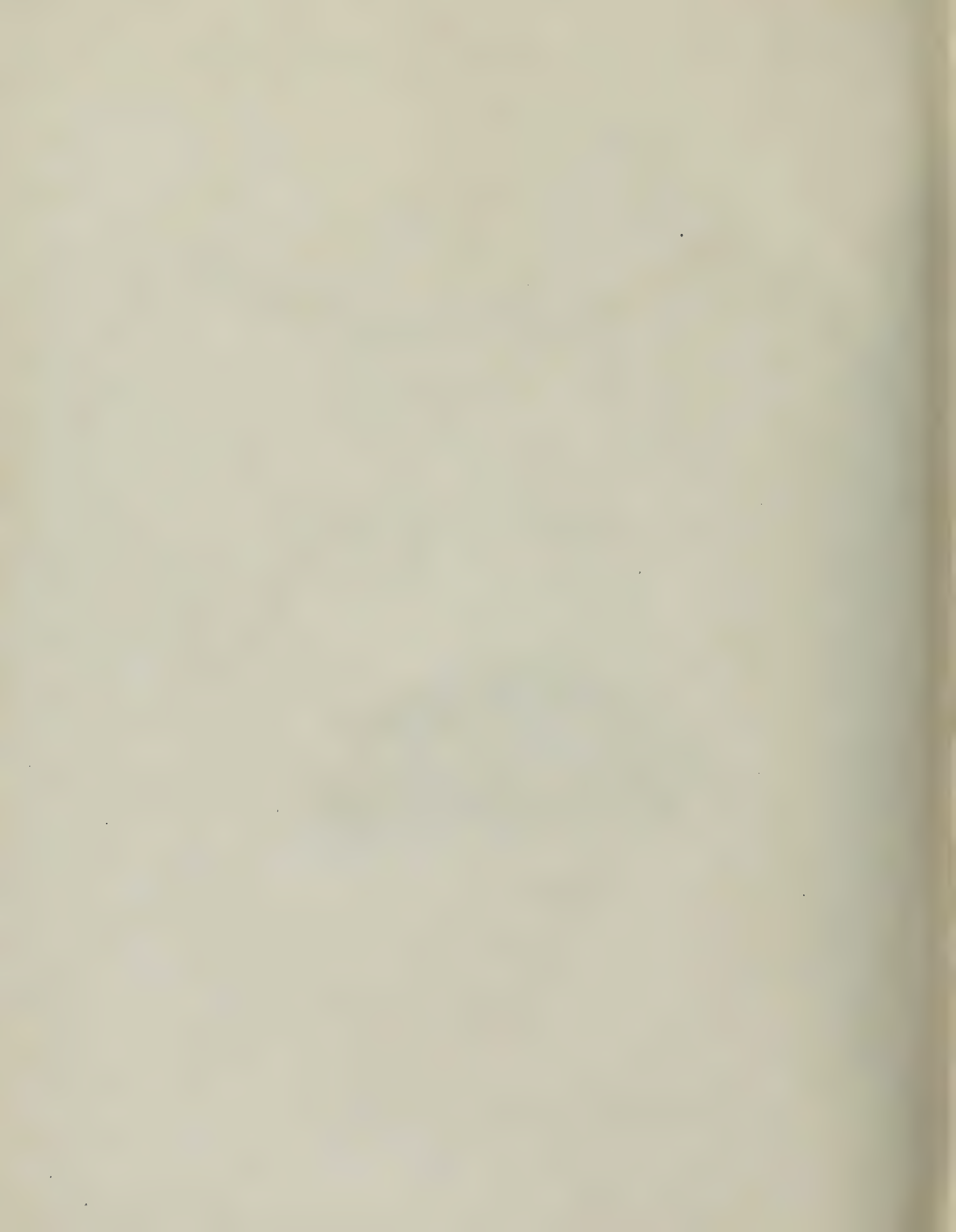
ПЛАНЪ ДАЧИ КОРЧЕВСКАГО УѢЗДА СЕЛЬЦА ПЕКУНОВА, СЪ ОБОЗНАЧЕНІЕМЪ НА НЕМЪ МѢСТА ЗАНИМАЕМАГО ДРЕВНИМЪ ГОРОДИЩЕМЪ

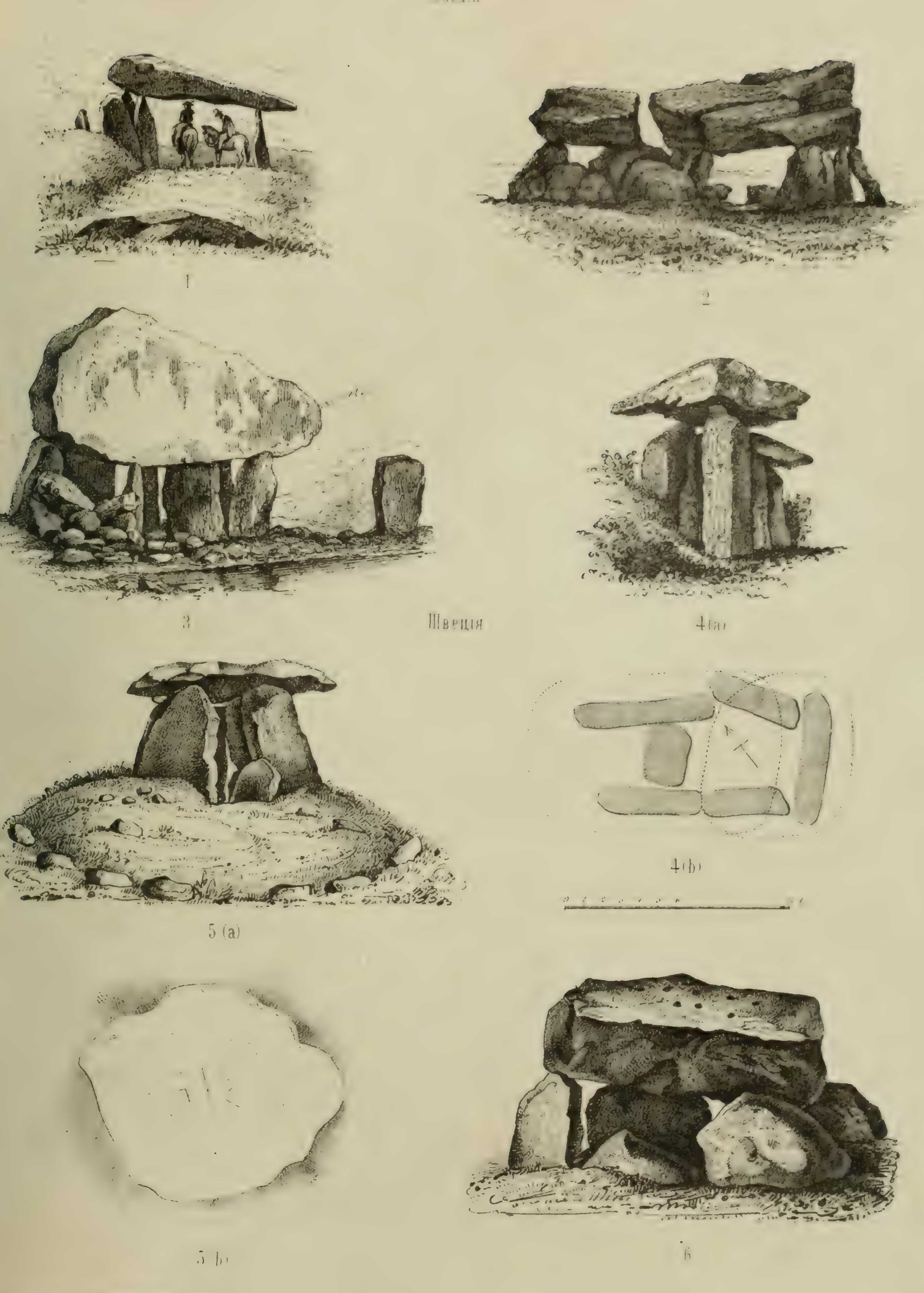


ПЛАНЪ ДРЕВНЯГО ГОРОДИША БЛИЗЪ СЕЛЬЦА ПЕКУНОВА.



Лит. Александровскаго въ Москвѣ





[illegible]ьтопечать В. Я. Рейнгардта

Дозволено ценз[illegible] Мар[illegible]

Швеція

1

2

3

4

3

4

6

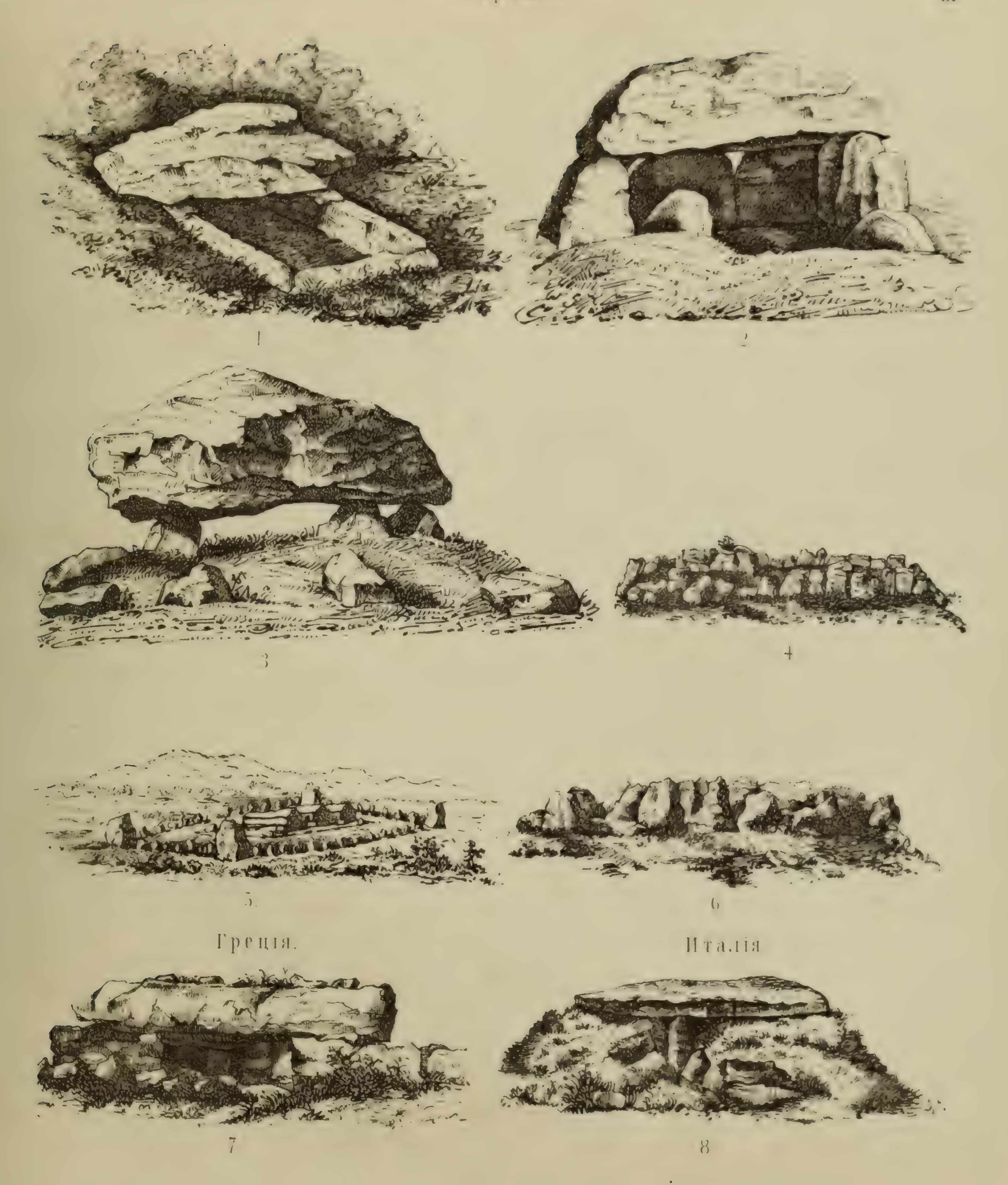
5

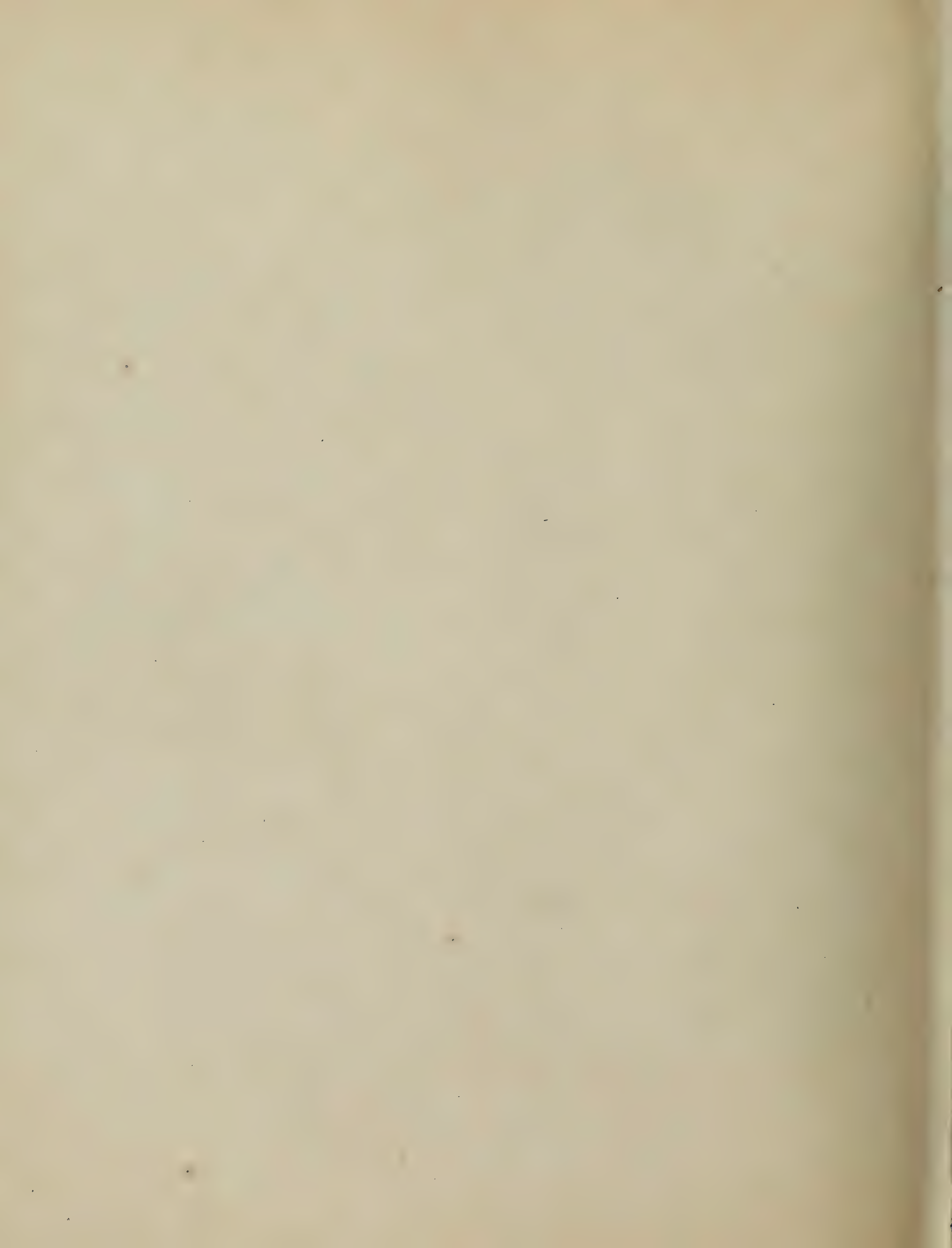
5

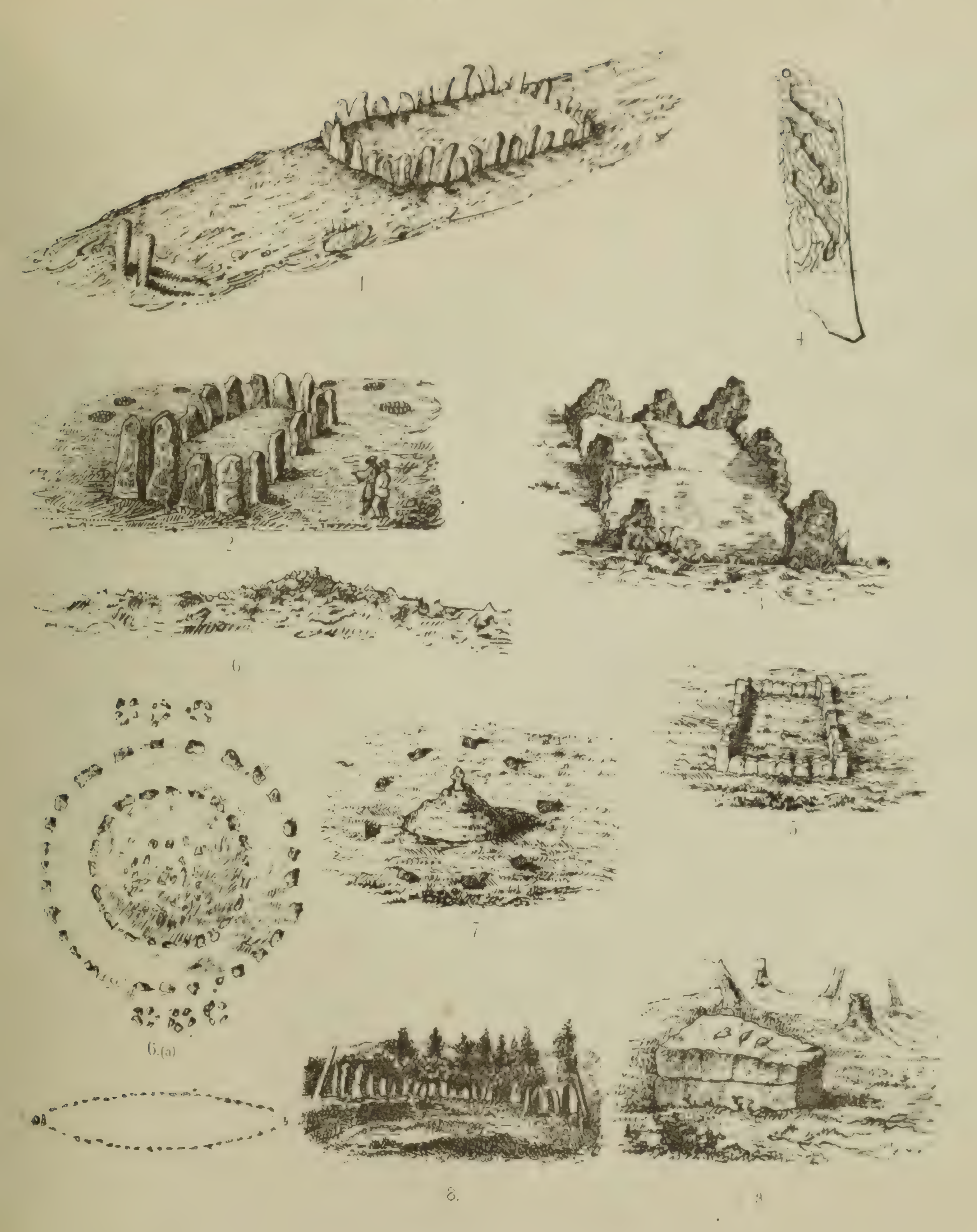
7

...льтопечать В. Я. Рейнгардта

Германія






1
4
2
3
6
5
7
6.(a)
8.
9